
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
его жизнь и царствованіе
Н.К.ШИЛЬДЕРА
ТОМЪ IV.
ИЗДАНІЕ
А.С.СУВОРИНА
3 1761 04752552 2

1777
1825
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ
Н.К.ШИЛЬДЕРА
ТОМЪ IV.
ИЗДАНІЕ
А.С.СУВОРИНА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

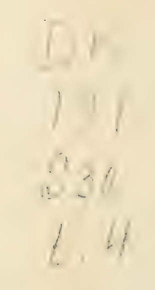
СЪ 450 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

t. 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1898

Рисунки дозволены цензурою 1 апрѣля 1898 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ САМЫЙ день новаго 1816 года появился манифестъ, содержаніе котораго должно было навести друзей Александра на тяжелыя размышленія; въ немъ ясно выразились политическія воззрѣнія, при которыхъ началось послѣднее десятилѣтіе царствованія Благословеннаго. Манифестъ изъявлялъ высокомонаршую признательность воинству и народу за оказанные въ продолженіе войны съ французами подвиги, но къ этому примѣшано было длинное, витіеватое сочиненіе съ весьма своеобразною оцѣнкою событій, совершившихся со времени французской революціи по 1816 годъ. Въ особенности поражаетъ рѣзкость выраженій относительно Франціи. Парижъ, по словамъ манифеста, является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной. Наполеонъ названъ простолюдиномъ, чужеземнымъ хищникомъ, преступникомъ, присвоившимъ себѣ «Богу токмо единому свойственное право единовластнаго надъ всѣми владычества» и возмечтавшимъ «на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, стать

въ видѣ Божества на гробѣ вселенной». Затѣмъ манифестъ продолжаетъ: «Судъ человѣческій не могъ толикому преступнику наречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанетъ онъ на страшномъ судѣ, всемірною кровью обліянный, передъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе».— Въ заключеніе, по поводу водворенія всеобщаго мира и подвиговъ, совершенныхъ россіянами, было сказано: «самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна передъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся»[1].

Манифестъ этотъ произвелъ во Франціи крайне тягостное впечатлѣніе и вызвалъ среди народа полное разочарованіе въ монархѣ, котораго онъ привыкъ считать самымъ великодушнымъ изъ своихъ враговъ. Лагарпъ сильно огорчился этимъ событіемъ и написалъ Александру письмо, въ которомъ признавался, что бываютъ минуты, когда онъ не сомнѣвается болѣе въ томъ, что существуетъ заговоръ противъ славы, пріобрѣтенной государемъ въ 1814 году[2].

Послѣ потрясеній, продолжавшихся двадцать пять лѣтъ, въ политической жизни европейскихъ государствъ наступило полное затишье. Европа дѣйствительно нуждалась прежде всего въ отдыхѣ и покоѣ, и на первый разъ самое спокойствіе представляло собою какъ бы улучшеніе сравнительно съ прежнимъ тревожнымъ состояніемъ. Съ этого времени акты Вѣнскаго конгреса явились охранительными граматами европейскаго если не благополучія, то, по крайней мѣрѣ, спокойствія, въ которомъ чувствовалась всеобщая потребность. Происходили частные взрывы, но европейская война была надолго отклонена, и миръ не былъ нарушенъ.

Императоръ Александръ, благодаря мужеству и настойчивости, высказаннымъ имъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, сдѣлался основателемъ того порядка вещей, которому на многіе годы подчинилась Европа. Весьма естественно, что у него явилось стремленіе оберегать и поддерживать постановленія, которымъ онъ даровалъ законную и обязательную силу, хотя бы нерѣдко они не совпадали съ государственными интересами Россіи; ему могло казаться, что онъ не останется вѣренъ себѣ, даже не сохранитъ послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, если откажется отъ созданной цѣною тяжкихъ трудовъ политической системы. У каждаго

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

Съ литографіи, сдѣланной съ портрета, находящагося въ «Военной галереѣ» Зимняго дворца.

человѣка проявляется желаніе охранять дѣло рукъ своихъ, и поэтому Александръ упорно отстаивалъ незыблемость постановленій Вѣнскаго конгреса со всѣми присущими имъ несовершенствами. Но, къ несчастію, къ этому естественному стремленію примѣшались туманныя идеи Священнаго союза: вредное вліяніе этихъ идей обнаружилось лишь по-

степенно. Религія не сразу явилась орудіемъ реакціи; точно такъ же упорное противодѣйствіе законнымъ народнымъ стремленіямъ къ достиженію гражданскаго преуспѣянія обратилось въ систему только благодаря содѣйствію благопріятныхъ для реакціонныхъ теченій обстоятельствъ.

Меттернихъ не мало смутился, когда Александръ даровалъ въ 1815 году Польшѣ законносвободныя учрежденія и подалъ надежду распространить ихъ и далѣе, если Промыслъ благословитъ благое начинаніе его. Но для того, чтобы проводить подобные взгляды не въ одной только Россіи, но и въ Европѣ, требовался человѣкъ съ твердою волею, одаренный непоколебимымъ духомъ; между тѣмъ, дѣйствительная обстановка того времени представляла обратное явленіе. Весь запасъ твердой воли Александра оказался потраченнымъ на борьбу его съ Наполеономъ, потребовавшую высшаго напряженія всѣхъ его духовныхъ и физическихъ силъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у государя проявились крайняя усталость и душевное утомленіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что наслѣдственные инстинкты, умѣрявшіеся доселѣ подъ вліяніемъ полученнаго воспитанія, окрѣпли подъ напоромъ жизни и обстоятельствъ; они одержали верхъ надъ привитыми взглядами и убѣжденіями. Меттернихъ мастерски воспользовался обстановкою, вызванною къ жизни событіями послѣднихъ лѣтъ, и съ присущимъ ему дипломатическимъ искусствомъ поставилъ дѣло такъ, что европейская реакція, въ дѣйствительности руководимая и направляемая Австріею, являлась какъ бы твореніемъ Александра. Незамѣтнымъ для Агамемнона царей образомъ лавровый вѣнецъ его обратился въ терновый, освободительница же Европы, Россія, лишилась славы, пріобрѣтенной цѣною столькихъ жертвъ, и послужила для европейскихъ правительствъ средствомъ для отвода отъ нихъ народной ненависти.

Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ лѣтъ; онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго порядка. При такомъ настроеніи явилась невольная склонность и даже потребность передать бремя заботъ по внутреннему управленію имперіи въ жесткія руки вѣрнаго друга, довѣріе къ которому было всегда неограниченно. Настало время, когда Карамзинъ имѣлъ полное основаніе писать: «Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа— графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми». Къ этому же заключенію пришелъ и графъ Ростопчинъ, сказавъ: «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ».

Впрочемъ, Аракчеевъ самъ сознавался, что онъ имѣетъ на шеѣ дѣла всего государства.

Дѣйствительно, всѣ дѣла государственнаго управленія, не исключая даже духовныхъ, разсматривались и приготовлялись къ докладу въ кабинетѣ Аракчеева. Поэтому можно утвердительно сказать, что въ это время онъ сдѣлался первымъ или, лучше сказать, единственнымъ министромъ; всѣ прочіе сановники имперіи утратили силу и вліяніе на дѣла государственныя. Императоръ Александръ, постепенно все болѣе

Николай Мартыновичъ Сипягинъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Росси.

уединяясь, наконецъ сталъ принимать съ докладами только одного графа Аракчеева, черезъ котораго восходили къ государю не только представленія всѣхъ министровъ, но даже, лишавшіяся вслѣдствіе того всякаго значенія, мнѣнія Государственнаго Совѣта. Современники этой эпохи говорятъ, что самые незлобивые люди теряли терпѣніе, будучи принуждены имѣть дѣло съ кичливымъ временщикомъ, заставлявшимъ ихъ съ сожалѣніемъ вспоминать о ласковомъ обращеніи государя. Теперь водворились новые порядки, и осталось одно воспоминаніе о тѣхъ

временахъ, когда, даже еще въ 1811 году, Александръ писалъ Лагарпу: «Здѣсь мы идемъ медленно, но всегда приближаясь болѣе и болѣе къ либеральнымъ идеямъ»[3]. Съ четырехъ часовъ ночи начинали съѣзжаться къ графу Аракчееву министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ, на докладъ графу о прибытіи кого либо изъ нихъ, не получалъ никакого отвѣта, что значило подождать. Нерѣдко случалось, что и второму докладу служило отвѣтомъ молчаніе графа, повидимому, погруженнаго въ занятія за письменнымъ столомъ своимъ. Наконецъ, въ кабинетѣ раздавался звукъ колокольчика, и графъ, обратясь къ вошедшему къ нему адъютанту, надменно произносилъ: «позвать такого-то!» — Сама аудіенція была достойна всѣхъ предварительныхъ мытарствъ, испытанныхъ докладчиками, и чѣмъ кто болѣе оказалъ государству заслугъ и пользовался милостью государя, тотъ тѣмъ болѣе подвергался грубостямъ высокомѣрнаго временщика.

Князь Волконскій называлъ графа Аракчеева не иначе какъ «проклятый змѣй», «злодѣй» и выражалъ убѣжденіе, что извергъ сей губитъ Россію, погубитъ и государя. Въ своей перепискѣ онъ говоритъ: «Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя, коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ нѣтъ возможности по непонятному ослѣпленію его къ нему»[4]. Генералъ-адъютантъ Закревскій выражался о «змѣѣ» не менѣе краснорѣчиво и признавалъ его «вреднѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи», сожалѣя, что «сіе перемѣнить можетъ одна его могила»[5]. А. П. Ермоловъ, П. Д. Киселевъ не отставали отъ другихъ въ полномъ осужденіи государственной дѣятельности ненавистнаго всѣмъ, грубаго и злого временщика, но всѣ единодушно признавали себя безсильными вступить съ нимъ въ борьбу и поколебать его значеніе.

Карамзину пришлось вскорѣ испытать всю справедливость сдѣланнаго имъ отзыва о томъ, что въ Россіи теперь только одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ.

Въ февралѣ 1816 года Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія императору первыхъ восьми томовъ «Исторіи Государства Россійскаго». Тщетно исторіографъ ожидалъ счастія быть принятымъ Александромъ; императрицы, великіе князья и великія княгини осыпали его любезностями, восхищались чтеніемъ отрывковъ изъ его многолѣтняго труда, но вопросъ объ аудіенціи не подвигался впередъ. Карамзинъ все только слышалъ, что государь благорасположенъ принять его[6]. Наконецъ исторіографу передали, что графъ Аракчеевъ желаетъ его видѣть и сказалъ: «Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!»[7]. При такомъ положеніи дѣлъ Карамзину оставался одинъ исходъ: пройти по тернистому пути, по которому въ томъ же году предстояло также

шествовать Сперанскому. Чтобы попасть въ рай, нельзя было избѣжать чистилища, гдѣ засѣдалъ суровый игуменъ Грузинскаго монастыря. Такъ было угодно государю. Карамзинъ, надѣвъ мундиръ, скрѣпя сердце, отвезъ карточку къ графу Аракчееву: «На третій день полученъ отъ него зовъ», писалъ Карамзинъ женѣ, «пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣкоторою искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства и, на вызовъ его замолвить за меня слово государю, отвѣчалъ: «не прошу ваше сіятельство, но если вамъ угодно, и если будетъ кстати», и проч. Онъ сказалъ: «Государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь».—Вообще, я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: «учителемъ моимъ былъ дьячокъ: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно»... Графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ государемъ; даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно?»[8].

Вынужденное посѣщеніе сопровождалось для Карамзина благодѣтельными послѣдствіями, всемогущество же графа Аракчеева подтвердилось блистательнымъ образомъ. 15-го (27-го) марта, въ 5 часовъ вечера, императоръ Александръ принялъ исторіографа. «Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты», пишетъ Карамзинъ, «встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай что хочешь: не вообразишь всей его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ ему прочесть его дедикацію: два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: тѣмъ лучше! ибо онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои требованія: все принято, дано какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь, въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч.»[9].

Черезъ нѣсколько дней государь пожаловалъ еще Карамзину, сверхъ чина статскаго совѣтника, Анненскую ленту, чему не было прежде примѣровъ. Въ маѣ 1816 года исторіографъ водворился въ Царскомъ Селѣ, и вскорѣ началось печатаніе его безсмертнаго труда[10].

Отказавшись отъ прежней преобразовательной дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ дѣламъ, перешедшимъ въ руки графа Аракчеева, государь продолжалъ лишь, по заведенному порядку, заниматься внѣшними дѣлами. «Я не хотѣлъ дать вамъ преемника и самъ поступилъ на ваше мѣсто», сказалъ Александръ графу Румянцеву при

его увольненіи и до кончины своей не отступилъ отъ принятаго на себя труда. По заключеніи второго Парижскаго мира графу Каподистріа назначено было прибыть въ Петербургъ. Здѣсь императоръ повелѣлъ ему впредь входить къ нему съ докладами два раза въ недѣлю, совмѣстно съ графомъ Нессельроде; послѣднему, сверхъ того, поручено было управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и присутствованіе въ иностранной коллегіи. Графу Каподистріа ввѣренъ былъ также докладъ по дѣламъ Бессарабской области. Баронъ Строгоновъ долженъ былъ замѣнить въ Константинополѣ Италинскаго, переведеннаго въ Римъ.

Графъ Каподистріа воспользовался назначеніемъ барона Строгонова, чтобы высказать государю свои замѣчанія на Букарестскій трактатъ и полную невозможность найти въ этомъ договорѣ полезное и прочное основаніе для мирныхъ сношеній съ Оттоманскою Портою, которыя желали установить при отправленіи новаго посла въ Константинополь. Въ виду дружественныхъ отношеній Турціи къ Наполеону, продолжавшихся и послѣ заключенія мира съ Россіею, Каподистріа признавалъ полезнымъ замѣнить Букарестскій трактатъ новымъ договоромъ, которымъ были бы ограждены права Придунайскихъ княжествъ и Сербіи, подкрѣпивъ эти требованія военною демонстраціею на Черномъ морѣ и на турецкой границѣ.

Императоръ Александръ выслушалъ доводы графа Каподистріа съ полнымъ вниманіемъ и затѣмъ сказалъ: «Все это очень хорошо обдумано, но для того, чтобы исполнить это, надобно воевать, а я этого не хочу. Довольно было войнъ на Дунаѣ, онѣ деморализируютъ арміи. Вы сами были тому свидѣтелемъ. Впрочемъ, миръ въ Европѣ еще не обезпеченъ, и революціонеры ничего лучшаго не желаютъ, какъ втравить меня въ борьбу съ Турціею. Букарестскій договоръ, хорошъ онъ или дуренъ, долженъ быть сохраненъ. Слѣдуетъ примириться съ нимъ и стараться извлечь изъ него всю возможную пользу, чтобы помочь нѣсколько княжествамъ и сербамъ, а особенно, чтобы турки не безпокоили насъ своими притязаніями относительно азіятскаго прибрежья. Въ этомъ смыслѣ поручаю вамъ работать при отправленіи барона Строгонова[11].

Всѣ возраженія, которыя Каподистріа осмѣлился представить, оспаривая взглядъ, проводимый въ восточной политикѣ государемъ, не достигли цѣли. Александръ остался непреклоннымъ (inébranlable). Каподистріа, какъ онъ самъ признается, удалился съ стѣсненнымъ сердцемъ; онъ видѣлъ, что государь хотѣлъ упрочить миръ съ турками на основаніи Букарестскаго договора, и что онъ особенно хотѣлъ убѣдить въ томъ европейскія державы. Между тѣмъ, опытный дипломатъ былъ увѣренъ, что переговоры, которые предстояло вести барону Строгонову, приведутъ въ концѣ концовъ къ совершенно противному результату.

Видъ села Грузина въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ акварельнаго рисунка съ натуры П. Неѣлова, 1812 г. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Дѣйствительно, съ одной стороны приходилось требовать вознагражденія и удовлетворенія за нарушеніе и неточное исполненіе статей договора, касавшихся княжествъ и Сербіи, а съ другой,—найти средства отклонить домогательства Порты о возвращеніи ей крѣпостей кавказскаго прибрежія. Поэтому было очевидно, что пренія, которыя должны были возникнуть вслѣдствіе посольства Строгонова, вызовутъ со стороны турокъ и европейскихъ державъ подозрѣніе, что Россія скрываетъ свои истинныя намѣренія и что она, нисколько не желая устранить препятствій къ упроченію мирныхъ сношеній съ Портою, старается лишь вызвать неудовольствія, которыя современемъ оправдали бы новую войну.

И такъ, Строгонову дана была инструкція, разработанная согласно намѣреніямъ, высказаннымъ императоромъ: эти начала опредѣлили собою русскую восточную политику до 1825 года. Слова Александра: «Il faudrait tirer le canon et je ne le veux pas» остались въ полной силѣ даже во время греческаго возстанія и не могли быть поколеблены безпримѣрными неистовствами, совершенными впослѣдствіи турками.

Возвращеніе государя въ Петербургъ сопровождалось, начиная съ 1816 года, многими важными перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго управленія имперіи[12]. 12-го (24-го) мая 1816 года, на мѣсто уволеннаго генерала Ртищева, командиромъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса былъ назначенъ генералъ Ермоловъ, и, подобно, какъ его предмѣстнику, ему повелѣно было управлять гражданскою частію, какъ въ Грузіи, такъ и въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской; вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. Послѣ кончины свѣтлѣйшаго князя Н. И. Салтыкова, послѣдовавшей 16-го (28-го) мая 1816 года, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ назначенъ былъ свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ. 10-го (22-го) августа 1816 года министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, былъ уволенъ по прошенію отъ службы,и повелѣно было, до опредѣленія министра просвѣщенія, исправлять должность его главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода князю А. Н. Голицыну. Съ этого времени фактически духовныя дѣла и народное образованіе были ввѣрены управленію одного лица. Окончательное, такъ сказать, юридическое ихъ сліяніе не замедлило совершиться въ слѣдующемъ 1817 году, 24-го октября (5-го ноября).

Въ послѣдовавшемъ тогда манифестѣ возвѣщалось о соединеніи дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія, подъ названіемъ Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Вновь образованное министерство было ввѣрено князю А. Н. Голицыну, который, по свидѣтельству современника, «влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ».

Дѣла всѣхъ вѣроисповѣданій вошли въ составъ новаго министерства, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Въ основу новаго учрежденія была положена мысль, что между наукою о Богѣ и прочими должна существовать тѣсная связь, и слѣдовательно согласіе въ преподаваніи всѣхъ предметовъ вѣры и вѣдѣнія. Къ этому мистическому министерству были присоединены и дѣла Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, какъ сказано въ манифестѣ, «чтобы министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находился по дѣламъ симъ въ такомъ точно къ Синоду отношеніи, въ каковомъ состоитъ министръ юстиціи къ Правительствующему Сенату, кромѣ однако же дѣлъ судныхъ». Поэтому преобразованіе 24-го октября сопровождалось назначеніемъ новаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, князя П. С. Мещерскаго.

Вновь образованное министерство состояло изъ двухъ департаментовъ: духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія[13]. Изъ нихъ департаментъ духовныхъ дѣлъ раздѣлялся на четыре отдѣленія: 1) по дѣламъ греко-россійскаго исповѣданія; 2) по дѣламъ римско-католическаго, греко-уніатскаго и армянскаго вѣроисповѣданій; 3) по дѣламъ всѣхъ протестантскихъ исповѣданій; 4) по дѣламъ еврейской, магометанской и прочихъ вѣръ нехристіанскихъ.

Такимъ образомъ, въ административномъ порядкѣ проведенъ былъ принципъ самой широкой вѣротерпимости и полной равноправности всѣхъ исповѣданій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось и неудобство: въ новомъ министерствѣ господствующая вѣра была сравнена не только съ другими христіанскими исповѣданіями, но даже съ нехристіанскими; этотъ смѣлый шагъ долженъ былъ неизбѣжно возбудить негодованіе и ропотъ среди православнаго духовенства и сдѣлать существованіе министерства недолговѣчнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ такомъ видѣ министерство князя Голицына просуществовало до 1824 года.

Новое административное преобразованіе отразилось еще болѣе неблагопріятнымъ образомъ на народномъ просвѣщеніи. Не безъ основанія Карамзинъ, не сочувствуя вообще мистической вздорологіи, назвалъ министерство князя Голицына министерствомъ затмѣнія; чуткій умъ его предвидѣлъ послѣдствія, которыми должно было отозваться въ Россіи учрежденіе новаго министерства: «Соединеніе двухъ министерствъ», писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву 18-го (30-го) января 1817 года, «послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія. Клингеръ уволенъ: мнѣ сказывали, что онъ считается вольномыслящимъ. Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ». О себѣ лично Карамзинъ писалъ въ томъ же году: «Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ».

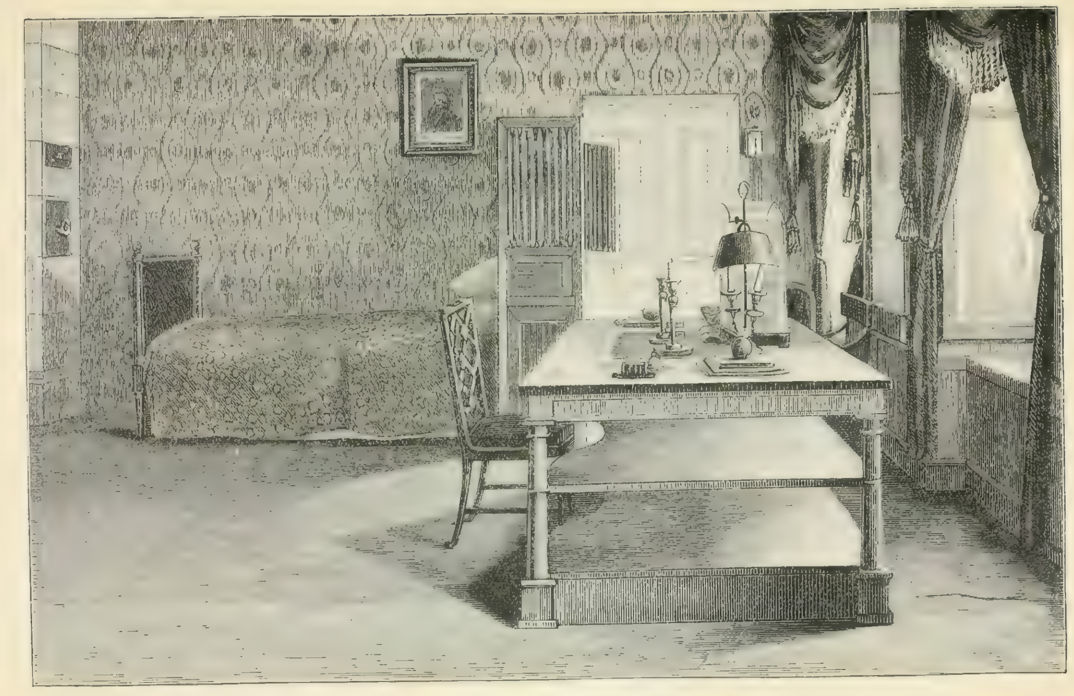
Значеніе, пріобрѣтенное княземъ Голицынымъ въ эту эпоху царствованія императора Александра въ сферѣ духовно-мистическихъ вопросовъ, усиливалось еще тѣмъ, что дѣятельность его на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія была тѣсно связана съ развитіемъ учрежденнаго въ 1812 году въ Петербургѣ Библейскаго Общества. Съ 1814 года оно расширилось и стало называться Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ; президентомъ его былъ назначенъ князь Голицынъ. Къ 1824 году Общество имѣло уже въ Россіи 89 отдѣленій и успѣло распространить въ имперіи 448.109 книгъ Священнаго Писанія[14].

Хотя «мистическая вздорологія» и господствовала въ руководящихъ сферахъ министерства народнаго просвѣщенія и пріобрѣтала сторонниковъ среди русскаго общества, но тѣмъ не менѣе новое направленіе не пользовалось сочувствіемъ многихъ его представителей. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который съ неподражаемымъ юморомъ бичевалъ эти увлеченія и выражалъ въ своей перепискѣ опасенія, чтобы «не вышло у насъ, такъ сказать, moyen âge»[15].

Мистицизмъ проникъ даже въ стѣны учебныхъ заведеній и охватилъ собою незрѣлыя головы учащейся молодежи. Что же касается лицъ, которымъ ввѣрено было воспитаніе юношества, то, слѣдуя господствующему теченію, они относились къ болѣзненнымъ фантазіямъ своихъ питомцевъ какъ къ чему-то сверхъестественному.

Приведемъ здѣсь любопытный случай, сохранившійся въ перепискѣ цесаревича Константина Павловича, который, какъ уже выше упомянуто, не сочувствовалъ мистическимъ увлеченіямъ и отзывался о нихъ неодобрительно, съ рѣзкостью, свойственною его трезвому взгляду на вещи.

10-го (22-го) декабря 1816 года цесаревичъ писалъ генералъ-адъютанту Сипягину: «До васъ дошли, можетъ быть, слухи, что 2-го кадетскаго корпуса кадету Волотскому, мальчику лѣтъ пятнадцати, каждую ночь является видѣніе, въ бѣлой монашеской мантіи, въ клобукѣ и съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ, и уговариваетъ его, чтобы онъ непремѣнно шелъ въ монахи, почему сей Волотскій со слезами просилъ корпуснаго іеромонаха какими-нибудь средствами избавить его отъ сего видѣнія. Іеромонахъ, по простотѣ своей и особенно еще услышавъ отъ него, что и прежде еще, дома, являлась ему ночью какая-то женщина, которая уговаривала его, чтобы онъ шелъ въ монахи, и потому суевѣрные его родители возили его тогда къ Ѳеодосію Тотьминскому, гдѣ умывали его святою водою и давали ему въ водѣ пить какой-то песокъ,—въ подражаніе чего и корпусный іеромонахъ поилъ его святою водою, водилъ его въ алтарѣ кругомъ престола, читалъ надъ нимъ молитвы, но когда ничего не помогло, тогда уже онъ доложилъ началь-

Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императоръ Александръ I.

Съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Н. Полевого «Художественная Россія».

ствующему въ корпусѣ генералъ-маіору Маркевичу. Но, между тѣмъ, министръ духовныхъ дѣлъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ требовалъ уже по сему дѣлу къ себѣ іеромонаха. Я въ отвѣтъ на увѣдомленіе о семъ происшествіи генералъ-маіора Маркевича предписываю ему: 1) что іеромонаху не слѣдовало приступать къ оному, не доложась ему, и если бы за кадетами былъ надлежащій, какой слѣдуетъ, присмотръ и наблюденіе, что они никогда не могутъ отлучаться безъ позволенія, то тогда и не было бы возможности іеромонаху приступить прежде, нежели дошло бы сіе по начальству до его свѣдѣнія; 2) находя, что симъ іеромонахъ не соблюлъ своей обязанности, приступивъ къ дѣлу, не доложивъ корпусному начальству, а притомъ, что таковаго простого ума священнослужителя, каковъ оказался симъ поступкомъ оный іеромонахъ, неприлично имѣть при кадетахъ въ корпусѣ, котораго настоящая обязанность была бы стараться своими убѣжденіями отклонить суевѣрныя, вкоренившіяся въ младенчествѣ заблужденія въ кадетѣ Волотскомъ, а не вкоренять болѣе оныя въ мысляхъ молодого человѣка чтаніемъ надъ нимъ молитвъ и прочаго, представить о перемѣщеніи іеромонаха въ другое мѣсто и о назначеніи на мѣсто его другого; кадета же отдать на руки лѣкарямъ, ибо полагаю, что въ немъ дѣйствуетъ воображеніе отъ болѣзни; насчетъ же того, что почтенный нашъ князь Александръ Николаевичъ вмѣшивается во всѣ дѣла, даже и въ видѣнія, я вамъ скажу, что я видѣній никогда никакихъ не видывалъ; а ежели увижу князя Александра Николаевича хотя и въ видѣ видѣнія, то вѣрно увижу его и тогда съ одной и той же стороны, съ которой я, какъ вамъ извѣстно, всегда его вижу».

Сипягинъ, какъ уже выше упомянуто, вполнѣ раздѣлявшій образъ мыслей цесаревича, отвѣчалъ: «О сверхъестественномъ видѣніи кадета Волотскаго я слышалъ. Исцѣлить его отъ этого, по мнѣнію моему, вѣрнѣйшаго средства нѣтъ, какъ весьма обыкновеннымъ видѣніемъ ротнаго командира съ розгами, который, еслибъ на глаза его предсталъ съ грозной лозой въ рукахъ, то, конечно, прогналъ бы монаха съ клобукомъ и крестомъ навсегда, ибо розги не деньги, а монахи, какъ мы грѣшные, не слишкомъ до нихъ лакомы. Что же касается до сужденія вашего императорскаго высочества о іеромонахѣ корпуса, то оное нельзя не найти весьма справедливымъ, и должно согласиться всякому, кто добра воспитанникамъ корпуса желаетъ, что ему оставаться при корпусѣ нельзя. Относительно же до князя Александра Николаевича я судить о немъ не дерзаю: Библія, Библейское общество, святость, просвѣщеніе преграждаютъ мнѣ уста мои и совершенно ослѣпляютъ; желалъ бы не имѣть даже и ушей, чтобы ничего не слышать»[16].

Мнѣнія, высказанныя Сипягинымъ по поводу этихъ происшествій, вызвали полное сочувствіе со стороны цесаревича, который вполнѣ одо-

брилъ предложенное его корреспондентомъ цѣлебное средство, но замѣтилъ, что высшія власти иначе смотрятъ на это дѣло. Поступки іеромонаха одобрены», пишетъ великій князь[17]. Въ слѣдующемъ 1817 году онъ былъ переведенъ въ первый кадетскій корпусъ и награжденъ на-

Императоръ Александръ I.

Съ портрета, рисованнаго Кипренскимъ въ 1825 году къ двадцатипятилѣтію его царствованія.

перснымъ крестомъ; во второмъ же корпусѣ законоучителемъ назначенъ былъ столь извѣстный впослѣдствіи Фотій.

Не сочувствуя мистическому направленію, которому правительство стало открыто покровительствовать послѣ 1815 года, и подвергая его рѣзкому осужденію, цесаревичъ относился также не менѣе критически и къ петербургскимъ фронтовымъ увлеченіямъ, которыми увѣнчались многолѣтнія войны съ Наполеономъ. Въ особенности великаго князя сму-

щали затѣянныя въ Петербургѣ усовершенствованія воинскаго устава. «Бога ради избавьте подольше меня отъ вашего комитета сочиненія воинскаго устава», писалъ цесаревичъ Н. М. Сипягину. «Я отъ двухъ вещей бѣжалъ сюда изъ Петербурга за полторы тысячи верстъ: 1) въ Мраморномъ дворцѣ пріемнаго зала и знаменной комнаты, и 2) вашего комитета: боюсь поклоновъ и шарканій и сочиненія устава такъ, что если мнѣ сюда о немъ будете писать, то я дальше еще за полторы тысячи верстъ убѣгу»[18]. «На приказъ, отданный у васъ въ корпусъ 30-го января, что государь императоръ изволилъ замѣтить, что гвардейскіе полки наряжають для караула 1-го отдѣленія изъ другихъ баталіоновъ офицеровъ, и подтверждается, что всѣ офицеры должны равно знать службу, скажу вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбираютъ и однихъ и тѣхъ же посылаютъ офицеровъ въ 1-е отдѣленіе на раздѣлку, ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь; такъ поневолѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ, точно какъ на балахъ обыкновенно увидишь прыгаютъ французскій кадриль всегда одни и тѣ же лица—пары четыре или восемь, а другіе не пускаются. Я болѣе двадцати лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрили, что и не найдешься. Brulez cette lettre, elle est trop franche»[19]. «Читая въ запискѣ вашей объ ученьяхъ, сдѣланнымъ ошибкамъ замѣчаніи, основанныя на уставѣ, скажу вамъ, что уже такъ перемудрили у насъ уставъ частыми перемѣнами, что не только затвердить оный не могутъ молодые офицеры, но и старые сдѣлаются рекрутами, и я признательно скажу вамъ, что я самъ даже по себѣ это вижу»[20].

Не меньшимъ насмѣшкамъ подверглось со стороны цесаревича учрежденіе при гвардіи учебнаго баталіона изъ людей собранныхъ со всѣхъ полковъ, и о которомъ Н. М. Сипягинъ писалъ: «Комитету, высочайше учрежденному для составленія военнаго устава, поручено уровнять какъ стойку тѣхъ людей, такъ равно шагъ, ружейные пріемы, и ихъ одежду. По исполненіи чего и представленіи баталіона его императорскому величеству нижніе чины распускаются по своимъ полкамъ и будутъ уже имъ служить образцами во всѣхъ вышеупомянутыхъ отношеніяхъ»[21].

Отвѣчая Сипягину по поводу этого новаго учрежденія, цесаревичъ писалъ: «Дивлюсь не надивлюсь, что за новый учебный баталіонъ у васъ; по моему, кажется, изъ рукъ вонъ мелочь; хорошо сдѣлать учебный баталіонъ для такихъ полковъ, которые въ отдаленности и собрать съ оныхъ людей для показанія единообразія, но изъ такихъ войскъ, которыя подъ носомъ и всегда на глазахъ, — это удивительно; развѣ въ гвардейскихъ полкахъ не умѣютъ уже учить? — а мнѣ кажется, въ оныхъ лучше новаго учебнаго баталіона выучутъ: да я такихъ теперь

Село Остафьево, 10 Июня 1814.

Здравствуйте, любезный и почтенный Дмитрій Павловичъ! Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я былъ у васъ, но не засталъ васъ дома. Вы обязали меня отправленіемъ моихъ пакетовъ въ Петербургъ, слѣдуя вашей старой привычкѣ обязывать меня во всякомъ случаѣ. Вы также одолжите вашего покорнѣйшаго слугу, если прикажете объявленія о деньгахъ, получаемыхъ въ Почтамтѣ на мое имя, доставлять хозяину моему, Семену Аникеевичу Селивановскому.

Будьте здоровы, спокойны и вѣрьте моей искренней къ вамъ привязанности. Навсегда преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Милостивому Государю Ивану Александровичу мое усерднѣйшее почтеніе.

ПИСЬМО Н. М. КАРАМЗИНА КЪ Д. П. РУНИЧУ.

мыслей о гвардіи, что ее столько учать и даже за десять дней приготовляютъ приказами, какъ проходить колоннами, что вели гвардіи стать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать, такъ промаршируютъ; и не мудрено: какъ не научиться всему — есть у васъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй, и Франкони завелся; а намъ здѣсь, сидя въ дырѣ, остается

Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Росси.

только у васъ перенимать и какъ-нибудь чтобы догонять; хотя, правда, случается и у насъ бываетъ иногда съ шумомъ и крикомъ, но, нечего дѣлать, обойтиться нельзя»[22].

Обнаруживая въ обсужденіи всѣхъ этихъ военныхъ вопросовъ столь много здраваго смысла, цесаревичъ одновременно продолжалъ приводить поляковъ въ отчаяніе частыми вспышками своего необузданнаго гнѣва. Благоволеніе, выражаемое государемъ польскимъ войскамъ при каждомъ посѣщеніи имъ Варшавы, нисколько не поправляло дѣла; напротивъ

того, послѣ отъѣзда императора неумолимый цесаревичъ становился еще требовательнѣе. «Дабы не мечтали, что уже дошли до совершенства и оттого не опустились, у насъ страшная пошла строгость», признавался Константинъ Павловичъ въ своей перепискѣ съ Сипягинымъ: «малѣйшая вина виновата, и за малѣйшую ошибку по ефрейторской службѣ арестами отвѣчаютъ».

Наконецъ, цесаревичъ своими выходками довелъ польскихъ офицеровъ даже до цѣлаго ряда самоубійствъ. Это печальное явленіе случилось въ 1816 году и было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Однажды, на разводѣ, цесаревичъ приказалъ двумъ офицерамъ 3-го полка взять ружье и стать въ ряды. Офицеры исполнили это приказаніе и промаршировали два раза вокругъ Саксонской площади; вслѣдъ затѣмъ великій князь приказалъ имъ отдать оружіе и занять свои прежнія мѣста. Тотчасъ послѣ развода общество офицеровъ 3-го полка объявило, что они не могутъ служить съ этими двумя офицерами, считая ихъ разжалованными, такъ какъ подобнаго случая никогда еще не бывало въ арміи. Принявъ это рѣшеніе, офицеры ожидали, что генералы войдутъ объ этомъ случаѣ съ представленіемъ къ великому князю, съ тѣмъ, чтобы побудить его загладить свой необдуманный поступокъ. Но когда этого не случилось, капитанъ Велижекъ (Welizek), адъютантъ генерала Красинскаго, явился въ собраніе генераловъ и сталъ упрекать ихъ въ томъ, что они заботятся только о своихъ собственныхъ выгодахъ, забывая отечество и своихъ подчиненныхъ, что они въ сношеніяхъ съ русскими держатъ себя съ такимъ же малодушіемъ и покорностью, какую они выказали относительно французовъ, и что, будучи лишь капитаномъ, онъ считаетъ однако своимъ долгомъ дѣйствовать такъ, какъ подобало бы дѣйствовать генераламъ, если бы они сознавали долгъ чести. Генералъ Красинскій, возмущенный этими неприличными выраженіями, арестовалъ капитана домашнимъ арестомъ. Какъ только это стало извѣстнымъ, офицеры собрались къ своему защитнику и дали другъ другу слово умереть за благо отечества и за своихъ товарищей, если съ ними не перемѣнятъ обращенія.

Въ теченіе трехъ дней лишили себя жизни два брата Трембинскіе, Германъ и Бржезинскій. Примѣру ихъ послѣдовалъ Велижекъ[23].

Эти самоубійства, послѣдовавшія одно за другимъ, чрезвычайно встревожили цесаревича; онъ навелъ точныя справки и тогда узналъ, наконецъ, настоящую причину, которой онъ и не подозрѣвалъ. Желая успокоить встревоженные умы, великій князь поручилъ генералу Тулинскому извиниться въ присутствіи всего полка въ его опрометчивости передъ тѣми двумя офицерами, которые должны были встать подъ ружье. Когда онъ спросилъ ихъ, удовлетворены ли они этимъ, то одинъ изъ нихъ, по фамиліи Шуцкій, отвѣчалъ, что теперь это дѣло общества офи-

Зимній дворецъ въ 1824 году.

Съ рисунка съ натуры Сабата.

церовъ, но уже не его. Это заявленіе побудило генерала обратиться къ обществу офицеровъ, которые были успокоены этимъ и единогласно объявили считать случившійся прискорбный фактъ якобы несовершившимся. Тогда генералъ Тулинскій снова обратился къ Шуцкому съ вопросомъ, удовлетворенъ ли онъ теперь? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, пояснивъ, что общество офицеровъ, разумѣется, должно быть удовлетворено объясненіемъ великаго князя, такъ какъ онъ своимъ заявленіемъ смываетъ оскорбленіе, нанесенное имъ офицерскому званію. «Но для моей чести» прибавилъ онъ,—этого мало, и я прошу удовлетворенія для себя лично». Взволнованный генералъ спросилъ: «Ужъ не хотите ли вы стрѣляться съ великимъ княземъ?» «Да, разумѣется», отвѣтилъ Шуцкій. «Вы арестованы», сказалъ генералъ, «адъютантъ, возьмите его шпагу и отведите на квартиру». «И такъ, и мой часъ насталъ, и я послѣдую за моими честными товарищами, но, къ сожалѣнію, умру, не получивъ удовлетворенія»,—заключилъ разговоръ Шуцкій.

Когда онъ былъ уведенъ, офицеры обступили генерала Тулинскаго, говоря, что, по ихъ мнѣнію, генералъ или не понялъ великаго князя, или зашелъ слишкомъ далеко при исполненіи даннаго ему порученія, задавъ капитану Шуцкому такіе вопросы, которые должны были вызвать съ его стороны подобный отвѣтъ.

Чтобы предотвратить новое самоубійство, къ Шуцкому былъ приставленъ офицеръ; когда же послѣдній, наконецъ, на минуту задремалъ, Шуцкій воспользовался этимъ и, снявъ съ себя галстукъ, повѣсился на немъ. Хрипѣніе его разбудило офицера, призвавшаго помощь, и Шуцкаго сняли съ петли; затѣмъ полковой командиръ перевелъ его на гауптвахту.

Какъ только цесаревичъ узналъ объ этомъ происшествіи, онъ, въ сопровожденіи своего начальника штаба Куруты, поспѣшилъ на гауптвахту, повелѣлъ созвать офицеровъ 3-го полка и обратился къ Шуцкому со словами: «Вы объявили, что желаете стрѣляться со мною. Генералъ Тулинскій арестовалъ васъ и тѣмъ не исполнилъ моего порученія такъ, какъ я того желалъ. Я явился сюда, чтобы исполнить ваше желаніе; смотрите на меня не какъ на брата вашего монарха, не какъ на генерала, какъ на товарища, который очень сожалѣетъ, что оскорбилъ такого хорошаго офицера. Всѣ мои дѣла въ порядкѣ, и генералъ Курута получилъ мои указанія, на случай моей смерти, какъ распорядиться всѣмъ тѣмъ, что я желалъ бы еще устроить». Шуцкій, тронутый снисхожденіемъ великаго князя, сталъ увѣрять его, что теперь онъ болѣе нежели доволенъ, и что милость, оказанная ему, составляетъ для него полное удовлетвореніе. Но когда великій князь продолжалъ настаивать на томъ, чтобы состоялся поединокъ, то противъ этого возстали какъ Шуцкій, такъ равно и корпусъ офицеровъ.

— «Ну. если вы этимъ удовлетворены, то обнимите же меня». сказалъ цесаревичъ, «и докажите этимъ, что вы мнѣ другъ; только обнимитесь по русскому обычаю, поцѣловавшись въ губы», что и было исполнено.

Не довольствуясь этимъ, великій князь на другой день на смотру еще разъ попросилъ у Шуцкаго извиненія и обнялъ его передъ всѣмъ полкомъ. Рыцарскій поступокъ Константина Павловича возстановилъ спокойствіе и пріобрѣлъ ему расположеніе поляковъ, по крайней мѣрѣ, до новаго неосторожнаго порыва съ его стороны.

Вообще цесаревичъ, какъ ревностный служака, слѣдовавшій павловскимъ преданіямъ, оставался по существу неизмѣннымъ сторонникомъ этихъ порядковъ, не смотря на то, что отвергалъ новѣйшія фронтовыя ухищренія, выработанныя въ Петербургѣ. Для характеристики требованій военнаго обученія того времени приведемъ разсказъ цесаревича о двухъ варшавскихъ разводныхъ ученіяхъ въ 1816 году.

«Литовскій баталіонъ далъ разводъ и учился на два баталіона. Ученіе сіе происходило столь совершенно во всѣхъ отношеніяхъ, что удивило всѣхъ зрителей, а захожденіе плечомъ цѣлыми баталіонами, марширование рядами и полуоборотомъ цѣлымъ фронтомъ столь было совершенно, и таковая соблюдалась осанка, что я съ сердечнымъ удовольствіемъ отдалъ имъ въ полной мѣрѣ справедливость въ томъ, что сего превзойтить невозможно: вообразите, какое должно было быть мое удивленіе, что при таковомъ славномъ ученьи, отъ котораго всѣ были въ восторгѣ, возникла въ перемѣнѣ дирекціи сомкнутой колоны ошибка, а именно отъ самого славнаго нашего Василія Кашкина, который поставилъ адъютанта на точкѣ примыканія колоны (по совершеніи перемѣны дирекціи, какъ было прежде), вмѣсто унтеръ-офицера изъ замыкающихъ флангъ, коимъ колона должна идти. Вы можете вообразить, что въ мгновеніе ока «подлежащимъ окрикомъ» сіе было поправлено, а Василію Михайловичу дано замѣтить, что сіе (впрочемъ, одна токмо дистракція) произошло отъ вкоренившагося навыка прежняго правила и также и отъ того, что во время перемѣны онаго онъ былъ въ отпуску или, лучше сказать, внѣ занятія службою; въ цѣломъ ученьи ошибка сія была единственна, и бѣдный Кашкинъ былъ несказанно растревоженъ, такъ что всѣмъ было жалко. Послѣ сего на другой опять день былъ разводъ Финляндскаго баталіона и ученіе на два баталіона, и должно признаться, что не токмо ни въ чемъ не уступилъ Литовскимъ, но совершенно чудо, необычайная тишина, осанка, вѣрность и точность безпримѣрны, маршировка цѣлымъ фронтомъ и рядами удивительна, а въ перемѣнѣ фронта взводы держали ногу и шли паралельно столь славно, что должно уподоблять движущимъ стѣнамъ и вообще должно сказать, что не маршируютъ, но плывутъ и, словомъ, черезчуръ хо-

рошо, и право, славные ребята и истинныя чада россійской лейбъ-гвардіи [24].

Лѣтомъ 1816 года императоръ Александръ осчастливилъ графа Аракчеева своимъ посѣщеніемъ его въ Грузинѣ, желая погостить у «столь много-любезнаго» хозяина, какъ выражался государь въ письмахъ къ своему другу. Для этой цѣли Александръ выѣхалъ изъ Царскаго Села и прибылъ съ княземъ Волконскимъ въ Грузино въ субботу 8-го (20-го) іюля вечеромъ. Аракчеевъ отправился для встрѣчи государя на лѣвый берегъ Волхова, и они вмѣстѣ переправились черезъ рѣку на катерѣ. У перевоза уже стояли крестьяне, съ нетерпѣніемъ желавшіе увидѣть монарха. Вышедши на берегъ, государь привѣтствовалъ собравшійся народъ словами: «здравствуйте, мужички», и съ пристани пошелъ мимо собора въ домъ графа, гдѣ, напившись чаю, легъ опочивать[25]. На слѣдующій день, въ воскресенье, Александръ осматривалъ нижній этажъ графскаго дома, прогуливался въ саду и, переѣхавъ черезъ прудъ, посѣтилъ бесѣдку Мелиссино, которая, какъ отмѣтилъ Аракчеевъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, очень понравилась государю. Затѣмъ въ палаткѣ былъ поданъ завтракъ, послѣ котораго государь возвратился въ домъ къ 10-ти часамъ утра, когда начали благовѣстить къ обѣднѣ. Императоръ былъ потомъ въ соборѣ и обѣдалъ въ два часа; въ садовой аллеѣ во время обѣда играла духовая музыка; послѣ обѣда осмотрѣнъ былъ верхній этажъ дома. Кофе подали въ боскетѣ; въ заключеніе высокій гость ходилъ на бельведеръ, съ котораго сосчиталъ всѣ вновь построенныя деревни. Въ 7 часовъ вечера государь ѣздилъ въ дрожкахъ съ графомъ для осмотра деревень. Въ одной изъ нихъ онъ зашелъ къ крестьянину и подарилъ ему 50 рублей, въ другой былъ у головы, которому приказалъ представить себѣ его сыновей съ женами; въ Грузинѣ у качелей онъ говорилъ съ народомъ.

Въ понедѣльникъ, 10-го (22-го) іюля, Александръ простился съ графомъ и уѣхалъ въ 6 часовъ утра. Дворовымъ было роздано 1,000 рублей, пожалованныхъ государемъ[26]. При этомъ посѣщеніи, подобно тому какъ и послѣ перваго посѣщенія Грузина въ 1810 году, Александръ былъ очарованъ тѣми картинами сельскаго быта и наружнаго благосостоянія и довольства, которыя представились ему у грузинскаго отшельника[27].

Вскорѣ послѣ возвращенія государя изъ Грузина въ Царское Село, въ присутствіи ихъ величествъ, цесаревича Константина Павловича, прибывшаго изъ Варшавы, великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Маріи Павловны, послѣдовало 15-го (27-го) іюля 1816 года торжественное освященіе вновь выстроенной биржи. Затѣмъ къ обѣденному столу въ биржевой залѣ было приглашено знатнѣйшее первой гильдіи купечество.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УСИЛЕНІЮ значенія графа Аракчеева послѣ возвращенія государя изъ заграничнаго похода содѣйствовало одно роковое для Россіи обстоятельство: учрежденіе военныхъ поселеній. Родоначальникомъ мысли объ этомъ учрежденіи не былъ графъ Аракчеевъ: идея эта всецѣло принадлежитъ императору Александру, и первый опытъ примѣненія ея задуманъ былъ еще до войны 1812 года[28].

Мысль эта пришла государю по прочтеніи имъ статьи генерала Сервана: «Sur les forces frontières des états». Онъ приказалъ князю П. М. Волконскому перевести ее на русскій языкъ, оставя противъ текста бѣлыя страницы, на которыхъ государь начерталъ потомъ свои мысли о поселеніи нашей арміи. Идея эта заключала въ себѣ великодушное побужденіе не отрывать солдатъ въ мирное время отъ ихъ семействъ и хозяйства и облегчить вмѣстѣ съ тѣмъ государственный бюджетъ по про-

довольствію войска, возложивъ его на самихъ поселянъ и надѣливъ ихъ достаточнымъ количествомъ земли для удовлетворенія какъ личныхъ продовольственныхъ потребностей строевыхъ солдатъ и ихъ семействъ, такъ и фуражнаго содержанія кавалеріи. Переводъ статьи Сервана назначался для графа Аракчеева, не знавшаго французскаго языка. По окончаніи перевода, статья вмѣстѣ съ начертанными государемъ соображеніями была передана графу Аракчееву. Существуетъ преданіе, по которому грузинскій отшельникъ, по разсмотрѣніи этого предположенія, наотрѣзъ отказался принять на себя исполненіе задуманнаго проекта и просилъ будто бы Александра отказаться отъ его осуществленія. Но затѣмъ, когда графъ Алексѣй Андреевичъ убѣдился въ непреклонной волѣ государя приступить къ устройству военныхъ поселеній, онъ принялъ на себя исполненіе этого труднаго дѣла, усмотрѣвъ конечно въ осуществленіи этой царственной фантазіи вѣрное средство еще болѣе укрѣпить свое собственное положеніе и обезпечить за собою въ будущемъ преобладающее вліяніе на государственныя дѣла.

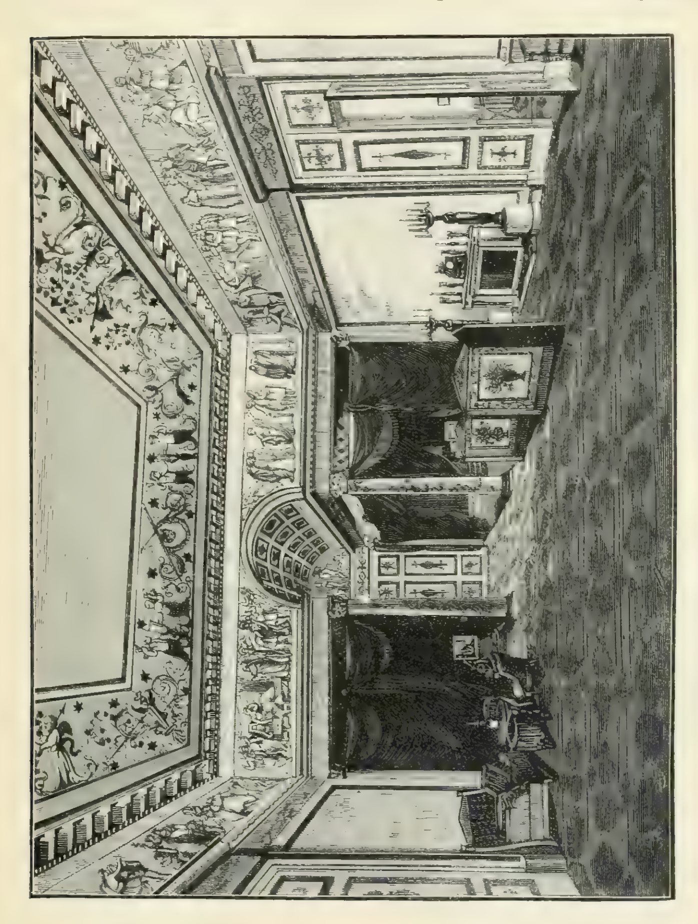
Но какъ бы то ни было, документальнаго доказательства первоначальнаго несочувствія графа Аракчеева къ дѣлу устройства предположенныхъ государемъ военныхъ поселеній намъ не удалось найти. Напротивъ того, письмо императора Александра отъ 28-го іюня (10-го іюля) 1810 года, посланное въ Грузино къ графу Аракчееву, и отвѣтъ послѣдняго на это письмо свидѣтельствуютъ о полномъ между ними единомысліи въ этомъ роковомъ вопросѣ.

Содержаніе письма государя слѣдующее:

«Домашнее несчастіе, со мною случившееся, помѣшало мнѣ съ тобою увидѣться въ послѣднее твое пребываніе въ Петербургѣ. Потеря горячо любимаго ребенка лишила меня дня три всякой возможности заниматься дѣломъ[29]. Возвратясь изъ Царскаго Села, не нашедъ уже тебя въ городѣ, ждалъ твоего пріѣзда. Но, наконецъ, сестра моя причиною, что ты еще остался въ Грузинѣ[30]. Чтобы не терять болѣе времени, я приказалъ Лаврову ѣхать къ тебѣ въ Грузино для личнаго съ тобою переговора. Я ему подробно весь планъ изъяснилъ. Военный министръ извѣщенъ, что сію часть я исключительно поручаю твоему попеченію и начальству. Теперь остается начать. Чертежи твои весьма мнѣ понравились, и, мнѣ кажется, лучше придумать мудрено. Лаврову покажи пожалуй все твое сельское устройство и, какъ скоро будешь свободенъ, пріѣзжай въ Петербургъ[31]. За симъ съ помощію Божіею уже приступимъ къ дѣлу. При семъ прилагаю всѣ бумаги по сему предмету. На вѣкъ пребуду тебѣ искренно привязаннымъ».

На другой день по полученіи этого письма, 29-го іюня (11-го іюля), графъ Аракчеевъ въ преизбыткѣ радости отъ оказаннаго ему царскаго довѣрія отвѣчалъ:

«Я не имѣю столько ни разума, ни словъ, чтобъ изъяснить вамъ, батюшка ваше величество, всей моей благодарности, но Богу извѣстно, сколь много я васъ люблю и на какихъ правилахъ я вамъ преданъ.

Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.
(Съ акварели съ натуры Кольмана старшаго 1815 г. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

одно оное только меня и утѣшаетъ. Доставляйте мнѣ случай доказывать все сіе на опытахъ, тогда вы меня болѣе полюбите.

«Приказаніе ваше застало меня готоваго совсѣмъ ѣхать въ С.-Петербургъ, ибо ея высочество вчерась только въ 4 часа пополудня изволила пріѣхать въ Грузино и сегодня въ 1-мъ часу по полуночи въ

совершенномъ здоровьѣ отправилась далѣе. Сіе самое меня здѣсь и удерживало, но, получа фельдъегеря отъ васъ, батюшка, и увидя, что генералъ Лавровъ долженъ ко мнѣ, кажется, сегодня пріѣхать, я остался здѣсь, дабы, не терявъ времени, показать ему все нужное къ его свѣдѣнію и съ нимъ же вмѣстѣ немедленно возвратиться въ С.-Петербургъ, почему и прошу приказать ему скорѣе ко мнѣ пріѣхать, есть ли паче чаянія онъ еще не выѣхалъ».

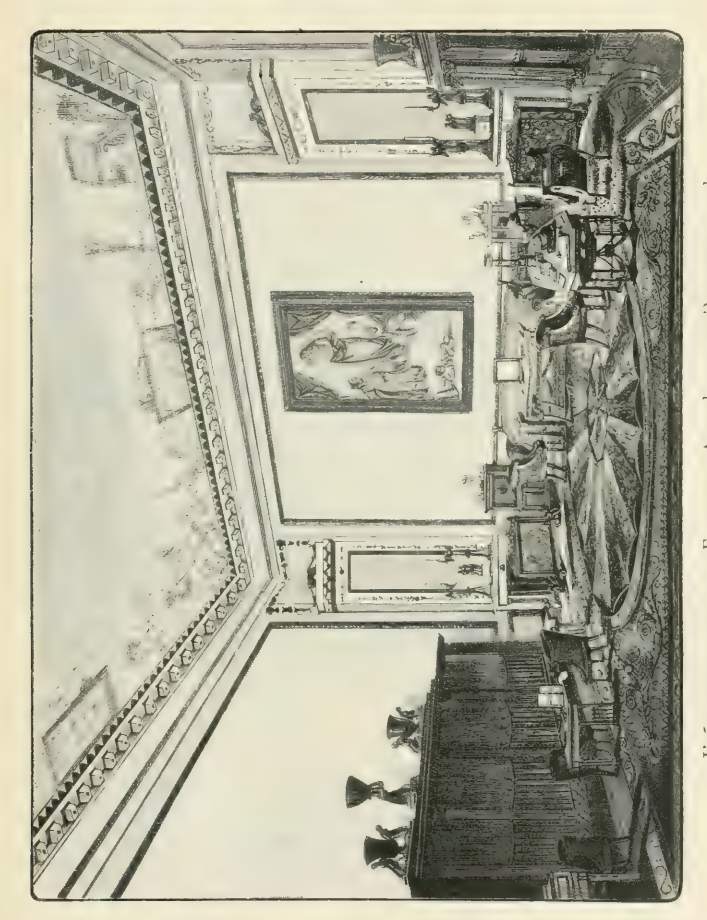
Этотъ дружескій обмѣнъ мыслей привелъ къ указу на имя генерала Лаврова, отъ 9-го (21-го) ноября 1810 года, по которому приступлено было къ поселенію запаснаго баталіона Елецкаго мушкетерскаго полка въ Могилевской губерніи, Климовичскаго уѣзда, въ Бабылецкомъ старостве, жителей коего велѣно было переселить въ Новороссійскій край. Въ началѣ 1812 года графъ Аракчеевъ писалъ государю: «Батюшка, ваше величество, изволите увидѣть изъ письма Лаврова, что дѣла его идутъ хорошо».

Вскорѣ вторженіе Наполеона въ Россію временно пріостановило дальнѣйшее развитіе придуманнаго новаго способа облагодѣтельствованія русскаго народа: войны, продолжавшіяся затѣмъ четыре года, нисколько не поколебали, но, напротивъ того, еще болѣе утвердили мысли императора Александра относительно необходимости для Россіи военныхъ поселеній.

Послѣ водворенія всеобщаго мира государь не замедлилъ приступить къ осуществленію задуманныхъ имъ военныхъ поселеній, но уже въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, признавая въ этомъ одно изъ великихъ дѣлъ своего царствованія; конечною цѣлью, къ которой должно было привести новое учрежденіе, по мысли государя, было благо народа. Тщетно насильно облагодѣтельствованные крестьяне сочиняли впослѣдствіи просьбы царю «о защитѣ хрещенаго народа отъ Аракчеева», тщетно нѣкоторыя приближенныя лица осмѣливались возражать противъ учрежденія поселеній. Александръ оставался неумолимъ и сказалъ, что «они будутъ во что бы ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова». Въ другомъ случаѣ, по поводу насажденія въ Россіи военныхъ поселеній, Александръ, по свидѣтельству одного современника-дипломата, сказалъ: «я уже справлялся съ несравненно болѣе трудными дѣлами и желаю, чтобы мнѣ повиновались въ этомъ (j'ai déjà maté des choses bien plus difficiles et je veux être obéi dans celle-ci)» [32].

5-го (17-го) августа 1815 года послѣдовалъ на имя новгородскаго гражданскаго губернатора Муравьева указъ, коимъ повелѣно было, по тѣсному помѣщенію войскъ въ Петербургѣ, расположить 2-й баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка Новгородскаго уѣзда въ Высоцкой волости, на рѣкѣ Волховѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было

изъять Высоцкую волость изъ зависимости земской полиціи и передать ее въ вѣдѣніе баталіоннаго командира. Въ этомъ указѣ не объяснена была настоящая цѣль правительства, и таинственность этихъ первоначальныхъ мѣропріятій подала первый поводъ къ различнымъ толкамъ и

Кабинетъ императрицы Елисаветы Алексѣевны въ Зимнемъ дворцѣ.

Съ акварели съ натуры Кольмана старшаго (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

предположеніямъ. 29-го августа (10-го сентября) баталіонъ, подъ начальствомъ маіора фонъ-Фрикена, выступилъ изъ Петербурга и черезъ пять дней былъ уже на мѣстѣ. Осенью же 1816 года чистый сердцемъ и душою преданный вѣрноподданный графъ Аракчеевъ доносилъ госу-

*

дарю, что онъ лично осматривалъ Высоцкую область и съ удовольствіемъ видѣлъ доброе начало принятыхъ мѣръ.

При введеніи въ 1816 году военныхъ поселеній приняли во вниманіе опытъ, вынесенный при поселеніи баталіона Елецкаго полка. Жители мѣстностей, назначенныхъ для водворенія войска, были оставляемы на родинѣ и зачислялись въ военные поселяне подъ именемъ коренныхъ жителей, съ подчиненіемъ военному начальству. Дѣти мужского пола зачислялись въ кантонисты, а затѣмъ служили для пополненія поселенныхъ войскъ. Такимъ образомъ два состоянія, между собою различныя, впряжены были подъ одно ярмо: хлѣбопашца приневолили взяться за ружье, а воина за соху. Военныя поселенія съ 1816 года получили быстрое и широкое развитіе и въ послѣдніе годы царствованія императора Александра они включали въ себѣ уже цѣлую треть русской арміи[33]. Отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній, составлявшій какъ бы особое военное государство подъ управленіемъ графа Аракчеева, въ концѣ 1825 года состоялъ изъ 90 баталіоновъ новгородскаго поселенія, 36-ти баталіоновъ и 249 эскадроновъ слободско-украинскаго (харьковскаго), екатеринославскаго и херсонскаго поселеній. Нельзя не обратить еще вниманія на слѣдующее обстоятельство: поселеніе войскъ совершилось, такъ сказать, келейно, волею императора Александра и трудами графа Аракчеева. Это столь важное мѣропріятіе не только въ военномъ, но и въ общегосударственномъ смыслѣ, затрогивавшее самымъ существеннымъ образомъ интересы значительной части русскаго населенія, не подверглось предварительному обсужденію въ установленномъ для сего законами учрежденіи. Такимъ образомъ, весь этотъ переломъ въ жизни русскаго народа осуществился какъ бы въ тайнѣ, административнымъ порядкомъ. Кромѣ того, никогда не было приступлено къ составленію регламента или вообще положенія о военныхъ поселеніяхъ; графъ Аракчеевъ не желалъ формулировать свою мысль во всемъ ея объемѣ и со всѣми подробностями, чтобы тѣмъ самымъ затруднить возможныя возраженія своихъ противниковъ противъ новаго учрежденія.

Устройство военныхъ поселеній доставило графу Аракчееву еще одно удовольствіе, предоставивъ ему возможность удовлетворить въ широкихъ размѣрахъ свою страсть къ строительству; эта страсть отчасти уже нашла себѣ удовлетвореніе при устройствѣ столь любимаго графомъ Грузинскаго монастыря. Аракчеевъ писалъ: «Надо строить и строить, ибо строенія послѣ нашей смерти, нѣкоторое хотя время, напоминаютъ о насъ; а безъ того со смертію нашею и самое имя наше пропадетъ».

Одинъ изъ современниковъ этой печальной эпохи русской исторіи осуждаетъ совершенное тогда надъ народомъ безпримѣрное насиліе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Идея государя была ошибочна не только

въ политическомъ, но даже и въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ сокращеніе расходовъ по продовольствію войска не возмѣщало ущерба, который государство должно было понести вслѣдствіе освобожденія многочисленнаго населенія, поглощеннаго этимъ учрежденіемъ, отъ податныхъ и всѣхъ прочихъ государственныхъ повинностей; и только обманными разсчетами Аракчеева можно было выводить прибыль тамъ, гдѣ въ дѣйствительности явился одинъ лишь убытокъ. Что же касается облегченія воинскихъ тягостей, то въ рукахъ Аракчеева для народа, затянутаго поголовно въ тогдашнюю солдатскую лямку, съ муштрой рекрутскаго устава, такое облегченіе, при которомъ и зимой не было покоя отъ маршировки гусинымъ шагомъ, казалось невыносимою мукой, противъ которой онъ протестовалъ бунтами, усмирявшимися Аракчеевскими экзекуціями, жестокости которыхъ мы, люди того времени, всѣ были свидѣтелями, и которыя, впослѣдствіи, стали извѣстны всему свѣту».

Когда какая-нибудь часть арміи присуждена была войти въ составъ военныхъ поселеній, то этому полку выдавалась грамата за подписью государя, въ которой рисовалась идиллическая картина будущаго его благополучія. Содержаніе этихъ граматъ по существу мало разнилось между собою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей ихъ редакціи, вызывавшихся требованіями особыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Приведемъ здѣсь для образца высочайшую грамату, данную 15-го (27-го) августа 1817 года Серпуховскому уланскому полку и поселянамъ, назначавшимся въ округъ онаго.

Грамата возвѣщала слѣдующее:

«Желая съ одной стороны изъявить особенное вниманіе къ заслугамъ побѣдоносныхъ нашихъ воиновъ, съ другой — отвратить всю тягость, сопряженную для любезно-вѣрныхъ подданныхъ нашихъ съ нынѣ существующею рекрутскою повинностію, по коей поступившіе на службу должны находиться въ отдаленіи отъ своей родины, въ разлукѣ съ своими семействами и родными — что естественно устрашаетъ ихъ при самомъ вступленіи въ службу и тоскою по своей родинѣ ослабляетъ ихъ силы и новое ихъ состояніе дѣлаетъ имъ несноснымъ, — съ отеческимъ попеченіемъ занимаясь мы средствами сдѣлать переходъ сихъ людей въ военное состояніе нечувствительнымъ и самую службу менѣе тягостною, положили въ основаніе сему то правило, чтобы въ мирное время солдатъ, служа отечеству, не былъ отдаленъ отъ своей родины, и посему мы приняли непреложное намѣреніе дать каждому полку свою осѣдлость въ извѣстномъ округѣ земли и опредѣлить на укомплектованіе онаго единственно самихъ жителей сего округа.

«Сообразно съ сею цѣлью, назначая для поселенія Серпуховскаго уланскаго полка Слободско-Украинской губерніи казенное селеніе Балаклею, въ которомъ по послѣдней ревизіи считается 4,430 душъ, съ

присовокупленіемъ къ оному изъ жителей слободы Андреевки 300 душъ... (далѣе перечисляются различные слободы, хутора), а всего 5,685 душъ, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и угодьями, повелѣваемъ: командиру 3-й уланской дивизіи, генералъ-лейтенанту Лисаневичу, обще съ слободско-украинскимъ гражданскимъ губернаторомъ, отправиться въ означенныя селенія и, объѣхавъ оныя, прочитать и показать въ подлинникѣ сію нашу грамату всѣмъ крестьянамъ и потомъ объявить, что всѣ они назначаются въ военные поселяне, дабы ими комплектовать Серпуховской уланской полкъ на слѣдующихъ собственно для нихъ выгодныхъ правилахъ:

«1) Они освобождаются единожды навсегда отъ всѣхъ государственныхъ поборовъ и отъ всѣхъ земскихъ повинностей, какого бы наименованія они ни были.

«2) Они освобождаются отъ общаго рекрутскаго набора, а вмѣсто того комплектуютъ изъ себя, всѣми способными къ службѣ людьми, одинъ только Серпуховской уланской полкъ[34].

«3) Содержаніе ихъ дѣтей и приготовленіе оныхъ на службу правительство принимаетъ на свое попеченіе, производя имъ продовольствіе и обмундированіе безъ всякаго обремененія родителей.

«4) Серпуховской уланской полкъ въ мирное время всегда будетъ стоять на квартирахъ въ своемъ округѣ, а поселенные сего полка эскадроны никогда не обязываются выступать изъ онаго въ походъ; слѣдовательно, жители онаго, поступя на службу, будутъ оставаться въ своихъ же домахъ, съ своими семействами и родными, при всѣхъ домашнихъ своихъ занятіяхъ, не подвергаясь тѣмъ неудобствамъ всегдашняго отдаленія отъ своей родины, которымъ подвержены до сего были, поступя на службу по общимъ рекрутскимъ наборамъ.

«5) По выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ, каждому жителю округа военнаго поселенія предоставляется спокойная жизнь на своей же родинѣ.

«6) Дабы соединить съ своими семействами и тѣхъ изъ нихъ, кои отданы на службу при бывшихъ до сего рекрутскихъ наборахъ, всѣ они переводятся въ Серпуховской уланской полкъ изъ тѣхъ полковъ, въ коихъ теперь служатъ, и послѣ того будутъ жить уже въ домахъ своихъ.

«7) Сію нашу грамату хранить въ комитетѣ полкового управленія въ округѣ поселенія Серпуховскаго уланскаго полка; печатные же экземпляры оной раздать въ каждомъ селеніи къ общему свѣдѣнію.

«Дана въ престольномъ нашемъ градѣ Санктпетербургѣ, Августа 15-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1817-го, царствованія же нашего въ седьмое надесять.

«Александръ».

«Генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ»[35].

Видъ Биржи въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ акварели съ натуры Патерсона (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Отъ всѣхъ этихъ несказанныхъ благодѣяній народъ приходилъ въ страхъ и онѣмѣлость; подобное признаніе изрѣдка прорывается даже въ донесеніяхъ графа Аракчеева. «Новое и необыкновенное дѣло» сопровождалось съ самаго начала безпорядками, когда приступили къ нему въ Высоцкой волости; но эти бунтовщики, по заявленію Аракчеева,— буяны, шалуны и люди дурного поведенія. Вообще же въ письмахъ графа Аракчеева, имѣющихъ предметомъ введеніе военныхъ поселеній, преобладаетъ идиллія.

«Я приказалъ шить мундиры для дѣтей на три роста», писалъ графъ Аракчеевъ императору Александру 27-го мая (8-го іюня) 1817 года, «и когда они окончены будутъ, то раздамъ во всѣ деревни и прикажу всѣмъ дѣтямъ быть одѣтыми въ одинъ день, съ приказаніемъ, дабы они никогда другого платья не носили, окромѣ мундировъ, употребляя оные и во всѣхъ работахъ. Сей опытъ еще покажетъ расположеніе жителей, послѣ чего я и буду имѣть счастіе донесть вашему величеству».

6-го (18-го) іюня графъ Аракчеевъ продолжалъ:

«Въ военномъ поселеніи, слава Богу, все благополучно, дѣти военныхъ поселянъ отъ 6-ти до 18-ти лѣтъ всѣ обмундированы. Обмундированіе, по распоряженію моему, началось въ одинъ день, въ 6 часовъ утра, при ротныхъ командирахъ, въ четырехъ мѣстахъ вдругъ, и продолжалось такимъ образомъ къ центру изъ одной деревни въ другую, при чемъ ни малѣйшихъ непріятностей не встрѣчалось, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ, которыя плакали, думая, что вмѣстѣ съ обмундированіемъ возьмутъ отъ нихъ дѣтей; но когда увидѣли, что одѣвши отдали имъ дѣтей и приказали въ то же время заниматься попрежнему крестьянскою работою, то и онѣ успокоились. Касательно же обмундированныхъ дѣтей, то на нихъ я любовался; они стараются поскорѣе окончить свои работы, а возвратясь домой, умывшись, вычистятъ и подтянутъ свои платья и немедленно гуляютъ кучами изъ одной деревни въ другую, а когда съ кѣмъ повстрѣчаются, то становятся сами уже во фрунтъ и снимаютъ шапки. Крестьянамъ же главное полюбилось то, что дѣти ихъ всѣ почти въ одинъ часъ были одѣты, говоря, что отъ оного одному противъ другого не обидно».

«Окончивъ съ Божіею помощію сіе, я приступлю скоро и къ слѣдующему окончательному распоряженію... во всѣхъ деревняхъ розданы будутъ мундиры, и всѣмъ крестьянамъ до 46-ти лѣтъ приказано будетъ въ одинъ день по всѣмъ деревнямъ одѣться въ мундиры и оставаться въ оныхъ навсегда, употребляя оные же ежедневно во всѣхъ своихъ работахъ. Волосы же стричь и бороды брить я не велю, а оставляю ихъ въ нынѣшнемъ положеніи, ибо сіе само по себѣ временемъ сдѣ-

Федоръ Петровичъ!

Вы мнѣ обѣщались по пріѣздѣ вашемъ въ С. Петербургъ рапортовать о вашемъ пути былъ ли благополученъ, но вотъ уже нѣсколько Эстафетовъ-какъ я получилъ послѣ вашего пріѣзда, а отъ васъ ничего. — Пожалуста скажите, За что такая не милость, я кажется сего не Заслужилъ, и всею душею васъ люблю и въ Заключеніе скажу, что я съ дружбою искренно къ вамъ всегда расположенъ

Константинъ

Г. Варшава.
13го Октября.
1816 года.

ПИСЬМО ЦЕСАРЕВИЧА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА КЪ Ф. П. ОПОЧИНИНУ.

Большая Морская улица въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рисунка съ натуры Сабата (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

лается. Окончивъ оное, я не премину донести особо объ ономъ вашему величеству».

Дѣйствительно, графъ Аракчеевъ поспѣшилъ обрадовать государя извѣстіемъ о дальнѣйшемъ успѣшномъ ходѣ начатаго имъ безпримѣрнаго подвига; 17-го (29-го) іюня 1817 года онъ писалъ:

«Всеподданнѣйше доношу вашему величеству, что всѣ годные на службу люди въ Высоцкой волости обмундированы и работаютъ уже въ мундирахъ. Сіе окончено столь тихо и успѣшно, что я и самъ не ожидалъ. Многое число жителей уже остригли бороды, а другіе и выбрили, говоря, что непристойно уже въ мундирѣ быть въ бородѣ. И такъ, всемилостивѣйшій государь, я, кажется, не праздно жилъ здѣсь; успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ легко и успѣшно, когда здѣсь ближніе къ столицѣ крестьяне 235 человѣкъ и ихъ дѣти 165 человѣкъ надѣли военный мундиръ.

«Признаюсь вамъ, государь, что я очень за оное благодарю Бога и чрезвычайно утѣшаюсь въ упованіи томъ, что оное и вашему величеству будетъ пріятно. 20-го числа сего мѣсяца я располагаюсь явиться къ вашему величеству и буду просить, дабы вы всемилостивѣйше пожаловали подарки моимъ помощникамъ, генералъ-маіору Бухмейеру, баталіонному командиру фонъ-Фрикену и адъютанту Мартосу[36].

Императоръ Александръ не замедлилъ отвѣтомъ и 19-го іюня (1-го іюля) писалъ своему другу изъ Царскаго Села: «Благодарю тебя искренно, любезный Алексѣй Андреевичъ, за все тобою сдѣланное; также чистосердечно и Бога благодарилъ. Начало наилучшее и дѣйствительно превосходитъ всякое ожиданіе. Нетерпѣливо желаю тебя видѣть, чтобы лично поблагодарить и о многомъ изустно переговорить. Мнѣ весьма пріятно будетъ изъявить мою признательность твоимъ сотрудникамъ».

Хотя Аракчеевъ торжествовалъ побѣду въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ, но крестьяне помышляли только объ одномъ, какъ бы избавиться отъ обрушившагося на нихъ неожиданнаго благополучія; они сложились деньгами и снарядили четырехъ депутатовъ въ Петербургъ жаловаться императрицѣ на графа Аракчеева. Но бдительный Алексѣй Андреевичъ, какъ пишетъ Мартосъ, «успѣлъ схватить черезъ полицію на Сѣнной площади своихъ пріятелей, велѣлъ привести къ себѣ, раздѣлъ до-чиста въ своемъ кабинетѣ, обыскалъ, получилъ просьбу, на него писанную въ сильныхъ выраженіяхъ, довольно справедливымъ языкомъ, и какъ этой вещи нельзя было скрыть отъ государя, то я увѣренъ, что онъ явился съ душевнымъ прискорбіемъ и умиленнымъ тономъ представить жалобы нѣкоторыхъ строптивыхъ крестьянъ, а между тѣмъ велѣлъ ихъ посадить въ погребъ, что въ арсеналѣ на заднемъ дворѣ,

дабы жаркіе майскіе дни не могли дѣйствовать на ихъ здоровье и солнечными теплыми лучами не разслабили ихъ нервы . – Затѣмъ графъ Аракчеевъ приказалъ отыскать зачинщиковъ; они были найдены, отправлены въ Петербургъ и посажены въ одну яму съ товарищами. Вмѣстѣ съ ними вытребованы были въ столицу капитанъ Мартосъ, земскій писарь и голова. Аракчеевъ обрушился съ бранью на Мартоса, стращалъ, что самъ собою, безъ воли государя, разжалуетъ въ солдаты, и въ заключеніе сказалъ: «Знаешь ли ты, что ты долженъ считать за честь, что служишь у меня, а Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ. Ты долженъ быть моею правою рукою (кривляетъ свое миловидное личико), а ты хочешь быть добрымъ человѣкомъ, хочешь жить дружно съ маіоромъ, съ офицерами, съ мужиками, ты (возвышаетъ величественно сиповатый голосъ) долженъ быть тамъ, какъ собака на цѣпи, тогда будешь настоящій мой адъютантъ» и проч. Я слушалъ и все не понималъ, не въ тысячи ли одной ночи я жилъ мечтою. На слѣдующій день опять меня бранить... Потомъ опять приходятъ за мной; я иду пріуготовившись слушать брань со вниманіемъ и молчать, ибо графъ по своей злобѣ, за одно мое слово, былъ въ состояніи назвать его грубостію и велѣть меня судить. Это былъ часъ третій полдня; графъ приходитъ въ три часа, кланяется мнѣ, извиняется, что заставилъ себя ждать, съ видомъ дружелюбія проситъ обѣдать, сердится, что я мало ѣмъ, мало пью, и послѣ стола проситъ, дабы я отправился къ своему прежнему мѣсту и продолжалъ бы службу, которой онъ всегда доволенъ. Его ласки меня нисколько не удивили; но въ образѣ его сужденія обнаруживался все болѣе его характеръ, который, по чести, хуже воробьинаго. Вотъ причина, почему меня уже не бранили, а ласкали, просили обѣдать, кормили и угощали. Государь въ Зимнемъ дворцѣ у себя въ кабинетѣ изволилъ говорить съ головою, съ земскимъ писаремъ, которые со мною пріѣхали, весьма благосклонно, далъ имъ наставленіе повиноваться начальству, простилъ всѣхъ виноватыхъ и на проходъ приказалъ выдать денегъ. Послѣ этой развязки и я сталъ правъ»[37].

Эти немногія строки одного изъ дѣятелей по введенію военныхъ поселеній наглядныиъ образомъ поясняютъ, какъ велико было для Россіи несчастіе, происходившее отъ того, что императоръ Александръ питалъ неограниченное довѣріе къ человѣку, обладавшему такими сомнительными нравственными качествами.

Но крестьяне не унывали и не теряли еще надежды избавиться отъ навязаннаго имъ благополучія. Когда, осенью 1817 года, императорская фамилія отправлялась въ Москву, крестьяне остановили вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну, прося о ея защитѣ и милости. Сверхъ сего, нѣсколько сотъ крестьянъ, вышедшихъ изъ лѣса, остановили великаго князя Николая Павловича, ѣхавшаго вмѣстѣ съ

прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ. Можете судить, сколь поразила подобная встрѣча (незваныхъ, прибавлю), пишетъ Мартосъ по поводу этого происшествія;—«они всѣ бросаются на колѣна, плачутъ, крикомъ своимъ просятъ, дабы ихъ пощадили. Женщины и дѣвки пѣли primo въ сей мелодіи; но великій князь отдѣлался словами и продолжалъ дорогу. Прекрасный, разительный примѣръ пруссакамъ о нашемъ домашнемъ благоденствіи, улучшеніи, счастіи и пресчастіи»[38].

Прусскій генералъ Натцмеръ, сопровождавшій принца Вильгельма, упоминаетъ объ этой встрѣчѣ въ своемъ дневникѣ и пишетъ, что собралось нѣсколько сотъ крестьянъ для принесенія великому князю жалобъ на поселенный гренадерскій полкъ имени графа Аракчеева. Они собрались деревень изъ двадцати и говорили, что у нихъ все отобрано, что сами они выброшены изъ своихъ домовъ и ужъ нѣсколько недѣль какъ не видѣли ихъ. Вообще, замѣчаетъ Натцмеръ, недовольство новымъ учрежденіемъ повсемѣстно.

Крестьяне соглашались отдать свои домы, свое имущество, все, что нажили трудолюбіемъ, лишь бы ихъ оставили въ покоѣ. «Прибавь намъ подать, требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все и выведи насъ въ степь: мы охотнѣе согласимся, у насъ есть руки, мы и тамъ примемся работать и тамъ будемъ жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаевъ отцовъ нашихъ, не дѣлай всѣхъ насъ солдатами». «Эти ихъ слова», пишетъ Мартосъ, «я часто самъ слышалъ». «Между тѣмъ, продолжаетъ онъ, «всѣхъ жителей одѣли въ солдатскіе мундиры, дали имъ лѣтніе и зимніе панталоны, сѣрыя шинели, фуражки, расписали по ротамъ; во всякомъ селеніи взяли гумно, начали ихъ въ немъ пріучать ворочаться налѣво и направо, ходить въ ногу, топтать каблуками, выпрямливаться, носить тесакъ; даже до такой степени заботились, что въ тѣхъ гумнахъ не полѣнились выстроить печки, дабы поселяне и въ зимніе дни навѣщали манежъ, маршировали въ немъ и слушали команду горластаго капрала, для ихъ столь особеннаго счастія. Тогда прощай, счастіе земледѣльца, прощай, промышленность, а съ нею и довольная, безбѣдная жизнь. Не стало торговли; вмѣсто того, чтобы ему ѣхать въ городъ или въ столицу для продажи своихъ продуктовъ, что приноситъ большую пользу тамошнимъ жителямъ, хозяина семьи (который, вы не забудьте, уже въ мундирѣ) наряжаютъ вѣстовымъ къ капитану, у котораго въ запачканной кухнѣ толкается цѣлые сутки, будучи въ тягость какъ самъ себѣ, такъ и командирскимъ денщикамъ».

«Происшествіе, когда крестьяне показали свое нерасположеніе броситься въ объятія благополучія и стали шевелиться (въ 1817 году), принудило раздѣлить ихъ по ротамъ и увеличить постои. Теперь мужикъ, котораго жаждутъ осчастливить, долженъ кормить по 8, 10 и даже по 12-ти солдатъ. Послѣ я ихъ сдалъ въ вѣдомство начальника баталіона».

Никольскій соборъ у Крюкова канала въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рисунка съ натуры Сабата (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Графъ послѣ того позволилъ мнѣ отлучиться въ Петербургъ на нѣсколько дней по моимъ дѣламъ, а между тѣмъ прислали туда же восемь человѣкъ обмундированныхъ поселянъ, въ настоящую форму, на смотръ государю. Люди выбраны молодые и видные. 28-го іюня люди представлены, его величество былъ очень доволенъ, изволилъ пожаловать шестерымъ по 300 рублей, кои самъ вынесъ и лично роздалъ, а головѣ и писарю по 500 рублей. Унтеръ-офицеръ, который съ ними былъ, получилъ отъ государя черезъ графа тоже 500 рублей. Его величество принялъ меня у себя въ кабинетѣ и очень благосклонно благодарилъ за труды при военномъ поселеніи; вотъ слова государевы: «Покорно благодарю васъ за принятый вами трудъ; мнѣ это очень пріятно». Черезъ два дня я получилъ перстень, маіоръ Фрикенъ тоже, жена генерала Бухмейера фермоаръ, а три деревенскія бабы по кокошнику».

Но всѣ эти милости государя не успокоили крестьянъ и не примирили ихъ съ новою участью, которая ожидала избранныя жертвы новой военной организаціи. Оказалось, что стѣсненія правъ состоянія, совѣсти и собственности никакія блага не могутъ замѣнить человѣку, особенно простолюдину, всегда тѣсно привязанному къ старымъ привычкамъ.

Крестьяне снарядили депутацію къ цесаревичу Константину Павловичу въ Варшаву, чтобы умолять его о заступничествѣ. По словамъ великаго князя въ письмѣ къ Сипягину, отъ 15-го (27-го) декабря 1817 г., дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: «Сюда забрались на сихъ дняхъ три новгородскихъ изъ Холынской волости мужика, и когда я въ день праздника (по здѣшнему исчисленію) Рождества Христова возвращался отъ развода мимо толпы зрителей, они, ставъ на колѣни, обратились ко мнѣ. Я, полагая, что люди сіи какіе либо заѣзжіе съ обозами или по другимъ надобностямъ, что часто случается, подошелъ къ нимъ и спросилъ ихъ, чего хотятъ? Но они мнѣ вдругъ приносятъ жалобу, что ихъ хотятъ заставить брить бороды и дѣлаютъ другія въ ихъ волости распоряженія, тогда какъ они не знаютъ о семъ высочайшаго указа, и присланы ко мнѣ отъ волости просить защиты. Я, услышавъ сіе и не входя въ разбирательство таковой ихъ просьбы, заставилъ ихъ тотчасъ молчать, сказавъ, что имъ должно свято и безмолвно исполнять, что приказываютъ, и въ заключеніе препроводилъ ихъ съ нарочнымъ фельдъегеремъ и двумя казаками къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, на его разсмотрѣніе. Вотъ и вся вамъ новость».

Крестьянамъ, обреченнымъ на новую жизненную обстановку и все испробовавшимъ для своего освобожденія, оставался только одинъ исходъ: покориться постигшей ихъ печальной судьбѣ. 25-го марта (6-го апрѣля) 1818 года графъ Аракчеевъ могъ донести государю, что по военнымъ поселеніямъ вездѣ обстоитъ благополучно, смирно и спокойно: «Коренные жители и кантонисты 1-й гренадерской дивизіи обмундированы.

Касательно же поселенія гренадерскаго имени моего полка, то благословеніемъ Божіемъ оно идетъ такъ хорошо, что я каждый разъ по пріѣздѣ туда нахожу особенное удовольствіе свое быть въ сихъ мѣстахъ поселенія... Я утѣшаю себя, что, по милости Божіей, доношу все, кажется, пріятное сердцу вашего величества».

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ приказовъ своихъ по отдѣльному корпусу военныхъ поселеній, отъ 1-го мая 1826 г., графъ Аракчеевъ представилъ слѣдующее похвальное слово своимъ дѣяніямъ:

«Сіе новое, никогда, нигдѣ на принятыхъ основаніяхъ небывалое, великое государственное предпріятіе, справедливо обратившее на себя вниманіе цѣлой Европы, обязано своимъ началомъ и существованіемъ величайшему изъ царей... Въ его всеобъемлющемъ умѣ родилась счастливая мысль о военныхъ поселеніяхъ, его мудрыми соображеніями получила свою зрѣлость, и ему только одному въ началѣ извѣстны были тѣ основанія, на какихъ надлежало сію великую мысль произвести въ дѣйствіе. Мнѣ первому и единому мнѣ она была открыта; удостоенный довѣрія его величества, я одинъ имѣлъ счастіе принимать его приказанія, руководствоваться его наставленіями. Приводя въ исполненіе священную волю его величества, я самъ былъ новъ въ семъ важномъ дѣлѣ и долженъ былъ дѣйствовать съ людьми совершенно новыми. Я долженъ былъ, въ одно и то же время, учить и учиться, объяснять, растолковывать каждому благую, но еще никому тогда неизвѣстную цѣль военныхъ поселеній и защищать устройство оныхъ противъ несправедливыхъ разглашеній, устрашавшихъ не только нижнихъ чиновъ, но, можетъ быть, нѣкоторыхъ и изъ васъ самихъ. Сего уже довольно, чтобы истощить силы человѣка, въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ, съ слабымъ моимъ здоровьемъ. Но вы были свидѣтелями, какихъ трудовъ мнѣ стоилъ одинъ выборъ для военныхъ селеній мѣстъ, которыя бы, по своему положенію, соединяли всѣ удобности для жительства предполагаемаго числа людей и достаточно обезпечивали будущее ихъ положеніе. Вы часто видѣли меня съ сею цѣлью ѣдущаго въ телѣгѣ и верхомъ, видѣли пробирающагося пѣшкомъ по мѣстамъ, до того непроходимымъ, и въ грязи, и въ лѣсахъ назначающаго сіи самыя, столь хорошо, съ Божіею помощію, обработанныя нынѣ поля и застроенныя мѣста, которыя составляютъ предметъ хвалы пріѣзжающихъ видѣть настоящее положеніе военныхъ поселеній. Постоянство такихъ трудовъ могло поддерживаться единымъ только моимъ усердіемъ и безпредѣльною моею приверженностію къ блаженной памяти государю, отцу и благодѣтелю моему, на служеніе которому посвятилъ я 30 лучшихъ лѣтъ моей жизни. Его милостивый взоръ награждалъ меня за все, его отеческое вниманіе облегчало бремя трудовъ и заботъ моихъ и укрѣпляло слабыя силы мои».

Если и допустить, что графъ Аракчеевъ былъ безъ лести преданъ своему благодѣтелю, то, перечитывая этотъ приказъ, нельзя признать за творцомъ военныхъ поселеній другой, не менѣе славной добродѣтели—скромности.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, когда въ 1816 году приступлено было къ учрежденію военныхъ поселеній, представлявшихъ собою, по существу своему, новый видъ крѣпостного права, болѣе ужаснаго, чѣмъ существовавшее, правительственныя попытки къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости снова воскресаютъ.

Эстляндское дворянство еще въ 1811 году изъявило желаніе отказаться отъ крѣпостного права на своихъ крестьянъ. Это намѣреніе привело, 23-го мая (4-го іюня) 1816 года, къ утвержденію учрежденія объ эстляндскихъ крестьянахъ, по которому личное крѣпостное право въ этой губерніи отмѣнялось. Дворянство сохраняло въ собственность землю, отношенія же крестьянъ къ землевладѣльцамъ основывались отнынѣ на взаимномъ добровольномъ соглашеніи и контрактѣ, сообразномъ съ правилами, опредѣлявшими его существенныя условія; для введенія новаго порядка полагался переходный періодъ. Послѣ этого перваго опыта, личное, безземельное, освобожденіе крестьянъ распространено было въ Прибалтійскомъ краѣ и на другія губерніи, а именно: на Курляндію въ 1817 году и на Лифляндію въ 1819 году. Введеніе новаго порядка послѣдовало вездѣ безъ особенныхъ затрудненій.

Выражая лифляндскому дворянству свое удовольствіе по случаю совершившагося преобразованія, императоръ Александръ сказалъ: «Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ». Изъ этихъ словъ видно, что у государя оставалось, по выраженію Шишкова, несчастное предубѣжденіе противъ крѣпостного въ Россіи права, и многимъ казалось, что и въ прочихъ частяхъ имперіи отъ слова перейдутъ къ дѣлу [39].

Вообще, съ 1816 года крестьянскій вопросъ началъ занимать умы въ обществѣ. Даже флигель-адъютантъ Киселевъ представилъ государю записку, которая носитъ заглавіе: «О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи» [40]. Записка начиналась словами: «Гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія. Истина сія столь мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ считаю объяснить здѣсь, сколько желательно было бы распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ оной. Сіе тѣмъ болѣе почитаю нужнымъ, что успѣхи просвѣщенія и политическое сближеніе наше съ Европою, усиливая часъ-

отъ-часу болѣе броженіе умовъ, указываетъ правительству необходимость предупредить тѣ могущія послѣдовать требованія, которымъ отказать будетъ уже трудно или невозможно; кровью обагренная революція французская въ томъ свидѣтельствуетъ».

Казармы л.-гв. Семеновскаго полка въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рѣдкой гравюры 1810 года.

Какимъ образомъ отнесся императоръ Александръ къ запискѣ своего флигель-адъютанта и какая участь постигла это произведеніе пера его, осталось неизвѣстнымъ. Въ архивахъ намъ не удалось найти никакихъ слѣдовъ этого.

ГЛАВА ВТОРАЯ

П. Д. Киселевъ не былъ единственнымъ дворяниномъ, сознававшимъ необходимость для правительства безотлагательно заняться крестьянскимъ вопросомъ. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующее обстоятельство: въ томъ же 1816 году многіе изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Петербургской губерніи, зная душевное стремленіе государя къ улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ, согласились между собою обратить ихъ въ обязанныхъ поселянъ, на основаніи существовавшихъ тогда на сей предметъ постановленій[41]. Составленный о томъ актъ былъ подписанъ 65-ю помѣщиками; оставалось поднести его на утвержденіе государя, и это было предоставлено генералъ-адъютанту Илларіону Васильевичу Васильчикову. Участники въ подписаніи этого акта полагали, что государь ничего не зналъ о происходившихъ по сему поводу собраніяхъ, но были убѣждены, что онъ приметъ благосклонно предложеніе, согласное съ его образомъ мыслей. Но императору Александру было извѣстно рѣшеніе дворянъ, и едва лишь Васильчиковъ, испросивъ высочайшее соизволеніе представиться государю, сталъ говорить объ этомъ дѣлѣ, какъ Александръ, прервавъ его рѣчь, спросилъ у него: «Кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?» И когда Васильчиковъ отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія, вашему императорскому величеству, какъ самодержцу имперіи», тогда государь, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Такъ предоставьте же мнѣ издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ»[42].

Возраженіе государя подавало мало надежды на благопріятное разрѣшеніе этого важнаго вопроса. При существовавшемъ тогда порядкѣ управленія это дѣло, конечно, не могло миновать рукъ графа Аракчеева. Такъ дѣйствительно и случилось.

Въ февралѣ 1818 года, передъ отъѣздомъ императора Александра изъ Москвы въ Варшаву для открытія перваго польскаго сейма, графъ Аракчеевъ объявилъ, что его величеству благоугодно было повелѣть начертать проектъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія, съ тѣмъ, чтобы проектъ сей не заключалъ въ себѣ никакихъ мѣръ, стѣснительныхъ для помѣщиковъ, и особенно, чтобы мѣры сіи не представляли ничего насильственнаго въ исполненіи со стороны правительства: напротивъ, чтобы онѣ сопряжены были съ выгодами помѣщиковъ и возбудили бы въ нихъ самихъ желаніе содѣйствовать правительству въ уничтоженіи крѣпостного состоянія людей въ Россіи, отвѣчающемъ духу времени и успѣхамъ образованности и необходимомъ для будущаго спокойствія самихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей.

По мнѣнію графа Аракчеева, мѣры къ уничтоженію крѣпостного состоянія людей въ Россіи единственно могли заключаться въ пріобрѣтеніи покупкою помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ казну,

Александро-Невская лавра въ Петербургѣ въ 1824 году.

Съ рисунка съ натуры Сабата (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

по добровольному на то помѣщиковъ согласію и на нѣкоторыхъ особенныхъ правилахъ; въ таковомъ смыслѣ и было начертано предположеніе о томъ. Оно удостоилось, сколько извѣстно, высочайшаго одобренія государя и, конечно, воспріяло бы современемъ свое дѣйствіе, если бы не воспрепятствовали тому многія политическія обстоятельства и особенно возникшія тогда смуты въ нѣкоторыхъ государствахъ южной Европы, увлеченныхъ идеями неумѣреннаго либерализма, и, особенно, если бы несчастная исторія Семеновскаго полка въ отсутствіе государя не произвела наконецъ конечнаго измѣненія въ мысляхъ его и намѣреніяхъ. О проектѣ семъ, по приказанію графа Аракчеева, содержавшемся въ величайшей тайнѣ, знали тогда единственно находящійся при графѣ статскій совѣтникъ Самбурскій и чиновникъ, излагавшій проектъ, большею частію, со словъ графа Аракчеева и подъ руководствомъ Самбурскаго»[43].

Графъ Аракчеевъ полагалъ:

Учредить постоянную комиссію для покупки въ казну имѣній и крѣпостныхъ людей у помѣщиковъ.

Комиссіи сей вмѣнить въ обязанность производить покупку сію двоякимъ образомъ:

a) или по добровольно условленнымъ цѣнамъ съ помѣщиками, если бы пожелали они продать имѣнія свои въ полномъ составѣ, безъ отдѣленія излишнихъ земель и разныхъ угодій въ свою пользу;

b) или на особыхъ правилахъ, постановленныхъ для пріобрѣтенія крестьянъ съ нѣкоторымъ только количествомъ земли и угодій, къ продаваемымъ имѣніямъ принадлежащихъ.

Правила сіи предполагаемы были на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Всякій помѣщикъ имѣлъ право требовать отъ комиссіи покупки отъ него крестьянъ, съ уступкою для нихъ по двѣ десятины на каждую ревизскую душу, оставляя излишнее затѣмъ количество земли и угодій въ свою пользу.

2) Цѣнность такого продаваемаго имѣнія долженствовала опредѣлиться, смотря по мѣстному его положенію, качеству почвы и соотвѣтственно съ тѣми цѣнами, какія въ каждой губерніи на имѣнія существуютъ.

3) Оцѣнка должна была производиться подъ надзоромъ предводителя того уѣзда, въ которомъ имѣніе находится, изъ трехъ человѣкъ сосѣднихъ дворянъ-помѣщиковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ своею добросовѣстностью, и двухъ довѣренныхъ лицъ, отряжаемыхъ комиссіею.

4) Цѣнность оброчныхъ имѣній опредѣлялась по количеству получаемаго съ крестьянъ бездоимочнаго оброка, долженствовавшаго представлять капиталъ, приносящій 5 процентовъ; такъ, напримѣръ, оброчное имѣніе, дающее 1,000 рублей дохода, должно было цѣниться въ 20,000 рублей и т. д.

5) Если бы и въ оброчномъ имѣніи существовали такія угодія, какъ-то, лѣса или рыбныя ловли, имѣющія особую цѣнность, то помѣщику предоставлялось на волю исключать ихъ изъ продажи, или также продать ихъ комиссіи на особыхъ условіяхъ, все равно какъ бы и частному лицу.

Капиталъ, предназначавшійся для пріобрѣтенія въ казну крѣпостныхъ людей, долженъ былъ состоять изъ 5 милліоновъ рублей (ассигнаціями), ежегодно отпускаемыхъ въ распоряженіе комиссіи. Капиталъ этотъ могъ быть отдѣляемъ изъ откупныхъ суммъ, увеличивавшихся съ каждымъ четырехлѣтіемъ; въ случаѣ же непредвидѣнныхъ затрудненій со стороны министерства финансовъ, предполагалось выпускать ежегодно по 10,000 билетовъ государственнаго казначейства, цѣнностью по 500 рублей каждый. Билеты эти, со времени выдачи ихъ комиссіею продавцу имѣнія, долженствовали приносить ему по 5% кромѣ того, они могли бы ходить въ оборотахъ, какъ наличныя деньги, и принимались бы въ залоги по откупамъ и подрядамъ наравнѣ съ билетами сохранной казны, опекунскихъ совѣтовъ, государственнаго заемнаго банка и пр.

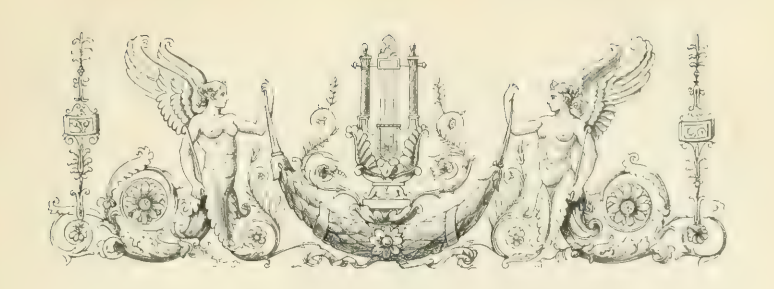
Графъ Аракчеевъ полагалъ, что изъ продажи на изложенныхъ основаніяхъ своихъ населенныхъ имѣній помѣщики могли бы извлечь двоякую пользу: во-1-хъ, освободиться отъ долговъ, которыми большая часть ихъ была обременена, и, вслѣдствіе сохраненія большей половины земель и угодій въ своемъ владѣніи, не перестать быть помѣщиками; во-2-хъ, вмѣсто обременительныхъ долговъ, препятствующихъ развитію всякаго хозяйства, имѣть наличный капиталъ и сверхъ того свободныя земли, которыя могутъ или воздѣлывать тѣми же крестьянами, въ казну поступившими, за извѣстную плату, или отдавать имъ ихъ въ наемъ, потому что, по недостаточному количеству имѣющей остаться у крестьянъ земли, послѣдніе въ силу необходимости будутъ нуждаться или въ работахъ, или въ наймѣ земли, и, въ послѣднемъ случаѣ, конечно, предпочтутъ нанимать земли, ближайшія къ ихъ поселеніямъ и уже извѣстныя имъ качествомъ своей почвы, къ которой они примѣнились.

Повидимому, этотъ проектъ, изложенный здѣсь въ общихъ чертахъ, вызывалъ опасенія, что казна можетъ потерпѣть убытки отъ ежегодныхъ выдачъ капиталовъ помѣщикамъ за имѣнія, каковыя выдачи будто бы могли обратиться современемъ въ неоплатный государственный долгъ. По этому поводу графъ Аракчеевъ сдѣлалъ собственноручно на переписанномъ набѣло и представленномъ государю проектѣ слѣдующее замѣчаніе: «Кажется, неосновательно, потому что казна ничего не теряетъ: она будетъ отдавать помѣщикамъ только то, что сама получитъ съ пріобрѣтенныхъ отъ нихъ имѣній».

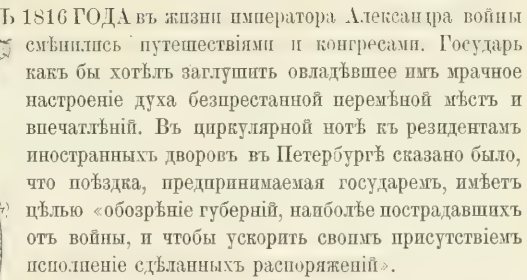
Одновременно съ обнародованіемъ этого аракчеевскаго положенія долженъ былъ послѣдовать манифестъ въ томъ смыслѣ, что государь импе-

раторъ, входя въ положеніе дворянства, понесшаго въ отечественную войну огромныя издержки и, какъ его величеству извѣстно, принужденнаго въ настоящее время для добросовѣстнаго выполненія своихъ обязанностей прибѣгать къ усиленнымъ займамъ, залогамъ и даже продажѣ имѣній своихъ, отчего цѣнность недвижимыхъ дворянскихъ имѣній вообще понижается ко вреду государства,—за благо призналъ предоставить средства тѣмъ, кои могли бы находиться въ жестокой необходимости продавать имѣнія свои за несоотвѣтственную достоинству ихъ цѣну или входить въ разорительныя обязательства съ капиталистами-ростовщиками, выдти изъ затруднительнаго положенія и сохранить по крайней мѣрѣ часть достоянія своего въ наслѣдіе своему потомству, въ каковомъ уваженіи повелѣваетъ учредить комиссію и пр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЪ 1816 ГОДА въ жизни императора Александра войны смѣнились путешествіями и конгресами. Государь какъ бы хотѣлъ заглушить овладѣвшее имъ мрачное настроеніе духа безпрестанной перемѣной мѣстъ и впечатлѣній. Въ циркулярной нотѣ къ резидентамъ иностранныхъ дворовъ въ Петербургѣ сказано было, что поѣздка, предпринимаемая государемъ, имѣетъ цѣлью «обозрѣніе губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны, и чтобы ускорить своимъ присутствіемъ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій».

Планъ путешествія 1816 года былъ слѣдующій: изъ Петербурга ѣхать прямо въ Москву, гдѣ государь предполагалъ остаться двѣ недѣли, оттуда направиться въ Тулу, Калугу, Рославль, Черниговъ, Кіевъ, Житоміръ и Варшаву. Великій князь Николай Павловичъ, путешествовавшій тогда по Россіи, получилъ приглашеніе пріѣхать въ Москву и ожидать тамъ прибытія государя[44]. Слѣдующія особы должны были сопровождать императора Александра во время

этой поѣздки: генералъ-адъютантъ князь Волконскій, графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютанты Уваровъ, графъ Ожаровскій и Закревскій, флигель-адъютанты князь Меншиковъ, Орловъ и Киселевъ, статсъ-секретари графъ Каподистріа по иностраннымъ дѣламъ и Марченко по дѣламъ внутренняго управленія, лейбъ-медикъ Виллie и полковникъ Михайловскій-Данилевскій. Прислуга государя состояла изъ двухъ камердинеровъ, двухъ помощниковъ ихъ, трехъ лакеевъ, метръ д'отеля съ двумя поварами, гофъ-фурьера съ четырьмя официантами, одного кучера, четырехъ пѣвчихъ и четырехъ фельдъегерей.

Находясь безотлучно при особѣ императора, Михайловскій-Данилевскій занесъ въ свой дневникъ многія любопытныя замѣтки о характерѣ Александра, который не разъ являлся для него загадочнымъ. Наблюденія его начались еще въ Царскомъ Селѣ, наканунѣ отъѣзда въ Москву, по поводу которыхъ онъ записалъ: «Въ 10 часовъ утра его величество гулялъ по саду и семь разъ прошелъ мимо моихъ оконъ. Онъ казался веселымъ, и взглядъ его выражалъ кротость и милосердіе; но чѣмъ болѣе я разсматриваю сего необыкновеннаго мужа, тѣмъ болѣе теряюсь въ заключеніяхъ. Напримѣръ, какимъ образомъ можно соединить спокойствіе души, начертанное теперь на лицѣ его, съ извѣстіемъ, которое мнѣ сейчасъ сообщили, что онъ велѣлъ посадить подъ караулъ двухъ крестьянъ, которыхъ единственная вина состояла въ томъ, что они подали ему прошенія?»[45].

Къ московскому главнокомандующему Тормасову послано было заблаговременно графомъ Аракчеевымъ секретное повелѣніе, что такъ какъ государь намѣренъ прибыть въ столицу съ 14-го на 15-е августа, то чтобы онъ разгласилъ слухъ, что его величество пріѣдетъ въ Москву къ обѣднѣ 15-го (27-го) августа; это распоряженіе сдѣлано было для того, чтобы народъ не вышелъ на встрѣчу къ государю, такъ какъ «безъ изъятія никакія встрѣчи не угодны его величеству».

Отъѣздъ изъ Царскаго Села послѣдовалъ 10-го (22-го) августа. Князь Волконскій ѣхалъ въ одной коляскѣ съ государемъ, но при въѣздѣ въ большіе города императоръ Александръ сажалъ къ себѣ графа Аракчеева, желая этимъ показать всей Россіи, до какой степени онъ привязанъ къ нему[46].

Первое послѣ 1812 г. посѣщеніе императоромъ Александромъ первопрестольной столицы, тогда еще возрождавшейся изъ пепла и развалинъ, было истиннымъ народнымъ торжествомъ. Александра встрѣтили съ восторгомъ; мысль о немъ казалась единственнымъ занятіемъ каждаго. 15-го (27-го) августа императоръ, въ сопровожденіи великаго князя Николая Павловича, шествовалъ въ Успенскій соборъ; архіепископъ Августинъ привѣтствовалъ его краткою рѣчью и заключилъ свое слово торжественнымъ восклицаніемъ: Тебѣ, побѣдителю нечестія и неправды, вопіемъ: осанна въ Вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!

Окт. 16го N Я писалъ по губернскимъ слухамъ поздравляя со вступленіемъ опять въ Министерство.

Милостивый Государь мой Василій Назаровичъ.

Письмо ваше, я имѣлъ честь получить и приношу вамъ, Милостивый Государь мой, — искреннюю мою благодарность за все то, что оно содержитъ для меня лестнаго. Я прошу васъ, обращать мало вниманія на слухи и позвольте мнѣ съ постояннымъ чувствомъ моимъ быть, — возобновляя вамъ увѣреніе совершеннаго почтенія и преданности, я честь имѣю быть

Вашимъ Милостиваго Государя моего

Покорный Слуга
Графъ В. Кочубей

Царское-Село
Сентября 24 1818 г.

P. S. Истинно не помню, какія могутъ быть у меня бумаги Ваши, я прошу, мнѣ содержаніе ихъ вообще сокращенно упомянуть, дабы я могъ ихъ отыскать и вамъ возвратить.

ПИСЬМО ГРАФА В. П. КОЧУБЕЯ КЪ В. Н. КАРАЗИНУ.

Когда государю представлялось московское дворянство, 16-го (28-го) августа, Александръ подъ вдохновеніемъ минуты произнесъ слѣдующую краткую рѣчь[47]:

«Радуюсь, господа, что мы опять въ Москвѣ свидѣлись послѣ тяжкихъ временъ и великихъ трудовъ нашихъ. Мнѣ пріятно теперь изъя-

Каменноостровскій дворецъ въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ рисунка Щедрина.

вить мое сердечное чувство какъ московскому, такъ и вообще россійскому дворянству, которое оказало столь много храбрости и характера.— Конечно, мы прославились предъ всѣми народами. Съ Россіею вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ, мы не должны это присвоивать себѣ. Все совершилось отъ Бога. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы

превзошли всѣхъ славою. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но не могла сравниться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостію, которую я видѣлъ въ васъ. Воздаю вамъ за все то моею признательностію. Однакожь, должно замѣтить для васъ, что мы не можемъ утверждаться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія. Мы имѣемъ Его приказанія намъ въ Новомъ Завѣтѣ. Я много обозрѣлъ государствъ и разныхъ народовъ — и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что такое народъ, исполненный вѣры, и каковъ тотъ, который безъ закона. Вы знаете какія... тамъ... слѣдствія отъ того произошли. Я увѣренъ, что и вы также объ этомъ думаете. Пріятно мнѣ еще повторить дворянству чувствительную мою признательность... Господь да продолжитъ на многія лѣта благоденствіе ввѣреннаго мнѣ россійскаго народа»[48].

Современникъ пишетъ по поводу этого появленія Александра въ Москвѣ: «Государь императоръ принятъ былъ съ восхищеніемъ не одною какою либо частію жителей, но цѣлымъ народомъ московскимъ. Сто тысячъ встрѣтили и сопровождали повсюду государя. Московская полиція не имѣетъ обычая протягивать веревокъ и бить по головамъ жаждущихъ видѣть монарха своего, а потому онъ и былъ среди народа, какъ отецъ въ обожающемъ его семействѣ. Появленіе государя произвело всеобщій и необычайный восторгъ. Разоренные забыли всѣ потери свои, и радость ихъ была неописанна[49]. Императоръ, съ своей стороны, обхожденіемъ, полнымъ кротости и привѣтливости, и ласковыми привѣтствіями старался вознаградить дворянство и прочія состоянія народа. Оказаны многія милости. На бѣдныхъ пожаловано 500,000 руб., а на отстройку дома благороднаго собранія 150,000 руб. Слухъ, и довольно вѣрный, носится, что государь обѣщалъ на будущій годъ прожить въ Москвѣ шесть мѣсяцевъ, со всѣмъ дворомъ, и перевести въ сію столицу часть гвардіи»[50].

«Непостижимо для меня», пишетъ Михайловскій-Данилевскій, «какъ 26-го августа государь не токмо не ѣздилъ въ Бородино и не служилъ въ Москвѣ панихиды по убіеннымъ, но даже въ сей великій день, когда почти всѣ дворянскія семейства въ Россіи оплакиваютъ кого-либо изъ родныхъ, падшихъ въ безсмертной битвѣ на берегахъ Колочи, государь былъ на балѣ у графини Орловой-Чесменской[51]. Императоръ не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Малаго-Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Асперискія поля, а изъ Брюсселя въ Ватерло. Достойно примѣчанія, что государь не любитъ вспоминать объ Отечественной войнѣ и говорить объ ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его»[52].

Тезоименитство свое императоръ Александръ ознаменовалъ опредѣленіемъ вновь на государственную службу Сперанскаго.

Опальный любимецъ государя, какъ выше упомянуто, водворенъ былъ осенью 1814 года въ новгородской деревнѣ Великопольѣ и находился подъ полицейскимъ надзоромъ. Два года Сперанскій терпѣливо выжидалъ перемѣны въ своей незавидной участи. Между тѣмъ изъ главныхъ враговъ его Армфельтъ умеръ, Ростопчинъ и Балашовъ лишились прежняго вліятельнаго положенія, а ссылка не прекращалась, и казалось, никто не намѣревался противодѣйствовать высказанному имъ нѣкогда желанію «скрыть остатокъ скорбныхъ дней своихъ въ деревнѣ». Но вдругъ явилось новое свѣтило на политическомъ горизонтѣ Россіи — графъ Аракчеевъ, и на этотъ разъ свѣтило не имѣло болѣе соперниковъ. Итакъ, при этой новой обстановкѣ Сперанскому оставалось только два исхода, или безропотно примириться съ своею печальною судьбою[53], или же прибѣгнуть къ заступничеству единственнаго тогда въ Россіи вельможи, перваго человѣка въ имперіи, всесильнаго грузинскаго отшельника. Сперанскій, подобно Карамзину, рѣшился вступить на этотъ тернистый путь, какъ единственно могущій привести его въ обѣтованную землю. Кто осмѣлится обвинять знаменитаго изгнанника въ томъ, что послѣ всего пережитаго имъ съ 1812 года онъ сталъ искать опоры у человѣка, съ которымъ въ лучшую пору своей жизни, конечно, не имѣлъ и не желалъ имѣть ничего общаго?

Въ іюлѣ 1816 года Сперанскій снова обратился съ письмомъ къ императору Александру.

«При удаленіи меня отъ лица вашего», писалъ онъ, «ваше императорское величество соизволили мнѣ сказать, что во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе затруднительномъ, ваше величество употребили бы много времени и способовъ на подробное разсмотрѣніе моего поведенія и свѣдѣній, до васъ дошедшихъ.

«Съ того времени доселѣ пятый годъ находясь подъ гнѣвомъ вашего величества, я не переставалъ однако же надѣяться разрѣшенія судьбы моей.

«Время, вмѣсто смягченія моихъ обстоятельствъ, ожесточаетъ мое положеніе; оно усиливаетъ вѣроятность вмѣняемыхъ мнѣ преступленій, ослабляетъ способы къ моему оправданію, стираетъ слѣды, по коимъ можно бы еще было дойти до истины, утверждаетъ, самою продолжительностію, общее о винѣ моей мнѣніе, и вдали, въ концѣ жизни, трудами, бѣдствіями и посрамленіемъ исполненной, указуетъ—безчестный гробъ.

«Именемъ правосудія и милости, кои одни доставляютъ государямъ славу прочную и благословеніе небесное, именемъ ихъ умоляю ваше величество обратить на судьбу мою всемилостивѣйшее ваше вниманіе и рѣшить ее такъ, какъ Богъ вамъ въ сердце вложитъ».

Это письмо, отправленное прямо въ руки государя, конечно, не сопровождалось бы желаемыми для автора его послѣдствіями; зная это

по прежнимъ опытамъ. Сперанскій принялъ свои мѣры для обезпеченія успѣха. Онъ послалъ его графу Аракчееву и написалъ всесильному вельможѣ письмо смиренное, но съ сохраненіемъ достоинства, въ которомъ просилъ его о заступничествѣ передъ государемъ. Это письмо, по выраженію Погодина, попало въ цѣль, пробило грудь, тройною мѣдью покровенную [54].

«Хотя ничѣмъ», писалъ онъ Аракчееву, «не заслужилъ я особеннаго вниманія къ себѣ вашего сіятельства, но зная, по многимъ опытамъ, и любовь вашу къ справедливости, и преданность государю императору, осмѣливаюсь просить васъ, милостивый государь, поднести, при удобномъ случаѣ, прилагаемое при семъ письмо. Дозвольте мнѣ сопроводить его нѣкоторыми объясненіями... Гнѣвъ государя для всякаго долженъ быть великою горестью; обстоятельства, въ коихъ я оному имѣлъ несчастіе подвергнуться, безмѣрно увеличили его тягость. Время двукратной моей ссылки, особливо послѣдней, изъ Нижняго въ Пермь, образъ, коимъ она была произведена, и безполезно жестокія формы, кои при семъ исполнителями были употреблены, злыя разглашенія, вездѣ меня сопровождавшія, — все сіе вмѣстѣ поселило и утвердило общее мнѣніе, что, бывъ уличенъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣваемъ въ государственной измѣнѣ, однимъ милосердіемъ государя я спасенъ отъ суда и послѣдней казни. Таково точно есть положеніе, въ которомъ я нахожусь четыре года съ половиною. Я не утруждалъ его величество никакими жалобами, никакими доносами, ожидая все отъ его собственнаго великодушія. Между тѣмъ слѣды сего происшествія временемъ изглаждаются; люди, въ немъ участвовавшіе, одни умираютъ, другіе отъ службы уклоняются; пройдетъ еще годъ, другой, и для меня не будетъ уже способовъ къ оправданію, забудутъ подробности лицъ и словъ, и останется одно общее впечатлѣніе великой вины, молчаніемъ покрытой. Такимъ образомъ, я сойду во гробъ въ видѣ государственнаго преступника, оставя дочери моей въ единственное наслѣдство безчестное и всѣхъ проклятій достойное имя. Заслужилъ ли я сіи ужасы?.. Не желаю возбуждать состраданія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о справедливости».

Затѣмъ Сперанскій указывалъ, что есть два средства исторгнуть его изъ сихъ бѣдствій: судить его съ обвинителями, или же доставить ему способъ оправдать себя противъ словъ не словами, а дѣлами, отворивъ двери службы. Сперанскій выражалъ надежду, что службою своею онъ «изгладитъ всѣ горестныя воспоминанія, кои лично о свойствахъ» его «могли бы еще въ душѣ его величества оставаться» [55].

Но этой исповѣди, посланной въ руки Аракчеева, было недостаточно. Потребовалось еще нѣчто большее. Сперанскій долженъ былъ лично явиться къ доброму пустыннику въ Грузинскую обитель, и это

Мраморный дворецъ и часть Дворцовой набережной въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ гравюры Щедрина по рисунку съ натуры архитектора Кленце

свиданіе съ грознымъ и всемогущимъ нелюдимомъ рѣшило участь бывшаго государственнаго секретаря [56].

Послѣ этого Сперанскому пришлось оставаться въ непродолжительномъ только недоумѣніи относительно формы, въ которую облечено будетъ прощеніе въ несуществующемъ преступленіи. Аракчеевъ протянулъ Сперанскому руку, но принялъ мѣры, чтобы не допустить его въ Петербургъ. Всѣ опасались возвращенія въ столицу бывшаго всемогущаго реформатора, «le revenant», какъ называлъ его князь Голицынъ; это чувство въ полной мѣрѣ раздѣлялъ, безъ сомнѣнія, и графъ Аракчеевъ.

Дѣйствительно, 30-го августа появился въ Москвѣ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія:

«Передъ начатіемъ войны въ 1812-мъ году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ [57], всемилостивѣйше повелѣваю: тайному совѣтнику Сперанскому быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому воронежскимъ вице-губернаторомъ».

По поводу этого указа Михайловскій-Данилевскій, возвращаясь въ своихъ запискахъ къ таинственной исторіи паденія Сперанскаго въ 1812 году, пишетъ: «Примѣры такихъ ссылокъ въ нашей исторіи многочисленны, но въ царствованіе Александра они были неслыханны, а потому происшествіе сіе произвело въ свое время величайшее на всѣхъ вліяніе и составляло предметъ множества различныхъ толковъ и догадокъ. Чѣмъ болѣе благородный образъ мыслей Александра былъ извѣстенъ, тѣмъ болѣе желали знать, что могло побудить его на такой поступокъ, который находился въ совершенномъ противорѣчіи съ его правилами. Сколько я о семъ противорѣчіи ни размышлялъ, однакожъ нахожу, что государь поступилъ несправедливо, по той причинѣ, что невозможно одобрить наказанія, приведеннаго въ исполненіе безъ суда и даже безъ предварительнаго слѣдствія. Что государь чувствовалъ съ одной стороны угрызеніе совѣсти, а съ другой, какъ монархъ, не хотѣлъ сознаться гласно въ своей ошибкѣ, то это обнаружилось, когда надлежало писать теперь указъ о возвращеніи Сперанскаго и Магницкаго, ибо встрѣтилось столько затрудненій, что статсъ-секретарь Марченко, которому приказано было оный изготовить, четыре раза посылалъ его исправлять

къ государю, и его величество каждый разъ былъ онымъ недоволенъ. Сіе произошло оттого, что императоръ неопредѣлительно далъ свои повелѣнія, приказавъ сказать въ указѣ, что, назначая мѣста Сперанскому и Магницкому, онъ имѣлъ въ виду предоставить имъ возможность выслужиться, обнаруживая мысль, что они виноваты, потому что прощаютъ только виновныхъ, но сего послѣдняго выраженія государю не хотѣлось произнести. Наконецъ, послѣ многократныхъ поправокъ, ночью подписанъ сей указъ, который неясностью и двусмысленностью своею показываетъ, что сочинитель онаго былъ въ великомъ затрудненіи, что именно намѣревался выразить»[58].

Отправляя Сперанскому копію съ высочайшаго указа, графъ Аракчеевъ такъ заключилъ свое препроводительное письмо: «Государю императору пріятно будетъ, если вы, милостивый государь, отправитесь изъ деревни прямо въ назначенную вамъ губернію». Итакъ, хотя, повидимому, Сперанскому возвращалась полная свобода, но тѣмъ не менѣе ему не былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Петербургъ или, лучше сказать, онъ былъ ему въ сущности воспрещенъ. Однако, Сперанскій, въ порывѣ первой радости, спѣшилъ успокоить друзей и писалъ Масальскому[59]: «Какъ бы ни судили въ Петербургѣ, но я душевно радъ и совершенно доволенъ. Для перваго шагу, это болѣе, нежели я когда-нибудь ожидалъ. Вы увидите, и я имѣю на это доказательства, что все прочее пойдетъ, какъ по маслу». Вѣроятно, грузинскій отшельникъ обѣщалъ кое-что лишнее, потому что дѣла Сперанскаго не пошли по маслу, а развѣ по ухабамъ и этапамъ, какъ говоритъ Погодинъ, и ему предстояло еще не разъ жаловаться на судьбу и снова вооружаться терпѣніемъ[60].

Возвращеніе Сперанскаго на службу произвело сильное впечатлѣніе на умы, и современники сравнивали его даже съ вѣстью о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Сообщая эту новость цесаревичу Константину Павловичу въ Варшаву[61], генералъ-адъютантъ Сипягинъ писалъ: «Неожиданное происшествіе сдѣлалось на сихъ дняхъ предметомъ изумленія и общихъ разговоровъ въ городѣ. Сперанскій и Магницкій опредѣлены къ мѣстамъ. Случай сей произвелъ почти такое же волненіе въ умахъ, какъ и бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. Я не распространяюсь въ сужденіяхъ моихъ о семъ происшествіи, но не могу не замѣтить, что въ прилагаемомъ при семъ указѣ отъ обоихъ вышеупомянутыхъ лицъ требуютъ и ожидаютъ очищенія».

Цесаревичъ не замедлилъ отвѣтомъ: «Благодарю васъ за новости», писалъ онъ;—«насчетъ же того, что вы пишете, что одна новость произвела почти такое же волненіе въ умахъ, какъ бѣгство Наполеона съ острова Эльбы, скажу вамъ, что я никогда не волновался и не волнуюсь; впрочемъ, какъ мы другъ друга довольно знаемъ и хотя вдали

бываемъ, но всегда отгадываемъ мысли одинъ другого, слѣдовательно, и въ теперешнемъ разѣ вы меня понимаете, — говорить хотя не позволено, но думать не запрещается, и я заключу на счетъ сего тѣмъ, что всегда большія празднества кончаются иллюминаціею»[62].

Сипягинъ на это замѣчаніе цесаревича возразилъ: «Въ письмѣ вашемъ изволите писать, что хотя мы и отдалены другъ отъ друга, но всегда встрѣчаемся мыслями нашими. Сіе весьма справедливо: я совершенно понялъ ваше заключеніе: «что всегда большіе праздники кончаются иллюминаціею», въ которыхъ случаются иногда и transparent, представляющій весьма странныя фигуры, что и я замѣтилъ на лицахъ нашихъ министровъ послѣ вышеписанной иллюминаціи»[63].

Императоръ Александръ вспомнилъ также въ Москвѣ и о другой жертвѣ событій 1812 года, а именно о несчастномъ Верещагинѣ, который въ день вступленія французовъ въ Москву лишился жизни самымъ варварскимъ образомъ по приказанію графа Ростопчина. Государь призвалъ къ себѣ отца Верещагина, московскаго купца второй гильдіи, и долго съ нимъ бесѣдовалъ; на другой день велѣно было послать ему одинъ изъ самыхъ богатыхъ бриліантовыхъ перстней, находившихся между вещами государя. Кромѣ того, въ особомъ рескриптѣ на имя московскаго главнокомандующаго графа Тормасова разрѣшалось выдать Верещагину двадцать тысячъ рублей[64].

31-го августа (12-го сентября) рано по утру императоръ Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ Тулу.

1-го (13-го) сентября вечеромъ государь прибылъ въ Тулу и поѣхалъ прямо въ соборъ и слушалъ молебенъ, а потомъ въ домъ городского головы Бѣлобородова, гдѣ приготовлена была для принятія его квартира. На слѣдующій день государь осматривалъ общественныя заведенія и оружейный заводъ. При посѣщеніи завода императоръ ковалъ собственноручно съ нѣкоторыми оружейниками, за что пожаловалъ имъ 400 рублей. За симъ послѣдовало представленіе и обѣдъ у государя; къ столу приглашены были кромѣ преосвященнаго и почетнѣйшихъ чиновниковъ еще нѣсколько членовъ тульскаго Библейскаго общества. Вечеромъ былъ балъ.

Въ день пріѣзда въ Тулу, по разсказу Данилевскаго, произошелъ слѣдующій случай. «Вечеромъ», пишетъ онъ, «я пошелъ къ князю Волконскому и засталъ его очень скучнымъ. На вопросъ мой о причинѣ грусти онъ отвѣчалъ, что одинъ изъ служителей императора потерялъ вторую часть Библіи, которую государь обыкновенно читаетъ и возитъ съ собою въ путешествіяхъ; эта Библія на французскомъ языкѣ, въ переводѣ Ле-Метръ де-Саси. — Бѣда еще не велика, сказалъ я; зная, что императоръ любитъ сіе изданіе, которое я неоднократно для него покупалъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ,—я имѣю онаго всегда при себѣ по

Дача графа Строгонова въ Петербургѣ, на Невѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ акварели Мартынова (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

два экземпляра[65]. «Но государь сердитъ», отвѣчалъ мнѣ князь, «по той причинѣ, что онъ въ потерянной книгѣ сдѣлалъ много собственноручныхъ замѣчаній». Итакъ, подумалъ я, государь дѣлаетъ замѣчанія на Библію! — Я не постигаю, продолжалъ князь, какъ сіе могло случиться; обыкновенно, когда мы выѣзжаемъ изъ какого-нибудь города, и когда всѣ вещи бываютъ уложены, то въ то время государь самъ отдаетъ Библію камердинеру и поручаетъ имѣть объ оной особенное попеченіе. Сейчасъ отправили фельдъегеря къ московскому оберъ-полиціймейстеру съ приказаніемъ стараться отыскать Библію; на другой день ее нашли: слуга, торопясь въ дорогу, положилъ ее въ мѣшокъ, привязанный къ козламъ, и объ ней забылъ».

Послѣ Тулы Александръ посѣтилъ Калугу; здѣсь квартира для государя была отведена у богатаго купца Золотарева, который выказалъ при этомъ случаѣ рѣдкое гостепріимство; онъ не только выписалъ изъ Москвы для принятія государя прислугу, поваровъ, лучшіе припасы, плоды, но даже одарилъ всѣхъ, сопровождавшихъ императора, чаемъ и сукномъ, которыми торговалъ, а царскую прислугу—деньгами.

Изъ Калуги государь прослѣдовалъ сперва большою дорогою черезъ Мосальскъ и Рославль, а потомъ проселками до Загустина въ штабъ-квартиру поселеннаго тамъ Елецкаго полка. За столомъ разговоръ коснулся военныхъ поселеній, и его величество сказалъ: «Если мнѣ удастся назначить для войскъ достаточное количество земли, то они не будутъ болѣе вести кочующаго образа жизни». Здѣсь же Александръ подписалъ 4-го (16-го) сентября манифестъ, по которому въ 1816 году отмѣнялся обыкновенный рекрутскій наборъ въ виду достигнутаго «Промысломъ Всевышняго прочнаго мира, утвержденнаго на основаніяхъ взаимнаго, дружественнаго согласія европейскихъ державъ».

Изъ Загустина государь черезъ Черниговъ поѣхалъ въ Кіевъ и прибылъ въ древнюю столицу Россіи 7-го (19-го) сентября вечеромъ.

Въ 1816 году императоръ Александръ побывалъ къ Кіевѣ въ первый разъ. Еще въ дѣтствѣ, въ 1787 году, онъ долженъ былъ провести тамъ съ императрицею Екатериною продолжительное время; но этому воспрепятствовали его родители, и, какъ выше упомянуто, поѣздка эта не состоялась. Кіевская святыня, какъ и слѣдовало ожидать, произвела на его многострадальную душу сильное впечатлѣніе. Александръ не замедлилъ посѣтить въ лаврѣ славившагося своею святою жизнью слѣпого іеросхимонаха Вассіана и пробылъ у него цѣлый вечеръ съ 8 часовъ до полуночи. «Благословите меня!» сказалъ государь. «Еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ и пришелъ поговорить съ вами. Благословите меня». Вассіанъ хотѣлъ поклониться царю въ ноги, но Александръ не допустилъ его до этого и, поцѣловавъ его руку, сказалъ: «Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я—человѣкъ, какъ и прочіе, и

христіанинъ; исповѣдуйте меня, и такъ, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ». Съ сими словами началось совершеніе исповѣди. Во время послѣдовавшаго затѣмъ продолжительнаго разговора государь сказалъ: «При первомъ вступленіи моемъ въ лаврскую церковь такое благоговѣніе наполнило мою душу, и такія чувствованія проникли, что могу съ Павломъ сказать: «былъ аще въ тѣлѣ, или аще кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть». Въ заключеніе государь послалъ за намѣстникомъ лавры; когда тотъ явился и хотѣлъ отдать царю достодолжное поклоненіе, то и его государь не допустилъ до этого, сказавъ: «Благословите, какъ священникъ, и обходитесь со мною, какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей къ спасенію, ибо всѣ дѣла мои и вся слава принадлежитъ не намъ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе» [66].

Въ Кіевѣ государь разстался съ графомъ Аракчеевымъ, который не сопровождалъ его въ дальнѣйшемъ путешествіи. Александръ направился въ Бѣлую Церковь и остановился по случаю происходившихъ тамъ смотровъ на два дня въ Александріи, въ имѣніи графини Браницкой.

Пребываніе въ Александріи навело Данилевскаго на слѣдующія размышленія: «Я провелъ оба вечера въ одной комнатѣ съ государемъ и, не любя ни танцевъ [67], ни новыхъ знакомствъ, я безпрестанно наблюдалъ императора и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною. По обыкновенію своему, онъ былъ веселъ и разговорчивъ, много танцовалъ и обхожденіемъ своимъ хотѣлъ заставить, чтобы забыли санъ его, но, не взирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность въ обращеніи, у него вырывались повременамъ такіе взгляды, которые обнаруживали, что душа его была въ волненіи, и что мысли его устремлены были совсѣмъ на другіе предметы, нежели на балъ и на женщинъ, которыми онъ, повидимому, занимался; а иногда блистало у него во взорахъ нѣчто такое, которое ясно говорило, что онъ помнитъ въ эту минуту, что онъ рожденъ самодержцемъ. Я думаю, что Теофрастъ и Лабрюеръ были бы въ затрудненіи, ежели бы имъ надлежало изобразить его характеръ» [68].

Направляясь въ Варшаву, государь намѣревался сначала ѣхать черезъ Люблинъ на Пулавы, но затѣмъ въ Кіевѣ велѣлъ приготовить лошадей по дорогѣ изъ Житоміра черезъ Брестъ-Литовскій, видимо избѣгая встрѣчи съ кѣмъ либо изъ семейства Чарторижскихъ [69].

«Дорогою», пишетъ Данилевскій, «я слышалъ повсюду жалобы отъ русскихъ чиновниковъ, занимающихъ мѣста въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, что поляки стараются ихъ всѣми силами удалять. Государь съ поляками обращался ласковѣе, нежели съ русскими, что происходитъ не отъ душевнаго къ нимъ расположенія, а отъ политическихъ видовъ, ибо онъ желаетъ искоренить вѣковую вражду, су-

ществующую между двумя народами, соединенными, наконецъ, его побѣдами подъ одну державу. Конечно, ненависть сія стара, право давности въ ея пользу, но благоразуміе и здравый смыслъ еще старѣе лѣтами: говорятъ, что они современны мірозданію, хотя, къ несчастію, столько же, какъ и твердь земная, подвержены потрясеніямъ. Русскіе обижаются мнимымъ предпочтеніемъ государя къ полякамъ, но нельзя не признаться, что, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ путешествіи оно весьма извинительно, даже и кромѣ политическихъ причинъ. Мы проѣхали отъ Петербурга до Волынской губерніи большое пространство Россіи и находили только одно разореніе и жалобы, а не успѣли мы вступить въ польскій край, какъ все облеклося въ радостный видъ. Напримѣръ, въ Житомірѣ, который есть весьма посредственный губернскій городъ, представлялось императору до двухъ сотъ человѣкъ дворянъ, въ то время, какъ въ самой Москвѣ было только сорокъ два дворянина при представленіи[70]. Губернскій предводитель въ Житомірѣ, молодой графъ Илинскій, произнесъ прекрасное привѣтствіе его величеству, въ то время какъ предводители въ семи великороссійскихъ губерніяхъ не могли при государѣ отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они болѣе являли изъ себя метръ д'отелей, занимавшихся угощеніемъ, нежели представителей дворянства. У одного изъ нихъ императоръ спросилъ, почему онъ не былъ на смотру войскъ, происходившемъ по утру.—«Я распоряжался столомъ для вашего величества», отвѣчалъ предводитель. Самые отличные люди, которыхъ я нашелъ въ семи великороссійскихъ губерніяхъ, какъ по поведенію своему, такъ и по образованію, были архіереи; зато и императоръ оказывалъ имъ особенное вниманіе, принималъ ихъ въ кабинетѣ и за обѣдомъ сажалъ ихъ возлѣ себя по правую сторону. Членовъ библейскихъ обществъ государь тоже въ сію поѣздку много ласкалъ. На все въ свѣтѣ бываетъ мода, думалъ я».

Императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву 18-го (30-го) сентября вечеромъ и оставался въ своей новой столицѣ болѣе двухъ недѣль. Во все время пребыванія своего въ Варшавѣ государь носилъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла; онъ былъ неразлученъ съ цесаревичемъ, пріѣзжавшимъ къ нему рано поутру и проводившимъ съ нимъ весь день. Въ виду общей обоимъ братьямъ страсти къ военному ремеслу, разводы, парады, смотры и маневры не прекращались во все время высочайшаго тамъ присутствія. Императоръ остался вполнѣ доволенъ войсками, представленными ему цесаревичемъ, и, какъ выразился Константинъ Павловичъ въ своей перепискѣ, государь не только что былъ доволенъ, но былъ даже удивленъ[71].

Когда во время большого парада, произведеннаго 23-го сентября (5-го октября) всѣмъ вообще войскамъ россійскимъ и польскимъ, располо-

женнымъ въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ, пѣхота проходила баталіонными колоннами, то государь съ пріятною улыбкою сказалъ цесаревичу, что «это точно такъ, какъ польскіе графленые въ клѣточкахъ рапорты» [72]. Не менѣе любопытенъ слѣдующій разсказъ цесаревича: 30-го сентября

Барская карета Александровскаго времени.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

(12-го октября) разводъ былъ польскаго гвардейскаго гренадерскаго баталіона и 1-го пѣхотнаго полка обоихъ баталіоновъ, съ ученіемъ гренадерскому баталіону, которое чрезвычайно было хорошо, и государь императоръ совершенно былъ доволенъ и притомъ изволилъ замѣтить

и хвалить, что въ построеніи колоннъ и деплоядахъ, равно и въ другихъ построеніяхъ, гдѣ движеніе происходило рядами, то люди во всѣхъ трехъ шеренгахъ такъ вѣрно держали плечи и равнялись взаимно на передовыхъ, что слѣды на землѣ означали три черты, совершенно прямыя и паралельныя, чѣмъ доказывалось, что не было никакого волненія въ сторону и отрыванія и толканія локтями, а отъ соблюденія вѣрности въ плечахъ не происходило никакого криволинейнаго направленія»[73].

Въ Варшавѣ Данилевскій замѣтилъ большую перемѣну противъ того, что онъ видѣлъ въ прошломъ году. Тогда поляки казались недовольными своимъ новымъ положеніемъ, владычествомъ русскихъ и тѣсными границами, назначенными для ихъ царства. Они полагали, что ихъ политическое бытіе не утверждено на прочномъ основаніи, что благоденствіе въ ихъ отечествѣ водворено быть не можетъ, потому что, по всей вѣроятности, ихъ подчинятъ не законамъ, а какому-нибудь честолюбивому намѣстнику; военные же, образованные во французскихъ арміяхъ, съ которыми они странствовали по всѣмъ частямъ свѣта, еще не приноровившіеся къ строгости военной подчиненности, надѣялись на могущіе произойти перевороты. «Нынѣ, записалъ Данилевскій,— я нашелъ во всемъ противное: насъ, русскихъ, принимали ласково, военные ознакомились съ нашею службою и полюбили ее[74], и общее мнѣніе, что наконецъ насталъ предѣлъ бѣдствіямъ, заступило мѣсто прежней недовѣрчивости и сомнѣній».

5-го (17-го) октября императоръ Александръ разстался съ Варшавою, щедро наградивъ подчиненныхъ цесаревича. Намѣстнику генералу Заіончеку пожалована была Андреевская лента. Государь черезъ Брянскъ направился въ Бѣлостокъ и Гродно[75].

Изъ Гродно императоръ продолжалъ путь, слѣдуя по берегу Нѣмана въ Ковно, и 9-го (21-го) октября прибылъ въ Ригу. Здѣсь на парадѣ, послѣ всѣхъ чудесъ военнаго искусства, представленныхъ цесаревичемъ въ Варшавѣ, государю пришлось уже не восхищаться и благодарить, а гнѣваться; послѣ смотра онъ былъ настолько недоволенъ, что собственноручно написалъ слѣдующій приказъ:

«Генералъ-лейтенанту Гельфрейху дѣлается выговоръ за слабость Навагинскаго и Эстляндскаго полковъ его дивизіи, составляющихъ 2-ю бригаду. Оной командиру генералу-маіору Пушкину состоять при дивизіонномъ начальникѣ той же дивизіи. Генералъ-маіоръ Тимротъ назначается командиромъ сей бригады. Баталіонный командиръ 1-го баталіона Навагинскаго полку за слабость его баталіона отрѣшается отъ командованія симъ баталіономъ. Строжайше предписывается какъ дивизіонному, такъ и бригадному командиру привести сіи полки въ надлежащій порядокъ. Вслѣдствіе бывшаго смотра дѣлаются ниже-

писанныя замѣчанія: 1) шагъ слабъ, невѣренъ, многіе люди ноги совсѣмъ не держатъ, 1-й баталіонъ Навагинскаго полку еще хуже прочихъ. 2) Штабъ-офицеры своихъ мѣстъ не знаютъ. Проходя сомкнутыми колоннами, иные баталіонные командиры ѣхали вмѣстѣ съ адъютантами; въ 3-мъ баталіонѣ Эстляндскаго полку младшій штабъ-офицеръ ѣхалъ на правомъ флангѣ, а адъютантъ на лѣвомъ перваго взвода. 3) У того же штабъ-офицера оголовіе на лошади не форменное, и не доставало уздечки. 4) Большая часть баталіонныхъ адъютантовъ не умѣютъ сидѣть верхомъ, ни шпаги держать. 5) Въ Навагинскомъ полку унтеръ-офицеры подъ знаменами были изъ гренадерской роты, чего не слѣдуетъ».

Приближаясь къ Петербургу, Александръ, во время обѣда на станціи Клейнъ-Пунгернъ, разговаривая съ Данилевскимъ, высказалъ свой взглядъ на военное и политическое значеніе границъ имперіи, коими Россія обязана была его царствованію. По словамъ Данилевскаго, разговоръ завязался слѣдующимъ образомъ: государь спросилъ, понравился ли ему видъ Пейпусскаго озера, которое только что миновали. «Я отвѣчалъ, пишетъ Данилевскій,—что оно привело мнѣ на память древнюю границу Россіи». «Съ симъ словомъ государь пересталъ кушать и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ почти безпрестанно одинъ; вотъ собственныя его слова, мною того же дня записанныя:

«Признайся, что съ тѣхъ поръ границы наши порасширились. Я не знаю государства, которое имѣло бы столь выгодныя границы. Возьмемъ отъ самаго сѣвера. Ботническій заливъ есть непреодолимая стѣна, а въ окрестностяхъ Торнео нападеній бояться намъ не должно, потому что тамъ ходятъ одни олени и лапландцы. Мысль Петра Великаго была, чтобы имѣть границею Ботническій заливъ, но ему не удалось привести онаго въ исполненіе. Обстоятельства заставили насъ вести войну со шведами, и завоеваніе Финляндіи имѣло уже для Россіи величайшую пользу; безъ онаго въ 1812 году не могли бы мы, можетъ быть, одержать успѣха, потому что Наполеонъ имѣлъ въ Бернадотѣ управителя своего, который, находясь въ пяти маршахъ отъ нашей столицы, неминуемо принужденъ бы былъ соединить свои силы съ наполеоновыми. Мнѣ Бернадотъ нѣсколько разъ это сказывалъ и говорилъ, что онъ имѣлъ отъ Наполеона предписаніе объявить Россіи войну; Бернадотъ же зналъ, что, хотя мы и могли имѣть въ войнѣ неудачу, но что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы опять бы возстали, или по смерти Наполеона, или отъ перемѣны обстоятельствъ, и, укрѣпясь собственными силами своими, отомстили бы шведамъ.

«Теперь взглянемъ мы на нашу европейскую границу. Польское царство послужитъ намъ авангардомъ во всѣхъ войнахъ, которыя мы можемъ имѣть въ Европѣ; сверхъ того, для насъ есть еще та выгода,

что давно присоединенныя къ Россіи польскія губерніи, при могущей встрѣтиться войнѣ, не зашевелятся, какъ то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссія, которая имѣеть Позень, и Австрія, у которой есть Галиція.

Этимъ счастливымъ положеніемъ границъ нашихъ обязаны мы Промыслу Божію, и Онъ поставилъ Россію въ такое состояніе, что она болѣе ничего желать не можетъ. Посему она имѣетъ безпристрастный голосъ въ политическихъ дѣлахъ Европы, подобно какъ въ частномъ быту человѣкъ, которому не остается ничего желать, всегда откровеннѣе и призывается другими въ посредники. Это дало намъ большой перевѣсъ въ Вѣнскомъ конгресѣ и въ Парижѣ, какъ во время перваго, такъ и второго нашего тамъ пребыванія.

«Что касается до Турціи, то, по многимъ соображеніямъ, а особенно по безсилію ея, въ которомъ она находится, она есть для насъ безопасный, а потому наилучшій сосѣдъ.

«Францію раздѣлить на части пустая мысль, хотя многія державы ее имѣли...... .

«При сихъ словахъ, пишетъ Данилевскій,—къ крайнему сожалѣнію моему, подали кофе; выпивъ оный, мы встали изъ-за стола. Императоръ пошелъ въ особливую комнату, а мнѣ надобно было въ ту же минуту ѣхать на станцію Кипень, гдѣ былъ назначенъ послѣдній ночлегъ передъ Петербургомъ».

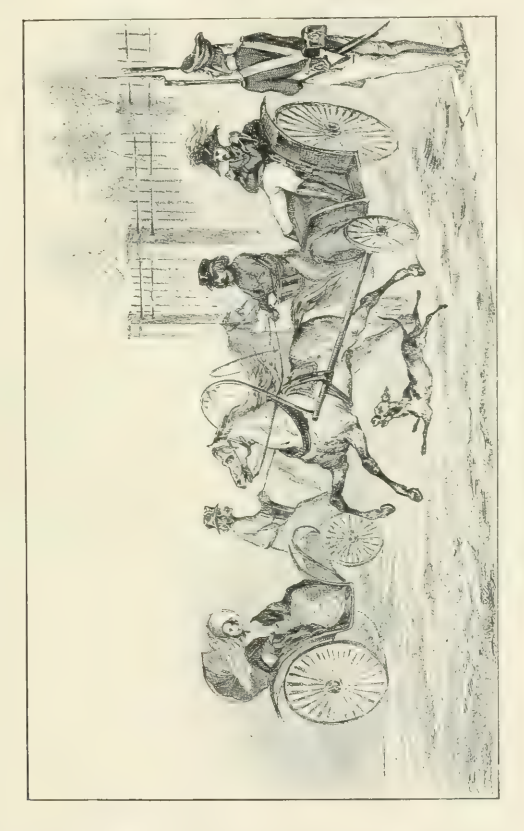
Этотъ любопытный разговоръ, имѣвшій политическій оттѣнокъ, достойнымъ образомъ заключилъ собою продолжительное путешествіе 1816 года. За все время совершенныхъ тогда переѣздовъ Данилевскому пришлось записать не много столь интересныхъ застольныхъ бесѣдъ. Чаще всего императоръ Александръ любилъ разсказывать своимъ спутникамъ о смотрѣ въ Вертю. Такимъ образомъ, 8-го (20-го) сентября въ Кіевѣ Данилевскій записалъ: «Сегодня я обѣдалъ съ государемъ. Его величество по обыкновенію началъ разсказывать о смотрѣ при Вертю; вотъ уже четыре обѣда сряду, что онъ о семъ говоритъ». Изрѣдка только прорывались болѣе интересные разговоры. Однажды государь возсталъ съ жаромъ противъ винокуренія и винныхъ откуповъ. Винокуреніе, сказалъ онъ, привело Малороссію въ совершенное изнеможеніе; - она находится въ такомъ положеніи, какъ человѣкъ разслабленный (elle est dans un état d'apathie). Но нельзя пенять на помѣщиковъ, что они обратили вниманіе свое на сію отрасль промышленности, казна даетъ имъ въ семъ примѣръ: главнѣйшій доходъ ея состоитъ въ откупѣ; министръ финансовъ называетъ оный жемчужиною нашихъ доходовъ. Можно малороссіянамъ обратить капиталы свои на другія отрасли промышленности, напримѣръ, на конскіе заводы; но теперь сему препятствуетъ запрещеніе продавать заграницу лошадей. Сему запрещенію.

Императоръ Александръ I.

Съ перваго пробнаго оттиска не оконченной гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

сдѣланному покойнымъ императоромъ, служило поводомъ то, что цѣна лошадей для конницы была слишкомъ высока, а другою причиною то, чтобы лишить сосѣдей нашихъ русскихъ лошадей. Похваляя первую изъ нихъ, я признаю вторую несправедливою, потому что если сосѣди не могутъ у насъ покупать лошадей, то они купятъ ихъ въ другомъ

Барскія дрожки александровскаго времени.
Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

мѣстѣ. Но я нахожусь вынужденнымъ запретить продажу заграницу лошадей, потому что ремонтъ оныхъ для кавалеріи сталъ безъ того бы очень дорогъ. Чтобы отвратить сіе неудобство и въ то же время дать способы помѣщикамъ завести конскіе заводы, нужно напередъ устроить таковые казенные. Сіе можно сдѣлать въ два или три года, потому что у насъ есть первоначальныя для того потребности (la matière première).

Жителей Малороссіи, продолжалъ императоръ, «можно раздѣлить на два класса: одни дѣлаютъ горѣлку, а другіе ее пьютъ. Я входилъ въ избы малороссійскихъ крестьянъ и нашелъ ихъ въ неописанной нечистотѣ. Недалеко отъ Кіева я встрѣтилъ одного малороссійскаго пана, ѣхавшаго въ коляскѣ въ сопровожденіи двухъ казаковъ или верховиковъ съ пиками; употребляя людей такимъ образомъ на пустыя затѣи, ихъ отвлекаютъ отъ работы. Осматривая въ Калужской губерніи хлѣбопашество помѣщика Полторацкаго, я нашелъ крестьянъ въ бѣдномъ положеніи, но господскую запашку очень хорошо обработываютъ. Это образецъ иностраннаго хозяйства, а не нашего; въ Россіи добрый помѣщикъ и хорошій хозяинъ долженъ смотрѣть, чтобы крестьяне были богаты; собственная же запашка не составляетъ единственной цѣли домоводства». О семъ предметѣ, прибавляетъ Данилевскій, государь говорилъ съ жаромъ; видно было, что онъ чувствуетъ тягостное положеніе крестьянъ, которыхъ онъ по-французски называетъ «des vassaux».

Дополнимъ данныя, сообщенныя Данилевскимъ о путешествіяхъ императора Александра и служащія къ его характеристикѣ, еще слѣдующимъ разсказомъ.

Проѣзжая черезъ одинъ изъ городовъ, Александръ Павловичъ разговорился съ хозяиномъ дома, въ которомъ ему была отведена квартира. Разспрашивая о лицахъ, собравшихся передъ домомъ, онъ обратилъ вниманіе на одну старушку и пожелалъ узнать, кто она.

«Это вдова полковника Костомарова, пріѣхала изъ деревни, отвѣтили ему.

«А зачѣмъ пріѣхала? Что, она богатая? спросилъ государь.

«Нѣтъ, не богатая, у нея только 25 душъ, а пріѣхала, только чтобы посмотрѣть на васъ».

Этотъ отвѣтъ повидимому понравился государю.

«А что, у нея есть семейство? спросилъ Александръ Павловичъ.

«Одинъ сынъ служилъ въ артиллеріи и тотъ убитъ подъ Бородинымъ.

Александръ вышелъ, сталъ обходить собравшихся и обратился также и къ заинтересовавшей его старушкѣ.

«Кто вы? спросилъ онъ.

«Полковница Костомарова.

«Гдѣ живете?

«Въ деревнѣ, пріѣхала, чтобы посмотрѣть васъ.

«Благодарю».

Затѣмъ императоръ сдѣлалъ видъ, что припоминаетъ что-то.

«А позвольте, снова заговорилъ онъ,— не было ли у васъ сына въ артиллеріи?

«Былъ.

«Онъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи?

«Да, отвѣчала старушка.

«Это заставляетъ меня вдвое уважать васъ, какъ мать героя. Позвольте поцѣловать вашу руку».

Восторженное ура собравшейся толпы послужило лучшимъ доказательствомъ впечатлѣнія, произведеннаго словами государя на присутствовавшихъ при этой сценѣ [76].

13-го (25-го) октября 1816 года императоръ Александръ возвратился изъ путешествія въ Царское Село [77]. Тихая придворная жизнь вступила въ свою обычную колею. Вскорѣ при дворѣ былъ наложенъ трауръ по случаю кончины короля виртембергскаго; великая княгиня Екатерина Павловна сдѣлалась виртембергскою королевою.

Въ ноябрѣ государь осматривалъ вновь отстроенное зданіе главнаго штаба. Послѣ преобразованія военнаго министерства въ 1815 г. особенную дѣятельность по устройству ввѣреннаго ему инспекторскаго департамента обнаружилъ генералъ-адъютантъ Закревскій [78]. Въ отчетѣ его по управленію Дежурства встрѣчается нѣсколько любопытныхъ строкъ, посвященныхъ очерку положенія, въ которомъ онъ засталъ эту часть при вступленіи въ должность; онѣ даютъ понятіе о томъ, въ какомъ состояніи находились вообще въ то время присутственныя мѣста въ имперіи.

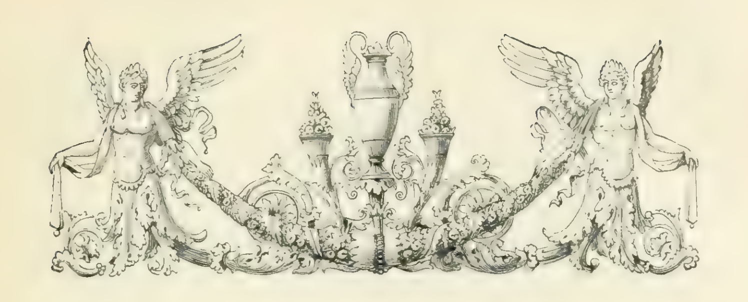
«При вступленіи моемъ въ должность», пишетъ генералъ-адъютантъ Закревскій, «я нашелъ инспекторскій департаментъ, въ отношеніи къ наружности, въ томъ жалкомъ видѣ, который извѣстенъ всякому, кто посѣщалъ когда-либо бывшую военную коллегію. Въ комнатахъ съ грязнымъ поломъ и съ покрытыми паутиною стѣнами, около столовъ изломанныхъ, изрѣзанныхъ и замаранныхъ чернилами, сидѣли неопрятно-одѣтые, а иногда и въ рубищахъ, чиновники и писаря на изломанныхъ же, веревками связанныхъ стульяхъ и скамейкахъ, гдѣ вмѣсто подушекъ употреблялись журнальныя книги. Большею частію стеклянныя и глиняныя помадныя банки служили чернилицами, полѣно дровъ нерѣдко вмѣсто пресоара; подсвѣчники простые, желѣзные. Подъ столами и вездѣ по полу валялись кипы бумагъ въ пыли и безпорядкѣ, а между ними дрова и ведра съ водою; приходящіе толкались, въ томъ числѣ и сбитенщики, имѣвшіе также невозбранный входъ въ канцелярію. Писаря жили въ разныхъ частяхъ города и, получая жалованья больше нынѣшняго, часто нуждались въ дневномъ пропитаніи, и не только единообразной, но и опрятной одежды и обуви не имѣли. Дѣлъ и бумагъ къ 1-му января 1816 года было въ нерѣшеніи до 4,000; при первомъ взглядѣ на теченіе дѣлъ видна была во всемъ медленность или и самое упущеніе» [79].

Вотъ съ какими своеобразными порядками приходилось бороться въ Россіи умному администратору въ началѣ девятнадцатаго вѣка [80].

Въ заключеніе разскажемъ здѣсь, какъ проходилъ въ то время обычный день у императора Александра. Онъ вставалъ часу въ восьмомъ; въ половинѣ девятаго князя Волконскаго извѣщали, что государь оканчиваетъ туалетъ: это значило, что ему надобно идти къ его величеству; никто въ это время не имѣлъ къ нему входа, кромѣ князя, тутъ же принимавшаго приказанія относительно двора и обѣденнаго стола. Лишь только государь кончалъ одѣваться, то обыкновенно къ нему опять призывали князя Волконскаго и затѣмъ графа Аракчеева; первый докладывалъ по военной части, а второй по дѣламъ вообще всей имперіи, «коей онъ былъ настоящій намѣстникъ», замѣчаетъ современникъ [81]. Они проводили въ кабинетѣ часа съ полтора. За ними слѣдовали на полчаса дипломаты, графы Нессельроде и Каподистріа. Потомъ звали главнокомандующаго столицы Вязмитинова и коменданта Башуцкаго съ рапортами о состояніи Петербурга и карауловъ; минутъ черезъ пять вводили ординарцевъ и вѣстовыхъ, а съ ними являлись генералъ-адъютанты, которымъ государь дѣлалъ нѣсколько незначащихъ вопросовъ о погодѣ и тому подобное, что продолжалось нѣсколько минутъ; въ заключеніе всѣ отправлялись къ разводу, продолжавшемуся съ часъ, до двѣнадцатаго часа. Послѣ развода его величество завтракалъ, ѣздилъ гулять и ходилъ много пѣшкомъ, не взирая ни на какую погоду, и возвращался къ тремъ часамъ къ столу. Министры пріѣзжали по вечерамъ, но рѣдко, обыкновенно же представляли чрезъ графа Аракчеева бумаги, которыми императоръ занимался наединѣ, преимущественно же во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, которое онъ посѣщалъ часто даже зимою.

«Богъ даровалъ мнѣ это мѣсто для моего успокоенія и наслажденія Его богатыми милостями и дарами природы», сказалъ однажды императоръ Александръ доктору Д. К. Тарасову;—«здѣсь я удаленъ отъ шума столицы, неизбѣжнаго этикета фамильнаго, и здѣсь я успѣваю сдѣлать въ одинъ день столько, сколько мнѣ не удается сдѣлать въ городѣ во всю недѣлю» [82].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВАЖНОЕ событіе, совершившееся въ царской семьѣ, ознаменовало собою 1817 годъ: въ теченіе этого года состоялось бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича.

Въ іюнѣ принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина, сопровождаемая своимъ братомъ принцемъ Вильгельмомъ. Великій князь встрѣтилъ свою невѣсту на русской границѣ[83]. Императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ выѣхали 18-го (30-го) іюня на встрѣчу принцессѣ въ Касково. Пріемъ былъ очень трогательный и самый сердечный. Государь представилъ своей родительницѣ принца Вильгельма словами: «представляю вамъ моего новаго брата». — «Значитъ, у меня будетъ однимъ сыномъ болѣе», отвѣчала императрица[84]. 19-го іюня (1-го іюля) принцесса прибыла въ Павловскъ, гдѣ собрался весь дворъ; здѣсь ее поджидала также и императрица Елисавета Алексѣевна. Новизна впечатлѣній до того по-

разила принцессу, что она растерялась, какъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь къ ней: «Не найдется ли у васъ и для меня взгляда?» Принцесса бросилась въ объятія императрицы, которая тронула ее своимъ радушнымъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ преувеличеній, безъ выраженія излишнихъ чувствъ. Вдовствующая императрица была въ восторгѣ отъ невѣсты и сказала, что идеалъ всѣхъ ея желаній осуществился, потому что небо послало ей подобную дочь[85].

20-го іюня (2-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ принцессы Шарлотты въ Петербургъ. Всѣ смотрѣли на нее съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастіе ея матери. Что касается великаго князя Николая Павловича, то, какъ замѣчаетъ современникъ, русскіе тогда еще мало знали его[86]; «едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ заграницей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію, но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны были потрясать міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагосклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно-писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ[87]. И даже въ этотъ день ликованья царской семьи я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе».

Въ день въѣзда принцессы Шарлотты въ Петербургъ оберъ-гофмейстеръ Шильденъ вручилъ государю письмо прусскаго короля, а генералъ Натцмеръ—рапортъ о состояніи полка имени императора Александра. Натцмеръ при этомъ случаѣ сказалъ: «Sire, nous amenons ce que nous avons de plus cher et de plus précieux».—Государь отвѣчалъ, что знаетъ и чувствуетъ, какую жертву принесли ему король и народъ, но что черезъ это узы дружбы и единенія между обѣими націями сдѣлаются еще прочнѣе, если только онѣ могутъ быть еще болѣе прочными, и что онъ съ своей стороны сдѣлаетъ все, чтобы принцесса была счастлива[88].

24-го іюня (6-го іюля) состоялось мѵропомазаніе принцессы Шарлотты, нареченной великой княжною Александрой Ѳеодоровной, а 25-го іюня (7-го іюля), въ день рожденія великаго князя Николая Павловича, происходило обрученіе. Обрядъ бракосочетанія совершенъ былъ 1-го (13-го) іюля. Новобрачные поселились въ Аничковскомъ дворцѣ[89]. Здѣсь великій князь, до вступленія на императорскій престолъ, наслаждался радостями семейной и частной жизни и имѣлъ полное основаніе сказать своей супругѣ: «Если кто-нибудь спроситъ, въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастіе, сдѣлай одолженіе, пошли его въ Аничковскій рай». По словамъ Жуковскаго, опредѣленнаго къ молодой великой княгинѣ преподавателемъ русскаго языка, ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому, радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими.

Нѣсколько ранѣе всѣхъ этихъ придворныхъ празднествъ въ Царскомъ Селѣ совершилось одно скромное торжество, о которомъ нельзя не упомянуть здѣсь. 9-го (21-го) іюля 1817 года состоялся первый выпускъ воспитанниковъ Лицея. Въ этотъ день императоръ Александръ явился въ конференцъ-залъ созданнаго имъ заведенія въ сопровожденіи князя А. Н. Голицына. Государь самъ раздавалъ призы и аттестаты воспитанникамъ и, объявивъ награды какъ имъ, такъ и наставникамъ ихъ, удалился, отечески распростившись со всѣми. Излишне будетъ припоминать здѣсь, что въ числѣ воспитанниковъ этого перваго лицейскаго выпуска находился Пушкинъ.

Послѣ большихъ маневровъ, начавшихся въ концѣ іюля мѣсяца въ окрестностяхъ Петергофа, императоръ Александръ, по установившемуся съ 1816 года обыкновенію, снова предпринялъ большую поѣздку по Россіи; на этотъ разъ отсутствіе государя изъ Петербурга продолжалось почти безъ перерыва до конца 1818 года[90]. Въ октябрѣ 1817 года вся императорская фамилія предполагала собраться въ Москвѣ, чтобы провести тамъ зиму и весну слѣдующаго года.

25-го августа (6-го сентября) государь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Витебскъ и Могилевъ для осмотра войскъ первой арміи, которою командовалъ фельдмаршалъ князь Барклай де Толли[91]. Въ самый день отъѣзда послѣдовалъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалось: «Миръ, благословеніемъ Всевышняго существующій нынѣ въ Европѣ, и настоящее устройство арміи и флотовъ нашихъ доставляютъ намъ сердечное удовольствіе возвѣстить еще разъ любезновѣрнымъ подданнымъ нашимъ, что рекрутскій наборъ на всемъ пространствѣ нашей имперіи не нуженъ и нами въ нынѣшнемъ году отмѣняется».

Въ тотъ же день послѣдовало назначеніе новаго министра юстиціи. Д. П. Трощинскій по прошенію былъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ въ 10,000 рублей въ годъ; онъ былъ замѣненъ, по рекомендаціи графа Аракчеева, генераломъ княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ, тѣмъ самымъ, который десять лѣтъ передъ тѣмъ подписалъ Тильзитскій трактатъ. При этомъ случаѣ государь написалъ новому министру: «Удостовѣренъ я въ полной мѣрѣ, что вы оправдаете въ строгомъ смыслѣ названіе, присвоенное инструкціею генералъ-прокурору: око императорское»[22].

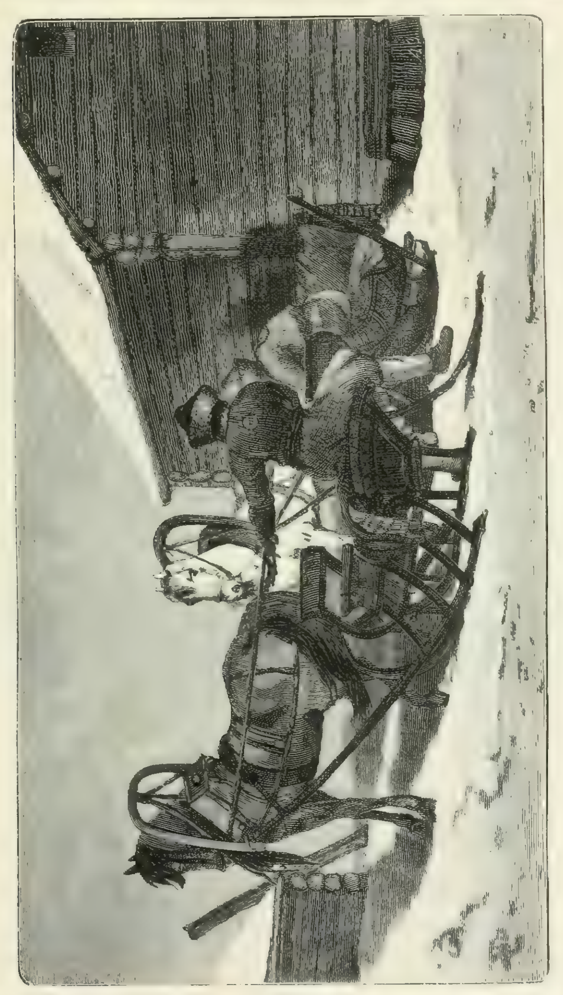
День своего тезоименитства императоръ Александръ провелъ въ главной квартирѣ первой арміи, расположенной въ Могилевѣ. Присутствуя здѣсь, между прочимъ, на ученіи конно-артиллерійской роты подполковника Тебенькова, государь былъ на столько ею доволенъ, что пожаловалъ унтеръ-офицерамъ по 50 рублей, а рядовымъ по 25 рублей, чему прежде не было примѣра; даже за Бородинское сраженіе дано было нижнимъ чинамъ только по пяти рублей.

Императоръ Александръ пригласилъ Барклая сопровождать его при намѣченныхъ имъ дальнѣйшихъ смотрахъ частей первой арміи, которые должны были закончиться въ Тарутинѣ; но въ Москву фельдмаршалъ не былъ приглашенъ. «Видъ сей столицы не могъ быть ему пріятенъ», замѣчаетъ Данилевскій. При Барклаѣ находился начальникъ главнаго штаба первой арміи, генералъ баронъ Дибичъ, котораго государь отличалъ особеннымъ образомъ. Фельдмаршалъ отправился прямо въ Черниговъ, а Александръ изъ Могилева прослѣдовалъ еще въ Бобруйскъ.

Пребываніе въ Бобруйской крѣпости императора ознаменовано было двумя случаями, записанными очевидцемъ. Государь обошелъ весь крѣпостной валъ и съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ возведенныя тамъ укрѣпленія. Замѣтивъ гору, командовавшую Бобруйскомъ, онъ сказалъ: «Если непріятель поставитъ на ней батареи, то непремѣнно овладѣетъ городомъ». Замѣчаніе это сопровождалось повелѣніемъ построить на этой горѣ укрѣпленіе. Оно было окончено въ 1825 году и названо въ честь прусскаго короля: «Фридрихъ-Вильгельмъ».

Переходимъ къ другому случаю, который, по словамъ Данилевскаго, обнаруживаетъ сердце Александра: «Въ Бобруйской крѣпости содержался одинъ штабъ-офицеръ за какой-то буйственный поступокъ. Но комендантъ Бергъ не запиралъ его въ казематъ, какъ это въ подобныхъ случаяхъ водится, и позволялъ ему свободно ходить по городу. Сіе обстоятельство доведено было до свѣдѣнія государя, и когда жена того штабъ-офицера подала просьбу императору объ облегченіи участи мужа ея, его величество сказалъ ей съ улыбкою, въ которой изображалась вся добрая душа его, изъ которой видно было, что снисхожде-

ніе начальника крѣпости было ему пріятно, хотя оно и не соотвѣтствовало строгости законовъ: «Но онъ не такъ несчастливъ, какъ вы пишете, ибо комендантъ смотритъ иногда на арестантовъ сквозь пальцы».

Извозчичьи сани въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ гравюры того времени Аткинсона.

«Надобно знать, что слова сіи были произнесены въ присутствіи самого коменданта, который ожидалъ, какъ онъ мнѣ послѣ сего самъ признавался, не отзыва, подобнаго сему, но выговора за свое мягкосердіе».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Изъ Бобруйска Александръ черезъ Черниговъ прибылъ, 6-го (18-го) сентября, въ Кіевъ.

Когда смерклось, императоръ послалъ флигель-адъютанта Данилевскаго въ Печерскую лавру сказать схимнику Вассіану, что будто князь Волконскій намѣренъ посѣтить его; вмѣстѣ съ тѣмъ Данилевскому повелѣно было ожидать государя у воротъ крѣпости. «Вскорѣ потомъ», пишетъ Данилевскій, «государь надѣлъ шинель и поѣхалъ въ темнотѣ и на дрожкахъ въ лавру, гдѣ я его встрѣтилъ; и такъ какъ намъ надлежало идти мимо часовыхъ, то государь велѣлъ мнѣ, когда насъ окликивали, отвѣчать, что иду я. Императоръ пробылъ у схимника болѣе часа».

Въ день отъѣзда государя въ Бѣлую Церковь, 8-го (20-го) сентября, за обѣдомъ, когда разговоръ коснулся обязанностей людей различныхъ состояній, равно и монарховъ, Александръ неожиданно произнесъ твердымъ голосомъ слѣдующія слова, за точность которыхъ, пишетъ Данилевскій, онъ ручается, потому что записалъ ихъ тотчасъ послѣ обѣда:

«Quand quelqu'un a l'honneur d'être à la tête d'une nation comme la nôtre, il doit au moment du danger être le premier à l'affronter. Il ne doit rester à sa place qu'aussi longtemps que ses forces physiques le lui permettent, ou pour le dire en un mot, aussi longtemps qu'il peut monter à cheval. Passé ce terme, il faut qu'il se retire» (Когда кто-нибудь имѣетъ честь находиться во главѣ такого государства, какъ наше, онъ долженъ, въ моментъ опасности, первый становиться лицомъ къ лицу съ нею. Онъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его физическія силы будутъ ему позволять это, или, чтобы сказать однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи садиться на лошадь. Послѣ этого—онъ долженъ удалиться).

«При сихъ словахъ, пишетъ Данилевскій,—на устахъ государя явилась улыбка выразительная, и онъ продолжалъ:

«Quant à moi je me porte bien à présent, mais dans dix ou quinze ans, quand j'aurai cinquante ans, alors...» (Что касается меня, то въ настоящее время я прекрасно чувствую себя, но черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ, тогда...).

«Тутъ нѣсколько присутствующихъ прервало императора и, какъ не трудно догадаться, увѣряли, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ будетъ здоровъ и свѣжъ. Неужели, подумалъ я, государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отреченіи отъ престола, приведенную въ исполненіе Діоклетіаномъ и Карломъ V? Какъ бы то ни было, но сіи слова Александра должны принадлежать исторіи»[93].

Данилевскій въ то время, конечно, ничего не зналъ о юношескихъ мечтахъ императора Александра и не могъ подозрѣвать всей важности словъ, высказанныхъ тогда государемъ, который, повидимому, снова воз-

вращался къ мысли, нѣкогда занимавшей его, отказаться отъ престола и искать отдыха и спокойствія въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ.

Въ Бѣлой Церкви государь занялся осмотромъ корпуса Раевскаго и поселился на это время, какъ и въ прошломъ году, въ Александріи, у графини Браницкой.

По окончаніи происходившихъ у Бѣлой Церкви маневровъ государь возвратился въ Кіевъ и затѣмъ черезъ Переяславль и Кременчугъ направился въ Полтаву, гдѣ его поджидалъ собранный тамъ 3-й корпусъ генерала Сакена.

Утромъ 15-го (27-го) сентября происходило обычное представленіе духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства и купече-

Дилижансъ александровскаго времени.

Съ рисунка начала нынѣшняго столѣтія.

ства[94]; затѣмъ послѣдовалъ смотръ, которымъ государь остался вполнѣ доволенъ. Послѣ смотра былъ большой обѣдъ, и день закончился баломъ. На вечерѣ Данилевскаго поразилъ грустный видъ князя Волконскаго; на сдѣланный ему вопросъ, почему онъ не веселъ, князь отвѣчалъ, что получилъ выговоръ отъ государя по слѣдующей причинѣ: при входѣ въ танцовальную залу императоръ увидѣлъ на стѣнѣ вензелевое изображеніе своего имени, а хоръ пѣвчихъ пѣлъ стихи въ честь его величества. Этотъ случай побудилъ князя Волконскаго приказать Данилевскому, чтобы впредь во всѣхъ городахъ, гдѣ будутъ приглашать на балы, предварительно осматривать комнаты и именемъ государя воспрещать, чтобы въ нихъ находились портреты императора, его изваянія или вензеле-

выя изображенія его имени, и, затѣмъ, чтобъ отнюдь не пѣли стиховъ въ похвалу его величеству.

Послѣ Полтавы императоръ Александръ посѣтилъ Харьковъ, гдѣ между прочимъ подробно осматривалъ университетъ. Данилевскій посвящаетъ этому осмотру слѣдующія строки: «Библіотека была малочисленна, а собранія инструментовъ и машинъ не полны; для пріумноженія оныхъ требовались еще большія издержки; студенты похожи были на школьниковъ, между профессорами не находилось ни одного человѣка, который бы снискалъ имя въ ученомъ свѣтѣ. Государь пожималъ плечами, и я читалъ на лицѣ его, что онъ былъ недоволенъ. Къ тому же попечитель университета Карнѣевъ[95] началъ по-одиночкѣ представлять его величеству студентовъ, выкликая каждаго по имени, причемъ они, выходя изъ толпы, дѣлали государю смѣшные и неловкіе поклоны. Императоръ, увидя меня, стоявшаго поодаль, подошелъ ко мнѣ и спросилъ по-французски: «Que pensez-vous de l'université?» — «Il faut avouer», отвѣчалъ я, «qu'elle est encore bien arriérée». — «Je suis de votre avis», сказалъ государь».

Читая наивныя иной разъ, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнныя признанія Данилевскаго, нельзя не остановиться еще на отзывѣ его о бѣдномъ В. Н. Каразинѣ, основателѣ университета, признаннаго посѣтителями 1817 года столь «arriérée». Каразинъ, уже давно обратившійся изъ маркиза Позы въ докучливаго и непрошеннаго сочинителя разныхъ записокъ, подалъ государю какой-то проектъ; «это государю было весьма непріятно», пишетъ Данилевскій, «ибо его величество не любилъ, чтобы ему лично представляли бумаги, которыя надлежали идти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ».

Высказывая подобное мнѣніе, Данилевскій, однако, упустилъ изъ виду, что вопросъ столь важнаго государственнаго значенія, какимъ являлось учрежденіе военныхъ поселеній, миновалъ законный порядокъ, установленный, какъ онъ пишетъ, во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, тогда какъ незыблемость его громко призывалась въ помощь при появленіи на сцену непрошенныхъ проектовъ Каразина или тому подобныхъ литературныхъ произведеній.

19-го сентября (1-го октября) государь прибылъ въ Курскъ. Здѣсь на смотръ представилась 3-я кирасирская дивизія. Государь не былъ въ веселомъ расположеніи духа, потому что нашелъ Курскую губернію въ большомъ безпорядкѣ; между прочимъ имъ было обращено вниманіе на безчисленное множество тяжебныхъ дѣлъ, возбуждавшихся жившими тамъ однодворцами. Когда императоръ поѣхалъ въ первый разъ верхомъ за городъ къ кирасирской дивизіи, то одна длинная улица наполнена была народомъ, стоявшимъ на колѣняхъ съ поднятыми надъ головами прошеніями. «Зрѣлище ужасное!» восклицаетъ Данилевскій,

Загородныя зимнія катанья въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ гравюры того времени.

и я почувствовалъ на себѣ дѣйствіе грусти, которая, безъ сомнѣнія, овладѣла тогда душою императора, ибо когда онъ бывалъ скученъ, то становился бранчивъ съ близкими къ нему людьми». Въ справедливости этого замѣчанія Данилевскому вскорѣ пришлось лично убѣдиться. «Въ Курскѣ давали намъ два великолѣпные бала», пишетъ онъ, «одинъ дворянство, а другой купечество. На семъ послѣднемъ я стоялъ подлѣ кадриля и смотрѣлъ на него; государь подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня, зачѣмъ я не танцую; на отвѣтъ мой, что его величеству извѣстно, что я до того не большой охотникъ, императоръ сказалъ мнѣ съ мрачнымъ видомъ: «Я тебя съ собою вожу для того, чтобы ты танцовалъ на балахъ». Надобно было повиноваться; государь долго смотрѣлъ на меня».

Слѣдующій затѣмъ губернскій городъ, въ которомъ останавливался государь, былъ Орелъ; тамъ послѣдовалъ смотръ 2-й кирасирской дивизіи. Затѣмъ пребываніе въ Орлѣ ознаменовалось еще тѣмъ, что начальнику губерніи сдѣланъ былъ строгій выговоръ за нечистоту улицъ.

Въ числѣ лицъ, представлявшихся въ Орлѣ императору, находился также отецъ Алексѣя Петровича Ермолова, управлявшій канцеляріею генералъ-прокурора графа Самойлова въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. Государь обошелся съ нимъ довольно сухо и не пригласилъ его къ обѣду. Данилевскій пишетъ по этому поводу: «Этотъ случай показался мнѣ любопытнымъ, потому что въ семъ путешествіи государь почти не обратилъ никакого вниманія на двухъ стариковъ, служившихъ при бабкѣ его, на В. С. Попова въ Полтавской и на Ермолова въ Орловской. Конечно, онъ имѣлъ на то свои причины», спѣшитъ оговориться Данилевскій, прибавляя, «и вообще онъ не любилъ, когда вспоминали при немъ о царствованіи Екатерины. Вотъ слова, слышанныя мною однажды изъ устъ государя: «Мнѣ говорятъ, зачѣмъ я не воздвигаю памятника императрицѣ Екатеринѣ; я отвѣчаю, что въ такомъ случаѣ я долженъ бы былъ соорудить монументъ и отцу моему; какъ внукъ и сынъ, я не могу быть судьею ихъ дѣяній».

Изъ Орла государь продолжалъ путь черезъ Калугу въ Тарутино для смотра двухъ гренадерскихъ дивизій. Проѣзжая черезъ Леташевку, Александръ остановился у той избы, гдѣ жилъ въ 1812 году князь Кутузовъ, вошелъ въ нее и пожаловалъ хозяину ея пятьсотъ рублей.

Во время происходившихъ около Тарутина маневровъ государь остановился въ селѣ Успенскомъ, принадлежавшемъ помѣщику Кусовникову. По окончаніи ихъ государь поѣхалъ черезъ Звенигородъ и Воскресенскъ въ Черную Грязь на встрѣчу къ императорской фамиліи, выѣхавшей изъ Петербурга въ Москву[96].

Пребываніе императора Александра въ Москвѣ въ 1817 году ознаменовано было большимъ торжествомъ: закладкою храма во имя Спасителя Христа.

Послѣ изгнанія непріятелей изъ предѣловъ Россіи первою мыслью императора Александра, смиренно относившаго весь успѣхъ, всю славу этой безпримѣрной войны исключительно къ особенной милости Всевышняго, было воздвигнуть въ Москвѣ храмъ во имя Спасителя Христа, въ ознаменованіе благодарности къ промыслу Божію, спасшему отечество отъ грозившей ему гибели; эта мысль была выражена въ особомъ манифестѣ, изданномъ въ Вильнѣ 25-го декабря 1812 года. Съ этого времени императоръ Александръ, не смотря на все бремя выпавшихъ на его долю политическихъ заботъ, не забывалъ обѣта, даннаго имъ въ Вильнѣ. Государь желалъ, чтобы предположенный къ построенію храмъ, отличаясь отъ обыкновенныхъ церквей своимъ благолѣпіемъ и величіемъ, въ то же время заключалъ въ самой своей формѣ религіозную идею.

Изъ значительнаго числа представленныхъ проектовъ государь избралъ въ 1816 году проектъ академика Карла Лаврентьевича Витберга[97], поражавшій величіемъ и колоссальностью. Читая какъ бы въ душѣ императора, Витбергъ старался осуществить въ своемъ проектѣ слѣдующія главнѣйшія мысли: 1-е) чтобы онъ колоссальностью соотвѣтствовалъ величію Россіи; 2-е) чтобы, свободный отъ рабскаго подражанія, имѣлъ въ характерѣ нѣчто самобытное, стиль строгой оригинальной архитектуры; 3-е) чтобы всѣ части храма составляли не произвольныя только формы архитектурной потребности, не мертвую массу камней, но выражали бы духовную идею живого храма—человѣка, по тѣлу, душѣ и духу—слѣдуя изреченію Христову: «не вѣдаете бо, что храмъ Божій есте и Духъ Святый въ васъ обитаетъ»; 4-е) чтобы, независимо отъ идеи храма, сей памятникъ отечественной войны заключалъ въ себѣ напоминаніе о нѣкоторыхъ доблестныхъ подвигахъ изъ исторіи того времени.

Когда Витбергъ представилъ государю свой проектъ и объяснилъ идею, послужившую ему основаніемъ при разработкѣ проекта храма, Александръ прослезился и сказалъ: «Вы угадали мои мысли, мое желаніе для этого храма, которое я тайно хранилъ въ себѣ, не предполагая, чтобы архитекторы удовлетворили меня; вы отгадали, вы заставили камни говорить»[98].

Мѣстомъ для сооруженія храма избраны были Воробьевы горы[99], на правомъ берегу рѣки Москвы, между смоленскою и калужскою дорогами, которымъ суждено было играть такую важную роль въ войну 1812 года: по смоленской дорогѣ вступилъ, а по калужской вышелъ изъ Москвы Наполеонъ.

Храмъ по проекту Витберга долженъ былъ олицетворять собою человѣка; и такъ какъ художникъ представлялъ себѣ человѣка состоящимъ изъ тѣла, души и духа, то, въ соотвѣтствіи съ этимъ, и самый храмъ долженъ былъ выражать тѣло, душу и духъ человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ напоминать и три главнѣйшіе момента изъ жизни

Спасителя, которому посвящался храмъ. Эти моменты: Рождество, Преображеніе и Воскресеніе Христа. Первый или нижній храмъ изображалъ собою тѣло человѣка и посвящался Рождеству Христа, принявшаго на себя смертное тѣло. Средній храмъ посвящался Преображенію Господню, такъ какъ это событіе болѣе всего напоминаетъ, на сколько можетъ просвѣтиться наше тѣло волею души. Верхній храмъ посвящался Воскресенію Христа и долженъ былъ соотвѣтствовать высшей основѣ человѣка—его духовной природѣ, его духу. Все зданіе оканчивалось пятью главами, одною большою и четырьмя малыми; въ этихъ послѣднихъ предполагалось помѣстить 48 колоколовъ[100]. Проектированные размѣры храма дѣлали его огромнѣйшимъ зданіемъ, которое превзошло бы всѣ существующія въ мірѣ постройки[101].

По обѣимъ сторонамъ нижняго храма предполагалась колоннада въ 300 саженъ длины, составлявшая какъ бы бока горы. На стѣнахъ этой колоннады предназначалось помѣстить исторію побѣдъ 1812 года и главнѣйшіе манифесты того времени, а на концахъ ея—два памятника, одинъ изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятеля во время преслѣдованія его отъ Москвы до русской границы, а другой изъ пушекъ, взятыхъ у него во время послѣдующихъ походовъ до занятія Парижа.

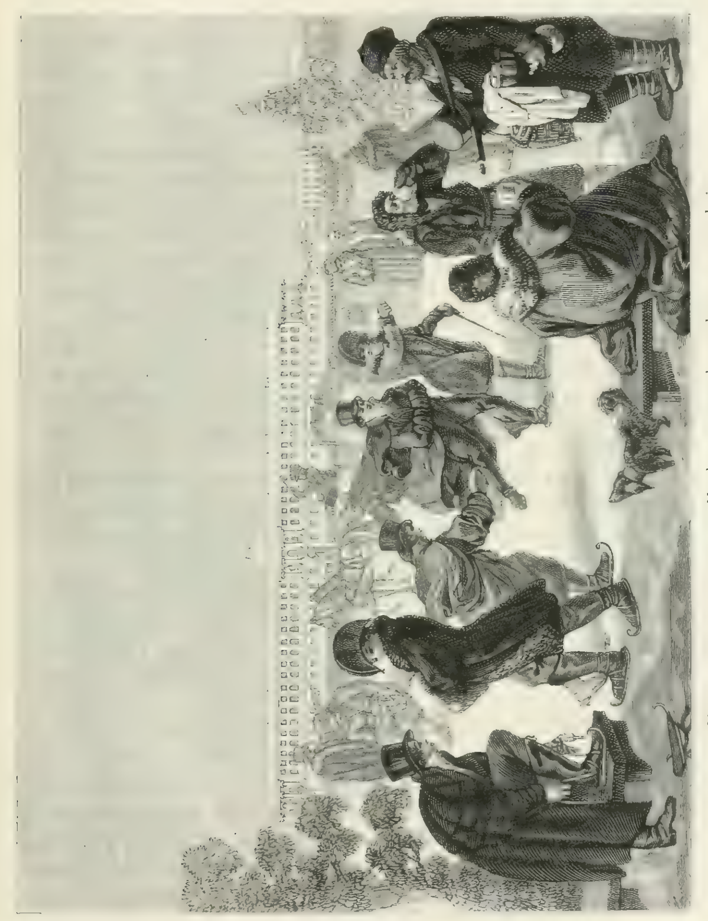
12-го (24-го) октября 1817 года, въ годовщину дня, въ который пять лѣтъ тому назадъ французы оставили Москву и выступили по Калужской дорогѣ, совершилась торжественная закладка храма на Воробьевыхъ горахъ въ присутствіи императора Александра, императрицы Елисаветы Алексѣевны, императрицы Маріи Θеодоровны, великаго князя Николая Павловича, принца прусскаго Вильгельма и архіепископа Августина. Для участія въ этой церемоніи изъ Петербурга прибылъ отрядъ изъ всѣхъ полковъ гвардейскаго корпуса и, кромѣ того, собраны были въ Москвѣ войска пятаго пѣхотнаго корпуса. Всѣ эти части были расположены отъ Кремля до Воробьевыхъ горъ; парадомъ командовалъ бывшій посолъ въ Парижѣ генералъ графъ П. А. Толстой. По окончаніи литургіи въ церкви Тихвинской Божіей Матери, близъ Дѣвичьяго монастыря, крестный ходъ направился по деревянной, усыпанной пескомъ дорогѣ, соединенной посредствомъ временнаго моста съ мѣстомъ закладки[102].

Наканунѣ дня этого торжества императоръ Александръ посѣтилъ Воробьевы горы и, выслушавъ объясненія Витберга, сказалъ: «Конечно, я не могу надѣяться что-либо видѣть при себѣ».—Этимъ словамъ суждено было, къ сожалѣнію, осуществиться. Мало того, послѣ кончины государя все это грандіозное предпріятіе рушилось, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ, а творецъ его, А. Л. Витбергъ, былъ сосланъ въ Вятку.

Во время пребыванія государя въ Москвѣ туда пріѣхалъ также и графъ Аракчеевъ. Любопытно прослѣдить, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на великую княгиню Александру Θеодоровну, которая, имѣвъ теперь

случай чаще видѣть его, посвятила ему слѣдующія строки въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

«Въ это время Аракчеевъ былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ императора (le factotum principal de l'Empereur). Онъ былъ необходимъ

Катанье на конькахъ на Невѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рисунка съ натуры Карнѣева.

ему и работалъ съ нимъ ежедневно. Черезъ его руки проходили почти всѣ дѣла. Этого человѣка боялись, его никто не любилъ; я никогда не могла понять, какимъ способомъ онъ съумѣлъ удержаться въ милости до самой кончины императора Александра.—Другая личность, пользо-

вавшаяся особою милостью и дружбою императора, былъ князь А. Н. Голицынъ. Проведя молодость бурно, онъ ударился въ послѣдніе годы въ набожность. Таково же было и настроеніе императора. Великія событія 1812, 1813 и 1814 годовъ произвели глубокое впечатлѣніе на его умъ; до тѣхъ поръ онъ былъ суетенъ и легкомысленъ въ дѣлѣ религіи (frivole et léger en fait de religion). Святая г-жа Криденеръ повліяла на него въ томъ же смыслѣ; почва была подготовлена и принесла свои плоды. Кромѣ того, съ княземъ Голицынымъ связывала его, съ молодыхъ лѣтъ, давнишняя дружба; князь былъ камергеромъ при его дворѣ, когда онъ былъ великимъ княземъ, и питалъ къ нему искреннюю и неизмѣнную привязанность. Я чувствовала себя пріятнѣе въ обществѣ Голицына, нежели Аракчеева, который говорилъ только по-русски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ (m'inspirait une certaine frayeur instinctive). Въ то время много говорили о военныхъ поселеніяхъ, основанныхъ не болѣе года тому назадъ по мысли самого императора; но выполненіе этого проекта было довѣрено Аракчееву, и оно производилось не съ кротостью, а, напротивъ того, грубыми и жестокими способами (avec des moyens durs et cruels), что вызывало неудовольствіе бѣдныхъ крестьянъ. По пути намъ попадались мѣстами жители нѣкоторыхъ деревень, на колѣняхъ умолявшіе о томъ, чтобы положенія ихъ не измѣняли»[103].

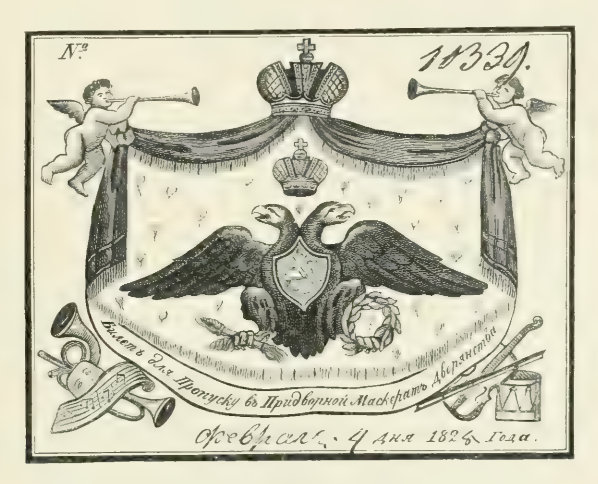
Въ январѣ 1818 года императоръ Александръ отправился на самое непродолжительное время въ Петербургъ. Карамзинъ воспользовался пріѣздомъ государя, чтобы поднести ему отпечатанные восемь томовъ «Исторіи государства Россійскаго».

«Былъ у него въ кабинетѣ, имѣлъ счастіе обѣдать», сообщилъ Карамзинъ своему другу И. И. Дмитріеву. 1-го (13-го) февраля «Исторія поступила въ продажу въ числѣ 3,000 экземпляровъ. Не взирая на значительную цѣну (55 рублей ассигнаціями за экземпляръ), черезъ мѣсяцъ ея уже не было въ книжныхъ магазинахъ[104].

2-го (14-го) февраля императоръ Александръ снова возвратился въ Москву. Тогда начались приготовленія къ отъѣзду въ Варшаву, гдѣ Александръ намѣревался лично открыть первый конституціонный сеймъ вновь созданнаго имъ королевства. Настало время обдумать содержаніе предстоявшей рѣчи. Призвавъ къ себѣ графа Каподистрію, государь вручилъ ему нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ на сеймѣ королемъ саксонскимъ въ то время, когда онъ управлялъ герцогствомъ Варшавскимъ.—«Прочтите и изучите эти рѣчи», сказалъ Александръ, «а затѣмъ займитесь рѣчью, которую я долженъ держать. Вотъ моя мысль».

Государь разрѣшилъ Каподистріи обсудить ее и сдѣлать возраженія относительно двухъ пунктовъ, которые, по мнѣнію графа, представляли важныя неудобства. Первый касался сравненія, которое го-

сударь желалъ провести между Польшею и Россіею; второй относился къ обѣщанію присоединить къ королевству Польскому губерніи, уже вошедшія ранѣе въ составъ имперіи. Александру повидимому не понравились возраженія, сдѣланныя Каподистріею; онъ отвѣтилъ: «Объ этомъ у насъ будетъ еще время подумать. Напишите пока проектъ рѣчи, какъ вы ее понимаете, а затѣмъ мы увидимъ». — Черезъ нѣсколько дней Каподистріа представилъ императору проектъ рѣчи. Онъ оставилъ ее у себя, замѣтивъ: «Мы къ этому возвратимся въ Варшавѣ», — что, какъ пишетъ Каподистріа, означало въ другихъ выра-

Билетъ для входа на придворный маскарадъ 1825 года.

Факсимиле подлиннаго билета.

женіяхъ, что государь былъ недоволенъ его работою. На этомъ пока остановились пререканія о варшавской рѣчи[105].

Послѣ торжественнаго открытія 20-го февраля (4-го марта) на Красной площади памятника «гражданину Минину и князю Пожарскому» государь отправился на другой день въ Варшаву и прибылъ въ польскую столицу ночью на 1-е (13-е) марта въ пятомъ часу. Съ перваго же дня высочайшаго тамъ пребыванія начались ежедневные разводы, на которыхъ всегда присутствовалъ императоръ; изрѣдка только они замѣнялись большими парадами. Состояніе варшавскихъ войскъ оказалось, конечно, блестящимъ и привело государя въ полное восхищеніе; онъ сказалъ: «я весьма бы желалъ, если-бъ у меня въ Петербургѣ и гвардія такъ прошла». Цесаревичъ же, описывая своему

*

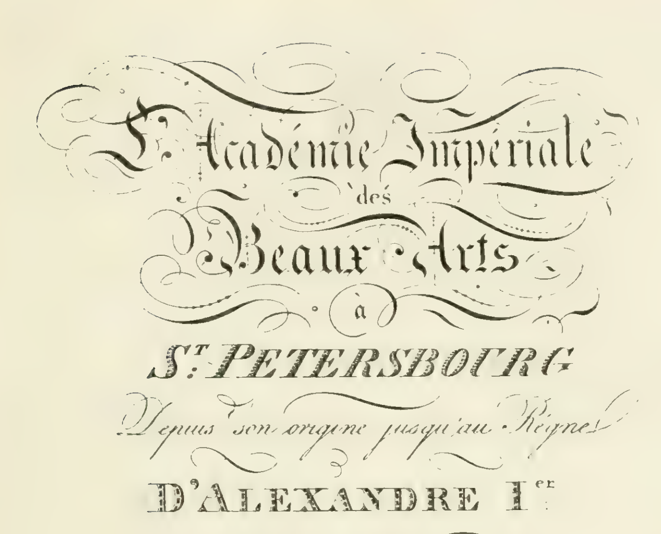
корреспонденту, генералъ-адъютанту Сипягину, пребываніе государя въ Варшавѣ, сообщилъ ему свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ: «его величество на всякомъ шагу столь изволитъ много изъявлять своихъ милостей, что я не знаю какъ ихъ заслужить». «Государь императоръ насъ день ото дня восхищаетъ»[106].

Въ Варшавѣ императоръ Александръ продолжалъ свои обычныя работы съ графомъ Каподистріею, но не давалъ ему никакихъ приказаній относительно рѣчи для предстоявшаго открытія сейма. Лишь за два дня до этого событія государь, призвавъ къ себѣ графа, сказалъ ему: «вотъ моя рѣчь».—Затѣмъ, прочитавъ ее, онъ вручилъ ее Каподистріи и прибавилъ: «Даю вамъ полную мочь расположить фразы согласно съ грамматикою, разставить точки и запятыя, но не допущу никакихъ другихъ измѣненій».

Огорченный дипломатъ принялся за работу; оказалось, что данный государемъ проектъ былъ вполнѣ согласенъ съ мыслями, высказанными имъ въ Москвѣ. Каподистріа сдѣлалъ необходимыя исправленія, не измѣняя нисколько бумаги по существу; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ другой проектъ, въ которомъ опустилъ или видоизмѣнилъ все то, что могло произвести среди русскихъ и въ сосѣднихъ съ Польшею губерніяхъ впечатлѣніе, которое не соотвѣтствовало бы намѣреніямъ императора. На другой день Каподистріа представилъ государю эту двойную работу. Александръ далъ себѣ трудъ прочесть обѣ бумаги и послѣ минутнаго молчанія сказалъ графу: «Вы все-таки остаетесь при своемъ. Это болѣе чѣмъ настойчиво (Vous n'en démordez pas. C'est plus que de la persévérance). Сожалѣю о трудѣ, который вы приняли на себя. Благодарю васъ, но я предпочитаю мою редакцію вашей». Тогда Каподистріа началъ умолять государя выслушать его еще разъ и снова принялся выяснять причины, побуждавшія его къ такой докучливости.

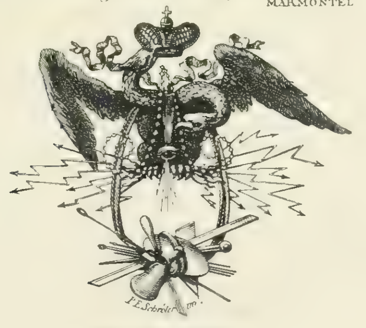
«Все это прекрасно и хорошо»,—отвѣтилъ Александръ, «но я не измѣню принятаго рѣшенія. Впрочемъ, я посмотрю до завтра, нельзя ли изъ этихъ двухъ проектовъ составить третій. Я пришлю за вами». Дѣйствительно, въ тотъ же день государь вручилъ Каподистріи то, что онъ назвалъ своимъ ультиматумомъ, присовокупивъ: «Прикажите переписать эту бумагу набѣло, но покрупнѣе. Это рѣчь, которую я прочту завтра». Оказалось, что государь замѣнилъ нѣкоторыя изъ своихъ выраженій словами, взятыми изъ второго проекта, но сущность рѣчи осталась безъ всякаго измѣненія.

15-го (27-го) марта 1818 года послѣдовало торжественное открытіе перваго польскаго сейма. Когда по окончаніи богослуженія обѣ палаты собрались въ залу Сената, и когда нунціи заняли свои мѣста, то императоръ былъ увѣдомленъ объ этомъ особою депутаціею. У дверей залы его величество былъ встрѣченъ президентомъ и секретаремъ Сената;

en 1807.

Les Arts ont besoin du flambeau de la critique et de l'aiguillon de la gloire
MARMONTEL

Publié par le Conseiller d'Etat
Henri de Reimers.

Факсимиле заглавнаго листа «Исторіи Академіи Художествъ», изданной въ 1807 году.

взойдя на тронъ, по правую сторону котораго находились министры и члены Государственнаго Совѣта, а по лѣвую и позади — свита и весь дворъ, Александръ произнесъ на французскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

«Представители Царства Польскаго! Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается наконецъ собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями. Одно забвеніе прошедшаго могло произвесть ваше возрожденіе. Оно непреложно постановлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе.

«Ревнуя ко славѣ моего отечества, я хотѣлъ, чтобы оно пріобрѣло еще новую. И, дѣйствительно, Россія послѣ бѣдственной войны, воздавъ по правиламъ христіанской нравственности добро за зло, простерла къ вамъ братскія объятія и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно честь возстановить храбрый и достойный народъ. Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему сильно вспомоществовали событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный симъ однимъ внушеніемъ, тѣмъ драгоцѣннѣйшій моему сердцу.

«Образованіе (organisation), существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій (en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales), бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.

«Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

«Поляки! Освободясь отъ гибельныхъ предубѣжденій, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія, отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію. Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи. Къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законо-положительною хартіею (charte constitutionnelle). Ненарушимость сихъ внѣшнихъ обязательствъ и сего коренного закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы: благо драгоцѣнное, котораго она долгое время вотще искала среди самыхъ жесточайшихъ испытаній.

«Поприще трудовъ вашихъ открывается. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложитъ вамъ нынѣшнее положеніе управленія Царства; вы

увидите проекты законовъ, долженствующіе быть предметомъ вашихъ разсужденій. Они имѣютъ цѣлью постепенное усовершенствованіе. Учрежденіе финансовъ государства требуетъ еще свѣдѣній, которыя время и точное измѣреніе вашихъ средствъ могутъ только правительству доставить. Законоположительное управленіе (le régime constitutionnel) постепенно примѣняется ко всѣмъ частямъ правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданскаго и уголовнаго законодательства будутъ вамъ предложены. Я утѣшаюсь увѣреніемъ, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, предуспѣете постановить законы, которые будутъ служить къ огражденію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности лицъ вашихъ, собственности и свободы вашихъ мнѣній.

«Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который только въ мирное время пріобрѣтается и пріуготовляетъ воина къ истинному его предназначенію.

«Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ представляетъ лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не переставалъ доказывать преданность свою къ отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ выборъ мой.

«Не взирая на усилія мои, быть можетъ, что слѣды бѣдствій, угнетавшихъ васъ, не всѣ еще заглажены. Таковъ законъ природы. Благо творится медленно, совершенство же недоступно слабости человѣческой.

«Представители Царства Польскаго! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначенія. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры.

«Докажите вашимъ современникамъ, что законо-свободныя постановленія (les institutions libérales), коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ.

«Вамъ предлежитъ нынѣ явить на опытѣ сію великую и спасительную истину. Да будетъ взаимное согласіе душою вашего собра-

нія, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуетъ ваши пренія.

Руководствуясь единственно любовью къ отечеству, очищайте мнѣнія ваши отъ всѣхъ предубѣжденій, освобождайте ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ и, выражая ихъ съ простотою, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова.

«Наконецъ, да не покидаетъ васъ никогда чувство братской любви, намъ всѣмъ предписанной Божественнымъ Законодателемъ!

«Такимъ образомъ ваше собраніе пріобрѣтаетъ одобреніе и признательность отечества и то общее уваженіе, которое подобное сословіе заставляетъ къ себѣ ощущать, когда представители народа свободнаго не обезображиваютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

Первѣйшіе чиновники государства, сенаторы, послы (nonces), депутаты! Я изъяснилъ вамъ свою мысль, я показалъ вамъ ваши обязанности.

Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено (si fidèle à mes résolutions je puis étendre ce que j'ai déjà fait pour vous)!

Вознесемъ благодареніе къ Тому, который Единый просвѣщаетъ Царей, связуетъ народы братскими узами и ниспосылаетъ на нихъ дары любви и мира.

«Призовемъ Его: да благословитъ Онъ и да усовершенствуетъ начинаніе наше»[107].

Государственный секретарь прочиталъ затѣмъ эту рѣчь въ польскомъ переводѣ. Послѣ сего министръ внутреннихъ дѣлъ королевства, графъ Мостовскій, произнесъ рѣчь, въ которой, изобразивъ мрачными красками прежнее бѣдственное состояніе Польши, исчислилъ всѣ милости, дарованныя ея жителямъ императоромъ Александромъ, и начерталъ картину положенія дѣлъ въ созданномъ его рукою королевствѣ. Нынѣ возвращается намъ истинная свобода», сказалъ ораторъ, «коей цѣну заставили насъ узнать испытанныя нами бѣдствія».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, сообщая своему «конфиденту» Сипягину объ открытіи сейма, со свойственнымъ ему юмористическимъ оттѣнкомъ писалъ слѣдующее:

«Посылаю вамъ экземпляръ программы бывшей здѣсь 15-го (27-го) числа въ замкѣ піесы гратисъ, на которой я фигурировалъ въ толпѣ народа, играя ролю прагскаго депутата, по избраніи меня въ оныя обывателями варшавскаго предмѣстія Праги. Піеса сія похожа на нѣкоторую русскую комедію, когда чихнетъ кто впереди, то наши братья депутаты всею толпою отвѣшиваютъ поклоны. Въ дополненіе сего еще

СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
ОТНОСЯЩИХСЯ
КЪ НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ.

часть вторая

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи

1814 года

Факсимиле заглавнаго листа «Собранія стихотвореній», изданія 1814 года.

скажу вамъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ во время всего сего церемоніала занималъ свое мѣсто по здѣшней конституціи между сенаторами, какъ я былъ между депутатами, и какъ онъ польскаго языка не разумѣетъ, то изъ этого можно заключить, какъ ему было весело выдержать нѣсколько тутъ часовъ сряду»[108].

Занятія сейма продолжались ровно мѣсяцъ. Пренія въ сеймѣ происходили съ полною свободою; однажды только предсѣдатель палаты депутатовъ, генералъ-адъютантъ графъ Красинскій, принужденъ былъ объявить, что вынужденъ будетъ прекратить засѣданіе вслѣдствіе происходившихъ шума и безпорядка. Случилось также разъ, что вечернее засѣданіе продолжалось до второго часа пополуночи. Находившійся въ числѣ народныхъ представителей цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ избранъ депутатомъ обывателями города Праги, нѣкогда взятаго штурмомъ Суворовымъ. Цесаревичъ присутствовалъ на сеймѣ не всякій день и когда произносилъ рѣчи, то говорилъ на французскомъ языкѣ. Для депутатовъ накрыты были съ утра до вечера столы съ кушаньями и напитками на счетъ двора, «возлѣ которыхъ», какъ записалъ очевидецъ, «можно было встрѣтить безпрестанно не малое число польскихъ законодателей».

1-го (13-го) апрѣля императоръ Александръ въ сопровожденіи одного князя Волконскаго отправился на шесть дней въ Калишъ. Эта поѣздка была для всѣхъ загадкою; нѣкоторые полагали, что государь оставилъ Варшаву для того, чтобы засѣданія сейма были тѣмъ свободнѣе. Во время пребыванія въ Калишѣ Александръ посѣщалъ разныхъ помѣщиковъ, жившихъ въ окрестностяхъ, осматривалъ хозяйственныя заведенія ихъ, гулялъ по обыкновенію пѣшкомъ по городу, принималъ отъ жителей просьбы, разспрашивалъ ихъ объ ихъ нуждахъ, стараясь всѣми мѣрами снискать привязанность своихъ новыхъ подданныхъ.

Закрытіе польскаго сейма послѣдовало 15-го (27-го) апрѣля. Очевидецъ этого торжества пишетъ: «Мы отправились въ залу, убранную со вкусомъ, гдѣ собраны были Сенатъ и народные представители; хоры были наполнены польскими дамами въ щегольскихъ и блестящихъ нарядахъ. Императоръ, войдя на ступени, ведшія къ трону (въ польскомъ мундирѣ и съ орденомъ Бѣлаго Орла), поклонился на всѣ стороны и стоя произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ. Онъ говорилъ ее почти наизусть и изрѣдка только смотрѣлъ на бумагу, на которой она была написана; начиная рѣчь, легкій румянецъ покрылъ его щеки. Насъ, русскихъ адъютантовъ, было тутъ семеро: мы стояли подлѣ трона и по временамъ другъ на друга бросали такіе взгляды, въ которыхъ изображалось, что мы едва вѣримъ тому, что происходило въ нашихъ глазахъ. Мы согласились только послѣ въ томъ, что императоръ, конечно, неоднократно твердилъ рѣчь свою передъ зеркаломъ, потому что онъ

произнесъ ее съ такимъ приличіемъ и съ такою осанкою, которыя свойственны были ему одному. По закрытіи сейма всѣ члены народнаго собранія были приглашены къ столу императора. за которымъ находилось 250 особъ. Послѣ сего нѣсколько дней сряду были балы и парады, и мы начали собираться въ дорогу»[109].

Въ рѣчи, произнесенной при закрытіи сейма, императоръ Александръ, между прочимъ, сказалъ:[110]. «Изъ предложенныхъ вамъ проектовъ законовъ только одинъ не одобренъ большинствомъ голосовъ обѣихъ палатъ. Внутреннее убѣжденіе и прямодушіе руководили симъ рѣшеніемъ; мнѣ оно пріятно, потому что вижу въ немъ независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные должны и разсуждать свободно...[111]. Только собраніе, такимъ образомъ учрежденное, можетъ сохранить за правительствомъ увѣренность, что оно даруетъ народу законы, польза которыхъ подтверждается истинными его потребностями». Въ заключеніе рѣчи государь сказалъ: «Поляки! Я дорожу выполненіемъ моихъ намѣреній. Они вамъ извѣстны (Je tiens à l'accomplissement de mes intentions. Elles vous sont connues)».

Двойственность, свойственная всѣмъ дѣйствіямъ и словамъ Александра, выказалась во всемъ блескѣ и среди варшавскихъ событій. Рядомъ съ просвѣтительными заявленіями, услышанными удивленною Европою изъ устъ русскаго самодержца, настойчиво преслѣдовалось дальнѣйшее развитіе военныхъ поселеній, и готовились подвиги «министерства затмѣнія». Даже среди варшавскихъ празднествъ Александръ продолжалъ слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за успѣхомъ введенія военныхъ поселеній и 27-го марта (8-го апрѣля) наградилъ отсутствовавшаго безъ лести преданнаго друга слѣдующими утѣшительными строками:

«Съ несказаннымъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма твоего, что и остальные полки 1-й гренадерской дивизіи поступаютъ уже въ новое положеніе поселенныхъ войскъ, и что сіе произошло съ желаемымъ порядкомъ, тишиною и устройствомъ. Да будетъ во-первыхъ хвала Всевышнему Богу, безъ коего ничего хорошаго не дѣлается, а потомъ обязанъ я твоимъ бдительнымъ попеченіямъ въ успѣхѣ дѣла, для меня столь близко къ сердцу лежащаго. Здѣсь, благодаря Бога, все идетъ отлично хорошо, земля видимымъ образомъ поправляется и устраивается. Городъ украшается. Войска прекрасныя. Умы въ самомъ лучшемъ направленіи. Открытіе сейма произведено съ желаемымъ успѣхомъ. Сеймъ продолжается съ удивительнымъ порядкомъ. Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, будь здоровъ и совершенно увѣренъ въ искренней моей привязанности къ тебѣ. Если ты немного постарѣлъ, то и я не помолодѣлъ, любя и умѣя цѣнить всѣ заслуги, тобою отечеству и мнѣ оказанныя».

Варшавскія рѣчи императора Александра не могли пройти безслѣдно въ Россіи и должны были подѣйствовать на умы, и безъ того уже возбужденные; онѣ вызвали разнообразные толки и произвели глубокое впечатлѣніе. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые»... «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать.... Но будетъ чему быть. Знаю, что государь ревностно желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія... мы такъ, а Богъ по-своему»[112].

Свидѣтель варшавскихъ событій Данилевскій высказалъ по этому поводу нѣсколько иное заключеніе и занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: «Русскихъ, находившихся въ Варшавѣ, всего болѣе занимала рѣчь, произнесенная императоромъ при открытіи народнаго собранія, въ которой сказано было, что государь намѣренъ былъ и въ Россіи ввести политическую свободу. Безъ сомнѣнія, весьма любопытно было слышать подобныя слова изъ устъ самодержца, но надобно будетъ видѣть, думалъ я, приведутся ли предположенія сіи въ дѣйствіе. Петръ Великій не говорилъ, что русскіе дикіе, и что онъ намѣренъ ихъ просвѣтить, но онъ ихъ образовалъ безъ дальнѣйшихъ о семъ предвареній». Почему Александръ не исполнилъ даннаго имъ въ Варшавѣ торжественнаго обѣщанія, которое и безъ того глубоко было напечатлѣно въ благородномъ сердцѣ его? Этотъ вопросъ займетъ, конечно, его историка.

Въ Москвѣ распространилось мнѣніе, что государь, изъявляя намѣреніе распространить свободныя учрежденія царства Польскаго на Россію, имѣетъ въ виду неотлагательное освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Оттого явились припадки страха и унынія, пишетъ Сперанскій въ письмѣ къ А. А. Столыпину изъ Пензы[113]. «Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда. И хотя теперь все еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго ручаться невозможно. Опасность не въ существѣ дѣла: ибо нельзя себѣ представить (хотя и представляютъ многіе), чтобъ правительство пустило на отвагу дѣло столь важное и не приуготовило бы всѣ пути его установленіями постепенными и твердыми, безъ колебанія и торопливости. Но опасность состоитъ именно въ семъ страхѣ, который теперь вездѣ разливается. Можно ли предполагать, чтобъ чувство, столь заботливое и безпокойное, сохранилось въ тайнѣ въ одномъ кругу помѣщиковъ? Какъ же скоро оно примѣчено будетъ въ селеніяхъ (событіе весьма близкое), тогда родится или, лучше сказать, утвердится (ибо оно уже существуетъ) общее въ черномъ народѣ мнѣніе, что правительство не только хочетъ даровать свободу, но что оно уже ее и даровало, и что одни только помѣщики не допускаютъ или таятъ ея провозглашеніе. Что за симъ послѣдуетъ, вообразить ужасно, но всякому понятно. Не на

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ВЪ
МОСКВѢ.

ИЗДАННЫЙ
СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.
СООБРАЗНО
ФРАНЦУЗСКОМУ ПОДЛИННИКУ
Г. ЛЕКОЕНТА ДЕ ЛАВО,
СЪ НѢКОТОРЫМИ
ПЕРЕСОЧИНЕННЫМИ И ДОПОЛНЕННЫМИ СТАТЬЯМИ.

Что матушки Москвы и
краше и милѣе!
Дмитріевъ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1824.

Заглавный листъ «Путеводителя по Москвѣ», изданнаго С. Н. Глинкою въ 1824 году.

идеальныхъ предположеніяхъ основаны сіи горестныя предвѣщанія, но на всемъ томъ, что въ теченіе семилѣтняго моего по Россіи странствованія я слышалъ и видѣлъ собственными моими глазами, на твердомъ и опытномъ познаніи всей прилипчивости и неукротимости народныхъ заблужденій. Вы довольно меня знаете и повѣрите, что говорю не изъ трусости. ....Но какимъ образомъ, спросите вы, или, лучше сказать, спросятъ близорукіе наши либералисты, какимъ образомъ изъ двухъ или трехъ словъ варшавской рѣчи могутъ произойти столь огромныя и съ самымъ смысломъ сихъ словъ несообразныя послѣдствія? Могутъ потому, что нѣкоторою частію уже произошли и въ очахъ нашихъ совершаются. Есть ли помѣщики, классъ людей, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ сей рѣчи не видятъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобъ народъ простой могъ что-либо другое тутъ видѣть! Во всѣхъ государствахъ мало, а у насъ еще менѣе, людей, кои знаютъ различіе между свободою политическою и гражданскою. По всей вѣроятности, смыслъ рѣчи относится прямо къ первой; вторая же можетъ быть или, по крайней мѣрѣ, должна быть отдаленнымъ и постепеннымъ ея послѣдствіемъ. Но попытайтесь въ семъ увѣрить умы, давно уже опасеніями встревоженные или надеждами ослѣпленные.... Кто мететъ лѣстницу снизу?—Epurez la partie administrative. Venez ensuite à établir les lois constitutionnelles, c'est à dire, liberté politique, et puis ensuite et graduellement vous viendrez à la question de la liberté civile, c'est à dire, liberté des paysans. Voilà le véritable ordre des choses [114]. Въ семъ порядкѣ послѣдній вопросъ едва ли въ десять или двадцать лѣтъ приспѣетъ къ разрѣшенію, ибо предварительныя работы столь огромны, а средства наши въ людяхъ и въ деньгахъ такъ ограниченны, что невозможно и думать о поспѣшности. Поспѣшность тутъ есть торопливость, смѣшеніе и бѣдствіе. Впрочемъ, не должно заблуждаться; работы сіи можно затянуть, проволочить, но отложить вовсе невозможно. Напоръ времени и обстоятельствъ такъ силенъ, машина нашего внутренняго губернскаго управленія такъ обветшала, такъ скрыпятъ всѣ разсохшіяся ея колесы, что она долго выдержать движенія не можетъ. Слѣдовательно, исправленіе необходимо, и начать его нужно; но должно начать съ начала, а не съ конца»[115].

Приведемъ еще нѣсколько отзывовъ современниковъ о варшавскихъ событіяхъ 1818 года.

Въ числѣ русскихъ генераловъ, находившихся въ Варшавѣ при открытіи сейма, былъ также генералъ-лейтенантъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, сопровождавшій великаго князя Михаила Павловича во время его путешествія по Россіи и за-границею. Говоря въ своихъ запискахъ о рѣчи, произнесенной государемъ 15-го (27-го) марта, онъ нашелъ, что она была оскорбительна для русскаго самолюбія. «Но, — пишетъ

И. Ѳ. Паскевичъ,—тогда легко было предположить, что порядочное поведеніе сейма и сената гарантируетъ лучшее правленіе страны. Я бывалъ часто па засѣданіяхъ сейма. Генералъ Красинскій предсѣдательствовалъ умно и хорошо, и хотя были рѣчи опозиціонныя, но болѣе объемлющія дѣло, нежели въ намѣреніи противодѣйствія, и вообще пренія на этомъ первомъ сеймѣ всѣмъ нравились. Но въ Варшавѣ русскихъ какъ будто вовсе не было; мы всѣ черезчуръ стушевывались, на насъ не обращали вниманія и насъ всѣхъ нарочно, вѣроятно, чтобы нравиться полякамъ, держали въ черномъ тѣлѣ,—вездѣ первенствовали поляки: они, будто они одни, представляли собою типъ всѣхъ способностей, у которыхъ русскіе должны, будто бы, всему учиться. Такое положеніе не было естественно и не могло долго продолжаться.

«Поляки возмечтали о себѣ болѣе, чѣмъ благоразуміе сего дозволяло, и высокомѣріе свое постоянно выбалтывали, а русскіе молчаливо, но глубоко затаили оскорбленіе національному своему чувству».

«На одномъ изъ смотровъ», продолжаетъ свой разсказъ И. Ѳ. Паскевичъ,—«подхожу я къ графу Милорадовичу и къ графу Остерману (они тутъ же были, даже ихъ держали въ Варшавѣ, какъ и насъ, въ черномъ тѣлѣ, вѣроятно, также, чтобы привлечь любовь польскихъ генераловъ арміи Наполеона) и спрашиваю у нихъ:

«— Что изъ этого будетъ?

«Графъ Остерманъ отвѣчалъ:

«— А вотъ что будетъ: что ты черезъ десять лѣтъ со своею дивизіею будешь ихъ штурмомъ брать».

«Онъ ошибся на три года», замѣчаетъ при этомъ въ своихъ запискахъ будущій князь Варшавскій,—«ибо я бралъ у нихъ Варшаву штурмомъ, какъ главнокомандующій»[116].

По поводу тѣхъ же событій Закревскій писалъ П. Д. Киселеву: «Рѣчь государя, на сеймѣ говоренная, прекрасная, но послѣдствія (для) Россіи могутъ быть ужаснѣйшія, что ты изъ смысла оной легко усмотришь. Я не ожидалъ, чтобы онъ такъ скоро свои мысли по сему предмету объявилъ»[117].

Киселевъ не замедлилъ отвѣчать: «Рѣчь царя для поляковъ есть чудесная, и здѣшніе возмечтали много о будущемъ своемъ блаженствѣ; но у насъ толки будутъ разные. Удивленіе же твое насчетъ откровенности я весьма раздѣляю, но къ удивленію намъ, кажется, уже не привыкать»[118].

Болѣе подробно отозвался о варшавской рѣчи А. П. Ермоловъ въ письмѣ къ Закревскому[119]. Онъ писалъ: «Благодарю за прекрасную рѣчь, говоренную новымъ царства Польскаго подданнымъ. Счастливы поляки толикимъ о нихъ попеченіемъ, и гордость, сродная надменному сему народу, питается тѣмъ, что они впослѣдствіи должны служить намъ

примѣромъ. Судьба не дала имъ другого торжества надъ нами, по крайней мѣрѣ, льстить имъ со стороны образованности и просвѣщенія. Это не относится вообще къ народу, который несравненно глупѣе нашего, но собственно касается возвышеннаго класса онаго, то есть, дворянства. Это намъ привѣтствіе! Ты требуешь на сіе откровенныхъ моихъ мыслей, онѣ, конечно, не будутъ различествовать отъ твоихъ.

«Я думаю, судьба не доведетъ насъ до униженія имѣть поляковъ за образецъ, и все останется при однихъ обѣщаніяхъ всеобъемлющей перемѣны. Въ Польшѣ классъ дворянства издавна истребилъ въ понятіи и чувствахъ простого народа свободу, и поселянинъ заключаетъ ее въ одномъ томъ смыслѣ, когда безпрепятственно можетъ онъ въ корчмѣ жида пропивать свое благосостояніе. Въ Польшѣ простой народъ, если бы и разсуждалъ о предметахъ, то безпутнымъ, долгое время существовавшимъ правленіемъ провождаемъ будучи отъ одного измѣненія къ другому, можетъ ожидать въ перемѣнѣ выгодъ, но онъ не разсуждаетъ, а допускаетъ дѣйствовать одно дворянство. У насъ народъ удобенъ разсуждать исключительно въ свою пользу, которую весьма понимаетъ, и по малому еще образованію не допускаетъ совмѣстность пользъ другого состоянія людей, а потому власть дворянства есть необходимая сила для удержанія равновѣсія, и выгода правителя состоитъ въ точномъ опредѣленіи сей силы, ибо чрезмѣрность съ той или другой стороны лишаетъ его власти, ему приличествующей, и которая по свойству народа, по обширности земли, по многосложному составу разнообразныхъ частей, необходима въ той степени, которая для всякаго другого народа была бы излишнимъ и тягостнымъ. Напрасно думаютъ, что дворянство въ Россіи много потеряетъ отъ перемѣны: оно сыщетъ способъ извлечь пользу изъ своего положенія по мѣрѣ той надобности, которую имѣетъ простой народъ, не въ состояніи будучи найти въ себѣ самомъ всѣ способы замѣнить его по непросвѣщенію своему, а потеряютъ одни правители, лишась дворянства яко подпоры, ибо оное, соединя близко свои выгоды съ народомъ, найдетъ пользу быть съ его стороны, и въ рукахъ правителя останется одна власть истребленія, то есть, силою оружія заставлять покорствовать народъ своей волѣ, когда законы запрещаютъ раболѣпствовать предъ нею! Вотъ мои мысли, и я очень вѣрю, что при моей жизни не послѣдуетъ никакой перемѣны, то есть, государь при жизни своей оной не пожелаетъ»[120].

Убѣжденіе, высказанное Ермоловымъ, что все останется при однихъ обѣщаніяхъ всеобъемлющей перемѣны, блистательно оправдалось послѣдующими событіями и дѣлаетъ честь проницательности «патера Грубера», какъ шутя называлъ его цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

18-го (30-го) апрѣля императоръ Александръ выѣхалъ изъ Варшавы: первый ночлегъ былъ назначенъ въ Пулавахъ. Государь навѣ-

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета К. Брюллова.

Факсимиле фронтисписа къ «Путеводителю въ Москвѣ», изд. С. Н. Глинки 1824 г.

стилъ въ третій и въ послѣдній разъ семейство Чарторижскихъ. пребываніе среди котораго когда-то причиняло ему безумную радость (un plaisir fou).

Князь Адамъ Чарторижскій писалъ, послѣ этого свиданія, своему отцу: «Ma mère a fatigué l'Empereur en le menant par tout le jardin. Son séjour ici s'est passé à merveille. Изъ Варшавы король уѣхалъ довольный, съ желаніемъ возвратиться и съ убѣжденіемъ, что сеймы полезны и необходимы, и нѣтъ причины для ихъ отстраненія. Радост-

ная для насъ возможность присоединенія забранныхъ провинцій къ королевству все болѣе утверждается въ его мысляхъ»[121].

Изъ Пулавъ государь поѣхалъ въ крѣпость Замостье, гдѣ онъ простился съ ожидавшимъ его тамъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Въ дальнѣйшемъ пути императоръ предполагалъ посѣтить Бессарабію, Одессу, Вознесенскъ (гдѣ устраивались южныя военныя поселенія), Николаевъ, Херсонъ, Крымъ, Таганрогъ и Землю донскихъ казаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть по дорогѣ различныя части второй арміи, находившейся подъ начальствомъ графа Беннигсена[122]. Государя сопровождали генералъ-адъютанты князь Волконскій, Уваровъ и князь Меншиковъ, графъ Милорадовичъ, флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, графъ Каподистріа, статсъ-секретарь Марченко и лейбъ-медикъ Вилліе. Кромѣ того императоръ Александръ пригласилъ еще на это путешествіе австрійскаго генерала принца гессенъ-гомбургскаго и графа Кламма, прибывшихъ въ Варшаву для привѣтствія государя отъ имени императора Франца. Въ Кишиневѣ къ путешественникамъ присоединился графъ Аракчеевъ; обрадовавшись свиданію съ другомъ послѣ продолжительной разлуки, Александръ ѣхалъ съ графомъ цѣлый день въ одной коляскѣ до Тирасполя; князь Волконскій слѣдовалъ за ними. Во время этой поѣздки Данилевскій видѣлъ, какъ нѣсколько разъ государь оправлялъ самъ своими руками плащъ Аракчеева[123].

При проѣздѣ черезъ мѣстечко Бѣльцы въ Бессарабіи императоръ Александръ получилъ, 27-го апрѣля (9-го мая), радостное извѣстіе о рожденіи въ Москвѣ 17-го (29-го) апрѣля великаго князя Александра Николаевича. Государь тотчасъ же назначилъ новорожденнаго великаго князя шефомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

Крещеніе великаго князя было совершено 5-го (17-го) мая въ церкви Чудова монастыря, въ присутствіи императрицъ Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны, духовникомъ ихъ величествъ протопресвитеромъ Криницкимъ. Воспріемниками были императоръ Александръ Павловичъ, императрица Марія Ѳеодоровна и дѣдъ новорожденнаго, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III.

Изъ Тирасполя государь прослѣдовалъ въ Одессу, которую онъ видѣлъ въ первый разъ. Осматривая городъ, императоръ Александръ вспомнилъ съ признательностью о заслугахъ герцога Ришелье и послалъ создателю Одессы съ фельдъегеремъ въ Парижъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Пребываніе государя въ Одессѣ ознаменовано было еще указомъ объ увольненіи отъ командованія арміею графа Беннигсена. Главнокомандующимъ второй арміи былъ назначенъ графъ Витгенштейнъ.

Преемникомъ Ришелье въ Одессѣ былъ графъ Ланжеронъ, отличавшійся невѣроятною разсѣянностью. Когда при встрѣчѣ государя ему

надлежало вручить рапортъ, то онъ искалъ его долгое время въ карманахъ и, наконецъ, сказалъ: «Ma foi, Sire, je ne sais pas où j'ai mis mon rapport».—Александръ улыбнулся и пожалъ ему руку [124]. Для государя былъ приготовленъ домъ, который занималъ Ланжеронъ. Проводивъ его до кабинета, послѣ разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, Ланжеронъ откланялся, вышелъ изъ кабинета и по привычкѣ заперъ дверь на ключъ, забывъ о присутствіи въ немъ высокаго гостя. Императоръ оставался нѣкоторое время взаперти, но наконецъ постучалъ и былъ освобожденъ изъ неожиданнаго заточенія[125].

Изъ Одессы Александръ поѣхалъ въ Вознесенскъ, гдѣ подробно осматривалъ южныя поселенныя войска, находившіяся подъ начальствомъ графа Витта. Все, что государь видѣлъ тамъ, превзошло, какъ онъ выразился, его ожиданія. За обѣдомъ Александръ исключительно бесѣдовалъ о выгодахъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ военныхъ поселеній, и, между прочимъ, сказалъ: «Въ мирное время военныя поселенія избавятъ меня отъ рекрутскихъ наборовъ, но въ военное время необходимо, чтобы всѣ шли и всѣ защищали отечество» [126].

Относительно военныхъ поселеній Данилевскій дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «образованіе ихъ и настоящая цѣль ихъ существованія были покрыты непроницаемою тайною, извѣстною только тѣмъ лицамъ, которыхъ употребляли по сей части: а потому и мнѣ нельзя что-либо утвердительно о нихъ сказать... Одни предвидѣли народныя бѣдствія, долженствовавшія изъ того послѣдовать, а другіе почитали ихъ источникомъ будущаго могущества Россіи». Военныя поселенія навели Данилевскаго еще на одно изъ тѣхъ наивныхъ заключеній, которыми онъ нерѣдко украшаетъ страницы своего дневника: «я часто думаю, какъ бы полезно было, ежели бы правительство наше, которое, конечно, долго еще не введетъ свободнаго книгопечатанія, дозволило оное въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя на опредѣленное время, особенно, при нововводимыхъ важныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, при основаніи военныхъ поселеній. Пусть тогда каждый желающій скажетъ безъ цензурнаго одобренія свое мнѣніе, и какая бездна истинъ откроется передъ глазами нашими».

Изъ Вознесенска государь отправился въ Николаевъ, гдѣ былъ встрѣченъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота вице-адмираломъ Грейгомъ. Осматривая тамъ съ большимъ вниманіемъ всѣ морскія учрежденія, Александръ, въ разговорѣ съ адмираломъ, сказалъ: «Впрочемъ, я сужу о морскомъ дѣлѣ какъ слѣпой о краскахъ (Au reste je juge comme un aveugle des couleurs). Вина не моя: лучшіе годы мои прошли въ сухопутной войнѣ».

Изъ Николаева Александръ поѣхалъ въ Херсонъ и прибылъ туда 7-го (19-го) мая, почти въ тотъ же самый день, въ который императрица Екатерина прибыла въ этотъ городъ 31 годъ тому назадъ, во

время знаменитаго путешествія своего въ Крымъ[127]. На другой день государь слушалъ обѣдню въ соборѣ, и, какъ пишетъ Данилевскій, случилось, что онъ стоялъ именно надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ похороненъ Потемкинъ. «Не только ему не сооруженъ въ церкви памятникъ, но даже нѣтъ камня или простой доски, означающихъ, гдѣ покоится прахъ сего необыкновеннаго человѣка, которому я со дня въѣзда моего въ Новороссійскій край не переставалъ удивляться, потому что все, что ни есть тамъ лучшаго, заложено имъ; на всякомъ шагу видны слѣды предначертаній его. Зависть, особенно иностранцевъ, долго возставала противъ его, но, чтобы обезоружить ее, стоитъ указать на степи, простирающіяся отъ Днѣпра до Чернаго моря, которыя подъ его руководствомъ присоединены къ Россіи и сдѣлались съ тѣмъ вмѣстѣ доступны къ водворенію въ нихъ европейскаго образованія. Я слышалъ, что когда его хоронили, то сдѣлали надъ гробомъ его сводъ и лѣстницу; но по вступленіи на престолъ императора Павла велѣно было имяннымъ указомъ «тѣло его вырыть и бросить въ поле на съѣденіе птицамъ».—Однако же одинъ изъ приверженныхъ покойному помѣшалъ исполненію сего указа и заложилъ сводъ досками, сравнявъ оныя съ обыкновеннымъ поломъ».

«Когда мы собрались къ обѣду», продолжаетъ Данилевскій, «государь повелъ насъ въ садъ, находившійся подлѣ столовой комнаты, и остановился у большого абрикосоваго дерева. Съ умиленіемъ и молча долго смотрѣлъ на него; не постигая причины этой остановки, мы тоже молчали. Наконецъ, онъ сказалъ: «Это дерево посадила императрица Екатерина. Она намѣрена была основать въ Херсонѣ столицу южной Россіи и часто говорила мнѣ объ этомъ предположеніи. Она такъ дорожила своимъ завоеваніемъ, что приказывала подписывать на нѣкоторыхъ манифестахъ, вмѣстѣ съ годомъ вступленія своего на престолъ, годъ присоединенія къ Россіи Таврическаго царства: это сдѣлано въ манифестѣ о рожденіи брата моего Николая Павловича».

Эти до нѣкоторой степени сочувственныя слова, обращенныя къ памяти императрицы Екатерины и записанныя Данилевскимъ, представляютъ собою первый и единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Во время многолѣтнихъ странствованій съ государемъ Данилевскому не пришлось болѣе вписать въ свой дневникъ что-либо подобное, а, напротивъ того, нерѣдко приходилось отмѣчать обратныя явленія. Гатчинская критика и воззрѣнія на дѣянія Екатерины II ея преемника никогда не исчезли изъ памяти императора Александра, оставивъ въ его умѣ неизгладимое впечатлѣніе.

8-го (20-го) мая, послѣ обѣда, въ три часа, при колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ съ адмиралтейства и всѣхъ купеческихъ судовъ и при восклицаніяхъ «ура» государь отплылъ изъ Херсона на шлюпкѣ въ Алешки, куда заблаговременно были посланы экипажи[128].

Контреданс въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ литографіи того времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Въ Алешкахъ путешественники сѣли въ коляски и отправились въ Перекопъ, куда прибыли въ полночь. На другой день государь въѣхалъ въ Симферополь.

Планъ путешествія по Крыму былъ слѣдующій. Изъ Симферополя положено было ѣхать черезъ Карасубазаръ въ Керчь и возвратиться черезъ Өеодосію въ Симферополь, потомъ обозрѣть южный берегъ верхомъ, слѣдуя черезъ Алушту, Никиту и Кикинеисъ въ Байдарскую долину, а оттуда отправиться въ колякахъ черезъ Севастополь и Бахчисарай въ Симферополь. Для всего путешествія опредѣлено было десять дней.

Для характеристики государя можетъ служить слѣдующій эпизодъ, относящійся къ этому путешествію. Въ Карасубазарѣ императоръ Александръ, узнавъ, что тамъ находится сестра генерала Рудзевича, занимавшаго тогда мѣсто начальника штаба второй арміи, приказалъ Данилевскому отыскать ее. Послѣдній доложилъ, что это бѣдная, простая татарка. «Позови ее ко мнѣ съ ея дѣтьми», сказалъ ему государь. — «Онѣ пробыли нѣсколько минутъ у императора», пишетъ Данилевскій, «и когда онѣ вышли, то государь, заставъ меня одного въ комнатѣ, приблизился ко мнѣ съ выразительною улыбкою, какъ бы спрашивая моего мнѣнія. «Ваше величество»—сказалъ я ему, «вотъ истинная награда генералу Рудзевичу; это ему лестнѣе, нежели всѣ ленты, которыя вы ему пожаловали». «Я не различаю», — отвѣчалъ императоръ,—«ни дворянъ, ни разночинцевъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо. Рудзевичъ татаринъ, но мнѣ дороже, чѣмъ иной столбовой дворянинъ». Послѣ сего государь приказалъ мнѣ отъ его имени вручить сестрѣ генерала брилліантовый фермуаръ» [129].

По возвращеніи изъ Керчи и Өеодосіи государь, переночевавъ въ Симферополѣ, выѣхалъ 13-го (25-го) мая для обозрѣнія южнаго берега Крыма [130]. Проѣхавъ въ колякахъ двадцать верстъ, путешественники пересѣли на лошадей и отправились въ дальнѣйшій путь верхомъ вслѣдствіе совершеннаго отсутствія дорогъ до Байдарской долины. Свита государя умножилась природнымъ татариномъ, генералъ-маіоромъ княземъ Балатуковымъ, который во время этого переѣзда состоялъ при Александрѣ переводчикомъ [131]. Погода не благопріятствовала задуманному путешествію; шелъ дождь, было холодно и вѣтрено; тучи облегли все небо, предвѣщая бурю. Государь, въ фуражкѣ и буркѣ, съ нагайкою въ рукѣ, былъ очень веселъ и шутилъ надъ нарядами своихъ спутниковъ. Отобѣдавъ въ Алуштѣ, отправились въ Никиту, сперва по тропинкѣ, извивавшейся вдоль морского берега, а затѣмъ поднялись въ горы. Пошелъ дождь, вскорѣ обратившійся въ ливень, вѣтеръ вылъ, море бушевало. За темнотою нельзя было различать предметовъ въ двухъ шагахъ. Го-

сударь велѣлъ зажечь факелы и отправилъ съ ними впередъ татарскихъ проводниковъ. Длинною вереницею ѣхали путешественники одинъ за другимъ; нечувствительный къ непогодамъ императоръ смѣялся и, оглядываясь назадъ, приглашалъ спутниковъ не отставать[132]. Вымокшіе до костей они прибыли наконецъ въ 10-мъ часу вечера въ Никитскій садъ.

На другой день погода перемѣнилась, солнце заблистало, и южный берегъ Тавриды явился во всей своей очаровательной прелести, приводя императора въ восхищеніе[133]. Въ Кикинейсѣ для Александра выстроили домикъ, но государь хотѣлъ непремѣнно остановиться у какого нибудь татарина и сказалъ: «Иначе татары подумаютъ, что я гнушаюсь ими». Вновь выстроенный домъ занялъ, по волѣ государя, принцъ гессенъ-гомбургскій.

Весь вечеръ государь занимался дѣлами.

На другой день, 15-го (27-го) мая, пріѣхали въ Байдарскую долину. Тамъ государя ожидала печальная встрѣча. Все населеніе Байдаръ, числомъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, стояло на дорогѣ со слезами и воплями, жалуясь на притѣсненія помѣщика своего, адмирала А. С. Мордвинова, слывшаго за величайшаго филантропа и пріобрѣтшаго себѣ въ Россіи необыкновенную славу мнѣніями, которыя онъ подавалъ въ Государственномъ Совѣтѣ. При этомъ случаѣ государь замѣтилъ: «Славны бубны за горами!»

16-го (28-го) мая императоръ Александръ прибылъ въ Севастополь[134]. Въ тотъ же день послѣ обѣда государь осматривалъ адмиралтейство, гдѣ спускали 14-ти-пушечное судно, а затѣмъ посѣтилъ казармы и госпитали. На слѣдующее утро состоялось представленіе разныхъ чиновниковъ, потомъ государь присутствовалъ на разводѣ и проѣхалъ на катерѣ вдоль всѣхъ береговыхъ укрѣпленій; въ это время, по поднятіи штандарта, открыта была пальба съ батарей и съ военныхъ судовъ. По окончаніи прогулки по Севастопольской бухтѣ государь входилъ на корабль «Бріеннъ» и обѣдалъ на сто-пушечномъ кораблѣ «Парижъ».

Обзоръ севастопольскихъ укрѣпленій навелъ Данилевскаго на размышленія, которыя поражаютъ вѣрностью оцѣнки обстановки и какимъ-то предвидѣніемъ грядущихъ событій. Онъ пишетъ: «Сколько я могъ судить по поверхностному обзору и по планамъ, то система севастопольскихъ укрѣпленій во многихъ частяхъ ошибочна и не соотвѣтствуетъ важности сего порта, который, какъ извѣстно, есть одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, ибо въ немъ съ удобностію помѣщается флотъ, и линейные корабли могутъ приставать къ самому берегу. Съ сухопутной стороны городъ ничѣмъ не защищенъ, а потому непріятель можетъ его отовсюду обойти кромѣ сѣверной части, гдѣ сооружено одно укрѣпленіе,

но оно слабо, не имѣетъ воды и, кажется, сдѣлано болѣе противъ крымскихъ татаръ, нежели противъ внѣшнихъ враговъ. Доколѣ мы будемъ въ полуденной Россіи имѣть дѣло съ одними турками, опасаться нечего, хотя, однако же, появленіе флота ихъ передъ Севастополемъ въ 1811 году было не безъ опасности, но не должно основывать могущество свое на невѣжествѣ непріятелей и сосѣдей. Ежели Диванъ соединится когда-нибудь съ Англіею или Франціею, или сіи державы будутъ въ возможности посылать военные корабли въ Черное море, то Севастопольская гавань и слѣдственно Черноморскій флотъ нашъ, для котораго она должна служить убѣжищемъ и подпорою, будетъ находиться въ великой опасности»[135].

Черноморскій флотъ также произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на Данилевскаго; онъ показался ему не въ блестящемъ видѣ. По его словамъ, иные офицеры въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не ходили въ море, и когда эскадры совершали лѣтомъ плаваніе, то оно продолжалось не болѣе шести недѣль, причемъ суда рѣдко теряли берегъ изъ виду. «Говорили мнѣ также», пишетъ Данилевскій, «будто магазейны, назначенные для сохраненія снарядовъ и припасовъ разнаго рода, были до того оными мало снабжены, что въ намѣреніи показать государю линейный корабль «Парижъ» перевезли на него снасти съ четырехъ кораблей, стоявшихъ въ пристани».

Послѣ обѣда императоръ Александръ сѣлъ снова въ катеръ и поѣхалъ осматривать развалины Инкермана; оттуда государь водою же отправился къ тому мѣсту, гдѣ поджидали его экипажи, и затѣмъ направился въ Бахчисарай. Здѣсь онъ остановился въ ханскомъ дворцѣ и послѣ осмотра его посѣтилъ главную мечеть, гдѣ присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи.

На другой день государь принималъ депутацію изъ почетнѣйшихъ духовныхъ лицъ съ муфтіемъ во главѣ. Императоръ пожелалъ, чтобы никто изъ его свиты не присутствовалъ при этой аудіенціи; даже князю Балатукову, отправлявшему при его величествѣ должность переводчика, воспрещено было находиться при пріемѣ и повелѣно было замѣнить его другимъ лицомъ. Послѣ магометанскаго духовенства были приняты беи и другіе представители мѣстнаго населенія. Затѣмъ государь посѣтилъ Чуфутъ-Кале и Успенскій монастырь и 19-го (31-го) мая снова прибылъ въ Перекопъ, чѣмъ окончилось десятидневное путешествіе по Крымскому полуострову.

Вспоминая все видѣнное имъ во время поѣздки по Тавридѣ, Данилевскій занесъ въ свой дневникъ слѣдующія, не лишенныя интереса, замѣчанія относительно незавиднаго положенія, въ которомъ находился этотъ край въ разсматриваемое время. «Меня поразили разореніе и невѣжество жителей съ одной стороны, а съ другой—безпечность на-

Вальсъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ литографіи того времени.

шего правительства. На каждомъ шагу я встрѣчалъ бѣдность или, лучше сказать, нищету; у коренныхъ жителей, то есть, у татаръ, не видно и слѣдовъ промышленности, которая не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ ручательства въ неприкосновенности собственности и въ прочности ея владѣнія. Или мы выгонимъ русскихъ изъ Крыма, говорятъ татары, или они насъ истребятъ и выгонятъ. Когда мы завоевали полуостровъ, то въ ономъ считалось до 400,000 жителей, а въ 1818 году оставалось ихъ только 130,000. Имъ позволено было выѣзжать заграницу въ извѣстные сроки; нѣкоторые распродали имущества свои и отправились въ приморскіе города, дабы сѣсть тамъ на корабли; но какъ велико было ихъ огорченіе, узнавши, что они пропустили нѣсколько дней за срокъ; они принуждены были возвратиться на родину свою и выкупать по высокимъ цѣнамъ то, что они незадолго передъ тѣмъ продали дешево... Со стороны нашего правительства не принято никакихъ мѣръ къ образованію татаръ; не было ни одного училища, гдѣ бы они могли пріобрѣтать познанія русскаго языка и съ тѣмъ вмѣстѣ получать нѣкоторыя понятія о наукахъ... Екатерина II-я, отъ прозорливости коей, кажется, ничто полезное въ ея имперіи не скрывалось, пригласила почетнѣйшихъ татаръ отдать сыновей своихъ въ существовавшій тогда въ Петербургѣ греческій корпусъ, не требуя, чтобы они перемѣнили вѣры своей. Нѣсколько молодыхъ людей получили въ немъ свое образованіе, но благодѣтельное заведеніе сіе уничтожено при императорѣ Павлѣ. При самомъ завоеваніи Крыма оставлено было въ ономъ по нѣсколько офицеровъ изъ каждаго полка; разумѣется, что лучшіе не захотѣли избрать новопріобрѣтенный край своимъ мѣстопребываніемъ и что остались самые дурные, которые составили первоначальное населеніе русскихъ. Они начали угнетать коренныхъ беззащитныхъ жителей, отчего возродилось множество тяжбъ; оспаривая у татаръ право владѣнія землями, они выгоняютъ ихъ съ оныхъ, и несчастные сіи, не зная ни языка нашего, ни законовъ русскихъ, не находятъ покровительства въ судахъ, потому что чиновники, служащіе въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, суть люди безъ образованія, имѣющіе одною цѣлью составить себѣ состояніе... Судебныя мѣста въ рѣшеніяхъ своихъ основываются на русскихъ законахъ, которыхъ въ Крыму примѣнить нельзя...[136]. Количество просьбъ, поданныхъ государю въ Крыму, невѣроятно; я сосчиталъ, что близъ Байдаръ, на пространствѣ 32-хъ верстъ, подали болѣе семисотъ прошеній. Императоръ велѣлъ мнѣ принимать ихъ; наполнивъ ими всѣ карманы, я принужденъ былъ завязывать ихъ цѣлыми узлами въ платки и вручать ихъ слѣдовавшимъ за нами проводникамъ. Правда, что изъ числа ихъ были и не дѣльныя просьбы; такимъ образомъ, иные татары просили о вспоможеніи, дабы сходить на поклоненіе въ Мекку; однако же, не менѣе

того. тысячи прошеній доказываютъ бѣдственное положеніе жителей. Во время высочайшаго проѣзда въ Керчь и обратно въ Симферополь цѣлыя селенія выходили на встрѣчу государя съ жалобами; въ степяхъ случалось, что татары подъѣзжали къ государю верхомъ, вручали ему въ собственныя руки прошенія и вихремъ скрывались по полю во весь опоръ. Для отвращенія злоупотребленій учреждена давно коммиссія, но дѣйствія ея были безуспѣшны. Когда государь поѣхалъ осматривать южный берегъ, то онъ приказалъ въ ней присутствовать графу Аракчееву, который съ свойственною ему проницательностію увидѣлъ, что переводы на русскій языкъ просьбъ, писанныхъ по-татарски, дѣланы были неправильные, почему онъ потребовалъ отъ муфтія особеннаго переводчика. Впрочемъ, Аракчееву при всей его дѣятельности невозможно было въ четыре дня уничтожить вѣковыя злоупотребленія въ краю, для него совершенно новомъ».

Изъ Перекопа императоръ Александръ отправился въ Новочеркаскъ. Первый ночлегъ былъ въ селеніи Терпѣніи, населенномъ духоборцами[137]. На слѣдующее утро государь слушалъ службу духоборцевъ, называемую поклоненіе, и сказалъ имъ: «я вашъ защитникъ»; потомъ, обратясь къ своимъ спутникамъ, онъ прибавилъ: «они люди добродѣтельные».

Дальнѣйшій путь въ Маріуполь шелъ черезъ духоборческія селенія и прекраснѣйшія менонитскія колоніи, которыя, какъ пишетъ Данилевскій, чистотою и опрятностью домовъ и садиковъ своихъ напоминали самыя изобильныя страны Германіи. Потомъ слѣдовали селенія ногайцевъ, казаковъ и грековъ. «Такимъ образомъ, на пространствѣ 180 верстъ живутъ спокойно и въ мирѣ пять народовъ, совершенно различные одинъ отъ другого происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, просвѣщеніемъ и обычаями. Усладительная картина терпимости вѣръ въ Россіи, о которой государь часто и съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ, какъ ревностнѣйшій ея защитникъ»[138].

22-го мая (3-го іюня) Александръ прибылъ въ Таганрогъ, которому суждено было нѣсколько лѣтъ спустя пріобрѣсти печальную всемірную извѣстность. Въ немъ впослѣдствіи угасъ великій монархъ, въ которомъ всѣ любили человѣка.

Государь пробылъ два дня въ Таганрогѣ, осматривая его во всѣхъ подробностяхъ и обращая особенное вниманіе на торговлю этого порта, которую нашелъ не вполнѣ согласною съ представленіями, какія ему были сдѣланы въ Одессѣ, вслѣдствіе чего графу Ланжерону былъ объявленъ строгій выговоръ за неправильныя его донесенія.

Слѣдуя затѣмъ въ Новочеркаскъ черезъ Ростовъ и Нахичевань, государь въ крѣпости св. Димитрія получилъ донесеніе о кончинѣ фельдмаршала князя Барклая де Толли, послѣдовавшей 14-го (26-го) мая

въ прусскомъ городѣ Инстербургѣ во время поѣздки его на минеральныя воды[139]. Извѣстіе это сильно поразило государя, и онъ нѣсколько разъ перечитывалъ донесеніе, присланное къ нему по этому поводу генераломъ Дибичемъ. Преемникомъ Барклая избранъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ, бывшій губернаторъ Парижа[140].

Донскіе генералы и штабъ-офицеры ожидали государя передъ Новочеркаскомъ. Александръ въѣхалъ въ городъ верхомъ на казачьей лошади и на казачьемъ сѣдлѣ и прослѣдовалъ прямо въ соборъ, а оттуда въ домъ наказнаго атамана Иловайскаго. Тамъ представлялись ему казачьи генералы и были удостоены благодарности за ихъ службу въ послѣднія войны; затѣмъ государь присутствовалъ на балѣ. На другой день онъ объѣзжалъ верхомъ городъ, осматривалъ казенныя заведенія, послѣ чего болѣе трехъ часовъ занимался въ кабинетѣ съ графомъ Аракчеевымъ и въ заключеніе поѣхалъ на большой обѣдъ къ казакамъ. Ночью государь выѣхалъ въ Павловскъ и 1-го (13-го) іюня возвратился въ Москву, остановившись еще по дорогѣ въ Воронежѣ, Липецкѣ и Рязани. Въ Москвѣ государя встрѣтилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, прибывшій туда изъ Варшавы[141].

Въ это время въ Москвѣ ожидали пріѣзда прусскихъ короля и наслѣднаго принца[142]. 3-го (15-го) іюня императоръ Александръ выѣхалъ на встрѣчу къ своему высокому гостю. Въ Кунцовѣ великая княгиня Александра Ѳеодоровна обняла своего отца. На другой день прусскій король торжественно въѣхалъ въ Москву, черезъ Драгомиловскую заставу, встрѣченный войсками и громаднымъ стеченіемъ народа. Король пробылъ въ Москвѣ одиннадцать дней. Первопрестольная столица, обыкновенно лѣтомъ пустынная, на этотъ разъ явилась городомъ шумнымъ, блестящимъ. Прогулки по городу, обѣды, балы и иллюминаціи чередовались съ такою быстротою, что дамы едва успѣвали переодѣваться.

Не останавливаясь на описаніи этихъ празднествъ, упомянемъ здѣсь о слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ, ознаменовавшемъ пребываніе Фридриха-Вильгельма III въ Москвѣ. Король спросилъ, не осталось ли въ городѣ какого-либо зданія, съ котораго можно было бы разомъ осмотрѣть развалины тогдашней Москвы. Для этой цѣли избрали бельведеръ въ домѣ Пашкова, нынѣ занимаемомъ Румянцевскимъ музеемъ. Когда прусскіе гости со свитою взобрались туда и окинули взглядомъ представившійся имъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, старый король, этотъ деревянный человѣкъ, какъ его называли, къ величайшему удивленію одного изъ очевидцевъ, сталъ на колѣни, приказавъ и сыну сдѣлать то же. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: «вотъ наша спасительница!»[143].

Факсимиле нотъ одного изъ вальсовъ начала нынѣшняго столѣтія (Соч. Лемуана).

Къ 19-му іюня (1-му іюля) дворъ переселился въ Царское Село, и 22-го іюня (4-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ прусскаго короля въ Петербургъ. Начались празднества: смотры, парады, пріемы, балы, катанья по островамъ, посѣщенія институтовъ. Обычный петергофскій праздникъ, справлявшійся 22-го іюля, былъ перенесенъ въ этомъ году на 1-ое (13-ое) іюля. Дворъ провелъ нѣсколько дней въ Петергофѣ, въ теченіе которыхъ была совершена поѣздка въ Кронштадтъ.

5-го (17-го) іюля король, въ сопровожденіи государя, обѣихъ императрицъ и великой княгини Александры Θеодоровны, выѣхалъ въ Гатчину, откуда прусскіе гости отправились обратно въ Берлинъ[144].

Петербургъ вскорѣ опустѣлъ. 27-го августа (8-го сентября) императоръ Александръ отправился на конгресъ въ Ахенъ, главнымъ дѣломъ котораго должно было быть рѣшеніе вопроса: занимать ли, на основаніи договора 20-го ноября 1815 года, Францію иностранными войсками въ теченіе пяти лѣтъ или сократить этотъ срокъ, ограничивъ его тремя годами?

Обѣ императрицы также выѣхали заграницу, такъ что великій князь Николай Павловичъ оставался до конца года единственнымъ представителемъ царской семьи въ Петербургѣ.

Маршрутъ императора Александра былъ намѣченъ черезъ Дерптъ, Ригу, Митаву и Мемель въ Берлинъ. Въ коляскѣ съ государемъ по обыкновенію сидѣлъ князь Волконскій; за ними слѣдовалъ, а иногда ѣхалъ впереди флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій. Остальную свиту государя во время этого заграничнаго путешествія составляли слѣдующія лица: генералъ-адъютанты Уваровъ, князь Трубецкой, Чернышевъ, графъ Ожаровскій, князь Меншиковъ, флигель-адъютантъ Д. П. Бутурлинъ, статсъ-секретари графы Нессельроде и Каподистріа, лейбъ-медикъ Виллie. Для дѣлъ гражданскихъ обыкновенно участвовалъ прежде въ высочайшихъ путешествіяхъ статсъ-секретарь Марченко; но онъ не поѣхалъ въ Ахенъ, вѣроятно, по проискамъ графа Аракчеева, у котораго онъ былъ въ немилости, и вмѣсто него, по свидѣтельству Данилевскаго, взяли одного изъ незначущихъ чиновниковъ Государственнаго Совѣта. Всѣ поименованныя здѣсь особы, принадлежавшія къ высочайшей свитѣ, выѣхали изъ Петербурга на нѣсколько дней ранѣе государя.

Въ Берлинѣ императоръ Александръ встрѣченъ былъ съ обычною торжественностью. 7-го (19-го) сентября государь присутствовалъ при закладкѣ памятника въ честь воиновъ, павшихъ во время войнъ 1813—1815 годовъ. По случаю этого торжества прусскій епископъ Эйлертъ произнесъ замѣчательную проповѣдь, которая глубоко тронула императора Александра; онъ пожелалъ имѣть копію этой рѣчи. Государь пригласилъ къ себѣ прусскаго проповѣдника и вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду[145]; предметомъ этого разговора послужили лич-

ное религіозное настроеніе Александра и заключеніе Священнаго союза. Мысли, высказанныя тогда государемъ, отражаютъ въ себѣ полностью то особенное душевное настроеніе, которое овладѣло въ ту пору его мыслями и выразилось нагляднымъ образомъ во внѣшней и внутренней политикѣ послѣднихъ лѣтъ его царствованія[146].

Высказавъ Эйлерту свое особое благоволеніе и удовольствіе по поводу его проповѣди, вполнѣ согласной со всѣми сдѣланными имъ съ 1812 года заявленіями, императоръ Александръ сообщилъ ему, что онъ намѣренъ приказать перевести это слово на русскій языкъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на прусскаго короля; отозвавшись о немъ съ величайшею похвалою, государь сказалъ:

— «Онъ и я, мы вмѣстѣ—добрые, взаимно любящіе одинъ другого друзья и братья. Я надѣюсь, что искренній союзъ Пруссіи и Россіи и впредь останется ненарушимымъ подъ однимъ Отцомъ» (при этихъ словахъ императоръ поднялъ правую руку). «Какъ ни прекрасно и возвышенно истинное благочестіе», продолжалъ Александръ, ходя по комнатѣ,— «благочестіе не по одной только наружности, но оно встрѣчается такъ рѣдко! Люди, всѣ безъ исключенія, эгоисты и каждый домогается только своихъ скрытыхъ видовъ, пока его не пересоздасть, не возродитъ христіанство. Хуже всего, что люди обыкновенно скрываютъ это отъ другихъ и отъ самихъ себя и стараются увѣрить себя, что служать общему благу, тогда какъ побужденіемъ ихъ дѣйствій являются гнѣздящіяся въ глубинѣ ихъ души тщеславіе, честолюбіе или корыстолюбіе. Никакая философія не въ состояніи истребить этотъ эгоизмъ; напротивъ того, она увеличиваетъ его, внушая людямъ гордость, и, не улучшая сердца, оставляетъ въ немъ пустоту, по мѣрѣ того, какъ умъ обогащается познаніями и софизмами. Человѣкъ до тѣхъ поръ остается легкомысленнымъ софистомъ, пока не подвергнетъ себя мучительной операціи внутренняго очищенія. Судить о другихъ научаешься по самому себѣ. Только съ тѣхъ поръ...»—Въ эту минуту вошелъ камердинеръ и что-то доложилъ по-русски и, по словамъ Эйлерта, получилъ рѣзкій отвѣтъ на томъ же языкѣ (eine etwas stark betonte Antwort). Императоръ взялъ Эйлерта за руку и сказалъ: «Не уходите еще. Да, что я хотѣлъ сказать?.. и такъ: только съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стало для меня выше всего и вѣра въ Искупителя сдѣлалась ощутительною во всей силѣ, съ тѣхъ поръ — благодареніе Богу! — миръ водворился въ душѣ моей».

Эти слова государь произнесъ съ чувствомъ и положивъ руку на сердце. Эйлертъ былъ глубоко тронутъ услышаннымъ признаніемъ и замѣтилъ, что эта исповѣдь придаетъ его земному величію небесную окраску. Императоръ опустилъ глаза; затѣмъ, глубоко вздохнувъ, онъ продолжалъ:

— «Но я не вдругъ дошелъ до этого. Повѣрьте мнѣ, я испыталъ на этомъ пути много борьбы и сомнѣній. Императрица Екатерина была проницательная, умная, великая жена, и память ея будетъ жить въ русской исторіи; но что касается воспитанія въ духѣ истиннаго, сердечнаго благочестія, то при Петербургскомъ дворѣ было, какъ почти вездѣ,— много словъ, но мало духа, много внѣшней обрядности, но самое святое дѣло христіанства оставалось отъ насъ сокрытымъ. Я чувствовалъ въ себѣ пустоту, и въ душѣ моей носилось какое-то неопредѣленное предчувствіе. Я жилъ и развлекался. Но пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу», сказалъ Александръ съ воодушевленіемъ и возвышая голосъ[147], «и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ его священное писаніе; съ тѣхъ поръ я понялъ и понимаю Его волю и Его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе только Ему и распространенію Его славы. Съ тѣхъ поръ я сталъ другой; искупленію Европы отъ погибели обязанъ я собственнымъ искупленіемъ и освобожденіемъ».

Эйлертъ на эти слова государя отвѣтилъ, что теперь ему понятны глубина мысли, чистота намѣреній и истинное значеніе Священнаго союза. При этихъ словахъ епископа лицо императора прояснилось, и онъ продолжалъ:

— «Это меня радуетъ; не много людей имѣютъ объ этомъ союзѣ истинное и правильное представленіе, а, напротивъ того, многіе—совершенно ложное; нѣкоторые даже усматриваютъ въ немъ злое намѣреніе и даютъ понять, что за нимъ лукаво скрываются низкія цѣли. Въ дѣйствительности вотъ ходъ этого дѣла. Послѣ Люцена, Бауцена и Дрездена, когда намъ, послѣ напрасныхъ усилій и не смотря на геройскую храбрость нашихъ войскъ, все-таки приходилось отступать, у вашего короля и у меня явилось убѣжденіе, что человѣческими усиліями ничего нельзя достигнуть и что Германія потеряна, если Божественное Провидѣніе насъ не поддержитъ и не благословитъ. Молча и погруженные въ размышленія мы ѣхали рядомъ одни, король и я. Тогда мой лучшій другъ прервалъ молчаніе и сказалъ: «Это должно пойти иначе; мы двигаемся на востокъ, а мы намѣрены были и должны идти на западъ. И это случится съ Божіею помощью. Но если, какъ я надѣюсь, Всевышній благословитъ наши общія усилія, то мы должны будемъ сознаться передъ лицомъ свѣта, что Ему одному принадлежитъ слава успѣха».— Мы обоюдно произнесли этотъ обѣтъ и честно протянули другъ другу руку. Послѣ побѣдъ при Кульмѣ, Кацбахѣ, Гросъ-Беренѣ и Лейпцигѣ и когда мы въ Парижѣ достигли конечной цѣли борьбы, то король прусскій, отъ котораго исходилъ первый почипъ, снова заговорилъ объ этомъ святомъ дѣлѣ, и къ намъ присоединился благородный императоръ

С. Петербургъ 18 Апрѣля
1821.

Преосвященный Митрополитъ Серафимъ. Съ искреннею признательностію приняла поздравленіе вашего Преосвященства съ великимъ настоящимъ торжествомъ Христіанъ, я съ душевнымъ умиленіемъ читала назидательныя слова ваши къ оному торжеству. Благодаря васъ за новое ваше усердное ко мнѣ расположеніе и поздравляя ваше Преосвященство взаимно съ свѣтлымъ симъ праздникомъ, я желаю вамъ провождать оный многія лѣта во здравіи и благоденствіи, и препоручаю себя молитвамъ вашимъ, пребывая съ отличнымъ уваженіемъ

вашему Преосвященству
доброжелательная
Марія

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ.

австрійскій Францъ, вполнѣ раздѣлявшій наши чувства, образъ мыслей и намѣренія. Первая мысль объ этомъ Священномъ союзѣ возникла въ тяжелую минуту. Она осуществилась въ болѣе прекрасную минуту признательности и счастія. Этотъ союзъ вовсе не наше дѣло, а дѣло

Александръ Петровичъ Тормасовъ.

Съ гравированнаго портрета Карделли.

Божіе. Искупитель самъ внушилъ всѣ мысли, которыя составляютъ содержаніе этого акта. Всякій, кто не признаетъ и не чувствуетъ этого, всякій, кто видитъ въ этомъ лишь тайные замыслы политики и не различаетъ святого дѣла отъ не святого, тотъ не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ, и съ такимъ человѣкомъ нельзя говорить объ этомъ .

При этихъ словахъ взоръ его омрачился, и высокое чело сдѣлалось задумчивымъ. Эйлертъ возразилъ, что участіе, съ которымъ императоръ относился къ распространенію въ Россіи Библейскихъ обществъ, приписывали вліянію Священнаго союза.— «Совершенно справедливо», съ довольнымъ видомъ отвѣтилъ государь, «оно находится съ нимъ въ тѣсной связи и непосредственно исходитъ отъ него. Къ чему поведетъ Священный союзъ, заключенный европейскими государями, если начала, положенныя въ его основаніе, останутся изолированными и не проникнутъ въ сердце народовъ».

Затѣмъ государь распространился о томъ, что это можетъ быть достигнуто только при содѣйствіи переводовъ Священнаго Писанія, распространяемыхъ среди народа. Комментаріи при этомъ, по мнѣнію Александра, излишни: нужно предоставить каждому христіанину испытать на себѣ дѣйствіе слова Божія настолько, насколько онъ можетъ и долженъ воспринять его; само по себѣ благодѣтельное воздѣйствіе Священнаго Писанія на людей не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, потому что оно есть Божественная книга, книга всѣхъ книгъ. Конечно, воздѣйствіе его на людей крайне разнообразно и находится въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго. Но въ этомъ разнообразіи кроется единство, и вотъ главное условіе преуспѣянія церквей и государствъ. Это начало разнообразія въ единствѣ мы видимъ во всей природѣ, и его можно прослѣдить и въ исторіи народовъ. Истина дѣйствуетъ медленно и нуждается для своего проявленія въ столѣтіяхъ; но она должна восторжествовать и не можетъ оставаться сокрытою, какъ нѣкоторые люди желаютъ поступить со Священнымъ Писаніемъ—при этихъ словахъ императоръ иронически улыбнулся.— «Солнце проникаетъ всюду, и тѣ, которые шествуютъ въ его лучахъ, суть дѣти свѣта».

Въ заключеніе этой продолжительной бесѣды, носившей характеръ задушевной исповѣди, Александръ пригласилъ Эйлерта посѣтить Россію. «Я знаю», прибавилъ императоръ, «что нѣмцы имѣютъ невыгодное мнѣніе о Россіи; они почитаютъ ее страною варварства и рабства, грубости и невѣжества. Говоря вообще, это совершенно несправедливо. Высшія сословія въ городахъ, въ особенности въ Петербургѣ, весьма образованы и даже утонченнѣе образованы, чѣмъ сколько нужно и мнѣ желательно. Среднее сословіе живетъ въ довольствѣ, народъ хорошъ, проникнутъ здравымъ духомъ, добродушенъ, счастливъ въ своемъ патріархальномъ образѣ жизни. Старинные обычаи можно сравнить съ древними сосудами, въ которыхъ содержатся сердечность и дѣтская простота, о чемъ современный міръ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, хотя отъ этого онъ нисколько не счастливѣе. Государство обширно, и въ отдаленныхъ областяхъ народонаселеніе малочисленно. Что

для другихъ странъ годится и является потребностью для нихъ, того по одному этому еще нельзя считать полезнымъ и нужнымъ для Россіи; она не должна утратить свою народность, въ которой столько хорошаго. Походъ русскихъ черезъ Германію въ Парижъ принесетъ пользу всей Россіи. Такимъ образомъ и для насъ настаетъ новая историческая эпоха, и мнѣ еще предстоитъ много дѣла»[148].

А. И. Михайловскій-Данилевскій.

Съ гравированнаго портрета Райта.

При этихъ словахъ императоръ сдѣлался задумчивъ, потеръ себѣ лобъ и повторилъ: «Пріѣзжайте къ намъ, вамъ у насъ понравится». Затѣмъ государь милостиво простился со своимъ собесѣдникомъ.

По выходѣ отъ государя Эйлерта тотчасъ потребовали къ королю, которому епископъ сообщилъ въ подробности содержаніе этой замѣчательной бесѣды.

Выслушавъ Эйлерта, Фридрихъ-Вильгельмъ замѣтилъ: «Interessant, sehr interessant! Mir lieb, ungemein lieb! Der Kaiser ist ein vor-

trefflicher Herr (Интересно. крайне интересно. Мнѣ пріятно. очень пріятно. Императоръ прекрасная личность). По совѣту короля Эйлертъ тотчасъ же записалъ свой разговоръ съ императоромъ Александромъ.

Главное занятіе и развлеченіе монарховъ во время Берлинскаго свиданія составляли неизбѣжные маневры; для этой цѣли было собрано болѣе 20.000 войскъ. Очевидецъ пишетъ по этому поводу: «должно полагать, что это отмѣнно тѣшитъ императора и короля, потому что три дня сряду они занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ».

Ко времени пребыванія императора Александра въ Берлинѣ памятникъ, который Фридрихъ-Вильгельмъ обѣщалъ воздвигнуть князю Кутузову въ Бунцлау, былъ отлитъ. Данилевскому сказали, что королю было бы очень пріятно, если бы государь осмотрѣлъ памятникъ. Эти слова были доложены Данилевскимъ императору Александру, но государь промолчалъ и не поѣхалъ. «Такимъ образомъ,— занесъ Данилевскій въ свой журналъ,—непріязнь его къ Кутузову простирается и за гробъ сего незабвеннаго мужа»[149].

10-го (22-го) сентября императоръ Александръ выѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ его поджидалъ король саксонскій, и оттуда направился въ Веймаръ для свиданія съ великой княгиней Маріей Павловною. Затѣмъ онъ прослѣдовалъ черезъ Фульду и Ганау во Франкфуртъ, гдѣ имѣлъ радость встрѣтить королеву виртембергскую Екатерину Павловну съ супругомъ.

16-го (28-го) сентября государь прибылъ въ Ахенъ, гдѣ уже находились король прусскій и императоръ Францъ.

Черезъ нѣсколько дней, 20-го сентября (2-го октября), императоръ Александръ не замедлилъ возвѣстить графу Аракчееву о своемъ пріѣздѣ въ Ахенъ въ слѣдующихъ милостивыхъ выраженіяхъ:

«Благодарю Бога, я благополучно прибылъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, къ своему назначенію и весьма доволенъ расположеніями, найденными мною въ нашихъ союзникахъ. Итакъ, съ помощію Божіею, надѣюсь, что мы успѣшно и безъ потери времени довершимъ занятія наши.— Извѣщай меня пожалуй о теченіи дѣлъ по нашимъ военнымъ поселеніямъ, хотя въ короткихъ словахъ, дабы я зналъ, все ли благополучно продолжается. .. .Пребываю на вѣкъ тебя искренно любящій».

12-го (24-го) октября графъ Аракчеевъ благодарилъ государя, что онъ не забываетъ своего стараго слугу, который безпрестанно думаетъ о немъ; вмѣстѣ съ тѣмъ графъ воспользовался случаемъ, чтобы нарисовать идилію довольства въ военныхъ поселеніяхъ, и писалъ: Осмотръ мой продолжается съ большимъ мнѣ удовольствіемъ, ибо вездѣ я нахожу удовольствіе жителей, тишину и спокойствіе, какъ съ ихъ стороны, такъ и отъ военныхъ ихъ товарищей, и во всѣхъ ротахъ нашелъ я неожиданную новость: караулы представлены во время моего пребы-

Видъ Тулы въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ литографіи того времени.

ванія, какъ офицерскіе, такъ и унтеръ-офицерскіе, изъ однихъ коренныхъ новыхъ военныхъ поселянъ, по доброй ихъ волѣ обучившихся. Я всѣхъ ихъ благодарилъ отъ имени вашего и выдалъ каждому отъ лица вашего денежное вознагражденіе».

Предметы переговоровъ въ Ахенѣ были намѣчены императоромъ Александромъ въ собственноручной запискѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

«1. Выступленіе оккупаціонной арміи.

«2. Положеніе союзныхъ державъ въ отношеніи Франціи.

«3. Должно ли допустить Францію въ общій союзъ европейскихъ государствъ безъ всякой предосторожности, или

«4. Не налагаетъ ли болѣзненное состояніе Франціи на европейскія державы обязанности принять мѣры, которыя были бы способны предохранить ихъ отъ заразы, могущей явиться оттуда, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказались бы благодѣтельными для самой Франціи, поддерживая въ ней спокойствіе?

«5. Въ чемъ должны заключаться эти мѣры предосторожности?

«a) тѣсный союзъ между державами,

«b) военное соглашеніе на подходящій случай.

«6. Свойство договора должно обусловливаться перечисленными выше пунктами.

«7. Гласность договора, чтобы служить сдерживающимъ началомъ для французскихъ сѣятелей смуты»[150].

Для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ въ Ахенѣ собрались князь Меттернихъ, Кестельри, Веллингтонъ, князь Гарденбергъ, графъ Бернсторфъ, герцогъ Ришелье, графы Нессельроде и Каподистріа.

Меттернихъ началъ свой дипломатическій походъ тѣмъ, что предъявилъ два домогательства, изъ которыхъ первое имѣло цѣлью устранить изъ ахенскихъ совѣщаній всякое дѣло, не касавшееся очищенія французской территоріи и соглашеній, которыми оно должно было сопровождаться. Второе домогательство австрійскаго канцлера клонилось къ тому, чтобы соглашенія имѣли цѣлью возобновить Шомонскій договоръ или четверной союзъ такимъ образомъ, чтобы французское правительство занимало въ политической системѣ Европы среднее мѣсто между четырьмя великими державами и второклассными государствами, которыя онъ называлъ въ насмѣшку подсоюзниками (les sous-alliés). Это предположеніе, составленное имъ сообща съ великобританскимъ министерствомъ, было соображено съ цѣлью уничтожить вліяніе Россіи на европейскія дѣла и подготовить въ то же время начала союза, который можно было бы противупоставить ей.

Устраняя Францію съ одной стороны, съ другой связывая Россію четвернымъ союзомъ, надѣялись въ случаѣ нужды привлечь тюльерійскій дворъ къ знаменитому договору 3-го января 1815 года[151].

Сверхъ того, устраняя изъ ахенскихъ совѣщаній всякій другой вопросъ, Англія пріобрѣтала тѣмъ самымъ монополію надъ испанскими дѣлами въ Южной Америкѣ; въ такомъ же духѣ Австрія дѣйствовала бы въ отношеніи дѣлъ Германіи и Италіи, отстранивъ отъ Россіи второстепенныя государства.

Какъ только императоръ Александръ проникъ въ тайны австрійской системы, онъ повелѣлъ своему министерству не выражать никакого противнаго ей мнѣнія, а только пригласить лорда Кестельри и князя Меттерниха дать письменныя объясненія. Австрія предоставила это дѣло великобританскимъ полномочнымъ, которые представили записку вмѣстѣ съ проектомъ деклараціи.

Графъ Каподистріа сдѣлалъ на поляхъ этой бумаги замѣчанія и повергъ на благоусмотрѣніе государя сущность нашего отвѣта. Послѣдній былъ высочайше одобренъ. Отвѣтъ былъ составленъ и врученъ; имъ косвенно отклонялись всѣ предположенія союзныхъ державъ на томъ основаніи, что примѣненіе четверного союза было бы возможно исключительно въ случаѣ новой революціи, которая могла бы поколебать возстановленную французскую монархію, и что при всякихъ другихъ обстоятельствахъ Францію слѣдуетъ приравнивать къ остальнымъ четыремъ державамъ не для того, чтобы осуществлять вмѣстѣ съ ними отдѣльную и отличную отъ другихъ государствъ систему, но чтобы совмѣстно образовать общій союзъ всѣхъ державъ, которыя участвовали въ постановленіяхъ вѣнскаго конгреса.

Эта записка была предметомъ довѣрительныхъ обсужденій на многихъ совѣщаніяхъ между русскими дипломатами и полномочными союзныхъ державъ. Начала, на которыхъ основывалось мнѣніе императора Александра, были наконецъ приняты, и послѣ того начались формальныя совѣщанія конгреса[152].

Варнгагенъ фонъ-Энзе приводитъ въ своихъ запискахъ слѣдующія слова Генца о значеніи въ то время графа Каподистріи: «не Австрія и Меттернихъ, не Англія, не говоря уже о Пруссіи, а императоръ Александръ и Каподистріа руководили конгресомъ; Каподистріа пріобрѣлъ преобладающее вліяніе и снискалъ величайшее благоволеніе со стороны императора». Справедливость замѣчанія Генца подтверждается словами, сказанными Данилевскому генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ, что Каподистріа въ дипломатикѣ сильнѣе Меттерниха и Талейрана. Высказанный Чернышевымъ взглядъ имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что, какъ пишетъ Данилевскій, «мнѣніе Чернышева есть отголосокъ сужденія государя»[153].

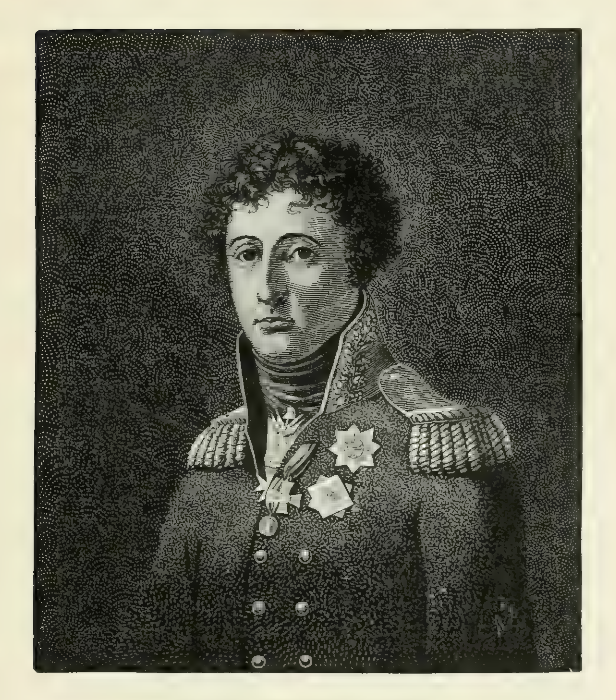
Главный вопросъ, поступившій на обсужденіе конгреса, былъ рѣшенъ согласно желанію императора Александра. Хотя Меттернихъ заявлялъ, что очищеніе Франціи отъ занимавшихъ ее союзныхъ войскъ было

преждевременно, и что французы преисполнены еще революціоннаго духа, но, не смотря на это, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній между министрами Австріи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи, послѣдніе объявили герцогу Ришелье, что министры четырехъ державъ единогласно признали полезнымъ немедленное очищеніе отъ союзныхъ войскъ занимаемой ими части Франціи при условіи опредѣленія способа и сроковъ уплаты французскаго долга.

27-го сентября (9-го октября) была заключена конвенція о выступленіи изъ Франціи союзныхъ войскъ и объ окончательной ликвидаціи долга французскаго правительства. Франціи оставалось уплатить 263.015.210 франковъ, изъ числа коихъ на долю Россіи приходилось получить 42.395.301 франкъ. Такимъ образомъ, благодаря настояніямъ Александра, Франція выходила наконецъ изъ-подъ опеки, въ которой содержали ее европейскія державы съ 1815 года.

Во время конгреса императоръ Александръ и король прусскій отправились въ Валансьенъ на смотръ оккупаціонной арміи, предводимой Веллингтономъ. На этихъ смотрахъ присутствовали также цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великій князь Николай Павловичъ. 10-го (22-го) октября тамъ же былъ произведенъ смотръ корпуса графа Воронцова, а на другой день начался маневръ союзныхъ войскъ, продолжавшійся восемь часовъ сряду и закончившійся церемоніальнымъ маршемъ. Императоръ Александръ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ не были удовлетворены выправкой войскъ русскаго оккупаціоннаго корпуса. Однако, государь не изъявилъ гласно своего мнѣнія, потому что Веллингтонъ очень хвалилъ наши войска. Вечеромъ того же дня государь поѣхалъ къ Веллингтону на обѣдъ. Затѣмъ императоръ Александръ посѣтилъ главную квартиру русскихъ войскъ въ Мобёжѣ, присутствовалъ на смотру прусскихъ войскъ въ Седанѣ и въ заключеніе, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, отправился въ Парижъ, чтобы навѣстить Людовика XVIII[154], такъ какъ Веллингтонъ говорилъ государю, что присутствіе его въ Парижѣ не только обрадуетъ короля, но и необходимо для поддержанія его власти. Ришелье также просилъ объ этомъ Александра; онъ сказалъ Данилевскому, что король французскій умретъ, если государь не посѣтитъ его.

Переночевавъ въ Суасонѣ, государь пріѣхалъ въ Парижъ 16-го (28-го) октября, въ третьемъ часу пополудни, въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ цесаревичемъ, и остановился въ домѣ русскаго посольства. Въ этомъ путешествіи императора сопровождалъ одинъ князь Волконскій. Отобѣдавъ съ прусскимъ королемъ у Людовика XVIII, государь въ тотъ же вечеръ выѣхалъ на ночлегъ въ Санли (Senlis)[155] и оттуда прослѣдовалъ обратно въ Ахенъ. Король прусскій и цесаревичъ остались на нѣсколько дней въ Парижѣ.

Герцогъ Эммануилъ Ришелье.

Съ гравированнаго портрета Мансфельда.

Наконецъ, 3-го (15-го) ноября, уполномоченные пяти великихъ державъ подписали протоколъ и декларацію, въ которыхъ была выяснена цѣль будущей политики, состоявшая въ поддержаніи существующаго порядка, согласованнаго съ духомъ христіанскаго братскаго союза, связывавшаго между собою монарховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено устраивать, по мѣрѣ надобности, съѣзды государей, либо ихъ министровъ и уполномоченныхъ, для обсужденія мѣръ, могущихъ содѣйствовать поддержанію и утвержденію системы, которая, даровавъ Европѣ миръ, одна лишь признавалась способною обезпечить его продолженіе.

Незадолго до окончанія конгреса императоръ Александръ писалъ графу Аракчееву:[156] «Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, и донесенія о продолжающихся успѣхахъ по нашимъ поселеніямъ. Благодареніе Богу, у насъ также все

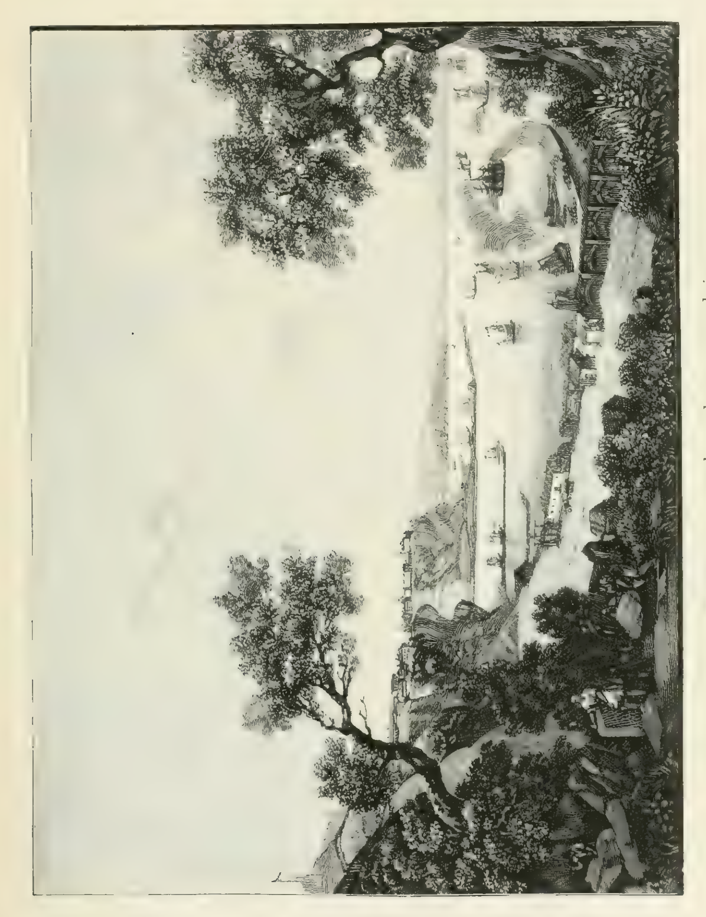
идетъ хорошо и успѣшно, можно сказать, даже сверхъ ожиданія. Я ѣздилъ въ Валансьенъ осматривать нашъ корпусъ и большую часть прочихъ войскъ, составляющихъ армію союзную. Потомъ ѣздилъ въ Парижъ, но единственно отобѣдать къ королю и тотчасъ же послѣ стола выѣхалъ назадъ. Матушка, слава Богу, совершенно здорова и довольна своимъ путешествіемъ и 21-го проѣхала здѣсь, отобѣдавъ у меня; я ее проводилъ до Мастрихта, гдѣ и ночевали съ ней. Теперь она въ Брюсселѣ. Я надѣюсь, мы не замедлимъ здѣсь все привести съ помощію Божіею къ окончанію. Пребываю навсегда тебя искренно любящимъ [157].

Черезъ нѣсколько дней, 1-го (13-го) ноября, государь снова писалъ графу Аракчееву: «Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, изъ Губарева отъ 12-го октября[158]. Никакъ тебѣ не пеняю, что оно длинно, а если бы вдвое еще длиннѣе было, то съ тою же пріятностію оное бы прочелъ. Благодарю искренно Бога, что у насъ по военному поселенію все такъ успѣшно идетъ. Послѣ же Бога искренняя моя обязанность тебя благодарить, ибо твоихъ стараній въ семъ дѣлѣ исчислить трудно.— Чрезъ два дня надѣюсь отсюда выѣхать въ Брюссель, гдѣ полагаю пробыть два дня; потомъ ѣду въ Штутгартъ, гдѣ останусь три дня, оттуда въ Веймаръ, гдѣ пробуду три дня, потомъ черезъ Богемію въ Вѣну, куда надѣюсь прибыть 30-го ноября, а 10-го декабря выѣзжаю и съ Божіей помощію надѣюсь быть въ Петербургѣ 23-го декабря въ вечеру. По милости Всевышняго, здѣсь мы кончили свои дѣла по желанію моему и лучшимъ образомъ. Пребываю на вѣкъ тебя искренно любящимъ»[159].

Въ Ахенѣ императоръ Александръ имѣлъ случай познакомиться съ работами живописца Доу (Dawe). Однажды къ Данилевскому явился Доу и принесъ ему нѣсколько сдѣланныхъ имъ портретовъ; князь Волконскій, увидавъ ихъ, поручилъ Доу написать свой портретъ. Комнаты князя были соединены лѣстницею съ апартаментами государя. Въ одно утро Александръ сошелъ къ князю Волконскому въ то время, когда Доу работалъ у него, и былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ сдѣланнаго имъ портрета. Государь повелѣлъ тогда Данилевскому сдѣлать предложеніе Доу пріѣхать въ Россію для написанія портретовъ нашихъ генераловъ, участвовавшихъ въ войнахъ 1812—1814 годовъ, на что художникъ съ радостью согласился. Работы его украсили впослѣдствіи военную галерею Зимняго дворца; его же кисти мы обязаны лучшимъ портретомъ императора Александра.

Образъ жизни императора Александра въ Ахенѣ былъ чрезвычайно однообразный. Онъ вставалъ часовъ въ восемь; вскорѣ затѣмъ приходилъ къ нему князь Волконскій, съ которымъ онъ прочитывалъ дневной приказъ по арміи; затѣмъ князь докладывалъ различныя бумаги, ка-

савшіяся двора. Съ половины девятаго государь оставался одинъ до половины второго; въ это время происходили министерскія конференціи. Иногда, но весьма рѣдко, государь около полудня давалъ аудіенцію

Одесса въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ современной гравюры Химели сдѣланной съ рисунка съ натуры Клеще.

знатнымъ иностранцамъ. Въ половинѣ второго государь ходилъ пѣшкомъ гулять, а черезъ часъ кушалъ, или одинъ, или съ великими князьями, Константиномъ и Михаиломъ Павловичами, когда они бывали въ Ахенѣ, или же съ принцемъ гессенъ-гомбургскимъ, который попрежнему

пользовался милостивымъ вниманіемъ его величества. «Что происходитъ послѣ обѣда до шести часовъ», записалъ Данилевскій, «мнѣ неизвѣстно, но императоръ въ это время никуда не выходитъ». Въ седьмомъ часу пріѣзжали наши уполномоченные на конгресѣ, графы Нессельроде и Каподистріа, которые обыкновенно просиживали у государя часовъ до одиннадцати. По замѣчанію очевидца, вообще въ Ахенѣ занимались дѣлами несравненно прилежнѣе, чѣмъ на Вѣнскомъ конгресѣ, чему не мало способствовало, по замѣчанію Данилевскаго, то обстоятельство, что тамъ не было «женскихъ обществъ, какъ то было въ Вѣнѣ»[160].

Дѣла конгреса приближались къ концу, и государь готовился уже покинуть Ахенъ, чтобы посѣтить нидерландскій дворъ въ Брюсселѣ, какъ получены были извѣстія объ открытіи заговора, имѣвшаго цѣлью захватить дорогою императора Александра, увезти его во Францію и затѣмъ принудить подписать прокламацію объ освобожденіи Наполеона и о возведеніи на французскій императорскій престолъ его сына[161]. Государь принялъ это извѣстіе весьма равнодушно, не отмѣнилъ предположенной поѣздки и, приказавъ написать нидерландскому королю, что полагается на мѣры, какія имъ будутъ приняты противъ заговора, 4-го (16-го) ноября отправился въ Брюссель. По свидѣтельству очевидца, на императорѣ была треугольная шляпа съ бѣлымъ перомъ, какъ будто для того, чтобы заговорщики могли удобнѣе узнать его, ибо обыкновенно дорогою онъ надѣвалъ фуражку. Принцъ Оранскій, имѣвшій отъ короля приказаніе принять мѣры предосторожности во время этого путешествія, распорядился такимъ образомъ, что перемѣнные отряды конницы слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи за коляскою государя, безъ вѣдома его и не бывъ имъ замѣчены. Другіе отряды расположены были на станціяхъ. Нидерландскія войска, въ рядахъ коихъ находилось много наполеоновскихъ солдатъ, были сведены съ дороги и замѣнены швейцарскими, состоявшими на нидерландской службѣ. Большое число жандармовъ было спрятано подъ мостами, во рвахъ и деревняхъ; кромѣ того, жандармы, переодѣтые въ крестьянское платье, ѣхали верхомъ, не теряя изъ виду государевой коляски. Верховыя лошади, назначенныя для императора на всякій случай, слѣдовали поодаль.

Александръ прожилъ нѣсколько дней въ Брюсселѣ, въ семейномъ кругу, и, не смотря на свѣдѣнія, что городъ наполненъ заговорщиками, являлся на гуляньяхъ среди множества народа, одинъ, во фракѣ. 9-го (21-го) ноября государь выѣхалъ изъ Брюсселя и черезъ Ахенъ и Франкфуртъ прослѣдовалъ въ Карлсруэ для свиданія съ императрицей Елисаветой Алексѣевною.

Изъ Карлсруэ государь направился въ Штутгартъ, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлся съ сестрою. Король и королева обѣщали пріѣхать вскорѣ въ Петербургъ[162]. Но судьба расположила иначе: черезъ нѣ-

сколько недѣль Екатерина Павловна скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ, во всемъ блескѣ тѣлесной и душевной красоты[163].

Посѣтивъ вторично веймарскій дворъ, гдѣ въ то время находилась также императрица Марія Ѳеодоровна, Александръ продолжалъ путь черезъ Богемію въ Вѣну. Въ это время наступила уже холодная осенняя погода; дождь не переставалъ лить до самой Вѣны, и дороги совсѣмъ испортились; но такъ какъ государь непремѣнно желалъ проѣзжать каждый день разстояніе, назначенное по маршруту, то путешественники достигали ночлеговъ очень поздно и оставались на нихъ не болѣе трехъ часовъ[164].

За столомъ государя въ Иглау, за которымъ находились князь Волконскій, Виллie, Данилевскій, два австрійскихъ маіора и одинъ гражданскій чиновникъ, разговоръ коснулся состава и мундировъ австрійской арміи, которые государю были извѣстны во всѣхъ подробностяхъ; это крайне удивило иностранныхъ гостей, потому что онъ говорилъ съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ будто рѣчь шла о русской арміи. Потомъ императоръ сказалъ имъ, что у нихъ новый фельдмаршалъ, герцогъ Веллингтонъ, и присовокупилъ, что онъ имѣетъ теперь этотъ чинъ въ семи различныхъ государствахъ, въ Австріи, въ Россіи[165], въ Испаніи, въ Португаліи, въ Пруссіи, въ Англіи и въ Нидерландахъ.—Данилевскій замѣтилъ при этомъ, что Веллингтонъ окажется въ затруднительномъ положеніи, когда эти державы будутъ воевать между собою; въ такомъ случаѣ ему останется одно—сохранить нейтралитетъ. Тогда государь, обратясь къ князю Волконскому, сказалъ ему по-русски, указывая на Данилевскаго:

— «Я не думалъ, чтобы Александръ Ивановичъ былъ такой задорный, онъ насъ хочетъ поссорить».

Послѣ сего, разсказываетъ Данилевскій, «его величество, смотря прямо на меня, сказалъ по-французски:

— «Я могу васъ увѣрить, что войны не будетъ. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ всѣмъ державамъ предстоятъ выгоды не отъ войны, а отъ мира».

— «Но,—отвѣчалъ Данилевскій,—съ сотворенія міра государства были всегда не въ настоящемъ своемъ положеніи (ils étaient dans une fausse position), отъ чего и происходила война».

— «Оттого-то именно, — прервалъ его государь, — что они не были никогда въ томъ состояніи, въ которомъ они находятся нынѣ. Мы устроили теперь дѣла такимъ образомъ, что ни Россія, ни Австрія, ни Англія, ни Пруссія не имѣютъ взаимныхъ другъ на друга требованій и притязаній. Все заплочено, всѣ между собою разсчитались, и надобно быть глупцомъ, начиная войну за какую-нибудь деревушку. Если можно предполагать войну, то съ французами: эти господа не хотятъ жить спокойно».

Данилевскій намѣревался продолжать свои возраженія, но государь посмотрѣлъ на него такъ выразительно, что онъ не рѣшился высказать свои мысли и сомнѣнія. Помолчавъ немного, Александръ замѣтилъ: «Впрочемъ, чтобы сохранить миръ, надо содержать войска въ исправности»[16]. Государь, желая развеселить общество, началъ шутить надъ Вилліе и надъ врачами и сказалъ: «такъ какъ мы рѣшили, что войны не будетъ, то медикамъ не остается другого дѣла, какъ давать слабительное и принимать младенцевъ у родильницъ».

Императоръ Александръ прибылъ въ Вѣну 30-го ноября (12-го декабря) и оставался тамъ десять дней. Въ Вѣнѣ государь почти не занимался дѣлами. По утрамъ онъ ѣздилъ по городу, осматривалъ войска и нѣкоторыя общественныя заведенія, а вечера проводилъ въ кругу семействъ, знакомыхъ ему съ Вѣнскаго конгреса, какъ-то: у князя Шварценберга, брата фельдмаршала, у графа Зичи и у князя Ауэрсперга. Чтобы предоставить императору совершенную свободу, русскихъ не приглашали на эти вечернія собранія, на которыя Александръ являлся въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ и съ орденомъ Маріи-Терезіи въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ.

При посѣщеніи государемъ инвалиднаго дома онъ узналъ, что тамъ находится девяностолѣтній солдатъ полка его имени, нѣкій Штульмейстеръ, и въ такомъ разслабленіи, что не можетъ вставать съ постели. Государь подошелъ къ его кровати, и такъ какъ на его величествѣ былъ полковничій австрійскій мундиръ, то старый ветеранъ принялъ его за полковника, смѣло и шутливо разсказывалъ о своихъ походахъ, о Семилѣтней войнѣ, и какъ онъ вмѣстѣ съ россійскими войсками находился въ сраженіи при Кунерсдорфѣ. Но здѣсь его прервали и сказали, что онъ говоритъ съ русскимъ императоромъ; тогда старецъ благодарилъ Бога за счастіе видѣть передъ смертію столь великаго монарха и силился поцѣловать его руку. Государь обнялъ ветерана и на другой день послалъ ему сто червонцевъ.

10-го (22-го) декабря Александръ продолжалъ путь въ Россію черезъ Ольмюцъ, Тешенъ и Бохнію.

По разсказамъ очевидца, образъ жизни государя во время путешествій былъ весьма однообразный. «Онъ просыпается часу въ восьмомъ, въ постелѣ кушаетъ чай, потомъ надѣваетъ бѣлый халатъ, молится Богу и начинаетъ, не торопясь, одѣваться. Когда подаютъ воду для умыванія, то зовутъ князя Волконскаго, который сталъ недавно ходить въ тулупѣ къ государю. Туалетъ императора продолжается съ часъ; потомъ, отъѣхавъ верстъ тридцать или сорокъ, онъ обѣдаетъ съ большимъ апетитомъ и пьетъ только бургонское вино, которое нарочно присылается изъ Петербурга; послѣ кофея встаетъ изъ-за стола и немедленно отправляется въ путь. Верстъ черезъ шестьдесятъ подаютъ

Графъ Александръ Өедоровичъ Ланжеронъ.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

чай, что по прибытіи на ночлегъ опять повторяется. Такимъ образомъ въ сутки онъ одинъ только разъ употребляетъ пищу».

Въ Ланкутѣ государь обѣдалъ въ замкѣ графа Потоцкаго. Тамъ его встрѣтилъ князь Адамъ Чарторижскій, видъ котораго, по свидѣтельству очевидца, былъ мрачный, какъ и подобаетъ царедворцу, впавшему въ немилость. Императоръ по прибытіи сказалъ ему не болѣе десяти словъ, но тѣмъ не менѣе пригласилъ его обѣдать.

За столомъ Александръ сказалъ: «И такъ, Ахенскій конгресъ, о которомъ говорили такъ много, который представляли такимъ таин-

ственнымъ, конченъ, и миръ утвержденъ надолго. Мы дали себѣ слово съѣхаться опять черезъ три года. Я бы желалъ, чтобы собрались снова въ Ахенѣ. Мнѣ тамъ было очень пріятно, хотя всѣ увѣряли, что въ Ахенѣ скучно»[167].

Князь Чарторижскій, какъ бывшій дипломатъ, могъ поддержать разговоръ о конгресѣ, но воздержался. Онъ спросилъ государя, не изъявила ли императрица Марія Ѳеодоровна желанія побывать въ Парижѣ, находясь такъ близко отъ него въ Брюсселѣ? Данилевскій, передавая объ этомъ въ своихъ запискахъ, пишетъ: «Государь не жалуетъ сего города, не любитъ, чтобы русскіе въ оный ѣздили, а потому и сей вопросъ былъ, кажется, не совсѣмъ пріятенъ».

Государь разсказалъ о своемъ путешествіи въ Парижъ: «Фельдмаршалъ Веллингтонъ первый заговорилъ со мною о поѣздкѣ въ Парижъ; сначала я вовсе не имѣлъ намѣренія ѣхать туда; онъ сказалъ мнѣ, что я сдѣлаю большое удовольствіе французскому королю и, можетъ быть, принесу ему этимъ пользу, и что, вступивъ на французскую территорію, слѣдуетъ оказать это вниманіе Людовику XVIII. Я согласился, и такъ какъ я желалъ только сдѣлать визитъ французскому королю, то мнѣ не оставалось дѣлать въ Парижѣ ничего другого»[168].

Послѣ обѣда государь сказалъ только князю Адаму, что вечеромъ пріѣдетъ кушать чай къ его родителямъ въ Сеняву. Оттуда государь продолжалъ уже путь въ саняхъ и, не доѣзжая польскаго мѣстечка Бѣлгорая, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, надѣлъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла. Прислуга его величества одѣлась въ польскую ливрею. Въ крѣпости Замостьѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ встрѣтилъ императора и обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ. Дальнѣйшій маршрутъ слѣдовалъ черезъ Устилугъ на Брестъ-Литовскъ и Минскъ.

Изъ разговоровъ, имѣвшихъ мѣсто во время этого пути и могущихъ служить для характеристики императора Александра, приведемъ слѣдующіе эпизоды, занесенные Данилевскимъ въ свой журналъ.

Въ Турискѣ государь спросилъ у князя Волконскаго, отправилъ ли онъ подарокъ г-жѣ Любовецкой, у которой наканунѣ кушали чай въ Рубешевѣ? Князь отвѣчалъ, что послалъ ей брилліантовый фермуаръ при письмѣ. «На сіе императоръ, обратясь ко мнѣ,—пишетъ Данилевскій,—сказалъ: «Конечно, письмо ты писалъ, и я увѣренъ, что оно очень учтиво».

— «Вѣжливое письмо,—отвѣчалъ я,—увеличитъ въ глазахъ г-жи Любовецкой цѣну подарка».

«На это государь, принявъ важный видъ, сказалъ по-французски:— Вы правы. Я убѣжденъ, что ничто такъ ни необходимо въ жизни, какъ радушіе и вѣжливость. Эти качества указываются намъ религіей и дѣлаютъ возможнымъ существованіе общества, точно такъ же, какъ съ другой

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

стороны, все то, что разрушаетъ чувство радушія, вредно для существованія обществъ. Когда я былъ молодъ, когда мнѣ было двадцать пять лѣтъ, я думалъ отчасти иначе и заботился о пустякахъ. Вы,—продолжалъ государь, обращаясь ко мнѣ,—вы моложе меня. Съ годами вы убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ. Даже если люди, съ которыми мы обращаемся такимъ образомъ, не отвѣчаютъ одинаковою вѣжливостью, то виноваты они, а не мы, и они пожалѣютъ объ этомъ когда-нибудь. Вѣрьте мнѣ»[169].

Однажды во время пути Данилевскому пришлось ѣхать въ однѣхъ саняхъ съ княземъ Волконскимъ. По его разсказу «дорогою разговоръ былъ очень любопытенъ, и сей недовѣрчивый вельможа началъ жаловаться, что въ семъ путешествіи онъ почувствовалъ такую слабость, которой прежде не знавалъ, говорилъ, что онъ болѣе не намѣренъ ѣздить съ государемъ, котораго капризы бываютъ иногда такъ велики, что онъ не въ состояніи ихъ переносить».

«— Ты только иногда видѣлъ, говорилъ Волконскій Данилевскому, что я терплю, но большей части непріятностей моихъ никто, даже и ты вполнѣ не знаешь. Помнишь ли, какъ въ Мобежѣ король прусскій пріѣхалъ на балъ къ графу Воронцову ранѣе государя? Онъ мнѣ за это наговорилъ такія слова, что я хотѣлъ въ ту же минуту его оставить; въ этотъ самый день нѣсколько англичанокъ пріѣхали, когда всѣ уже сидѣли за столомъ, за что опять онъ меня бранилъ. На другой день я именно говорилъ графу Воронцову, чтобы обѣдню служили по-придворному, то есть, чтобы не пѣли концерта; графъ увѣрилъ меня, что служба будетъ точно такая, какъ государь желаетъ, но вдругъ запѣли концертъ; ты не можешь придумать всего, что онъ мнѣ за сіе наговорилъ, хотя я былъ совершенно не виноватъ».

Данилевскій старался по мѣрѣ силъ успокоить и утѣшить взволнованнаго князя и сказалъ, что имя его принадлежитъ исторіи и потомство будетъ говорить о немъ, какъ о другѣ царя. Волконскій отвѣчалъ ему:—«Повѣрь мнѣ, что черезъ недѣлю послѣ моей смерти обо мнѣ забудутъ; я одного желаю, что, когда меня болѣе не будетъ при государѣ, то чтобы тотъ, кто заступитъ мое мѣсто, служилъ бы ему съ равнымъ усердіемъ, какъ я».

Въ журналѣ Данилевскаго 1818 года встрѣчается еще нѣсколько не лишенныхъ значенія отзывовъ, высказанныхъ императоромъ Александромъ.

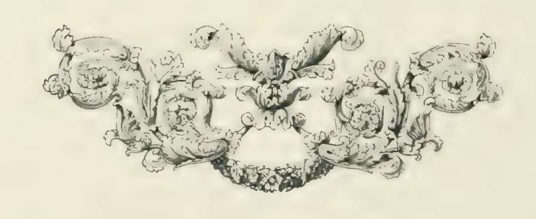
Когда какъ-то зашла рѣчь о замѣнѣ стараго стиля новымъ, Данилевскій замѣтилъ, что это мѣропріятіе не произведетъ столь важной перемѣны, какъ случилось при Петрѣ Великомъ, когда лѣтосчисленіе начали вести съ Рождества Христова, а не съ сотворенія міра. Государь рѣшительнымъ голосомъ и съ замѣтнымъ желаніемъ, чтобы ему не возра-

жали, сказалъ: — «Pierre le Grand avait le poing assez ferme pour ne pas craindre ces suites».

Затѣмъ начали говорить о французахъ: — «Государь ихъ не жалуетъ». — На замѣчаніе, что всѣ лучшія сочиненія выходятъ на французскомъ языкѣ, Александръ возразилъ: — «Pas tous, mais une grande partie; c'est bien que nous avons maintenant une langue universelle. Vaut mieux parler celle-ci, que d'en inventer une autre» (Не всѣ, но значительная часть; хорошо, что мы имѣемъ теперь всемірный языкъ. Лучше говорить на этомъ, чѣмъ выдумывать другой)[170].

Въ Минскѣ встрѣтили государя главнокомандующій первой арміи генералъ Сакенъ и начальникъ его штаба, генералъ-адъютантъ Дибичъ. Къ этому времени прибылъ также вызванный изъ Варшавы Н. Н. Новосильцовъ, съ которымъ императоръ намѣревался заняться польскими дѣлами. Остановка въ Минскѣ была непродолжительна, и 22-го декабря 1818 года (3-го января 1819 года) Александръ возвратился въ Царское Село, проѣхавъ въ этомъ году болѣе 14.000 верстъ.

Наканунѣ новаго года возвратилась изъ-за границы императрица Марія Ѳеодоровна. Дѣлались предположенія насчетъ зимнихъ праздниствъ, какъ вдругъ извѣстіе о кончинѣ королевы виртембергской Екатерины Павловны, послѣдовавшей послѣ кратковременной болѣзни[171], повергло все царское семейство въ горе и трауръ. Несчастіе это сильно подѣйствовало на императора, такъ какъ Екатерина Павловна была самая любимая сестра его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЕЩЕ ВЪ 1814 ГОДУ, во время пребыванія императора Александра въ Лондонѣ, знаменитые филантропы-квакеры Греллэ-де-Мобилье[172] и Алленъ воодушевились мыслью, что надо воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и внушить союзнымъ государямъ, что царство Христа есть царство справедливости и мира. Съ этою цѣлью отправились сначала къ прусскому королю, который принялъ ихъ, похвалилъ квакеровъ, находившихся въ его владѣніяхъ, но высказалъ убѣжденіе, что война необходима для достиженія мира. Императоръ Александръ выказалъ имъ болѣе сочувствія; онъ посѣтилъ квакерскій митингъ и принялъ депутацію. Государь увѣрилъ квакеровъ, что онъ согласенъ съ большею частью ихъ мнѣній, и что хотя, по его исключительному положенію, его образъ дѣйствій долженъ быть иной, но что онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу. Прощаясь съ квакерами, Александръ приглашалъ ихъ

къ себѣ въ Россію и сказалъ: «Я разстаюсь съ вами какъ другъ и братъ».

Греллэ и Алленъ прибыли въ Петербургъ въ ноябрѣ 1818 года, во время отсутствія императора. Они явились къ князю А. Н. Голицыну, о которомъ Греллэ написалъ: «онъ—человѣкъ, проникнутый истинно христіанскимъ духомъ». Голицынъ принялъ квакеровъ «съ открытымъ сердцемъ» и сообщилъ имъ, что императоръ прислалъ ему письмо съ увѣдомленіемъ о ихъ пріѣздѣ въ Россію и съ просьбою принять ихъ какъ «своихъ друзей». Послѣ разныхъ вопросовъ о предметахъ религіозныхъ квакеры предались вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ безмолвному внутреннему богомыслію, и состояніе это, пишетъ Греллэ, «не казалось новымъ для князя: все это происходило въ присутствіи г. Попова, благочестиваго молодого человѣка[173]. Одушевленные любовію къ Іисусу Христу, мы почувствовали въ себѣ, послѣ безмолвной сердечной молитвы, благотворное вѣяніе благодати. При прощаніи князь предоставилъ мнѣ свободный доступъ ко всему, что могло интересовать насъ: къ тюрьмамъ, къ исправительнымъ заведеніямъ и къ пріютамъ бѣдныхъ».

Посѣщеніе петербургскихъ тюремъ глубоко потрясло благочестивыхъ квакеровъ; по замѣткѣ Греллэ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было очень грязно и много насѣкомыхъ, особенно клоповъ; запахъ стоялъ нестерпимый; воздухъ былъ испорченъ до такой степени, что онъ подѣйствовалъ на головы и легкія посѣтителей.

Квакеры осмотрѣли также нѣкоторые пріюты и школы, посѣтили многихъ лицъ высшаго столичнаго общества и сдѣлали визиты митрополиту Михаилу и епископу Филарету[174]. Вмѣстѣ съ тѣмъ они находили время для безмолвной молитвы у князя Голицына, который раскрылъ передъ ними свое сердце въ духѣ свободы и общенія христіанскаго. Квакеры почувствовали, что князь крещенъ съ ними единымъ духомъ.

Императоръ Александръ принялъ квакеровъ наединѣ, вечеромъ, назвалъ ихъ своими старыми друзьями, посадилъ подлѣ себя на диванѣ, вспоминалъ съ внутреннимъ волненіемъ о свиданіи въ 1814 году въ Лондонѣ, говоря, что это свиданіе доставило ему бодрость и твердость духа среди всѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ тогда находился. «Государь», пишетъ Греллэ, «предложилъ намъ потомъ нѣсколько вопросовъ о религіозныхъ предметахъ, обнаруживая при этомъ искреннюю заботливость о своемъ преуспѣяніи въ спасительномъ познаніи истины; онъ хорошо знакомъ со Священнымъ Писаніемъ и имѣетъ вѣрныя понятія о возрожденіи и искупленіи, которое пріобрѣтается вѣрою въ Господа нашего Іисуса Христа и единственно на основаніи Его крестныхъ заслугъ. Государь любитъ въ особенности бесѣдовать о внутреннемъ дѣйствіи и вліяніи Св. Духа, которое онъ называетъ краеугольнымъ

камнемъ христіанской религіи, потому что аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть еговъ[175]; и «если», говорилъ онъ, «предметы божественные только могутъ быть познаваемы Духомъ Божіимъ, то какую надежду на спасеніе можетъ имѣть тотъ, кто не стремится усильно къ принятію сего Духа!» Государь далѣе спрашивалъ насъ о томъ,

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

Съ гравюры Боброва, сдѣланной съ портрета Рисса.

что мы видѣли и сдѣлали въ Россіи. Мы воспользовались случаемъ, чтобы разсказать ему о бѣдственномъ положеніи тюремныхъ заведеній; въ особенности мы обратили его вниманіе на жалкое состояніе тюрьмы въ Або и разсказали ему объ одномъ несчастномъ, который тамъ страдаетъ въ оковахъ въ теченіе 19-ти лѣтъ.

«Государь былъ тронутъ нашимъ разсказомъ и сказалъ:

«— Этого не должно бы быть; оно не повторится болѣе».

Квакеры сообщили также государю, какъ глубоко они были огорчены, видя, при осмотрѣ одного училища, что воспитанникамъ даютъ читать книги, пагубныя для ихъ нравственности; при этомъ они показали ему образчики сдѣланныхъ ими извлеченій изъ Священнаго Писанія для употребленія въ училищахъ[176]. Государь на минуту погрузился въ размышленіе и затѣмъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ, замѣтилъ:

«— Вы именно исполнили то, чего я очень желалъ. Я часто думалъ, что училища могли бы служить сильнымъ орудіемъ для царствія Христова, приводя народъ къ познанію Спасителя и къ правиламъ истиннаго благочестія. Пришлите мнѣ поскорѣе все, что вы успѣли приготовить».

Затѣмъ разговоръ коснулся Даніила Виллера, также квакера, котораго государь вызвалъ въ Петербургъ для осушенія болотъ. Александръ сказалъ, что онъ смотритъ на его пребываніе въ Россіи, какъ на благословеніе для народа.

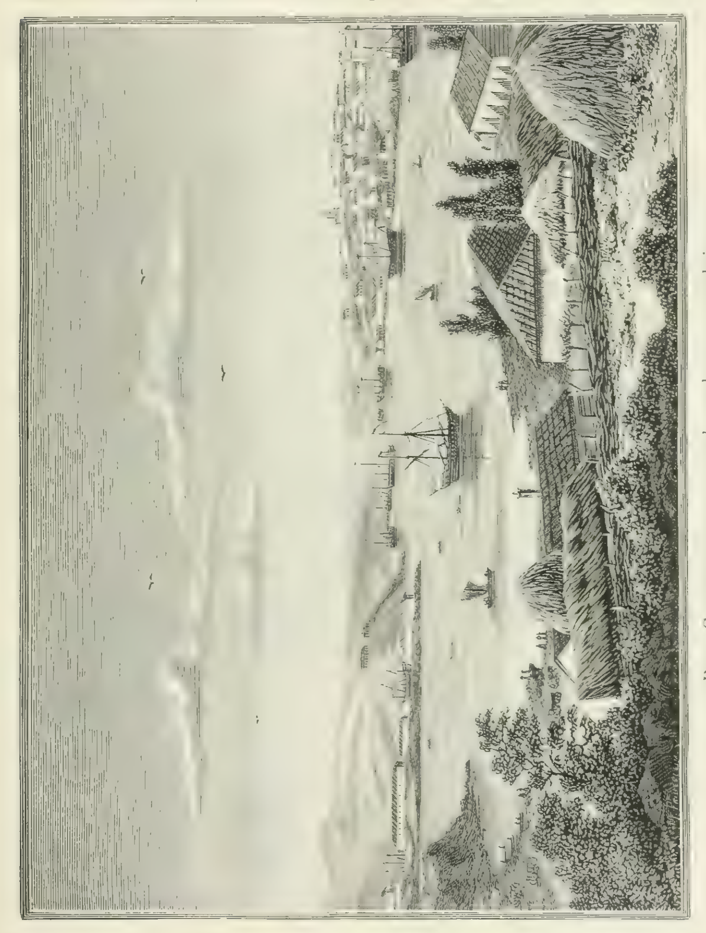
«— Не осушеніе болотъ», присовокупилъ государь, «и не другая какая-либо матеріальная нужда были причиною того, что я вызвалъ сюда нѣкоторыхъ изъ вашихъ «друзей»; нѣтъ, мною руководило желаніе, чтобы ихъ истинное благочестіе, ихъ честность и другія добродѣтели послужили для моего народа примѣромъ къ подражанію».

Въ заключеніе этой бесѣды государь сказалъ: «Прежде чѣмъ разстанемся на этотъ разъ, попытаемся провести нѣсколько времени въ общей духовной молитвѣ».

«Мы охотно согласились», пишетъ Грелле по этому поводу,—«чувствуя, что Господь близъ насъ съ своею благодатною силою. Въ безмолвномъ внутреннемъ созерцаніи прошло нѣсколько времени; души наши смирились, и, немного спустя, я почувствовалъ въ себѣ небесное вѣяніе духа молитвы и сокрушенія; объятый духомъ, я преклонилъ колѣна свои предъ величіемъ Божіимъ; государь преклонилъ колѣна подлѣ меня. Среди внутренняго изліянія души мы чувствовали, что Господь благословилъ услышать наши молитвы. Затѣмъ мы провели еще нѣсколько времени въ безмолвіи и потомъ удалились. Прощаясь, государь выразилъ желаніе еще разъ увидѣться съ нами до нашего отъѣзда. Мы провели у него два часа».

Послѣ этой замѣчательной аудіенціи, столь ярко рисующей религіозно-идеальное настроеніе императора Александра, квакеры принялись за посѣщеніе женскихъ учебныхъ заведеній вдовствующей императрицы, молодыя питомицы которыхъ возбудили въ нихъ много сочувствія. Грелле нашелъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ сердце, вполнѣ открытое для принятія евангельскихъ внушеній. Эти посѣщенія имѣли послѣдствіемъ пріемъ квакеровъ императрицею Маріею Ѳеодоровною. Они высказали государынѣ, что они остались очень довольны состояніемъ институтовъ,

находящихся подъ ея покровительствомъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онп не могутъ не скорбѣть, видя, какъ мало обращено вниманія въ Петербургѣ, какъ вообще и во всей Россіи, на воспитаніе дѣтей низшихъ классовъ общества; затѣмъ онп говорили также императрицѣ о неудоб-

Видъ Севастополя въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рисунка съ натуры П. Свиньина.

ствахъ существовавшаго тогда порядка тюремнаго помѣщенія женщинъ и указывали, какъ полезно было бы, если-бъ тюрьмы посѣщались женщинами, способными наставлять и утѣшать несчастныхъ узницъ. Императрица вполнѣ согласилась съ этими мыслями.

По дневнику Греллэ, разговоръ этотъ далъ посѣтителямъ случай обратить вниманіе государыни на предметы, касающіеся царствія Божія и вѣчной жизни; они высказали при этомъ, какъ важно и необходимо стараться какъ слѣдуетъ приготовить себя предстать предъ Богомъ, когда Ему благоугодно будетъ прервать слабую нить нашей земной жизни. Императрица была тронута и, прощаясь съ квакерами, просила ихъ не забывать ее въ своихъ молитвахъ.

Вскорѣ государь снова призвалъ къ себѣ квакеровъ.

«Онъ опять принялъ насъ въ своихъ частныхъ покояхъ», пишетъ Греллэ, «куда насъ ввели потаеннымъ ходомъ, минуя дворцовый караулъ и придворную прислугу. Никто не удивился, видя, что мы вошли съ покрытыми головами. Государь такъ же, какъ прежде, принялъ насъ съ сердечной привѣтливостью. Онъ сначала сообщилъ намъ, что съ заключенныхъ въ Або сняты цѣпи, въ которыхъ мы видѣли ихъ, что несчастный, о которомъ мы ему говорили, освобожденъ, и что дано приказаніе лучше обращаться съ прочими заключенными. Онъ просилъ насъ затѣмъ откровенно разсказать ему обо всемъ, что замѣчено нами въ тюрьмахъ во время нашего пребыванія въ Россіи. Генералъ-губернаторъ (графъ Милорадовичъ) доложилъ ему объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, которыя мы считали полезнымъ ввести въ темницахъ, и государь вполнѣ одобрилъ произведенныя уже тамъ перемѣны. Онъ сказалъ намъ далѣе, что вдовствующая императрица съ удовольствіемъ говорила ему о сдѣланномъ нами визитѣ; что она приняла къ сердцу сказанное нами о крайнихъ упущеніяхъ по воспитанію дѣтей бѣднаго класса и что она занимается пріисканіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ возможно скорому исправленію этого недостатка. Государь присовокупилъ къ этому, что онъ назначилъ извѣстную сумму на учрежденіе шести училищъ для бѣдныхъ дѣтей въ столицѣ, съ тѣмъ, чтобы дѣти получали тамъ религіозно-нравственное воспитаніе. Онъ сообщилъ намъ далѣе о томъ, что со вниманіемъ прочиталъ приготовленныя нами книги для дѣтскаго чтенія и былъ въ восторгѣ отъ нихъ; что, если бы мы для одного только этого пріѣхали въ Россію, то уже совершили бы дѣло весьма важное, и что онъ намѣренъ ввести наши книжки въ употребленіе во всѣхъ школахъ своей имперіи».

Квакеры пришли къ убѣжденію, что они оставляютъ по себѣ въ Петербургѣ сѣмя, благословенное Богомъ. Передъ отъѣздомъ ихъ въ Москву государь принималъ своихъ старыхъ друзей въ третій разъ и разсказалъ имъ при этомъ случаѣ разныя подробности о томъ, какъ его воспитывали подъ надзоромъ бабки его, императрицы Екатерины.

«— Приставленныя ко мнѣ лица», говорилъ онъ, «имѣли нѣкоторыя добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами, и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо

Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III.

Съ гравюры Форстера, сдѣланной съ портрета Жирарде.

глубокими нравственными впечатлѣніями; сообразно съ обычаями нашей греческой церкви, меня пріучили формально повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя заученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ моего религіознаго чувства, скоро надоѣлъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ свои грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное раскаяніе пробуждало во мнѣ потребность вставать съ постели и среди ночной тишины бросаться на колѣна, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силъ для большей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало-по-малу, при отсутствіи нравственной поддержки со стороны окружавшихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірскою разсѣянностію грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ. Наконецъ, въ 1812 году, Господь снова призвалъ меня, по любви и милосердію своему, и прежнія движенія благодати возобновились въ сердцѣ моемъ съ новою силою. Въ это время одно благочестивое лицо[177] посовѣтовало мнѣ приняться за чтеніе Священнаго Писанія и дало мнѣ въ руки Библію, которой до тѣхъ поръ я никогда еще не видалъ. Я пожиралъ Библію, находя, что слова ея вливаютъ новый, прежде никогда не испытанный миръ въ мое сердце и удовлетворяютъ жаждѣ души моей. Господь, по благости своей, даровалъ мнѣ Духомъ своимъ разумѣть то, что я читалъ; этому-то внутреннему назиданію и озаренію я обязанъ всѣми духовными благами, пріобрѣтенными мною при чтеніи божественнаго слова,— вотъ почему я смотрю на внутреннее озареніе или наставленіе отъ Святаго Духа, какъ на самую твердую опору спасительнаго богопознанія».

Затѣмъ государь разсказалъ своимъ собесѣдникамъ, какъ сильно душа его была проникнута желаніемъ навсегда уничтожить на землѣ войны и пролитіе крови. «Онъ говорилъ», передаетъ Греллэ, «что много ночей проведено имъ безъ сна въ напряженныхъ размышленіяхъ о томъ, какъ бы осуществить это завѣтное желаніе, и въ глубокой скорби при мысли о безчисленныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, причиненныхъ войною. Въ то время, когда душа его, такимъ образомъ, смирилась въ пламенной молитвѣ къ Спасителю, у него возникла идея пригласить всѣ коронованныя особы къ составленію одного Священнаго союза, предъ судомъ котораго можно было бы на будущее время примирять всѣ вновь возникающія разногласія, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мечу и пролитію крови; эта мысль такъ заняла его, что онъ всталъ съ постели, изложилъ письменно свои чувства и стремленія въ этомъ направленіи съ такою живостію и съ такимъ жаромъ, что намѣренія его подверглись со стороны многихъ незаслуженнымъ подозрѣніямъ и перетолкованіямъ,

Принцъ прусскій Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

«хотя», прибавилъ онъ со вздохомъ, «теплая любовь къ Богу и людямъ была единственнымъ побужденіемъ, руководившимъ мною». Мысли объ образованіи Священнаго союза возникли въ немъ во время пребыванія его въ Парижѣ. Послѣ того, какъ мы провели нѣсколько времени въ бесѣдѣ о такомъ важномъ предметѣ, государь сказалъ намъ:

*

«— Итакъ, мы разстаемся въ этомъ мірѣ, но я имѣю твердое упованіе на то, что мы, будучи раздѣлены пространствомъ, останемся, однако, навсегда, по благости Духа Божія, соединенными внутреннимъ общеніемъ въ духѣ, ибо въ царствѣ Божіемъ нѣтъ предѣловъ пространства. Теперь же, прежде чѣмъ разстанемся, у меня есть еще одна просьба къ вамъ: соединимся безмолвною молитвою и посмотримъ, не благословитъ ли Господь даровать намъ проявленіе своего благодатнаго присутствія, какъ было въ прошедшій разъ».

«Мы охотно согласились исполнить его желаніе, ибо чувствовали съ сердечною радостію, что крылья небесной любви осѣняли насъ. Наступило торжественное молчаніе, во время котораго мы чувствовали, что Господь посреди насъ; души наши съ благоговѣніемъ открылись передъ нимъ, и самъ Онъ дѣйствовалъ въ насъ своей благодатію[178]. Немного спустя, я почувствовалъ въ себѣ, подъ вѣяніемъ любви Христовой, живую потребность сказать нѣсколько одобрительныхъ словъ возлюбленному государю, дабы поощрить его идти твердымъ шагомъ по стезѣ Господней и до конца земного странствія возлагать всецѣло упованіе на дѣйственность Божественной благодати; я чувствовалъ вообще потребность предостеречь его отъ зла и укрѣпить его въ благомъ намѣреніи всегда шествовать путемъ правды и добра. Слова, произнесенныя мною, произвели на государя глубокое впечатлѣніе,—онъ проливалъ горячія слезы. Затѣмъ дорогой Алленъ вознесъ Господу на колѣняхъ теплую молитву за государя и его народъ. Государь самъ бросился на колѣни подлѣ него и долго оставался вмѣстѣ съ нами въ молитвенныхъ изліяніяхъ передъ Господомъ. Наконецъ, мы трогательно и торжественно разстались»[179].

До отъѣзда своего изъ Петербурга квакеры были приглашены и къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Греллэ сообщаетъ объ этомъ свиданіи слѣдующее: «Императрица приняла насъ въ своихъ покояхъ просто и добродушно и даже стала извиняться въ томъ, что обезпокоила насъ. Она сказала, что уже давно желала видѣться съ нами, но боялась предложить намъ это свиданіе; однако то, что государь разсказалъ ей про насъ, побудило ее просить насъ къ себѣ. Она присовокупила, что сердце ея смягчено и расположено Богомъ къ принятію всего, что Ему, по любви и премудрости Его, угодно будетъ внушить ей нашими устами; при этихъ словахъ глаза ея наполнились слезами. Изъ всего сказаннаго ею видно, что въ ней жива любовь къ Спасителю нашему Іисусу. Характеръ у нея сдержанный, и она не любитъ показываться публично, когда только можетъ избѣгать этого. Обстановка ея обыкновенно очень проста; при выѣздахъ она употребляетъ простую коляску съ буквою Е, запряженную только двумя лошадьми, тогда какъ вельможи здѣсь ѣздятъ

Великій князь Николай Павловичъ.

Съ гравюры Жоно, сдѣланной съ портрета Беннера.

четверней, а вдовствующая императрица даже шестеркой. Государыня сказала намъ, что часто она завидуетъ смиренной участи тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя разносятъ молоко по Петербургу, и что если бы она была въ такомъ положеніи, то могла бы жить вдали отъ мірской суеты и всецѣло предаваться религіи, тогда какъ въ настоящемъ ея положеніи это невозможно для нея. Бесѣда наша съ государыней вообще оставила въ насъ самое пріятное впечатлѣніе».

Приведемъ здѣсь еще разсказъ князя А. Н. Голицына, сдѣланный квакерамъ относительно обстоятельствъ, бывшихъ причиною оживленія въ 1812 году въ императорѣ Александрѣ религіознаго духа, который въ послѣдніе годы его жизни такъ прочно успѣлъ укорениться въ немъ[180].

Когда въ 1812 году до Петербурга дошла вѣсть о вступленіи Наполеона въ Москву, то многіе стали укладывать свои драгоцѣнности съ цѣлью перевезти ихъ въ другое, болѣе безопасное, мѣсто; почти всѣ были увѣрены въ томъ, что французы скоро явятся въ Петербургъ. Князь Голицынъ, у котораго въ это время перестроивался домъ, велѣлъ, между тѣмъ, спокойно продолжать начатую работу. Нѣкоторые завистливые люди обратили на это вниманіе государя, стараясь заподозрить князя въ тайной измѣнѣ отечеству; тогда Александръ пріѣхалъ къ нему и спросилъ:

«— Голицынъ, что ты дѣлаешь? Что это значитъ? Всѣ стараются бѣжать, а ты строишься?»

«— Да,—отвѣчалъ князь,—мѣсто, гдѣ я теперь, такъ же безопасно, какъ и всякое другое, куда бы я могъ бѣжать; Господь защита моя, на Него я уповаю».

«— Съ какого времени,—возразилъ государь,—у тебя такъ много надежды на помощь Божію, и на чемъ же основано твое упованіе?»

«— Сердце мое о томъ свидѣтельствуетъ,—сказалъ тогда князь,—и вотъ та боговдохновенная книга, которая подтверждаетъ непреложность моего упованія».

Съ этими словами онъ хотѣлъ подать государю Библію, но книга, по его неосторожности, упала, раскрывшись, на полъ.

«— Позвольте же мнѣ,—сказалъ князь,—прочитать вамъ именно то мѣсто, на которомъ Библія раскрылась».

Это былъ 90-й псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: Заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на него...» и проч. Слушая чтеніе этого псалма, государь оставался неподвижнымъ и былъ проникнутъ изумленіемъ.

Во время молебствія передъ своимъ отъѣздомъ въ армію, Александръ снова услышалъ чтеніе того же псалма. Государь призвалъ къ себѣ священника и спросилъ его, кто подалъ ему мысль прочитать именно это мѣсто изъ Писанія.—«Никто», отвѣчалъ священникъ, «но я молился Господу и просилъ Его внушить мнѣ, что именно избрать и прочесть изъ Его Божественнаго Слова для ободренія и утѣшенія моего государя, и мнѣ казалось потомъ, что этотъ былъ именно гласомъ Божіимъ къ вашему величеству».

Во время дальнѣйшаго похода государь, остановившись въ одномъ мѣстѣ, захотѣлъ, чтобы ему прочитали что-нибудь изъ Библіи. При-

глашенное для этого лицо явилось и прямо стало читать 90-й псаломъ[181]. При первыхъ же словахъ государь прервалъ читавшаго и спросилъ:—«Кто внушилъ вамъ читать мнѣ именно это мѣсто? Не Голицынъ ли?—«Но тотъ отвѣтилъ, что онъ не видалъ Голицына, и что никто не говорилъ ему, что государь призываетъ его къ себѣ для прочтенія чего-нибудь изъ Библіи, но что онъ просилъ Господа указать ему такое мѣсто, которое по преимуществу могло бы благотворно подѣйствовать на государя, и затѣмъ онъ избралъ этотъ псаломъ. Императоръ былъ очень изумленъ и внимательно вслушивался во все, что ему читали, съ гораздо большимъ противъ прежняго усердіемъ, будучи увѣренъ, что все это совершалось по особому устроенію Божію.

«Съ тѣхъ поръ», заключилъ князь Голицынъ, «сердце его открылось для принятія спасительныхъ впечатлѣній вѣры и благодати, и онъ пріучилъ себя читать Библію каждый день утромъ и вечеромъ».

Пробывъ въ Петербургѣ четыре мѣсяца, квакеры отправились черезъ Москву въ дальнѣйшее путешествіе по Россіи. Князь Голицынъ и епископъ Филаретъ снабдили ихъ письмами къ губернскимъ властямъ, въ которыхъ рекомендовали квакеровъ какъ лицъ, близко извѣстныхъ государю; вслѣдствіе этого свѣтскія и духовныя власти вездѣ принимали гостей съ почетомъ. На югѣ Россіи особенное вниманіе квакеровъ привлекли селенія молоканъ и духоборцевъ, а также меннонитскія колоніи. Изъ Россіи Греллэ и Алленъ направились въ Константинополь и затѣмъ далѣе въ Грецію и на Іоническіе острова.

Въ приведенныхъ выше бесѣдахъ императора Александра съ особенною отчетливостью выразилось то душевное настроеніе, которое окончательно утвердилось въ немъ послѣ событій 1815 года. Весьма естественно, что юношескія намѣренія государя отказаться отъ престола и удалиться въ частную жизнь снова овладѣли его помыслами. Непосредственнымъ послѣдствіемъ подобныхъ, вновь воскресшихъ стремленій явилась откровенная бесѣда императора Александра съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, касавшаяся престолонаслѣдія.

Лѣтомъ 1819 года государь въ Красномъ Селѣ лично присутствовалъ при линейномъ ученіи, произведенномъ 2-й бригадѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Этой бригадой командовалъ великій князь Николай Павловичъ; государь остался доволенъ и былъ чрезвычайно милостивъ къ своему брату. Послѣ ученья они обѣдали у великой княгини Александры Өеодоровны втроемъ.

Въ собственноручныхъ запискахъ ея находится слѣдующій разсказъ о происшедшемъ тогда разговорѣ:—«Бесѣдуя дружески, императоръ Александръ перемѣнилъ вдругъ тонъ и, сдѣлавшись весьма серьезнымъ, сталъ въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ говорить намъ, что онъ остался доволенъ по утру командованіемъ войсками

Николаемъ, и что онъ вдвойнѣ радуется тому, что Николай хорошо исполняетъ свои обязанности, такъ какъ на немъ будетъ лежать современемъ большое бремя, что онъ смотритъ на него, какъ на своего наслѣдника и что это должно случиться гораздо ранѣе, нежели можно ожидать, такъ какъ это случится еще при его жизни. Мы сидѣли какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Императоръ продолжалъ:—«Кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомкамъ. Что касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ монархахъ молодыхъ, вполнѣ обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться вовремя. Я думаю, что то же самое сдѣлаетъ король прусскій, передавъ свою власть Фрицу».

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, и что нѣсколько лѣтъ пройдетъ, можетъ быть, прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее казалось намъ мрачнымъ и недоступнымъ для счастья. Эта минута памятна въ нашей жизни!»[182].

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаетъ этотъ достопамятный разговоръ великая княгиня Александра Ѳеодоровна. Дополнимъ этотъ разсказъ нѣкоторыми подробностями, заимствованными изъ сочиненія барона М. А. Корфа: «Восшествіе на престолъ императора Николая I-го», пользовавшагося при изданіи своего труда собственноручными замѣтками великаго князя Николая Павловича.

«Видя сильное волненіе великаго князя и его супруги», пишетъ баронъ Корфъ, «Александръ, съ отличавшею его ангельскою ласкою, старался ихъ ободрить и успокоить. «Минута переворота, такъ васъ устрашившаго», сказалъ онъ, «еще не наступила; до нея, быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, а моя цѣль теперь была только та, чтобы вы заблаговременно пріучили себя къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности». Напрасно великій князь представлялъ, что никогда не готовился къ высокому сану императора; что не чувствуетъ въ себѣ, для такого великаго дѣла, ни достаточныхъ силъ, ни достаточной крѣпости духа; что у него одно желаніе служить всегда государю, отъ всей души и всего разумѣнія, въ назначенномъ ему кругу обязанностей, далѣе чего и не простираются его помыслы. Го-

№ 1823989

25

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦІИ ПЛАТИТЪ АССИГНАЦІОННЫЙ БАНКЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РУБЛЕЙ ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ

1805 ГОДА. ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Др. 6.

№ 1823989 № 1823989

Великая княгиня Александра Θеодоровна.

Съ гравюры Меку, сдѣланной съ портрета Беннера.

сударь дружески отвѣчалъ, что онъ самъ, при вступленіи на престолъ, находился въ подобномъ же положеніи; что, сверхъ того, дѣла были тогда крайне запущены по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи. ибо хотя въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины порядку было и мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленія же на престолъ ихъ родителя, вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожать все, дотолѣ существовавшее, и остальной

порядокъ былъ разрушенъ, безъ замѣны другимъ: что, слѣдовательно, положеніе его было еще труднѣе, тогда какъ теперь, послѣ преобразованій, совершенныхъ въ его царствованіе, великій князь найдетъ все въ законномъ теченіи и устройствѣ, и ему придется только ихъ поддерживать".

Намѣренія императора Александра, высказанныя имъ столь положительнымъ образомъ своему будущему преемнику, выразились еще въ слѣдующемъ разговорѣ государя съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, происшедшемъ въ томъ же 1819 году.

Посѣтивъ Варшаву осенью, государь возвращался въ Петербургъ; цесаревичъ провожалъ брата нѣсколько станцій, и во время этой поѣздки Александръ обратился къ нему со словами: «Я долженъ сказать тебѣ, братъ, что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ». Цесаревичъ отвѣтилъ: «Тогда я буду просить у васъ мѣсто второго камердинера вашего; я буду вамъ служить и, ежели нужно, чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь это сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ, какъ благодѣтелю моему». «При сихъ словахъ», разсказывалъ Константинъ Павловичъ, «государь поцѣловалъ меня такъ крѣпко, какъ еще никогда въ 45 лѣтъ нашей жизни онъ меня не цѣловалъ».—«Когда придетъ время абдикировать», сказалъ въ заключеніе Александръ, «то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напиши къ матушкѣ» [183].

Управляя съ 1816 года Пензенскою губерніею, тайный совѣтникъ Сперанскій неоднократно просилъ перевода въ Петербургъ, сперва съ проявленіемъ желанія быть назначеннымъ въ сенаторы, потомъ просто въ срочный отпускъ. Просьбы его были оставляемы безъ отвѣта или отклоняемы подъ разными предлогами. Въ такомъ положеніи Сперанскій оставался въ Пензѣ до 1819 года.

Въ это время плачевное положеніе сибирскихъ дѣлъ обратило на себя особенное вниманіе императора Александра. Въ этомъ краѣ происходилъ систематическій грабежъ. Одиннадцать лѣтъ управлялъ сибирскимъ генералъ-губернаторствомъ Иванъ Борисовичъ Пестель [184]. Изъ подчиненныхъ ему губернаторовъ—иркутскій, Трескинъ, неограниченно господствовалъ на далекомъ Востокѣ, владѣя изъ Иркутска Пестелемъ въ Петербургѣ какъ собственною рукою; томскій, Илличевскій, былъ самый грязный взяточникъ низшаго разряда; наконецъ, тобольскій, фонъ Бриннъ, слабый и ничтожный, представлялъ одно игралище окружавшихъ его лицъ [185].

При такомъ управленіи народъ бѣдствовалъ, и если общій вопль его былъ отчасти заглушаемъ тою же силою, которая возбуждала его, то все же отголоски народныхъ страданій проникали въ Петербургъ. Все

это однако долго оставалось безнаказаннымъ, оттого что Пестель умѣлъ стяжать благоволеніе Аракчеева: оно было вызвано связями Пестеля съ четою Пукаловыхъ, имѣвшею вліяніе на графа Алексѣя Андреевича.

Прогулка императора Александра по окрестностямъ Петербурга.

Съ гравюры Афанасьева.

Для Аракчеева же была одна только святыня: собственная его личность. Все, и дѣла, и людей, онъ измѣрялъ этимъ масштабомъ [186].

Вдругъ какое-то неосторожное слово отняло у Пестеля поддержку всесильной руки, и всѣ безпорядки, всѣ злоупотребленія, всѣ ужасы сибирскіе тотчасъ всплыли наружу.

Тогда императоръ Александръ рѣшился назначить Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Выборъ преемника Пестелю былъ, вѣроятно, ускоренъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Сперанскій ходатайствовалъ въ то время о четырехъ-мѣсячномъ отпускѣ въ Петербургъ. Пріѣздъ его въ столицу считали однако еще преждевременнымъ и потому рѣшились повысить Сперанскаго, отдаливъ его еще болѣе отъ столицы и надолго.

31-го марта (12-го апрѣля) 1819 года прискакалъ въ Пензу фельдъегерь, привезшій высочайшій указъ о новомъ назначеніи Сперанскаго, съ предписаніемъ, чтобы, отправясь и вступивъ въ должность сколь можно неотлагательно, онъ обозрѣлъ всѣ части, произвелъ по жалобамъ законное взысканіе и объ открывшемся донесъ государю для преданія виновныхъ суду.

Кромѣ указа тотъ же фельдъегерь привезъ два собственноручныхъ письма императора Александра къ Сперанскому. Какъ указъ, такъ и письма были помѣчены 22-мъ числомъ марта. Въ первомъ изъ этихъ писемъ государь коснулся ссылки Сперанскаго въ 1812 году и высказалъ при этомъ случаѣ бывшему государственному секретарю полное и самое торжественное оправданіе. Александръ писалъ:

«Болѣе трехъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ, призвавъ васъ къ новому служенію, ввѣрилъ я вамъ управленіе Пензенскою губерніею. Открывъ такимъ образомъ дарованіямъ вашимъ новый путь содѣлаться полезнымъ отечеству, не преставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами въ 1812 году и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ себѣ. Сей способъ, по моему мнѣнію, былъ единственный, то есть, служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ. Иначе, призывъ вашъ въ Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія.

«Управленіе ваше Пензенскою губерніею и общее довѣріе, кое вы въ оной пріобрѣли, будетъ полезнымъ началомъ предполагаемаго мною способа. Но желаніе мое стремится къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами вашими дать мнѣ явную причину приблизить васъ къ себѣ.

«Нынѣ предстоитъ для исполненія сего наилучшая удобность.

«Съ нѣкотораго времени доходятъ до меня самыя непріятныя извѣстія насчетъ управленія Сибирскаго края. Разныя жалобы присланы ко мнѣ на губернскія начальства и на потворное покровительство, оказываемое онымъ самимъ генералъ-губернаторомъ. Бывъ разсмотрѣны въ комитетѣ министровъ, онѣ показались столь важны, что предло-

жена мнѣ оныхъ посылка сенаторовъ для обревизованія сибирскихъ губерній.

«Имѣвъ уже неоднократный опытъ, сколь мало подобныя ревизіи достигаютъ своей цѣли, кольми паче нельзя ожидать лучшаго успѣха въ столь отдаленномъ и обширномъ краѣ, посему нашелъ я полезнѣйшимъ, облеча васъ въ званіе генералъ-губернатора, препоручить вамъ сдѣлать осмотръ сибирскихъ губерній и существовавшаго до сего времени въ оныхъ управленія, въ видѣ начальника и со всѣми правами и властію, присвоенными званію генералъ-губернатора.

«Исправя сею властію все то, что будетъ въ возможности, облича лица, предающіяся злоупотребленіямъ, предавъ кого нужно законному сужденію, важнѣйшее занятіе ваше должно быть: сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края и, сдѣлавъ оному начертаніе на бумагѣ, по окончаніи занятій вашихъ самимъ лично привезти оное ко мнѣ въ Петербургъ, дабы имѣлъ я способъ узнать изустно отъ васъ настоящее положеніе сего важнаго края и прочнымъ образомъ установить на предбудущія времена его благосостояніе.

«По моему исчисленію, возлагаемое на васъ препорученіе можетъ продлиться года полтора или, по большей мѣрѣ, два. Сего времени я полагаю достаточнымъ вникнуть вамъ во всѣ подробности сибирскихъ дѣлъ и сообразить съ точностію лучшій порядокъ ко введенію въ сіи отдаленныя губерніи.

«Такимъ образомъ, я надѣюсь, что устройство сего генералъ-губернаторства, вами заведенное, и которое въ начертаніи вы мнѣ представите по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ, поставитъ меня въ возможность назначить вамъ преемника съ увѣренностію о продолженіи благосостоянія Сибири. Вамъ же предоставляю я себѣ дать тогда другое занятіе, болѣе сходное тому приближенію, въ коемъ я привыкъ съ вами находиться».

Въ другомъ письмѣ императора Александра, до такой степени однородномъ съ первымъ, что трудно объяснить, отчего при написаніи и отправленіи ихъ въ одинъ и тотъ же день, оба они не были соединены въ одно, государь пишетъ:

«Занимаясь бумагами, относящимися къ новому назначенію вашему, получилъ я письмо, въ коемъ просите вы отпуска въ Петербургъ по домашнимъ дѣламъ вашимъ.

«Я надѣюсь, что вы сами почувствуете невозможность мнѣ нынѣ удовлетворить желанію вашему. Присутствіе начальника въ Сибири дѣлается день ото дня необходимѣе, не говоря уже о чрезмѣрномъ прибавленіи къ пути вашему поѣздкой въ Петербургъ.

«Потщитесь исполнить возлагаемое мною на васъ нынѣ порученіе съ тѣмъ дарованіемъ и исправностію, кои васъ отличаютъ, и тогда

пріѣдете вы въ Петербургъ съ явною новою заслугою, оказанною отечеству, и которая поставитъ меня въ дѣйствительную возможность основать уже ваше пребываніе навсегда при мнѣ въ Петербургѣ»[167].

Графъ Аракчеевъ также удостоилъ Сперанскаго частнымъ письмомъ, въ которомъ, называя себя новгородскимъ неученымъ дворяниномъ, не обошелся безъ саркастической язвительности. Аракчеевъ писалъ: «Я любилъ васъ душевно тогда, какъ вы были велики и какъ вы не смотрѣли на нашего брата, любилъ васъ и тогда, когда по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго страдали; протестовалъ противъ онаго, по крайнему моему разумѣнію, не только въ душѣ моей, но и всюду, гдѣ только голосъ мой могъ быть слышанъ; радовался о концѣ сего непріятнаго для васъ дѣла и буду не только радоваться, но и желать вашему возвышенію на степень высшую прежней».—Въ заключеніе графъ Алексѣй Андреевичъ прибавилъ еще слѣдующія строки: «Желаніе мое въ ономъ, по слабости человѣческой, основано на слѣдующемъ: становясь старъ и слабъ здоровьемъ, я долженъ буду очень скоро основать свое всегдашнее пребываніе въ своемъ грузинскомъ монастырѣ, откуда буду утѣшаться, какъ истинно русской новгородской неученой дворянинъ, что дѣла государственныя находятся у умнаго человѣка, опытнаго какъ по дѣламъ государственнымъ, такъ болѣе еще по дѣламъ суетъ міра сего, и, въ случаѣ обыкновеннаго, по несчастію, существующаго у насъ въ отечествѣ, обыкновенія безпокоить удалившихся отъ дѣлъ людей, въ необходимомъ только случаѣ отнестись смѣю и къ вамъ, милостивому государю. Окончу сіе письмо тѣмъ, что какъ вы далеко отъ Волхова ни удаляетесь, но отъ васъ зависѣть будетъ быть близкимъ къ дряхлому Волховскому жителю».

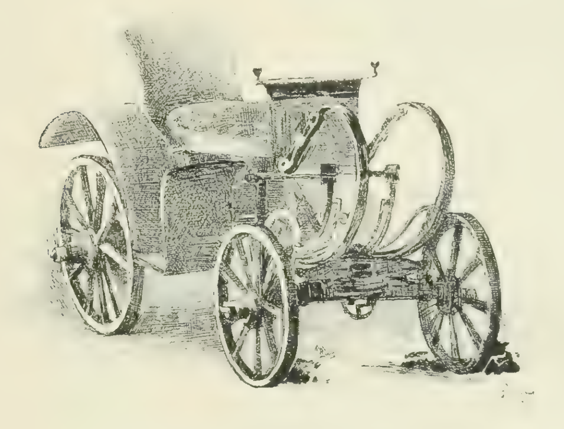
Біографъ Сперанскаго справедливо замѣчаетъ по поводу этого письма: если припомнить, что эти строки писалъ возвеличенный временщикъ къ временщику упадшему, баловень милости и счастія къ опальному, то нельзя не согласиться, что трудно было вложить въ нихъ, подъ внѣшнею оболочкою простосердечнаго добродушія, болѣе язвительной ироніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать менѣе великодушія. На это письмо Сперанскій ничего не отвѣчалъ. Есть мѣра угодливости и ласкательства, которую и несчастіе краснѣетъ переступить. Сперанскій сохранилъ уваженіе къ самому себѣ и промолчалъ: это было все, что ему позволяло его положеніе[168].

6-го (18-го) мая Сперанскій выѣхалъ изъ Пензы къ мѣсту своего новаго служенія, сдавъ ввѣренную ему губернію Ф. П. Лубяновскому.

Первый польскій сеймъ 1818 года сопровождался порученіемъ, даннымъ императоромъ Александромъ Новосильцову разработать проектъ конституціи для Россійской имперіи. Главнымъ сотрудникомъ Новосильцова въ этомъ необычайномъ дѣлѣ былъ секретарь его, французскій

юристъ и публицистъ Дэшанъ (Deschamps): переложеніе же этой работы на русскій языкъ довѣрили князю П. А. Вяземскому [189]. Проектъ конституціи, выработанный у Новосильцова, получилъ названіе Государственной уставной грамоты Россійской Имперіи: по мѣрѣ изготовленія различныхъ частей ея, Новосильцовъ представлялъ ихъ на разсмотрѣніе государя [190].

Лѣтомъ 1819 года князь Вяземскій посѣтилъ Петербургъ; императоръ Александръ удостоилъ его особенною послѣобѣденною аудіенціею въ Каменноостровскомъ дворцѣ. Болѣе получаса государь говорилъ о трудахъ по канцеляріи Новосильцова и о воззрѣніяхъ своихъ на Польшу и на другія политическія событія и соображенія. Говорилъ онъ все

Походныя дрожки императора Александра I.

время по-французски: рѣчь его была стройна, плавна и отличалась изящностью и ясностью, замѣчаетъ собесѣдникъ Александра.—Государь коснулся также предположеній своихъ относительно будущаго государственнаго устройства Россіи.

«Сначала разспрашивалъ онъ меня о Краковѣ», пишетъ князь Вяземскій, «куда я незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ. Изъяснялъ и оправдывалъ свои виды въ разсужденіи Польши, національности, которую хотѣлъ сохранить въ ней, говоря, что мѣры, принятыя императрицею Екатериною при завоеваніи польскихъ областей, были бы теперь несогласны съ духомъ времени. Отъ политическаго образованія, даннаго Польшѣ, перешелъ государь къ преобразованію политическому, которое готовитъ Россіи; сказалъ, что знаетъ участіе мое въ редакціи проекта русской конституціи, что доволенъ нашимъ трудомъ, что при-

везеть съ собою доставленныя бумаги въ Варшаву и сообщить критическія свои замѣчанія Новосильцову; что онъ надѣется привести непремѣнно это дѣло къ желанному окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысли, для него священной; что онъ знаетъ, сколько преобразованіе сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ, коихъ предубѣжденія, легкомысліе, приписываютъ симъ политическимъ правиламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда при безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи люди сіи легко могли бы убѣдиться, что сіи безпорядки проистекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ[191].—Предоставляю судить, какими сѣменами должны были подобныя слова оплодотворить сердце, уже раскрытое къ политическимъ надеждамъ, которыя съ того времени освятились для меня самою державною властью[192].—При концѣ аудіенціи могъ я, между прочимъ, убѣдиться въ умѣніи государя или, лучше сказать, въ прирожденной ему способности часто малозначущимъ словомъ польстить человѣку и порадовать его личною и привѣтливою внимательностью[193].

Недолго императоръ Александръ оставался въ Петербургѣ; въ 1819 году обычныя его странствованія начались даже ранѣе обыкновеннаго времени. На этотъ разъ государь намѣревался посѣтить сѣверныя области имперіи, а затѣмъ Финляндію. Маршрутъ слѣдовалъ черезъ Лодейное-Поле, Вытегру и Каргополь въ Архангельскъ, а оттуда черезъ Каргополь, Вытегру, Вознесенье, Петрозаводскъ, Олонецъ, Сердоболь, Куопіо, Каяну, Улеаборгъ въ Торнео и оттуда въ Петербургъ по береговой дорогѣ.

Губернаторамъ была объявлена высочайшая воля: 1) чтобы дороги, мосты и переправы по сему тракту были приведены въ наилучшее состояніе; 2) чтобы никакихъ встрѣчъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не дѣлать и земскимъ исправникамъ государя не провожать, и 3) богатыхъ и цѣнныхъ блюдъ его величеству не подносить.

Императора сопровождали князь Волконскій, статсъ-секретарь Муравьевъ, полковникъ Соломка и лейбъ-медикъ Вилліе. На этотъ разъ Михайловскій-Данилевскій не участвовалъ въ путешествіи; завистникамъ и недоброжелателямъ его удалось наконецъ съ успѣхомъ оклеветать и отстранить многолѣтняго спутника государя отъ непосредственной близости къ монарху.

Во время путешествій 1818 года Данилевскій уже замѣчалъ иной разъ нѣкоторое неудовольствіе противъ себя государя, но въ ту пору оно смѣнялось еще чрезвычайными проявленіями монаршей милости.

Въ Севастополѣ, когда Данилевскій на разводѣ подходилъ къ государю отдавать пароль, Александръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впе-

Утвержденный проектъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ, представленный Витбергомъ.

Съ проекта, сохранившагося въ его бумагахъ.

редъ, чтобы никто не могъ слышать его словъ, и съ важнымъ видомъ сказалъ, что до свѣдѣнія его дошло, будто онъ насмѣхался надъ графомъ Милорадовичемъ и надъ Уваровымъ[194]. «Я изумился», пишетъ Данилевскій, «ибо это была сущая клевета, но не рѣшился въ оправданіе свое сказать ни слова, потому что мнѣ казалось неприличнымъ и даже непозволительнымъ объяснять о моей невинности на городовой площади, наполненной многочисленнымъ народомъ. Я въ семъ случаѣ молчаніе почиталъ должною данію уваженія къ государю, хотя я и зналъ, что при дворѣ его можно было выслуживаться болѣе дерзостію, чѣмъ скромностію, но я не хотѣлъ измѣнять правиламъ, принятымъ мною однажды навсегда за основаніе моего поведенія. Императоръ, видя, что выговоръ его меня поразилъ, присовокупилъ съ смягченнымъ видомъ: «Я это говорю для твоей пользы, ибо я умѣю тебя цѣнить; ты будешь самъ современемъ въ ихъ чинахъ, посуди, какъ тебѣ будетъ больно, ежели надъ тобою будутъ тогда смѣяться».— При сихъ словахъ государь мнѣ поклонился и уѣхалъ»[195].

Это было, такъ сказать, первое предостереженіе. Но какъ враги Данилевскаго ни старались, имъ не удалось однако отстранить его отъ поѣздки въ Ахенъ.

На обратномъ пути, находясь уже въ русскихъ предѣлахъ, Александръ сказалъ Данилевскому: «Теперь я нахожусь съ вами на самой дружеской ногѣ. Мы видимся во всякое время дня, мы говоримъ обо всемъ какъ истинные друзья. Но черезъ нѣсколько дней мы будемъ въ Петербургѣ. Эта дружеская связь между нами прекратится, потому что всякій разъ, когда я вижу васъ въ Петербургѣ, вы имѣете такую серьезную физіономію, что я боюсь подойти къ вамъ. Скажите мнѣ, почему у васъ такой мрачный видъ (cet air sombre), который я всегда замѣчаю?

«— Государь! Это видъ почтительнаго подданнаго» (C'est l'air d'un sujet respectueux).

Императоръ улыбнулся, поклонился низко Данилевскому и продолжалъ:

«— Будьте почтительнымъ подданнымъ сколько вамъ угодно, но было бы несравненно пріятнѣе, если бы вы относились ко мнѣ дружески, говорили и поступали со мной откровенно, чистосердечно, на чистоту»[196].

«— На будущее время я поставлю себѣ священнымъ долгомъ сообразоваться съ этими лестными словами», отвѣчалъ Данилевскій.

«— Они не лестны», возразилъ государь, «но искренни. Нужно, чтобы этотъ дружескій тонъ господствовалъ между людьми, которые, подобно вамъ и мнѣ, видятся такъ часто въ теченіе столькихъ лѣтъ».

Милостивое отношеніе императора Александра къ своему флигель-адъютанту не ограничилось этими благосклонными словами. Въ Минскѣ государь простился съ Данилевскимъ, получившимъ разрѣшеніе отпра-

виться по семейнымъ обстоятельствамъ въ Москву. Поцѣловавъ его два раза, Александръ сказалъ: «Надѣюсь, что мы ненадолго разстаемся; ты вѣдь скоро пріѣдешь?».

«— Мѣсяца черезъ два, государь»

Не довольствуясь вышеприведенными словами, государь прибавилъ: «Souvenez-vous de notre conversation; je ne veux pas voir en vous un sujet respectueux, mais», положа руку на сердце, «je veux que vous me parliez de cela, je vous invite à me parler de coeur et de vous adresser au mien, vous serez toujours le bien venu. Le ferez-vous?» («Помните о нашемъ разговорѣ; я не хочу видѣть въ васъ почтительнаго подданнаго, но желаю, чтобы ваши слова исходили отсюда (при этомъ государь положилъ руку на сердце); я прошу васъ говорить со мною отъ сердца и обращаться къ моему: вы всегда встрѣтите радушный откликъ. Вы будете поступать такъ?»).

Данилевскій отвѣчалъ, что эти милостивыя слова никогда не изгладятся изъ его сердца.

Государь при сихъ словахъ поцѣловалъ Данилевскаго еще два раза и прижалъ его къ груди; потомъ, смотря на него пристально, спросилъ: «Вы ничего не имѣете мнѣ сказать?»

«— Ничего другого», отвѣчалъ Данилевскій, «какъ увѣрить васъ, государь, что я пожертвую жизнію, чтобы оказаться достойнымъ того, что вы мнѣ сказали».

«Государь сжалъ мнѣ крѣпко правую руку», пишетъ Данилевскій и спросилъ: «Не больно ли я жму твою раненую руку?»

«— Больно, государь, но это счастливѣйшая минута моей жизни».

«При семъ, пишетъ Данилевскій — императоръ поцѣловалъ меня еще два раза, сказалъ: «Прощай еще разъ!» и пошелъ садиться въ сани. Сходя съ лѣстницы, подали ему различныя прошенія, которыя онъ вручилъ мнѣ и сказалъ: «Я увѣренъ, что просители останутся тобою довольны», а въ минуту отъѣзда, когда уже лошади тронулись, закричалъ мнѣ: «Прощай, кланяйся женѣ».

Послѣ этого необычайнаго и высшаго выраженія монаршей милости и ласки послѣдовало внезапное и рѣзкое охлажденіе Александра къ своему флигель-адъютанту. Пробывъ въ Москвѣ, по домашнимъ обстоятельствамъ, шесть мѣсяцевъ, Данилевскій по возвращеніи въ Петербургъ былъ принятъ государемъ съ видимымъ равнодушіемъ[197]. Враги его не дремали и, воспользовавшись продолжительнымъ отсутствіемъ отъ двора неумѣлаго царедворца, достигли цѣли. Съ 1819 года Данилевскій никогда болѣе не сопровождалъ государя во время нескончаемыхъ путешествій его по Россіи и Европѣ[198].

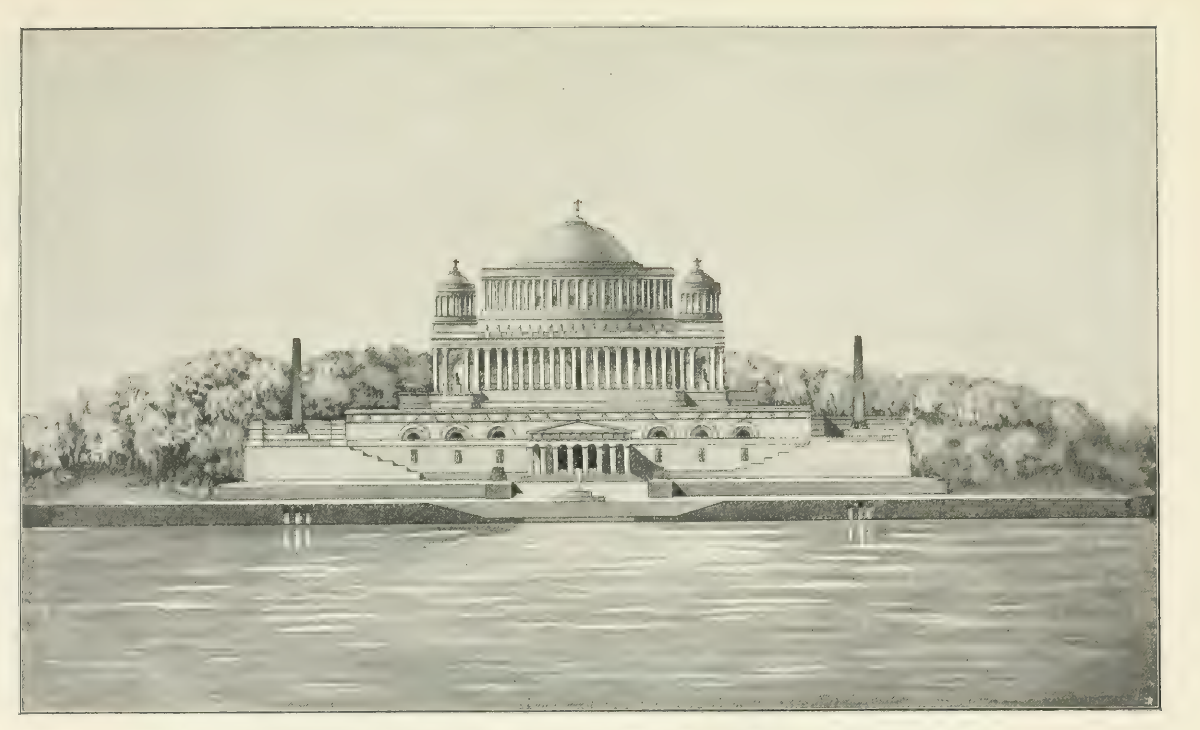
Императоръ Александръ предпринялъ свое дальнее сѣверное путешествіе 23-го іюля (4-го августа) и черезъ пять дней, 28-го іюля

(9-го августа), въ 11 часовъ вечера, въѣхалъ въ Архангельскъ[199]. Государь направился прямо въ соборъ, а оттуда поѣхалъ въ домъ купца Брандта на набережной, въ которомъ для него была отведена квартира. Всѣ граждане и толпы народа съ восторженнымъ кликомъ «ура» послѣдовали за коляскою государя. Улица передъ домомъ была наполнена народомъ. Вскорѣ по прибытіи въ домъ государь вышелъ на балконъ со свѣчкою въ рукѣ. Александръ въ продолженіе вечера или, лучше сказать, ночи еще нѣсколько разъ показывался такъ народу, который разошелся лишь тогда, когда ему объявили, что императоръ намѣренъ лечь спать.

На другой день, послѣ развода гарнизоннаго баталіона, государь принималъ духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и почетнѣйшее купечество, какъ русское, такъ и иностранное. Къ обѣду были приглашены военный губернаторъ контръ-адмиралъ Клокачевъ и другіе высшіе чины губерніи. Послѣ обѣда и въ слѣдующій затѣмъ день государь осматривалъ правительственныя учрежденія города и Новодвинскую крѣпость. Александръ посѣтилъ также Кегостровъ, селеніе, лежащее противъ Архангельска, на островѣ р. Двины, одно изъ любимыхъ мѣстъ Петра Великаго, который въ бытность свою въ Архангельскѣ нерѣдко бывалъ тамъ.

Въ день отъѣзда, 31-го іюля (12-го августа), государь присутствовалъ въ адмиралтействѣ при спускѣ корабля и фрегата, осматривалъ адмиралтейскія заведенія, мастерскія и канатный заводъ и, отобѣдавъ у военнаго губернатора, которому пожаловалъ чинъ вице-адмирала, выѣхалъ обратно въ Каргополь. Милостиво прощаясь со всѣми, Александръ благодарилъ за радушный пріемъ и обѣщалъ вновь посѣтить Архангельскъ черезъ два года[200].

3-го (15-го) августа, государь прибылъ въ Каргополь. Бесѣдуя съ купцомъ Вешняковымъ, въ домѣ котораго онъ остановился, Александръ разсказалъ, что поѣздкою въ Архангельскъ остался весьма доволенъ— и природою архангельскою, и самимъ народомъ. «Въ Петербургѣ у насъ», продолжалъ онъ, «теперь весьма жарко и душно, такъ что многія растенія увядаютъ, а въ Архангельскѣ что за пріятная свѣжесть, что за здоровый воздухъ! Я не думалъ встрѣтить въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ такой природы и такого народа. Мнѣ сказывали прежде, что природа здѣсь скудна, а люди грубы и не образованы, но я замѣтилъ почти противное: воздухъ здоровъ, природа вполнѣ, кажется, вознаграждаетъ человѣка, а что касается жителей, то они развитіемъ своимъ нисколько не уступаютъ прочимъ мѣстностямъ моей имперіи; однимъ словомъ, въѣхавъ въ Олонецкую губернію, я встрѣтилъ совершенно противное тому, что у насъ въ Петербургѣ, или, вѣрнѣе, что сказали мнѣ про Олонецкую губернію»[201].

Одинъ изъ варіантовъ проекта храма Христа Спасителя въ Москвѣ, составленный Витбергомъ.

Съ проекта, сохранившагося въ его бумагахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Посѣтивъ при дальнѣйшемъ слѣдованіи Петрозаводскъ и Олонецъ, императоръ Александръ вступилъ въ предѣлы Финляндіи и 10-го (22-го) августа прибылъ въ Сердоболь. Отсюда государь намѣревался предпринять поѣздку въ Валаамскій монастырь. Былъ сильный вѣтеръ, и Ладожское озеро волновалось, но, тѣмъ не менѣе, Александръ рѣшился отправиться въ обитель на монастырской соймѣ, не взявъ никого съ собою кромѣ камердинера и валаамскаго эконома, іеромонаха Арсенія. Поздно вечеромъ высокій путешественникъ благополучно прибылъ въ Валаамъ. Между тѣмъ наступила уже совершенная темнота, и потому монастырскіе караульные, сомнѣваясь, чтобы государь такъ поздно и при такой погодѣ могъ прибыть въ обитель, оставили свои мѣста и послѣ вечерняго братскаго правила легли спать.

Когда императоръ съ экономомъ уже всходилъ на гору по гранитной лѣстницѣ, въ монастырѣ узнали о прибытіи его величества. Затрезвонили во всѣ колокола, и братія начала сходиться со всѣхъ сторонъ къ собору. Государь стоялъ на церковномъ крыльцѣ и внимательно смотрѣлъ на монаховъ, поспѣшавшихъ въ храмъ другъ за другомъ. По пріуготовленіи всего въ соборѣ, клиросные запѣли: «Спаси Господи» и «Достойно есть». Войдя въ соборъ, государь сталъ на срединѣ. Игуменъ былъ въ ризѣ и съ крестомъ, а іеродіаконъ въ стихарѣ; при отворенныхъ царскихъ вратахъ возгласили ектенію и многолѣтіе, послѣ котораго его величество изволилъ прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ. Снявъ съ себя ризы, игуменъ сталъ за амвономъ съ братіею; государь подошелъ къ нему, принялъ благословеніе сперва отъ него, а потомъ отъ всѣхъ іеромонаховъ, цѣлуя у каждаго руку, но своей никому не давая цѣловать; затѣмъ онъ кланялся всей братіи и когда, пораженные смиреніемъ государя и благодаря его за милостивое посѣщеніе, всѣ поклонились въ землю, его величество изволилъ сказать кротко, «чтобы ему никто не кланялся поклоненіемъ въ землю, подобающимъ лишь Богу». Осмотрѣвъ соборъ, государь въ сопровожденіи всей братіи шествовалъ въ церковь Преподобныхъ, гдѣ приложился къ ракѣ надъ св. мощами, а оттуда отправился въ кельи игумена, гдѣ кушалъ чай. На вопросъ, сдѣланный благочиннымъ, въ какіе часы повелѣно будетъ начинать каждую службу, а также не сократить ли положенныхъ чтеній, государь потребовалъ, чтобы все было исполняемо неизмѣнно, по положенію. Черезъ нѣсколько времени его величество, пожелавъ идти отдохнуть, въ сопровожденіи игумена и старшей братіи отправился въ гостинный покой[202].

На другой день, въ два часа пополуночи, императоръ прежде всѣхъ явился къ утрени, когда пономарь едва успѣлъ отпереть церковныя двери. Внимательно слѣдя и слушая всю службу, во время сѣдальныхъ государь садился съ братіею на скамью. Вскорѣ послѣ утрени государь

пришелъ къ ранней обѣднѣ и затѣмъ высказалъ намѣреніе обойти вокругъ монастыря и осмотрѣть мѣстность.

Во время этого обхода Александръ разговаривалъ съ сопровождавшими его благочиннымъ и экономомъ о духовной и аскетической жизни. Государь вспомнилъ, что самъ претерпѣлъ великія искушенія и что, какъ въ малыхъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ, всегда познавалъ особенный Промыслъ Божій. «Я зналъ за два года до войны», сказалъ Александръ, «о зломъ для насъ умыслѣ Наполеона, и съ моей стороны все возможное человѣку употреблено было, чтобъ водворить спокойствіе; но все было тщетно. Непріятельскія арміи разныхъ націй были сильнѣе нашей; одинъ Богъ, послѣ многихъ совѣтовъ, вразумилъ насъ вести войну отступательную далѣе внутрь Россіи. Непріятель разграбилъ нашу землю, много причинилъ намъ вреда и убытка, но и это Богъ же попустилъ для того, чтобы смирить насъ. Когда же Ему угодно было помиловать насъ, Онъ и помиловалъ удивительнымъ образомъ. Не мы побѣждали враговъ, а Онъ! Да, Промыслъ Божій всегда во всемъ съ нами! И нынѣ я точно также замѣчаю, что, трактуя съ опытными и знающими людьми, полагаемъ планъ, по нашему разумѣнію лучшій, но отъ того или другого все разстроивается, какъ дѣло человѣческое. Когда же положишься прямо на Бога и призовешь Его на совѣтъ и въ помощь, то же дѣло устроится такъ хорошо, что прежній нашъ планъ окажется ничтожнымъ»[203].

При столь искренней бесѣдѣ съ государемъ благочинный замѣтилъ:

«— Истинно, ваше величество, какъ не тяжелу быть времени для васъ, когда даже монахи въ монастыряхъ плакали горько. По прочтеніи манифеста и при соборныхъ молебнахъ мы не могли ни пѣть, ни читать; какъ нѣмые стояли въ слезахъ, только воздыхая къ Богу. Повѣрьте, государь, каждую службу отправляли здѣсь не безъ искреннихъ чувствъ сердечныхъ».

«— Я знаю», отвѣтилъ Александръ, «что мнѣ Господь помогъ молитвами вашими и всего православнаго духовенства».

Въ тотъ же день неутомимый державный богомолецъ поѣхалъ еще на шлюпкѣ въ скитъ и, возвратясь въ обитель, явился къ малой вечернѣ, которую всю выслушалъ съ акафистомъ. Немного спустя, отблаговѣстивъ къ правилу, начали отправлять его съ поклонами и съ безмолвной молитвой, во время которой государь тихо вошелъ въ соборъ. По окончаніи правила, когда игуменъ, по монастырскому обыкновенію, среди церкви просилъ у всей братіи прощенія, а братія, кланяясь игумену, подходила къ благословенію, Александръ, вслѣдъ за монахами тоже принявъ благословеніе отъ игумена, съ особеннымъ вниманіемъ и смиреніемъ глядѣлъ на все происходившее.

Благовѣстъ къ бдѣнію былъ начатъ безъ выхода изъ церкви; всю всенощную службу государь стоялъ и, во время поученія, садился на

скамью рядомъ съ братіею. По окончаніи всенощнаго бдѣнія, когда игумень и братія провожали государя изъ церкви, онъ просилъ, чтобъ обѣдня была по утру въ пять часовъ, а за нею молебенъ преподобнымъ, для отъѣзда.

Въ назначенное время императоръ прибылъ въ соборъ въ самомъ началѣ благовѣста къ литургіи; во время чтенія Евангелія Александръ палъ на колѣна и подклонилъ главу подъ самое св. Евангеліе; игуменъ возложилъ руку на помазанную главу царя и, держа сверху Евангеліе, читалъ: «Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ». Текстъ сей, столь отвѣчавшій кротости и смиренію вѣнценоснаго богомольца, видимо произвелъ на монарха самое умилительное впечатлѣніе. Братія не могла удерживать слезъ. По прочтеніи Евангелія игуменъ трижды благословилъ крестнымъ знаменіемъ главу императора, который, съ выраженіемъ самой живой вѣры схвативъ руку игумена, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ.

По окончаніи молебствія съ колѣнопреклоненіемъ о благополучномъ путешествіи государь приложился къ кресту и къ гробницѣ преподобныхъ и при пѣніи и въ сопровожденіи всей братіи направился изъ церкви въ келіи къ игумену.

Откушавъ чай, государь сказалъ игумену о всѣхъ нуждахъ монастырскихъ написать записку, прислать ее въ Петербургъ и отдать князю Голицыну. Наступилъ часъ отъѣзда. Начался звонъ во всѣ колокола; клиросные, идя впереди, пѣли тропарь и догматикъ. Государь шелъ рядомъ съ игуменомъ. На пристани Александръ остановился посреди всей братіи и постороннихъ посѣтителей; затѣмъ, обратясь къ обители, царь помолился съ великимъ умиленіемъ, подошелъ къ игумену, принялъ благословеніе и поцѣловался съ нимъ. Потомъ, низко поклонясь всей братіи, изволилъ сѣсть въ шлюпку, посадя съ собою казначея, эконома и своего камердинера.

Когда отвалили отъ берега, государь милостиво отвѣчалъ на многократные поклоны оставшихся на берегу, тихо удаляясь по монастырскому проливу при звонѣ колоколовъ и благословеніяхъ тронутой до глубины сердца братіи, провожавшей его взорами и напутственными молитвами. Во время переѣзда по озеру до Сердоболя государь просилъ пѣть ему различные церковные стихи.

Изъ Сердоболя Александръ продолжалъ путь по Финляндіи до Куопіо, куда прибылъ 13-го (25-го) августа.

При государѣ находились только князь Волконскій и лейбъ-медикъ Виліе. Кромѣ того, для необходимыхъ распоряженій и приготовленій во время финляндскаго путешествія, назначены были квартирмейстерской части поручикъ Грипенбергъ и прапорщикъ Мартинау.

Незабвенный благодѣтель Финляндіи, намѣреваясь осчастливить своимъ присутствіемъ вновь присоединенный въ его царствованіе край, хотѣлъ изгладить изъ его памяти и послѣдніе слѣды тѣхъ воспоминаній и преданій, которыя сохранились среди жителей о бѣдствіяхъ и страданіяхъ, нѣкогда перенесенныхъ имъ во время прежнихъ войнъ. «Тамъ, какъ и въ прочихъ мѣстахъ, этотъ другъ человѣчества», пишетъ оче-

Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ.

Съ портрета, рисованнаго имъ самимъ и принадлежащаго его сыну.

видецъ, «легко привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ. Вездѣ, гдѣ императоръ проѣзжалъ, этотъ человѣколюбивый монархъ пріобрѣталъ до такой степени любовь народа всѣхъ состояній, что еще и нынѣ даже крестьяне вспоминаютъ о семъ августѣйшемъ благодѣтелѣ своего отечества съ тѣми чувствами любви и восхищенія, коими они тогда были одушевлены» [204].

Отъ станціи Ниссилэ государь свернулъ въ сторону съ большой дороги изъ Куопіо въ Улеаборгъ для посѣщенія города Каяны. Для этой цѣли предстояло проѣхать 82 версты, изъ нихъ 30 верстъ сухимъ путемъ, а остальныя водою.

16-го (28-го) августа, въ семь часовъ утра, императоръ прибылъ въ дрожкахъ съ княземъ Волконскимъ въ незначительное крестьянское поселеніе Хапаланкангасъ, расположенное на берегу рѣчки Вуоліоки, впадающей въ озеро Улео. Здѣсь собраны были 24 матроса подъ начальствомъ капитана купеческаго корабля Юнеліуса. Поклонившись какъ имъ, такъ и собравшемуся народу, государь замѣтилъ у воротъ, черезъ которыя ему предстояло пройти, крестьянина Генрика Тервонена, бывшаго въ 1809 году депутатомъ на сеймѣ въ Борго и имѣвшаго медаль, пожалованную ему по сему случаю. Остановившись, Александръ подозвалъ къ себѣ Грипенберга и сказалъ ему: «Знаете ли, Грипенбергъ, что этотъ человѣкъ мой старый знакомый? Мы видѣлись на сеймѣ въ 1809 году». Потрепавъ по плечу Тервонена, государь продолжалъ: «Скажите ему, что мнѣ очень пріятно возобновить съ нимъ знакомство». Удивленный и растроганный ласковыми словами императора, крестьянинъ выразилъ просто, но чистосердечно радость, которою преисполнила его милость государя, удостоившаго своимъ посѣщеніемъ жителей столь далекаго края. Затѣмъ государь приказалъ спросить его, женатъ ли онъ, сколько у него дѣтей и доволенъ ли своимъ земледѣльческимъ состояніемъ, послѣ чего, взявъ его за руку, простился съ нимъ.

Подойдя къ избушкѣ, государь хотѣлъ видѣть своего метръ-д'отеля Миллера, но не могъ войти въ нее вслѣдствіе валившаго изъ дверей сильнѣйшаго дыма.

«— Гдѣ же моя столовая?» спросилъ Александръ.

«— Для разнообразія въ конюшнѣ», отвѣчалъ Миллеръ.

«— Все равно, лишь бы было что поѣсть», сказалъ государь и, войдя въ столовую, нашелъ ее очень забавною.

Конюшня была очищена и внутри убрана свѣжими березками. Изъ ближайшаго поселенія принесли столъ и вмѣсто стульевъ, коихъ совсѣмъ не было, наскоро сдѣлали скамейку, которую покрыли краснымъ сукномъ, взятымъ изъ шлюпки, приготовленной для переѣзда по озеру.

Когда подали завтракъ, государь занялъ мѣсто на концѣ длиннаго стола. Возлѣ него сѣлъ князь Волконскій, потомъ Грипенбергъ, Вилліе и Мартинау. Во время завтрака, продолжавшагося около 20 минутъ, государь былъ очень веселъ, хвалилъ страну, называлъ ее сѣверною Италіею; подвинувъ къ Грипенбергу баночку съ брусничнымъ желе, Александръ сказалъ ему: «Отвѣдайте; это очень вкусно; только не берите много, потому что я хочу его сколь можно долѣе поберечь. Мнѣ подарила это пасторша въ Тохмаервѣ».

Заговорили о городѣ Каянѣ и его жителяхъ; при этомъ случаѣ Грипенбергъ доложилъ государю, что ему тамъ приготовлена квартира у пастора Аппельгрена. Въ это самое время Миллеръ подалъ къ де-

серту два ананаса; государь съ улыбкою замѣтилъ, что завтракать въ 7 часовъ утра въ окрестностяхъ Каяны, въ конюшнѣ, и ѣсть ананасы было бы слишкомъ несообразно, и потому приказалъ князю Волконскому спрятать эти рѣдкіе плоды, сказавъ, что намѣренъ взять ихъ съ собою въ Каяну и подарить хозяйкѣ своей, госпожѣ Аппельгренъ.

Въ половинѣ девятаго государь сѣлъ въ шлюпку, приказавъ ѣхать съ собою князю Волконскому, Вилліе, Грипенбергу, Мартинау, камердинеру своему Федорову и казачьему хорунжему Овчарову. Когда проплыли на веслахъ по рѣчкѣ верстъ пять и вошли въ озеро, капитанъ Юнеліусъ доложилъ императору, что шлюпка слишкомъ нагружена для плаванія по озеру при сильномъ вѣтрѣ, и потому государь приказалъ прапорщику Мартинау съ Ѳедоровымъ и Овчаровымъ пересѣсть въ другую маленькую шлюпку. При попутномъ вѣтрѣ шлюпки шли на полныхъ парусахъ, но вскорѣ поднялась сильная буря; волны подымались такъ высоко, что ничего не было видно, кромѣ неба и пѣны. Два матроса постоянно отливали воду, которою сильное волненіе наполняло шлюпки. Государь и всѣ бывшіе съ нимъ совершенно промокли. Александръ, на лицѣ котораго во время этого опаснаго плаванія изображались полное спокойствіе и достоинство, спросилъ у капитана по-англійски: «не опасно ли?» Юнеліусъ отвѣчалъ, что нѣтъ никакой опасности, однако же вскорѣ затѣмъ пришелъ въ большое затрудненіе, когда сильнымъ шкваломъ сломало ручку у руля. Къ счастью, путешественниковъ спасла запасная ручка, которую капитанъ успѣлъ надѣть вмѣсто сломанной.

Послѣ двухъ-часового плаванія шлюпки вошли въ тихую воду пролива, ведущаго къ Каянѣ, и въ полдень достигли нарочно устроенной пристани у водопада Эмме.

При вступленіи государя на берегъ его взорамъ открылось величественное зрѣлище развалинъ древняго замка Каянаборга, расположенныхъ надъ шумнымъ водопадомъ. Высоты по сторонамъ пристани были покрыты народомъ, жаждавшимъ видѣть монарха, славнаго побѣдами и кротостью. На пристани стояли съ одной стороны граждане города съ своимъ бургомистромъ, а съ другой мѣстное духовенство и во главѣ ихъ пробстъ Эймелеусъ. Раздались радостныя восклицанія; бургомистръ привѣтствовалъ державнаго гостя рѣчью на шведскомъ языкѣ, которую Грипенбергъ передалъ по-французски. Государь отвѣчалъ на нее съ обычною благосклонностью и, обратясь къ окружавшимъ его жителямъ, сказалъ съ чувствомъ: «Я не могъ представить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства моей любви и благоволенія къ вамъ и вашимъ соотечественникамъ, какъ рѣшившись пренебречь опасностями, противополагаемыми стихіями, чтобы провести между вами нѣсколько минутъ». Затѣмъ пробстъ Эймелеусъ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ рѣчь, на которую государь

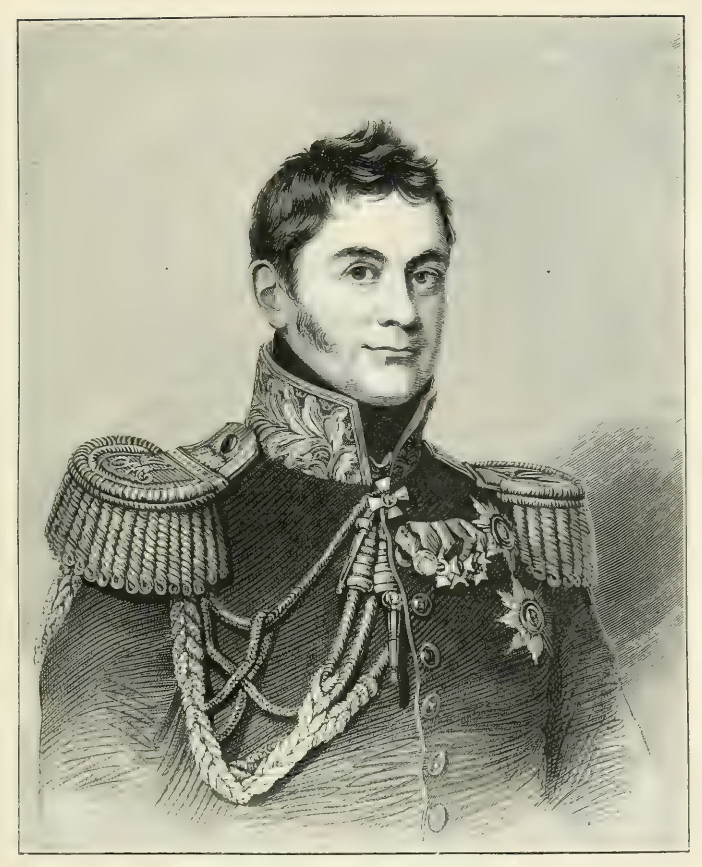
*

отвѣчалъ на томъ же языкѣ въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ; послѣ представленія духовенства высокій путешественникъ отправился въ городъ, милостиво поклонившись собравшемуся на высотахъ народу. Такъ какъ ближайшій путь туда проходилъ черезъ островъ, на которомъ находятся развалины замка, то изъ разбросанныхъ камней его была устроена довольно удобная лѣстница. Государь взошелъ по ней съ княземъ Волконскимъ и, полюбовавшись живописными видами, спустился къ городу, осмотрѣлъ церковь, прошелъ пѣшкомъ по улицамъ, посѣтилъ магистратъ, гдѣ перелистовалъ лежавшія на столѣ книги законовъ, и затѣмъ отправился на приготовленную для него квартиру въ пасторскомъ домѣ. Тамъ государь кушалъ чай и самъ вручилъ своей хозяйкѣ, госпожѣ Аппельгренъ, привезенные имъ ананасы и пожаловалъ ей бриліантовый фермуаръ.

Сильная буря, подвергшая путешественниковъ опасности во время переправы черезъ озеро, возбудила въ князѣ Волконскомъ сомнѣніе насчетъ безопасности обратнаго переѣзда, и потому рѣшено было возвратиться сухимъ путемъ, не смотря на сопряженныя съ этимъ затрудненія: большую часть дороги предстояло идти пѣшкомъ, по тропинкамъ, черезъ топкія болота, а остальную часть ѣхать верхомъ по песчанымъ и каменистымъ буграмъ среди почти необитаемой мѣстности. Главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы достать лошадей, и, къ тому же, во всемъ городѣ нашлось только одно сѣдло, да и то столь ветхое, что набивка во многихъ мѣстахъ выбивалась наружу сквозь разорванную кожу, а заржавѣвшія стремена висѣли на худыхъ веревочкахъ. Это сѣдло было взято для государя, а для прочихъ лицъ свиты вмѣсто сѣделъ приспособили подушки съ веревочными стременами.

Въ третьемъ часу его величество, простившись со своими хозяевами, съ бургомистромъ, духовенствомъ, капитаномъ Юнеліусомъ и собравшимся народомъ, сѣлъ на лошадь и отправился въ путь. Императорскій кортежъ двигался въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шелъ проводникъ Мээтэ, данный городомъ, за нимъ ѣхали, вытянувшись гуськомъ: прапорщикъ Мартинау, князь Волконскій, государь, баронетъ Виллie, камердинеръ государя Ѳедоровъ и хорунжій Овчаровъ; затѣмъ слѣдовалъ багажъ на двухъ лошадяхъ, и шествіе завершалось восемью крестьянами. Гриппенбергъ остался въ Каянѣ, чтобъ вернуться въ Хапаланкангасъ водою.

Дорога, по которой приходилось проѣзжать, состояла изъ тропинокъ, пролегавшихъ черезъ дикія и каменистыя мѣста, часто черезъ топкія болота. Переправляться черезъ послѣднія оказывалось возможнымъ лишь пробираясь съ трудомъ по узенькимъ мосткамъ, состоявшимъ изъ двухъ положенныхъ рядомъ бревенъ. Нечего было и думать ѣхать въ подобныхъ мѣстахъ верхомъ, и въ такихъ случаяхъ лошадей при-

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

ходилось вести за собою въ поводу. Насколько путешествіе совершалось медленно, видно изъ того, что въ первые четыре часа удалось сдѣлать только 12½ верстъ.

Первая остановка была въ селеніи Кивимеки-Гаммельгордъ. Государь очень милостиво кланялся поселянамъ и всѣмъ встрѣчавшимся пожималъ руки. Отдохнувъ нѣсколько, Александръ Павловичъ двинулся въ дальнѣйшій путь и ночевалъ въ селеніи Ронгала, въ 17½ верстахъ отъ Каяны.

Главное блюдо государя во время вечерняго ужина состояло изъ отварного картофеля. Привлеченныя любопытствомъ дѣти подходили къ самымъ дверямъ комнаты, въ которой остановился императоръ, и онъ самъ раздавалъ имъ хлѣбъ съ масломъ.

Около 10 часовъ Александръ Павловичъ легъ спать въ той же самой комнатѣ, а князь Волконскій и прочія сопровождавшія государя лица расположились на ночь въ крестьянской избѣ на свѣжемъ сѣнѣ.

На слѣдующій день, въ четвертомъ часу утра, двинулись далѣе.

Около шести часовъ государь пріѣхалъ къ дому крестьянина Тервонена, о которомъ уже упомянуто выше. Самого хозяина не было дома—онъ оставался въ Хапаланкангасѣ въ надеждѣ еще разъ увидѣть тамъ государя послѣ его возвращенія изъ Каяны. Повидимому, въ моментъ прибытія государя въ селеніе крестьянина-депутата всѣ находились на полевыхъ работахъ, и прошло нѣкоторое время, пока явилась жена Тервонена; она отворила комнату, находившуюся во дворѣ, и съ низкими поклонами просила августѣйшаго гостя удостоить ее своимъ посѣщеніемъ. Предложивъ государю чернаго хлѣба, масла и молока, она отправилась съ Ѳедоровымъ въ огородъ копать картофель, который вслѣдъ затѣмъ былъ сваренъ и поданъ на столъ. Трапезу русскаго императора въ глухой финской деревушкѣ дополнили разогрѣтое телячье жаркое, приготовленное въ Каянѣ пасторшей Аппельгренъ на дорогу государю, и простокваша. Около восьми часовъ утра шествіе выступило въ дальнѣйшій путь. Въ одномъ мѣстѣ дорога была преграждена небольшой рѣчкой, шириною саженъ въ 20—25; никакихъ приготовленій для переправы сдѣлано не было, но случайно на берегу нашлась небольшая рыбачья лодка, которой путешественники крайне обрадовались. Прежде всѣхъ переправились на другой берегъ государь, князь Волконскій и проводникъ Мээтэ. Государь самъ правилъ, а князь Волконскій гребъ. При выходѣ на низкій топкій берегъ рѣчки государь и князь Волконскій запачкались и промочили ноги. Чтобы предохранить отъ этого прочихъ спутниковъ, переправлявшихся на той же лодкѣ, государь собиралъ оказавшіяся невдалекѣ сухія вѣтви, переносилъ ихъ съ помощью Волконскаго къ берегу и устроилъ изъ нихъ родъ пристани. Лошади переправились вплавь, но нѣкоторыя изъ нихъ такъ увязли въ тинѣ, что съ трудомъ удалось вытащить ихъ. Государь самъ поймалъ свою лошадь и вытеръ ее пучкомъ сѣна, взятаго изъ близъ стоявшей копны. Къ 7 часамъ вечера путешественники прибыли въ селеніе Саресмеки, отъ котораго до Иисилэ оставалось еще 15 верстъ. Въ продолженіе пройденной наиболѣе трудной части пути государь былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ. Во время переѣзда лѣсомъ, въ которомъ росла брусника, проводникъ Мээтэ, шедшій почти все время передъ лошадью государя, собиралъ бруснику

и подавалъ ее Александру Павловичу, утолявшему ею свою жажду. По всей вѣроятности, утомившись ѣхать верхомъ и идти пѣшкомъ, государь выразилъ желаніе ѣхать далѣе отъ Саресмеки въ экипажѣ. Но во всей деревнѣ оказалось лишь нѣсколько плохихъ двуколокъ, и одну изъ нихъ приспособили для государя, привязавъ поперекъ ея доску и наложивъ на нее соломы. Передъ отъѣздомъ изъ Саресмеки государь простился съ Мээтэ, щедро наградивъ его и пожавъ ему руку, а затѣмъ сѣлъ одинъ въ телѣжку, взялъ вожжи и самъ сталъ править. Проѣхавъ нѣсколько, Александръ Павловичъ посадилъ къ себѣ Овчарова и поручилъ ему править лошадью. Въ трехъ верстахъ отъ Саресмеки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ государь выѣхалъ на большую дорогу, его встрѣтилъ исправникъ Эльвингъ, и дальнѣйшій путь до Ниссилэ былъ совершенъ императоромъ Александромъ въ курьерской кабріолеткѣ. Пріѣхавъ въ Ниссилэ въ десятомъ часу вечера, 17-го (29-го) августа, онъ съ чрезвычайной легкостью выпрыгнулъ изъ кабріолетки и съ веселымъ видомъ замѣтилъ Грипенбергу, уже успѣвшему вернуться изъ Каяны: «Я сдѣлалъ большой кругъ, правда, немного затруднительный, но не безъ пріятностей, и я, конечно, никогда не забуду забавнаго своего путешествія въ Каяну»[205].

Всего во время переѣзда изъ Каяны въ Ниссилэ императоръ Александръ сдѣлалъ около пятидесяти верстъ пѣшкомъ и болѣе двадцати верстъ верхомъ. Остальная часть пути была сдѣлана частью въ двуколкѣ, частью въ кабріолеткѣ.

Переночевавъ въ Ниссилэ, государь на другой день продолжалъ путешествіе въ Улеаборгъ и далѣе до Торнео, откуда возвратился обратно въ Петербургъ по береговой дорогѣ. Пробывъ въ столицѣ только три дня, Александръ въ ночь на 6-е (18-е) сентября выѣхалъ въ новгородскія военныя поселенія и оттуда въ Варшаву.

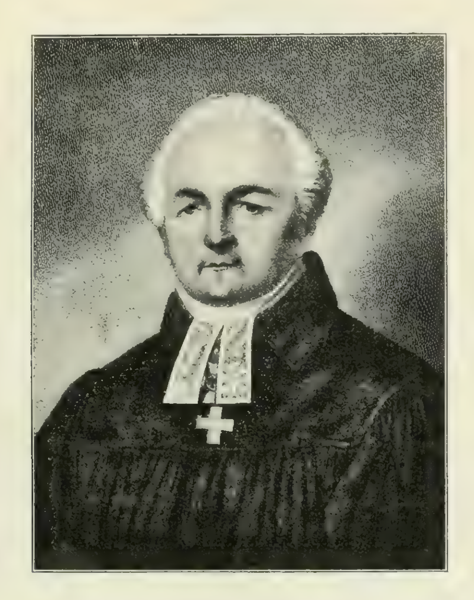
Пока государь путешествовалъ по Финляндіи, въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи вспыхнулъ бунтъ. Наряженъ былъ военный судъ, и графъ Аракчеевъ лично явился для кровавой расправы. При подобной обстановкѣ нельзя уже было утѣшать государя обычными идиллическими донесеніями о благоденствіи военныхъ поселеній. Но графъ Аракчеевъ и тутъ нашелся; въ донесеніяхъ объ усмиреніи бунта онъ заговорилъ въ религіозномъ духѣ и началъ разсуждать о несовершенствѣ, свойственномъ человѣку вообще. «По разнымъ собственнымъ моимъ о семъ днемъ и ночью разсужденіямъ», писалъ графъ, «съ призываніемъ на помощь всемогущаго Бога, я видѣлъ съ одной стороны, что нужна рѣшимость и скорое дѣйствіе, а съ другой—слыша ихъ злобу единственно на меня, какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ или мщеніемъ за покушеніе на мою жизнь[206].

Вотъ, государь, самое затруднительное положеніе человѣка, помнящаго свое несовершенство. Но важность дѣла, служба отечеству и двадцати-пяти-лѣтняя привязанность къ лицу императора Александра I-го рѣшили меня, составя комитетъ, разсуждать въ ономъ по дѣламъ, до возмущенія касающимся, дѣйствовать же строго и скоро отъ лица моего, въ видѣ главнаго начальника.... Послѣ всѣхъ сихъ предварительныхъ мѣръ, въ исполненіе приведенныхъ, и когда военный судъ былъ оконченъ и представленъ ко мнѣ на конфирмацію, по коему приговорено къ лишенію живота 275 преступниковъ, я далъ предписаніе дивизіонному командиру генералъ-лейтенанту Лисаневичу, что утверждаю его мнѣніе о наказаніи ихъ шпицъ-рутеномъ каждаго чрезъ тысячу человѣкъ по двѣнадцати разъ, съ тѣмъ, чтобъ наказаніе сіе было учинено въ первый день только сорока человѣкамъ, изъ главнѣйшихъ преступниковъ.... Опредѣленное наказаніе произведено въ Чугуевѣ 18-го августа, и къ оному были приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Зміева главнѣйшіе бунтовщики. При ономъ находились и всѣ арестанты, содержащіеся въ Чугуевѣ, и депутаты, бывшіе у меня въ Харьковѣ. Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока человѣкъ трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія; они на мѣстѣ же прощены, а прочіе 37 наказаны; но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ, при ономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно, ибо пѣхотные солдаты, по неудовольствію своему на чугуевцевъ за ихъ возмущеніе, сильно ихъ наказывали. Впрочемъ, при семъ наказаніи присутствовали медицинскіе чиновники, кои прекращали оное по силѣ и сложенію каждаго преступника.

«По окончаніи сего наказанія, спрошены были всѣ не наказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ же шпицъ-рутенами, а толпа преступниковъ, подъ арестомъ находящаяся, только тогда пришла въ повиновеніе и начала просить помилованія, когда наказано изъ нихъ было 15 человѣкъ. Въ то же самое время наказаніе прекращено, и всѣ арестанты, не бывшіе подъ судомъ, приведены вновь къ присягѣ.... Принеся въ душѣ моей благодарность Всевышнему, я немедленно переѣхалъ на жительство въ Чугуевъ, въ середину самаго города, призвалъ къ себѣ депутатовъ и объявилъ имъ, что приму на себя отвѣтственность остановить наказаніе, судомъ опредѣленное, и пошлю къ вамъ, государь, просить за нихъ всемилостивѣйшее прощеніе, если исполнятъ слѣдующее: подадутъ мнѣ списокъ главнымъ зачинщикамъ безпорядка, отыщутъ бумаги, при началѣ сего возмущенія ими писанныя, и найдутъ

или, по крайней мѣрѣ, откроютъ мѣсто убѣжища трехъ преступниковъ, бѣжавшихъ въ первые дни безпокойства.

«Съ помощію Божіею, сіе имѣло желаемый успѣхъ.... Дѣйствующіе эскадроны Чугуевскаго уланскаго полка выступили въ Чугуевъ въ военномъ порядкѣ; я лично объявилъ имъ благоволеніе вашего величества, и они прошли мимо церемоніальнымъ маршемъ, шагомъ по-взводно и рысью по-полуэскадронно. Послѣ сего приказалъ я представить къ себѣ находившихся подъ ихъ присмотромъ, на общественной полковой работѣ, 438 нижнихъ чиновъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, бывшихъ въ числѣ ослушниковъ, и, отобравъ изъ нихъ зачинщиковъ, отправилъ оныхъ подъ арестъ, а остальнымъ объявилъ, чтобъ кающіеся въ своемъ преступленіи немедля пали на колѣни и просили прощенія. Къ удовольствію моему, сіе исполнилось въ одно мгновеніе, и я, оставя ихъ въ семъ положеніи на колѣняхъ, приказалъ дѣйствующимъ эскадронамъ слѣдовать въ свои квартиры мимо ихъ, а потомъ, сдѣлавъ имъ должное наставленіе, простилъ и распустилъ по домамъ».

Епископъ Эйлертъ.

Съ гравированнаго портрета Нордгейма.

Въ заключеніе графъ Аракчеевъ замѣчалъ: «Не бывъ еще совершенно увѣренъ въ точномъ душевномъ раскаяніи всѣхъ жителей, коихъ въ городѣ находится обоего пола до девяти тысячъ человѣкъ, и дабы имѣть и послѣ отъѣзда моего вѣрное свѣдѣніе о всемъ, что будетъ происходить, я счелъ нужнымъ приказать полковнику Салову исправлять впредь до повелѣнія должность коменданта въ городѣ Чугуевѣ.... Къ предупрежденію же всякаго безпорядка вездѣ нахожусь самъ и надзираю лично, надѣясь всегда на благость Создателя»[207].

Къ этому всеподданнѣйшему донесенію графъ Аракчеевъ присовокупилъ еще частное письмо слѣдующаго содержанія:

«Батюшко ваше величество!

«Представляя мое донесеніе о здѣшнихъ дѣлахъ формальными бумагами, я пишу сіе письмо уже не къ государю, а къ Александру Павловичу, слѣдовательно, я открываю здѣсь расположеніе моего духа.

«Происшествія, здѣсь бывшія, меня очень разстроили; я не скрываю отъ васъ, что нѣсколько преступниковъ, самыхъ злыхъ, послѣ наказанія, законами опредѣленнаго, умерли, и я отъ всего онаго начинаю очень уставать, въ чемъ я откровенно признаюсь предъ вами.

«По важности дѣла, я разсчелъ о времени, что никакъ не могу поспѣть въ С.-Петербургъ къ отъѣзду вашего величества, а потому и отправилъ всѣ мои донесенія чрезъ сего нарочнаго, прося на оныя обратить ваше вниманіе и удостоить меня, прежде вашего изъ С.-Петербурга отъѣзда, отвѣтомъ, чѣмъ самымъ успокоите мои мысли и душу.

«Я осмѣливаюсь равномѣрно просить васъ осмотрѣть, по предположенію вашему, и безъ меня, войска генералъ-маіора Княжнина и поселенные карабинерные баталіоны, чѣмъ самымъ вы изволите имъ показать участіе ваше въ семъ новомъ заведеніи; безпорядка же тамъ и въ отсутствіе мое никакого не будетъ. Впрочемъ, буди воля ваша какъ вамъ угодно, а я изъяснилъ свои мысли по моему слабому понятію.

«Окончивъ здѣсь смотръ, я располагаю выѣхать отсюда обратно въ первыхъ числахъ сентября; слѣдовательно, разрѣшеніе ваше получу въ дорогѣ, а можетъ быть, и еще здѣсь, на мѣстѣ.

«До конца своей слабой жизни пребудетъ

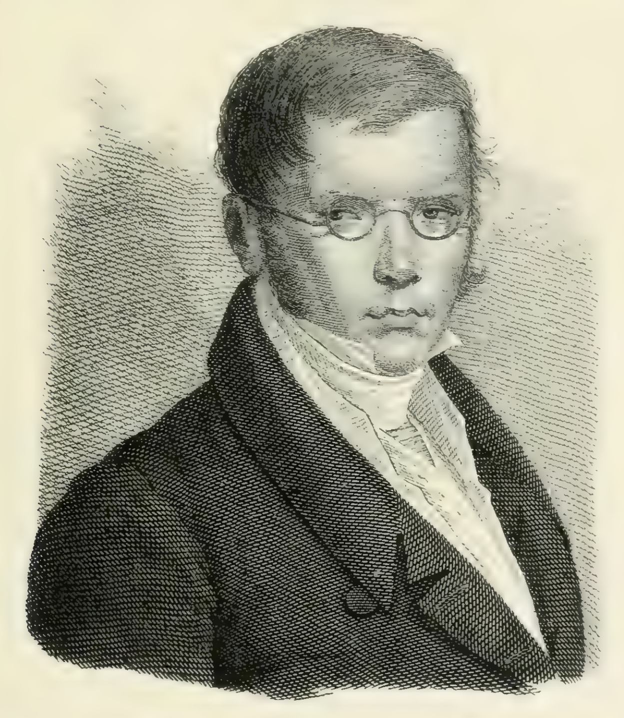
«вѣрноподданный вашъ

«Г. Аракчеевъ».

Городъ Чугуевъ,
24-го августа 1819 г.

Императоръ Александръ получилъ донесенія графа Аракчеева на обратномъ пути изъ Финляндіи въ Фридрихсгамѣ. Одновременно съ этими донесеніями государь получилъ отъ вдовствующей императрицы

другое, также тревожное извѣстіе, о трудной болѣзни великаго князя Михаила Павловича, съ просьбою прислать Вилліе. Вслѣдствіе этого государь не могъ остановиться въ Фридрихсгамѣ и, продолжая безостановочно слѣдованіе въ Петербургъ, взялъ аракчеевскія донесенія съ собою въ дрожки и прочелъ ихъ однѣ дорогою.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

«Пріѣхавъ въ Петербургъ», писалъ Александръ графу Аракчееву, «нашелъ я, благодареніе Всевышнему, брата уже въ гораздо лучшемъ положеніи. Но матушка, бывъ въ Петербургѣ, дабы за больнымъ братомъ присматривать, принужденъ былъ и я большую часть краткаго сего моего пребыванія провести въ Петербургѣ и тѣмъ самымъ лишиться спокойныхъ часовъ для работы, на которые считалъ въ Царскомъ Селѣ. Три раза принимался перечитывать вновь всѣ твои бумаги для сочи-

ненія отвѣтовъ и всякій разъ былъ оторванъ отъ моего упражненія другими встрѣчающимися занятіями».

Въ виду этихъ обстоятельствъ государь рѣшился, не откладывая, выѣхать для осмотра новгородскихъ поселеній и уже въ Боровичахъ занялся на досугѣ аракчеевскими бумагами. Результатомъ этихъ упражненій была отправка графу Аракчееву пяти писемъ; всѣ они были помѣчены 8-мъ (20-мъ) сентября 1819 года.

По поводу прискорбныхъ чугуевскихъ событій Александръ написалъ своему другу между прочимъ слѣдующія строки:

«Издавно тебѣ извѣстна, любезный Алексѣй Андреевичъ, искренняя моя къ тебѣ привязанность и дружба, и посему ты не повѣришь тѣмъ чувствамъ, кои ощущалъ я при чтеніи всѣхъ твоихъ бумагъ.

«Съ одной стороны могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой, умѣю я также и цѣнить благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно отъ чистаго сердца за всѣ твои труды.

«Происшествіе, конечно, прискорбное; но уже когда, по несчастію, случилось оное, то не оставалось другого средства изъ онаго выйти какъ давъ дѣйствовать силѣ и строгости законовъ».

Однако, не смотря на полное одобреніе, высказанное Александромъ по поводу всѣхъ мѣропріятій графа Аракчеева, въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ государя замѣтна, тѣмъ не менѣе, легкая, осторожная критика, относящаяся къ самому существу дѣла. Онъ предлагаетъ своему любимцу вопросъ, не слѣдуетъ ли «строго, искренно и безпристрастно намъ самихъ себя вопросить: выполнено ли нами все обѣщанное полку? Не имѣвъ съ собою положенія и грамоты, данной полку, сего я теперь рѣшить не могу. Но прошу тебя искренно, обрати свое вниманіе на сей предметъ».

Относительно смотровъ въ новгородскихъ поселеніяхъ государь сообщилъ графу Аракчееву самыя утѣшительныя извѣстія.

«Смотрѣлъ я вчерась съ большимъ удовольствіемъ три баталіона подъ Новымъ Городомъ», писалъ Александръ. «Я ими весьма доволенъ, особливо учебнымъ, что и въ порядкѣ вещей. Погода была отмѣнно вѣтреная; не взирая на оную, исполненіе было весьма точное. Медвѣдскимъ поселеніемъ я былъ весьма доволенъ. Мѣстоположеніе весьма прекрасное. Баталіоны же такъ учились, что многимъ полкамъ должно быть стыдно стать возлѣ нихъ. Старанія и усердія отмѣнно много.

«Не скрою отъ тебя, что, уже садясь въ коляску, четыре женщины жаловались мнѣ на насильное отданіе ихъ замужъ за солдатъ. О чемъ Борису Яковлевичу приказалъ я строго изслѣдовать и тебѣ подробно донести для представленія мнѣ.

«Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ».

Путешествіе императора Александра 1819 года закончилось посѣщеніемъ Варшавы.

Въ Польшѣ государя ожидали также нерадостныя вѣсти. Новосильцовъ совершенно разошелся съ княземъ Чарторижскимъ. Неудовольствіе противъ цесаревича Константина Павловича возростало какъ среди польской арміи, такъ и въ средѣ гражданской администраціи царства. Двойственное положеніе правительства, самодержавнаго въ Россіи и конституціоннаго въ Польшѣ, приводило къ взаимнымъ недоразумѣніямъ и порождало разладъ. Тѣмъ не менѣе, императоръ Александръ не отказывался отъ мысли возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ, конечно, только съ восточной стороны. Этими намѣреніями объясняется причина, по которой Новосильцовъ, во время пребыванія государя въ Варшавѣ, представилъ ему переводъ съ латинскаго языка двухъ государственныхъ актовъ 1413 и 1551 годовъ о присоединеніи великаго княжества Литовскаго къ королевству Польскому[208].

Насколько эти мысли занимали тогда императора Александра, можно видѣть изъ того, что по возвращеніи изъ Варшавы государь затронулъ этотъ вопросъ въ бесѣдѣ съ Карамзинымъ въ Царскомъ Селѣ. Тогда исторіографъ представилъ свои возраженія въ запискѣ, извѣстной подъ названіемъ: «Мнѣніе русскаго гражданина». Карамзинъ пришелъ къ заключенію, что возстановленіе древняго Королевства Польскаго было бы противно священнымъ обязанностямъ самодержца Россіи и самой справедливости; оно привело бы къ паденію Россіи, «или сыновья наши обагрятъ своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу».

17-го (29-го) октября Карамзинъ пилъ у Александра чай въ царскосельскомъ кабинетѣ и прочелъ ему записку. «Мы пробыли вмѣстѣ», пишетъ Карамзинъ, «съ глазу на глазъ пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душою разстались, кажется, на вѣки»[209].

Карамзинъ ошибся въ двоякомъ отношеніи; благоволеніе къ нему Александра не измѣнилось, и, какъ пишетъ Карамзинъ въ замѣткѣ, относящейся къ 1825 году, «въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ. Онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ»[210].

Что же касается намѣреній императора Александра относительно Польши, то доводы Карамзина нисколько не поколебали взглядовъ государя по этому вопросу. Проектъ былъ только отложенъ въ виду общаго несочувствія, высказаннаго къ нему въ Россіи людьми самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій. Въ этомъ признавался впо-

слѣдствіи самъ Карамзинъ и писалъ: «Россія удержала свои польскія области, но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго».

Вскорѣ послѣ прибытія государя изъ Варшавы, 15-го (27-го) октября, внезапно скончался престарѣлый графъ Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ. Смерть его очень опечалила Александра; на другой день государь писалъ графу Аракчееву изъ Царскаго Села:

«Съ большимъ нетерпѣніемъ желаю я тебя видѣть, любезный Алексѣй Андреевичъ: почти три мѣсяца мы были разлучены. Но и кромѣ личнаго удовольствія побесѣдовать съ тобою, нужно мнѣ и по нѣкоторымъ дѣламъ съ тобою переговорить. Кончина Сергѣя Кузьмича меня весьма опечалила и разстраиваетъ въ моихъ соображеніяхъ... Весьма пріятно мнѣ будетъ, если ты пріѣдешь завтра поутру и отобѣдаешь у меня». Заботливость государя о графѣ Аракчеевѣ простиралась до того, что онъ прибавилъ: «Надѣюсь, что въ комнатѣ твоей будетъ тепло».

Кончина Вязмитинова сопровождалась исчезновеніемъ министерства полиціи, которымъ онъ управлялъ съ 1812 года. 4-го (16-го) ноября послѣдовало присоединеніе этого министерства къ министерству внутреннихъ дѣлъ, откуда департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли былъ отчисленъ къ министерству финансовъ, а почтовый департаментъ поступилъ въ вѣдѣніе князя А. Н. Голицына. Въ это время управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Кочубей, снова занявшій это мѣсто послѣ кончины, лѣтомъ 1819 года, Осипа Петровича Козодавлева[211].

Въ военномъ министерствѣ также произошла перемѣна. Генералъ-адъютанта Петра Петровича Коновницына замѣнилъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. 12-го декабря 1819 года Коновницыну пожаловано было графское достоинство; онъ скончался въ 1822 году.

1819 годъ закончился важнымъ финансовымъ указомъ, послѣдовавшимъ 12-го (24-го) декабря. Въ виду удовлетворительнаго состоянія государственныхъ доходовъ и расходовъ на наступавшій 1820 годъ, императоръ Александръ призналъ возможнымъ изъ числа чрезвычайныхъ налоговъ, обращавшихся на издержки войны, отмѣнить введенный манифестомъ 11-го февраля 1812 года сборъ со всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности, уплачивавшійся лицами всѣхъ состояній безъ изъятія съ получаемаго ими дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было установленныхъ закономъ объявленій о доходахъ впредь не подавать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОПРОСЪ о престолонаслѣдіи, затронутый императоромъ Александромъ въ разговорѣ его съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ лѣтомъ 1819 года, получилъ дальнѣйшее свое развитіе въ 1820 году.

20-го марта (1-го апрѣля) послѣдовалъ манифестъ о расторженіи брака цесаревича Константина Павловича съ великою княгинею Анною Θеодоровною, которая еще въ 1801 году удалилась заграницу и съ тѣхъ поръ болѣе въ Россію не возвращалась. Въ томъ же манифестѣ объявлялось еще слѣдующее: «При семъ объемля мыслію различные случаи, которые могутъ встрѣчаться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамиліи, и которыхъ послѣдствія, есть ли не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, сопряжены быть могутъ съ затруднительными недоумѣніями, Мы признаемъ за благо, для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и

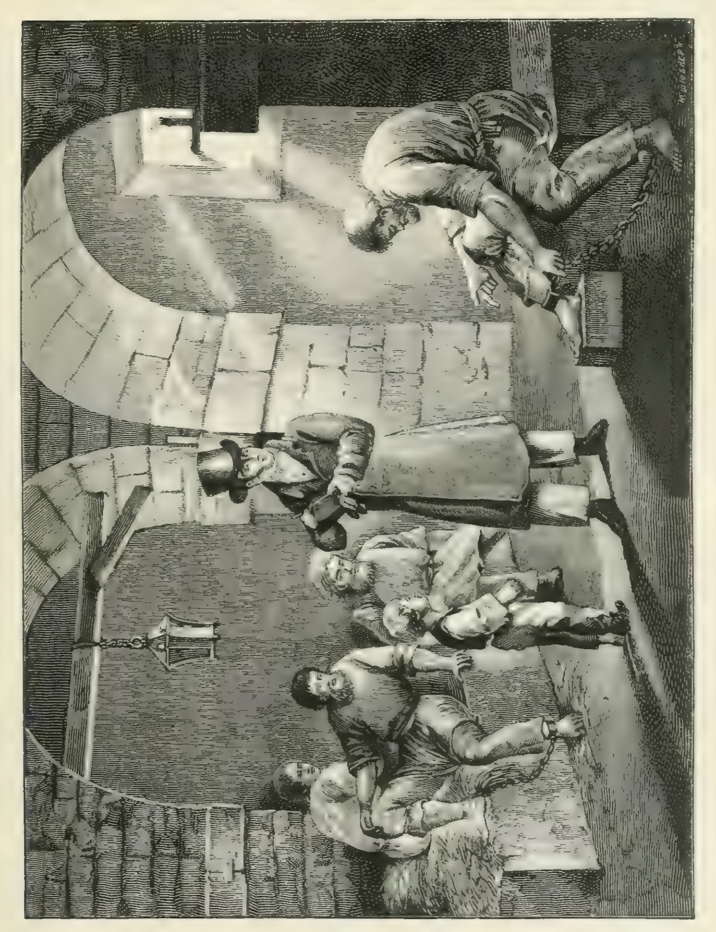
самой имперіи нашей, присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ объ императорской фамиліи слѣдующее дополнительное правило. Есть ли какое лицо изъ императорской фамиліи вступить въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ таковаго союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола. Изъявляя сію волю нашу настоящимъ и будущимъ членамъ императорской нашей фамиліи и всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, по точному праву, опредѣленному въ 23 пунктѣ учрежденія объ императорской фамиліи, предъ лицомъ Царя царствующихъ обязуемъ всѣхъ и каждаго, до кого сіе касаться можетъ, сохранять сіе дополнительное наше постановленіе въ вѣчныя времена свято и ненарушимо».

Вскорѣ объяснилась причина, вызвавшая обнародованіе этого новаго закона. 12-го (24-го) мая 1820 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ обвѣнчался въ королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ съ графинею Іоанною Грудзинскою. Офиціальное положеніе новой супруги цесаревича опредѣлилось манифестомъ отъ 8-го (20-го) іюля 1820 года, который однако не былъ распубликованъ въ имперіи. Въ этомъ манифестѣ супругѣ цесаревича пожалованъ былъ титулъ княгини Ловичъ; вмѣстѣ съ княжескимъ достоинствомъ ей былъ присвоенъ въ Россіи титулъ свѣтлости. Въ перепискѣ съ Лагарпомъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ въ 1826 году о своей супругѣ: «Я ей обязанъ счастіемъ, спокойствіемъ и получилъ ее изъ рукъ покойнаго императора, который удостоивалъ ее своею дружбою и особымъ довѣріемъ»[212]. По мѣткому выраженію современника: «Левъ быть побѣжденъ голубицею».

Незадолго до выѣзда императора Александра изъ Петербурга для обычныхъ съ 1816 года путешествій по Россіи, 12-го (24-го) мая, въ третьемъ часу дня, вспыхнулъ пожаръ въ царскосельскомъ дворцѣ въ стропилахъ надъ придворною церковью; пожаръ охватилъ галерею, а вслѣдъ затѣмъ и весь главный корпусъ Лицея, который и выгорѣлъ совершенно. Огонь распространился также и на покои государя до янтарной комнаты. Это событіе произвело тяжелое впечатлѣніе на императора Александра; онъ сказалъ, что видитъ въ этомъ дурное предзнаменованіе, что, будучи избалованъ счастіемъ, начинаетъ теперь опасаться противнаго. «Благодареніе Всевышнему, что еще не хуже кончилось», писалъ государь по этому поводу графу Аракчееву.

Въ концѣ іюня Александръ навѣстилъ графа Аракчеева въ Грузинѣ, а затѣмъ, 9-го (21-го) іюля, выѣхалъ на продолжительное время изъ Петербурга; на этотъ разъ политическія обстоятельства позволили

государю возвратиться въ столицу только въ маѣ 1821 года[213]. Во время этой поѣздки Александръ посѣтилъ Тверь, Москву, Воронежъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву, а также южныя поселенія, гдѣ старался

Тюрьма въ Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія.
Съ рисунка Кольмана (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

загладить милостями слѣды недавнихъ бѣдствій; затѣмъ государь предполагалъ открыть въ Варшавѣ второй польскій сеймъ.

Въ это время смертельно заболѣла мать графа Аракчеева, Елисавета Андреевна Аракчеева, и вскорѣ скончалась. Императоръ Александръ поспѣшилъ выразить своему другу сердечное соболѣзнова-

ніе. 23-го іюля (4-го августа) онъ написалъ ему изъ Липецка слѣдующія строки, могущія служить дополнительной характеристикой установившихся между ними совершенно исключительныхъ дружескихъ отношеній:

«Съ душевнымъ прискорбіемъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, получилъ я письмо твое и печальное извѣстіе о отчаянной болѣзни матушки твоей. Я весьма умѣю цѣнить все то, что ты долженъ чувствовать, и грѣшно тебѣ бы было не быть увѣрену въ искреннемъ моемъ участіи въ твоей печали. Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ и что я не перемѣнчивъ. Душевно я желаю, чтобы Богъ подкрѣпилъ и сохранилъ твое здоровье, такъ, чтобы ты могъ долгіе еще годы продолжать отечеству столь полезную твою службу. Я надѣюсь, что опытъ тебѣ докажетъ, сколь твои сомнѣнія несправедливы и неосновательны. Прискорбно мнѣ весьма, что ты не будешь со мною въ сіе путешествіе, и что столь долгое время пройдетъ до нашего свиданія. Побереги свое здоровье, я убѣдительнѣйше объ ономъ прошу. Поручаю тебя благословенію Всевышняго и пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ».

Изъ южныхъ поселеній императоръ Александръ послалъ вслѣдъ затѣмъ графу Аракчееву еще два письма:

«Не могу я оставить Чугуева», писалъ государь 31-го іюля 1820 г.—«не написавъ тебѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, нѣсколько строкъ. Мѣстоположеніе прелестное, видъ изъ занимаемаго мною дивизіоннаго командира дома прекраснѣйшій. Я нашелъ здѣсь много порядка и начала весьма удовлетворительныя. Все обѣщаетъ наилучшихъ успѣховъ. Искренно благодарю тебя за всѣ твои труды въ семъ полезномъ дѣлѣ и крайне соболѣзную о причинѣ, помѣшавшей тебѣ быть со мною здѣсь. Твой начальникъ штаба опишетъ тебѣ всѣ подробности. Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ».

«За совершенное удовольствіе поставляю себѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, извѣстить тебя, что вообще я весьма былъ доволенъ всѣмъ, что я видѣлъ въ уланскихъ дивизіяхъ», писалъ императоръ Александръ графу Аракчееву изъ Умани 10-го августа 1820 г.—«Много очень сдѣлано, но многое нужно еще поправить и улучшить. Подробныя замѣчанія я сообщилъ г.-м. Клейнмихелю и самому графу Витту. Въ сравненіи съ первой арміею я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя награжденія, ибо въ Чугуевѣ и Вознесенскѣ поболѣе потрудились, чѣмъ во всѣхъ корпусахъ. Я ожидалъ, что ты меня извѣстишь о себѣ и о твоемъ домашнемъ положеніи, но донынѣ ничего не получилъ. Пребываю съ искреннею привязанностію тебя любящимъ».

Между тѣмъ графъ Аракчеевъ, 8-го (20-го) августа, изъ Могилева, обрадовалъ наконецъ государя слѣдующимъ письмомъ:

«Батюшка ваше величество!

«Милостивыя письма вашего величества изъ Липецка и Чугуева я получилъ. Они каждый разъ даютъ мнѣ новыя силы посвящать всѣ дни моей жизни на службу вашу. Я по кончинѣ моей матери исполнилъ послѣдній долгъ и прожилъ при ея гробѣ двѣ недѣли, проводя оное время въ молитвѣ и душевномъ размышленіи, а 1-го августа отправился оттуда въ здѣшнее военное поселеніе пѣхотныхъ полковъ Полоцкаго и Елецкаго, и, осмотря здѣсь оные, беру смѣлость воспользоваться позволеніемъ вашего величества и 17-го августа выѣду отсюда въ Варшаву, дабы лично принесть мою вѣрноподданную благодарность за ваше принятое обо мнѣ участіе и дабы равномѣрно окончить въ присутствіи вашемъ нѣкоторыя дѣла, какъ-то, о рекрутскомъ наборѣ и учрежденіи фурштатскихъ баталіоновъ»[214].

15-го (27-го) августа императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву, и немедленно начались неизбѣжные ежедневные разводы, парады и ученія разнаго рода. 1-го (13-го) сентября послѣдовало открытіе второго польскаго сейма. Рѣчь, произнесенная по этому случаю государемъ, носила увѣщательный характеръ и рѣзко отличалась отъ знаменитой рѣчи 1818 года; въ ней упоминалось уже о могущей встрѣтиться необходимости прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, чтобы истребить сѣмена разстройства, коль скоро они окажутся. «Духъ зла», сказалъ Александръ, «покушается водворить снова свое бѣдственное владычество; онъ уже паритъ надъ частію Европы, уже накопляетъ злодѣянія и пагубныя событія»[215]. Въ заключеніе государь смягчилъ выраженіе своего неудовольствія и закончилъ рѣчь словами: «Еще нѣсколько шаговъ, направленныхъ благоразуміемъ и умѣренностію, ознаменованныхъ довѣренностію и правотою, и вы коснетесь цѣли вашихъ и моихъ надеждъ. Тогда сугубо утѣшусь, увидя, что мирное дѣйствіе вашихъ правъ утвердило ваше народное бытіе и запечатлѣло неразрывный союзъ благоденствія между обоими отечествами нашими»[216].

Не смотря на эти увѣщанія и предостереженія, сеймъ отвергъ почти безъ обсужденія проекты законовъ, представленные правительствомъ. 1-го (13-го) октября императоръ Александръ закрылъ сеймъ строгою рѣчью, но тѣмъ не менѣе закончилъ ее слѣдующими примирительными словами: «Но какъ ни отозвалось бы общественное мнѣніе насчетъ способа, посредствомъ котораго вы воспользовались вашими правами, я, въ отношеніи къ Польшѣ, никогда не измѣню своихъ намѣреній.... Теперь я оставляю васъ, но и вдали буду постоянно заботиться о вашемъ благоденствіи; единственнымъ предметомъ моихъ желаній навсегда будетъ видѣть, что данныя мною вамъ учрежденія упрочены вашею умѣренностью и оправданы вашимъ благополучіемъ»[217].

Какъ только императоръ оставилъ залу сейма, со всѣхъ сторонъ послышались упреки, обращенные къ тѣмъ представителямъ, которые отвергли правительственные проекты. Одни говорили: «вотъ видите, его величество не одобряетъ образа дѣйствій палаты»; другіе: «ну что, не говорили ли мы, что надобно узнать въ точности, каковы намѣренія короля?»—Наконецъ, раздавались и такіе голоса: «кажется, намъ придется долго дожидаться третьяго сейма». — Говорили о пріемѣ, оказанномъ наканунѣ императоромъ депутаціи представителей палаты; замѣтили, что государь выразилъ свое неудовольствіе по поводу дѣйствій палаты, высказавъ, что онъ даровалъ либеральную конституцію и право свободной подачи голосовъ не для того, чтобы они старались стѣснять его власть (resserrer son pouvoir). Повторяли и другія слова, а именно, что его величеству извѣстно, что не какія либо дурныя намѣренія, а скорѣе слабость характера была причиною того, что большая часть членовъ палаты поддалась вліянію нѣкоторыхъ господъ, желавшихъ отличиться и заслужить рукоплесканія публики (se faire applaudir par la galerie). Всѣ вообще остались недовольными и были поражены результатомъ сейма[218].

Варшавская рѣчь императора немедленно разнеслась по Европѣ и огласила размолвку государя съ Польшею, къ немалому удовольствію недоброжелателей Россіи, всего болѣе опасавшихся въ будущемъ упроченія единенія между русскими и поляками.

Съ 1819 года рядъ событій омрачилъ политическій горизонтъ Европы: волненія въ Германіи, убійство іенскимъ студентомъ Зандомъ Коцебу, котораго считали шпіономъ русскаго правительства, волненія въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ сѣверной Италіи, убійство герцога Беррійскаго 1-го (13-го) февраля 1820 года, придали новую силу реакціоннымъ стремленіямъ, проводимымъ Меттернихомъ. За карлсбадскими конференціями, на которыхъ обсуждались дѣла, касавшіяся печати, положенія университетовъ и различныхъ училищъ и происковъ демагоговъ, послѣдовали вѣнскія конференціи, занявшіяся вопросами по устройству свободныхъ учрежденій во владѣніяхъ германскаго союза. Наконецъ, признали необходимымъ созвать новый конгресъ. Еще на пути въ Варшаву Александръ получилъ собственноручное письмо императора Франца, который, сообщая свѣдѣнія о возстаніи въ Неаполитанскомъ королевствѣ, приглашалъ государя на свиданіе для обсужденія мѣръ, которыя надлежало принять въ столь важномъ случаѣ. Переговоры между великими державами привели къ рѣшенію созвать конгресъ въ Троппау, въ австрійской Силезіи.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ происшествій состоялся указъ, данный императоромъ Александромъ 1-го (13-го) сентября 1820 года, о сборѣ во всей имперіи съ 500 душъ по четыре рекрута[219]. Надежда поддер-

Валаамскій монастырь.

Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

жать при помощи Священнаго союза миръ въ Европѣ была поколеблена: снова начали готовиться къ войнѣ. При такой политической обстановкѣ Александръ прибылъ въ Троппау 8-го (20-го) октября уже сильно разочарованный въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ и сдѣлавшійся рѣшительнымъ сторонникомъ реакціонныхъ правительственныхъ мѣропріятій. Такимъ образомъ, почва была вполнѣ подготовлена для полнаго торжества политическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Меттернихомъ, а именно — придать Священному союзу направленіе, выгодное единственно австрійскимъ интересамъ.

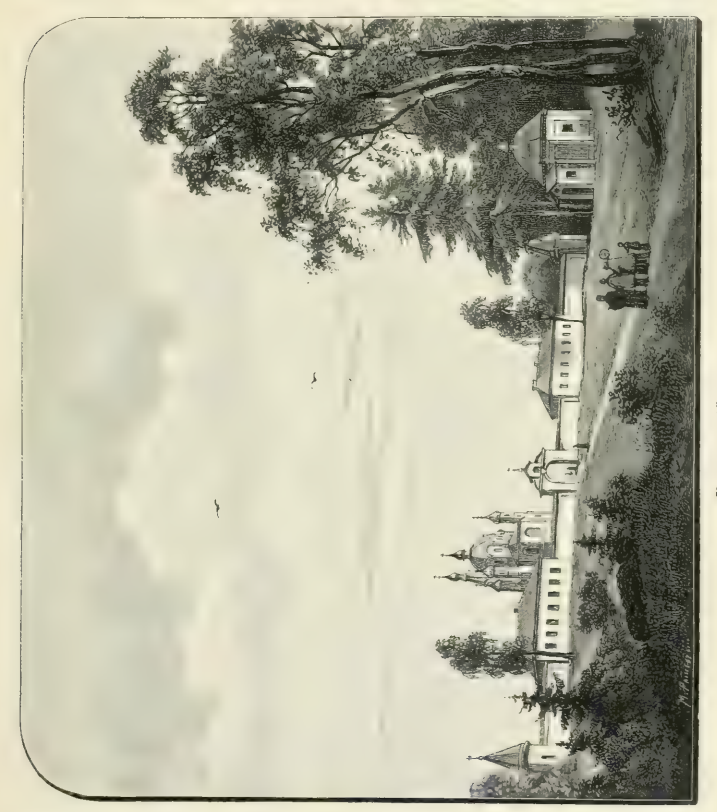
Одновременно съ государемъ прибылъ также въ Троппау императоръ Францъ въ сопровожденіи Меттерниха. Король прусскій, по нездоровью, пріѣхалъ нѣсколько позже; его замѣнилъ наслѣдный принцъ. Съ прусской стороны на конгресъ явились князь Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ. Изъ русскихъ дипломатовъ присутствовали графы Нессельроде и Каподистріа и посланникъ при вѣнскомъ дворѣ графъ Головкинъ. Англія не прислала на конгресъ особаго уполномоченнаго; въ Троппау пріѣхалъ только посланникъ при австрійскомъ дворѣ лордъ Стюартъ. Франція поступила подобнымъ же образомъ; представителями ея на конгресѣ явились посланникъ въ Вѣнѣ маркизъ Караманъ и посланникъ при петербургскомъ дворѣ Ла-Ферронэ.

Съ Троппаускаго конгреса рѣшительно началась новая эра въ умѣ императора Александра и въ политикѣ Европы. Государь вполнѣ отрекся отъ прежнихъ своихъ мыслей. Это ясно обнаружилось при первой же его встрѣчѣ съ Меттернихомъ; совершившійся въ мысляхъ Александра переломъ отразился съ полною отчетливостью въ перепискѣ австрійскаго дипломата. «Онъ встрѣтился со мною какъ со старымъ товарищемъ по оружію», писалъ Меттернихъ. «Развѣ въ мірѣ не бываетъ оружія всякаго рода»?[220].

На другой день Меттернихъ имѣлъ съ Александромъ продолжительный разговоръ, о которомъ австрійскій канцлеръ пишетъ: «Императоръ Александръ податливъ. Онъ извиняется и доходитъ до того, что осуждаетъ самъ себя. Все это слишкомъ хорошо, и еслибы я не ощупывалъ себя, то подумалъ бы, что мною играетъ мечта. Въ теченіе трехчасовой моей бесѣды съ императоромъ Александромъ я нашелъ въ немъ то же любезное обращеніе, которымъ я уже восхищался въ 1813 году; но онъ сталъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ былъ въ ту эпоху. Я просилъ его, чтобъ онъ самъ объяснилъ мнѣ эту перемѣну. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ полною откровенностью: «Вы не понимаете, почему я теперь не тотъ, что прежде; я вамъ это объясню. Между 1813 годомъ и 1820 протекло семь лѣтъ, и эти семь лѣтъ кажутся мнѣ вѣкомъ. Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ

1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ не въ чемъ раскаиваться; не могу сказать того же про себя»[221].

Для достиженія преслѣдуемой Меттернихомъ цѣли—вполнѣ подчинить себѣ императора Александра—необходимо было поколебать значеніе и довѣріе, которымъ пользовался у государя графъ Каподистрія. Меттернихъ откровенно признавался: «Еслибъ я могъ дѣлать изъ Каподистріи что захочу, то все пошло бы скоро и хорошо. Императоръ Александръ становится препятствіемъ лишь благодаря своему министру; безъ послѣдняго все нынѣ было бы уже улажено». Поэтому Меттернихъ направилъ всѣ усилія къ устраненію ненавистнаго противника и долгіе часы проводилъ съ государемъ въ дружеской бесѣдѣ. Однажды онъ рѣшился прямо высказать ему все, что было у него на сердцѣ о

Валаамскій скитъ.

Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

Каподистріи. Произошло это за чаемъ. Меттернихъ упрекалъ Каподистрію въ томъ, что онъ его не понимаетъ. «Я часто упрекалъ его за это», отвѣчалъ Александръ, «но происходитъ это отъ того, что ему все кажется, будто у васъ есть заднія мысли».

Обстоятельства продолжали благопріятствовать Меттерниху. 28-го октября (9-го ноября) императоръ Александръ получилъ извѣстіе о безпорядкахъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку, начавшихся въ ночь съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е октября) и окончившихся тѣмъ, что 18-го (30-го) октября весь Семеновскій полкъ очутился въ Петропавловской крѣпости[222].

Въ донесеніи командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанта Васильчикова было сказано, что единственною причиною происшествія въ Семеновскомъ полку — командиръ его, полковникъ Шварцъ: нижніе чины были выведены изъ терпѣнія неблагоразумнымъ и неосторожнымъ поведеніемъ его съ ними[223].

2-го (14-го) ноября 1820 года императоръ Александръ подписалъ приказъ по россійской арміи, которымъ повелѣно было «всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе же и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ». Штабъ- и оберъ-офицеровъ Семеновскаго полка повелѣно было перевести въ армейскіе полки, сохранивъ имъ преимущество гвардейскихъ чиновъ. Полковникъ Шварцъ, этотъ ставленникъ графа Аракчеева, предавался военному суду «за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи». Для немедленнаго укомплектованія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка назначались роты изъ гренадерскихъ полковъ.

По полученіи извѣстія о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку государь тотчасъ же послалъ за Меттернихомъ и сообщилъ ему объ этомъ непріятномъ происшествіи. «Царь полагаетъ», пишетъ Меттернихъ, «что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы три тысячи русскихъ солдатъ рѣшились на поступокъ, такъ мало согласующійся съ народнымъ характеромъ. Онъ доходитъ до того, что воображаетъ, что никто иной какъ радикалы устроили все это, чтобы застращать его и принудить вернуться въ Петербургъ; я не раздѣляю его мнѣнія. Превосходило бы всякую мѣру вѣроятія, если бы въ Россіи радикалы уже могли располагать цѣлыми полками, но это доказываетъ, насколько императоръ измѣнился»[224].

Не со всѣми императоръ Александръ былъ столь откровененъ, какъ съ Меттернихомъ. Такъ, разсказывая о возмущеніи въ Семеновскомъ полку флигель-адъютанту короля прусскаго Малаховскому, государь

заключилъ свою рѣчь словами: «Vous voyez, mon cher, qu'il n'y a là dedans point de demagogie»[225].

Графу Аракчееву императоръ Александръ писалъ 5-го (17-го) ноября по поводу безпорядковъ въ Семеновскомъ полку въ томъ же духѣ, въ какомъ говорилъ объ этомъ съ Меттернихомъ: «Тебѣ должно уже быть извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ то же время и постыдное приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко себѣ можно вообразить, какое печальное чувствіе оно во мнѣ произвело; происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку. Но, съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отъ чего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное, ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работы въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самый, въ который императрицы возвратились въ городъ, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троппау и воротиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но Божіему промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился корпусный командиръ съ полкомъ впослѣдствіи, были необходимы, но симъ полкъ погубленъ и уже не можетъ существовать въ его нынѣшнемъ составѣ. Я почти увѣренъ, что если бы съ 1-й гренадерской ротою приличнѣе поступили въ самомъ началѣ, ничего другого важнаго не произошло бы. Но уже когда всѣ три баталіона возмутились, болѣе не оставалось дѣлать, какъ то, что было исполнено... Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ! Кромѣ несчастнаго происшествія у насъ, слава Богу, все хорошо идетъ. Но сіе происшествіе надѣлаетъ довольно толковъ. Напиши мнѣ, что ты про все сіе узнаешь».

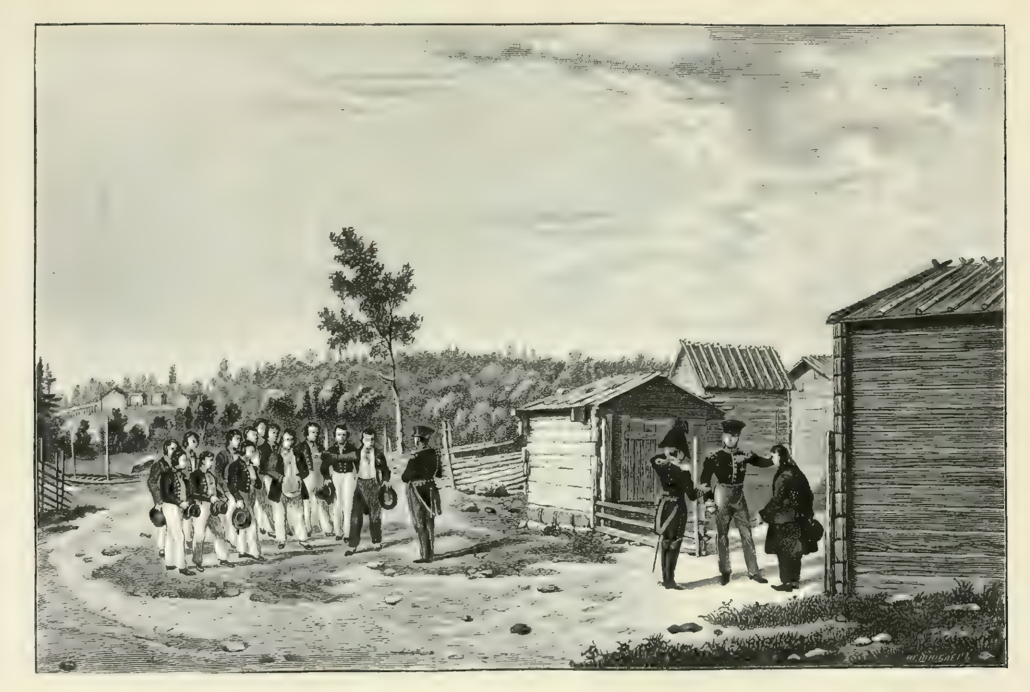
18-го (30-го) ноября графъ Аракчеевъ отвѣчалъ государю изъ Грузина: «Очень много чувствую, какъ непріятно и печально было вамъ получить извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Я узналъ объ ономъ въ своемъ Грузинѣ и первое чувство моего сердца было о вашемъ величествѣ, что сіе происшествіе тяжко опечалитъ васъ и сильно подѣйствуетъ на душу вашу. Я совершенно согласенъ съ мыслями вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто, и какъ, то нужно для общаго блага найтить самое оное начало. Я могу ошибиться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго[226]. Высочайшій приказъ такой, какой необходимъ при семъ случаѣ, равномѣрно о переводѣ офицеровъ прежнихъ и помѣщеніи новыхъ, но съ хорошимъ расположеніемъ, весьма полезно. Я, батюшка, живу въ Грузинѣ и поселеніи, и нѣтъ охоты ѣхать безъ васъ въ городъ, то здѣсь, слава Богу, мало свѣдѣній доходитъ до меня[227].... Въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ, слава Богу, смирно и благополучно».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ высказывалъ также убѣжденія, сходныя съ мыслями, выраженными императоромъ Александромъ и графомъ Аракчеевымъ. По мнѣнію великаго князя, «зараженіе умовъ есть генеральное» и замѣчается повсюду[228].

Здѣсь нельзя однако не замѣтить, что императоръ Александръ былъ до нѣкоторой степени правъ, подозрѣвая въ семеновской исторіи вліянія чуждаго внушенія.

Во время этого несчастнаго происшествія подкинуто было на дворѣ Преображенскихъ казармъ, у Таврическаго сада, воззваніе отъ Семеновскаго полка къ Преображенскому. Этотъ пасквиль, который графъ Кочубей называлъ «infâme libelle», былъ дѣйствительно самаго непозволительнаго свойства и долженъ былъ до крайности встревожить императора Александра[229]. Прокламація оканчивалась словами: «Спѣшите слѣдовать сему плану и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій. Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ». Спрашивается, кто былъ сей таинственный подстрекатель? Онъ остался неизвѣстнымъ правительству, не смотря на самые тщательные розыски, и это загадочное дѣло никогда не разъяснилось.

Къ сожалѣнію, подозрѣнія въ Троппау обрушились на невиннаго. По сличеніи почерка прокламаціи съ почеркомъ Василія Назарьевича Каразина, въ виду нѣкоторыхъ выраженій ея, явилось предположеніе, что она могла быть написана именно этимъ, нѣкогда близкимъ къ императору Александру лицомъ, о графу Кочубею повелѣно было отправить его въ Шлиссельбургскую крѣпость и захватить его бумаги[230]. Шесть мѣсяцевъ несчастный Каразинъ томился въ мрачномъ казематѣ и затѣмъ

Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Императоръ Александръ въ д. Хапаланкангасѣ.

Съ литографіи того времени.

былъ перевезенъ на жительство въ принадлежавшую ему въ Слободско-Украинской губерніи деревню Кручикъ, безъ права выѣзда[231]. Вотъ печальный конецъ сношеній Александра съ преданнѣйшимъ ему человѣкомъ, съ безкорыстнымъ идеалистомъ, одушевленнымъ фанатическимъ желаніемъ добра своимъ согражданамъ и непоколебимою вѣрою въ возможность нравственнаго совершенства людей, человѣкомъ, въ которомъ придворные люди нѣкогда опасались встрѣтить маркиза Позу!

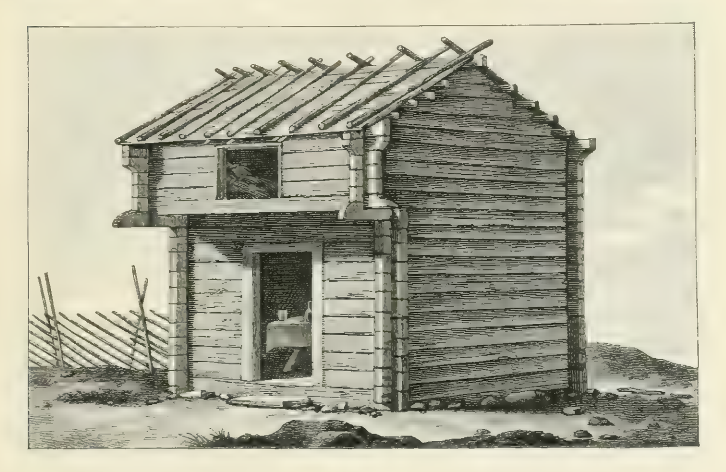
Тщетно генералъ-адъютантъ Васильчиковъ и графъ Кочубей выражали желаніе скорѣе увидѣть государя въ Петербургѣ; къ великому огорченію ихъ, дѣла на конгресѣ затягивались, и нельзя было даже предвидѣть, когда совѣщанія придутъ къ окончанію.

10-го (22-го) ноября 1820 года императоръ Александръ писалъ генералъ-адъютанту Васильчикову, что, не смотря на все свое желаніе вернуться немедленно въ Петербургъ, онъ задержанъ въ Троппау самыми важными соображеніями.

«Мы собрались», пишетъ государь, «дабы принять серьезныя и дѣйствительныя мѣры противъ пожара, охватившаго весь югъ Европы, и отъ котораго огонь уже разбросанъ во всѣхъ земляхъ. Согласіе, союзъ между государями и ихъ кабинетами были совершенные. Работали откровенно и хорошо. Поэтому я надѣюсь, съ помощью Божественнаго Провидѣнія, что работа такъ хороша, какъ она только можетъ быть, не смотря на великія трудности и препятствія, которыми она была обставлена. Благоразумныя мѣры уже приняты; рѣшено, что я буду служить въ нѣкоторомъ родѣ посредникомъ для передачи сообщеній въ Неаполь. Мы имѣемъ нѣкоторую надежду вырвать короля изъ рукъ карбонаріевъ и тогда дѣйствовать его властію съ поддержкою всей австрійской арміи. Она войдетъ не въ видѣ непріятелей, чѣмъ возстановила бы все народонаселеніе, подобно тому, какъ это случилось съ французами въ Испаніи, а войдетъ подъ предводительствомъ законной власти, призванной благомыслящими людьми, еще весьма многочисленными, и именемъ всей соединенной Европы.

«Всѣ эти мѣры были приняты прежде полученія мною извѣстій изъ Петербурга; отъ исполненія ихъ зависитъ въ значительной степени въ будущемъ огражденіе Европы, а слѣдовательно и Россіи, отъ язвы революціи. Удача противъ Неаполя должна будетъ произвести неминуемо моральное дѣйствіе, самое дѣйствительное, на Испанію и Португалію, совмѣстно съ другими мѣрами, принятыми противъ этихъ странъ. Но для того, чтобы заботиться объ этомъ дѣлѣ, мнѣ необходимо быть здѣсь на лицо еще нѣсколько недѣль. Рѣшено даже приблизиться къ Италіи, дабы скорѣе получать извѣстія и отдавать соотвѣтствующія приказанія, и потому рѣшили перенести совѣщанія въ Лайбахъ. Если я въ такую существенную минуту брошу все это дѣло, дабы скакать въ

Россію, замѣшательство, самое пагубное, можетъ произойти во всѣхъ этихъ дѣлахъ, а успѣхъ ихъ окончательно поколеблется. Къ тому же, всѣ эти радикалы и карбонаріи, разсѣянные по Европѣ, именно хотятъ заставить меня бросить начатое здѣсь дѣло; мы имѣемъ въ нашихъ рукахъ объ этомъ не одинъ документъ; они взбѣшены, видя дѣло, которымъ мы здѣсь занимаемся. Нужно ли имъ дать это торжество? Кромѣ того, это дало бы поводъ сдѣлать самое невыгодное, самое прискорбное заключеніе объ внутреннемъ положеніи Россіи. Неминуемо все уваженіе, питаемое къ Россіи и основанное на ея внутренней силѣ, можетъ быть

Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Конюшня въ Хапаланкангасѣ, превращенная въ столовую.

Съ литографіи того времени.

поколеблено. Вотъ положеніе, въ которомъ я нахожусь! Оно болѣе чѣмъ затруднительно. Но я надѣюсь на Бога и на Его милосердіе».

И такъ, императоръ Александръ призналъ необходимымъ продлить свое пребываніе въ Троппау, продолжая изыскивать цѣлебное средство противъ господства зла (l'empire du mal), распространяющагося съ быстротою и пользующагося всѣми тайными средствами (moyens occultes), къ которымъ прибѣгаетъ сатанинскій духъ (le génie satanique), имъ управляющій. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Александръ высказывалъ свои мысли по поводу политическихъ дѣлъ, занимавшихъ конгресъ въ Троппау[232].

Уполномоченными Австріи, Пруссіи и Россіи былъ подписанъ слѣдующій протоколъ: «Государства европейскаго союза, подвергаясь вслѣд-

ствіе мятежа измѣненію правительственныхъ формъ, угрожающему опасными послѣдствіями для другихъ державъ, перестаютъ черезъ то самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за ихъ порядокъ и прочность. Союзныя державы, не ограничиваясь признаніемъ такого исключенія, взаимно обязываются не допускать перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ произошли подобныя перемѣны, станутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, союзныя державы употребляютъ, для возвращенія ихъ въ общій союзъ, сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и понудительныя мѣры, если окажется необходимымъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ».

При такой постановкѣ политическихъ вопросовъ союзные дворы остановились на рѣшеніи принять мѣры для возвращенія свободы неаполитанскому королю и его народу и оставить въ странѣ, для охраненія спокойствія, окупаціонную армію. Для окончательнаго рѣшенія неаполитанскихъ дѣлъ пригласили короля Фердинанда въ Лайбахъ, гдѣ предполагалось собрать новый конгресъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ державамъ была сообщена декларація государей Австріи, Пруссіи и Россіи, въ формѣ циркулярной депеши къ ихъ резидентамъ.

Въ этой деклараціи было сказано, что союзные монархи, не входя въ переговоры съ революціоннымъ правительствомъ Неаполя, пригласили короля обѣихъ Сицилій въ Лайбахъ, чтобы возвратить ему свободу дѣйствій. Затѣмъ упоминалось еще, что Франція и Англія приглашены принять участіе въ предположенныхъ мѣрахъ, и утверждалось, что содѣйствіе со стороны этихъ державъ не подлежитъ сомнѣнію, потому что онѣ слѣдуютъ той же системѣ, которая послужила основаніемъ общему союзу Европы.

Такимъ образомъ, въ Троппау Священный союзъ выступилъ изъ сферы туманнаго мистицизма на практическую почву и получилъ ту окраску, которую съумѣлъ придать ему Меттернихъ, причемъ творецъ этого союза, императоръ Александръ, утратилъ всякую свободу дѣйствій и самостоятельность взглядовъ.

Однако торжество Меттерниха нельзя было признать окончательнымъ и полнымъ; на этотъ разъ ему не удалось еще устранить отъ дѣлъ ненавистнаго противника, Каподистрію, служившаго пока единственнымъ препятствіемъ къ окончательному завлеченію русскаго двора въ австрійскія дипломатическія сѣти. Безцвѣтность графа Нессельроде крайне огорчала Меттерниха; онъ находилъ, что Нессельроде нравственно умеръ, что его какъ бы не существовало. «Какъ жаль, что Нессельроде такъ стушевывается!» пишетъ Меттернихъ. «Я не понимаю, какъ можетъ человѣкъ уничтожать себя до такой степени, что надѣваетъ чужую одежду и прикрывается чужою маской, вмѣсто того, чтобы сохра-

нить собственное выраженіе»[233]. Но Меттернихъ не упалъ духомъ и надѣялся на лучшій успѣхъ въ Лайбахѣ. Отправляясь на новый конгрессъ, онъ писалъ: «Рѣшительная минута приближается». Въ письмѣ же къ императору Александру отъ 3-го (15-го) декабря онъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «A un monde en folie il doit en être opposé un plein de sagesse, de raison, de justice et de correction».

Пребываніе въ Троппау не могло представить для членовъ конгреса особой привлекательности. «У насъ скука ужасная», «на меня отчаяніе находитъ отъ скуки», жалуется безпрерывно князь Волконскій въ своей перепискѣ. Благодаря непроходимой грязи и отсутствію тротуаровъ, затруднено было даже движеніе по городу, и городское начальство распорядилось устроить на большомъ протяженіи досчатый тротуаръ, чтобы тѣмъ доставить государю возможность совершать свои ежедневныя прогулки[234]. Въ декабрѣ ненастная осень смѣнилась суровой зимой; морозы превышали 10°. Наконецъ, 15-го (27-го) декабря императоръ Александръ покинулъ Троппау и направился въ Вѣну среди мятелей и снѣговъ. Остановившись тамъ на непродолжительное время, государь продолжалъ путь въ Лайбахъ и прибылъ въ новое мѣсто собранія конгреса 27-го декабря 1820 года (8-го января 1821 года).

Въ Лайбахѣ Меттернихъ дѣятельно продолжалъ предпринятую имъ въ Троппау подземную работу противъ Каподистріи, которая подвигалась довольно успѣшно[235]. Черезъ мѣсяцъ по открытіи конгреса Меттернихъ могъ уже писать: «Звѣзда русскаго перваго министра начинаетъ блѣднѣть. Бездна, раздѣляющая Каподистрію и императора, все болѣе и болѣе углубляется». «Никто не вѣритъ въ полное согласіе между императоромъ Александромъ и мною, а между тѣмъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Вліяніе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ превозмогло; сильнѣйшій увлекъ слабѣйшаго, согласно законамъ механики, физики и нравственности. Русскій первый министръ близокъ къ паденію. Удастся ли ему подняться вновь».

Одновременно съ кознями, направленными противъ Каподистріи, австрійскій дипломатъ старался дѣйствовать ободряющимъ образомъ на Нессельроде. Въ перепискѣ Меттерниха сохранился слѣдующій забавный отзывъ объ этомъ: «Бѣдняжка Нессельроде находится въ нравственномъ состояніи чрезвычайно странномъ», пишетъ его покровитель. «Есть рыбы, которымъ хорошо живется только въ живой водѣ, другія лучше чувствуютъ себя въ мирной водѣ прудовъ и болотъ. Форель принадлежитъ къ первой категоріи, она вянетъ въ водѣ мирной и стоячей, но дайте ей немного свѣжей воды, и бѣдное животное тотчасъ же оживится съ видомъ силы и здоровья, свойственнымъ форели, когда она въ водѣ, и составляющими главное ея достоинство. Точно также есть люди, у которыхъ нѣтъ достаточно силы въ характерѣ для того, чтобъ

обойтись безъ чужой помощи и одолѣть окружающія ихъ препятствія; есть, напротивъ, и такіе, которымъ хорошо живется только въ болотистой мѣстности. Нессельроде по своей природѣ принадлежитъ къ семейству форелей, но, къ несчастію, онъ погрязаетъ въ болотѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вспрыснулъ его живою водою, онъ удивительно ободрился. Онъ оживился и вздыхаетъ по водѣ болѣе жесткой, но болѣе здоровой, составляющей его истинную потребность. Безъ сомнѣнія, это положеніе не можетъ продолжаться, ибо что такое стаканъ чистой воды въ болотѣ, въ коемъ онъ томится? Но на бѣдняжку находятъ минуты, когда ему кажется, что онъ приходитъ въ себя; еслибъ онъ былъ рыбой, то захлопалъ бы плавательными перьями»[236].

Между тѣмъ король Фердинандъ принялъ приглашеніе союзныхъ монарховъ и, явившись на конгресъ, съ радостью согласился на австрійское вмѣшательство. Армія генерала Фримона перешла черезъ По и 12-го (24-го) марта 1821 года австрійцы вступили въ Неаполь, и война была окончена.

Но судьба готовила охранителямъ европейскаго спокойствія еще новыя тревоги и заботы: въ Піемонтѣ вспыхнула революція. Императоръ Александръ не замедлилъ предоставить въ распоряженіе Австріи свои войска. Императоръ Францъ принялъ предложеніе своего союзника, и русскія войска въ числѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ получили приказаніе явиться на помощь австрійцамъ въ Италію. Главнокомандующимъ этой арміи предполагалось назначить генерала Ермолова, который былъ вызванъ государемъ въ Лайбахъ[237]. Но возстаніе въ Піемонтѣ удалось подавить безъ помощи русскихъ штыковъ, и Ермоловъ, излагая въ запискахъ эту эпоху своей жизни, пишетъ: «Конечно, не было доселѣ примѣра, чтобы начальникъ, предназначенный къ командованію арміею, былъ столько, какъ я, доволенъ, что война не имѣла мѣста. Довольно сказать въ доказательство сего, что я очень хорошо понималъ невыгоды явиться въ Италіи вскорѣ послѣ Суворова и Бонапарте, которымъ вѣка удивляться будутъ. Русскому нельзя не знать, какія препятствія поставляемы были Суворову австрійскимъ правительствомъ, а изъ нашихъ и лучшихъ даже генераловъ, не думаю, чтобы возмечталъ кто-нибудь ему уподобиться»[238].

Въ Россіи возможность новой войны не была встрѣчена съ сочувствіемъ. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ съ полною откровенностью представилъ князю Волконскому свои мысли по этому предмету въ слѣдующихъ правдивыхъ строкахъ:

«Настроеніе умовъ не хорошо. Неудовольствіе всеобщее и неизбѣжность жертвъ, сопряженныхъ съ веденіемъ войны, необходимость которой непонятна простымъ смертнымъ, должны несомнѣнно произвести дурное впечатлѣніе. Извѣстіе о движеніи войскъ не могло остаться

Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Обѣдъ въ Хапаланкангасѣ.

Съ литографіи того времени.

долго тайною. Солдатъ доволенъ, но нельзя сказать того же относительно офицеровъ, которые не желаютъ идти противъ неаполитанцевъ. Вы можете поэтому судить, какъ успѣшно распространились у насъ либеральныя идеи. Не отвѣчайте мнѣ на это избитой фразой: «заставьте ихъ молчать». Число говоруновъ слишкомъ велико, чтобъ ихъ заставить молчать; революція въ умахъ уже существуетъ, и единственное средство не потопить корабля, это не натягивать болѣе парусовъ, чѣмъ вѣтеръ позволитъ. Повторяю, присутствіе государя здѣсь необходимо; ему слѣдуетъ самому видѣть состояніе дѣлъ; необходимо, чтобы онъ принялъ своевременно мѣры улучшенія и учредилъ средоточіе власти (un centre de pouvoir), которою двигались бы дѣла во время его отсутствія. Не смотрите на меня, другъ мой, какъ на мечтателя, и не воображайте, что я все вижу въ черномъ свѣтѣ: я вѣрю, что есть средство искоренить существующее зло, но я убѣжденъ, что время настало употребить его въ дѣло. Въ противномъ случаѣ я не поручусь ни за что»[239].

Правдивый голосъ Васильчикова не былъ удостоенъ вниманія. Князь Волконскій отвѣчалъ ему, что надо стараться заставить молчать молодежь, иначе число недовольныхъ будетъ увеличиваться. «Повѣрьте мнѣ», прибавлялъ князь Петръ Михайловичъ, «что если бы схватить нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые говорятъ болѣе другихъ и должны быть вамъ извѣстны какъ лица, стоящія во главѣ движенія, это бы заставило молчать многихъ другихъ; видя, что не терпятъ ихъ болтовни, они будутъ остерегаться, не желая подвергнуть себя непріятности»[240].

Приведемъ здѣсь поясненіе, данное лично государемъ относительно его политики въ разговорѣ съ Ла-Ферронэ; въ этомъ объясненіи проглядываетъ стараніе Александра связать свои прежніе взгляды съ новымъ направленіемъ, принятымъ русской политикой. «Чѣмъ я былъ, тѣмъ останусь теперь и останусь всегда», сказалъ императоръ. «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ любить ихъ; но можно ли вводить ихъ безразлично у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію». Затѣмъ государь слѣдующимъ образомъ объяснилъ Ла-Ферронэ участіе, принятое имъ въ меттерниховскихъ постановленіяхъ конгреса. «Австрія и Пруссія всегда хотѣли войны; такъ какъ Австрія въ этомъ дѣлѣ естественно призвана къ подобной роли, то я не могъ отдѣлиться отъ нея иначе, какъ разорвавши великій союзъ, что повело бы къ переворотамъ въ Италіи, а можетъ быть и въ Германіи, и я счелъ своею обязанностью скорѣе пожертвовать своимъ личнымъ взглядомъ, чѣмъ допустить до подобныхъ явленій. Притомъ, это вѣрный способъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархіи и нечестія, представляемому тайными обществами, подрывающими основы общественнаго порядка».

Во время конгреса гарнизонъ Лайбаха составлялъ пѣхотный полкъ, состоявшій исключительно изъ однихъ кроатовъ, православнаго исповѣданія. Передъ праздникомъ пасхи, 10-го (22-го) апрѣля, гарнизонъ просилъ чрезъ свое начальство позволенія отпраздновать пасху въ государевой походной церкви. По докладѣ о семъ императору Александру, онъ изъявилъ на это свое соизволеніе. Передъ всенощнымъ бдѣніемъ значительная часть гарнизона была введена въ залъ, занимаемый церковью, и въ другой, смежный съ нимъ. Ровно въ 12 часовъ ночи государь со свитою вошелъ въ церковь и занялъ мѣсто у праваго клироса. Неожиданно вмѣстѣ съ пѣвчими начали пѣть «Христосъ воскресе» и всѣ бывшіе въ церкви кроаты. «По окончаніи заутрени», пишетъ очевидецъ, «государь изволилъ христосоваться со всею своею свитою, а равно и со всѣми кроатами, а послѣ обѣдни, по повелѣнію императора, всѣ кроаты разгавливались во дворцѣ вмѣстѣ съ нашими русскими. Это произвело неописанный энтузіазмъ и особенную любовь и преданность къ нашему великому императору во всемъ гарнизонѣ, такъ что австрійскіе военные начальники замѣчали это очень неравнодушно»[241].

Во время пребыванія государя въ Лайбахѣ Сперанскій, окончивъ свои работы въ Сибири, прибылъ съ высочайшаго соизволенія въ Петербургъ. «Странствовалъ девять лѣтъ и пять дней», записалъ онъ въ своемъ дневникѣ.

По поводу этого событія графъ Аракчеевъ не замедлилъ сообщить императору Александру слѣдующія подробности:[242]

«Г. Сперанскій пріѣхалъ въ Петербургъ 21-го числа, послѣ обѣда, къ вечеру.

«По утру 22-го числа, рано, прислалъ ко мнѣ д. ст. с. Цейера съ объявленіемъ о своемъ пріѣздѣ и съ просьбою назначить ему того же утра часъ, въ который бы онъ могъ пріѣхать къ первому ко мнѣ.

«Въ первомъ часу, по назначенію моему, онъ пріѣхалъ ко мнѣ и между прочими разговорами сдѣлалъ мнѣ слѣдующіе три вопроса, на кои просилъ убѣдительнѣйше мое мнѣніе.

«1-й вопросъ. Представляться ли мнѣ во дворецъ къ императрицамъ?

«Мой отвѣтъ. Вы пріѣхали сюда сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, а всѣ генералъ- и военные губернаторы обыкновенно въ первое воскресенье представляются, слѣдовательно, я не нахожу причины, дабы и вы не должны были слѣдовать сему же общему порядку.

«2-й вопросъ Сперанскаго. Писать ли мнѣ о пріѣздѣ своемъ къ государю?

«Мой отвѣтъ. Государь о пріѣздѣ вашемъ будетъ извѣстенъ чрезъ обыкновенный рапортъ военнаго губернатора о всѣхъ пріѣзжающихъ

въ столицу; но есть ли вы разсудите и сами особымъ письмомъ донести государю императору о своемъ пріѣздѣ, то сіе ни какъ непротивно общему порядку вещей.

«3-й вопросъ Сперанскаго. Какъ ему вести себя: принимать ли къ себѣ всѣхъ, кто будетъ пріѣзжать, или по собственной склонности вести жизнь уединенную?

«Мой отвѣтъ. Сей вопросъ очень трудный, и его рѣшить можете одни сами вы сходно вашему желанію, а можетъ быть и по опытамъ, сдѣланнымъ вами при первыхъ посѣщеніяхъ.

«Анекдотъ разсказываетъ мнѣ Сперанскій. Дорога его была изъ деревни его, близъ Пензы находящейся, на Тамбовъ, Рязань и Москву. Въ Рязань онъ пріѣхалъ въ 6-ть часовъ утра, такъ что немногіе въ городѣ вставши были. Онъ узналъ, что Балашовъ въ Рязани, то и началъ бриться, дабы, одѣвшись, съѣздить къ нему, какъ черезъ полчаса по пріѣздѣ его, во время туалета, отворяются двери, и входитъ къ нему Балашовъ съ адъютантами[243]. Балашовъ просилъ его къ себѣ обѣдать, дабы онъ могъ ему представить всѣхъ чиновниковъ губерніи ему ввѣренной. Сперанскій упрашиваетъ его объ отмѣнѣ онаго, и соглашается обѣдать у него, но не иначе, какъ съ отмѣною сего представленія»[244].

Сперанскій не удовольствовался свиданіемъ съ графомъ Аракчеевымъ въ Петербургѣ; вскорѣ послѣ отъѣзда графа Алексѣя Андреевича въ Грузино онъ въ первой половинѣ мая посѣтилъ грузинскаго отшельника въ его монастырѣ. Здѣсь, въ удовлетвореніе желанія графа Аракчеева, Сперанскій объѣхалъ для подробнаго осмотра новгородскія военныя поселенія. Плодомъ этого объѣзда и вторичнаго посѣщенія поселеній въ 1823 году явилась брошюра Сперанскаго подъ заглавіемъ: о военныхъ поселеніяхъ, напечатанная графомъ Аракчеевымъ въ маломъ числѣ экземпляровъ въ 1825 году; на эту брошюру слѣдуетъ смотрѣть единственно какъ на жертву, принесенную бывшимъ государственнымъ секретаремъ своему положенію. Со свойственнымъ его перу искусствомъ, Сперанскій высказалъ въ ней общій взглядъ на устройство военныхъ поселеній, чтобы хотя нѣсколько примирить съ ними общественное мнѣніе, съ рѣдкимъ единодушіемъ осуждавшее это чудовищное учрежденіе.

Сперанскій подалъ также графу Аракчееву мысль написать общее учрежденіе военныхъ поселеній; но дѣло затянулось и не было осуществлено, вѣроятно, потому, что Аракчеевъ не пожелалъ сорвать таинственный покровъ, за которымъ скрывалось это учрежденіе съ самыхъ первыхъ дней его существованія; Сперанскій же хотѣлъ этимъ путемъ поставить законъ на мѣсто усмотрѣнія начальства. Этого-то именно Аракчеевъ и не желалъ, а потому подобныя предположенія и не могли осуществиться на дѣлѣ.

Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Отъѣздъ императора Александра изъ Хапалампангаса въ Калиу.

Съ литографіи того времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не смотря на все стараніе Сперанскаго не подать повода къ толкамъ о себѣ, ему не удалось тѣмъ не менѣе отстранить этого неизбѣжнаго явленія, вызваннаго пріѣздомъ въ столицу бывшаго любимца государя. Многіе ожидали обновленія дѣлъ и были убѣждены, что онъ снова вознесется на прежнюю высоту: одни полагали, что Аракчеевъ сдастъ ему все управленіе гражданскою частію, другіе указывали на него какъ на будущаго министра юстиціи[245]. Но всѣ ошиблись въ своихъ предположеніяхъ и самъ Сперанскій въ своихъ тайныхъ надеждахъ: въ царствованіе императора Александра ему уже не суждено было занять первенствующее положеніе.

Обратимся теперь снова къ Лайбахскому конгресу. Не успѣлъ Меттернихъ окончательно побороть политическія затрудненія, вызванныя итальянскимъ революціоннымъ движеніемъ, какъ въ Лайбахъ пришло извѣстіе о греческомъ возстаніи. Генералъ-маіоръ князь Александръ Ипсиланти, собравъ въ Бессарабіи отрядъ изъ грековъ, арнаутовъ и русскихъ удальцовъ, перешелъ 22-го февраля (6-го марта) Прутъ и вступилъ въ Яссы. Въ то же время валахскій бояринъ Ѳедоръ, прозванный Владиміреско, занялъ Бухарестъ. Вторженіе Ипсиланти и дѣятельность этеріи вызвали возстаніе грековъ въ Мореѣ и на Архипелагскихъ островахъ. Хотя событія на Балканскомъ полуостровѣ не имѣли ничего общаго съ броженіемъ умовъ въ западной Европѣ, Меттерниху удалось убѣдить императора Александра, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями, и что оно произведено по общему революціонному плану, чтобы повредить союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. На основаніи подложныхъ документовъ онъ установилъ связь Ипсиланти съ карбонаріями и существованіе тайныхъ происковъ послѣднихъ, имѣвшихъ цѣлью при содѣйствіи греческаго возстанія нарушить согласіе между Россіею и Австріею. Вмѣстѣ съ тѣмъ Меттерниху представился прекрасный случай окончательно поколебать довѣріе государя къ Каподистріи[246]. Въ радости своей австрійскій министръ восклицалъ, что Александръ просто изъ чернаго сталъ бѣлымъ[247]. Меттернихъ имѣлъ полное основаніе выражать свое удовольствіе и утверждать: «L'empereur Alexandre est ancré dans mon école».

Послѣдовалъ рядъ распоряженій въ духѣ этой школы.

Императоръ Александръ повелѣлъ барону Строгонову довести до свѣдѣнія Порты, что политика россійскаго монарха всегда будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой-либо страны, и что онъ ничего не желаетъ кромѣ постояннаго и точнаго соблюденія трактатовъ, существующихъ между обѣими державами. Кромѣ того, князь Ипсиланти былъ исключенъ изъ русской службы, и ему было объявлено, что государь не одобряетъ его предпріятія, и что онъ никогда не дол-

Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Развалины замка Каянаборга и водопадъ Эмме.

Съ литографіи того времени.

женъ надѣяться на помощь Россіи. Главнокомандующему же второю арміею графу Витгенштейну было предписано наблюдать строжайшій нейтралитетъ по отношенію къ событіямъ въ Придунайскихъ княжествахъ.

Успѣхи Ипсиланти были непродолжительны; турки вторгнулись въ Валахію, заняли Бухарестъ и вскорѣ нанесли ему рѣшительное пораженіе, послѣ котораго Ипсиланти бѣжалъ въ Австрію. гдѣ былъ заключенъ въ крѣпость.

Въ ожиданіи этой развязки Меттернихъ пришелъ въ идиллическое настроеніе и началъ странствовать по живописнымъ окрестностямъ Лайбаха. «Дипломаты», писалъ онъ, «совершаютъ продолжительныя прогулки. Вчера и я могъ выбраться въ свою очередь изъ города; это случилось въ первый разъ. Я вырвался изъ канцеляріи съ маленькимъ Нессельроде; мы провели за городомъ болѣе восьми часовъ. Нессельроде восторгается какъ ребенокъ, никогда не видавшій горъ выше прирейнскихъ»[248]. Меттернихъ хотя и гордился, что въ теченіе шести недѣль окончилъ двѣ войны и подавилъ двѣ революціи, и выражалъ надежду, что революція, вспыхнувшая на Востокѣ, не будетъ счастливѣе, но тѣмъ не менѣе она навела его на слѣдующія размышленія: «Усложненія, которыя могутъ возникнуть на востокѣ, не поддаются никакому разсчету. Быть можетъ, это пустяки; тамъ, по ту сторону нашихъ восточныхъ границъ, триста или четыреста тысячъ человѣкъ повѣшенныхъ, зарѣзанныхъ, посаженныхъ на колъ не считается ни во что!»

1-го (13-го) мая послѣдовалъ наконецъ отъѣздъ императора Александра изъ Лайбаха. Продолжительное пребываніе его въ австрійскихъ владѣніяхъ послужило къ прочному и дружескому сближенію государя съ императоромъ Францемъ, и Меттернихъ съ самодовольствомъ отмѣтилъ этотъ фактъ въ своей перепискѣ. «Въ настоящее время есть вещь не подлежащая сомнѣнію», пишетъ онъ, «а именно: нѣтъ силы, которая могла бы разъединить ихъ нынѣ»[249]. Съ этого времени императоръ Александръ вполнѣ освоился съ убѣжденіемъ. вслѣдствіе котораго австрійская и русская арміи являлись въ его глазахъ въ качествѣ большихъ дивизій великой арміи порядка, которымъ суждено совмѣстно побѣждать общихъ враговъ[250].

Обратное путешествіе въ Россію императоръ Александръ предпринялъ не черезъ Вѣну, но прослѣдовалъ на Офенъ, а затѣмъ по Венгріи и Галиціи въ Варшаву. Это обстоятельство, по замѣчанію одного изъ спутниковъ государя. не очень было пріятно австрійскому правительству въ виду встрѣчавшагося на этомъ пути славянскаго населенія. Въ Офенѣ императоръ остановился у палатина венгерскаго и посѣтилъ мѣсто погребенія великой княгини Александры Павловны.

Въ Варшавѣ графъ Каподистріа доложилъ государю о печальныхъ извѣстіяхъ, привезенныхъ константинопольскимъ курьеромъ. Повсемѣстное возстаніе грековъ послужило сигналомъ къ избіенію христіанъ. Въ Константинополѣ патріархъ Григорій, семидесяти-четырехъ-лѣтній старецъ, въ день св. Пасхи былъ схваченъ у алтаря и повѣшенъ въ полномъ облаченіи у входа въ церковь; затѣмъ жидамъ позволили снять его трупъ и волочить его по улицамъ вплоть до берега моря, куда и бросили его съ тѣлами другихъ убитыхъ. По всей Турціи расправа съ христіанами сопровождалась потоками крови. Три митрополита: ефесскій, никомидійскій и ахіольскій и восемь другихъ лицъ изъ высшаго греческаго духовенства также были преданы смертной казни.

Въ письмѣ барона Строгонова къ графу Нессельроде, отъ 15-го (27-го) апрѣля, русскій посолъ, исполненный чувства глубокаго негодованія, говорилъ, что по сдержанности ноты, которую онъ представилъ Портѣ по поводу происшедшей гнусной катастрофы, можно судить объ усиліи, потребовавшемся съ его стороны, чтобы сдержать себя. «До сихъ поръ», пишетъ Строгоновъ, «я дѣйствовалъ только какъ христіанинъ. Прикажите мнѣ говорить отъ имени императора, укажите, въ какихъ именно выраженіяхъ я долженъ исполнить это, свяжите меня, если возможно, по рукамъ и по ногамъ, чтобы я не могъ сказать болѣе чѣмъ слѣдуетъ». Въ заключеніе своего письма Строгоновъ умолялъ скорѣе прислать курьера, до появленія котораго онъ будетъ считать минуты, и если тотъ застанетъ его живымъ, то, какъ выражался посолъ: «je manierai avec ferveur les foudres du chef révéré de l'église orthodoxe».

Ознакомившись съ содержаніемъ присланныхъ изъ Константинополя бумагъ, императоръ Александръ, работая съ Каподистріею, отложилъ до пріѣзда въ Петербургъ составленіе инструкцій, которыя необходимо было дать барону Строгонову соотвѣтственно съ его положеніемъ, становившимся болѣе и болѣе затруднительнымъ и опаснымъ.

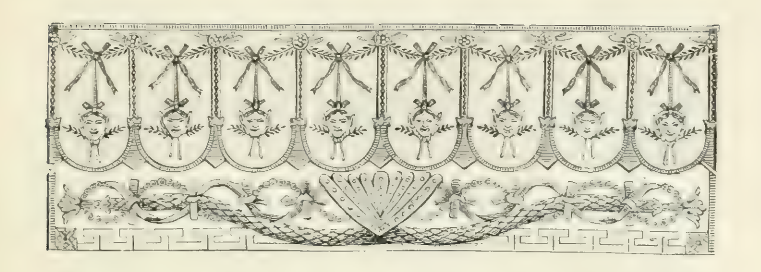
24-го мая (5-го іюня) 1821 года императоръ Александръ возвратился въ Царское Село послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ.

Обстоятельства, среди которыхъ состоялось наконецъ давно ожидавшееся возвращеніе государя въ отечество, были далеко не радостныя. Съ одной стороны греческій вопросъ грозилъ втянуть Россію въ войну съ Турціею, которая между тѣмъ шла бы въ разрѣзъ съ политикой, усвоенной Александромъ на недавнихъ конгресахъ, и съ принятыми имъ на себя тамъ обязательствами. Съ другой стороны государю предстояло узнать подробности политическаго заговора, начинавшаго распространяться въ Россіи. Было надъ чѣмъ призадуматься! Въ довершеніе же всѣхъ бѣдъ, всѣ эти роковые вопросы предстояло рѣшить человѣку усталому, надломленному душевно и тѣлесно, уклонившемуся постепенно, си-

лою обстоятельствъ, на ложный путь и заведшему Россію въ такой лабиринтъ, откуда ей можно было выбраться только кровавымъ путемъ[251].

«Александръ», повѣствуетъ князь П. А. Вяземскій, «въ послѣднее десятилѣтіе уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ годовъ. Онъ прошелъ школу событій и тяжкихъ испытаній. Либеральные помыслы его и молодыя сочувствія болѣзненно были затронуты грубой дѣйствительностью. Заграничныя революціонныя движенія, домашній бунтъ, неурядицы, строптивыя замашки Варшавскаго сейма, на который еще такъ недавно онъ полагалъ лучшія свои упованія, догадки и болѣе чѣмъ догадки о томъ, что и въ Россіи замышлялось что-то недоброе, всѣ эти признаки, болѣзненные симптомы, совокупившіеся въ одно цѣлое, не могли не отразиться сильно на впечатлительномъ умѣ Александра... Въ Александрѣ не могло уже быть прежней бодрости и самонадѣянности. Онъ вынужденъ былъ сознаться, что добро не легко совершается, что въ самихъ людяхъ часто встрѣчается какое-то необдуманное, тупое противодѣйствіе, парализующее лучшіе помыслы, лучшія заботы о пользѣ и благоденствіи ихъ... Тяжки должны быть эти разочарованія и суровыя отрезвленія. Александръ ихъ испыталъ: онъ извѣдалъ всю ихъ уязвительность и горечь. Строгіе судьи, умозрительные и безпощадные, могутъ, конечно, сказать, что человѣкъ съ твердою волею, одаренный могуществомъ духа, долженъ всегда оставаться выше подобныхъ житейскихъ невзгодъ и сопротивленій. Можетъ быть. Но мы не чувствуемъ въ себѣ достаточной силы, чтобы пристать къ этимъ строгимъ приговорамъ. Мы полагаемъ, что если и были ошибки, то многія изъ нихъ были искуплены подобными испытаніями и подобнымъ горемъ. Мы здѣсь не осмѣливаемся судить: мы можемъ только сострадать»[252].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Немедленно послѣ возвращенія императора Александра генералъ-адъютантъ Васильчиковъ поспѣшилъ къ нему въ Царское Село, чтобы довести до свѣдѣнія государя тайну, уже столько мѣсяцевъ угнетавшую его страшною отвѣтственностью, и которую онъ никому не считалъ себя въ правѣ повѣрить.

Тогда произошла слѣдующая замѣчательная сцена.

Васильчиковъ сначала докладывалъ о текущихъ дѣлахъ. Государь сидѣлъ за письменнымъ столомъ, Васильчиковъ напротивъ. Окончивъ докладъ, онъ сказалъ государю, что имѣетъ передать ему доносъ о политическомъ заговорѣ, поданный ему во время отсутствія императора, незадолго до происшествія въ Семеновскомъ полку; вмѣстѣ съ тѣмъ Васильчиковъ представилъ приложенный къ доносу списокъ лицъ, участниковъ этого заговора.

Государь, выслушавъ эти разоблаченія, которыя, повидимому, не были для него неожиданны, долго оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, погрузившись въ глубокое и тихое размышленіе; потомъ онъ произнесъ по-французски слѣдующія слова, имѣющія важное историческое значеніе: «Mon cher Wassiltschikoff! Vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs»[253]. Послѣ долгаго молчанія Александръ прибавилъ еще: «Ce n' est pas à moi à sévir».

Итакъ, вотъ на какомъ рѣшеніи остановился императоръ Александръ: «Не мнѣ подобаетъ карать».

Дѣйствительно, Александръ долженъ былъ признать, что стремленія тайныхъ обществъ не шли въ разрѣзъ съ его прежними убѣжденіями и что, слѣдовательно, преслѣдовать членовъ этихъ обществъ значило бы преслѣдовать самого Александра 1801-го и послѣдующихъ годовъ.

Съ этого же времени въ рукахъ государя находилась еще записка о тайныхъ обществахъ генералъ-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, занимавшаго тогда мѣсто начальника штаба гвардейскаго корпуса. Въ этой запискѣ описаны существовавшія тогда въ Россіи тайныя общества съ такою точностью и вѣрностью, что почти все сказанное въ ней подтвердилось слѣдствіемъ 1826 года; поэтому записка Бенкендорфа имѣетъ поразительное сходство съ извѣстнымъ донесеніемъ слѣдственной коммиссіи, написаннымъ Блудовымъ. Такимъ образомъ оказывается, что и въ 1821 году императоръ Александръ уже имѣлъ въ рукахъ положительныя свѣдѣнія о заговорахъ, но не приступилъ къ обнаруженію ихъ, не смотря на то, что Бенкендорфъ назвалъ всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и далъ правительству указанія, по которымъ легко было своевременно предупредить готовившійся взрывъ съ меньшими жертвами, чѣмъ это оказалось нужнымъ впослѣдствіи. Послѣ кончины императора Александра записка Бенкендорфа была найдена безъ всякихъ помѣтокъ въ кабинетѣ государя въ Царскомъ Селѣ[254].

Содержаніе этой записки слѣдующее:

«Въ 1814 году, когда войска русскія вступили въ Парижъ, множество офицеровъ приняты были въ масоны и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Послѣдствіемъ сего было, что они напитались гибельнымъ духомъ партій, привыкли болтать то, чего не понимаютъ, и, изъ слѣпого подражанія, получили не наклонность, но, лучше сказать, страсть заводить подобныя тайныя общества у себя. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли; другіе, напротивъ того, мечтали лишь о политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободномыслящихъ (либеральныхъ), точнѣе, своевольномыслящихъ, была введеніе конституціи или, собственно, такого образа правленія, подъ кото-

Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Императоръ Александръ на развалинахъ замка Каянаборга.

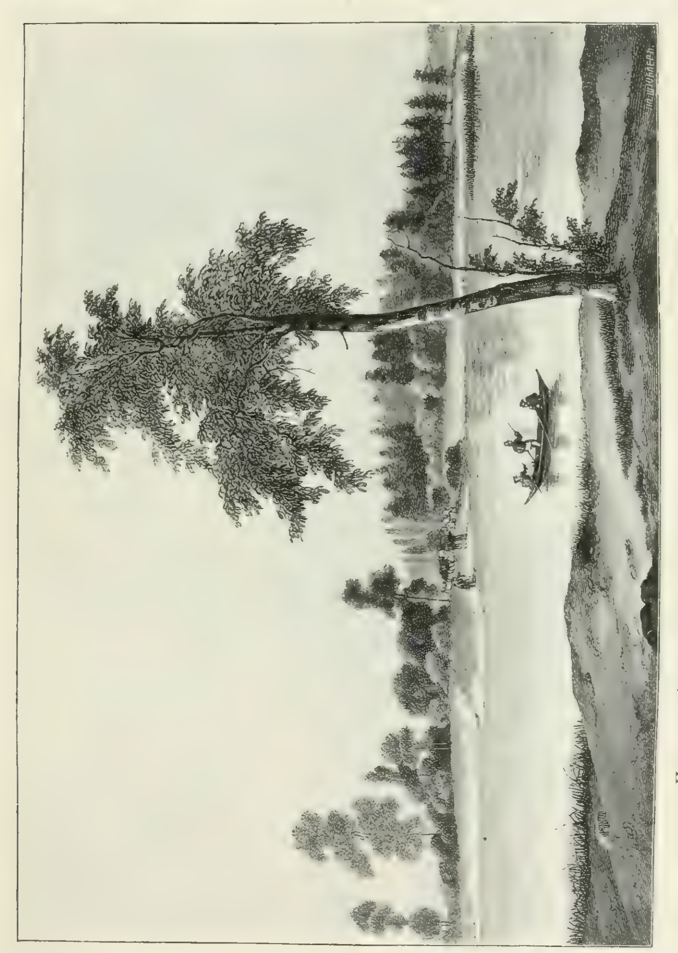
Съ литографіи того времени.

рымъ своеволіе ничѣмъ не было бы удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать предоставлена была бы полная воля. Разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись занять высшія мѣста въ правительствѣ и, не опасаясь потери (потому что не имѣли ничего), воспользоваться выгодами переворота. Съ поверхностными большею частію свѣдѣніями, воспламеняемые искусно написанными рѣчьми и мелкими сочиненіями корифеевъ революціонной партіи, не понимая, что такое конституція, часто не смысля, какъ привести собственныя дѣла въ порядокъ, и состоя большею частію въ нижнихъ чинахъ, мнили они управлять государствомъ. Для прикрытія сколько-нибудь своего невѣжества бросились они къ изученію политическихъ наукъ и стали посѣщать частно преподаваемые курсы, гдѣ поверхностно ослѣпляли ихъ блескомъ выраженій и глушили громкими, но пустыми словами. Слабый умственный желудокъ ихъ, не имѣя предварительныхъ основаній въ вспомогательныхъ наукахъ, не сваривалъ сочиненій лучшихъ писателей, отъ чего и все ихъ просвѣщеніе было мишурное.

«Стремленіе сіе особенно замѣтно было въ столицѣ, гдѣ представляется болѣе удобностей доставать правительствомъ запрещаемыя, по вреднымъ правиламъ, сочиненія. Можетъ быть, споспѣшествовало сему близкое нахожденіе вмѣстѣ множества офицеровъ, какое-то взаимное соревнованіе и вліяніе людей, кои скрытно подкрѣпляли сіе броженіе умовъ.

«Само собою разумѣется, что необычайное воспаленіе не могло быть продолжительно. Лѣта, развлеченіе, занятія и переходы по службѣ охладили и развлекли многихъ; заведенныя между ими разныя общества рушились; сохранившееся же долѣе прочихъ, и съ которымъ нѣкоторыя слились, было общество подъ названіемъ Союза Благоденствія. Правила онаго составляли особенную книгу, названную по цвѣту обертки Зеленою Книгою. Она раздѣлялась на двѣ части, а послѣдняя на четыре отдѣленія. Написанная темнымъ, мистическимъ слогомъ, она составляла смѣсь изъ правилъ разныхъ тайныхъ обществъ, съ весьма нескладнымъ примѣненіемъ къ отечественному. Краткая первая часть давалась для прочтенія принимаемымъ по взятіи отъ нихъ подписки не открывать ничего; вторая часть сообщалась посвященнымъ уже въ тайны. Главныя правила относились къ попеченію объ усовершенствованіи наукъ, художествъ, всѣхъ вѣтвей государственнаго хозяйства, судопроизводства и пр. Такимъ образомъ, даже и для самихъ членовъ, менѣе опытныхъ, прикрыта была тайная цѣль главныхъ руководителей — возымѣть вліяніе на всѣ отрасли правительства, чего частныя лица отнюдь присвоивать не могутъ. Средства къ тому избраны: распускаемые слухи, разсказы въ обществахъ, сочиненія, особенно журнальныя статьи, какъ болѣе и скорѣе расходящіяся, дабы дать направленіе общему мнѣнію и нечувствительно приготовить всѣ сословія. Есть многое, до чего, какъ

до больного мѣста, чтобъ не почувствовать, не должно прикасаться; но частыя напоминанія и, такъ сказать, безпрестанныя атаки по заведенной системѣ на понятія о рабствѣ, цѣпяхъ, неволѣ, тиранствѣ, нена-

Путешествіе императора Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Переправа императора Александра черезъ рѣчку близъ деревни Вуоталаксъ.

Съ литографіи того времени.

блюденіи правосудія и пр., врѣзываясь въ памяти, давали бы дурное мнѣніе и поселяли бы отвращеніе отъ существующаго очерняемаго порядка и желаніе перемѣнъ. Первымъ шагомъ для привлеченія низшаго состоянія почитались: освобожденіе крестьянъ, къ чему каждый членъ

былъ обязываемъ, и распространеніе училищъ взаимнаго обученія. Научивши простой народъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ одному только чтенію, скорѣе подѣйствовали бы приготовленными въ духѣ и по смыслу ихъ маленькими сочиненіями, начавъ самыми невинными: сказками, повѣстями, пѣснями, краткими наставленіями и пр., чтобъ ихъ заохотить, чему и сдѣланы опыты.

«Главные члены составляли коренную управу и избирали изъ себя на каждые четыре мѣсяца: предсѣдателя, блюстителя (то же, что прокуроръ) и четырехъ предсѣдателей отдѣленій. Они собирались еженедѣльно для совѣщаній и, по крайней мѣрѣ, однажды въ мѣсяцъ созывали всѣхъ наличныхъ членовъ сей управы. Общество имѣло свою печать (улей со пчелами) и архивъ, кои хранились у блюстителя, а суммы (взносъ членами десятой доли дохода) въ ломбардѣ. Переписка производилась темнымъ слогомъ, чрезъ нарочно посылаемыхъ. Члены, приготовляемые мало-по-малу для управы или долженствовавшіе только служить орудіями, составляли побочныя управы, подъ предсѣдательствомъ одного члена коренной, назывались для прикрытія разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, подъ видомъ литературныхъ вечеровъ или, просто, пріятельскихъ обществъ, собирались какъ можно чаще. Принятіе новыхъ членовъ сходствовало вообще съ наблюдаемыми въ тайныхъ обществахъ, съ меньшими только обрядами. Если кто вновь предлагаемъ былъ однимъ членомъ или кого желали, то, по довольномъ испытаніи, давали ему глухое понятіе объ обществѣ и, никогда не открывая вдругъ всѣхъ членовъ, вперяли объ участіи многихъ сильныхъ лицъ, дабы тѣмъ болѣе привлечь и устрашить. Послѣ сего предлагаемо было въ коренной управѣ, и для принятія требовалось согласіе всѣхъ членовъ оной.

«Предсѣдатели побочныхъ управъ получали отъ коренной наставленіе: чѣмъ занимать своихъ членовъ, какія читать и распространять сочиненія, какіе разглашать слухи и выдумывать каррикатуры, кого изъ знатныхъ стараться чернить въ общемъ мнѣніи, какъ судить о дѣйствіяхъ правительства и пр. Люди, неодинаково съ ними мыслившіе, извѣстны были подъ названіемъ: «Бабушкина вѣку», то есть, мыслившихъ какъ было при покойной государынѣ Екатеринѣ II, «раболѣпствующихъ», то же, что испанскіе «serviles». Для большей удобности и успѣха въ дѣйствіяхъ положено было имѣть не менѣе 8-ми и не болѣе 12-ти членовъ въ побочныхъ управахъ; когда число ихъ возрастало, отдѣлялась новая управа. Каждый членъ обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія своей управы обо всемъ, что только могъ узнать. Предсѣдатели представляли о томъ коренной управѣ. Въ необходимую также обязанность постановлялось отыскивать и привлекать въ свое общество всѣхъ людей съ дарованіями, въ особенности пользующихся довѣрен-

Княгиня Ловичъ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1877 года.

ностію тѣхъ особъ, кои занимаютъ важныя мѣста. Такимъ образомъ надѣялись знать всѣ тайны правительства и во всякомъ случаѣ быть въ безопасности: ибо члены таковые тотчасъ бы предостерегали ихъ. Изъ войскъ положено было набрать самое большое число приверженцевъ въ гвардіи; въ арміи же имѣть на своей сторонѣ только нѣсколько полковыхъ командировъ, рѣшительныхъ и на все готовыхъ, дабы побужденіемъ ихъ и примѣромъ гвардіи слѣпо увлечь всю армію. Центромъ всѣхъ дѣйствій сначала былъ Петербургъ, послѣ избрана Москва, для привлеченія живущаго тамъ дворянства. Главу положено было избрать,

когда было бы уже все готово, изъ вельможъ, уважаемыхъ войскомъ и народомъ и недовольныхъ правительствомъ. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Франціи и на графа Воронцова, на котораго дѣйствовали Тургеневы. Общество съ нетерпѣніемъ ожидало, что въ Пруссіи послѣдуетъ насильственный переломъ правленія, послѣ чего Польша не умедлила бы тому послѣдовать, и такимъ образомъ надѣялись подать руку съ сѣвера безпокойному югу. Они не могли скрыть глупой радости при происшествіяхъ въ Испаніи и Неаполѣ и готовы были бы на все, чтобы принудить государя возвратиться скорѣе и не допустить имѣть близкое дѣятельное участіе въ успокоеніи Европы.

«Первоначальные члены общества были почти всѣ молодые гвардейскіе офицеры: Муравьевы (три Главнаго Штаба: полковникъ Александръ, вышедшій въ отставку послѣ того, какъ въ Москвѣ посаженъ былъ подъ арестъ; братъ его безногой; Никита, вышедшій также въ отставку, когда не былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, и четвертый, бывшій въ прежнемъ Семеновскомъ полку); Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна; князь Трубецкой, бывшій въ Семеновскомъ полку и теперь заграницею; Бибиковъ, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича; князь Долгорукій, гвардейской артиллерійской бригады, бывшій адъютантъ графа Аракчеева; два Фонъ-Визина (одинъ, бывши полковымъ командиромъ, пріуготовлялъ офицеровъ своего Егерскаго полка); Перовскій (теперь оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса); Шиповъ, настоящій полковой командиръ полка наслѣднаго принца прусскаго; Новиковъ, надворный совѣтникъ, бывшій въ Саксоніи при генералъ-адъютантѣ Репнинѣ и послѣ правителемъ канцеляріи его же, малороссійскаго военнаго губернатора, теперь въ отставкѣ. Изъ нихъ Перовскій и Шиповъ мало-по-малу отстали, о Пестелѣ утвердительно неизвѣстно.

«Дѣйствія сего общества въ 1818 году получили новую дѣятельность, и число членовъ возросло болѣе двухсотъ. Мало-по-малу привлечено множество офицеровъ Главнаго Штаба, изъ полковъ же наиболѣе въ Измайловскомъ, бывшемъ Семеновскомъ, Егерскомъ, Московскомъ, Конной-гвардіи[255] и гвардейской артиллеріи. Примѣчательнѣйшіе по ревности: Бурцовъ, фонъ-деръ-Бригенъ, два Колошина, Оленинъ, Копыловъ, Кутузовъ, Горсткинъ, Нарышкинъ, Корсаковъ и другіе; изъ постороннихъ: Николай Тургеневъ, полковникъ Глинка и Семеновъ (молодой человѣкъ, служившій въ канцеляріи министра князя Голицына, занимавшій мѣсто секретаря въ обществѣ и руководимый Тургеневымъ и Глинкою).

«По выходѣ полковника Муравьева въ отставку и назначеніи Бурцова адъютантомъ къ генералу Киселеву коренная управа раздѣ-

лилась на три вѣтви, имѣвшія постоянную связь. Въ Петербургѣ приняли управленіе Тургеневъ, фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка (изъ нихъ у послѣдняго и у Колошина бывали засѣданія). въ Москвѣ Муравьевы, въ Тульчинѣ Бурцовъ. Вліяніемъ ихъ и Фонъ-Визина вступили въ общество: Михаилъ Орловъ, Граббе, Реадъ, Юшневскій, Пржевскій и пр. Орловъ брался вовлечь Мамонова; Тургеневъ, фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка молодыхъ графовъ Шереметева и Безбородку-Кушелева, для лучшаго успѣха надъ которыми полагали приставить способныхъ наставниковъ. То же предполагалось и съ другими богатыми, особенно, молодыми помѣщиками. Тургеневъ, дававшій главное направленіе, брался съ профессоромъ Куницынымъ издавать журналъ, по самой дешевой цѣнѣ для большаго расхода, полагая издержки на счетъ общества, въ которомъ бы помѣщать статьи, къ цѣли общества относящіяся. Содѣйствовать сему обязаны были всѣ члены; также брались: Чаадаевъ (воспитывавшійся еще для общества), Кюхельбекеръ (молодой человѣкъ съ пылкой головой, воспитанный въ Лицеѣ, теперь заграницею съ Нарышкинымъ) и другіе. Въ одной изъ отдаленныхъ деревень кого либо изъ членовъ намѣревались завести типографію и какъ литеры, отливъ на старинный шрифтъ, такъ и все нужное выписать изъ-за границы; Глинка и Тургеневъ полагали успѣшнѣйшимъ, чрезъ находящихся заграницею членовъ, литографировать въ Парижѣ, особенно, каррикатуры и, ввозя чрезъ нихъ же, распускать въ народѣ на толкучемъ рынкѣ, разсылать въ армію и по губерніямъ. Тургеневъ настаивалъ преобразовать общество совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ назваться между собою другими именами.

«Не смотря на все сіе, ревность многихъ ослабѣвала; другіе, вовлеченные не постигая всей цѣли, понявши оную, отставали; нѣкоторые отдѣлялись и заводили между собою общества. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ князь Долгорукій и Бибиковъ, основавшіе особое общество на Охтѣ. Неосторожность и неумѣстные разсказы еще болѣе разстраивали и подали поводъ къ опаснымъ происшествіямъ. Изъ нихъ примѣчательнѣйшее—случившееся въ Москвѣ, гдѣ принятый Муравьевымъ секретарь Правительствующаго Сената Хавскій требовалъ денегъ, угрожая открыть все.

«Сіе заставило ревностнѣйшихъ членовъ составить въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго года чрезвычайное засѣданіе въ Москвѣ. Тамъ были изъ главнѣйшихъ, кромѣ Муравьевыхъ, Николай Тургеневъ, Глинка (которому общество выдало на путевыя издержки 1000 р.), Михаилъ Орловъ, два Фонъ-Визина, Граббе, Комаровъ. Собранія бывали у Фонъ-Визина и Тургенева. Мнѣнія о приведеніи въ порядокъ дѣлъ были несогласны. Орловъ, ручаясь за свою диви-

зію, требовалъ полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію, настаивалъ объ учрежденіи «Невидимыхъ братьевъ», которые бы составляли центръ и управляли всѣмъ; прочихъ раздѣлить на языки (по народамъ: греческій, еврейскій и пр.), которые какъ бы лучи сходились къ центру и приносили дани, не вѣдая кому; о заведеніи типографіи въ лѣсахъ, даже дѣланіи тамъ фальшивыхъ ассигнацій для доставленія обществу потребныхъ суммъ. Не смотря на признаваемую нелѣпость сихъ требованій, сдѣланныхъ, можетъ быть, Орловымъ для того, чтобы найти предлогъ отстать отъ общества, ибо, по несовмѣстности, невозможно было ожидать принятія, но, кажется, что они бы еще сладили, какъ Граббе объявилъ, что въ разговорахъ съ бригаднымъ генераломъ Васильчиковымъ слышалъ: «Генералъ, говоря съ Краснокутскимъ, жалѣлъ, что нѣтъ между офицерами дружескихъ обществъ; послѣдній отвѣчалъ, что есть очень большое и имѣющее значительныхъ членовъ. Вѣроятно, что такой странный отвѣтъ возбудилъ подозрѣніе генерала, и онъ разспрашивалъ подробнѣе у Граббе, не знаетъ ли чего о семъ обществѣ». Извѣстіе сіе потревожило собравшихся въ Москвѣ; они полагали, что генералъ Васильчиковъ сообщитъ навѣрно о семъ брату своему, командующему гвардейскимъ корпусомъ, и такимъ образомъ правительство, имѣя въ рукахъ своихъ нить, можетъ сдѣлать нѣкоторыя открытія. Послѣ сего сожжены всѣ бумаги, и общество закрыто. Николай Тургеневъ, возвратясь въ Петербургъ, разсылалъ чрезъ Семенова къ членамъ письменное о семъ объясненіе, въ которомъ между прочимъ сказано: «Общество дѣйствовало для доброй цѣли и употребляло одни благородныя средства. Правительство, подозрительное, особенно послѣ новѣйшихъ происшествій въ Европѣ, не разбираетъ средствъ, готово всѣмъ пожертвовать, и неудивительно, если откроетъ».

«Такимъ образомъ кончилось существованіе Союза Благоденствія. Конечно, большая часть членовъ онаго были обольщены наружностію и вступили не постигая цѣли; но нѣкоторыхъ изъ нихъ, кажется, никогда не должно упускать изъ вида. Весьма вѣроятно, что они желаютъ только освободиться отъ излишняго числа съ малымъ разборомъ навербованныхъ членовъ, коимъ неосторожно открыли все, составить скрытнѣйшее общество и дѣйствовать подъ завѣсою безопаснѣе[256].

«Кажется, что наиболѣе должно быть обращено вниманіе на слѣдующихъ людей:

«1) Николая Тургенева, который ни мало не скрываетъ своихъ правилъ, гордится названіемъ якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святого, готовъ всѣмъ пожертвовать въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ. Его-то наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслей.

«2) Өедора Глинку. Слабый человѣкъ сей, которому нѣкоторые успѣхи въ словесности и еще болѣе лесть совершенно вскружили голову, который помѣшался на томъ, чтобъ быть членомъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ обществъ, втирается во всѣ знатные домы, рыскаетъ ко всѣмъ виднымъ людямъ, заводитъ связи, гдѣ только можно; для приданія себѣ важности разсказываетъ каждому за тайну, что узналъ по

Сэръ Гудсонъ Ловъ.

Съ гравированнаго портрета Фреми.

должности или по слабости начальника; посѣщаетъ всѣ открываемые курсы; посылаетъ во всѣ журналы статьи, изъ коихъ многія не весьма внимательно разсмотрѣны цензурою, и какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, кстати и некстати, прилѣпляетъ политику, которой вовсе не постигаетъ, но блескомъ выраженій и заимствованными мыслями слѣпитъ неопытныхъ.

«3) Фонъ-деръ-Бригенъ, по короткой связи съ Тургеневымъ, пріобрѣтенной совмѣстнымъ ученіемъ въ нѣмецкихъ университетахъ.

Кажется, что связи по женитьбѣ долженствовали бы его нѣсколько образумить.

4) Всѣхъ Муравьевыхъ, недовольныхъ неудачею по службѣ и жадныхъ возвыситься.

«5) Фонъ-Визины и Граббе, судя по разсказамъ имѣющихъ съ ними короткія связи и по дѣйствіямъ ихъ, готовы на все.

«6) Михайло Орловъ, кажется, послѣ женитьбы своей, началъ отставать отъ того образа мыслей, которымъ восхищались приверженцы въ его рѣчи Библейскаго общества, перепискѣ съ Бутурлинымъ и пр.

«7) Бурцовъ, при добрыхъ правилахъ и разсудкѣ, болѣе, кажется, вовлеченъ и подъ добрымъ надзоромъ могъ бы еще исправиться.

«При судебномъ изслѣдованіи трудно будетъ открыть теперь что-либо о семъ обществѣ: бумаги онаго истреблены, и каждый для спасенія своего станетъ запираться; но правительство легко можетъ удостовѣриться въ истинѣ, поручивши наблюденіе за сими людьми, ихъ связями и пр., и вслѣдствіе того принять на будущее время надлежащія мѣры. Необходимо, однако, при семъ сказать, что сего наблюденія вовсе не можно поручить настоящему господину с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, который окруженъ людьми, участвующими въ обществѣ или приверженными имъ.

«Въ заключеніе должно сказать, что буйныя головы обманулись бы въ безсмысленной надеждѣ на всеобщее содѣйствіе. Исключая столицу, гдѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, много найдется способнаго воспламениться при обольстительныхъ средствахъ, исключая Остъ-Зейскія губерніи, лучшее дворянство которыхъ, получая воспитаніе заграницею, мало имѣетъ отечественнаго,—утвердительно можно сказать, что внутри Россіи и не мыслятъ о конституціи. Дворянство, по одной уже привязанности къ личнымъ своимъ выгодамъ, никогда не станетъ поддерживать какой-либо переворотъ; о низшихъ же сословіяхъ и говорить нечего. Чернь всегда и вездѣ была и будетъ чернью. Если бы нашлись, противъ чаянія, люди съ добрыми даже правилами, кои, ослѣпляясь скрытнымъ честолюбіемъ и не постигая собственной гибели, стали споспѣшествовать безпокойнымъ затѣйникамъ, то такихъ очень немного. Русскіе столько привыкли къ образу настоящаго правленія, подъ которымъ живутъ спокойно и счастливо, и который соотвѣтствуетъ мѣстному положенію, обстоятельствамъ и духу народа, что и мыслить о перемѣнахъ не допустятъ. Отрицать, впрочемъ, невозможно, что есть зародышъ безпокойнаго духа въ войскахъ, особенно въ гвардіи, прильнувшій, такъ сказать, отъ иноземцевъ во время нахожденія заграницею и поддержанный стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ; но войска, сами по себѣ, ни на что не рѣшатся, а могли бы развѣ послужить орудіемъ для другихъ, какъ пагубные новѣйшіе примѣры въ другихъ

странахъ доказали. При бдительномъ надзорѣ и кроткихъ, но постоянныхъ мѣрахъ сіе можетъ быть постепенно отвращено. Между прочимъ, весьма не худо бы казалось, чтобы офицеры, какъ люди, до поступленія еще на службу совершенно приготовившіеся, перестали посѣщать частно преподаваемые курсы, особенно, политическихъ наукъ, поверхностное изученіе которыхъ, безъ предварительныхъ прочныхъ основаній и безъ пособія другихъ наукъ, наноситъ величайшій вредъ. Сіе полузнаніе поставляетъ въ такое сомнительное положеніе, въ которомъ воображеніе воспламенено, духъ встревоженъ, а умъ, блуждая во мракѣ безъ руководителя, ищетъ того, чего не видитъ и не постигаетъ, и кончаетъ тѣмъ, что или еще болѣе возрастаетъ сомнѣніе, или же приводитъ на скользкій путь заблужденій».

Вотъ къ какимъ заключеніямъ пришелъ въ своей запискѣ А. Х. Бенкендорфъ, будущій шефъ жандармовъ императора Николая. Не подлежитъ сомнѣнію, что фактической стороною его записки правительство могло бы воспользоваться тогда съ большой для себя пользою; слѣдуя его указаніямъ, можно было бы въ то время соотвѣтственными мѣрами, немедленно принятыми, предупредить бѣдствія, угрожавшія въ будущемъ государственному строю Россіи. Но, какъ уже выше упомянуто, императоръ Александръ оставилъ записку безъ вниманія; мало того, она, кажется, навлекла на Бенкендорфа даже нѣкоторую немилость[257]. 1-го декабря 1821 года генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ покинулъ штабъ гвардейскаго корпуса и назначенъ былъ начальникомъ 1-й гвардейской кирасирской дивизіи.

Самую слабую часть приведенной выше записки Бенкендорфа составляютъ разсужденія его о томъ, почему во второй половинѣ царствованія императора Александра въ Россіи зародились и развивались съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ тайныя общества.

Въ то время какъ послѣ 1815 года императоръ Александръ представлялъ уже собою усталаго мученика, погрузившагося въ мистическія созерцанія и колебавшагося между возроставшимъ все болѣе вліяніемъ графа Аракчеева и собственными убѣжденіями, усвоенными въ дни молодости, событія 1812 года отразились совершенно инымъ образомъ на движеніи русской общественной мысли. Отечественная война, напротивъ того, сопровождалась для Россіи необыкновеннымъ подъемомъ духа и замѣчательнымъ пробужденіемъ общественнаго сознанія. Продолженіе борьбы съ Наполеономъ за предѣлами Россіи привело войска Александра въ Парижъ. Эта вынужденная военная прогулка расширила кругозоръ русскихъ людей; они ознакомились съ европейскими порядками, стали ближе къ теченію европейской мысли и почувствовали влеченіе къ политическимъ сужденіямъ. Весьма естественно, что русскіе люди начинали сравнивать отечественные порядки съ положеніемъ об-

щественнаго строя заграницею. Пробудился неудержимый порывъ къ критикѣ и къ сравненію; отнынѣ имъ уже было трудно примиряться съ усвоенными прежде рамками русской жизни и традиціонными порядками.

Спрашивается, что же представилось взорамъ русскихъ побѣдителей, освободившихъ Европу, при возвращеніи ихъ въ отечество: полнѣйшее неуваженіе къ правамъ личности, насильственное введеніе чудовищныхъ военныхъ поселеній, подвиги Магницкаго и другихъ сходныхъ съ нимъ дѣятелей по народному просвѣщенію, наконецъ, полный расцвѣтъ крѣпостного права. Сверхъ всего этого, утонченныя требованія, господствовавшія тогда по фронтовой службѣ, довершали среди военныхъ развитіе общаго неудовольствія. Поэтому, нисколько не удивительно, что бѣдствія, тяготѣвшія тогда надъ русскимъ народомъ, нашли себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ людей, охваченныхъ въ ту пору сильнымъ патріотическимъ воодушевленіемъ[258].

Естественнымъ послѣдствіемъ этой нерадостной обстановки русской жизни явился скрытый протестъ, приведшей къ учрежденію тайныхъ обществъ, въ виду отсутствія, при тогдашней полной безгласности, возможности политическихъ сужденій съ вѣдома правительства. Такимъ образомъ совершилось замѣчательное явленіе: съ одной стороны русская общественная мысль искала себѣ исхода и разрѣшенія томившихъ ее вопросовъ, а съ другой — императоръ Александръ, разочаровавшись въ прежнихъ политическихъ идеалахъ и ставъ во главѣ европейской реакціи, сдѣлался неожиданно поборникомъ стремленій, не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣми мыслями, представителемъ которыхъ онъ являлся въ лучшую пору своей жизни. Это обстоятельство вызвало во внутренней жизни Россіи переломъ, незамѣтно подготовившій почву для событій, небывалыхъ дотолѣ въ русской исторіи. Куда дѣвался либерализмъ? задаетъ себѣ вопросъ одинъ изъ современниковъ этой эпохи. «Онъ исчезъ, какъ будто ушелъ въ землю; все умолкло. Но тогда-то именно и началъ онъ дѣлаться опаснымъ». Наступило время полнаго расцвѣта тайныхъ обществъ. Масонскія ложи, терпимыя правительствомъ, давно уже пріучили русское дворянство къ формѣ тайныхъ обществъ. Офицерскіе кружки, въ которыхъ велись бесѣды о язвахъ Россіи, о закоснѣлости народа, о тягостномъ положеніи солдата, о равнодушіи общества къ отечественнымъ дѣламъ, незамѣтно превратились въ организованныя тайныя общества.

Случалось, что иной разъ императоръ Александръ еще высказывалъ убѣжденіе, что слѣдуетъ подумать о внутреннемъ управленіи Россіи, что необходимо принять мѣры для уврачеванія зла, но государь отъ словъ къ дѣлу не переходилъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія мысли, высказанныя Александромъ губернатору Ѳ. П. Лубяновскому въ 1824 году при посѣщеніи имъ Пензы.

Государь осматривалъ собранный тамъ 2-й пѣхотный корпусъ; маневры удостоились особенной похвалы. Замѣтивъ на лицѣ императора усталость, Лубяновскій осмѣлился замѣтить, что имперія должна сѣтовать на его величество.

«— За что?

«— Не изволите беречь себя.

«— Хочешь сказать, что я усталъ?» возразилъ государь. «Нельзя смотрѣть на войска безъ удовольствія: люди добрые, вѣрные и отлично

Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

образованы; не мало и славы мы ими добыли. Славы для Россіи довольно; больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря. Отъ этого устаю»[259].

Глубоко вѣрная мысль, вырвавшаяся изъ устъ государя въ бесѣдѣ съ Лубяновскимъ, не нашла себѣ примѣненія. Въ то время нельзя было болѣе разсчитывать на исправленіе государственнаго зданія заботами правительства: тусклая фигура Аракчеева успѣла уже окончательно заслонить Россію отъ взоровъ Александра, и зловредное влія-

ніе его чувствовалось на каждомъ шагу. Поэтому въ сущности все сводилось къ тому печальному явленію, что государь, какъ выразился Вигель, былъ похожъ на господина, который, наскучивъ самъ управлять имѣніемъ, сдалъ все на руки строгаго управителя, будучи увѣренъ, что при немъ крестьяне не избалуются.

Теперь остается сказать еще нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ, постигшей тайныя общества послѣ закрытія «Союза Благоденствія». Высказанное Бенкендорфомъ предположеніе, что послѣ этого составится новое скрытнѣйшее общество, которое будетъ дѣйствовать подъ завѣсою безопаснѣе, оправдалось на дѣлѣ. Дѣйствительно, болѣе ревностные члены прежняго союза только сильнѣе сплотились, и изъ развалинъ его возникли два новые союза: **Сѣверный** и **Южный**.

Руководителями Сѣвернаго союза въ первое время были Никита Муравьевъ и Николай Тургеневъ. Затѣмъ, въ 1823 году, въ это общество вступилъ Кондратій Рылѣевъ и сталъ вождемъ Сѣвернаго общества, въ которомъ господствовали конституціонно-монархическія стремленія.

Въ Южномъ обществѣ, образовавшемся главнѣйшимъ образомъ изъ чиновъ второй арміи, главнымъ руководителемъ явился командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Павелъ Пестель, сынъ бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора. Благодаря вліянію Пестеля, въ Южномъ обществѣ получили преобладающее значеніе республиканскія стремленія; онъ занялся разработкою сочиненія, названнаго имъ «Русскою правдою», въ которомъ изложилъ свои мысли о переустройствѣ Россіи. Многіе члены этого общества склонялись къ убѣжденію, что смерть императора Александра, даже истребленіе всей царской семьи необходимы для успѣшнаго осуществленія задуманнаго предпріятія; по крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что между членами тайныхъ обществъ велись разговоры въ этомъ смыслѣ.

Вскорѣ дѣятельная пропаганда членовъ Южнаго общества вызвала къ жизни еще одно общество—«Славянскаго союза» или «Соединенныхъ славянъ». Въ немъ сосредоточились по преимуществу радикальные элементы изъ среды будущихъ декабристовъ. Члены этого союза предлагали безумные насильственные проекты и настаивали, главнымъ образомъ, на скорѣйшемъ начатіи рѣшительныхъ дѣйствій, придавая разсужденіямъ о конституціонныхъ формахъ второстепенное значеніе. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ называлъ ихъ цѣнными бѣшеными собаками.

Оставалось еще, для лучшаго упроченія замысловъ тайныхъ обществъ, войти въ сношеніе съ польскими тайными обществами. Переговоры съ представителемъ польскаго патріотическаго союза, княземъ Яблоновскимъ, были ведены лично Пестелемъ, но подробности этого соглашенія до сихъ поръ мало разъяснены.

Вотъ на какой опасный и безплодный путь увлечены были многіе изъ лучшихъ представителей мыслящей Россіи. Съ каждымъ годомъ кризисъ становился все болѣе неизбѣжнымъ, а между тѣмъ правительство рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо утверждалось на пути реакціи, косвенно придавая тѣмъ все большую силу тайной революціонной пропагандѣ.

Что же касается лично императора Александра, то онъ становился все задумчивѣе и мнительнѣе; свойственная ему подозрительность все усиливалась. П. Д. Киселевъ сообщилъ Михайловскому-Данилевскому поразительный примѣръ этой подозрительности[260].

Однажды генералъ-адъютанты Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя во дворцѣ у окна, разсказывали другъ другу забавные анекдоты и хохотали. Вдругъ проходитъ императоръ, и они перестаютъ смѣяться, но появленіе его было столь внезапно, что на ихъ лицахъ видны были еще слѣды смѣха. Черезъ нѣсколько минутъ государь посылаетъ за Киселевымъ, который застаетъ его стоящимъ передъ зеркаломъ. Императоръ нѣкоторое время смотрится въ зеркало то съ одной стороны, то съ другой, и, наконецъ, подзывая Киселева, спрашиваетъ его, что въ его особѣ могло бы быть смѣшного? Удивленный или, лучше сказать, пораженный симъ вопросомъ, Киселевъ отвѣчаетъ, что онъ его не понимаетъ. «Скажи мнѣ правду», продолжаетъ государь, «можетъ быть, сзади моего мундира есть что-нибудь, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ, потому что я видѣлъ, какъ ты съ двумя товарищами своими надо мною надсмѣхались». Можно легко себѣ представить изумленіе Киселева, который сказалъ рѣшительно государю, что онъ до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ кабинета, пока императоръ не убѣдится въ несправедливости своего обвиненія. «Пошлите», сказалъ онъ, «за Кутузовымъ и Орловымъ, пусть они вашему величеству разскажутъ, о чемъ мы смѣялись».—Послѣ долгихъ стараній онъ наконецъ успѣлъ убѣдить государя въ своей невинности.

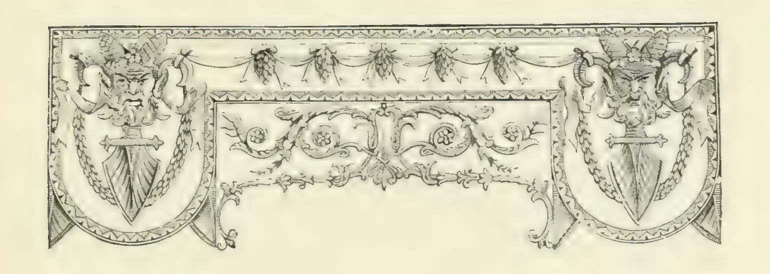
Великая княгиня Александра Θеодоровна въ своихъ запискахъ также останавливается на этой особенности характера императора Александра.

«Я не поняла подозрительнаго характера императора — недостатокъ, вообще присущій людямъ глухимъ», пишетъ Александра Θеодоровна. «Не будучи положительно глухимъ, императоръ могъ однако съ трудомъ разслышать человѣка, сидящаго напротивъ его за столомъ, и охотнѣе разговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ. Ему казались такія вещи, о которыхъ никто и не думалъ, будто надъ нимъ смѣются, будто его слушаютъ только для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ, и будто мы дѣлали другъ другу знаки, которыхъ онъ не долженъ былъ замѣтить. Наконецъ, все это доходило до того, что становилось прискорбно видѣть подобныя слабости въ человѣкѣ съ столь прекраснымъ сердцемъ и умомъ (cela faisait peine de voir des faiblesses pareilles chez un homme

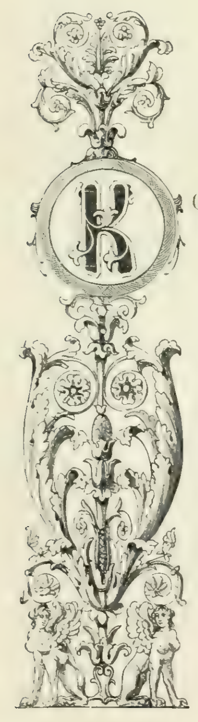
aussi distingué par le coeur et l'esprit). Я такъ плакала, когда онъ высказалъ мнѣ подобныя замѣчанія и упреки, что чуть не задохнулась отъ слезъ; но затѣмъ между нами не было уже никогда ни малѣйшаго облачка: онъ повѣрилъ моему чистосердечію, моей дружбѣ къ нему, граничившей почти съ восторженнымъ обожаніемъ, а ужъ, конечно, не съ насмѣшкою. Мы называли его въ нашихъ интимныхъ письмахъ попросту ангеломъ, а не императоромъ (Nous le nommions dans nos lettres familières ange tout court au lieu de dire l'Empereur), и, разумѣется, онъ не могъ бы найти людей болѣе преданныхъ ему, чѣмъ Николай и я».

Посѣщая балы, празднества и участвуя, по необходимости, въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, Александръ старался скрыть подъ очаровательной улыбкой сосредоточенность своихъ мыслей и глубокую задумчивость. О настроеніи его духа можно судить по слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ имъ еще въ 1818 году въ Москвѣ графинѣ Софьѣ Ивановнѣ Соллогубъ: «Возносясь духомъ къ Богу, я отрѣшился отъ всѣхъ земныхъ наслажденій. Призывая къ себѣ на помощь религію, я пріобрѣлъ это спокойствіе, этотъ миръ душевный, которые не промѣняю ни на какія блаженства здѣшняго міра. Если бы не эта религія, столь святая, простая, чистая, которая одна только вознаграждаетъ меня за всѣ тягости, сопряженныя съ моимъ званіемъ, что другого могло бы давать мнѣ силы къ перенесенію его бремени? И какъ проста эта религія, столь высокая, и какъ правила ея доступны людямъ самымъ простымъ и самымъ просвѣщеннѣйшимъ. Одни лишь безпокойные умы находятъ отраду въ тонкостяхъ, которыхъ и сами не понимаютъ. У госпожи Крюденеръ, напримѣръ, быть можетъ, и добрыя намѣренія, но она причинила неисправимый вредъ. Обязанности, налагаемыя на насъ, надо исполнять просто, быть только хорошими послѣдователями, не теряясь въ утонченныхъ розысканіяхъ, которыя намъ вовсе не предписаны»[261].

«Трудно изобразить состояніе, въ которомъ находился Петербургъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра», пишетъ современникъ[262]. «Онъ былъ подернутъ какимъ-то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра, болѣе печальные, чѣмъ суровые, отражались на его жителяхъ... Говорили многіе: «Чего ему надобно? Онъ стоитъ на высотѣ могущества». Всякій объяснялъ по-своему причину его неутѣшной грусти. Человѣку, который долженъ былъ жить въ вѣкахъ, прославленному другу свободы, по необходимости сдѣлавшемуся ея стѣснителемъ, тяжко было думать, что онъ долженъ отказаться отъ любви современниковъ и отъ похвалъ потомства... Многія другія обстоятельства и нѣкоторыя семейныя тяготили его душу». «Послѣдніе годы жизни александровой», заключаетъ очевидецъ этихъ печальныхъ дней «можно назвать продолжительнымъ затменіемъ».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КОГДА императоръ Александръ прибылъ изъ Лайбаха въ Царское Село, Сперанскій надѣялся, что тотчасъ будетъ потребованъ туда; но ему пришлось провести десять дней въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, 6-го (18-го) іюня онъ былъ вызванъ. Пріемъ былъ холодный; государь не сказалъ ни одного слова о прошедшемъ, не вошелъ ни въ какія объясненія. Съ этого времени Сперанскій работалъ съ государемъ по сибирскимъ дѣламъ почти каждую недѣлю; онъ часто приглашался къ императорскому столу и переѣхалъ на лѣто въ Царское Село, гдѣ ему было отведено помѣщеніе отъ двора. 17-го (29-го) іюля данъ былъ указъ о назначеніи Сперанскаго членомъ Государственнаго Совѣта, по департаменту законовъ, а затѣмъ было пожаловано ему 3,486 десятинъ земли въ Пензенской губерніи. Этими милостями и пришлось удовольствоваться бывшему любимцу. Личныя сношенія Сперанскаго съ Александромъ не принимали болѣе прежняго ха-

рактера. Позабыты были обѣщанія, данныя при назначеніи сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, приблизить къ себѣ, дать «другое занятіе, болѣе сходное тому приближенію», въ коемъ онъ привыкъ находиться.

Первый разговоръ Сперанскаго съ государемъ о событіяхъ 1812 года имѣлъ мѣсто только черезъ три почти мѣсяца послѣ возобновленія ихъ сношеній, а именно 31-го августа. Объ этомъ въ дневникѣ Сперанскаго сохранилась слѣдующая краткая замѣтка:

«Работа у государя императора. Пространный разговоръ о прошедшемъ. Доносъ, яко бы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ. Вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла забыты. Confusion, intrigues, commérages. En s'occupant des choses, on néglige les hommes. Но все въ рукѣ Провидѣнія, всегда справедливаго, всегда милосердаго».

Булгаринъ воспроизвелъ въ своихъ запискахъ фантастическую картину перваго свиданія Александра со Сперанскимъ, будто бы записанную съ собственныхъ словъ послѣдняго. Судя по этому разсказу, «Александръ принялъ Сперанскаго не только милостиво, но съ чувствомъ, и Михаилъ Михайловичъ до своей кончины всегда съ умиленіемъ вспоминалъ объ этомъ свиданіи. Я хотѣлъ говорить, изъявить благодарность мою государю — сказалъ мнѣ Сперанскій — и не могъ... взглянулъ на него... и залился слезами! Государь обнялъ меня и сказалъ: забудемъ прошедшее. — Нѣтъ, государь, отвѣчалъ я сквозь слезы: я помнилъ всегда и никогда не забуду вашихъ милостей и вашей благости. Вы — человѣкъ, слѣдовательно, могли ошибиться»[263]. Въ истинѣ этого разсказа позволительно сомнѣваться въ виду полнаго отсутствія какихъ-либо дружескихъ отношеній между Сперанскимъ и Булгаринымъ. Напротивъ того, по свидѣтельству дочери Сперанскаго, онъ считалъ его «пустымъ и даже опаснымъ человѣкомъ»[264], съ которымъ отнюдь не вступилъ бы въ откровенный разговоръ, касающійся его отношеній къ императору Александру, въ особенности, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ безпримѣрныхъ невзгодъ.

Сибирь, по представленію Сперанскаго, была раздѣлена указомъ 26-го января (7-го февраля) 1822 года на Восточную и Западную, а затѣмъ 22-го марта (3-го апрѣля) были назначены по его выбору новые въ каждую часть генералъ-губернаторы: въ Восточную — тайный совѣтникъ Лавинскій, въ Западную — генералъ Капцевичъ. Всѣ же проекты Сперанскаго по управленію Сибири, миновавъ Государственный Совѣтъ, но по разсмотрѣніи ихъ въ особомъ комитетѣ, были утверждены государемъ 22-го іюля (3-го августа) 1822 года въ Петергофѣ[265]. «Корабль спущенъ», писалъ Сперанскій Капцевичу, «дай Богъ ему счастливаго плаванія». — Лично о себѣ Сперанскій сказалъ послѣ подписанія указовъ: «Слава Богу: сидѣть въ Государственномъ Совѣтѣ я почиталъ

Наполеонъ на островѣ св. Елены.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

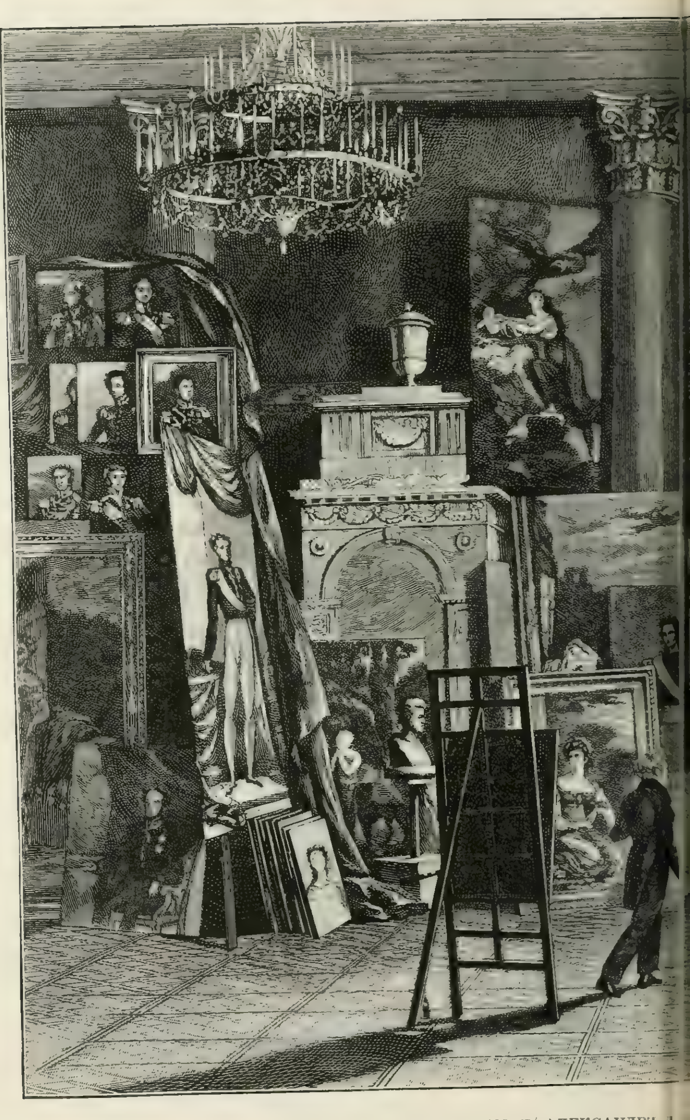
всегда вожделѣннымъ успокоеніемъ; могу теперь дѣлать не болѣе, какъ сколько самъ захочу».

Съ утвержденіемъ новаго Сибирскаго учрежденія прекратились личныя занятія Сперанскаго съ императоромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и ласки царскія слабѣли, пріемы становились рѣже, также и приглашенія къ императорскому столу. Въ 1825 году Сперанскій не былъ уже ни разу во дворцѣ. Тѣмъ не менѣе онъ долгое время продолжалъ обманывать себя ложными надеждами и, при малѣйшемъ знакѣ расположенія государя, предавался несбыточнымъ мечтамъ; онъ не сразу оцѣнилъ свое новое положеніе и не сознавалъ невозможности возвратить себѣ прежнія вліяніе и значеніе. Сперанскому казалось даже нѣкоторое время, будто бы возростающимъ его вліяніемъ пробуждается негодованіе Аракчеева, будто бы, видя необходимость уступить поле сопернику, болѣе счастливому, Аракчеевъ намѣревается все бросить. Между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается, что хотя Александръ и утверждалъ все важнѣйшее изъ работъ Сперанскаго и подносимые указы подписывалъ, но не иначе какъ по предварительному совѣщанію съ Аракчеевымъ. Наконецъ, Сперанскій сталъ замѣчать признаки охлажденія къ нему государя и началъ постепенно уклоняться отъ своихъ оптимистическихъ воззрѣній; ему пришлось смириться и признать, что всемогущество Аракчеева и его государственныя начинанія не могутъ быть поколеблены въ царствованіе Александра[266].

Возвратимся теперь снова къ греческимъ дѣламъ.

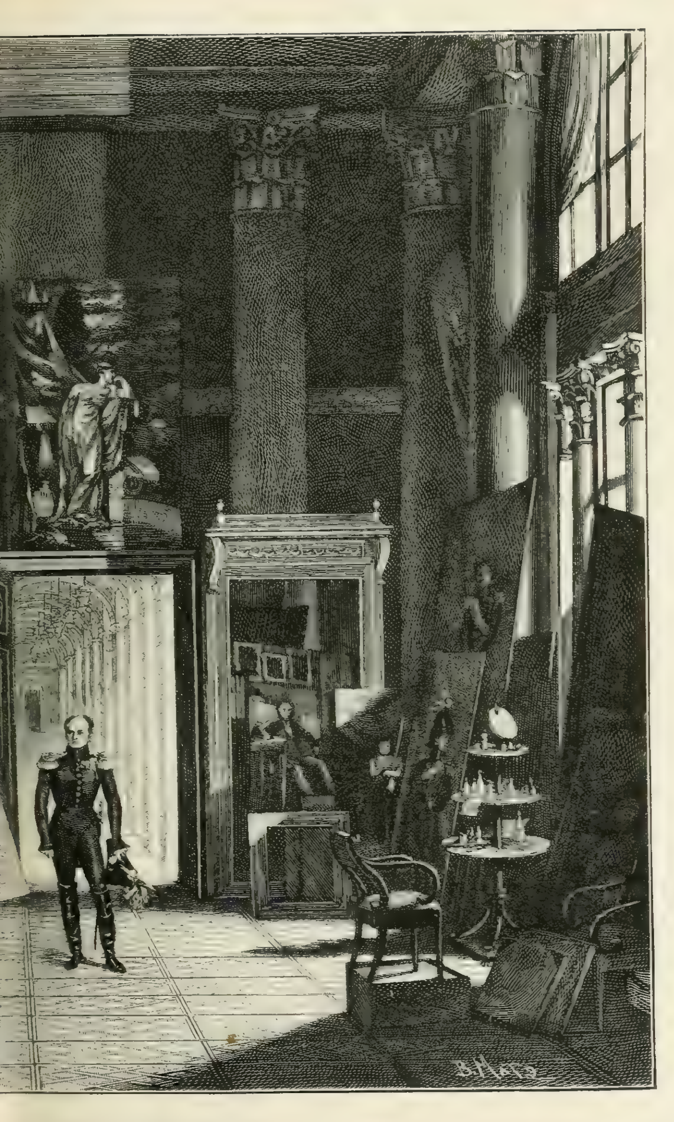
Вся Россія встрепенулась при извѣстіяхъ о небывалыхъ дотолѣ турецкихъ неистовствахъ и въ недоумѣніи обращала взоръ къ своему царю. Всѣ сословія сходились въ желаніи освобожденія своихъ единовѣрцевъ и войны съ турками. Но, къ сожалѣнію, императоръ Александръ остался вѣренъ политическимъ началамъ, провозглашеннымъ имъ въ Троппау и Лайбахѣ. Онъ сознавался, что изъ всѣхъ русскихъ онъ одинъ противился войнѣ съ турками, и жаловался на вредъ, наносимый такимъ противодѣйствіемъ народной любви къ нему. А между тѣмъ 1821 годъ представлялъ самый благопріятный моментъ для войны съ Портой и для окончательныхъ разсчетовъ Россіи съ этою державою. Общественное мнѣніе въ Англіи сочувствовало грекамъ. Франція была занята жгучими вопросами своей внутренней политики. Австрія была отвлечена итальянскими дѣлами. Что же касается Пруссіи, то она готова была дѣйствовать заодно съ Россіею. Одинъ австрійскій дипломатъ справедливо замѣтилъ: «Если бы въ то время стали проповѣдывать Крестовый походъ, то повторились бы времена Петра Пустынника»[267].

Сначала казалось, что всеобщее сочувствіе къ судьбѣ грековъ, вступившихъ въ столь неравную борьбу, и состраданіе къ ихъ бѣдственному положенію поколебали до нѣкоторой степени взглядъ государя на

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

Съ акватинты Беннета сд

...АСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА ДОУ.

...съ картины А. Мартынова.

восточныя дѣла, усвоенный имъ въ бесѣдахъ съ Меттернихомъ. Дѣйствительно, послѣ того какъ Порта высокомѣрно отвергла всѣ предложенія Россіи, баронъ Строгоновъ выѣхалъ изъ Константинополя, и дипломатическія сношенія съ Турціею были прерваны. Занялись разработкою плановъ войны[268]; бѣжавшимъ грекамъ дано было убѣжище въ Россіи, и въ имперіи была разрѣшена повсемѣстная подписка въ ихъ пользу. Наконецъ, императоръ снова заговорилъ о французскомъ союзѣ и о возможномъ раздѣлѣ Турціи.

7-го (19-го) іюля государь сказалъ французскому послу Ла-Ферронэ: «Раскройте циркуль отъ Гибралтара до Дарданеллъ, выберите то, что подходитъ вамъ, и разсчитывайте не только на согласіе, но и на искреннюю и существенную поддержку со стороны Россіи... Необходимо, чтобы турки были отброшены очень далеко, и чтобы всѣ могли придти къ соглашенію... Теперь Франція должна имѣть союзницей именно Россію»[269].

Но подобное воинственное настроеніе императора Александра продолжалось недолго, и вскорѣ онъ началъ уже говорить съ графомъ Каподистріа о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находилась Россія вслѣдствіе пробужденія Востока, и указывалъ на опасности, грозившія Европѣ отъ развитія революціоннаго духа.

«Если мы отвѣтимъ туркамъ войною», заключилъ Александръ,—«парижскій главный комитетъ восторжествуетъ, и ни одно правительство не останется на ногахъ. Я не намѣренъ предоставить свободу дѣйствій врагамъ порядка. Во что бы то ни стало надо найти средство устранить войну съ Турціей».

Тщетно Каподистріа старался оспаривать точку зрѣнія, высказанную государемъ, доказывая необходимость прекратить переговоры по восточнымъ дѣламъ и приступить къ понудительнымъ мѣрамъ противъ Оттоманской Порты (ne plus négocier, mais agir): Александръ остался непреклоннымъ и сказалъ:

«Безъ сомнѣнія, это было бы прекрасно, но все это можетъ быть осуществлено не прежде, чѣмъ будутъ предварительно установлены соглашенія и совершенное единомысліе между союзными кабинетами. И такъ, будемъ выигрывать посредствомъ нашихъ объясненій съ турками время, нужное для того, чтобы условиться съ союзными дворами».

Такимъ образомъ, удобное время для начатія войны съ Оттоманскою Портой было безвозвратно упущено, и восточный вопросъ вступилъ на путь безконечныхъ и совершенно безплодныхъ переговоровъ. Меттернихъ въ это время, конечно, не бездѣйствовалъ и употребилъ въ дѣло свойственное ему дипломатическое искусство для того, чтобы удержать императора Александра отъ заступничества за христіанскій Востокъ.

Едва Нессельроде успѣлъ возвратиться изъ Лайбаха, какъ Меттернихъ уже писалъ къ нему 12-го (24-го) іюня: «Вѣрьте, что мы сознаемъ всѣ тѣ затрудненія, которыя неизбѣжно должно причинить вашему двору это прискорбное дѣло, этотъ коварный ударъ, нанесенный вчерашними либералами и сегодняшними радикалами и направленный непосредственно противъ единенія этихъ самыхъ монарховъ и противъ благотворнаго вниманія, съ которымъ относится къ европейскимъ дѣламъ императоръ, вашъ августѣйшій повелитель. Испытаніе великое и выдержать его будетъ не легко, но зато и славы будетъ не мало»[270].

Въ такомъ же духѣ Меттернихъ обращался со своими увѣщаніями и къ императору Александру. 18-го (30-го) ноября 1821 года онъ писалъ: «Брешь, пробитая въ системѣ европейскаго монархическаго союза войною съ турками, явилась бы брешью, черезъ которую ускореннымъ шагомъ вторглась бы революція (la guerre des Turcs serait une brèche affreuse par laquelle la révolution entrerait au pas de charge). Судьба цивилизаціи находится нынѣ въ мысляхъ и въ рукахъ вашего императорскаго величества. Едва ли вы можете допустить хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что въ одномъ сознаніи этого факта я почерпаю главный залогъ моего спокойствія, мои самыя прочныя надежды и необходимую энергію для того, чтобы, насколько эта задача лежитъ на мнѣ, поддерживать принципъ добра противъ принципа зла и принципъ здраваго смысла противъ торжества заблужденій»[271].

Послѣ продолжительнаго пребыванія государя заграницею, вызваннаго двумя конгресами, Александръ не предпринялъ въ 1821 году вошедшаго въ обыкновеніе объѣзда какихъ-либо областей имперіи и ограничился посѣщеніемъ Грузина (25-го іюня) и осеннимъ смотромъ гвардейскаго корпуса въ Бѣлоруссіи.

Находясь еще въ Лайбахѣ, государь повелѣлъ войскамъ гвардейскаго корпуса приготовиться къ походу, имѣя въ виду приблизить ихъ къ западнымъ границамъ имперіи; вслѣдствіе этого весною 1821 года гвардія выступила къ Витебску. 12-го (24-го) сентября императоръ Александръ отправился туда для осмотра войскъ. Около мѣстечка Бѣшенковичи назначены были маневры. Государь, повидимому, остался вполнѣ доволенъ состояніемъ гвардіи и 19-го сентября (1-го октября) принялъ приглашеніе гвардейскихъ офицеровъ къ обѣденному столу, на которомъ присутствовали всѣ офицеры и по десяти человѣкъ нижнихъ чиновъ отъ каждаго баталіона и эскадрона. Все удалось какъ нельзя лучше: праздникъ былъ блистательный и сердечный. Тѣмъ не менѣе, неудовольствіе, вызванное происшествіемъ въ Семеновскомъ полку, не было еще забыто, и гвардія получила приказаніе зимовать въ Литвѣ и была возвращена въ Петербургъ лишь въ слѣдующемъ году[272]. Кромѣ того, 1-го (13-го) ноября генералъ-адъютантъ Василь-

чиковъ былъ уволенъ въ отпускъ для поправленія здоровья, а командующимъ гвардейскимъ корпусомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Уваровъ.

1821 годъ ознаменовался, сверхъ греческаго возстанія, еще однимъ важнымъ политическимъ событіемъ: 23-го апрѣля (5-го мая) скончался Наполеонъ; онъ умеръ послѣ долгихъ страданій отъ рака въ желудкѣ въ Лонгвудѣ, на островѣ св. Елены. Цѣль, къ которой съ 1815 года стремилась Англія, была наконецъ достигнута къ величайшей радости безчисленныхъ враговъ плѣннаго императора. Угасъ великій человѣкъ, и правительства, не перестававшія взирать съ безпокойствомъ на одинокую скалу среди океана, могли наконецъ успокоиться.

При самомъ отправленіи Наполеона на св. Елену великія державы рѣшили послать туда своихъ комиссаровъ; одна Пруссія уклонилась отъ этого безполезнаго расхода, вполнѣ довѣряя распоряженіямъ своихъ союзниковъ по отношенію къ плѣннику Европы (le prisonnier de l'Europe). Русскимъ комиссаромъ былъ назначенъ полковникъ графъ Александръ Антоновичъ Бальменъ, австрійскимъ—баронъ Штюрмеръ, французскимъ—маркизъ Моншеню. Къ чести императора Александра слѣдуетъ замѣтить, что въ данной Бальмену инструкціи государь сдѣлалъ собственноручную приписку, по которой онъ вмѣнялъ своему комиссару въ обязанность оказывать Наполеону «les égards personnels qu'on lui doit»[273].

Это обстоятельство не мало смущало сотоварищей графа Бальмена, но не спасло развѣнчаннаго императора отъ мелочныхъ и безцѣльныхъ притѣсненій англійскаго губернатора острова Гудсонъ-Ловъ, навѣкъ запятнавшаго свое имя одностороннимъ и придирчивымъ исполненіемъ своихъ печальныхъ обязанностей относительно плѣнника Европы.

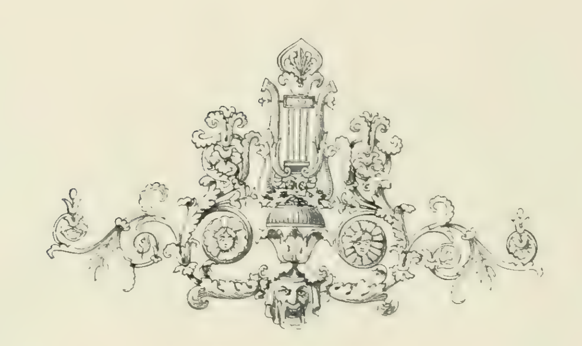
«— Какъ же вы женились на дочери Гудсонъ-Ловъ, бывая съ нимъ всегда въ ссорѣ? спросилъ въ 1823 году Михайловскій-Данилевскій графа Бальмена, женившагося на падчерицѣ Гудсонъ-Ловъ и бывшаго въ то время уже флигель-адъютантомъ императора Александра.

«— Въ офиціальныхъ отношеніяхъ нашихъ», отвѣчалъ онъ, «мы были во враждѣ, но какъ частный человѣкъ я былъ пріятелемъ съ нимъ и съ семействомъ его».

Михайловскій-Данилевскій сопровождаетъ этотъ разсказъ слѣдующими разсужденіями:

«Сія женитьба кажется мнѣ дѣйствіемъ англійской политики, которая не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженія своей цѣли, и, выдавъ дочь своего губернатора за комиссара александрова, англичане удалили его отъ всякаго вліянія на Наполеона и заставили дѣйствовать его сообразно своимъ видамъ. Вообще я нахожу весьма неосновательнымъ, что у насъ выбираютъ большею частію чужеземцевъ

въ представители нашего правительства при иностранныхъ дворахъ; человѣкъ, рожденный не русскимъ, не въ состояніи имѣть настоящихъ понятій о достоинствѣ и величіи Россіи; напримѣръ, если бы на островѣ св. Елены вмѣсто графа Бальмена былъ истинный русскій, то какой бы англійскій губернаторъ могъ удержать его видѣть Наполеона и находиться съ нимъ въ сношеніяхъ?»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РѢШЕНІЕ, на которомъ остановился императоръ Александръ, поставить переговоры о греческихъ дѣлахъ въ зависимость отъ соглашенія между союзными дворами, привело къ тому, что Меттернихъ низвелъ громадный по своей важности вопросъ до размѣровъ ничтожной дипломатической распри. Затѣмъ, въ началѣ 1822 года австрійскій канцлеръ предложилъ, чтобы еще до новаго предстоявшаго конгреса открыть въ Вѣнѣ совѣщанія между министрами великихъ державъ. Императоръ Александръ согласился принять предложеніе Меттерниха и повелѣлъ изготовить въ этомъ смыслѣ отвѣтъ вѣнскому кабинету. Этимъ рѣшеніемъ Россія приносила въ жертву принципъ, служившій неизмѣннымъ руководствомъ ея политики со временъ Екатерины,— принципъ, состоявшій въ томъ, чтобы не допускать посторонняго вмѣшательства въ свои распри съ Оттоманскою Портою; теперь же вся Европа призывалась быть судьею, насколько наши притяза-

нія и требованія были справедливы, и въ какой мѣрѣ Турція обязана была удовлетворить ихъ.

Съ этой минуты участь графа Каподистріи была рѣшена, и настойчивые происки Меттерниха увѣнчались наконецъ для него полнымъ торжествомъ.

Въ частной аудіенціи, продолжавшейся болѣе двухъ часовъ, Александръ благосклонно выслушалъ всѣ доводы, по которымъ Каподистріа

Баронесса Крюденеръ.

Съ гравированнаго портрета Росмеслера 1820 г.

признавалъ для себя невозможнымъ продолжать службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Государь отвѣтилъ ему: «На вашемъ мѣстѣ я сталъ бы говорить точно такъ же, но въ моемъ положеніи я не могу перемѣнить моего рѣшенія». Затѣмъ Александръ снова изложилъ ему побудительныя причины, руководившія его политикой, стараясь доказать, что предпочтеніе, оказываемое имъ австрійской системѣ, вызвано лишь крайнею и существенною необходимостью сохранить спокойствіе въ Европѣ и согласіе между кабинетами, на которомъ это спокойствіе было основано. Каподистріа осмѣлился выразить государю въ послѣдній разъ, что, къ прискорбію своему, онъ вынужденъ смотрѣть на вещи съ другой точки зрѣнія.

«—Итакъ», сказалъ императоръ, «если это нужно, разстанемся. Вы останетесь однако при вашей должности. Передъ вашимъ отъѣздомъ вы кончите всѣ дѣла, которыя я вамъ поручилъ. Вы уѣдете лишь послѣ меня. Вы отправитесь на воды, какъ вы это прежде дѣлали. Здоровье ваше нуждается въ этомъ, и я желаю, чтобы вы его поправили».

Каподистріа продолжалъ заниматься съ государемъ, по обыкновенію, вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде, а по бессарабскимъ дѣламъ онъ имѣлъ отдѣльные доклады.

Баронесса Крюденеръ.

Съ гравированнаго портрета Пфеннингера.

Окончательно разставаясь съ нимъ, государь обнялъ графа и сказалъ: «Мы увидимся, или, по крайней мѣрѣ, вы дадите мнѣ знать о себѣ. Будьте увѣрены, что мои чувства къ вамъ никогда не измѣнятся».

Каподистріа выѣхалъ изъ Петербурга въ половинѣ августа 1822 года въ Эмсъ, а затѣмъ отправился въ Швейцарію, гдѣ поселился въ окрестностяхъ Женевы[274].

Меттернихъ торжествовалъ; ему наконецъ удалось удалить изъ русскаго министерства ненавистнаго противника, «апокалипсическаго Іоанна»,

какъ онъ называлъ графа Каподистрію. Главою министерства иностранныхъ дѣлъ остался графъ Нессельроде, и съ удаленіемъ его дипломатическаго сотоварища исчезалъ послѣдній слѣдъ самостоятельнаго отношенія Россіи къ ея союзникамъ на Западѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалось сознаніе историческаго призванія ея на Востокѣ.

«Жаль, что любезный, умный графъ Каподистріа насъ оставляетъ. Такихъ людей мало. Европа погребла грековъ: дай Богъ воскресенія мертвымъ», писалъ Карамзинъ[275]. Дѣйствительно, для Россіи потеря Каподистріи была важнѣе проиграннаго сраженія[276].

19-го (31-го) мая австрійскій канцлеръ самодовольно доносилъ императору Францу, что онъ одержалъ самую полную изъ побѣдъ, когда либо одержанныхъ однимъ дворомъ надъ другимъ. Нѣсколько дней спустя онъ дополнилъ сказанное императору еще слѣдующимъ многознаменательнымъ признаніемъ: «Русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ»[277]. Въ частномъ разговорѣ Меттернихъ выразилъ свое удовольствіе въ слѣдующихъ словахъ: Начало зла исторгнуто. Графъ Каподистріа похороненъ до конца своей жизни, и Европа избавилась отъ великихъ опасностей, которыми угрожало ей вліяніе этого человѣка»[278].

Поздравляя своего министра съ успѣхомъ, императоръ Францъ отвѣчалъ ему: «Побѣда, одержанная вами, быть можетъ, самая трудная изъ всѣхъ, ознаменовавшихъ ваше министерство. Я не могу достаточно отблагодарить васъ, но нужно, чтобы и весь міръ призналъ проистекающія изъ этой побѣды благодѣянія. Вы сдѣлаете все, что нужно, дабы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ счастливыя послѣдствія этого торжества».

Вообще радость среди сторонниковъ европейской реакціи была безпримѣрная и неподдѣльная; неисчислимы были счастливыя послѣдствія торжества Меттерниха. Одинъ изъ мелкихъ германскихъ князей выразилъ свои чувства въ слѣдующихъ строкахъ: «Дѣло Греціи, кажется, клонится къ концу, и я отъ всего сердца поздравляю государя, который своею неподражаемою умѣренностью такъ хорошо доказалъ, что онъ истинный христіанинъ. Императоръ съумѣлъ побѣдить Наполеона, теперь же онъ самъ себя побѣдилъ; предстоитъ ему еще побѣдить, съ помощью Бога и Священнаго союза, опустошительное начало революціонеровъ, будь они карбонары, этеристы, тевтоны, арминіанцы, радикалы, или какъ бы они себя ни называли»[279].

Среди лицъ, сочувствовавшихъ греческому движенію, находилась также баронесса Крюденеръ. Въ 1821 году она пріѣхала въ Петербургъ изъ Лифляндіи, гдѣ находилась съ 1818 года. Къ тому времени императоръ Александръ уже вполнѣ разочаровался въ ея божественномъ призваніи. Вспоминая о своей неожиданной встрѣчѣ съ госпожею

Крюденеръ въ ту минуту, когда онъ мысленно желалъ, чтобы Богъ послалъ ему человѣка, который бы помогъ ему понять правильно Его святую волю, государь замѣтилъ: «Нѣсколько времени я думалъ, что Богъ именно ее и хотѣлъ назначить для этой цѣли; но я очень скоро увидѣлъ, что этотъ свѣтъ былъ ни что иное, какъ ignis fatuus» (блуждающій огонь). На мнѣніе императора, конечно, должны были по-

Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза.

Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1896 г.

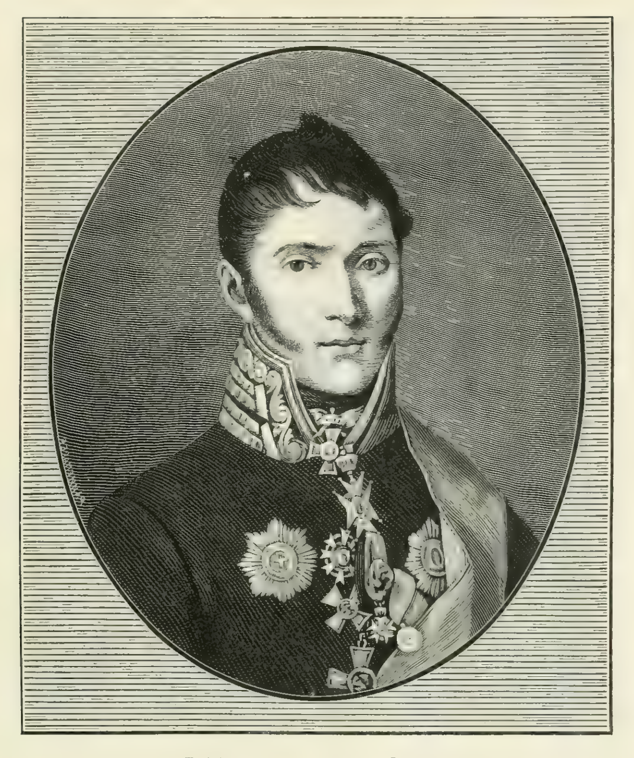
вліять дальнѣйшія похожденія госпожи Крюденеръ въ Швейцаріи и Германіи, которыя вскорѣ сдѣлали имя ея басней для цѣлой Европы»[280].

Когда госпожа Крюденеръ явилась въ Петербургъ, мистицизмъ былъ въ полномъ разгарѣ, и въ извѣстномъ кругѣ общества она сдѣлалась предметомъ живого интереса и поклоненія. Только архимандритъ Фотій громилъ ее въ своихъ доносахъ, какъ злѣйшаго врага православія и престола, называя ее женкой зловѣрія, лже-христіанкою. Сочувствовав-

шее проповѣдямъ ея общество собиралось у княгини Анны Сергѣевны Голицыной. По этому поводу Фотій пишетъ: «Женка сія въ разгоряченности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемая, не говоря никому ничего противнаго похотямъ плоти, обычаямъ міра и дѣламъ вражіимъ, такъ нравиться умѣла во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ боляръ, жены, мужи, дѣвицы спѣшили, какъ оракула нѣкого дивнаго, послушать». Дѣйствительно, чтобы видѣть и слышать госпожу Крюденеръ, богатые и бѣдные, военные и статскіе, аристократы и ремесленники отправлялись туда съ жаждою услышать ея увѣщанія, отвѣчавшія ихъ душевному настроенію. Императоръ Александръ увлекался тогда мыслями о распространеніи чистаго христіанства между народами и, покровительствуя мистической школѣ, благопріятно смотрѣлъ на ту пеструю смѣсь разныхъ видовъ религіозной эксплоатаціи, какіе появились тогда въ обществѣ.

Но вскорѣ фантазіи госпожи Крюденеръ всецѣло обратились къ греческому вопросу, начинавшему волновать умы не только въ Россіи, но и въ Европѣ вообще. Въ своемъ пророческомъ настроеніи она писала еще въ 1818 году: «Востокъ открывается; бѣдствія приближаются ко всей Европѣ». Затѣмъ она начала говорить, что «появятся турки», и что будетъ великая война. Еще живя въ Лифляндіи, она дѣлала свободу Греціи предметомъ своихъ мистико-пророческихъ гимновъ; теперь же она стала проповѣдывать объ этомъ и въ петербургскихъ гостиныхъ. При этомъ она теряла отчасти самообладаніе и умѣренность выраженій, такъ что, когда она, со свойственной ей шумной фразеологіей, объявляла, что императоръ Александръ и есть именно орудіе, выбранное Богомъ для возстановленія Греціи, то это настойчивое указаніе должно было возбуждать противъ нея неудовольствіе государя. «Запуганный революціями, Александръ представлялъ теперь задачу Священнаго союза именно въ подавленіи всякихъ революціонныхъ движеній, стремившихся, по его мнѣнію, къ низверженію «алтарей и престоловъ»; его убѣдили или самъ онъ былъ убѣжденъ, что долгъ Священнаго союза подавить между прочимъ и греческое движеніе, хотя оно направлялось не противъ христіанскаго, а противъ турецкаго алтаря и престола. Священный союзъ сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ»[281].

Когда защитница грековъ начала укорять правительство за равнодушіе къ ихъ судьбѣ, императоръ Александръ призналъ необходимымъ положить предѣлъ ея краснорѣчію, тѣмъ болѣе, что и безъ того въ русскомъ обществѣ распространено было мнѣніе объ обязанности Россіи защищать своихъ единовѣрцевъ. Государь написалъ баронессѣ Крюденеръ письмо на восьми страницахъ, гдѣ, излагая свои мысли, указалъ на трудность удовлетворенія стремленій грековъ, на свое желаніе исполнить Божію волю, которой онъ еще не видитъ, на свое опасеніе по-

Лейбъ-медикъ баронетъ Виллie.

Съ гравюры Больдта, сдѣланной съ портрета Франке.

пасть на ложный путь и благопріятствовать тѣмъ нововведеніямъ, которыя уже сдѣлали столько жертвъ и такъ мало счастливыхъ, и, въ особенности, на принятое имъ на себя обязательство дѣйствовать заодно съ союзниками. Затѣмъ государь, порицая ту свободу, съ которой она осуждала правительство и его дѣйствія, далъ ей понять, въ тонѣ друга, но друга, который могъ бы говорить и инымъ языкомъ (en ami qui pourrait tenir un autre langage), что, ставя въ затрудненіе его министровъ и возбуждая волненіе подлѣ трона, она нарушала свои обязанности какъ подданной, такъ и христіанки, и что ея присутствіе въ столицѣ возможно только при условіи хранить почтительное молчаніе объ образѣ дѣйствій, котораго онъ не можетъ измѣнить по ея желаніямъ[282].

Это письмо государь послалъ ей черезъ Александра Тургенева, который, по прочтеніи этого письма госпожею Крюденеръ, долженъ былъ взять его обратно. Баронесса поручила ему передать императору ея глубочайшую признательность за милостивый способъ сообщенія высочайшей воли, но что ея убѣжденія нисколько не поколеблены доводами, представленными ея бывшимъ царственнымъ другомъ. Освобожденіе Грецiи въ ея глазахъ было начертано на небесахъ. Она не могла выдержать принужденія, наложеннаго на нее волею Александра: въ концѣ 1821 года огорченная проповѣдница возвратилась въ свое лифляндское имѣніе, гдѣ предалась усиленному благочестію и аскетизму, добровольно подвергая себя и голоду и холоду. Независимо отъ поста, она выносила въ комнатѣ, безъ печки и безъ двойныхъ рамъ, температуру, превосходившую двадцать градусовъ мороза по Реомюру повидимому, не замѣчая этого. По словамъ Ейнара, она такимъ образомъ умерщвляла свою плоть и покоряла ее[283]. Перенося всевозможныя лишенія, она была увѣрена, что это является своего рода подтвержденіемъ постояннаго заявленія, что ея жизнь и ея сердце на небесахъ. Тѣмъ не менѣе такой образъ жизни скоро окончательно разстроилъ ея и безъ того расшатанное здоровье. Принявъ приглашеніе княгини Голицыной, которая звала ее въ Крымъ, баронесса Крюденеръ весною 1824 года отправилась въ дальній путь. Пробывъ нѣкоторое время въ Ѳеодосіи, она переѣхала въ Карасубазаръ, гдѣ и скончалась 13-го (25-го) декабря 1824 года[284].

Съ 1822 года неудовлетворительное состояніе здоровья графа Аракчеева начало безпокоить императора Александра. 7-го февраля графъ Алексѣй Андреевичъ занемогъ въ Комитетѣ министровъ и насилу могъ пріѣхать домой. Государь поспѣшилъ выразить своему другу надежду, что, при помощи Божіей, нездоровье его не будетъ имѣть дальнихъ послѣдствій.—«Я молю Бога всякій день, дабы Онъ подкрѣпилъ силы твои, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя», писалъ Александръ 6-го марта.

Перебравшись въ апрѣлѣ въ Грузино, Аракчеевъ продолжалъ хворать и сообщать государю неутѣшительныя извѣстія: «Боль моя въ груди не проходитъ, а особливо ввечеру я чувствую жаръ и потъ, а ночь имѣлъ я лихорадку съ ознобомъ. Я безпрестанно вчерась и сегодня былъ почти весь день на воздухѣ и стараюсь себя перемогать. Молюсь Богу, дабы Онъ меня облегчилъ для службы моему отцу и благодѣтелю Александру Павловичу». Когда нужно было выказывать таланты царедворца, то Аракчеевъ проявлялъ въ придворной наукѣ замѣчательное искусство; это видно изъ слѣдующихъ строкъ, которыми онъ украсилъ свое письмо: «Я болѣе бы ни для чего не желалъ себѣ здоровья, какъ только для того, батюшка, чтобъ мнѣ служить вамъ;

вѣрьте истинному Богу, что я чувствую вашу къ себѣ милость и цѣню ее, какъ вѣрный вашъ сынъ и слуга».

Встревоженный продолжавшимся болѣзненнымъ состояніемъ Аракчеева, государь послалъ къ нему въ Грузино Вилліе. «Благодарю васъ, батюшка, за присылку ко мнѣ Якова Васильевича Вилліе», писалъ осчастливленный царскимъ вниманіемъ грузинскій отшельникъ;—«онъ меня успокоилъ, что я, отдохнувъ, буду въ состояніи опять служить моему благодѣтелю Александру Павловичу, и сіе самое уже меня чрезвычайно порадовало. Молю Бога, дабы сохранилъ ваше здоровье при безпрестанныхъ трудахъ вашихъ. Пребываю на вѣкъ чистою душою преданный вамъ вѣрноподданный».

Но Александръ продолжалъ тревожиться; это видно изъ слѣдующаго письма государя, въ которомъ онъ старался умѣрить служебный пылъ своего вѣрнаго слуги:

«Яковъ Васильевичъ, съ которымъ я обстоятельно говорилъ насчетъ твоего здоровья, желаетъ настоятельно, чтобы ты нѣсколько дней въ Грузинѣ попокоился и не ѣздилъ бы на смотры баталіоновъ пришедшихъ. Я также присовокупляю мою просьбу къ его: поберегись пожалуй».

15-го (27-го) мая императоръ Александръ отправился въ Вильну на смотръ войскъ гвардейскаго корпуса.

Смотры окончились благополучно, и гвардія получила наконецъ приказаніе выступить обратно въ Петербургъ. Съ дороги изъ Острова государь писалъ Аракчееву 16-го мая 1822 года:

«Совершенная невозможность помѣшала мнѣ писать къ тебѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, вчерась прежде отъѣзда моего по множеству обыкновенныхъ занятій моихъ, я поручилъ генералъ-маіору Клейнмихелю тебя извѣстить.

«Извѣстіе о продолжительномъ нездоровьѣ твоемъ крайне меня печалитъ. Яковъ Васильевичъ большую надежду полагаетъ въ употребленіи тобою кобыльяго молока и желаетъ, чтобы не отлагать начатіемъ онаго, а я еще большую надежду кладу на Всевышняго Бога. Напиши мнѣ въ отвѣтъ, какъ ты себя чувствуешь въ сіи послѣдніе дни, послѣ отъѣзда Петра Андреевича[285].... Пребываю на вѣкъ тебя искренно любящимъ».

Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ императору 31-го мая:

«Приношу вамъ, батюшка, вѣрноподданническую благодарность за милостивое ваше письмо, изъ Острова ко мнѣ писанное. Я не хотѣлъ безпокоить васъ, батюшка, письмомъ своимъ, зная, что вы во время вашего вояжа были много заняты. Употребляемое мною кобылье молоко дѣлаетъ мнѣ пользу, и я съ онаго времени имѣю свои припадки слабѣе, но только еще не могу хорошо спать; но со всѣмъ онымъ чув-

ствую себя, слава Богу, лучше и завтра же поѣду смотрѣть свои полки, а послѣ того осмотрю округи императора австрійскаго, короля прусскаго и наслѣднаго принца, на что и употреблю шесть дней, а по возвращеніи въ Грузино намѣренъ пріѣхать около 10-го числа іюня въ Царское Село поклониться вамъ, батюшка, ибо мнѣ очень скучно, что я такъ долго не видалъ моего единственнаго въ свѣтѣ благодѣтеля. Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, благополучно, смирно и тихо».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ графъ Аракчеевъ послалъ государю еще одно письмо, отъ 2-го іюня:

«Милостивое ваше ко мнѣ расположеніе превышаетъ всякую благодарность, и я со всѣмъ душевнымъ чувствомъ моего желанія не знаю, чѣмъ и когда могу за оное заслужить. Къ одному Всемогущему Богу обращаюсь ежеминутно съ молитвою, да подкрѣпитъ Его святая десница мое здоровье, которое не для чего иного не будетъ употреблено до конца моей жизни, какъ къ истинному и усердному служенію моему отцу и государю Александру Павловичу. Сейчасъ поѣду въ поселенія, ибо я назначилъ осматривать войска, а потомъ на будущей недѣлѣ пріѣду въ Царское Село съ моею благодарностію къ моему благодѣтелю».

31-го мая государь возвратился изъ Вильны; обрадованный успокоительными извѣстіями отъ графа Аракчеева, Александръ писалъ въ Грузино 7-го іюня:

«Послѣднія два письма твои, любезный Алексѣй Андреевичъ, несказанно меня порадовали, и искренно Бога благодарилъ. Надѣюсь, что Онъ продолжитъ теперешнее поправленіе здоровья твоего и укрѣпитъ оное.

«Сіе письмо посылаю къ тебѣ, дабы узнать въ точности день твоего пріѣзда, ибо 10-е число есть суббота.

«Если ты будешь сей день, то я уже условился съ Нессельродомъ и переложу его работу на другой, о чемъ, желая знать предварительно, пишу тебѣ сіи строки, дабы по оному распорядиться.

«Напиши мнѣ, какъ ты себя чувствуешь во время поѣздки по поселеніямъ. Здѣсь приготовлена будетъ для тебя кобыла съ молокомъ, и если нужно тебѣ верхомъ ѣздить послѣ принятія молока, то и надежная, смирная верховая лошадь. Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ».

Нездоровье графа Аракчеева послужило также предметомъ переписки его съ государственнымъ контролеромъ барономъ Балтазаромъ Балтазаровичемъ Кампенгаузеномъ, съ которымъ онъ уже нѣсколько лѣтъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1820 году баронъ Кампенгаузенъ посѣтилъ Грузино и познакомился съ военными поселеніями; похвальный отзывъ его о нихъ былъ доложенъ государю, кото-

рый 1-го іюня 1820 года написалъ по этому поводу графу Алексѣю Андреевичу: «Я былъ напередъ увѣренъ, что наши военныя поселенія, какъ скоро ему въ подробностяхъ извѣстными сдѣлаются, непремѣнно должны полюбиться». Это обстоятельство, конечно, содѣйствовало къ скрѣпленію дружескихъ связей, уже установившихся между обоими государственными дѣятелями. Баронъ Кампенгаузенъ, отличаясь

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Словарю достопамятныхъ людей» Бантыша-Каменскаго.

твердымъ характеромъ и умомъ холоднымъ и сухимъ, но весьма обширнымъ, соединялъ старинную добросовѣстную нѣмецкую ученость и неутомимость въ трудахъ[286]. При такихъ особенностяхъ характера Балтазара Балтазаровича неудивительно, что онъ сошелся съ графомъ Аракчеевымъ и пріобрѣлъ его довѣренность и дружбу.

Приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ ихъ переписки, которые представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики суроваго временщика.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

11-го мая 1822 года графъ Аракчеевъ писалъ барону Кампенгаузену изъ Грузина:

«Душевно и искренно благодарю васъ, почтенный другъ, за письмо ваше. Вы онымъ утѣшили больного человѣка и доказали ему, что еще есть на свѣтѣ люди, кои помнятъ дружбу и во время болѣзни. Я на васъ надѣюсь и умирать буду, то вамъ препоручу моего воспитанника[287]. Мое здоровье очень плохо, боль въ груди не проходитъ, и она мнѣ не даетъ не только спать, но и ходить, а особливо при малѣйшемъ безпокойствѣ, коихъ нынѣ, къ несчастію моему, скопилось очень много[288]. Занесена нынче въ вотчину жестокая болѣзнь, злая горячка, отчего чрезмѣрно много больныхъ, и все не прекращается, а до 30 человѣкъ поумерло.

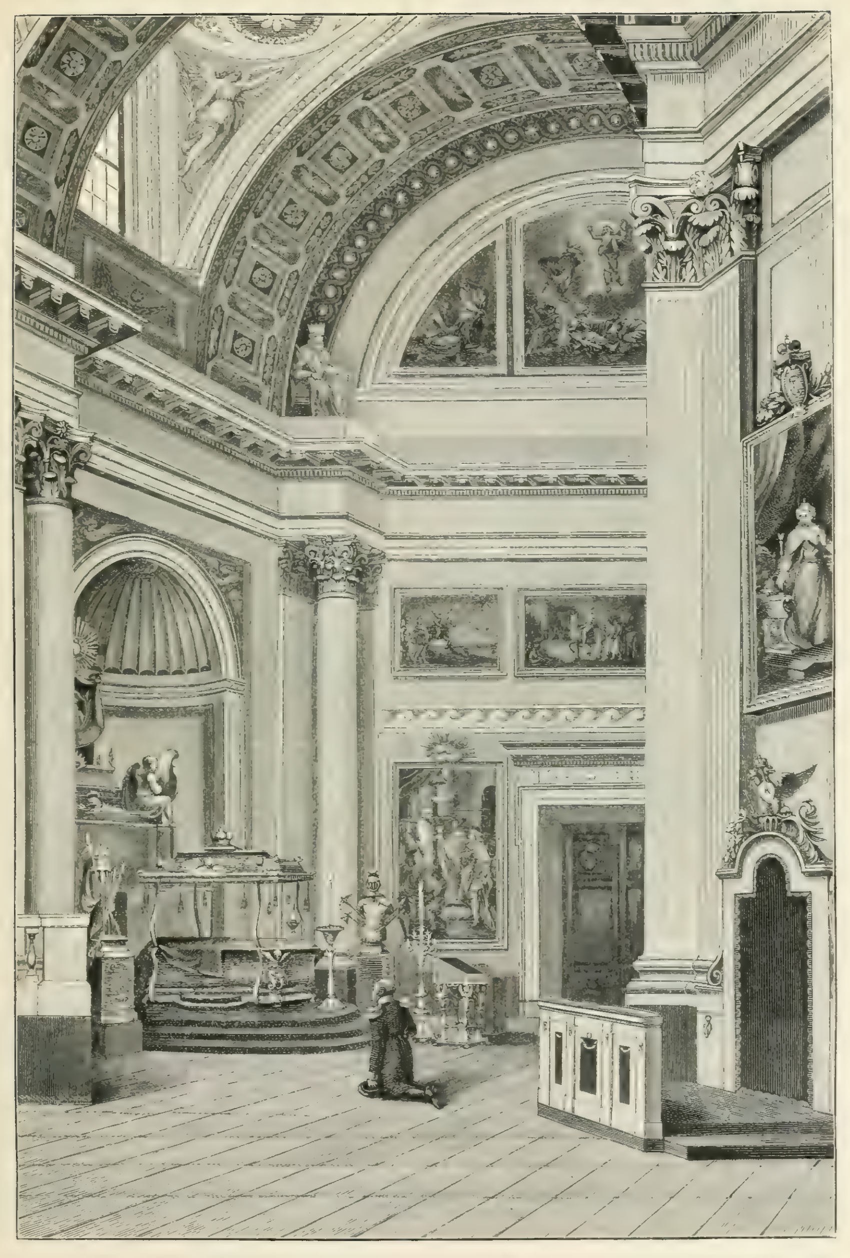
«Оброкъ я получаю по 15 рублей съ души, но и сего оброка по сіе время ни копѣйки не получилъ, и какъ теперь я совершенно въ страшной нуждѣ, ибо сверхъ ихъ оброка я долженъ былъ купить крестьянамъ овса на сѣмена на 12,000 рублей и муки на прокормленіе на 6,000 рублей, и, всѣ деньги издержавъ, совершенно обѣднялъ. Притомъ же староста мой, по занятіямъ моимъ по службѣ, меня обманываетъ, а теперь всѣ оныя плутни открылись, и все сіе вмѣстѣ меня крайне, любезный другъ, огорчаетъ, такъ что я часъ-отъ-часу становлюсь слабѣе и таю, какъ воскъ. Я увѣренъ въ доброй твоей душѣ, что ты пожалѣешь обо мнѣ и тѣмъ самымъ дашь мнѣ отраду».

Баронъ Кампенгаузенъ немедленно отвѣчалъ графу 13-го мая:

«Съ душевнымъ прискорбіемъ читалъ я письмо ваше отъ 11-го сего мѣсяца. Твердое упованіе мое на Бога, который васъ успокоитъ и вамъ поможетъ. Больному человѣку, конечно, всѣ непріятности чувствительнѣе, и потому, конечно, не отъ васъ зависитъ не вдвое чувствовать нынѣ, нежели въ другое время, тѣ домашнія досады, кои вамъ встрѣтились. Но сколько возможно постарайтесь успокоить себя и молитвою, и напоминаніемъ, что вся жизнь наша есть цѣпь страданій, въ какомъ бы мы положеніи ни находились, и что всѣ наши радости и всѣ печали состоятъ въ рукахъ Того, Который невидимымъ образомъ управляетъ судьбою нашею... Съ полученныхъ мною, за проданный мною въ 1818 году домъ, осталось у меня 15,000 рублей въ коммерческомъ банкѣ, кои могутъ быть оттуда взяты въ исходѣ нынѣшняго мѣсяца. Хотя, конечно, всякъ готовъ и въ состояніи услужить вамъ гораздо больше, но если они въ настоящемъ стѣсненномъ вашемъ положеніи могутъ вамъ пригодиться, то они готовы къ вашимъ услугамъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ».

Графъ Аракчеевъ не замедлилъ отвѣчать 20-го мая:

«Письмо ваше отъ 13-го мая мнѣ доказало, что еще есть на свѣтѣ добрые люди, кои любятъ своихъ пріятелей во всякое время, и въ ве-

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВЪ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРѢ 1-го СЕНТЯБРЯ 1825 ГОДА.

Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ картины Чернецова.

Егоръ Францовичъ Канкринъ.

Съ портрета Крюгера.

селое, и въ скучное, и вы онымъ письмомъ сдѣлали утѣшеніе моей печальной душѣ. Благодарю васъ, любезный другъ. Я буду оное помнить до конца жизни и васъ прошу не оставить меня. Ничего, кажется, нѣтъ пріятнѣе на семъ свѣтѣ, какъ участіе въ болѣзни и печали пріятеля.

«Я началъ, слава Богу, наконецъ, третій день пить кобылье молоко; оно мнѣ не дѣлаетъ боль въ желудкѣ, чего боялся мой лекарь, а теперь онъ, радуясь сему, остановился уже на одномъ молокѣ и прекратилъ всѣ лекарства... Благодарю васъ, почтенный другъ, и за обѣщаніе ссудить деньгами. Я увѣренъ въ дружбѣ вашей и, если уже припудитъ меня крайность, то я тогда не премину прибѣгнуть къ вамъ.

«Не забудьте, почтенный другъ, обѣщанія вашего пріѣхать въ мой монастырь отдохнуть. Вы будете худо угощены, но найдете вамъ усерднаго друга».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1822 года императоръ Александръ выѣхалъ для осмотра новгородскихъ поселеній и 15-го іюня побывалъ въ Грузинѣ. На этотъ разъ государя сопровождалъ великій князь Николай Павловичъ; это обстоятельство не лишено было политическаго значенія въ виду намѣренія Александра назначить его своимъ преемникомъ. По возвращеніи императора въ Царское Село начали распространяться слухи о какомъ-то мнимомъ неудовольствіи государя, вынесенномъ имъ изъ только что окончившихся смотровъ. Александръ поспѣшилъ успокоить графа Аракчеева и 15-го іюля писалъ грузинскому отшельнику:

«Крайне сожалѣю я, любезный Алексѣй Андреевичъ, о вздорныхъ слухахъ, дошедшихъ до тебя. Они совершенно ложны, ибо кромѣ похвалы никто изъ моего рта другого не слыхалъ. Я знаю, что навѣрно братъ и иностранные тоже весьма хвалили видѣнное ими. Для составленія приказа я ожидалъ Клейнмихеля и оттого запоздалъ, о чемъ я искренно сожалѣю, ибо оно произвело тебѣ нѣкоторую непріятность, отъ чего я бы желалъ всѣми средствами тебя уберечь. Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ»[289].

Нѣсколькими днями ранѣе, 9-го іюля, генералъ-адъютантъ Чернышевъ тоже написалъ графу Аракчееву по тому же поводу успокоительное письмо, въ которомъ сообщалъ ему свѣдѣнія, собранныя имъ отъ особъ, сопровождавшихъ государя въ Грузино и по поселеніямъ.

«Нынѣ, проведя трое сутокъ въ Царскомъ Селѣ», писалъ Чернышевъ, «съ свойственною мнѣ предъ вашимъ сіятельствомъ откровенностью долженъ сказать, что всѣ вообще, не исключая и тѣхъ, кои желали бы, чтобъ было иначе, въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, благосостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Всѣ торжественно говорятъ, что совершенства въ нихъ, какъ по части фронтовой, такъ и экономической, превосходятъ всякое воображеніе.

«Государь изволилъ со мною весьма долго говорить о послѣднемъ смотрѣ и удостоилъ входить въ разныя подробности, чтобъ доказать мнѣ, сколько противу прошлогодняго ваше сіятельство еще подались впередъ; я не буду распространяться о томъ, ибо вамъ совершенно извѣстна душевная признательность его величества. Но что произвело весьма сильное впечатлѣніе на многихъ, это мысль государя пригласить съ собою великаго князя[290], который, кажется, совершенно убѣдился въ неоспоримой истинѣ и перемѣнилъ совсѣмъ свой образъ мыслей насчетъ поселеній, къ сожалѣнію тѣхъ, которые старались дать онымъ противное направленіе.

«Его высочество, отдавая вообще полную справедливость внутреннему благоустройству въ поселеніяхъ и говоря про оное съ непритворнымъ восхищеніемъ, между прочимъ изволилъ мнѣ сказать при многихъ, что онъ въ гвардіи никогда не видалъ такихъ ученій, какъ у васъ. А начальникъ штаба утверждалъ, что даже въ Варшавѣ далеко отъ той исправности въ одеждѣ, чистотѣ, въ шагѣ, тишинѣ во фронтѣ и проч., каковыми ознаменовали себя полкъ вашего сіятельства и учебный баталіонъ на ученіи въ присутствіи государя.

«Иностранцы не опомнятся еще отъ зрѣлища, для нихъ столь неожиданнаго; полковника Редера въ особенности плѣнило внутреннее устройство и благосостояніе поселенныхъ войскъ въ домашней ихъ жизни и наружный видъ 63-хъ баталіоновъ, находящихся для производенія работъ; онъ увѣрялъ меня, что, несмотря на труды ихъ и совершенство по фронтовой части, онъ никогда и нигдѣ не видалъ столь здоровыхъ лицъ и военной осанки, какъ въ сихъ войскахъ. Такъ какъ Редеръ и Тунъ весьма охотно разсказывали своей собратіи о видѣнномъ ими, то многіе изъ дипломатическаго корпуса спрашивали уже меня, не будетъ ли и имъ позволенія взглянуть на поселенія.

«Послѣдствія нынѣшняго смотра многимъ очень непріятны: разительное впечатлѣніе личнаго обозрѣнія уничтожаетъ коварные замыслы и пресѣкаетъ всякій поводъ толковать вещи по своимъ страстямъ. Откровенно доложу вамъ, что лучшій способъ зажать ротъ таковымъ людямъ есть показаніе имъ истины; каждый, кто побывалъ у васъ, испыталъ оное надъ собою, и хотя я уже былъ предубѣжденъ въ пользу новыхъ заведеній, но никогда не могъ вообразить себѣ того, что дѣйствительно нашелъ въ оныхъ... Повторяю душевное увѣреніе въ томъ совершенномъ высокопочитаніи и безпредѣльной приверженности, съ коими навсегда пребыть честь имѣю».

Графъ Аракчеевъ внялъ, вѣроятно, совѣтамъ Чернышева и вскорѣ онъ привѣтствовалъ въ поселеніяхъ двухъ, какъ онъ выразился, знатныхъ посѣтителей. Это были Сперанскій и графъ Кочубей. Въ письмѣ къ императору Александру, отъ 30-го августа 1822 года, Аракчеевъ сообщилъ государю, что онъ показалъ имъ устройство двухъ полковъ, своего имени и короля прусскаго, «и графъ Кочубей объяснился, что какое на него произвело чувствіе осмотръ военныхъ поселеній, то будетъ объ ономъ писать вашему величеству».

Знатные посѣтители не замедлили также сообщить немедленно графу Аракчееву, какое произвело на нихъ чувствіе посѣщеніе военныхъ поселеній.

Сперанскій писалъ графу Аракчееву 19-го августа 1822 года: «Воротясь изъ Грузина, первое движеніе мое было принести вашему сіятельству благодарность за все, что мы видѣли и что въ теченіе

трехъ дней пріятнаго нашего путешествія и въ Грузинской обители отъ почтеннаго ея настоятеля и въ чудесныхъ военныхъ поселеніяхъ отъ главнаго ихъ начальника и учредителя испытали».

Графъ Кочубей не отсталъ отъ Сперанскаго въ выраженіяхъ благодарности за ласковый и дружескій пріемъ и за доставленіе удовольствія видѣть военныя поселенія. «Обозрѣніе оныхъ было для меня явленіе совершенно неожиданное», писалъ графъ Кочубей, «и подлинно какъ не придти въ удивленіе, сравнивая положеніе одной стороны Волхова съ другой, строенія, дороги, мосты, поля и проч. одного берега и противоположнаго. Я думалъ, и объѣзжая поселенія и потомъ, когда я переправился изъ оныхъ, что меня какою-то революціею глобуса перекинуло изъ области образованной въ какую-то варварскую страну, ибо ваше сіятельство согласитесь со мною, хотя вы и новгородецъ, что, начавъ отъ какой-то вѣтряной мельнички, тутъ близко и на боку стоящей, до самаго Подберезья ничего нѣтъ похожаго не только на произведеніе ума, но и рукъ человѣческихъ. Добравшись до Подберезья и до Чудова, я сравнивалъ работы шоссе съ вашими муравьями. Все идетъ крайне тупо, дѣятельности не видно, да, кажется, и надзору немного. Согласитесь, ваше сіятельство, со мною, что солдаты могли бы у насъ удивительныя вещи для пользы государства произвести при обдуманномъ планѣ и благоразумномъ и дѣятельномъ наблюденіи. Я признаюсь вамъ, что, имѣвъ случай по возвращеніи изъ Грузина писать его величеству, я упомянулъ и о сей мысли, и о томъ впечатлѣніи, которое поселенія надо мною произвели»[291].

Порядокъ и внѣшнее, призрачное, благосостояніе, безъ сомнѣнія, существовали въ военныхъ поселеніяхъ, но какою цѣною они были куплены и водворены и что это стоило государству безполезно затраченныхъ крови и денегъ—объ этомъ знатные посѣтители, конечно, благоразумно умалчивали въ изъявленіяхъ своихъ чувствованій.

Карамзинъ не избѣгъ общей участи и былъ привлеченъ къ этимъ грузинскимъ паломничествамъ; разсчитывали, что и онъ внесетъ свою лепту въ сокровищницу вынужденныхъ восхваленій военнымъ поселеніямъ. Исторіографъ нашъ отказался однако умножить царившую тогда оффиціальную ложь еще однимъ ложнымъ свидѣтельствомъ. Поѣздка Карамзина состоялась слѣдующимъ образомъ.

Въ своихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ Карамзинъ не разъ скорбѣлъ о горькой участи, которой подвергала крестьянъ жестокая система управленія военныхъ поселеній; государь, напротивъ того, видѣлъ въ нихъ свое любимое созданіе и объяснялъ ему, что они были учреждены съ цѣлью избавить народъ отъ тягости рекрутства, и изъявлялъ желаніе, чтобы Карамзинъ побывалъ въ поселеніяхъ: тогда онъ, конечно, убѣдится въ своемъ заблужденіи. Лѣтомъ 1825 года

Аракчеевъ писалъ Карамзину изъ Грузина 10-го іюля: «Желаніе мое показать вашему превосходительству самому военныя поселенія, то я и прошу васъ пожаловать ко мнѣ въ Грузино въ будущій четвергъ, то-есть, 16-го числа іюля, къ обѣду, откушать у меня деревенскаго хлѣба-соли, а послѣ обѣда мы отправимся вмѣстѣ съ вами въ военное поселеніе»[292]. Исторіографъ принялъ приглашеніе, и Аракчеевъ дѣйствительно самъ возилъ его вездѣ и все ему показывалъ, былъ очень

Иванъ Ивановичъ Дибичъ.
Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

любезенъ и, повидимому, откровененъ[293]. Но трехдневная поѣздка не перемѣнила вполнѣ установившагося мнѣнія Карамзина относительно военныхъ поселеній. Незадолго передъ тѣмъ, просматривая книгу о военныхъ поселеніяхъ, составленную Сперанскимъ[294], онъ высказалъ сожалѣніе, что этотъ государственный человѣкъ сдѣлался секретаремъ Аракчеева. Когда же однажды зашла рѣчь объ указѣ, запрещавшемъ чинамъ вѣдомства военныхъ поселеній переходить въ другую службу, Карамзинъ выразилъ крайнее огорченіе по поводу этой стѣснительной мѣры.

И. И. Дмитріеву онъ писалъ 31-го іюля 1825 года изъ Царскаго Села: «Зная милостивое расположеніе ко мнѣ государя, графъ Аракчеевъ угостилъ меня съ ласкою необыкновенною. Поселенія удивительны во многихъ отношеніяхъ. Тамъ, гдѣ за восемь лѣтъ были непроходимыя болота, видишь сады и города. Но русскій путешественникъ уже старъ и лѣнивъ на описанія»[295].

Реакція, установившаяся съ 1816 года въ правительственныхъ дѣйствіяхъ, не удовлетворяла, однако, въ желаемой степени сторонниковъ новаго охранительнаго направленія; они находили, что Россія не достаточно быстро и рѣшительно подвигается впередъ по пути спасенія общества и государства отъ революціи. Для окончательнаго пораженія нечестивыхъ ревнители вѣры выдвинули монаха, фанатика Фотія. Эта темная личность, внезапно выступившая на историческое поприще, оказалась, по свойствамъ характера и убѣжденій, какъ нельзя болѣе подходившею для проведенія цѣлей, преслѣдуемыхъ его покровителями.

Фотій, въ мірѣ Петръ Никитичъ Спасскій, былъ сынъ дьячка Спасскаго погоста Новгородскаго уѣзда. Онъ родился въ 1792 году и провелъ въ родительскомъ домѣ безотрадное дѣтство; его билъ нещадно отецъ, а затѣмъ и семинарское начальство. Въ 1817 году архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи московскій митрополитъ) постригъ Петра Спасскаго въ монахи; въ томъ же году Фотій, будучи уже іеромонахомъ, поступилъ законоучителемъ во 2-й кадетскій корпусъ. Склонный къ самоистязанію, болѣзненный по природѣ, Фотій кромѣ «власяницы» носилъ еще вериги по нагому тѣлу и ходилъ въ легкой одеждѣ зиму и лѣто. Образъ жизни, усвоенный аскетомъ-іеромонахомъ, сталъ вызывать все чаще, начавшіяся еще ранѣе, галлюцинаціи. Фотія посѣщали бѣсы, съ которыми ему приходилось сражаться, подвергаясь съ ихъ стороны жестокимъ истязаніямъ. Такъ въ своей автобіографіи, написанной въ третьемъ лицѣ, Фотій разсказываетъ слѣдующее: «Въ лѣтнее время нѣкогда около августа мѣсяца, послѣ часа девятаго, сѣлъ во власяномъ хитонѣ на стулъ, гдѣ было мѣсто моленія, подъ образами, хотѣлъ встать и молиться Господу по обычаю. Но вдругъ, что съ нимъ сдѣлалось, и въ какомъ состояніи былъ, но токмо въ забытіи, увидѣлъ себя въ непонятномъ нѣкоемъ состояніи, не во снѣ и не на яву: увидѣлъ явно четырехъ бѣсовъ, человѣкообразныхъ, пришедшихъ, безобразныхъ въ сѣромъ видѣ, не великихъ по виду, и они, бѣгая, было все хотятъ его бить, но опасаются именно власянаго хитона на немъ, и говорятъ они между собою: «сей есть врагъ нашъ! Схватимъ его и будемъ бить», но ни одинъ особо не смѣлъ приступить къ нему и бить его. Наконецъ сіи четыре согласились бѣса съ четырехъ сторонъ на него напасть, одинъ спереди, другій сзади, третій съ праваго бока, а четвертый съ лѣваго. И тако вдругъ не-

чаянно наскочили на него, какъ волки быстро, и одинъ его такъ ощутительно ударилъ въ грудь, что онъ, вскочивъ на ноги, отъ боли и страха испугался и, забывъ молитву читать, вскорѣ на одръ свой возлегъ и окрылся весь одѣяніемъ, дабы не видѣть никого и ничего, и тако молитву лежа втайнѣ сотворивъ вмалѣ, весь трепеталъ отъ ужаса вражія».

Но Фотій не удовольствовался этимъ вражіимъ нашествіемъ и простеръ свою любознательность до того, что пожелалъ видѣть бѣса въ его настоящемъ видѣ; бѣсъ явился, и «Фотій тогда пришелъ въ ужасъ велій». Но, тѣмъ не менѣе, онъ храбро вступилъ съ нимъ въ борьбу, въ которой едва не погибъ, но былъ спасенъ, по собственному признанію, Божественной силой свыше.

Видѣнія и искушенія продолжали, однако, попрежнему смущать Фотія. Нѣсколько мѣсяцевъ сатана подсылалъ къ нему духа злого, который внушалъ Фотію «явить всѣмъ силу Божію, а посему нѣкое бы чудо сотворилъ, или хотя перешедъ по водѣ яко по суху противъ самого дворца черезъ рѣку Неву».—Но Фотій вышелъ побѣдителемъ и изъ этого искушенія и благоразумно уклонился отъ совершенія чудеснаго опыта.

Съ этого времени Фотій усугублялъ свои подвиги въ воздержаніи, постахъ и молитвахъ, во всякой скудости, и, терпя во всемъ бѣдность, помышлялъ лишь о томъ, «како спасти себя и послушающихъ всѣхъ». Русскій Торквемадо познал себя наконецъ и началъ готовиться къ борьбѣ словомъ и дѣломъ противъ безбожія и потока нечестія; недоставало только костровъ, до которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, додумался бы. Но не во власти Фотія было измѣнить существовавшую обстановку, и потому, за неимѣніемъ лучшаго, ему приходилось довольствоваться словесными анаѳемами, которыя онъ щедро расточалъ при разныхъ случаяхъ противъ нечестивыхъ и вольнодумныхъ людей, не забывая также богомерзкія ихъ скопища, «противныя Богу и царю, церкви и отечеству, вредныя роду человѣческому и всякой власти законной». По словамъ біографа Фотія, «сила вещей и обстоятельства выдвинули на арену дѣятельности человѣка, безъ всякаго значенія и вѣса, съ самымъ скуднымъ образованіемъ и съ ограниченными способностями, но фанатика до послѣдней степени, готоваго идти въ огонь на мученія за вѣру и церковь, которую, впрочемъ, онъ понималъ узко и ограниченно[296].

Съ 1820 года проповѣди Фотія противъ духа времени и развращенія сблизили его съ графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской. Фотій не замедлилъ убѣдиться, что эта «дщерь-дѣвица» «есть раба Господня смиренная и сосудъ благодати Христовой»; громадныя богатства графини и сильныя связи ея при дворѣ оказались вскорѣ въ полномъ распоряженіи монаха-фанатика, принявшаго на себя роль пророка-обли-

чителя[297]. Митрополитъ Серафимъ, заступившій мѣсто скончавшагося Михаила, съ своей стороны, также способствовалъ возвышенію Фотія: онъ увидѣлъ въ немъ орудіе Провидѣнія и сдѣлался покорнымъ исполнителемъ его велѣній. Назначенный въ 1820 году игуменомъ въ Новгородскій Деревяницкій монастырь, Фотій черезъ два года нареченъ былъ архимандритомъ Сковородскаго монастыря.

Покровители Фотія, въ числѣ которыхъ находился также добродушный князь А. Н. Голицынъ, не подозрѣвавшій ничего о той конечной цѣли, къ которой стремился его мнимый и лукавый почитатель, выхлопотали архимандриту аудіенцію у императора Александра. Она состоялась 5-го (17-го) іюня 1822 года въ Зимнемъ дворцѣ и продолжалась полтора часа.

Приведемъ здѣсь разсказъ Фотія о первомъ свиданіи его съ государемъ, заимствованный изъ автобіографіи священно-архимандрита.

Отправляясь во дворецъ «на коняхъ дщери-дѣвицы Анны», Фотій заѣхалъ въ Казанскій соборъ помолиться; у него уже сложился опредѣленный планъ дѣйствій, независимо отъ наставленій, которыя онъ долженъ былъ выслушать со стороны митрополита и князя Голицына, что и какъ говорить съ царемъ. Затѣмъ, «изшедъ изъ колесницы, шелъ по лѣствицамъ обшимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ, то ежели оныя, видя крестное знаменіе, отбѣгутъ отъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицемъ царя дастъ ему благодать и преклонитъ сердце его послушати, что на сердцѣ его есть царю возвѣстити. Введенъ былъ Фотій въ преддверіе царскаго жилища и вскорѣ потребовалъ царь Александръ его. О чемъ Фотій тако повѣдалъ бывшее:

«Отверзаются двери, я оными вхожу въ комнату, гдѣ былъ царь, вижу, что тотчасъ царь грядетъ принять благословеніе, я же, не обращая на него вниманія, смотрю, гдѣ святый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, поклониться, прежде царя земнаго, образу Царя Небеснаго. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ углахъ и трехъ стѣнахъ и близъ себя почти назадѣ усмотрѣвъ на лѣвой сторонѣ у прага образъ въ углу, обратился я, трижды знаменаяся, поклонясь, предсталъ предъ царемъ. Царь, видя меня, хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время и послѣ паки со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, пріемлетъ благословеніе, цѣлуетъ усердно десницу мою; я же тотчасъ непримѣтно открылъ ликъ Спаса, далъ ему приложиться и ему вручаю оный образъ. Царь принялъ и привѣтствовалъ сими словами: «Я давно желалъ тебя, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе». На что я сказалъ царю: «Яко же ты хощешь принять благословеніе Божіе отъ меня, служителя святаго олтаря, то, благослов-

ляя тебя, глаголю: «миръ тебѣ, царю, спасися, радуйся, Господь съ тобою буди!» Царь по сихъ словахъ, взявъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стулъ, самъ сѣлъ противу меня, лицемъ въ лице прямо зря мнѣ, возсѣлъ же весьма близъ меня, яко же бы можно все тихо глаголя слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ

Митрополитъ Серафимъ.

Съ гравированнаго портрета Афанасьева.

креста знаменалъ себя, десницею моею мѣсто, возсѣлъ, и царя перекрестилъ. Началъ царь вопрошать меня о мѣстѣ моея службы въ корпусѣ, когда былъ я законоучителемъ, и въ монастырѣ. Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой церкви, вѣрѣ и спасеніи души; зря въ лице царю прямо, часто я себя знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возводя очи свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу. И колико слово все въ сладость принималъ царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ, толико я крестился, а царь, про-

старая руку, благословеніе отъ меня принимать желая, просилъ, дабы я его перекрестилъ. Я же о силѣ креста и знаменія старался внушить. Вижу, что царь весь сердцемъ прилѣпился къ услышанію слова отъ устъ моихъ, я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ сказать царю слово въ пользу церкви и вѣры».

Затѣмъ Фотій, похваливъ Серафима, говорилъ о нечестіи, о соблазнахъ, о потокѣ нечестія. Въ заключеніе Фотій сказалъ: «противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать.—Все нужное къ дѣлу вѣры святой внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, царь также самъ крестился и приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою святаго креста; многократно онъ цѣловалъ руку, благословляющую его, благодаря за бесѣду. Воставъ же, когда я готовился идти отъ царя, примѣтилъ, что царю уже время бесѣду со мною кончить. Царь палъ на колѣни предъ Богомъ и, обратясь лицемъ ко мнѣ, сказалъ: «Возложи руцѣ твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, прости и разрѣши мя». Азъ же, видя плодъ бесѣды моея съ царемъ, таковое благоговѣніе царя къ Богу втайнѣ, смиреніе его предъ Вышнимъ и Святымъ Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ, возложилъ руцѣ мои на главу цареву крестообразно, возводя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на него, да проститъ вся согрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню во словѣ, дѣлѣ святой церкви и вѣры, и сокрушитъ силы вражіи вскорѣ..... И посемъ, знаменавъ главу цареву и лице, руки мои отнялъ, царь же поклонился мнѣ въ ноги, стоя на колѣняхъ; восталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвѣ поминать не забывать, благословеніе посылать, и проводилъ самъ меня изъ дверей».

Фотій отъ государя проѣхалъ прямо въ домъ къ «дщери-дѣвицѣ», а потомъ къ митрополиту. «Когда же видѣлъ князя (Голицына) по семъ, не повѣдалъ ему ничто же, что съ царемъ тайное было говорено».

Князь Голицынъ, не подозрѣвая ничего о козняхъ, направленныхъ противъ него, какъ министра духовныхъ дѣлъ, устроилъ еще Фотію аудіенцію у императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Павловскомъ дворцѣ.

По совершеніи Фотіемъ всѣхъ этихъ подвиговъ, награды не заставили себя ждать. Государь пожаловалъ Фотію алмазный крестъ, императрица Марія Ѳеодоровна прислала ему золотые часы; наконецъ, 26-го августа (1822 года) послѣдовало назначеніе Фотія настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря.

Со времени аудіенціи Фотія у государя значеніе его быстро возростало и вскорѣ отразилось на одномъ важномъ правительственномъ

мѣропріятіи, принятомъ незадолго до отъѣзда государя заграницу на предстоявшій новый конгрессъ.

1-го (13-го) августа состоялся рескриптъ на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, по которому повелѣно было всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ то, масонскія ложи или другія, закрыть и учрежденіе ихъ впредь не дозволять; всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать, что они впредь никакихъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ составлять не будутъ, и, потребовавъ отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ объявленія, не принадлежатъ ли они къ такимъ обществамъ, взять съ нихъ подписки, что они впредь принадлежать уже къ нимъ не будутъ; «если же кто таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться на службѣ». Въ тотъ же день 1-го августа митрополитъ Серафимъ служилъ въ Петропавловской крѣпости литургію и возложилъ на архимандрита Фотія пожалованный ему алмазный крестъ. Императоръ Александръ, при этомъ случаѣ, простеръ свое вниманіе къ Фотію до того, что прислалъ поздравить его съ полученіемъ наперснаго креста и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ сообщить архимандриту, что указъ о запрещеніи ложъ масонскихъ и тайныхъ обществъ изданъ. «Фотій, толико подвизаяся», читаемъ мы въ его автобіографіи, «радовался вельми, не о наградѣ крестомъ себя, но о томъ, что сіи всѣ вредныя заведенія, подъ разными предлогами въ имперіи, опасныя для церкви и государства, послѣ запрещенія вскорѣ ослабѣютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ, и путь ихъ съ шумомъ погибнетъ, яко нечестивыхъ».

Всѣ предначертанныя рескриптомъ 1-го августа мѣры оказались, однако, дѣйствительными только относительно закрытія масонскихъ ложъ. Что же касается до тайныхъ обществъ, несомнѣнно преслѣдовавшихъ политическія цѣли, то они продолжали спокойно развиваться.

«Въ это время», по словамъ современника, «была въ Петербургѣ тройная полиція, а именно: генералъ-губернатора, министерства внутреннихъ дѣлъ и графа Аракчеева, но что она не принесла пользы, это, къ несчастію, доказалъ 1825 годъ».

По замѣчанію того же современника, карточная игра распространилась тогда въ Петербургѣ среди общества до невѣроятной степени. «Конечно, изъ ста домовъ въ девяносто домахъ играютъ», пишетъ Данилевскій, «и хотя въ семъ году кругъ моихъ знакомствъ сдѣлался весьма обширенъ, и я часто выѣзжалъ, но не видалъ, чтобы гдѣ-нибудь занимались чѣмъ-либо другимъ, кромѣ картъ. Если приглашали на вечеръ, то это значило играть, и едва я успѣвалъ поклониться хозяйкѣ, карта уже находилась въ моей рукѣ. На званыхъ обѣдахъ передъ столомъ садились за вистъ и игрою занимались не только люди въ лѣтахъ, но и молодые. Я думаю, что сіе происходило частію отъ недо-

статка въ образованіи, вообще примѣтнаго въ Россіи, ибо когда воспитаніе кончается въ семнадцать лѣтъ, то какого запаса идей и познаній и какой страсти къ наукамъ можно ожидать у людей въ возмужалыя лѣта, частію же и оттого, что изъ разговоровъ изгнаны были всѣ политическіе предметы; правительство было подозрительно, и въ рѣдкомъ обществѣ не было шпіоновъ, изъ коихъ, однако же, большая часть были извѣстны. Иные изъ нихъ принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ фамиліямъ, были украшены орденами и носили камергерскіе ключи»[298].

Закрытіе масонскихъ ложъ навело Михайловскаго-Данилевскаго на слѣдующія разсужденія:

«Масонство не имѣло въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени. Съ закрытіемъ ложъ мы лишаемся единственныхъ мѣстъ, гдѣ собирались не для карточной игры, потому что у насъ нѣтъ теперь общества, въ которомъ бы карты не составляли главнаго или, лучше, исключительнаго занятія. Мы еще такъ не свѣдующіе въ предметахъ, касающихся до политики, что правительству нельзя опасаться, чтобы бесѣды и разговоры объ нихъ могли сдѣлаться цѣлью масонскихъ ложъ. Знатные люди у насъ рѣдко были масонами; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ ложъ, обыкновенно наполненныхъ людьми средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма рѣдко купцами, а болѣе всѣхъ литераторами. Въ ложѣ «Избраннаго Михаила» я находилъ отличнѣйшихъ людей, напримѣръ Ѳедора Глинку, извѣстнаго столько же прекрасными своими сочиненіями, сколько и добродѣтелями, Греча, остроумнаго издателя перваго въ Россіи журнала по части изящныхъ искусствъ, графа Толстого, прославившагося лѣпными работами, Доброхотова, лучшаго рѣзчика на камнѣ, Рикорда, одного изъ превосходныхъ нашихъ мореплавателей, и другихъ почтенныхъ людей.

«Я не былъ ревностнымъ масономъ, и мнѣ не для чего принимать на себя защиту сей секты, но скажу откровенно, что въ русскихъ масонскихъ ложахъ я не слыхалъ никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ о вспоможеніи бѣднымъ, о словесности и объ искусствахъ. Польза, проистекавшая отъ соединенія такихъ отличныхъ людей, какихъ я наименовалъ, очевидна; лишившись съ уничтоженіемъ ложи средоточія, гдѣ они совокупно дѣйствовали во взаимномъ благотвореніи и просвѣщеніи, они разсѣятся по разнымъ обществамъ, гдѣ каждый изъ нихъ находится по службѣ или по семейнымъ своимъ связямъ. Изъ сего видно, что масонство, сближавшее особъ различнаго состоянія, было въ семъ отношеніи благодѣтельно для Россіи, гдѣ раздѣленіе гражданскихъ сословій отмѣнно много препятствуетъ развитію просвѣщенія.

Не отвѣчаю, однако же, чтобы между масонскими ложами не происходило злоупотребленій, но никакое человѣческое учрежденіе не су-

Великій князь Михаилъ Павловичъ и его супруга в. к. Елена Павловна.

Съ портрета начала нынѣшняго столѣтія, находящагося въ Эрмитажѣ.

ществовало безъ недостатковъ. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ ложахъ увлекаются умствованіями о мистикѣ, и, слѣдовательно, предавались сужденіямъ, можетъ быть, не свойственнымъ истинному разуму закона. Но разсматривая сіе обстоятельство, равно множество сочиненій, написанныхъ на нашемъ языкѣ о мистическихъ предметахъ, и страсть къ чтенію ихъ, весьма усиливающуюся, должно сдѣлать заключеніе, извлеченное изъ исторіи, что метафизическими книгами и преніями о религіозныхъ понятіяхъ начиналось просвѣщеніе у всѣхъ народовъ.

Въ Россіи уже въ другой разъ закрываются масонскія ложи: въ первый разъ сіе случилось во время французской революціи. Запрещеніе сіе послѣдовало для огражденія насъ тогда отъ политическихъ потрясеній, свирѣпствовавшихъ во Франціи, но можно утвердительно сказать, что Россія и безъ того осталась бы спокойною, особенно, когда помыслимъ, что члены тогдашняго масонства были люди самые честные и образованные, какъ, напримѣръ, И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ, Новиковъ, Невзоровъ, Карамзинъ.

Въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ упомянуто кромѣ масоновъ о тайныхъ обществахъ; но мнѣ, выключая существовавшаго въ Михайловскомъ замкѣ мистическаго общества, никакое другое не извѣстно, да и кто члены сихъ мнимыхъ тайныхъ обществъ? Дворянство? Но девять десятыхъ его находятся на службѣ, а живущіе въ деревняхъ преданы или игрѣ, или охотѣ, или, устрашенные безпрерывною молвою о вольности крестьянъ, боятся, чтобы у нихъ не отняли собственности ихъ, и весьма удалены отъ всякихъ обществъ тайныхъ. Среднее состояніе? Но оно не существуетъ, ибо ученыхъ нѣтъ, а у малаго числа занимающихся науками по обязанности или склонности недостаетъ насущнаго пропитанія. Купцы еще въ невѣжествѣ и вмѣсто всякихъ другихъ политическихъ перемѣнъ желаютъ исправленія банкротскаго устава, ибо недостатокъ кредита повсемѣстный. Кто же опасные члены сихъ мнимыхъ тайныхъ обществъ? А ежели нѣтъ членовъ, то нѣтъ и обществъ: la guerre finit faute de combattants [299].

Позднѣйшія событія доказали, насколько ошибся Михайловскій-Данилевскій въ своихъ заключеніяхъ; но послѣднія тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, какъ отраженіе извѣстныхъ взглядовъ, распространенныхъ тогда среди нѣкоторой части русскаго общества.

3-го (15-го) августа 1822 года императоръ Александръ выѣхалъ въ Варшаву, а 26-го августа (7-го сентября) прибылъ въ Вѣну.

Въ виду возможности весьма продолжительнаго отсутствія изъ столицы государь призналъ полезнымъ, чтобы главнокомандующій первою арміею, графъ Сакенъ, имѣлъ пребываніе въ Петербургѣ; подобное мѣропріятіе было вызвано воспоминаніемъ о происшествіи въ Семеновскомъ полку, случившемся въ 1820 году во время Троппаускаго конгреса.

Пребываніе Александра въ Вѣнѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ, что тамъ сильнѣе прежняго скрѣпились узы Священнаго союза, и эти узы тѣснили насъ такъ долго, что оставили по себѣ рубцы и раны, которые не скоро могли залечиться[300]. Довѣріе Александра къ Меттерниху было безграничное. Австрійскому канцлеру удалось даже развить свойственную государю недовѣрчивость до того, что, по свидѣтельству графа Нессельроде, осторожные до робости самъ Нессельроде и князь Волконскій не могли быть увѣрены, что ихъ не заподозрятъ въ карбонаризмѣ.

Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ государственный эгоизмъ окончательно исчезъ изъ соображеній русской политики. Въ нотѣ графа Нессельроде, отъ 14-го (26-го) сентября, изъявлена была готовность русскаго правительства возобновить дипломатическія сношенія съ Оттоманскою Портою, если она согласится открыть непосредственно переговоры насчетъ ручательствъ, которыя обезпечивали бы будущность грековъ, или если она проявитъ уваженіе къ вѣроисповѣданію, состоящему подъ покровительствомъ Россіи, и возстановитъ внутреннее спокойствіе Греціи на основаніяхъ, могущихъ успокоить россійскаго монарха въ отношеніи судьбы его единовѣрцевъ.

Отказавшись отъ неотлагательнаго умиротворенія Греціи, императоръ Александръ всецѣло устремилъ свое вниманіе на Испанію. Поэтому подавленіе въ этой странѣ революціи сдѣлалось главнымъ вопросомъ, которымъ предполагали заняться на предстоявшемъ конгресѣ въ Веронѣ. Меттернихъ, восхищенный отсутствіемъ графа Каподистріи, котораго онъ называлъ «le funeste élément d'éternelle division», ожидалъ наилучшихъ результатовъ отъ новаго конгреса, члены котораго состояли, по его признанію, изъ честныхъ людей (de braves gens)[301].

Въ это время графъ Аракчеевъ находился въ Грузинѣ и въ день тезоименитства государя, 30-го августа, отправилъ къ своему благодѣтелю въ Вѣну слѣдующія краснорѣчивыя строки:

«Великій сей день для меня, по чувствамъ приверженной души моей къ особѣ всеавгустѣйшаго моего благодѣтеля, провожу я въ военномъ поселеніи, какъ въ мѣстѣ вами, батюшка, вновь сотворенномъ, и сейчасъ возвратился изъ храма Божія, гдѣ съ чистою вѣрою и усердною молитвою просилъ Бога о продолженіи здоровья вашего и о совершеніи всѣхъ желаній вашихъ, а здѣсь осмѣлился обезпокоить васъ, батюшка, сими строками, не пышными, но усердными, дабы поздравить моего государя и благодѣтеля съ днемъ его ангела.— Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно, смирно и тихо».

Императоръ Александръ отвѣчалъ своему другу изъ Вѣны, 12-го (24-го) сентября, милостивымъ письмомъ:

«Съ душевною признательностію получилъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо твое отъ 30-го августа. Доказательства твоей привязанности ко мнѣ принимаю я всегда съ искреннимъ удовольствіемъ, ибо знаю, сколь они чистосердечны и по сему драгоцѣнны для меня. Ты не сомнѣваешься также въ искренности моей и любви къ тебѣ.

«Пріятно мнѣ было видѣть, что ты провелъ именины мои въ военныхъ поселеніяхъ, и что въ нихъ все, благодареніе Богу, благополучно.

«На сей недѣлѣ отправляемся мы въ Италію, то-есть, въ Верону, но не далѣе, и я надѣюсь, съ помощію Божіею, возвратиться къ назначенному сроку въ Петербургъ».

Во время пребыванія императора Александра въ Вѣнѣ онъ пожелалъ видѣть аббата князя Александра Гогенлоэ, который своими христіанскими добродѣтелями пріобрѣлъ тогда извѣстность въ католическомъ мірѣ. Гогенлоэ привѣтствовалъ государя рѣчью, въ которой высказалъ мысль, что Господь избралъ его орудіемъ для дарованія европейскимъ народамъ спокойствія и мира. Выслушавъ рѣчь аббата, Александръ опустился передъ нимъ на колѣни и просилъ благословенія; растроганный аббатъ исполнилъ его желаніе и прижалъ благочестиваго монарха къ своему трепещущему сердцу. Затѣмъ между ними началась бесѣда, продолжавшаяся болѣе двухъ часовъ; содержаніе этой бесѣды осталось тайною[302].

Императоръ Александръ не удовольствовался духовною бесѣдою съ аббатомъ Гогенлоэ и пожелалъ видѣть также квакера Аллена, прибывшаго въ Вѣну. Государь провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ. Алленъ пишетъ, что въ продолженіе всего разговора императоръ проявлялъ такую мягкость и благосклонность, что у него пропалъ всякій страхъ, и они бесѣдовали непринужденно, какъ старые друзья. Вечеръ кончился молитвой. По словамъ Аллена, они оба были проникнуты сладкимъ чувствомъ божественной благодати, и когда квакеръ замѣтилъ, что это заставило его забыть на минуту различіе ихъ положеній, государь съ чувствомъ обнялъ его.

Во время вторичной бесѣды съ Алленомъ императоръ повѣрилъ ему свои религіозныя чувства и постоянную внутреннюю борьбу; въ заключеніе они провели нѣсколько времени въ молчаніи и молитвѣ. Прощаясь, Александръ поцѣловалъ квакера.

По окончаніи дипломатическихъ конференцій въ Вѣнѣ, продолжавшихся три недѣли, императоръ Александръ направился черезъ Зальцбургъ въ Тегернзее, гдѣ было назначено свиданіе съ баварскимъ королемъ, а затѣмъ черезъ Инсбрукъ и Ботценъ продолжалъ путь въ Верону. 4-го (16-го) октября государь прибылъ въ этотъ городъ, гдѣ для его величества было приготовлено помѣщеніе въ великолѣпномъ замкѣ маркиза ди-Каносса, расположенномъ на самомъ берегу рѣки Адижа. Въ самомъ замкѣ вмѣстѣ съ государемъ помѣщались князь Волконскій, князь Меншиковъ съ канцеляріею начальника главнаго штаба и съ чиновниками, составлявшими ее, и походная церковь.

Къ прибытію государя императоръ австрійскій, король прусскій и итальянскіе государи, а также министры всѣхъ державъ уже находились въ Веронѣ. Изъ русскихъ дипломатовъ тамъ присутствовали, кромѣ графа Нессельроде, послы въ Лондонѣ и Парижѣ, графъ Ливенъ и Поццо-ди-Борго. Изъ французскихъ дипломатовъ обращалъ на себя вниманіе Шатобріанъ.

Конгресъ занялся прежде всего обсужденіемъ вопроса о возстановленіи законнаго правительства въ Испаніи.

Архимандритъ Фотій.

Съ портрета Георга Доу, гравированнаго Генрихомъ Доу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Россія, Австрія и Пруссія потребовали отъ Испаніи прекращенія волновавшихъ ее смутъ и перемѣны политической системы. Франція для достиженія этой цѣли рѣшилась дѣйствовать оружіемъ, и императоръ Александръ объявилъ, что онъ подастъ ей и нравственную и матеріальную помощь, въ какой она будетъ нуждаться, безъ всякихъ ограниченій и условій.

Разсужденія конгреса относительно умиротворенія Востока не привели ни къ какому рѣшенію. Россія заявила, на какихъ условіяхъ она согласна возстановить дипломатическія сношенія съ Оттоманской Портою. Союзники признали великодушную умѣренность требованій императора Александра, а государь съ своей стороны заявилъ, что дружественныя чувства его союзниковъ внушаютъ ему такое довѣріе, что онъ совершенно предоставляетъ ихъ благоразумію попеченіе о дальнѣйшихъ переговорахъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на добровольное отреченіе Александра отъ своего историческаго призванія на Востокѣ, европейская дипломатія не добилась возобновленія дружественныхъ сношеній Россіи съ Портою вслѣдствіе упорства Турціи сдѣлать какія-либо существенныя уступки по главному предмету переговоровъ—умиротворенію Греціи; Порта ограничилась одними неопредѣленными обѣщаніями.

Какъ только Россія окончательно отшатнулась отъ греческаго дѣла, Англія не замедлила воспользоваться этимъ и поспѣшила занять ея мѣсто. Каннингъ заявилъ, что Англія не можетъ быть равнодушною къ участи христіанскаго народа, который въ продолженіе вѣковъ стоналъ подъ игомъ варварства. Увѣренность въ помощи и поддержкѣ со стороны Англіи придала грекамъ новыя силы, и борьба за независимость продолжалась. Такимъ образомъ Греція, къ величайшему огорченію Меттерниха, хотя и не дождалась, благодаря его проискамъ, поддержки Россіи, но не отказалась отъ геройской борьбы противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей. Дипломатическія интриги и ухищренія австрійскаго канцлера привели только къ тому, что оттянули неизбѣжный кровавый поединокъ между Россіею и Портою, а освобожденіе Греціи все-таки совершилось[303].

Политическіе взгляды, которыми руководствовался въ эту эпоху императоръ Александръ на веронскихъ совѣщаніяхъ, лучше всего выразились въ бесѣдѣ его съ французскимъ уполномоченнымъ Шатобріаномъ[304].

— «Франція поступитъ такъ, какъ пожелаетъ», сказалъ ему государь.—«Монморанси спрашивалъ меня, что я предприму въ случаѣ, если между Франціей и Испаніей возгорится война и она осложнится несчастными обстоятельствами для первой. Я отвѣчалъ ему, что мой мечъ къ услугамъ Франціи; если же Франція не желаетъ его болѣе или можетъ обойтись безъ него, это ея дѣло; я не имѣю притязаній влять

на ея образъ дѣйствій какимъ бы то ни было образомъ; но что̀ вы думаете объ этомъ?»

— «Государь», отвѣтилъ Шатобріанъ, «я думаю, что Франція должна собственными силами какъ можно скорѣе снова занять то положеніе, которое ее заставили потерять вѣнскіе договоры. Когда она опять вернетъ себѣ свое достоинство, она станетъ болѣе полезной и болѣе почетной союзницей для вашего величества».

Шатобріанъ пишетъ, что на лицѣ императора показалась благородная улыбка, и, затѣмъ, помолчавъ немного, Александръ продолжалъ говорить, какъ бы отвѣчая на какую-то свою мысль:

— «Я очень радъ, что вы пріѣхали въ Верону, чтобы воздать должное истинѣ. Неужели вы думали, какъ это утверждаютъ наши враги, что союзъ—слово, служащее лишь для прикрытія честолюбія? Это было бы справедливо при прежнемъ порядкѣ вещей, но теперь, когда образованный міръ находится въ опасности (quand le monde civilisé est en péril), не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо частныхъ выгодахъ. Теперь уже не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; существуетъ только одна политика, общая, которая для спасенія всѣхъ должна быть принята сообща народами и государями. Я первый долженъ показать вѣрность началамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Одинъ случай представился къ тому: возстаніе Греціи. Ничто, безъ сомнѣнія, не казалось болѣе отвѣчающимъ моимъ интересамъ, интересамъ моихъ народовъ, общественному мнѣнію моей страны, какъ религіозная война съ Турціей; но въ волненіяхъ Пелопонеза я усмотрѣлъ признаки революціи. И тогда я воздержался. Чего только не было сдѣлано, чтобы порвать союзъ? Пытались то внушить мнѣ предубѣжденія, то задѣть мое самолюбіе; меня открыто оскорбляли. Меня очень плохо знали, если думали, что мои убѣжденія проистекали изъ тщеславія или могли уступить чувству злобы. Нѣтъ, я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Государямъ должно быть позволено заключать явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ. Что же такое могло бы соблазнить меня? Къ чему мнѣ расширять свою имперію? Провидѣніе предоставило въ мое распоряженіе восемьсотъ тысячъ солдатъ не для удовлетворенія моего честолюбія, а для того, чтобы я покровительствовалъ религіи, нравственности и правосудію и способствовалъ утвержденію этихъ началъ порядка, на коихъ зиждется человѣческое общество»[305].

Меттернихъ тоже сохранилъ для исторіи не менѣе любопытный разговоръ въ Веронѣ съ императоромъ Александромъ; эта бесѣда вполнѣ освѣщаетъ характеръ, стремленія и душевное настроеніе государя въ эпоху Веронскаго конгреса.

Однажды Меттернихъ засталъ Александра, около шести недѣль спустя послѣ открытія конгреса, въ сильномъ возбужденіи; онъ признался канцлеру, что чувствуетъ потребность объясниться съ нимъ по одному важному обстоятельству. «Насъ хотятъ разлучить и порвать узы, связывающія насъ», сказалъ государь.—«Я считаю эти узы священными, ибо они соединяютъ насъ въ общихъ интересахъ. Вы хотите спокойствія вселенной, и я также не знаю иного честолюбія, какъ поддерживать его; враги европейскаго мира не заблуждаются на этотъ счетъ; они не заблуждаются также насчетъ степени сопротивленія, которое ихъ козни встрѣчаютъ въ нашемъ единодушіи: имъ хотѣлось бы во что бы то ни стало устранить это препятствіе, и, въ убѣжденіи, что открытымъ путемъ это не удастся имъ, они дѣйствуютъ окольными путями: меня осыпаютъ упреками, зачѣмъ я отказался отъ своей независимости и позволяю вамъ руководить собою»[306].

Меттернихъ съ горячностью возразилъ императору, что все, услышанное имъ не составляетъ для него новости, и что за оказанное довѣріе онъ готовъ отвѣтить признаніемъ, подтверждающимъ истину словъ, сказанныхъ ему государемъ. «Васъ упрекаютъ въ томъ, что вы вполнѣ подчиняетесь моимъ совѣтамъ; съ другой стороны меня тоже обвиняютъ въ томъ, что я жертвую интересами своей страны моимъ отношеніямъ къ вашему величеству. Одно обвиненіе стоитъ другого. Совѣсть вашего величества такъ же чиста, какъ и моя. Мы служимъ одному и тому же дѣлу, а это дѣло въ одинаковой степени составляетъ достояніе и Россіи, и исторіи, и всего общества. Давно уже я сдѣлался мишенью неблагонамѣренныхъ кружковъ и въ искреннемъ согласіи между нашими дворами вижу единственный оплотъ, который можно еще противопоставить вторженію общаго безпорядка. Съ другой стороны, по крайней сдержанности моего личнаго поведенія вы можете составить понятіе о важности, которую я придаю сохраненію нашихъ близкихъ отношеній. Не желаетъ ли ваше величество видѣть какую-либо перемѣну въ этомъ поведеніи?»

— «Этого только я и поджидалъ», прервалъ его государь,—«и если я чувствовалъ извѣстное стѣсненіе признаться вамъ въ нѣкоторыхъ затрудненіяхъ моего положенія, то дѣло заключается не въ томъ, чтобы я не былъ твердо намѣренъ бороться съ ними; единственное мое опасеніе заключается въ томъ, чтобы вы сами не начали колебаться» (ma seule crainte, c'est que vous ne faiblissiez vous-même).

Въ заключеніе этого разговора Александръ взялъ съ Меттерниха формальное обѣщаніе, что онъ останется вѣренъ тѣсному союзу съ нимъ и не позволитъ застращать себя пустыми разговорами; вмѣстѣ съ тѣмъ государь просилъ Меттерниха принять и съ его стороны не менѣе формальное обѣщаніе, что онъ никогда не измѣнитъ тому непоколебимому довѣрію, съ которымъ онъ относится къ нему[307].

Во время пребыванія въ Веронѣ Меттернихъ подмѣтилъ въ характерѣ императора Александра новую черту: утомленіе жизнью[308]. Испытанныя государемъ многолѣтнія душевныя тревоги дѣйствительно начали отражаться тогда явнымъ образомъ на этомъ столь крѣпкомъ доселѣ организмѣ. Настроеніе духа Александра окончательно приняло

Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская.

Съ портрета, находящагося въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ.

до того мрачный оттѣнокъ, что государь высказалъ императору Францу въ Веронѣ томившее его предчувствіе близкой кончины.

Шатобріанъ въ своихъ запискахъ о Веронскомъ конгресѣ также посвятилъ нѣсколько словъ меланхоліи, овладѣвшей въ ту пору императоромъ Александромъ. Прощаясь съ государемъ, Шатобріанъ былъ глубоко взволнованъ; что-то подсказывало ему, что онъ не увидитъ болѣе этого еще столь молодого, сильнаго и красиваго человѣка, которому суждено было умереть спустя три года[309].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Императоръ Александръ провелъ вообще все время въ Веронѣ въ большомъ уединеніи, обѣдалъ почти всегда одинъ и только изрѣдка съ австрійскимъ императоромъ и съ королемъ прусскимъ. Главное удовольствіе его состояло въ прогулкахъ пѣшкомъ и верхомъ. Предположенная первоначально поѣздка въ Миланъ не состоялась вслѣдствіе открытаго тамъ заговора противъ австрійскаго правительства. Государь отказался также и отъ посѣщенія Рима[310].

Въ концѣ ноября въ Веронѣ началась суровая зима; морозъ доходилъ до десяти градусовъ. На обратномъ пути въ Россію, около Падуи, государя застигла страшная вьюга, и морозъ усилился до 16°. Писаря и экипажные служители до того перезябли, что нѣкоторые поморозили пальцы на рукахъ и ногахъ.

4-го (16-го) декабря императоръ Александръ посѣтилъ Венецію, гдѣ пробылъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, а затѣмъ продолжалъ путь черезъ Тироль[311]. 12-го (24-го) декабря, въ день своего рожденія, государь слушалъ обѣдню въ Бриксенѣ, гдѣ заблаговременно была приготовлена походная церковь, отправленная туда прямо изъ Вероны. 21-го декабря Александръ прибылъ въ мѣстечко Пильзенъ въ Богеміи, гдѣ его ожидала великая княгиня Марія Павловна со всѣмъ своимъ семействомъ; тамъ государь провелъ нѣсколько дней.

Въ Пильзенѣ Александръ получилъ отъ своего грузинскаго друга нижеслѣдующее краснорѣчивое посланіе, отправленное 30-го ноября.

«Батюшка, ваше величество!

«Приближающійся день вашего рожденія есть въ мірѣ семъ день моего благополучія. Посему-то и не могу удержать желанія моего и не принести вамъ, батюшка, мое отъ истиннаго сердца поздравленіе. Прошу Господа Бога, да продлитъ жизнь вашу, да укрѣпитъ здоровье ваше на перенесеніе тяжкихъ трудовъ при нынѣшнихъ лукавыхъ человѣческихъ мысляхъ и дѣяніяхъ. Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, батюшка, все благополучно, смирно и тихо, за что ежедневно приношу благодареніе Богу. Я увѣренъ, что вы, батюшка, въ теченіе моей службы изволили замѣтить во мнѣ всегда истинное желаніе въ исполненіи приказаній вашихъ, почему и нынѣ, уладивъ съ г. Сперанскимъ о учрежденіи коммиссіи для пересмотра положенія о военныхъ поселеніяхъ, представляю при семъ общій нашъ о семъ докладъ, а одобреніе его изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ въ оригиналѣ письма[312]...... Позвольте, батюшка, сказать нѣсколько словъ и о себѣ. Боль моя въ груди возобновилась во всей ея силѣ, съ наступленіемъ сырой погоды, и не даетъ мнѣ ночью пользоваться нужнымъ для подкрѣпленія силъ сномъ[313]. Но надежда моя и упованіе Богъ, а утѣшеніе—обожаемый мною монархъ и благодѣтель Александръ Павловичъ».

Государь тотчасъ же поспѣшилъ отвѣтить графу Аракчееву изъ Пильзена 23-го декабря:

«Съ искреннею благодарностію получилъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо твое отъ 30-го ноября и поздравленіе со днемъ

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.

Съ портрета, приложеннаго къ «Библіографическимъ запискамъ» 1892 года.

рожденія. Всегда драгоцѣнны для меня чувства и привязанность твои. Но и мое сердце тебѣ извѣстно и не ново для тебя, сколько чистосердечно я самъ тебя люблю и уважаю.

«Непріятно мнѣ было извѣстіе о твоемъ здоровьѣ; прошу Бога, дабы послалъ тебѣ настоящее облегченіе. Не покинулъ ли ты молочную

пищу свою или, лучше сказать, питіе? Тогда легко станется, что отъ недостатка питательнаго и въ то же время мягчительнаго сего напитка груди твоей стало хуже... Благодарю тебя за безпрерывное твое помышленіе о исполненіи моихъ намѣреній. При семъ возвращаю письмо Сперанскаго. Бумагъ я еще не разсматривалъ, а пришлю съ будущимъ курьеромъ.

По милости Божіей, я уже на возвратномъ пути. Чрезъ недѣлю надѣюсь быть въ Варшавѣ, а потомъ и къ вамъ. Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ. На вѣкъ искренно тебя любящій».

Въ тотъ же день, то есть 23-го декабря 1822 года (4-го января 1823 года), императоръ Александръ написалъ письмо Меттерниху, изъ котораго видно, съ какими мыслями государь возвращался въ Россію по окончаніи Веронскаго конгреса.

Всѣ усилія», писалъ Александръ, «были направлены къ тому, чтобы помѣшать тремъ союзнымъ державамъ занять то внушительное положеніе, которое одно могло бы поддержать ходъ событій и предрѣшать ихъ развязку. Революціонная партія прекрасно поняла, что, какъ только это положеніе будетъ занято тремя державами, ихъ соединенныя силы достигнутъ такихъ громадныхъ размѣровъ, что уже ничто не будетъ въ состояніи болѣе имъ противиться. Въ такомъ случаѣ зависѣло бы только отъ этихъ трехъ державъ, разрушивъ все, что создано мятежемъ въ Испаніи, по примѣру того, что было сдѣлано въ Неаполѣ и Піемонтѣ, продиктовать затѣмъ, въ видахъ спокойствія и всеобщаго блага, всѣ улучшенія и измѣненія повсюду, гдѣ по своимъ соображеніямъ онѣ признаютъ это нужнымъ. Подобные виды въ будущемъ, столь утѣшительные для людей благонамѣренныхъ, устрашили приверженцевъ революцій. Съ тѣхъ поръ приложены были всѣ усилія, чтобы помѣшать осуществленію указаннаго плана, парализуя соотвѣтственныя рѣшенія и лишая ихъ той энергіи, которая необходима для достиженія выдающихся результатовъ... Но это кажущееся торжество можетъ оказаться непродолжительнымъ. Союзъ находится въ полной своей силѣ. Никогда еще единеніе трехъ монарховъ, лежащее въ его основаніи, не было болѣе тѣснымъ. Оно окрѣпло еще болѣе во время послѣдняго свиданія. Такимъ образомъ, средства, которыми располагаетъ союзъ, громадны. Все дѣло только въ томъ, чтобы ихъ держать на-готовѣ и употребить во-время и кстати. И такъ, хотя я и сожалѣю о слабомъ и нерѣшительномъ образѣ дѣйствій Франціи и о столь мало чистосердечномъ поведеніи Англіи, тѣмъ не менѣе вы видите меня полнымъ надеждъ на достиженіе результатовъ, добиться которыхъ, съ помощью Провидѣнія, зависитъ лишь отъ насъ однихъ. Возвратившись домой, я намѣренъ усиленно заняться, чтобы быть готовымъ въ нужный моментъ оказать поддержку союзу.

«Прочтите, пожалуйста, это письмо его величеству императору, вашему повелителю. Оно является продолженіемъ нашихъ послѣднихъ разговоровъ съ нимъ въ Инсбрукѣ. Я не могу закончить его, князь, не поблагодаривъ васъ за тѣ пожеланія, которыя вы были такъ любезны высказать мнѣ по случаю Новаго года. Вся моя жизнь, на сколько это зависитъ отъ меня, посвящена только заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы (de la chose publique

Александръ Өедоровичъ Лабзинъ.
Съ гравюры Масловскаго, сдѣланной съ портрета Витберга.

européenne). Что касается моихъ пожеланій благоденствія императору, моему искреннему другу и союзнику, то они столь же искренни, какъ и неизмѣнны. Примите также, князь, какъ тѣ пожеланія, которыя я обращаю къ вамъ лично, такъ и выраженіе моей постоянной увѣренности въ васъ и въ вашихъ отмѣнныхъ дарованіяхъ»[314].

Хотя Талейранъ еще въ 1815 году находилъ, что Александръ мало понимаетъ принципъ легитимизма, но, судя по приведенному здѣсь письму

государя къ австрійскому канцлеру, можно видѣть, какъ велики были успѣхи, сдѣланные съ тѣхъ поръ главою европейскаго союза въ этой новой наукѣ, выработанной событіями, послѣдовавшими за Вѣнскимъ конгресомъ. Не такъ на это смотрѣли однако современники изъ другого политическаго лагеря, не раздѣлявшіе точки зрѣнія Меттерниха. Въ одной изъ брошюръ, появившихся вслѣдъ за Веронскимъ конгресомъ, встрѣчается слѣдующая, не лишенная интереса оцѣнка будущности, ожидавшей Европу.

«Развѣ мы знаемъ, какими событіями чреватъ приближающійся 1823 годъ? Турція, чувствующая, на сколько ея положеніе опасно, тѣснимая колоссомъ-державою, стоящею у ея дверей, должна воспользоваться своего рода ужасомъ, внушаемымъ властителямъ мятежнымъ духомъ, приписываемымъ христіанскимъ народамъ, и я не удивлюсь, если Диванъ дойдетъ до того, что станетъ требовать отъ Россіи возвращенія Очакова и Крыма. Долготерпѣніе императора Александра, уже вызывающее ропотъ части его подданныхъ, съ своей стороны, тоже должно имѣть предѣлъ; его собственныя выгоды настоятельно говорятъ ему, что онъ долженъ воспользоваться въ высшей степени благопріятными обстоятельствами. Прусское королевство и Австрійская имперія вовсе не образуютъ чего-то цѣльнаго и однороднаго. Первая же серьезная война можетъ привести къ распаденію этого недавняго и насильственнаго союза разнородныхъ элементовъ. Оба эти правительства особенно заинтересованы въ поддержаніи всеобщаго мира. Поэтому единство взглядовъ и интересовъ между Россіей, Пруссіей и Австріей не можетъ просуществовать долго»[315].

Лагарпъ глубоко огорчился рѣшеніями, принятыми въ Веронѣ, равно какъ и общимъ ходомъ политическихъ дѣлъ, и выразилъ свои чувства въ письмѣ къ Александру[316]. Онъ писалъ государю, что намѣревался молчать, но затѣмъ прибавляетъ, что ему не такъ легко вырвать изъ сердца участіе, которое онъ принимаетъ въ его славѣ. Въ этомъ же письмѣ Лагарпъ предупреждалъ своего державнаго воспитанника, что, по мнѣнію безпристрастныхъ людей, греки, доведенные до отчаянія, могутъ признать покровительство Англіи, и тогда ключи Чернаго моря перейдутъ въ руки державы, которая, при содѣйствіи союзовъ со второстепенными государствами, уже владѣетъ входомъ въ Балтійское море.

Хотя государь еще въ 1818 году писалъ Лагарпу: «Нужно ли говорить вамъ о неизмѣнныхъ къ вамъ чувствамъ моихъ? Они извѣстны вамъ съ давнихъ поръ, и искренность ихъ, какъ и сила, не могутъ охладѣть», но, тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ переписка прекратилась: Лагарпъ не получалъ болѣе писемъ отъ Александра.

Направляясь къ Петербургу, императоръ Александръ остановился на нѣсколько дней въ Варшавѣ и только 20-го января (1-го февраля)

1823 года прибылъ на ночлегъ въ Царское Село. Дорогою морозъ доходилъ до 26° градусовъ, но, не смотря на стужу, государь все время ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ.

Такимъ образомъ окончилось послѣднее заграничное путешествіе Александра.

Упомянемъ еще въ заключеніе о траги-комическомъ происшествіи, случившемся въ Петербургѣ во время пребыванія государя въ Веронѣ; оно имѣетъ значеніе для характеристики императора Александра и въ то же время освѣщаетъ общественные нравы той эпохи.

13-го (25-го) сентября 1822 года президентъ Академіи Художествъ, тайный совѣтникъ Оленинъ, собравъ академическій совѣтъ, предложилъ собранію избрать трехъ почетныхъ любителей: графа Гурьева, графа Аракчеева и графа Кочубея. Во время обсужденія этого предложенія вице-президентъ Академіи, Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ[317], замѣтилъ, что если совѣтъ полагаетъ выбрать этихъ трехъ новыхъ членовъ по той причинѣ, что они имѣютъ доступъ къ высочайшей особѣ, то онъ съ своей стороны предлагаетъ въ почетные любители также близкую государю императору особу, а именно государева кучера Илью[318]. Къ этому Лабзинъ присовокупилъ: «къ тому же, по табели о рангахъ императорскій лейбъ-кучеръ положенъ въ чинѣ полковника».

— «Но онъ мужикъ», замѣтилъ скульпторъ И. П. Мартосъ.

— «Кулибинъ былъ мужикъ», возразилъ Лабзинъ, «однако же членъ Академіи Наукъ».

Графъ Милорадовичъ донесъ о случившемся императору Александру въ Верону и приложилъ записку, въ которую внесъ и всѣ городскія сплетни. Это неумѣстное усердіе, вѣроятно, содѣйствовало къ усугубленію печальной участи, ожидавшей Лабзина за его неосторожную выходку.

Въ этомъ же доносѣ приведены были слова, будто бы сказанныя Лабзинымъ, когда послѣдовало повелѣніе о закрытіи масонскихъ ложъ: «Что тутъ хорошаго. Сегодня запретили ложи, а завтра принудятъ въ оныя ходить. Ложи вреда не дѣлали, а тайныя общества и безъ ложъ есть, вотъ у Кошелева тайные съѣзды. И князь Голицынъ туда ѣздитъ. Чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ»[319].

20-го октября князь Волконскій сообщилъ графу Милорадовичу слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«Государь императоръ, прочитавъ записку вашего сіятельства и отношеніе къ вамъ отъ президента Академіи Художествъ, тайнаго совѣтника Оленина, о нагломъ поступкѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабзина, вашему сіятельству повелѣваетъ г. Лабзина призвать къ себѣ и объявить ему, что столь наглое поведеніе терпимо быть не можетъ, вслѣдствіе чего указомъ сенату, сего числа даннымъ, отстав-

вленъ отъ службы, а вамъ поручаетъ не медля выслать его изъ Петербурга въ его деревню, буде имѣетъ, о чемъ взять напередъ справку: если же не имѣетъ никакого нигдѣ помѣстья, то, по сношенію вашему съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, избрать одинъ изъ уѣздныхъ городовъ отдаленной губерніи для жительства его и отослать туда подъ особенный надзоръ, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ онаго, безъ особаго на то высочайшаго разрѣшенія».

Кромѣ того, особымъ рескриптомъ на имя князя А. Н. Голицына повелѣно было ему, призвавъ къ себѣ Оленина, объявить ему строжайшій выговоръ за то, что онъ не укротилъ неприличнаго поведенія Лабзина и оставилъ столь дерзкій поступокъ безъ донесенія начальству. Выговоръ во второй его части былъ вызванъ тѣмъ, что Оленинъ донесъ графу Милорадовичу о происшествіи 13-го сентября лишь по письменному его требованію, какъ генералъ-губернатора.

Деревни у Лабзина не оказалось, и графъ Кочубей избралъ для него мѣстомъ ссылки городъ Сенгилей, Симбирской губерніи, преимущественно окруженный татарскимъ населеніемъ и полиціймейстеръ котораго пользовался репутаціей очень строгаго человѣка[320].

13-го ноября Лабзинъ выѣхалъ изъ Петербурга съ женою. Подъ Москвою карета, въ которой они ѣхали, опрокинулась въ ровъ; съ Лабзинымъ случился припадокъ падучей болѣзни, а его жена повредила себѣ ногу. Тѣмъ не менѣе, полиція позволила несчастнымъ путешественникамъ пробыть въ Москвѣ только сутки; ссыльные отправились въ дальнѣйшій путь въ двухъ санныхъ повозкахъ. Добравшись наконецъ до Сенгилея, они помѣстились въ избѣ, состоявшей изъ одной комнаты, смежной съ кухней, «откуда чадъ и тараканы безпокоятъ насъ», писалъ Лабзинъ[321]. Къ довершенію всѣхъ этихъ бѣдъ, изгнанники сидѣли въ нетопленной комнатѣ при тринадцати-градусномъ морозѣ, потому что труба лопнула и поправить ее было некому. За печникомъ пришлось посылать за 35 верстъ.

Въ такой бѣдственной обстановкѣ Лабзинъ пробылъ до мая 1823 года, когда по ходатайству князя А. Н. Голицына ему была пожалована пенсія въ 2,000 рублей и послѣдовало позволеніе переѣхать на жительство въ Симбирскъ. Здѣсь Лабзинъ скончался 26-го января 1825 года.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НА ДРУГОЙ день послѣ пріѣзда въ Царское Село, 21-го января 1823 года, императоръ Александръ прибылъ въ Петербургъ въ часъ пополудни и прямо отправился въ Казанскій соборъ для слушанія молебна. Полиція сначала не пускала народъ въ храмъ, но государь, узнавъ объ этомъ запрещеніи, отмѣнилъ его, и вскорѣ соборъ наполнился молящимися. Послѣ молебна Александръ поѣхалъ въ Зимній дворецъ и поднялся къ вдовствующей государынѣ, гдѣ пробылъ около часу времени, а затѣмъ посѣтилъ императрицу Елисавету Алексѣевну. Послѣ свиданія съ супругою государь поѣхалъ къ великому князю Николаю Павловичу въ Аничковскій дворецъ и возвратился оттуда около трехъ часовъ. Семейный обѣдъ состоялся у императрицы Маріи Феодоровны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Въ пять часовъ государь возвратился въ свой кабинетъ и принималъ слѣдующихъ лицъ: графа Аракчеева, пробывшаго въ кабинетѣ двадцать минутъ, а послѣ него петербургскаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича, остававшагося у императора тридцать пять минутъ; затѣмъ позваны были главнокомандующій первою арміею графъ Сакенъ на четверть часа, петербургскій комендантъ Башуцкій на двѣ минуты и, въ заключеніе, графъ Нессельроде съ бумагами, пробывшій въ кабинетѣ полчаса. Въ восемь часовъ вечера всѣ особы, представлявшіяся государю, разъѣхались.

Всѣ эти подробности занесъ въ свой дневникъ флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій[322]. Къ этимъ замѣткамъ наблюдательный очевидецъ присовокупилъ еще нѣкоторые разговоры, происходившіе въ секретарской комнатѣ между лицами, ожидавшими аудіенціи. Графъ Милорадовичъ разсказывалъ, что онъ во всю свою жизнь не выходилъ изъ долговъ, приводилъ нѣкоторые забавные анекдоты о выгодахъ имѣть долги и замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ можно жить безъ нихъ. «Это лучшая сатира на наши кредитные законы, думалъ я,—что первые государственные люди передъ кабинетомъ монарха забавляются насчетъ своихъ заимодавцевъ», пишетъ Данилевскій. Когда графъ Сакенъ вынулъ изъ кармана строевой рапортъ четырехъ-сотъ тысячной арміи, состоявшей подъ его начальствомъ, то графъ Нессельроде просилъ, смѣючись, позволенія его пріобщать копію съ рапорта къ каждой изъ дипломатическихъ нотъ, посылаемыхъ имъ къ иностраннымъ дворамъ: «вѣрно», сказалъ онъ, «депеши мои въ семъ случаѣ будутъ имѣть несомнѣнный успѣхъ».

На другое утро былъ произведенъ разводъ, на которомъ государь присутствовалъ, не взирая на то, что было семнадцать градусовъ мороза. По окончаніи парада Александръ принималъ министровъ и членовъ Государственнаго Совѣта; ни одинъ изъ нихъ не пробылъ въ кабинетѣ болѣе пяти минутъ. Черезъ недѣлю государь уѣхалъ въ Царское Село, гдѣ провелъ шесть дней въ совершенномъ уединеніи.

Не смотря на обычную тихую жизнь государя, продолжавшуюся и въ эту зиму, при дворѣ много веселились; душою этихъ увеселеній была императрица Марія Ѳеодоровна. По воскресеніямъ у вдовствующей государыни бывали балы, а по четвергамъ въ комнатахъ же ея величества спектакли, гдѣ играли французскія піесы и изрѣдка русскія. По окончаніи представленія подавали ужинъ. Императрица и великіе князья Николай и Михаилъ никогда не ужинали, а ходили по залѣ и бесѣдовали съ приглашенными самымъ милостивымъ образомъ. «Вдовствующая императрица бывала въ угащиваніи неподражаема», пишетъ Данилевскій. Къ этимъ вечерамъ приглашались министры, члены Государственнаго Совѣта, придворные чины первыхъ трехъ клас-

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.
Съ гравюры Уткина.

совъ, генералъ-и флигель-адъютанты, дежурные камергеры и камеръ-юнкеры и нѣсколько сенаторовъ, служившихъ въ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ начальствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, а равно и почетнѣйшіе изъ армейскихъ генераловъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ въ отпускъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна оставалась, по возможности, въ сторонѣ отъ этихъ придворныхъ увеселеній, предпочитая вести уеди-

нешную жизнь, съ которою она успѣла свыкнуться въ теченіе многихъ лѣтъ своей скорбной, преисполненной разочарованіями жизни. «Etre seule est ce qui me convient mieux: tout est effort pour moi, excepté ce que je fais pour l'Empereur», признавалась Елисавета Алексѣевна въ своей перепискѣ.

Недолго императоръ Александръ оставался въ Петербургѣ и въ 1823 году: страсть къ безпрерывнымъ передвиженіямъ не покидала его. Въ мартѣ мѣсяцѣ государь возымѣлъ намѣреніе посѣтить графа Аракчеева въ Грузинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть ближайшія военныя поселенія. Алексѣй Андреевичъ донесъ императору о плохомъ состояніи дорогъ и указалъ на затрудненія, съ которыми будетъ сопряженъ предположенный переѣздъ въ весеннюю распутицу, но прибавилъ при этомъ: «Въ военномъ поселеніи все, слава Богу, благополучно, и солдаты всѣ желаютъ видѣть ваше величество. Желаніе грузинскаго хозяина — имѣть у себя почитаемаго имъ всѣмъ сердцемъ своего государя и благодѣтеля, есть безпредѣльно, только бы по дурной вышеописанной дорогѣ не было безпокойно вашему величеству»[323]. 14-го (26-го) марта Александръ отвѣчалъ ему изъ Царскаго Села:

«Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за подробное извѣщеніе. Было время уже мнѣ привыкнуть къ дурнымъ дорогамъ, а я оныхъ не страшусь, особливо, когда предпринимаю путь, дабы погостить у столь многолюбезнаго хозяина и осмотрѣть предметъ, столь много меня занимающій, каково есть поселеніе военное. Я надѣюсь выѣхать отсюда въ 12 часовъ пополудни и, употребя, по словамъ твоего посланнаго, семь часовъ для переѣзда, прибыть къ тебѣ въ 7 часовъ вечера. Пребываю на вѣкъ тебя искренно любящимъ».

Пребываніе государя въ Грузинѣ въ столь необыкновенное время года повлекло за собою въ скоромъ времени одну важную перемѣну въ личномъ составѣ высшаго военнаго управленія. Графъ Аракчеевъ давно уже взиралъ съ завистью и неудовольствіемъ на близость князя Волконскаго къ государю: наконецъ, ему представился удобный случай свергнуть неудобнаго ему, человѣка, и «проклятый змѣй» не замедлилъ воспользоваться этимъ.

Удаленіе князя Волконскаго съ занимаемой имъ важной должности вызвано было слѣдующими обстоятельствами. По возвращеніи императора Александра изъ Вероны возникли недоразумѣнія по военной смѣтѣ. Государь призналъ необходимымъ сократить расходы по военному министерству и поручилъ князю Волконскому уменьшить потребованную сумму. Князь занимался по этому дѣлу нѣкоторое время съ директорами разныхъ частей военнаго управленія и пришелъ къ заключенію, что возможно сократить смѣту на 800,000 рублей. Тогда Александръ передалъ спорную смѣту графу Аракчееву, который, призвавъ къ себѣ

Наводненіе въ Петербургѣ 7 ноября 1824 году на Дворцовой набережной.

Съ гравюры того времени.

генералъ-кригсъ-комисара Татищева, работалъ съ нимъ пять дней и сократилъ требуемые министерствомъ расходы на восемнадцать милліоновъ рублей. Когда государь узналъ объ этомъ, то сказалъ князю Волконскому, что послѣ этого онъ видитъ, что князь окруженъ или дураками, или плутами, которые или не умѣли, или не хотѣли найти средствъ сократить смѣты. Этотъ упрекъ побудилъ князя Волконскаго написать 29-го марта слѣдующее всеподданнѣйшее письмо:

«Усиливающаяся съ нѣкоторыхъ поръ болѣзнь моя заставила меня обратиться къ совѣщанію съ медиками, которые находятъ необходимымъ постоянное леченіе употребленіемъ бань и минеральныхъ водъ, къ чему нужна спокойная жизнь, каковой по возложенной на меня должности и по сдѣланнымъ уже нѣсколько разъ опытамъ я здѣсь никакъ имѣть не могу; къ тому же, искусственныя воды не могутъ принести и той пользы, какъ настоящія. Не имѣя довольно духа лично утруждать ваше императорское величество всеподданнѣйшею просьбою объ увольненіи меня до излеченія заграницу, рѣшился безпокоить письменно, въ полной увѣренности, что ваше императорское величество не отрינете прошенія моего и не захотите, чтобы я прежде времени лишился жизни, которая навсегда отъ искренней души и сердца посвящена была вамъ, всемилостивѣйшій государь, и, можетъ быть, еще когда-либо будетъ полезна, если только силы мои позволятъ и здоровье поправится. Въ ожиданіи всемилостивѣйшаго рѣшенія, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ...» и проч.[324]

25-го апрѣля (7-го мая) состоялся высочайшій приказъ объ отпускѣ князя Волконскаго заграницу[325]. Черезъ нѣсколько дней (30-го апрѣля) повелѣно было начальнику главнаго штаба первой арміи генералъ-адъютанту барону Дибичу исправлять должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества. Генералъ-квартирмейстеръ баронъ Толь, назначенный 22-го апрѣля генералъ-адъютантомъ, занялъ мѣсто Дибича въ первой арміи.

Когда баронъ Дибичъ явился въ Петербургъ, императоръ Александръ далъ ему при первомъ же свиданіи наставленіе относительно будущихъ отношеній его къ графу Аракчееву. «Ты найдешь въ немъ», сказалъ государь, «человѣка необразованнаго, но единственнаго по усердію и трудолюбію ко мнѣ; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе»[326].

Удаленіемъ князя Волконскаго не ограничились новыя административныя назначенія 1823 года, подготовленныя Аракчеевымъ. «Все, что совершалось выше, гораздо болѣе покрыто было тайною, чѣмъ нынѣ», пишетъ Вигель. «Если же вѣрить молвѣ, и до меня доходившей, то Аракчеевъ, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, пріобрѣтая все болѣе силы

надъ встревоженнымъ умомъ императора, старался удалить отъ него всѣхъ тѣхъ, кои не признавали его власти и чуждались всякихъ съ нимъ связей, и хотѣлъ замѣнить ихъ людьми ему преданными. Ему хотѣлось, будто говорилъ онъ, поставить дѣловое и опытное на мѣсто знатнаго пусточванства»[327].

Болѣе тринадцати лѣтъ графъ Гурьевъ управлялъ министерствомъ финансовъ[328]. Въ день св. Пасхи, 22-го апрѣля, государь избавилъ его отъ тяжкаго бремени, лежавшаго на немъ столь долгое время, оставивъ въ его управленіи удѣлы и кабинетъ. Аракчеевъ избралъ ему преемникомъ бывшаго генералъ-интенданта первой арміи, члена Государственнаго Совѣта Егора Францовича Канкрина.

«Христосъ воскресе, любезный Алексѣй Андреевичъ», писалъ императоръ Александръ въ Грузино къ графу Аракчееву 24-го апрѣля. «Желаю тебѣ отъ искренняго сердца всѣхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ. При семъ посылаю тебѣ указы для отсылки, по обыкновенію, въ Сенатъ. Я имѣлъ изъясненіе съ министромъ финансовъ, и вслѣдствіе онаго написаны сіи указы. Богъ помоги новому, дабы онъ управилъ сею важною частію ко благу общему»[329].

Министерство внутреннихъ дѣлъ также перешло въ другія руки. На мѣсто графа Кочубея, уволеннаго въ отпускъ, назначенъ былъ 28-го іюня государственный контролеръ баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ; но другъ Аракчеева недолго управлялъ министерствомъ. По словамъ Вигеля, Кампенгаузенъ не успѣлъ оглядѣться, какъ одинъ несчастный случай прекратилъ его дни: карета, въ которой онъ сидѣлъ, опрокинулась, «а какъ человѣкъ былъ тощій, точно хрустальный, то и долженъ былъ расшибиться въ дребезги»[330]. 29-го августа повелѣно было, до выздоровленія барона Кампенгаузена, управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительному тайному совѣтнику Василію Сергѣевичу Ланскому.

Баронъ Кампенгаузенъ скончался 10-го (22-го) сентября 1823 года. Извѣщая объ этомъ государя, графъ Аракчеевъ посвятилъ памяти усопшаго друга нѣсколько сочувственныхъ строкъ: «По честности правилъ сего человѣка, мы съ нимъ были друзьями», пишетъ Аракчеевъ, «слѣдовательно, полученное мною о его смерти извѣстіе меня очень огорчило. Ваше величество потеряли въ немъ также хорошаго слугу. Истинно по нынѣшнимъ дурнымъ временамъ, вы мало изволите имѣть такихъ людей, что и болѣе, по моей къ вамъ, батюшка, привязанности, печалитъ»[331].

Императоръ Александръ тоже былъ весьма опечаленъ кончиною достойнаго барона Кампенгаузена. «Я много въ немъ потерялъ и умѣлъ всегда цѣнить его похвальныя качества», отвѣчалъ государь графу Аракчееву. «Подобныхъ людей въ семъ свѣтѣ мало и замѣнить

его будетъ трудно. Всѣ сіи дни объ ономъ думалъ, но не пріискалъ еще никого».

Менѣе важный въ то время, въ сравненіи съ должностью начальника главнаго штаба, постъ военнаго министра также пришлось замѣстить новымъ лицомъ. 9-го (21-го) іюня 1823 года скончался военный министръ баронъ Меллеръ-Закомельскій: преемникомъ его назначенъ былъ генералъ кригсъ-коммисаръ Александръ Ивановичъ Татищевъ.

Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ этихъ новыхъ назначеній, дежурный генералъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Закревскій былъ назначенъ 30-го августа финляндскимъ генералъ-губернаторомъ на мѣсто графа Штейнгеля. Закревскаго замѣнилъ въ главномъ штабѣ генералъ Потаповъ[332].

Кромѣ того еще ранѣе, въ томъ же 1823 году, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ назначенъ 7-го мая Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области вмѣсто графа Ланжерона.

Не ограничившись мартовскимъ посѣщеніемъ Грузина, императоръ Александръ удостоилъ графа Аракчеева вторичнымъ посѣщеніемъ лѣтомъ. 22-го іюня государь писалъ ему: «Я рѣшительно пріѣду почевать въ Грузино 3-го іюля, ибо 2-го послѣдній маневръ въ Красномъ Селѣ. Будь здоровъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, кланяюсь тебѣ искренно».

Восхищенный этимъ извѣстіемъ графъ Аракчеевъ отвѣчалъ 28-го іюня изъ Грузина:

«Сегодня пріѣхалъ изъ поселенія; все готово къ принятію нашего всемилостивѣйшаго государя императора; но боюсь, батюшка, дождей, которые у насъ сдѣлали ужасную грязь, такъ что дѣлать линейнаго ученья на парадныхъ новыхъ мѣстахъ совсѣмъ невозможно. Въ воскресенье 1-го числа остаюсь здѣсь у обѣдни и буду просить Бога о хорошей погодѣ, а послѣ обѣда поѣду въ поселеніе и возвращусь въ понедѣльникъ, ввечеру. Грузинскій хозяинъ испрашиваетъ позволенія кормить своего благодѣтеля своею кухнею какъ въ Грузинѣ, такъ и въ поселеніяхъ».

Не довольствуясь этимъ письмомъ, графъ Аракчеевъ на другой день, 29-го іюня, въ приснопамятный для него день тезоименитства императора Павла, написалъ государю еще слѣдующія строки, изъ которыхъ видно, какими разсужденіями грузинскій хозяинъ умѣлъ поддерживать дружественныя чувства къ себѣ своего вѣнценоснаго благодѣтеля.

«Отдавъ въ храмѣ Божіемъ чувства душевной благодарности памяти сегодняшняго именинника, который, предстоя у Престола Божія, конечно, видитъ истинную любовь и преданность къ августѣйшему его преемнику того подданнаго, котораго угодно ему было еще при жизни

Наводненіе въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года.

Съ гравюры того времени.

своей къ нему приблизить, съ приказаніемъ быть ему вѣрнымъ слугою», пишетъ графъ Аракчеевъ.—«я исполняю оное въ полной мѣрѣ душевнаго моего расположенія и благодарю ежедневно Бога за милостивое вашего величества ко мнѣ расположеніе». Въ заключеніе графъ Аракчеевъ переходитъ къ болѣе земнымъ предметамъ, занимавшимъ его въ ожиданіи пріѣзда государя, а именно, къ погодѣ и кухнѣ, и продолжаетъ: «Я безпрестанно молюсь Богу о погодѣ, ибо проливные дожди помѣшаютъ въ настоящемъ видѣ представить усердные наши труды моему благодѣтелю. Прошу, батюшка, отмѣнить присылку вашей кухни, ибо я уже все распорядилъ, и вы меня онымъ изволите обидѣть».

Императоръ Александръ, конечно, остался вполнѣ доволенъ поѣздкою и смотрами, учиненными въ военныхъ поселеніяхъ, такъ что 16-го іюля графъ Аракчеевъ принесъ государю вѣрноподданнѣйшую и истинную благодарность за милостивое вниманіе къ его трудамъ, которые, писалъ онъ, «впредь будутъ посвящены вамъ, батюшка, до самой крайней возможности моего здоровья».

Вопросъ о престолонаслѣдіи, остававшійся послѣ разговора императора Александра съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ 1819 году въ неопредѣленномъ положеніи, былъ окончательно рѣшенъ въ 1823 году; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по странной постановкѣ этого вопроса, столь важное для всей Россіи дѣло содержалось въ глубокой тайнѣ, открывая такимъ образомъ въ будущемъ полный просторъ неизбѣжнымъ недоразумѣніямъ.

Еще въ январѣ 1822 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ, во время пребыванія въ Петербургѣ, положилъ офиціальную основу своему намѣренію отказаться отъ престола, обратившись по этому поводу, 14-го (26-го) января, письменно къ императору Александру. Въ этомъ письмѣ цесаревичъ говорилъ между прочимъ: «не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть, когда бы то ни было, возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить вашего императорскаго величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего государства».

2-го (14-го) февраля 1822 года, слѣдовательно уже спустя болѣе двухъ недѣль, государь собственноручно отвѣчалъ цесаревичу:

«Любезнѣйшій братъ! Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше. Умѣвъ всегда цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо меня не удивило. Оно дало мнѣ новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

«По вашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала съ тѣмъ же, какъ и я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

«Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.

«Пребываю на вѣкъ душевно васъ любящій братъ

«Александръ».

На этомъ пока дѣло остановилось. Только въ 1823 году императоръ Александръ, томимый предчувствіемъ близкой кончины, пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ.

Лѣтомъ 1823 года московскій архіепископъ Филаретъ, находясь въ Петербургѣ для присутствованія въ Синодѣ, просилъ увольненія въ свою епархію. Министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ объявилъ ему на сіе открыто высочайшее соизволеніе и въ то же время секретно повелѣніе исполнить прежде отъѣзда особое порученіе государя. Вслѣдъ затѣмъ ему было передано подлинное письмо цесаревича 1822 года и повелѣно написать проектъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, чтобы актъ сей, оставаясь въ тайнѣ, пока не настанетъ время привести его въ исполненіе, хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ съ прочими государственными актами. Мысль о тайнѣ тотчасъ родила въ умѣ Филарета вопросъ: какимъ же образомъ восшествіе на престолъ, естественнѣе всего могущее произойти въ Петербургѣ, согласовать съ манифестомъ, тайно хранящимся въ Москвѣ? Онъ не скрылъ своего недоумѣнія и представилъ, чтобы списки съ составляемаго акта хранились также въ Петербургѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Синодѣ и въ Сенатѣ. Предложеніе Филарета было одобрено императоромъ Александромъ.

Вручивъ проектъ манифеста князю Голицыну, Филаретъ просилъ разрѣшенія откланяться и былъ принятъ государемъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ повелѣніе дождаться возвращенія представленнаго имъ проекта манифеста. Тѣмъ временемъ государь уѣхалъ въ Царское Село. Прошло нѣсколько дней, и Филаретъ, озабоченный сохраненіемъ ввѣренной ему тайны и слыша, что продолженіе пребыванія его въ Петербургѣ, послѣ увольненія въ епархію, возбуждаетъ удивленіе, просилъ позволенія исполнить высочайшую волю при проѣздѣ черезъ Царское Село, гдѣ могъ остановиться подъ видомъ посѣщенія князя Голицына. Такъ и сдѣлалось. Филаретъ нашелъ у князя

возвращенный проектъ, гдѣ нѣкоторыя слова и выраженія были подчеркнуты карандашомъ; стараясь угадать, почему они не соотвѣтствовали мыслямъ государя, онъ замѣнилъ ихъ другими.

16-го (28-го) августа императоръ Александръ выѣхалъ изъ Царскаго Села и прибылъ 25-го августа въ Москву[333]. 27-го августа государь прислалъ Филарету манифестъ, подписанный въ Царскомъ Селѣ, 16-мъ числомъ того же мѣсяца, въ запечатанномъ конвертѣ, съ собственноручною его величества надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія».

На слѣдующій день посѣтилъ Филарета графъ Аракчеевъ и, освѣдомясь, получены ли имъ извѣстныя бумаги, спросилъ далѣе, какъ будутъ внесены онѣ въ Успенскій соборъ. Филаретъ отвѣчалъ, что 29-го числа, въ навечеріе дня тезоименитства государя, онъ будетъ лично совершать всенощное бдѣніе въ Успенскомъ соборѣ и при вступленіи въ алтарь, по чину службы, прежде ея начатія, воспользуется этимъ временемъ, чтобы положить запечатанный конвертъ въ ковчегъ къ прочимъ актамъ, не открывая впрочемъ никому, что это значитъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть немногіе, находившіеся въ алтарѣ, примѣтили, что нѣчто неизвѣстное пріобщено къ государственнымъ актамъ, и чтобы слѣдствіемъ этого явилось, въ случаѣ кончины государя, побужденіе вспомнить о ковчегѣ и заняться вопросомъ, нѣтъ ли въ немъ чего либо, относящагося къ этому.

Графъ Аракчеевъ ничего не отвѣтилъ и удалился, но скоро опять явился и объявилъ, что государю неугодна ни малѣйшая огласка. Тогда, въ виду положительно выраженной высочайшей воли, Филаретъ 29-го августа въ полдень отправился въ Успенскій соборъ; тамъ находились только протопресвитеръ, сакелларій и прокуроръ синодальной конторы съ печатью. Архіепископъ вошелъ въ алтарь, открылъ ковчегъ государственныхъ актовъ, показалъ присутствующимъ печать, но не надпись принесеннаго конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ всѣмъ тремъ свидѣтелямъ, къ строгому исполненію, высочайшую волю, чтобы о совершившемся никому не было открываемо[334].

Тайна не была нарушена ни однимъ изъ свидѣтелей. Филаретъ полагалъ, что существованіе манифеста извѣстно, по крайней мѣрѣ, московскому генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, которому, судя по надписи государя на пакетѣ, поручалось наблюденіе за его вскрытіемъ, но не рѣшился объясниться съ княземъ по этому предмету, не имѣвъ на то высочайшаго уполномочія[335]. Впо-

Сенатская площадь въ Петербургѣ во время наводненія 7 ноября 1824 года.

Съ литографіи того времени.

слѣдствіи оказалось, что князь Голицынъ ничего не зналъ о существованіи акта, хранившагося въ Успенскомъ соборѣ.

Списки съ секретнаго манифеста, положеннаго въ Успенскомъ соборѣ, согласно совѣту Филарета, были дѣйствительно посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ, но не тотчасъ, а значительно позже. Такъ, напримѣръ, въ Государственный Совѣтъ копія съ манифеста, подписаннаго 16-го августа, попала только въ половинѣ октября. На конвертѣ государь собственноручно написалъ: «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи [336].

Разсылка копій съ манифеста не могла пройти безслѣдно въ Петербургѣ; въ городѣ заговорили о загадочныхъ конвертахъ, но черезъ нѣсколько времени о нихъ позабыли. Тайна, въ которую облекъ императоръ Александръ сдѣланное имъ распоряженіе, не была нарушена. О существованіи акта о престолонаслѣдіи въ Россіи знали только три лица: архіепископъ Филаретъ, князь А. Н. Голицынъ и графъ Аракчеевъ.

Еще одно лицо посвящено было въ эту тайну самимъ императоромъ Александромъ: это былъ принцъ прусскій Вильгельмъ. Возвратившись въ Берлинъ, принцъ не замедлилъ сообщить услышанное имъ королю, который пришелъ отъ этого извѣстія въ неописанное удивленіе[337].

Что же касается великаго князя Николая Павловича, то онъ ничего не зналъ о существованіи подписаннаго государемъ манифеста и попрежнему оставался въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, занимаясь только ввѣренною ему инженерною частью и командуя вмѣстѣ съ тѣмъ гвардейскою дивизіею[338]. Николаю Павловичу только изъ словъ Маріи Θеодоровны извѣстно было о существованіи какого-то акта отреченія, составленнаго въ его пользу; объ этомъ императрица упоминала иногда вскользь въ разговорѣ. Вотъ какимъ страннымъ образомъ императоръ Александръ обставилъ измѣненіе важнѣйшаго основного закона имперіи.

Возвратимся теперь къ дальнѣйшему путешествію государя, предпринятому имъ въ 1823 году. Въ Москвѣ онъ осмотрѣлъ на Ходынскомъ полѣ 5-й пѣхотный корпусъ, состоявшій подъ командою графа П. А. Толстого, а затѣмъ присутствовалъ на маневрахъ этихъ войскъ, произведенныхъ близъ села Всесвятскаго. 31-го августа императоръ Александръ направился черезъ Серпуховъ и Тулу въ Орелъ. Тамъ произведены были большіе маневры войсками первой арміи, собранными въ числѣ 43,000 человѣкъ. Затѣмъ, посѣтивъ Брянскъ, государь прибылъ 12-го (24-го) сентября въ Бобруйскъ, гдѣ его ожидалъ великій князь Николай Павловичъ. Оттуда они вмѣстѣ отправились въ Брестъ-Литовскъ для смотра войскъ польской арміи и литовскаго корпуса.

Тамъ же поджидалъ государя принцъ Вильгельмъ прусскій, прибывшій въ Брестъ-Литовскъ по желанію короля.

Всѣ смотры окончились благополучно, и цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ въ восторгѣ, что ввѣренныя ему войска удовлетворили требованіямъ государя[339]. Но 19-го сентября (1-го октября) на маневрахъ случилось прискорбное происшествіе. Во время проѣзда императора Александра по фронту польской кавалеріи одинъ полковникъ, по требованію государя, подъѣхалъ къ нему для полученія приказанія; когда же онъ поворотилъ свою лошадь, она лягнула и подковою задней ноги ударила императора въ правое берцо. Несмотря на довольно сильный ударъ и причиненную имъ боль, Александръ оставался верхомъ до самаго окончанія маневровъ. Когда же онъ возвратился въ квартиру, ушибленное мѣсто оказалось однако настолько распухшимъ, что Вилліе пришлось разрѣзать сапогъ, чтобы осмотрѣть ногу и приложить примочку. Тѣмъ не менѣе, государь вышелъ къ обѣденному столу, къ коему приглашены были генералы и штабъ-офицеры обѣихъ армій.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, встревоженный этимъ приключеніемъ, распорядился, чтобы разслѣдовать обстоятельства дѣла, но императоръ повелѣлъ оставить это происшествіе безъ послѣдствій, не желая подвергнуть злополучнаго полковника какой бы то ни было отвѣтственности[340].

На другой день императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бреста черезъ Луцкъ и Дубно въ Острогъ, а великій князь Николай Павловичъ съ принцемъ Вильгельмомъ отправились въ Петербургъ.

Въ продолженіе всей дороги государю пришлось держать ногу горизонтально съ приложенною примочкою, и только въ Острогѣ боли начали уменьшаться, и онъ провелъ ночь спокойно. Оттуда Александръ продолжалъ путь черезъ Проскуровъ, Каменецъ-Подольскъ, Могилевъ и Хотинъ въ Черновицы, для свиданія съ императоромъ Францомъ, который ожидалъ государя въ пограничномъ мѣстечкѣ Новоселицы.

Предметомъ предположенныхъ переговоровъ служилъ греческій вопросъ, не подвигавшійся ни на шагъ впередъ. Меттернихъ по болѣзни не могъ сопровождать императора Франца и вынужденъ былъ остаться во Львовѣ. Во время черновицкаго свиданія рѣшенъ былъ вопросъ о возобновленіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Портою, на томъ основаніи, что турки вывели изъ придунайскихъ княжествъ свои войска и отмѣнили стѣснительныя мѣры по отношенію къ судамъ въ Босфорѣ. Такимъ образомъ австрійской политикѣ удалось обезпечить дальнѣйшій миръ на востокѣ и отстранить вооруженное вмѣшательство Россіи въ греческія дѣла. Цѣль, къ которой были направлены всѣ усилія Меттерниха, была достигнута; оставалось только восхвалять умѣренность русскаго государя[341].

29-го сентября (11-го октября) Александръ разстался съ императоромъ Францомъ и направился въ Тульчинъ, гдѣ для предстоявшаго смотра сосредоточилась вся вторая армія, то-есть 6-й и 7-й армейскіе корпуса, драгунская дивизія и всѣ вспомогательныя войска.

Смотры государя начались 30-го сентября и завершились маневрами, происходившими 4-го и 5-го октября.

По поводу царскихъ смотровъ П. Д. Киселевъ писалъ другу своему генералъ-адъютанту Закревскому: «Пятилѣтніе труды наши увѣнчаны были величайшимъ успѣхомъ. Вторая армія поставлена была въ соперничество съ отличнѣйшими войсками россійской арміи и стала съ оными на ряду. Государь и всѣ окружающіе были удивлены состояніемъ войскъ нашихъ. Порядокъ осмотра и всѣ прикосновенныя распоряженія вполнѣ удовлетворили государя; жандармы, штабъ, квартирмейстерское управленіе и карты, церковныя заведенія, учебный баталіонъ и юнкера, словомъ, все, что было представлено, заслужило одобреніе всѣхъ очевидцевъ. Наконецъ, маневръ, царскій лагерь и праздникъ, данный арміею императору своему, заключили смотръ 1823 года. Государь обѣдалъ посреди 65,000 человѣкъ, которые тоже обѣдали и пили за здоровье монарха съ восклицаніями непринужденными, и коихъ чистосердечіе и пылкость вызвали слезы радости изъ глазъ его величества... Вотъ плоды нѣсколько настоятельнаго нрава моего, который со всѣхъ сторонъ и всѣми былъ столь часто и столь много обезохоченъ. Всѣ раздѣляли радость общаго торжества и всѣ, кажется, забыли, что большая изъ нихъ часть противилась пять лѣтъ тѣмъ введеніямъ, которыя возвели армію на степень отличной»[342].

Очевидецъ этого военнаго торжества, Н. В. Басаргинъ, сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности блистательнаго праздника 5-го (17-го) октября:

«Маневры кончились на второй день, часу въ первомъ пополудни. Всѣ войска пришли къ назначенному для обѣда мѣсту и образовали каре въ три фаса. Четвертый фасъ этого каре занималъ нарочно устроенный полукруглый павильонъ, гдѣ накрытъ былъ столъ человѣкъ на 300. По концамъ павильона помѣстились музыканты всѣхъ полковъ арміи, а подлѣ нихъ устроены были въ три яруса скамьи для почетныхъ зрителей и дамъ. Артиллерія заняла мѣсто на высотахъ позади пѣхоты, а кавалерія — часть одного изъ фасовъ. Въ срединѣ каре было устроено мѣсто для молебна. Къ прибытію государя все уже было въ порядкѣ. Отслуживъ молебенъ, во время котораго, при многолѣтіи, артиллерія и пѣхота сдѣлали оглушительный залпъ, пошли къ обѣду въ павильонъ. Тогда войскамъ приказано было стоять вольно, и вся это стотысячная масса разсыпалась въ разныхъ направленіяхъ и перемѣшалась такъ, что для глазъ представила какое-то странное, необыкновенное зрѣлище.

Позади фронта приготовлены были для солдатъ и офицеровъ столы съ яствами и напитками.

«Государь былъ очень веселъ и доволенъ. Когда же главнокомандующій провозгласилъ тостъ за его здоровье, то, по данному нѣсколько прежде этого сигналу, войска въ одну минуту пришли въ прежній свой порядокъ: изъ всей этой нестройной массы образовалось опять то же

Өедоръ Петровичъ Уваровъ.

Съ гравюры Мансфельда, сдѣланной съ портрета Изабея.

самое правильное каре. При этомъ тостѣ загремѣла артиллерія, пѣхота начала стрѣльбу, заиграла вся музыка, и все войско крикнуло громогласное: ура! Государь былъ тронутъ и прослезился. Тутъ тѣ, которые были около него (въ томъ числѣ и я), могли видѣть и убѣдиться, что сердца государей могутъ такъ же чувствовать, какъ и сердца простыхъ людей.

«Вслѣдъ за маневрами посыпались милости и награды. Съ горестнымъ чувствомъ долженъ однако же сказать, что эти милости и на-

грады касались только тѣхъ, которые всего менѣе нуждались въ нихъ. Крестъ, чинъ, аренда, удовлетворяя минутное тщеславіе или временныя нужды, немного прибавляли къ счастію тѣхъ, которые получали ихъ. Тѣ же, коимъ всего болѣе нужно было милосердіе государя, были имъ отвергнуты. Генералъ Киселевъ, въ числѣ прочихъ представителей, просилъ о смягченіи участи разжалованныхъ офицеровъ. Въ нашей арміи ихъ было человѣкъ до сорока, и въ одной этой просьбѣ было ему отказано.

«Тутъ не нужно разсужденій», прибавляетъ Басаргинъ[343].

Вечеромъ 5-го октября государь поздравилъ начальника главнаго штаба арміи генералъ-маіора Киселева генералъ-адъютантомъ.

Изъ Тульчина императоръ Александръ отправился въ Вознесенскъ и приказалъ Киселеву слѣдовать за собою.

Тамъ находился графъ Аракчеевъ. Когда Аракчеевъ услышалъ отъ государя, насколько онъ остался доволенъ второю арміею, его завистливая душа встрепенулась, и онъ не могъ скрыть испытаннаго имъ по этому случаю огорченія. При первомъ же свиданіи съ Киселевымъ онъ обратился къ нему, при многолюдномъ собраніи, съ слѣдующими словами:

«— Мнѣ разсказывалъ государь, какъ вы угодили ему, Павелъ Дмитріевичъ. Онъ такъ доволенъ вами, что я желалъ бы поучиться у вашего превосходительства, какъ угождать его величеству. Позвольте мнѣ пріѣхать для этого къ вамъ во вторую армію; даже не худо было-бъ, еслибъ ваше превосходительство взяли меня на время къ себѣ въ адъютанты».

Взоры всѣхъ присутствовавшихъ обратились къ Киселеву, который безъ замѣшательства отвѣчалъ:

«— Милости просимъ, графъ; я очень буду радъ, если вы найдете во второй арміи что-нибудь такое, что можно примѣнить къ военнымъ поселеніямъ. Что же касается до того, чтобы взять васъ въ адъютанты, то, извините меня», прибавилъ онъ съ усмѣшкою, «послѣ этого вы, конечно, захотите сдѣлать и меня своимъ адъютантомъ, а я этого не желаю».

Аракчеевъ закусилъ губу и отошелъ[344].

Послѣ осмотра поселеній императоръ Александръ посѣтилъ еще крѣпость Замостье, гдѣ была собрана сводная кавалерійская бригада польской арміи. Затѣмъ государь возвратился черезъ Брестъ, Суражъ и Великія Луки въ Царское Село 3-го (15-го) ноября.

Во время отсутствія императора Александра 30-го сентября (12-го октября) въ Гатчину прибыла принцесса виртембергская Фредерика-Шарлотта-Марія, дочь принца Павла Виртембергскаго, брата императрицы Маріи Ѳеодоровны. Это была нареченная невѣста великаго князя Михаила Павловича.

Данилевскій пишетъ по этому поводу: «Она, какъ феноменъ, обратила на себя единодушное вниманіе всѣхъ и болѣе мѣсяца составляла предметъ общихъ разговоровъ; я не видалъ ни одного человѣка изъ представленныхъ ей, который бы не отзывался съ восхищеніемъ объ умѣ ея, о свѣдѣніяхъ ея и о любезности. Не знаю, какова будетъ впослѣдствіи судьба ея въ Россіи, но во время пріѣзда ея въ наше отечество зависть и злословіе, избравшія предпочтительно пребываніе свое

Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.

Съ фотографіи, доставленной его дочерью.

при дворахъ, умолкли. До возвращенія государева принцесса жила въ Гатчинѣ, куда вдовствующая императрица приглашала нѣсколько дней по очереди всѣхъ особъ, представленныхъ ко двору, дабы ознакомить съ оными будущую невѣстку свою. Она съ представленными ей особами разговаривала о предметахъ или пріятныхъ для нихъ, или составлявшихъ ихъ занятія; такимъ образомъ, съ Карамзинымъ говорила о русской исторіи, съ Шишковымъ о славянскомъ языкѣ, съ генералами о сраженіяхъ и походахъ, въ которыхъ они находились или наиболѣе отличились. Видно было, что она приготовлялась къ тому, что всякому изъ нихъ говорить приличнѣе, но и самое сіе приготовленіе доказываетъ

ея благоразуміе, что она старалась въ новомъ отечествѣ своемъ снискать съ перваго шага повсемѣстную любовь. Смотря на нее, я воображалъ, что Екатерина II, вѣроятно, поступала такимъ же образомъ, когда привезена была ко двору Елисаветы Петровны»[345].

5-го (17-го) декабря 1823 года состоялось миропомазаніе принцессы Шарлотты, нареченной Еленой, а на другой день совершилось обрученіе ея съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Графъ Ростопчинъ, стремившійся, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, къ окончательному освобожденію отъ всякихъ служебныхъ обязанностей, получилъ наконецъ желаемое имъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. 14-го декабря 1823 года, въ Царскомъ Селѣ, послѣдовалъ указъ Государственному Совѣту слѣдующаго содержанія:

«Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе члена Государственнаго Совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи графа Ростопчина, и во уваженіе разстроеннаго его здоровья, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ всѣхъ дѣлъ, согласно его желанію, съ прежнимъ званіемъ его оберъ-камергера двора нашего»[346].

24-го декабря 1823 года, графъ Ростопчинъ извѣстилъ графа Аракчеева изъ Москвы о полученіи указа и воспользовался представившимся случаемъ, чтобы уязвить ненавистнаго ему временщика нѣсколькими колкими строчками:

«Извѣщеніе о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня отъ службы я имѣлъ честь получить. Теперь остается мнѣ единственно избрать кладбище, гдѣ, соединясь съ прахомъ вельможъ и нищихъ сего міра, пролежу до страшнаго суда, на коемъ предстану съ чистою совѣстію предъ правосудіе Божіе. Пожелавъ сего всякому христіанину и вамъ, имѣю честь пребыть и проч.».

Съ тѣхъ поръ графъ Ростопчинъ проводилъ послѣдніе годы жизни въ полномъ уединеніи и по этому поводу сдѣлалъ надпись подъ своимъ портретомъ:

«Безъ дѣла и безъ скуки
Сижу поджавши руки».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЕСЛИ въ отношеніяхъ императора Александра къ Лагарпу можно прослѣдить съ 1818 года явное охлажденіе, то, конечно, не лучшая участь постигла и Паррота.

Какъ только государь возвратился изъ заграничнаго похода въ 1814 году въ Петербургъ, Парротъ поспѣшилъ пріѣхать въ столицу, чтобы привѣтствовать своего возлюбленнаго Александра и выразить герою, увѣнчанному лаврами недавнихъ побѣдъ, чувства радости и восторга, вызванныя славнымъ окончаніемъ многолѣтней борьбы[347]. Однако, тщетно этотъ безкорыстный и восторженный почитатель императора умолялъ о назначеніи свиданія; страстное желаніе Паррота было оставлено безъ вниманія; ему не суждено было испытать еще хоть одинъ разъ въ жизни радость, озарявшую лучезарнымъ свѣтомъ труженическую жизнь скромнаго профессора. Одно упорное молчаніе было отвѣтомъ на его пылкія строки [348].

Парротъ не сразу понялъ переломъ, совершившійся въ воззрѣніяхъ и чувствахъ императора Александра послѣ 1812 года; онъ только постепенно усвоилъ себѣ печальную истину, что отнынѣ императоръ и профессоръ лишены возможности понимать другъ друга, что воззрѣнія ихъ уже раздѣляетъ пропасть, что воскресить прошлое представляется невозможнымъ, и что оно должно быть предано забвенію. Тогда Парротъ, разочарованный въ своихъ чувствахъ и глубоко оскорбленный встрѣченнымъ явнымъ равнодушіемъ, излилъ свою скорбь въ слѣдующемъ прощальномъ письмѣ[349]:

«Государь! Когда ваше императорское величество получите эти строки, я уже буду находиться на пути въ Дерптъ. Позвольте мнѣ употребить послѣдніе часы моего злополучнаго пребыванія въ Петербургѣ на то, чтобы представить вашему императорскому величеству вѣрную картину моего положенія за время этого пребыванія здѣсь, чтобы вы рѣшили, могъ ли я поступать иначе, чѣмъ я поступалъ.

«Способъ, какимъ ваше величество извѣстили меня въ августѣ 1814 года, что вы не можете принять меня, заставилъ меня предчувствовать, что ваше мнѣніе обо мнѣ измѣнилось, и что я всѣмъ рискую, все еще продолжая разсчитывать на ваши прежнія чувства. Проникнутый этимъ горестнымъ предчувствіемъ, я написалъ вашему величеству нѣсколько времени спустя послѣ вашего возвращенія изъ-за границы, чтобы откровенно спросить васъ, благоугодно ли вамъ отвернуться отъ меня, или же я еще могу разсчитывать на довѣріе, которымъ вы осчастливливали меня въ продолженіе одиннадцати лѣтъ. Въ предположеніи перваго случая я хотѣлъ избавить васъ отъ сожалѣній по поводу моего безполезнаго пребыванія въ Петербургѣ, а себя лишить непріятностей, связанныхъ съ этимъ путешествіемъ.

«Молчаніе вашего величества оставило меня въ неизвѣстности, и я послушался голоса своего сердца, побуждавшаго меня сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы узнать о намѣреніяхъ вашего величества. Послѣ того шесть писемъ напомнили вашему величеству обо мнѣ, а послѣднія изъ нихъ положительно говорили, что мой долгъ и истощеніе моихъ денежныхъ средствъ побуждаютъ меня возвратиться обратно. Все, что мнѣ удалось узнать въ теченіе этихъ восьми недѣль, это то, что ваше величество велѣли передать мнѣ черезъ своихъ камердинеровъ, что вы отвѣтите мнѣ. Поразившая меня серьезная болѣзнь, осложненная кровохарканіемъ, замедлила мой отъѣздъ, срокъ котораго уже былъ назначенъ, и дала мнѣ почувствовать въ другомъ смыслѣ, насколько пагубно для меня было мое пребываніе здѣсь.

«Государь! Я не стану утомлять ваше величество безцѣльнымъ перечнемъ расходовъ и другихъ значительныхъ убытковъ, причиненныхъ мнѣ этимъ путешествіемъ, но я осмѣливаюсь открыто опираться

Таганрогъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рисунка того времени.

на чувство, заставлявшее меня съ радостью переносить ихъ до тѣхъ поръ, пока я не утратилъ надежды. Это чувство было безкорыстно, чисто, какъ то, которое одушевляло меня во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ вашему величеству и которое не покинетъ меня ни при какихъ обстоятельствахъ жизни. Если въ моемъ письмѣ отъ 24-го января, не надѣясь болѣе ни на что послѣ пяти тщетныхъ попытокъ, я осмѣлился напомнить вашему величеству о сдѣланномъ мнѣ вами въ 1812 году предложеніи дать доказательство вашего удовольствія относительно телеграфовъ и о моей просьбѣ, вслѣдствіе этого, доставить мнѣ возможность съѣздить заграницу, то, конечно, меня побуждало къ этому не стремленіе къ деньгамъ, а желаніе поправить мое разстроенное здоровье, все болѣе ухудшавшееся съ каждымъ днемъ моего пребыванія здѣсь, и расширить кругъ моей литературной дѣятельности, чтобы, благодаря этому, быть впослѣдствіи болѣе полезнымъ и притомъ возможно долгое время.— Я принужденъ оставить перо, чтобы принять лекарства, дающаго мнѣ силы продолжать. Я не опускаю этого замѣчанія, такъ какъ полезно, чтобы побѣдитель Наполеона зналъ, насколько одно его молчаніе можетъ вредить честному человѣку. Государь, не бросайте пренебрежительнаго взгляда на человѣка, признающагося, что онъ страдаетъ теряя васъ, на отца семейства, лишающаго пропитанія своихъ близкихъ для того только, чтобы узнать, желаете ли вы, чтобы онъ былъ такъ же привязанъ къ вамъ, какъ прежде.

«Жребій брошенъ! Ваше величество желаете, чтобы я видѣлъ въ васъ лишь властелина Россіи. Вы, безъ сомнѣнія, имѣете свои основанія къ этому, которыя кажутся вамъ справедливыми. Я не обращусь за защитой къ будущему, которое оправдываетъ меня уже теперь. Но я обжалую благородному чувству вашего величества тотъ способъ, которымъ вамъ было угодно произвести разрывъ, признанный вами необходимымъ. Я просилъ васъ порвать со мною связь съ тѣмъ же прямодушіемъ, которое соединило насъ. Вы отказали мнѣ и тѣмъ самымъ признали меня недостойнымъ этого. Вотъ что удваиваетъ мою печаль, и, если бы подданный осмѣливался говорить своему государю, что онъ не правъ, я сказалъ бы вашему величеству, что вы не правы въ данномъ случаѣ. Развѣ я совершилъ какое либо преступленіе? Вотъ уже 13 лѣтъ, государь, какъ я живу только для васъ; мое служебное положеніе, мои обязанности, даже мои литературные труды — у меня все связывалось съ вами. Я хотѣлъ быть и казаться достойнымъ довѣрія, которымъ ваше величество, противно установившемуся порядку вещей, удостоивали меня. Я любилъ васъ, вы знаете это, съ увлеченіемъ, которое иногда вызывало ваше удивленіе. Я никогда не слѣдовалъ столь обыденному правилу, что лучше нравиться министру, чѣмъ государю. Да что я говорю такое? Я никогда не хотѣлъ нравиться вамъ;

я хотѣлъ лишь любить васъ и служить вамъ. Къ тому же, государь, вы не скупились въ области чувства; если же мое чувство, быть можетъ, было значительно сильнѣе вашего, я зналъ, что тотъ избытокъ чувства, которымъ такъ богата ваша душа, былъ предназначенъ для милліоновъ вашихъ подданныхъ, для которыхъ вы желали бы быть отцемъ, и я радовался этому. Но какъ разъ именно это чувство вашего величества не согласуется съ тѣмъ способомъ, какимъ вашему величеству угодно было разойтись со мною.

«Я уже высказалъ вашему величеству, что я нисколько не стану скрывать того, что глупцы называютъ паденіемъ (нельзя падать, когда не поднимался въ ихъ смыслѣ). Я отдамся въ жертву ихъ оскорбленіямъ, ихъ преслѣдованіямъ, которыми, согласно ихъ понятіямъ, они съ избыткомъ одарятъ меня (ваше величество знаете почему), и которыя уже начались. Я отдамся имъ, убѣжденный, что даже ваше величество не можете спасти меня отъ нихъ, если бы и желали этого, но я найду удовлетвореніе, которое стану искать въ свидѣтельствѣ моей совѣсти и въ нѣжной дружбѣ достойныхъ людей, которые не оставятъ меня.

«Государь! Если когда либо случай снова столкнетъ ваше величество съ отзывчивымъ человѣкомъ, который, привлеченный благородствомъ вашей души, захочетъ всецѣло отдаться вамъ, во имя Божества, которое вы чтите такъ же, какъ я, оттолкните его съ самаго начала. Удовольствуйтесь одной жертвой чувства!

«Таковы послѣдніе звуки голоса, въ теченіе одиннадцати лѣтъ звучавшаго въ душѣ вашего величества. Быть можетъ, я долженъ былъ бы придать имъ другой тонъ и скрыть свое горе, но я хочу остаться вѣрнымъ самому себѣ: я никогда не научусь притворяться».

Парротъ дѣйствительно умолкъ и надолго; въ продолженіе пяти лѣтъ онъ не безпокоилъ императора Александра своими письмами. Въ 1821 году Парротъ, однако снова обратился къ государю съ письмомъ, начинавшимся словами, что старѣйшій дерптскій профессоръ осмѣливается представить записку[350]. Эта записка касалась дѣлъ университета. Затѣмъ, когда въ 1822 году императоръ оказалъ благодѣяніе одной бѣдной вдовѣ, Парротъ не могъ удержаться, чтобы не поблагодарить государя за это доброе дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь представившимся случаемъ, снова далъ волю своему перу и, какъ онъ самъ выражается, впалъ въ свой прежній стиль (Me voilà retombé dans mon ancien style). Съ этого времени онъ старался доказать необходимость освобожденія Греціи и началъ громить мѣропріятія по министерству народнаго просвѣщенія, безпощаднымъ образомъ клейма просвѣтительные подвиги, затѣянные Магницкимъ[351].

Разсмотримъ здѣсь вкратцѣ, что творилось въ эту реакціонную эпоху по министерству просвѣщенія.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого министерства былъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. Изъ вольнодумцевъ онъ, послѣ ссылки, постигшей его въ 1812 году, сдѣлался поборникомъ самаго крайняго ханжества и черезъ это овладѣлъ полнымъ довѣріемъ слабохарактернаго князя Голицына. Современники Магницкаго, къ своему крайнему удивленію, видѣли его ежеминутно возводящимъ глаза къ небу и твердящимъ при каждомъ случаѣ, кстати и некстати, о милосердіи Божіемъ, о постѣ и о грѣхопаденіи. Начала, провозглашенныя Священнымъ союзомъ, не сходили съ его устъ. Чтобы убѣдить министра въ измѣненіи своихъ прежнихъ вольнодумныхъ взглядовъ, Магницкій, по свидѣтельству современника, сталъ неуклонно посѣщать, по праздникамъ и воскреснымъ днямъ, церковь князя Голицына; здѣсь онъ земными поклонами усердно старался заявить о своей набожности и благочестіи [352]. «Основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго союза», вотъ что составляло единственную цѣль его дѣятельности со времени перехода на службу въ министерство народнаго просвѣщенія въ качествѣ члена главнаго правленія училищъ.

8-го іюня 1819 года Магницкій былъ назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Когда князь Голицынъ явился къ императору Александру съ этимъ представленіемъ, государь спросилъ у министра:

— Хорошо ли ты его знаешь?

— Да, ваше величество, я знаю его уже давно: мнѣ извѣстны прежнія его заблужденія, но теперь онъ исправился.

— Ты настаиваешь, стало быть, чтобъ я назначилъ его попечителемъ?

— Если ваше величество соизволяете на это, то я убѣжденъ, что онъ окажется вполнѣ пригоднымъ для этой должности.

— Пусть будетъ такъ, отвѣтилъ императоръ.—Я держусь правила предоставлять самимъ министрамъ выборъ ихъ подчиненныхъ, но предсказываю тебѣ, что онъ будетъ первымъ на тебя доносчикомъ.

Магницкій своими дѣйствіями вполнѣ оправдалъ предсказаніе Александра; онъ пріобрѣлъ довѣріе князя, затѣмъ скомпрометировалъ его своею дѣятельностью и въ заключеніе сдѣлался орудіемъ его враговъ.

Занявъ должность попечителя, Магницкій издалъ особую инструкцію, въ которой объяснялось, въ какомъ духѣ должно вести преподаваніе, чтобы вольнодумство не проникало въ священныя убѣжища, «гдѣ воспитаніемъ настоящаго юношества обезпечиться должно счастіе будущихъ поколѣній». Вмѣстѣ съ тѣмъ Магницкій принялся усердно очищать Казанскій университетъ отъ всякихъ плевелъ, удаливъ на первый разъ одиннадцать профессоровъ. Обновленіе университета довершено было истребленіемъ всѣхъ книгъ библіотеки, отличавшихся, по его мнѣнію, вреднымъ направленіемъ.

Всѣ распоряженія Магницкаго привели къ тому, что ввѣренный его попеченію университетъ принялъ характеръ какого-то монашескаго средневѣковаго ордена, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, руководствуясь неограниченнымъ произволомъ. Магницкій отдавалъ даже безъ суда въ солдаты студентовъ, признанныхъ имъ виновными; поощреніе же студен-

Баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ.

Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

товъ къ доносамъ и требованіе отъ нихъ исполненія аскетическихъ обрядовъ вызвали лицемѣріе и упадокъ нравственности. Развратъ не могъ быть глубже и плачевнѣе.

Въ ревностныхъ сподвижникахъ у Магницкаго не оказалось недостатка. Назовемъ здѣсь, для примѣра, ректора университета Никольскаго, который доказывалъ совершенное согласіе законовъ математики съ исти-

нами христіанской религіи. По словамъ его, «математику обвиняютъ въ томъ, что она, требуя на все точныхъ доказательствъ, располагаетъ духъ человѣческій къ пытливости, отъ чего преданные ей люди ищутъ во всемъ, и даже тогда, когда дѣло идетъ о вѣрѣ, очевидныхъ убѣжденій, и, не находя ихъ, дѣлаются матеріалистами. Причиною вольнодумства не математика, а духъ времени: въ математикѣ видимъ превосходныя подобія священныхъ истинъ христіанства. Напримѣръ, какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная безъ Единаго Владыки не могла бы существовать. Въ геометріи треугольникъ, простѣйшій видъ изъ всѣхъ фигуръ, служитъ основаніемъ другихъ геометрическихъ построеній и изслѣдованій. Онъ можетъ быть эмблемою: 1) силы, дѣйствія и слѣдствія; 2) во времени: прошедшаго, настоящаго и будущаго; 3) въ пространствѣ: длины, ширины и высоты или глубины и проч. Святая церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, какъ верховнаго геометра, зиждителя всякой твари. Двѣ линіи, крестообразно пересѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ».

Большую часть времени Магницкій, по званію члена главнаго правленія училищъ, проводилъ въ Петербургѣ, зорко слѣдя за всѣмъ, что происходило въ его округѣ; въ Казани онъ появлялся лишь изрѣдка, посѣщая ее только на короткое время и терроризируя университетъ съ полнымъ успѣхомъ изъ столицы, гдѣ ему открывалось обширное поле для интригъ и распространенія своего вліянія на другіе университеты [353].

«Извѣстно, что произволъ человѣческій, ничѣмъ не сдерживаемый, можетъ простираться далеко за предѣлы права, законности и здраваго смысла; но въ Магницкомъ этотъ ничѣмъ не сдерживаемый произволъ превзошелъ самые отважные порывы насилія. На все, что люди считаютъ неприкосновеннымъ и священнымъ для себя, на истину, мысль, чувство долга, на убѣжденіе, на все онъ наложилъ оковы инструкцій и предписаній, требовавшихъ одного: безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать офиціальную науку, офиціальную добродѣтель, офиціальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ онъ устанавляетъ цѣлую страшную систему лжи и лицемѣрія... Онъ не давалъ, такъ сказать, опомниться министерству, не безъ изумленія и, можетъ быть, не безъ тайнаго страха смотрѣвшему на этотъ административный ураганъ, несшійся съ такою быстротой и яростью по едва начавшей у насъ воздѣлываться нивѣ науки» [354].

Балаклавская бухта въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ литографіи того времени, сдѣланной съ рисунка Чернецова.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У Магницкаго вскорѣ явился подражатель, стремившійся слѣдовать по его стопамъ—это былъ Дмитрій Павловичъ Руничъ. По мнѣнію Вигеля, Руничъ былъ чистосердечнѣе Магницкаго, «зато уже безсмысленнѣе его ничто не могло быть». Руничъ остановился на благой мысли водворить въ Россіи христіанскій университетъ. Сдѣлавшись исправляющимъ должность попечителя петербургскаго округа послѣ С. С. Уварова, онъ направилъ свои громы противъ Петербургскаго университета, недавно только вызваннаго къ жизни. Жертвами его просвѣщеннаго усердія избраны были четыре лучшіе профессора—Галичъ, Германъ, Раупахъ и Арсеньевъ.

Педагогическая дѣятельность Рунича началась съ того, что онъ ввелъ въ дѣйствіе по Петербургскому университету и округу инструкціи, утвержденныя для директора и ректора Казанскаго университета. Имѣя въ своихъ рукахъ столь драгоцѣнное орудіе для уничтоженія всякой свободы мысли и слова, онъ безбоязненно началъ въ 1821 году намѣченный имъ просвѣтительный походъ. Руничъ донесъ главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки преподаютъ въ университетѣ въ духѣ, противномъ христіанству, и поселяютъ въ умахъ студентовъ идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія. Въ доказательство сдѣланнаго имъ открытія о злостныхъ умыслахъ Руничъ представилъ студенческія тетради, составленныя по лекціямъ профессоровъ: Германа и Арсеньева — по статистикѣ, Галича—по философіи и Раупаха—по всеобщей исторіи.

Слабохарактерный князь Голицынъ представилъ все дѣло о петербургскихъ профессорахъ въ комитетъ министровъ и написалъ, что, по его мнѣнію, отъ образа рѣшенія этого дѣла зависитъ возможность остановить распространеніе пагубнаго ученія не только въ Петербургскомъ университетѣ и округѣ, но и въ прочихъ. Профессоры, подвергнутые обвиненію, были удалены изъ университета, но самое дѣло о нихъ, по разногласію, возникшему въ комитетѣ министровъ, затянулось на многіе годы, пока, наконецъ, въ февралѣ 1827 года, уже въ царствованіе императора Николая, не было объявлено высочайшее повелѣніе считать дѣло о профессорахъ оконченнымъ.

Всѣ эти печальныя страницы, ознаменовавшія собою послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра, побудили Паррота послать государю обширную записку, озаглавленную: «Coup d'oeil moral sur les principes actuels de l'instruction publique en Russie». Записка Паррота была приложена къ письму его къ государю отъ 22-го февраля 1825 года. Въ этомъ письмѣ, названномъ имъ прощальнымъ привѣтомъ, Парротъ провозглашалъ Магницкаго пугаломъ народнаго просвѣщенія (la terreur de l'instruction publique). «Я сто разъ спрашивалъ себя,—пишетъ Парротъ,—какими средствами этотъ

жестокій человѣкъ (cet homme féroce) успѣлъ достигнуть столь губительнаго вліянія въ министерствѣ. На основаніи фактовъ я долженъ былъ сказать себѣ, что это достигалось только опутывая благородную и рыцарскую душу вашего величества, эту душу, чуждую страха и упрековъ, тучею опасеній и подозрѣній, сквозь которую видишь, какъ она свѣтится постоянно, то болѣе, то менѣе затемненная; часто же она прорываетъ эту вѣроломную тучу, чтобы блестѣть полнымъ свѣтомъ. Чувствуете ли вы себя счастливымъ, государь, среди этого тумана недовѣрія, постоянно стѣсняющаго всѣ ваши естественныя побужденія, заставляющаго васъ идти въ потемкахъ, чтобы на каждомъ шагу ощупывать почву, вооружаю-

Георгіевскій монастырь въ Крыму въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рисунка съ натуры Гейслера.

щаго противъ вашихъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ ту руку, которая хотѣла бы проливать одни благодѣянія, рисующаго вамъ молодежь самыми мрачными красками, ту молодежь, которую, однако, вы любите, несмотря на отвращеніе и страхъ, которые вамъ внушаютъ къ ней... Соблаговолите, государь, ввѣриться вашимъ собственнымъ свѣтлымъ и блестящимъ идеямъ, которыя вели васъ по столь вѣрному пути до эпохи конгресовъ. Разгоните, разсѣйте туманъ, которымъ пытаются устрашить васъ. Иностранцы соткали его, чтобы сдѣлать изъ васъ страшилище для Европы, а нѣкоторые изъ окружающихъ васъ—Магницкій, самый яростный, самый безудержный изъ всѣхъ—сгущаютъ и поддерживаютъ этотъ туманъ, чтобы сдѣлаться необходимыми, чтобы хвастаться, что они—ваша поддержка. Развѣ короли теряютъ что-либо, если они не

оскорбляютъ человѣчества и не чернятъ молодежи? Конечно, нѣтъ, но теряютъ честолюбцы и интриганы, желающіе господствовать подъ прикрытіемъ вашего имени, поносимаго ими. Будьте же, мой возлюбленный герой, достойны самого себя. Откиньте подальше отъ себя эти подозрѣнія, это недовѣріе, составляющія горечь вашей жизни. Не вѣрьте болѣе этому вѣроломному коварству, чернящему въ вашихъ глазахъ человѣчество, даже юность. Довѣрьтесь взгляду вашего Паррота, который смотритъ, безпрерывно думая только о васъ одинхъ, который видѣлъ и наблюдалъ болѣе людей, чѣмъ гадкое существо (l'être vil), осмѣлившееся приблизиться къ вамъ, чтобы отравлять ваше сердце. Отдайтесь человѣчеству, распростертому у вашихъ ногъ въ надеждѣ на эту милость. Вашъ Парротъ, неизмѣнно вашъ Парротъ» [355].

Александру не суждено было избавить отечественное просвѣщеніе отъ губительныхъ дѣйствій Магницкаго и его сподвижниковъ. Эта заслуга принадлежитъ его преемнику: вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ началѣ 1826 года, императоръ Николай повелѣлъ генералъ-маіору Желтухину произвести подробную ревизію Казанскаго университета, и 6-го (18-го) мая того же года Магницкій былъ уволенъ отъ должностей попечителя казанскаго учебнаго округа и члена главнаго правленія училищъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ высланъ въ Ревель подъ присмотръ коменданта. Когда Сперанскій узналъ объ отправленіи Магницкаго въ Ревель, онъ сказалъ: «Зачѣмъ послали его въ Ревель, куда съѣзжается такъ много народа для поправленія здоровья? Вѣдь онъ заразитъ тамъ воздухъ».

Цензура вполнѣ соотвѣтствовала направленію, данному въ разсматриваемую эпоху дѣлу просвѣщенія, и приняла вполнѣ реакціонный характеръ, несогласный съ либеральнымъ цензурнымъ уставомъ 1804 года, предоставлявшимъ полную свободу благонамѣреннымъ писателямъ. Вслѣдствіе этого, одинъ изъ основныхъ параграфовъ устава, охранявшаго свободу печати, обратился въ мертвую букву. Параграфъ этотъ слѣдующій: «Когда мѣсто (въ сочиненіи), подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, то лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать». Но, какъ замѣтилъ Руничъ,—«тогда было время, а теперь—другое», и поэтому цензора начали дѣйствовать совершенно противно приведенному выше мудрому правилу. Къ этому присоединялось еще невѣжество, вслѣдствіе чего даже такой консервативный дѣятель, какъ А. С. Шишковъ, сознавалъ, что «недовольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобъ она была умная и осторожная».

Стѣснительный оттѣнокъ цензура получила въ особенности съ 1817 года, то-есть со времени образованія министерства затменія. Въ общей сложности за время существованія этого министерства оно

представляло по части цензуры и вообще печати характеръ полнѣйшей нетерпимости, фанатизма и придирчивости.

Въ самые первые мѣсяцы своего управленія, а именно 4-го апрѣля 1818 года, князь Голицынъ отнесся ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ съ офиціальнымъ предписаніемъ, въ которомъ высказалось новое направленіе, наступившее для русской цензуры и русской печатной мысли.

«По соображеніямъ моимъ, нахожу я,—писалъ князь Голицынъ,— что какъ до изданія устава о цензурѣ, такъ и послѣ того вообще выходили и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, могло по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство, по точной волѣ государя императора, вводить и укоренять старается. Вслѣдствіе этого, по долгу званія моего, обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ. По сему прошу предписать подвѣдомственному вамъ цензурному комитету, чтобы оный при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающіе или вольнодумство безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорачиванія догматовъ православной нашей церкви, и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились».

Такимъ образомъ оказывается, что съ этого времени цензура должна была вновь пересматривать все прежде ею пропущенное и свободно обращавшееся въ публикѣ.

Но что же признавалось, по мысли князя Голицына, вольнодумнымъ, нехристіанскимъ, своевольнымъ и необузданнымъ? Для уясненія реакціи, отразившейся столь стѣснительнымъ образомъ на русскомъ книгопечатаніи того времени, достаточно привести нѣсколько примѣровъ.

Такъ, въ 1818 году былъ напечатанъ въ Харьковѣ съ разрѣшенія цензуры краткій катехизисъ на нѣмецкомъ языкѣ, составленный тамошнимъ пасторомъ Зедергольмомъ. Министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ нашло, что этотъ катехизисъ представляетъ собою какое-то чудовищное явленіе, а именно, что онъ содержитъ такое ученіе, «по которому какъ бы отвергается божеское существо въ Господѣ и Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, ибо всѣ важнѣйшія истины христіанскаго ученія, въ Словѣ Божіемъ заключающіяся, пере-

толковываются такимъ образомъ, что тѣмъ ниспровергается все основаніе христіанства. Вочеловѣченіе Сына Божія, воскресеніе Его, вознесеніе, ученіе о Всесвятой Троицѣ, крещеніи и причащеніи Св. Таинъ представлены въ такомъ видѣ, что о сочинителѣ заключать можно, что онъ ничему тому не вѣруетъ и старается составить изъ всѣхъ своихъ лживыхъ толковъ не христіанскую, а совсѣмъ иную религію, которую и называетъ онъ религіею разума и сердца».

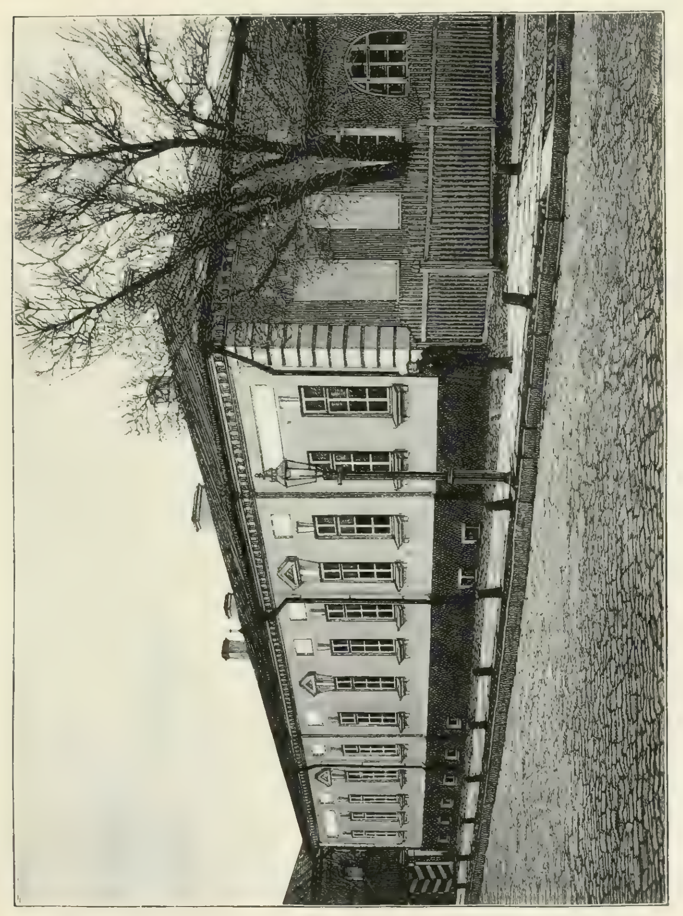
Тщетно пасторъ Зедергольмъ и цензуровавшій его книгу профессоръ Лангъ представляли объясненія, гдѣ говорили, что означенный катехизисъ не содержитъ въ себѣ ничего, непосредственно принадлежащаго умствованіямъ самого Зедергольма, и что все изложенное имъ есть ничто иное, какъ точное и вѣрное изложеніе правилъ Аугсбургскаго исповѣданія, лежащаго въ основѣ протестантскаго вѣроученія; тщетно авторъ приводилъ выписки изъ лютеранскихъ сочиненій, напечатанныхъ границею и даже въ самой Россіи — ничто не помогло. Краткій катехизисъ былъ признанъ сочиненіемъ вреднымъ, всѣ наличные экземпляры отобраны и представлены въ министерство, а «поступокъ» Зедергольма переданъ на судъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зедергольму воспрещено было, предписаніемъ министра отъ 7-го марта 1819 года, занимать учительскую должность по харьковскому округу.

Въ виду такой строгости князя Голицына ко всему, относившемуся до религіи или ея обрядовъ, хотя бы дѣло не касалось православной церкви, тѣмъ болѣе является страннымъ и неожиданнымъ разрѣшеніе, данное имъ въ 1822 году, даже вопреки мнѣнію Дерптскаго цензурнаго комитета, напечатать небольшое сочиненіе на эстонскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Совѣты какъ молиться о изліяніи Св. Духа». Цензурный комитетъ полагалъ запретить эту книгу, потому что въ ней говорилось о совершенной свободѣ не только молитвы и проповѣди, но и устройства самому себѣ, каждымъ частнымъ человѣкомъ, молитвеннаго дома или молельни, что, по мнѣнію комитета и на основаніи закона, не могло имѣть мѣста безъ разрѣшенія и вѣдома правительства и духовнаго начальства.

Но князь Голицынъ положилъ по этому дѣлу такую резолюцію:

«Отвѣчать, что сомнѣнія цензурнаго комитета въ дозволеніи къ напечатанію сей рукописи не имѣютъ достаточнаго основанія, ибо оная содержитъ въ себѣ токмо совѣтъ благонамѣреннаго частнаго человѣка, и притомъ по такому предмету, который не только не противенъ христіанскому ученію вообще, но подтверждается самымъ Священнымъ Писаніемъ, какъ сіе и приводимые г. попечителемъ (графомъ Ливеномъ) тексты между прочимъ свидѣтельствуютъ. Моленіе Богу и приглашеніе къ тому другихъ, прошеніе объ изліяніи Духа Святаго, суть только существенныя обязанности христіанина, и столько извѣстны изъ слова

Божія, что невозможно находить въ томъ ни малѣйшаго основанія къ соблазну.... Посему г. министръ признаетъ съ своей стороны справедливымъ разрѣшить напечатаніе сей пьесы въ томъ уваженіи, что запрещеніе къ изданію оной было бы весьма неблаговиднымъ препятствіемъ

Дворецъ въ Таганрогѣ.
Съ фотографіи.

въ сообщеніи христіанскихъ истинъ. Самое сіе запрещеніе послужило бы скорѣе къ соблазну людей, чтущихъ истины христіанскаго ученія и ожидающихъ отъ правительства, по крайней мѣрѣ, свободнаго дозволенія въ семъ случаѣ, а не препятствій».

Это какъ бы видимое отступленіе князя Голицына отъ обыкновенной его системы по части статей и книгъ, касавшихся догматовъ и обрядовъ, объясняется особенностію личнаго его направленія и настроенія въ дѣлѣ вѣры. Князь Голицынъ былъ дѣйствительно, не по однимъ наговорамъ его враговъ, чѣмъ-то въ родѣ сектанта, не признававшаго непреложности всѣхъ постановленій православной церкви и замѣнявшаго нѣкоторыя изъ ея учрежденій собственными мистическими и другими измышленіями. Онъ, не стѣсняясь своимъ служебнымъ положеніемъ, находилъ возможнымъ для себя присутствовать на сходкахъ и моленіяхъ, которыя не имѣли ничего общаго съ предписаніями православной церкви, и потому пропускалъ въ печать такія книги и статьи, которыя проповѣдывали свободное изліяніе Святаго Духа.

Не препятствуя появленію въ печати подобнаго рода разсужденій, князь Голицынъ, напротивъ того, стѣснялъ изданіе сочиненій болѣе невиннаго свойства. По поводу одного переводнаго романа имъ была высказана мысль, что большинство романовъ «совершенно ничтожны и для чтенія вредны, равно какъ и сказки волшебныя и простонародныя, не приносящія не только ни малѣйшей пользы, ни чести для жителей государства, но и служащія болѣе къ развращенію вкуса и ума».

Неудивительно поэтому, что, проповѣдуя подобные взгляды, князь Голицынъ въ 1823 году велѣлъ сдѣлать замѣчаніе князю Шаликову, издателю «Дамскаго журнала», за эпикурейское, по его мнѣнію, направленіе этого журнала, ставившаго «цѣлью настоящей жизни и счастія чувственныя наслажденія», но еще болѣе за насмѣшку, безъ приличія и дерзко, надъ тѣми, кто жаловался на разорительныя послѣдствія моды.

Но этого еще мало: цензура временъ князя Голицына считала своею обязанностью поправлять и слогъ, и выраженія, и даже самыя мысли авторовъ, не стѣсняясь поступать такъ даже по отношенію къ нашимъ знаменитымъ писателямъ.

Когда въ 1824 году А. С. Шишковъ смѣнилъ князя Голицына, цензурныя стѣсненія усилились еще болѣе. Шишкову казалось, что нравственность общественная падаетъ, русская литература также. А такъ какъ тому и другому, по его мнѣнію, былъ причиною недостатокъ надзора со стороны высшей власти, зависѣвшій столько же отъ законоположеній, сколько и отъ личности исполнителей, то онъ и рѣшилъ, что ему, какъ министру народнаго просвѣщенія, необходимо принять самыя дѣятельныя мѣры для пресѣченія зла.

Гоненіе на печать началось немедленно послѣ вступленія Шишкова въ должность. Разсматривая статьи, назначенныя для напечатанія въ Академическихъ Вѣдомостяхъ, Шишковъ нашелъ въ числѣ ихъ одну, представлявшую статистику смертоубійствъ и самоубійствъ въ Россіи за

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТИПЫ НАЧАЛА НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ

КУПЕЦЪ и АРТЕЛЬЩИКЪ.

Факсимиле рисунка изъ книги „Волшебный фонарь“ изд. 1817 г.

два послѣдніе года. По поводу этой статьи послѣдовала слѣдующая любопытная резолюція новаго министра:

«Статью эту я почитаю не токмо ни къ чему не нужною, но и вредною: 1) какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? 2) по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? 3) къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобъ колеблющійся преступникъ, видя предъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того ободреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто ихъ прислалъ для напечатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійства и самоубійства, должны погружаться въ вѣчное забвеніе».

Судя по этой резолюціи, легко себѣ представить, какое направленіе было дано цензурѣ при новомъ министрѣ.

Для примѣра приведемъ здѣсь случай, касающійся одного изъ главныхъ героевъ этой эпохи.

Магницкій въ концѣ 1823 года представилъ въ цензуру переводное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Нѣчто о конституціяхъ», не назвавъ при этомъ своего имени. Князь Голицынъ, узнавъ изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей о поступленіи въ цензуру такого сочиненія, встревожился отъ одного его заглавія, потребовалъ рукопись къ себѣ и оставилъ ее въ своемъ кабинетѣ. Такъ на этомъ дѣло и остановилось. Но въ 1824 году, уже послѣ удаленія князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія, Магницкій, недовольный неполученіемъ какого либо рѣшенія, объявилъ себя переводчикомъ этого сочиненія и сталъ требовать отъ цензурнаго комитета объясненій, какимъ закономъ руководствовался послѣдній, не дозволяя печатать его перевода.

Цензурный комитетъ призналъ сочиненіе, переведенное Магницкимъ, написаннымъ вполнѣ въ духѣ самодержавнаго управленія, но въ то же время указалъ въ числѣ причинъ, по которымъ этотъ переводъ не могъ быть допущенъ въ печать, слѣдующія: «во 1-хъ, нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже приличія разсуждать публично о конституціяхъ въ государствѣ, благоденствующемъ подъ правленіемъ самодержавнымъ; во 2-хъ, нѣкоторыя сужденія о семъ предметѣ политики могутъ показаться непріятными и для союзныхъ съ Россіею иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное; въ 3-хъ, изданіе въ свѣтъ сего сочиненія на русскомъ языкѣ можетъ подать поводъ издателямъ періодическихъ сочиненій и другихъ книгъ писать о конституціяхъ, а публикѣ дѣлать свои заключенія и, можетъ быть, превратныя толкованія насчетъ появленія сихъ особаго рода сочиненій».

Наконецъ, цензурный комитетъ всего болѣе затруднялся потому, что имѣлъ въ виду предписаніе князя Голицына, которымъ было приказано пропускать лишь тѣ разсужденія о правительствѣ, которыя само оно сочтетъ нужными, «потому что никто другой не въ состояніи судить, которыя изъ подобныхъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики».

Прочитавъ разсужденія цензурнаго комитета, новый министръ А. С. Шишковъ нашелъ изложенные въ нихъ доводы совершенно удовлетворительными и утвердилъ ихъ.

Болѣе всего посчастливилось въ царствованіе императора Александра инженерному дѣлу. Съ его правленіемъ связано учрежденіе двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, даровавшихъ Россіи русскихъ инженеровъ. 20-го ноября 1809 года былъ основанъ «Институтъ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній», уже 11-го августа 1810 года переименованный въ «Корпусъ инженеровъ путей сообщенія» и торжественно открытый 1-го ноября 1810 года, а 24-го ноября 1819 года было основано, по мысли генералъ-инспектора по инженерной части, великаго князя Николая Павловича, главное инженерное училище.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ПОСЛѢ выхода въ день Богоявленія, 6-го (18-го) января 1824 года, и сопровождавшаго его парада войскъ гвардіи императоръ Александръ, по обыкновенію, уѣхалъ въ Царское Село. 12-го (24-го), прогуливаясь въ саду, государь почувствовалъ сильные приступы лихорадки, съ жестокою головною болью; вскорѣ затѣмъ послѣдовала тошнота со рвотою[356]. Въ тотъ же день императоръ поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ и вечеромъ прибылъ въ Зимній дворецъ въ возкѣ. Вилліе немедленно былъ призванъ къ больному, который провелъ ночь очень безпокойно.

На другой день совмѣстное изслѣдованіе Вилліе и доктора Тарасова привело къ заключенію, что государь заболѣлъ горячкою съ сильнымъ рожистымъ воспаленіемъ на лѣвой ногѣ. Вилліе въ особенности опасался за ногу, потому что она уже перенесла въ разныя времена два значитель-

ныхъ ушиба. 14-го (26-го) января появился первый бюллетень о болѣзни императора. Д. К. Тарасовъ находился при больномъ безотлучно, такъ какъ Виллїе еще не вполнѣ оправился отъ перелома ноги, полученнаго имъ во время путешествія государя въ 1823 году, и съ трудомъ двигался на костыляхъ.

«Жестокость припадковъ горячки продолжалась до седьмого дня болѣзни», пишетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ[357]. «19-го января въ ночи у императора сдѣлалась испарина по всему тѣлу, и онъ часа три сряду заснулъ совершенно покойнымъ сномъ, такъ что, когда я по утру рано вошелъ къ нему, онъ сказалъ: «Вотъ сегодня и я спалъ и чувствую, что головѣ моей легче, и она яснѣе; посмотри мой пульсъ, есть ли въ немъ перемѣна?»

«Изслѣдовавши внимательно пульсъ и все положеніе больного въ подробности, я, къ величайшему удовольствію, нашелъ императора нѣсколько въ лучшемъ положеніи, и въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ на вопросъ его.—«А посмотри теперь мою ногу», сказалъ государь, «я въ ней чувствую тягость, но боли меньше». При осмотрѣ ноги я замѣтилъ, что рожистое воспаленіе стало ограничиваться отъ краевъ и сосредоточиваться на срединѣ берца, а изъ пустулъ нѣкоторыя начали темнѣть и отдѣлять жидкую матерію—явленіе неблагопріятное. О положеніи ноги я доложилъ государю вѣрно, но о неблагопріятномъ ея положеніи умолчалъ.

«Когда я объяснилъ все это баронету Виллїе, онъ крайне встревожился и сказалъ: «Боже сохрани, если это перейдетъ въ антоновъ!» Опасеніе его было справедливо, ибо рожа сосредоточилась на срединѣ берца, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нога въ послѣдній разъ была ушиблена копытомъ лошади на маневрахъ въ Брестѣ Литовскомъ.

«Въ продолженіе послѣдующихъ дней, отъ 20-го января, общее положеніе императора становилось лучше; но въ ногѣ не было перемѣны къ лучшему, кромѣ того, что рожистое воспаленіе мало-по-малу уменьшалось въ окружности; на срединѣ же берца темный цвѣтъ оставался безъ всякой перемѣны, и изъ пустулъ сочилась жидкая сукровица. Къ этому мѣсту, кромѣ ароматныхъ травъ, ничего не прикладывалось.

«26-го января, по утру въ восьмомъ часу, вмѣстѣ со мною у императора былъ и баронетъ Виллїе, который желалъ удостовѣриться особенно о положеніи ноги. Общее положеніе больного было удовлетворительно, даже показался аппетитъ; особенно государь съ удовольствіемъ кушалъ уху изъ ершей. При сниманіи съ ноги штиблета изъ ароматныхъ травъ я замѣтилъ, что онъ отъ засохшей матеріи присохъ къ ногѣ[358]. Нужно было употребить осторожное усиліе и сноровку, чтобъ отдѣлить его безъ боли для больного. Вдругъ, къ общему нашему удивленію, я усмотрѣлъ, что присохшее мѣсто покрововъ отдѣляется вмѣстѣ

Кончина императора Александра I.

Факсимиле гравюры И. Кулакова 1827 года.

съ штиблетомъ, величиною въ два дюйма длины и въ полтора дюйма ширины. Отдѣленіе это произошло безъ значительной боли. По отдѣленіи этого обширнаго гангренознаго струпа, состоящаго изъ омертвѣлыхъ общихъ покрововъ и клѣтчатки, представилась намъ обширная язва, коей дно было покрыто доброкачественнымъ гноемъ. По осторожномъ и крайне акуратномъ снятіи гноя оказалось, что язва простиралась до самой надкостной плевы, которая, благодареніе Богу, была невредима, покрывая большую берцовую кость. Удостовѣрясь въ семъ, баронетъ Вилліе, бывшій до сего въ лихорадочномъ положеніи отъ страха за ногу императора, перекрестился самымъ христіанскимъ образомъ и сказалъ: «Ну, слава Богу!»—Императоръ, замѣтивъ это, спросилъ его о причинѣ такого восхищенія. — «Я очень радъ, государь, что ваше здоровье поправляется», отвѣчалъ Вилліе, скрывъ отъ его величества настоящую причину своего восторга.—Вилліе трепеталъ за надкостную плеву, потому что съ отдѣленіемъ ея неминуемо должно бы послѣдовать омертвѣніе или костоѣда большой берцовой кости,—а исходъ такого пораженія кости могъ быть самый неблагопріятный или, по крайней мѣрѣ, продолжительный».

Съ этого дня общее состояніе здоровья государя стало удовлетворительнѣе.

Ежедневно больного посѣщали императрица Елисавета Алексѣевна съ великою княжною Еленой Павловной, великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, а также вдовствующая императрица Марія Өеодоровна.

Изъ министровъ бывали у государя графъ Аракчеевъ и князь А. Н. Голицынъ; первый всегда бывалъ по вечерамъ въ 7 часовъ и оставался иногда часа по два, а послѣдній имѣлъ позволеніе являться по утрамъ въ десятомъ часу и всегда на короткое время.

1-го (13-го) февраля здоровье императора настолько поправилось, что онъ приказалъ приготовить для себя вольтеровскія кресла и сидѣлъ въ нихъ по нѣсколько часовъ въ день[359].

8-го (20-го) февраля назначено было бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича. Императоръ въ это время еще не могъ ходить, поэтому въ смежной съ кабинетомъ государя статсъ-секретарской комнатѣ поставлена была походная церковь. Во время совершенія бракосочетанія императоръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ креслахъ въ дверяхъ кабинета за занавѣсомъ.

Наканунѣ этого торжества прибылъ изъ Варшавы цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Тарасовъ только что окончилъ перевязку и былъ свидѣтелемъ этого свиданія двухъ братьевъ. «Какъ только камердинеръ Анисимовъ отворилъ двери», пишетъ онъ, «цесаревичъ въ полной формѣ своей, вбѣжавъ поспѣшно, упалъ на колѣни у дивана и, залившись сле-

зами, цѣловалъ государя въ губы, глаза и грудь и, наконецъ, склонясь къ ногамъ императора, лежавшимъ на диванѣ, сталъ цѣловать больную ногу его величества. Эта сцена столь была трогательна, что я не могъ удержаться отъ слезъ и поспѣшилъ выдти изъ комнаты, оставивъ обоихъ августѣйшихъ братьевъ во взаимныхъ объятіяхъ и слезахъ».

Вскорѣ послѣ своего выздоровленія государь выѣхалъ прогуляться въ саняхъ и, осмотрѣвъ только что оконченный Цѣпной мостъ на Фонтанкѣ, у Лѣтняго сада, приказалъ открыть его для проѣзда. Народъ повсюду съ восторгомъ встрѣчалъ монарха, перенесшаго тяжкую и опасную болѣзнь. Однако, хотя императоръ и началъ выѣзжать, но больная нога еще долго нуждалась въ перевязкѣ и тщательномъ уходѣ.

Какъ-то послѣ того, какъ государь оправился отъ своей болѣзни, онъ сказалъ Васильчикову, что дешево отдѣлался отъ нея (qu'il l'avait échappé belle). Васильчиковъ возразилъ ему, что весь городъ принимаетъ большое участіе въ его болѣзни. «Тѣ, которые любятъ меня?» (Ceux qui m'aiment)—возразилъ императоръ. «Всѣ», отвѣчалъ Васильчиковъ. «По крайней мѣрѣ мнѣ пріятно вѣрить этому», сказалъ Александръ,— «но, въ сущности, я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя это бремя короны, страшно тяготящей меня» (J'aime du moins à le croire, mais je n'aurais pas été fâché, au fond, de me débarasser de ce fardeau de la couronne qui me pèse terriblement).

Весною императоръ Александръ переѣхалъ въ Царское Село[360], гдѣ, по разсказу Тарасова, соблюдался слѣдующій порядокъ: государь «въ седьмомъ часу утра кушалъ чай, всегда зеленый, съ густыми сливками и съ поджаренными гренками изъ бѣлаго хлѣба; потомъ, сдѣлавъ свой начальный туалетъ, требовалъ меня для осмотра и перевязки ноги; послѣ того, одѣвшись окончательно, выходилъ въ садъ чрезъ собственный выходъ въ свою аллею, изъ коей постоянно направлялся къ плотинѣ большого озера, гдѣ обыкновенно ожидали его главный садовникъ Ляминъ и все птичье общество (лебеди, гуси и утки), обитавшее на птичьемъ дворѣ, близъ этой плотины. Къ приходу его величества птичники обыкновенно приготовляли въ корзинахъ разный для птицъ кормъ. Почуявъ издали приближеніе государя, всѣ птицы привѣтствовали его на разныхъ своихъ голосахъ. Подойдя къ корзинамъ, его величество надѣвалъ особенно приготовленную для него перчатку и начиналъ имъ самъ раздавать кормъ. Послѣ сего давалъ садовнику Лямину разныя свои повелѣнія, относящіяся до сада и парка, и отправлялся на дальнѣйшую прогулку. Въ 10 часовъ возвращался съ прогулки и иногда кушалъ фрукты, особенно землянику, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ фруктамъ. Къ этому времени г. Ляминъ обыкновенно приносилъ большія корзины съ различными фруктами изъ обшир-

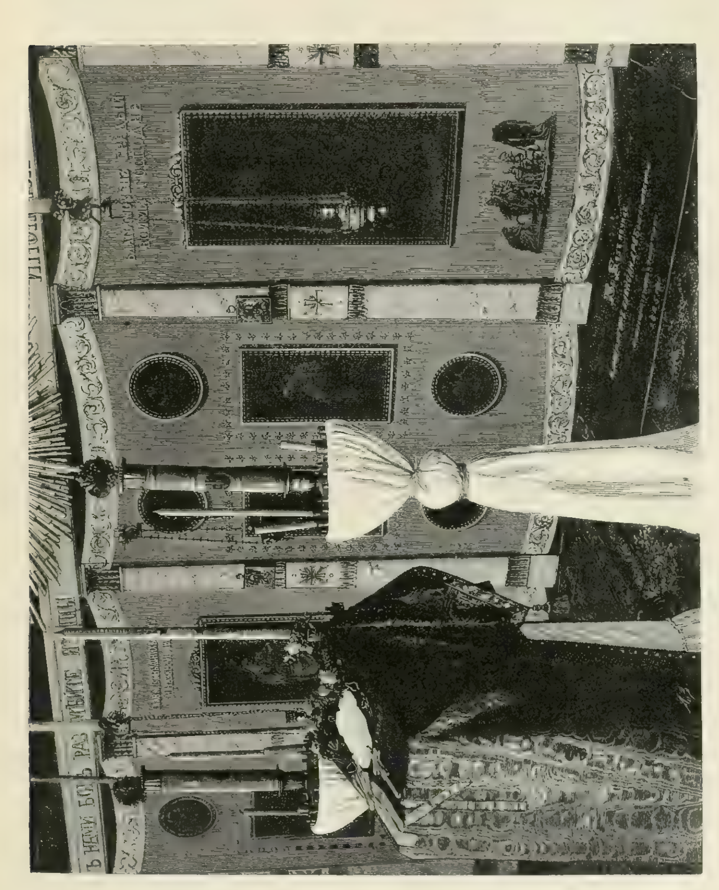
ныхъ царскосельскихъ оранжерей. Фрукты эти, по собственному его величества назначенію, разсылались разнымъ придворнымъ особамъ и семействамъ генералъ-адъютантовъ, кои занимали домики китайской деревни.

«Послѣ того государь, переодѣвшись, принималъ разныхъ министровъ, по назначенію пріѣзжавшихъ съ докладами изъ Петербурга, и начальника главнаго своего штаба. Окончивъ свои занятія, въ третьемъ часу отправлялся въ Павловское къ вдовствующей императрицѣ, августѣйшей своей матери, цѣловать ея руку и, возвратясь оттуда, въ 4 часа обѣдалъ. Послѣ обѣда государь прогуливался или въ экипажѣ, или верхомъ. Въ девятомъ часу вечера кушалъ чай, послѣ коего занимался работою въ своемъ маленькомъ кабинетѣ; въ одиннадцать часовъ кушалъ, — иногда простоквашу, иногда черносливъ, приготовляемый для него безъ наружной кожицы. Часто случалось, что его величество, откушавши самъ, приказывалъ камердинеру своему простоквашу или черносливъ отсылать на ужинъ мнѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться въ постель государю, я обязанъ былъ войти, по требованію его, въ опочивальню осмотрѣть и перевязать его ногу. Послѣ чего его величество, перекрестясь, ложился въ постель и тотчасъ засыпалъ[361], всегда на лѣвомъ боку. Государь засыпалъ всегда тотчасъ и самымъ крѣпкимъ сномъ, такъ что шумъ и крикъ дежурнаго камердинера и лакеевъ, прибиравшихъ обыкновенно въ почивальнѣ его платье, бѣлье и разныя вещи, ни мало не препятствовали сну его, что для меня въ первый разъ казалось чрезвычайно необыкновеннымъ и неучтивымъ со стороны его прислуги. Но его камердинеръ Завитаевъ тогда же увѣрилъ меня, что какъ только государь ляжетъ въ постель, и онъ его укроетъ одѣяломъ, то хоть стрѣляй изъ пушки — онъ не услышитъ»[362].

Въ началѣ 1824 года въ Петербургъ возвратился изъ заграничнаго отпуска князь Волконскій. Получивъ 12-го (24-го) декабря 1823 года орденъ Св. Андрея Первозваннаго при весьма милостивомъ рескриптѣ[363], Волконскій разсчитывалъ снова вступить въ исправленіе занимаемой имъ должности; но этого не допустилъ графъ Аракчеевъ, питавшій крайнюю ненависть къ князю Петру Михайловичу и стоявшій за своего ставленника барона Дибича.

Князь Волконскій былъ принятъ государемъ самымъ привѣтливымъ образомъ, но рѣшительныя объясненія были отклонены; затѣмъ князю предложили другія должности, даже вторую армію. Государь, между прочимъ, признался, что онъ привыкъ къ работѣ Дибича; тогда Волконскій отвѣтилъ: «въ такомъ случаѣ я останусь вашимъ адъютантомъ». 6-го (18-го) апрѣля послѣдовала наконецъ окончательная, офиціальная, развязка этого дѣла[364]: появился «приказъ всѣмъ арміямъ» слѣдующаго содержанія:

«Исправляющій должность начальника главнаго штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, утверждается въ званіи начальника главнаго штаба моего. «Александръ»[365].

Церковь въ Таганрогскомъ дворцѣ, устроенная въ комнатѣ, служившей кабинетомъ императору Александру. На полу, на мѣстѣ, гдѣ скончался государь, вдѣлана мраморная плита; на иконостасѣ, надъ плитою, находится икона, которою императрица Екатерина II благословила Александра Павловича при его бракосочетаніи.

Съ фотографіи съ натуры Шика.

Съ отстраненіемъ князя Волконскаго отъ исполненія обязанностей начальника главнаго штаба пострадалъ также ближайшій помощникъ его, директоръ канцеляріи главнаго штаба, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ. Положеніе его при дворѣ было поколеблено уже ранѣе. Еще ко времени Веронскаго конгреса, куда князь Меншиковъ

сопровождалъ императора Александра, относятся слѣдующіе два отзыва о немъ государя, въ достаточной степени обрисовывающіе взглядъ на него Александра. Такъ однажды государь сказалъ, что душа Меншикова чернѣе его сапога. Въ другомъ случаѣ Александръ выразился: «le prince Menchikoff n'a d'esprit que pour mordre» (у Меншикова есть умъ только для того, чтобы кусаться). Въ такомъ же родѣ былъ и третій отзывъ о немъ государя, высказанный позднѣе, въ 1823 году, Маріи Антоновнѣ Нарышкиной: «c'est un méchant homme qui aurait pu être utile, mais qu'on ne peut employer, sa langue attaque tout le monde» (это злой человѣкъ, который могъ бы быть полезенъ, но которымъ нельзя пользоваться, такъ какъ его языкъ задѣваетъ всѣхъ)[366].

Многочисленные недоброжелатели князя Меншикова съ успѣхомъ воспользовались нерасположеніемъ къ нему государя и окончательно уронили его въ глазахъ монарха. При увольненіи князя Волконскаго въ отпускъ за границу князь Меншиковъ былъ удаленъ съ занимаемаго имъ мѣста и получилъ разрѣшеніе отправиться къ кавказскимъ водамъ. Когда онъ возвратился оттуда, то 6-го ноября 1823 года генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ объявилъ ему, къ его величайшему удивленію, что государь приказалъ зачислить его по министерству иностранныхъ дѣлъ съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, о чемъ вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ и высочайшій приказъ[367]. Въ намѣренія императора Александра входило назначить князя Меншикова посланникомъ въ Дрезденъ, но онъ уклонился отъ этого и испросилъ себѣ новый отпускъ, приведшій къ тому, что 20-го ноября 1824 года князь Меншиковъ былъ уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ съ мундиромъ.

Въ началѣ 1824 года императоръ Александръ былъ озабоченъ дальнѣйшимъ расширеніемъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. Работа, предстоявшая по этому случаю исполнителю его воли графу Аракчееву, была не легкая, такъ какъ приходилось облагодѣтельствовать введеніемъ новаго положенія раскольниковъ; въ это же время повелѣно было закрыть въ поселеніяхъ кабаки и прекратить продажу вина. Всѣ эти мѣропріятія сопровождались оживленною перепискою государя съ своимъ грузинскимъ другомъ. «Надѣюсь на Всемогущаго, что позволитъ и поможетъ привести сіе дѣло къ желаемому концу», писалъ Александръ. «Всякое трудное для меня дѣло легко мнѣ выполнять, если я оное исполняю по препорученію вашему. Я буду просить Бога, дабы Онъ Всевышній увѣрилъ васъ, батюшка, что нѣтъ въ мірѣ другого человѣка, который бы болѣе меня былъ вамъ преданъ», отвѣчалъ графъ Аракчеевъ, опасавшійся только с.-петербургскаго празднаго глаголанія[368].

«Съ Божіею помощію, на Коего всегда во всѣхъ производимыхъ мною дѣлахъ возлагаю упованіе мое», доносилъ графъ Аракчеевъ

4-го марта,—сего числа въ двухъ волостяхъ, Наговской и Спасской, при собраніи жителей, прочитанъ былъ указъ, и объявлено имъ дѣйствительное поступленіе ихъ въ военное поселеніе. Сія церемонія окончилась тихо, смирно и безъ малѣйшаго безпорядка и происшествія. Я благодарю Бога, что Онъ наставилъ меня въ сей новой мысли—не дѣлать вдругъ обмундированія и бритья бородъ, что въ свое время исподоволь исполнится, а симъ самымъ сохранится надлежащая тишина и спокойствіе. Завтра поутру, въ 6 часовъ, поѣду я въ другія двѣ волости по самой дурной испортившейся дорогѣ».

13-го марта графъ Аракчеевъ могъ уже донести государю объ успѣшномъ окончаніи предпринятаго имъ подвига и о безкровной побѣдѣ.

«Съ душевнымъ благодареніемъ къ Богу, помогающему исполнять намѣренія государя моего, я съ пріятнымъ удовольствіемъ имѣю счастіе вамъ, батюшка, донести, что указъ о поступленіи всѣхъ жителей въ военное поселеніе, съ раздѣленіемъ оныхъ на 12 округовъ поселенныхъ полковъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, во всѣхъ десяти волостяхъ объявленъ.

«Воля вашего величества во всѣхъ оныхъ волостяхъ мною была растолкована, и равно и собственная польза ихъ, состоявшая въ сохраненіи при себѣ безотлучно семействъ своихъ, послѣ чего я не имѣлъ надобности употребить какое-либо военное принужденіе, но даже и сдѣлать строгаго выговора добрымъ русскимъ подданнымъ.

«Восемь волостей я лично самъ объѣхалъ, послѣднія же двѣ, Ляховицкую и Воскресенскую, по причинѣ боли въ груди, происшедшей отъ большого сотрясенія при ѣздѣ въ пошевняхъ по испорченной дорогѣ, гдѣ должно было ѣхать объѣздами, по канавамъ и кочкамъ, я уже объѣхать не могъ, но выбранные жители оныхъ волостей, по объявленіи указа, были мною лично въ Старой Русѣ успокоены въ семъ новомъ состояніи.

«Объявленіе сіе окончено 9-го марта, но я съ намѣреніемъ промедлилъ симъ моимъ до сего числа вамъ, батюшка, донесеніемъ, дабы удостовѣриться въ спокойномъ расположеніи жителей, и въ теченіе сихъ трехъ дней ни откуда донесеній о безпокойствахъ не получено, а вездѣ, слава Богу, все смирно и тихо.

«Окончу мое донесеніе тѣмъ, батюшка ваше величество, что весьма много труднаго дѣла будетъ довести сіе поселеніе, по обширности его, до той степени, въ каковой находится нынѣ 1-я гренадерская дивизія, и я, при всемъ моемъ желаніи, сомнѣваюсь, по слабости моего здоровья, чтобы я могъ увидѣть лично оное въ подобномъ положеніи»[369].

Обрадованный полученнымъ извѣщеніемъ, императоръ Александръ немедленно отвѣчалъ графу Аракчееву, 16-го (28-го) марта 1824 года:

Съ наиживѣйшею благодарностію къ Всемогущему Богу получилъ я, Алексѣй Андреевичъ, письмо твое съ извѣщеніемъ о благополучномъ окончаніи начатаго дѣла и о благоустройствѣ, при ономъ сохраненномъ. Умѣю я цѣнить всѣ твои труды и неусыпныя попеченія, и благодарность моя къ тебѣ столь же искренна, какъ и неограниченна. Однако меня сокрушаетъ и безпокоитъ именно твое здоровье. Усердно прошу Бога, чтобъ Онъ подкрѣпилъ твои силы для пользы государственной и лично моей... Съ нетерпѣніемъ ожидаю лично тебя увидѣть. Сегодня ѣду я въ Царское Село и пробуду въ немъ до 26-го марта... Я приказалъ въ среду пріѣхать и Виллію, дабы онъ былъ тутъ къ твоимъ услугамъ».

Едва это трудное дѣло окончилось ко взаимному удовольствію его исполнителей, но, конечно, не къ радости несчастныхъ жертвъ непрошеннаго благодѣянія, какъ другое мѣропріятіе правительства возбудило съ новою силою празднoглаголаніе петербургскаго общества: Фотій въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ и графомъ Аракчеевымъ сокрушилъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ввѣренное съ 1816 года попеченіямъ князя А. Н. Голицына. Исчезновеніе министерства затменія, казавшагося сторонникамъ реакціи еще слишкомъ просвѣтительнымъ, совершилось слѣдующимъ образомъ.

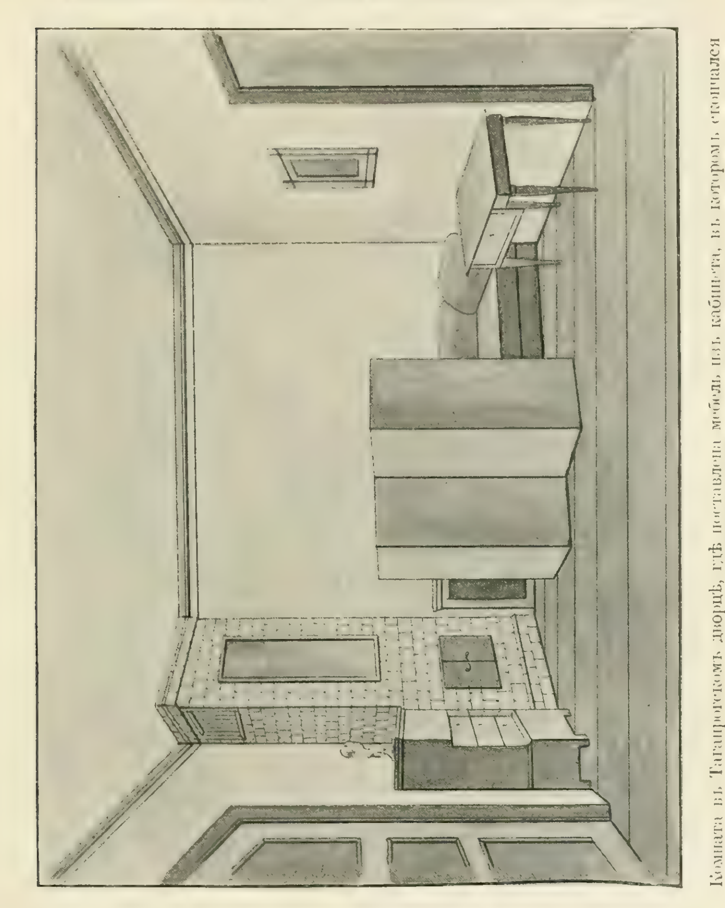
Оперившись милліонами «дщери-дѣвицы» графини Анны Алексѣевны Орловой, архимандритъ Фотій рѣшился выступить бойцомъ за греко-россійскую церковь, которую никто, въ сущности, не намѣревался лишить первенствующаго положенія и отклонить на ложный путь. Сидя въ Юрьевскомъ монастырѣ, Фотій обдумывалъ замышляемый имъ крестовый походъ за вѣру и святую церковь Божію противъ князя Голицына.

Начало 1824 года ознаменовалось для Фотія «видѣніемъ» и «откровеніемъ». Видѣлъ онъ себя въ царскихъ палатахъ стоящимъ передъ царемъ, который просилъ его, дабы онъ благословилъ его и исцѣлилъ болѣзнь его. «Тогда Фотій, обнявъ его за выю, на ухо тихо повѣдалъ ему, како, гдѣ, отъ кого и колико вѣра Христова и церковь православная обидима есть: царь же пріялъ все реченное, далъ маніемъ Фотію вѣдать, что, сколько возможно и успѣетъ, всячески постарается исправить все нужное для церкви, свой стыдъ тѣмъ прикрыть и болѣзнь исцѣлить, въ тайнѣ содѣянную безъ умысла злого, по невѣдѣнію и соблазну другихъ»[370].

Вскорѣ Фотій былъ вызванъ въ Петербургъ и поселился подъ кровомъ «дщери-дѣвицы» Анны. Здѣсь установился центръ заговора противъ министра духовныхъ дѣлъ; къ этому заговору, конечно, примкнулъ и Магницкій; бумаги же и документы по этому дѣлу тайно передавались государю оберъ-полиціймейстеромъ Гладковымъ и генералъ-адъютантомъ

Уваровымъ. Между ними не маловажную роль игралъ рядъ посланій, въ которыхъ требовались строгія и рѣшительныя мѣры для истребленія безбожія.

Вечеромъ 17-го (29-го) апрѣля государь даровалъ особую аудіенцію митрополиту Серафиму. Бесѣда ихъ продолжалась до поздней ночи

Комната въ Таганрогскомъ дворцѣ, гдѣ поставлена мебель изъ кабинета, въ которомъ скончался императоръ Александръ.

Съ рисунка съ натуры, принадлежащаго Н. К. Шильдеру.

Черезъ три дня (20-го апрѣля) Фотій также былъ принятъ императоромъ, но былъ проведенъ тайнымъ образомъ съ секретнаго входа, «дабы сіе не было всѣмъ гласно». Бесѣда продолжалась три часа. Серафимъ на своей аудіенціи защищалъ вѣру, правительство, церковь, іерархію. Фотій же выставилъ на первый планъ политическіе заговоры, подго-

товленіе государственнаго переворота; придавая своимъ сообщеніямъ политическій характеръ, онъ старался устрашить представляемыми доводами колеблющійся умъ государя.

Бесѣда Фотія произвела сильное впечатлѣніе на его слушателя. Александру казалось, что самъ Богъ послалъ ему спасеніе отъ страшной опасности. «Господи, сколь Ты милосердъ ко мнѣ!» сказалъ онъ, молясь. «Ты мнѣ какъ прямо съ небесъ послалъ ангела своего святаго (Фотія) возвѣстить всякую правду и истину! Буди милость Твоя ко мнѣ! Я же готовъ исправить всѣ дѣла и Твою святую волю творить». Обратясь затѣмъ къ Фотію, государь сказалъ: «Отецъ Фотій! Не возгордися, что я сіе сказалъ тебѣ, я такъ о тебѣ чувствую». Напуганный зловѣщими предсказаніями Фотія, государь сказалъ ему, «чтобы онъ написалъ для совершенія намѣренія въ дѣло планъ о всемъ». Этого-то и нужно было Фотію,—пишетъ его біографъ.—Теперь нити дѣла были въ его рукахъ[371], и онъ обѣщалъ вскорѣ написать и представить нѣчто.

По словамъ Фотія, государь, «благодаря его за ревность къ истинѣ и видя, что самъ онъ, вовлеченъ будучи, много къ тому содѣйствовалъ своею царскою силою, просилъ помощи отъ Господа въ дѣлахъ и сказалъ: «О, Фотій! сотвори о мнѣ здѣсь ко Господу молитву, да осѣнитъ меня сила Вышняго на всякое дѣло благое». Съ этимъ словомъ царь великій предъ священно-начальникомъ отцомъ Фотіемъ палъ на колѣни, сложа руки къ сердцу, велѣлъ на главу свою ему положить руки и прочитать молитву. Фотій, видя въ семъ не только всесовершенное содѣйствіе свыше ему, яко въ словѣ и дѣлѣ истины за вѣру и благочестіе, но и совершенное царское благопокореніе царя на всякое дѣло благое, возложилъ руки свои крестообразно на главу цареву помазанную, тихо возведя умъ и сердце горѣ къ Богу, читалъ, глаголя сіи слова: «Царю Небесный! Утѣшителю...» И, знаменая главу цареву десницею, отступилъ отъ царя; царь же, смиреннѣйшій царь, яко кроткій Давидъ, царь мудрый, царь по сердцу Божію, достойный сосудъ благодати Святого Духа, поклонился по молитвѣ въ ноги, яко кающійся человѣкъ къ Богу, не человѣку, но Богу въ лицѣ человѣка поклонився, всталъ. Фотій же видѣлъ благодать Св. Духа, яко росу на руно окрестъ сходящую, яко ѳуміамъ кадильный надъ царемъ, окрестъ его величествія; въ лицѣ его былъ зракъ свѣта лица Божія. Посемъ, царя Фотій благословивъ, исходилъ изъ палаты царевы... Тайною лѣстницею сошелъ онъ внизъ и, изшедъ изъ двора царскаго прежнимъ путемъ, скоро идя, сѣвъ въ карету, прибылъ къ дщери своей дѣвицѣ Аннѣ».

Бесѣда съ государемъ такъ взволновала Фотія, что онъ отъ головы до ногъ былъ, какъ водою, потомъ смоченъ, «и не простъ потъ, а яко кровавъ все одѣяніе его нижнее облилъ». Перемѣнивъ свое нижнее одѣяніе и на-

дѣвъ чистое бѣлье. Фотій поспѣшилъ въ Невскую лавру къ митрополиту Серафиму; несказанная радость охватила ихъ обоихъ.

Черезъ нѣсколько дней къ митрополиту явился посланный государемъ графъ Аракчеевъ, чтобы переговорить съ Серафимомъ о дѣлѣ обстоятельнѣе, въ присутствіи Фотія[372]. Во время этого совѣщанія митрополитъ снялъ свой бѣлый клобукъ и, бросивъ на столъ, поручилъ графу Аракчееву сказать государю, что онъ скорѣе откажется отъ сана, чѣмъ помирится съ княземъ Голицынымъ, съ которымъ не можетъ служить, какъ съ «явнымъ врагомъ клятвеннымъ церкви и государства».

Пользуясь всѣми этими благопріятными для него обстоятельствами, Фотій послалъ государю 29-го апрѣля третье посланіе о томъ, какъ пособить, дабы остановить революцію. Къ этому посланію приложенъ былъ «планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо».

Фотій говоритъ, что онъ молился Господу Богу, и что ему было открыто, что нужно дѣлать немедленно. Въ числѣ мѣропріятій, указанныхъ Фотію свыше, главнѣйшія заключались въ уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ и библейскаго общества; Синоду же быть попрежнему и «духовенству назирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ».

Возвѣщая все это именемъ Божіимъ, Фотій въ заключеніе писалъ: «Повелѣніе Божіе я извѣстилъ; исполнить же въ тебѣ состоитъ; съ тобою Духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824-го ровно 12 лѣтъ: Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію, да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицомъ твоимъ, коего можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты чертою пера».

За этимъ посланіемъ послѣдовало 7-го мая еще четвертое, въ которомъ Фотій призывалъ государя именемъ Божіимъ къ истребленію беззаконія. Оно было тайно передано государю черезъ генералъ-адъютанта Уварова.

«Послѣднѣйшій, но правовѣрный архимандритъ» не удовольствовался всѣми этими мѣропріятіями; благопріятный случай доставилъ Фотію возможность окончательно прикончить ненавистнаго ему министра духовныхъ дѣлъ.

Князь Голицынъ, долгое время не подозрѣвавшій козней, затѣянныхъ противъ него Фотіемъ, пріѣхалъ къ нему въ домъ графини Орловой. Между ними завязался разговоръ, который кончился тѣмъ, что Фотій предалъ министра духовныхъ дѣлъ анаѳемѣ. «Услышавъ гласъ сей», пишетъ Фотій, «князь вознеистовствовалъ, побѣжалъ вонъ во гнѣвѣ и ярости, яко лишенъ ума: азъ же вслѣдъ ему возгласилъ

«Ежели ты не покаешься, и вси съ тобою не обратятся, анаѳема всѣмъ; ты же, яко вождь нечестія, не узришь Бога, не внидешь въ царствіе Христово, а снидешь во адъ, и вси съ тобою погибнутъ во вѣки. Аминь».

Когда происходила эта сцена, «дщерь-дѣвица» не была дома; услышавъ, по возвращеніи, что произошло у нея въ домѣ, она пришла въ ужасъ. Фотій же, по его словамъ, «скача и радуяся, воспѣвалъ пѣснь сію: съ нами Богъ!»

Вѣсть о томъ, что министръ духовныхъ дѣлъ преданъ анаѳемѣ за вѣру, быстро разнеслась по всей столицѣ. Митрополитъ Серафимъ сперва удивился, но затѣмъ сказалъ Фотію: «Вотъ ему должная плата. Что сдѣлано, то уже передѣлать нельзя; потерпи, чадо, ежели оскорбится царь на тебя; а добро будетъ отъ сего, ежели правды ради царь втайнѣ не хотѣлъ любящаго своего отвергнуть, то теперь, стыда ради, какъ проклятаго, долженъ отъ себя удалить. Сіе много подвигнетъ сердце царево къ дѣйствію во благо».

Ожиданія митрополита сбылись. Князь Голицынъ просилъ государя уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и сказалъ: «Я чувствую, что на это пришла пора». Но Александръ перебилъ его словами: «И я, любезный князь, не разъ уже хотѣлъ объясниться съ вами чистосердечно. Въ самомъ дѣлѣ, ввѣренное вамъ министерство какъ-то не удалось вамъ. Я думаю уволить васъ отъ званія министра, упразднить сложное министерство, но принять вашу отставку никогда не соглашусь. Вы останетесь при мнѣ, вѣрнѣйшій другъ всего моего семейства, и, кромѣ того, я прошу васъ оставить за собою званіе члена Государственнаго Совѣта и главное управленіе почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ, дѣла пойдутъ по-старому, и я не лишусь вашей близости, вашихъ совѣтовъ».

15-го (27-го) мая 1824 года состоялся указъ, которымъ князь А. Н. Голицынъ увольнялся отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ назначеніемъ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ[373]. Изъ департамента духовныхъ дѣлъ были изъяты дѣла православнаго исповѣданія, и онъ былъ возстановленъ въ значеніи, присвоенномъ ему въ 1810 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Голицынъ былъ уволенъ также отъ президентства въ Россійскомъ библейскомъ обществѣ, и на его мѣсто былъ назначенъ митрополитъ Серафимъ. По дѣламъ синодальнымъ доклады оберъ-прокурора должны были восходить до государя черезъ графа Аракчеева. «Онъ явился, рабъ Божій, за святую вѣру и церковь, яко Георгій Побѣдоносецъ», писалъ Фотій, восторгаясь по поводу участія, принятаго графомъ Аракчеевымъ въ дѣлѣ о пресѣченіи нечестія, проводимаго богопротивнымъ министромъ.

Князя Голицына смѣнилъ адмиралъ Шишковъ, назначенный министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

«Итакъ», пишетъ современникъ, «въ послѣдніе годы царствованія Александра безсильная геронтократія дремала у государственнаго кормила: старики—Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шишковъ казались болѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами; всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ всѣмъ ненавистный Аракчеевъ»[374].

Лѣтомъ 1824 года императоръ Александръ перенесъ большую «личную печаль», какъ выразился онъ въ письмѣ къ графу Аракчееву[375]. Государь питалъ особенную привязанность къ дочери Маріи Антоновны Нарышкиной, Софіи; она, будучи уже невѣстой графа Шувалова, заболѣла чахоткою. Болѣзнь ея очень озабочивала императора; каждое утро и вечеръ фельдъегерь привозилъ его величеству бюллетени о ходѣ ея болѣзни.

«Въ іюнѣ государь, по выступленіи гвардейскаго корпуса въ лагерь, переѣхалъ изъ Царскаго въ Красное Село», пишетъ Д. К. Тарасовъ. «Въ день, назначенный для ученья всей гвардейской артиллеріи, въ девятомъ часу утра (23-го іюня), съ дачи Нарышкина фельдъегерь привезъ роковую вѣсть о кончинѣ Софіи Нарышкиной и подалъ ее князю Волконскому. Весь генералитетъ гвардіи собрался во дворецъ и ожидалъ выхода императора, чтобъ сопровождать его на военное поле. На это время и баронетъ Вилліе былъ также въ Красномъ Селѣ. Въ предверіи кабинета его величества въ это время былъ я, ожидавшій приказанія войти къ государю для осмотра и перевязки его ноги, баронетъ Вилліе и князь Волконскій. Послѣдній, подошедъ къ Вилліе, объявилъ ему на ухо о плачевной новости и просилъ, чтобъ онъ объявилъ о томъ государю. Вилліе, долго не соглашаясь на то, наконецъ, принялъ на себя это печальное порученіе. Между тѣмъ меня позвали къ императору. Я вошелъ и всячески спѣшилъ осмотрѣть и перевязать ногу государя, ибо онъ и самъ спѣшилъ одѣваться. За мною вскорѣ вошли князь Волконскій и Вилліе. Вилліе подошелъ ближе къ императору и, взглянувъ на ногу его, сказалъ по-французски, что доволенъ положеніемъ ноги, «дѣло идетъ хорошо». Князь же стоялъ подлѣ двери и молчалъ. Государь, какъ бы встревоженный, спросилъ его: «какія новости?» Князь молчалъ, сохраняя свой печальный видъ. Вилліе принялъ на себя отвѣчать его величеству; государь, обратясь къ Вилліе, повторилъ вопросъ по-англійски. Вилліе отвѣчалъ: «Все кончено: она болѣе не существуетъ!» Въ этотъ моментъ я только-что окончилъ перевязку ноги. Императоръ, не сказавъ на это ни слова, возвелъ глаза

свои вверхъ и залился самыми горючими слезами, такъ что вся сорочка на груди его была ими смочена. Князь Волконскій и Вилліе вскорѣ вышли, а съ ними и я оставилъ кабинетъ его величества. Слѣдовало полагать, что артиллерійское ученье будетъ отказано; но спустя четверть часа императоръ выходитъ въ пріемную, обращается къ нѣкоторымъ изъ генераловъ и потомъ садится на ожидавшую его верховую лошадь.

«При выходѣ императора въ пріемный залъ я внимательно наблюдалъ лицо его, на которомъ, къ величайшему моему удивленію, я не могъ замѣтить ни малѣйшей черты, обличающей внутреннее положеніе растерзанной такою важною потерею великой души его. Онъ обычно былъ ко всѣмъ привѣтливъ, нѣкоторымъ дѣлалъ вопросы, пояснялъ отвѣты и до того сохранилъ присутствіе духа, что кромѣ насъ троихъ, бывшихъ въ кабинетѣ его, никто не могъ знать о его внутреннемъ состояніи души.

«По окончаніи ученья государь, возвратясь во дворецъ и переодѣвшись наскоро, сѣлъ въ коляску, запряженную четвернею по загородному, и поскакалъ во весь карьеръ на дачу Нарышкиной. Въ пятомъ часу государь возвратился только парою въ коляскѣ, а другая пара лошадей пала на дорогѣ отъ неимовѣрно быстрой ѣзды. Въ этотъ день его величество не требовалъ обѣда; вечеромъ переѣхалъ въ Царское Село».

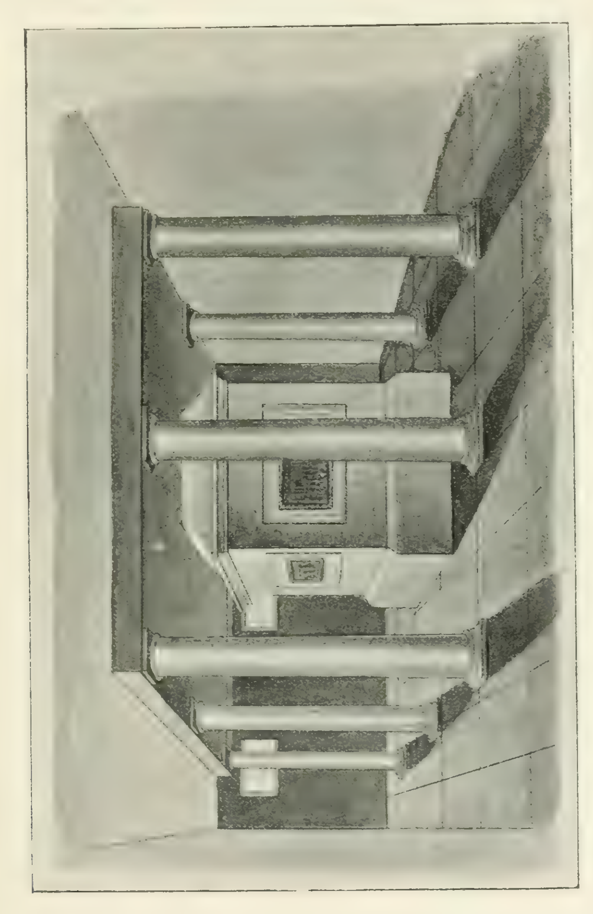
Изъ Царскаго императоръ Александръ писалъ въ тотъ же день графу Аракчееву:

«Не безпокойся обо мнѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, воля Божія, и я умѣю ей покоряться. Съ терпѣніемъ переношу я мое сокрушеніе и прошу Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я удовольствія съ тобою видѣться завтра и надѣюсь, что поѣздка моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣятъ нѣсколько печальныя мои мысли. На вѣкъ тебя искренно любящій и благодарный за твое участіе въ моей скорби».

На другой день государь отправился въ Грузино къ графу Аракчееву; его сопровождали генералъ-адъютантъ Дибичъ и Д. К. Тарасовъ. Императоръ пробылъ въ поселеніяхъ девять дней и осматривалъ различные полки, а также новыя старорусскія поселенія.

Осенью императоръ Александръ снова покинулъ столицу на болѣе продолжительное время; на этотъ разъ онъ предпринялъ обширное путешествіе по восточнымъ областямъ Европейской Россіи[376]. Государь, выѣхавъ по бѣлорусскому тракту 16-го (28-го) августа и миновавъ Москву, прослѣдовалъ до Рязани черезъ Псковскую, Смоленскую, Тверскую, Калужскую, Московскую и Тульскую губерніи. Затѣмъ Александръ посѣтилъ Тамбовъ, Пензу, Симбирскъ, Самару, Оренбургъ, Уфу, Златоустовскіе заводы, Екатеринбургъ, Пермь, Вятку и Вологду[377].

24-го октября (5-го ноября) императоръ Александръ возвратился въ Царское Село, черезъ Боровичи и Новгородъ. На другой день государь обрадовалъ своимъ появленіемъ столицу.

Склепъ въ подвальномъ этажѣ Таганрогскаго дворца, гдѣ, по преданію, положены, послѣ бальзамированія, внутренности императора Александра.

Съ рисунка съ натуры, принадлежащаго Н. К. Шильдеру.

Едва успѣвъ отдохнуть послѣ столь продолжительнаго путешествія, окончившагося глубокою осенью, Александръ былъ свидѣтелемъ потрясающаго бѣдствія, внезапно постигшаго Петербургъ: 7-го (19-го) ноября 1824 года произошло наводненіе, напомнившее собою, но въ болѣе ужасающей степени, наводненіе 1777 года.

Въ этотъ день съ восьми часовъ утра вода начала быстро прибывать и вскорѣ затопила всѣ низменныя части города. На Невскомъ проспектѣ вода доходила до Троицкаго переулка. Въ двѣнадцатомъ часу двѣ трети города были затоплены вслѣдствіе юго-западнаго вѣтра, превратившагося въ сильнѣйшую бурю. Въ четверть третьяго вода вдругъ начала быстро убывать.

Императоръ былъ глубоко потрясенъ страшнымъ бѣдствіемъ, разыгравшимся передъ его глазами, и въ своемъ мрачномъ настроеніи принималъ его за наказаніе за грѣхи. Какъ только вода настолько спала, что можно было проѣхать по улицамъ, Александръ отправился въ Галерную. Тамъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не произнося ни слова; слезы текли по его щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіемъ: «За наши грѣхи Богъ насъ караетъ», сказалъ кто-то изъ толпы. — «Нѣтъ, за мои!» отвѣчалъ съ грустью государь и самъ началъ распоряжаться о временномъ пріютѣ и объ оказаніи помощи пострадавшимъ.

На другой день, 8-го (20-го) ноября, графъ Аракчеевъ писалъ императору Александру:

«Я не могъ спать всю ночь, зная ваше душевное расположеніе, а потому и увѣренъ самъ въ себѣ, сколь много ваше величество страдаете теперь о вчерашнемъ несчастіи. Но Богъ, конечно, иногда посылаетъ подобныя несчастія и для того, чтобы избранные его могли еще болѣе показать страдательное свое попеченіе къ несчастнымъ. Ваше величество, конечно, употребите оное въ настоящее дѣйствіе. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательныя, для поданія помощи бѣднѣйшимъ, а не богатымъ. Подданные ваши должны вамъ помогать, а потому и осмѣливаюсь представить вамъ мои мысли.

«Вашимъ, батюшка, благоразумнымъ распоряженіемъ съ моими малыми трудами составленъ довольно знатный капиталъ военнаго поселенія. Я по званію своему не требовалъ изъ онаго даже столовыхъ себѣ денегъ. Нынѣ испрашиваю въ награду себѣ отдѣлить изъ онаго капитала одинъ милліонъ на пособіе бѣднѣйшимъ людямъ. За что, конечно, Богъ поможетъ дѣлу сему, съ пользою для отечества и славою вашего величества, еще лучшимъ образомъ въ исполненіи своемъ продолжаться.

«Учредите, батюшка, комитетъ изъ сострадательныхъ людей, дабы они немедленно занялись помощію бѣднѣйшимъ людямъ. Они будутъ прославлять ваше имя, а я, слыша оное, буду имѣть лучшее на свѣтѣ семъ удовольствіе».

Въ тотъ же день императоръ Александръ отвѣтилъ графу Аракчееву милостивыми строками, преисполненными душевной признательности:

«Мы совершенно сошлись мыслями, любезный Алексѣй Андреевичъ! А твое письмо несказанно меня утѣшило, ибо нельзя мнѣ не сокрушаться душевно о вчерашнемъ несчастіи, особливо же о погибшихъ и оплакивающихъ ихъ родныхъ. Завтра побывай у меня, дабы все устроить. На вѣкъ искренно тебя любящій».

Генералъ-адъютанту Дибичу государь послалъ 8-го ноября собственноручную записку слѣдующаго содержанія:

Камердинеръ императора Александра I Анисимовъ.

Съ рисунка съ натуры (изъ собранія П. Я. Дашкова).

«Для поданія дѣятельныхъ пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября и по случаю истребленія мостовъ и затрудненія въ сообщеніи между частями города, подъ начальство С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича назначаются временными военными губернаторами: на Васильевскій островъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, на Петербургскую сторону генералъ-адъютантъ графъ Комаровской, на Выборгскую генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ».

Призвавъ къ себѣ 8-го ноября вновь назначенныхъ военныхъ губернаторовъ, государь объявилъ имъ свою волю: «подать самую скорую и дѣятельную помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго происшествія». Графъ Комаровскій, описывая пріемъ, сдѣланный ему и прочимъ военнымъ губернаторамъ, говоритъ, что у государя замѣтны были на глазахъ слезы. «Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія», продолжалъ Александръ;—«вотъ вамъ инструкція, наскоро составленная, сердца ваши ее дополнять. Поѣзжайте отсюда прямо къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по сто тысячъ рублей на первый случай». По свидѣтельству Комаровскаго, государь говорилъ съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что всѣ собравшіеся вокругъ него губернаторы были чрезмѣрно тронуты.

11-го (23-го) ноября учрежденъ былъ комитетъ о пособіи разоренным наводненіемъ С.-Петербурга подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина[378].

«На другой день моего пріѣзда на Петербургскую сторону (къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова)», пишетъ графъ Комаровскій,—«я поѣхалъ осмотрѣть оную и никакъ не могъ представить себѣ такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно! Всѣ заборы были снесены; всѣ мосты, даже мостики чрезъ канавы, раздѣляющія улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между ними не было. Множество фонарей и нѣсколько будокъ были истреблены водою. По сдѣланному послѣ счету, до 160 барокъ разной величины и нѣсколько галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ всѣ почти обывательскіе дома деревянные и въ одинъ этажъ, кромѣ Большого проспекта; во всѣхъ этихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи; особенно въ слободѣ, называемой Колтовскою, на берегу взморья, вода была вышиною въ три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоего пола».

Карамзинъ во время наводненія находился еще въ Царскомъ Селѣ. Черезъ два дня послѣ этого происшествія онъ получилъ отъ императора Александра 10-го ноября слѣдующія строки:

«Вы знаете уже о печальныхъ происшествіяхъ 7-го ноября! Погибшихъ много, несчастныхъ и страдающихъ еще болѣе! Мой долгъ быть на мѣстѣ: всякое удаленіе причту себѣ въ вину. Вамъ не трудно представить себѣ грусть мою. Воля Божія: намъ остается преклонить главу предъ нею».

Государь въ первые же дни послѣ наводненія посѣтилъ наиболѣе пострадавшія мѣстности, переправляясь въ зарѣчныя части города на катерѣ. Для довершенія бѣдствія тотчасъ послѣ наводненія наступили

морозы, доходившіе до 10-ти градусовъ; бѣднѣйшіе изъ столичныхъ жителей, плохо одѣтые и обутые, заболѣвали сотнями. Открывалось широкое поле для отеческой попечительности Александра.

Графъ Комаровскій пишетъ, что на третій день его пребыванія на Петербургской сторонѣ его посѣтилъ государь. «Наканунѣ того дня присланы были дрожки, въ одну лошадь, съ кучеромъ, съ императорской конюшни, чтобъ находиться въ нанятой у самаго перевоза квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ разсказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ по Петергофской дорогѣ находился казенный литейный чугунный заводъ, состоявшій у самаго взморья; деревянныя казармы были построены для жительства рабочихъ людей, принадлежавшихъ къ заводу. Въ девять часовъ утра 7-го ноября вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать; ударили въ колоколъ, чтобы распустить съ работы людей; всѣ бросились къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно! Вода съ такою скоростью прибыла, что этимъ несчастнымъ невозможно было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и дѣти, и вдругъ большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе этихъ бѣдныхъ людей, видящихъ ихъ семейства погибающими и не имѣющихъ способа подать имъ малѣйшую помощь! Примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, разсказывая объ этомъ ужасномъ происшествіи, и присовокупить изволилъ: «Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ мѣста послѣ битвы, покрытыя бездушными трупами, слыхалъ стоны раненыхъ, но это—неизбѣжный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ!»

«Потомъ государь сѣлъ на дрожки, и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ. Государю хотѣлось видѣть вторый кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ Невы, то все парадное мѣсто покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ шагу впередъ было сдѣлать невозможно. Между тѣмъ императоръ у меня разспрашивалъ, что я успѣлъ сдѣлать въ это короткое время, и, кажется, отчетомъ моимъ былъ доволенъ; приказывалъ, чтобъ я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ кое-какъ мы пробрались на Каменноостровскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле огородовъ, и мы могли доѣхать только до Карповки, ибо мостъ черезъ оную былъ сорванъ; но Бетанкуровъ мостъ, на Каменный островъ, уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ и сказалъ мнѣ: «Какое ужасное опустошеніе! Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти

не узнаю», продолжалъ его величество, «проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрестанно ѣзжалъ!» Что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ угольями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго, приведенныя за нѣсколько дней до наводненія для монетнаго двора. Эти барки стояли подлѣ ограды деревянной церкви св. Троицы и вышиною своею равнялись почти съ нею. Государь, осыпавъ меня, по обыкновенію, милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить».

Во время наводненія, въ теченіе пяти часовъ, погибло около 500 человѣкъ, домашнихъ животныхъ 3,609 головъ; разрушено было и снесено 324 дома, повреждено наружно или внутренно 3,581 домъ; затѣмъ подверглись разрушенію или поврежденію мостовыя, тротуары, набережныя, мосты и пр. Значительному разрушенію и убыткамъ подверглись также окрестности столицы, по Петергофской дорогѣ, въ Старомъ Петергофѣ, въ Ораніенбаумѣ, въ Кронштадтѣ, по сѣверной сторонѣ взморья. Въ этимъ мѣстахъ погибло болѣе ста человѣкъ, а строеній разрушено 114 и повреждено 187.

22-го ноября (4-го декабря) государь присутствовалъ въ Казанскомъ соборѣ на панихидѣ по погибшимъ во время наводненія. Карамзинъ пишетъ, что народъ, слушая панихиду, плакалъ и смотрѣлъ на царя.

Среди народа распространились толки, что наводненіе служитъ знакомъ гнѣва Божія за неподаніе Россіею помощи единовѣрнымъ съ нами грекамъ.

Вскорѣ императора Александра постигло новое сердечное огорченіе. 20-го ноября (2-го декабря) 1824 года скончался командовавшій гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, съ самаго воцаренія государя пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ его и любовью. Похороны Уварова были торжественныя, и Александръ присутствовалъ на нихъ до окончанія погребенія. Графъ Аракчеевъ, при этомъ зрѣлищѣ, не удержался отъ ѣдкаго замѣчанія: «Славно провожаетъ его одинъ благодѣтель; каково-то встрѣтитъ его другой благодѣтель?»[379].

12-го (24-го) декабря 1824 года командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, вмѣсто Уварова, назначенъ былъ генералъ Воиновъ.

Душевныя тревоги, которыми ознаменовался для императора Александра исходъ 1824 года, не ограничились этими происшествіями. Къ нимъ присоединились еще заботы о печальномъ состояніи здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны. «Здѣсь все печально или уныло», писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву. «Мы здѣсь уже около недѣли и въ безпокойствѣ о здоровьѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая отъ простуды имѣла сильный кашель и жаръ. Я видѣлъ государя въ

великомъ безпокойствѣ и въ скорби трогательной: онъ любитъ ее нѣжно. Дай Богъ, чтобы они еще долго пожили вмѣстѣ въ такой любви сердечной!»[380].

6-го (18-го) декабря императоръ Александръ писалъ Карамзину: «Хотя есть нѣкоторое улучшеніе въ здоровьѣ жены моей, но далеко еще до того, чтобы успокоить меня. Кашель не унялся и много ее без-

Илья Байковъ, лейбъ-кучеръ Александра I.
Съ литографіи Леграна.

покоитъ, но, что еще важнѣе, мѣшаетъ начать надлежащее врачеваніе, дабы уменьшить біеніе сердца и артеріи».

Съ этого времени императоръ Александръ сдѣлался еще мрачнѣе обыкновеннаго и обнаружилъ еще большую склонность къ уединенію. Свѣдѣнія, получавшіяся государемъ относительно все большаго распространенія среди арміи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ потрясти весь государственный строй имперіи, должны были навести его на грустныя размышленія. Объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать собственноручная записка Александра, относящаяся къ 1824 году и найденная въ кабинетѣ государя послѣ его кончины.

«Есть слухи, писалъ государь,—что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которые имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи. Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михаилъ Орловъ, Дмитрій Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковниковъ, полковыхъ командировъ; сверхъ сего большая часть разныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ».

По поводу положенія дѣлъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра современникъ, А. И. Кошелевъ, оставилъ намъ слѣдующую замѣтку:

«Смутно вспоминаю я о либеральныхъ толкахъ, бывшихъ въ 1818—1822 годахъ, особенно между военными, возвратившимися изъ Франціи послѣ событій 1812—1815 годовъ; но очень положительно и ясно сохранилось въ моей памяти жалобы на слабость императора Александра I-го въ его отношеніяхъ къ Меттерниху и Аракчееву. И старики, и люди зрѣлаго возраста, и въ особенности молодежь — словомъ, чуть-чуть не всѣ безпрестанно и безъ умолка осуждали дѣйствія правительства, и одни опасались революціи, а другіе пламенно ея желали и на нее полагали всѣ надежды. Неудовольствіе было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведеннаго мною, 18-ти-лѣтнимъ юношею, у внучатнаго моего брата М. М. Нарышкина; это было въ февралѣ или мартѣ 1825 года. На этомъ вечерѣ были: Рылѣевъ, князь Оболенскій, Пущинъ и нѣкоторые другіе, впослѣдствіи сосланные въ Сибирь. Рылѣевъ читалъ свои патріотическія думы, а всѣ свободно говорили о необходимости d'en finir avec ce gouvernement»[381].

При такой грозной обстановкѣ насталъ послѣдній годъ царствованія императора Александра, роковой 1825 годъ.

«Не хочу я провести новаго года не поздравя тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ», писалъ императоръ Александръ грузинскому отшельнику, «и не пожелавъ тебѣ всякихъ благополучій на сей начинающійся годъ, или, лучше сказать, не испрося на тебя истиннаго благоволенія Божія. Будь здоровъ и не забывай тебя искренно любящаго».

Графъ Аракчеевъ находился въ это время въ Старой Руссѣ и оттуда отвѣчалъ государю 3-го (15-го) января:

«Батюшка ваше величество!

«Приношу вашему императорскому величеству изъ глубины души моей истинную и нелицемѣрную христіанскую благодарность. Сіе ваше къ подданному вниманіе обновляетъ у него притупляющіяся его силы и дѣлаетъ еще для вашего величества полезнымъ работникомъ.

«Въ военныхъ поселеніяхъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, слава Богу, все благополучно, смирно и тихо, но со всѣмъ онымъ сія огром-

ная машина требуетъ сильнаго труда и крѣпкаго здоровья. Я здѣсь нахожусь съ 28-го числа декабря и не прежде 5-го генваря могу выѣхать, послѣ чего долженъ еще осмотрѣть поселенные полки 1-й гренадерской дивизіи, такъ что я въ мое милое Грузино не прежде могу возвратиться какъ 10-го генваря.

«Молю Всевышняго Бога, да благословитъ Онъ вашего императорскаго величества на сей наступающій новый годъ подъ новымъ здоровьемъ, новыми вѣрными подданными къ облегченію многотруднаго вашего прехожденія, и да ниспошлетъ Онъ Духа Святаго съ новымъ увѣреніемъ о неизмѣрной преданности стараго слуги, вашего императорскаго величества вѣрноподданнаго».

3-го (15-го) февраля 1825 года, въ виду предстоявшаго созванія третьяго польскаго сейма, изданъ былъ въ Царскомъ Селѣ дополнительный актъ (article additionnel) къ конституціонной хартіи королевства Польскаго, постановлявшій, что публичныя засѣданія сейма будутъ происходить только при закрытіи и открытіи сейма, а также въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, обыкновенныя же совѣщанія будутъ имѣть мѣсто при закрытыхъ дверяхъ[382].

Сеймъ повелѣно было открыть 1-го (13-го) мая.

4-го (16-го) апрѣля, на третій день Пасхи, императоръ Александръ во время сильнѣйшей весенней распутицы выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Варшаву черезъ Витебскъ, Оршу и Брестъ-Литовскій. 15-го (27-го) апрѣля государь прибылъ въ Варшаву, гдѣ немедленно начались обычные разводы, парады и маневры.

1-го (13) мая послѣдовало открытіе третьяго польскаго сейма. Въ произнесенной тогда императоромъ рѣчи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова: «Дабы упрочить мое твореніе, оградить его существованіе и обезпечить вамъ спокойное пользованіе ожидаемыми плодами, я прибавилъ одну статью къ основному закону королевства. Эта мѣра, предупреждающая необходимость вліять на ваши выборы и на ваши совѣщанія, доказываетъ, насколько я сочувствую упроченію вашей конституціи. Это единственная цѣль, которая была у меня въ виду, когда я принималъ эту мѣру, и я твердо убѣжденъ, что поляки съумѣютъ оцѣнить эту цѣль и средство, къ которому я прибѣгъ для достиженія ея... Представители королевства Польскаго! Совѣщайтесь спокойно, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія. Въ вашихъ рукахъ—будущность вашего отечества. Имѣйте въ виду его благо, его истинныя пользы. Окажите ему всѣ тѣ услуги, которыя оно отъ васъ ожидаетъ, и содѣйствуйте мнѣ въ исполненіи тѣхъ желаній, которыя никогда не переставалъ я питать въ отношеніи къ вашему отечеству»[383].

Во время засѣданій сейма Александръ предпринялъ поѣздку для обозрѣнія нѣкоторыхъ воеводствъ, ближайшихъ къ Пруссіи; конечнымъ

пунктомъ этого путешествія былъ Калишъ. Промышленность и благосостояніе повсюду видимо возрастали; населеніе, казалось, съ неподдѣльнымъ восторгомъ и искреннею признательностью встрѣчало своего короля.

Однако спокойствіе въ краѣ было только видимое; распространявшіяся все болѣе въ Польшѣ тайныя общества, подобно тому какъ и въ Россіи, работали надъ осуществленіемъ своихъ пагубныхъ цѣлей. Недоставало одной искры, чтобы вызвать взрывъ и привести къ полному крушенію системы, установленной съ такимъ трудомъ императоромъ Александромъ съ 1815 года.

1-го (13-го) іюня императоръ закрылъ сеймъ. Оставшись доволенъ ходомъ совѣщаній представителей, онъ въ заключительныхъ словахъ своей рѣчи сказалъ: «Вѣрьте, что я съумѣю отдать справедливость тому довѣрію, которымъ ознаменовалось нынѣшнее ваше собраніе. Оно не останется втуне. Я сохраню о немъ память, соединенную съ неизмѣннымъ желаніемъ убѣдить васъ, какъ искренна моя къ вамъ привязанность и какое вліяніе окажетъ ваше поведеніе на вашу будущность»[384].

Очевидецъ этого историческаго момента передаетъ намъ вынесенныя имъ впечатлѣнія въ слѣдующихъ строкахъ:

«При вступленіи императора въ палату водворилась благоговѣйная тишина и особенное чувство умиленія. Его величество вступилъ на тронъ съ исключительно принадлежащимъ ему повелительнымъ величіемъ. Подлѣ него, немного сзади и вправо, помѣстился цесаревичъ Константинъ Павловичъ; на ступени трона съ правой стороны сидѣлъ вице-король Заіончекъ (онъ безъ ногъ и не могъ ходить — его носили); на нижней ступени трона, справа также императора, стоялъ съ портфелемъ статсъ-секретарь польскій графъ Грабовскій. Дипломатическіе чины и свита государя помѣстились позади трона.

«Императоръ, стоящій на тронѣ въ полномъ своемъ величіи, представлялъ собою существо, превышающее все земное. Окинувъ своимъ величественно-ангельскимъ взоромъ все собраніе и стоящихъ на хорахъ дамъ, императоръ довольно громкимъ и твердымъ голосомъ и съ особеннымъ воодушевленіемъ прочиталъ на французскомъ языкѣ довольно пространную рѣчь, которую вслѣдъ затѣмъ, на польскомъ языкѣ, повторилъ статсъ-секретарь графъ Грабовскій. Тронная рѣчь эта, какъ по содержанію своему, такъ и по образу произнесенія императоромъ, произвела въ слушателяхъ столь глубокое и умилительное впечатлѣніе, что всѣ сановники польскіе казались изумленными, а дамы почти всѣ плакали.

«Находясь около семи лѣтъ при дворѣ, я въ первый разъ удостоился видѣть императора Александра въ такомъ поражающемъ, неземномъ величіи. Въ небесномъ взорѣ его изумительно выражались могущество, проницательность, кротость и благоволеніе»[385].

Печальная колесница, въ которой было везено тѣло императора Александра I.

Съ рисунка того времени.

Удовольствіе, испытанное государемъ во время пребыванія въ Польшѣ, отразилось и въ письмѣ къ графу Аракчееву отъ 23-го мая, въ которомъ, по поводу варшавскихъ дѣлъ, сказано:

«Здѣсь, благодаря Всевышнему, идетъ все по желанію, и я отмѣнно доволенъ общимъ расположеніемъ».

Подъ вліяніемъ вынесенныхъ тогда благопріятныхъ впечатлѣній императоръ Александръ возобновилъ въ частныхъ разговорахъ прежнія обѣщанія относительно своего неизмѣннаго намѣренія присоединить къ Польшѣ западныя губерніи имперіи. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ подтвердилъ это впослѣдствіи въ письмѣ отъ 15-го (27-го) февраля 1826 года къ императору Николаю Павловичу въ слѣдующихъ положительныхъ выраженіяхъ: «Pas plus tard qu'à son dernier séjour il nous l'a dit positivement à deux reprises, à ma femme et à moi; le même discours a été répété à tout plein de personnes, des militaires et des civils» (Не далѣе какъ во время своего послѣдняго пребыванія онъ дважды положительно высказалъ это намъ, моей женѣ и мнѣ; то же самое было повторено имъ множеству лицъ какъ военныхъ, такъ и статскихъ).

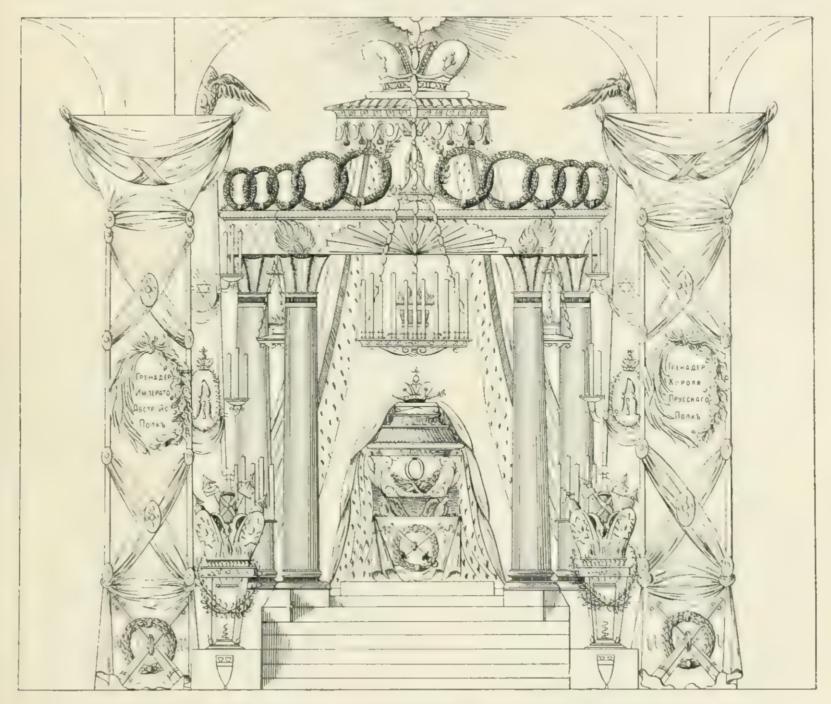
Во время пребыванія императора Александра въ Варшавѣ во Франціи также происходило не менѣе замѣчательное національное торжество: 17-го (29-го) мая состоялась въ Реймсѣ коронація короля Карла X.

Когда 4-го (16-го) сентября 1824 году скончался Людовикъ XVIII, государь назначилъ князя Волконскаго чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ для поздравленія Карла X съ восшествіемъ на престолъ и для присутствованія при его коронованіи. Отправляя князя Волконскаго къ мѣсту назначенія, Александръ сказалъ ему: «Избравъ тебя въ посольство, я полагалъ, что тебѣ, который два раза вводилъ въ Парижъ войска съ оружіемъ въ рукахъ, пріятно будетъ быть тамъ въ третій разъ мирнымъ посломъ».

Князь Волконскій могъ быть дѣйствительно польщенъ полученнымъ назначеніемъ—служить представителемъ монарха въ странѣ, заступничеству котораго она было обязана своимъ счастіемъ и существованіемъ. «Великодушное поведеніе императора Александра еще не изгладилось изъ памяти всѣхъ французовъ», писалъ князь Волконскій изъ Парижа;—«сказать же, что они преисполнены удивленія къ нашему августѣйшему повелителю, это значитъ, что они умѣютъ быть одновременно справедливыми и благодарными»[386].

2-го (14-го) іюня императоръ Александръ, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, выѣхалъ изъ Варшавы по Ковенскому тракту. Въ Пултускѣ цесаревичъ откланялся императору; они разстались здѣсь уже навсегда.

Въ Ковнѣ государь осматривалъ мѣста, гдѣ въ 1812 году совершилась переправа черезъ Нѣманъ наполеоновскихъ полчищъ. Не былъ также позабыть тотъ историческій холмъ, на которомъ раскинута была палатка грознаго повелителя Европы и съ котораго онъ наблюдалъ за движеніемъ своихъ побѣдоносныхъ легіоновъ. Затѣмъ Александръ

Катафалкъ, воздвигнутый въ Новгородскомъ соборѣ для постановленія тѣла Александра I.

(Съ рисунка, помѣщеннаго въ изданіи графа Аракчеева: «Церемоніалъ къ встрѣчѣ и сопровожденію въ Новгородѣ тѣла въ Бозѣ почивающаго императора Александра I-го».—С.-Петербургъ 1826.

посѣтилъ еще Ригу и Ревель и 13-го (25-го) іюня возвратился въ Царское Село.

Отдыхъ государя былъ непродолжительный: 26-го іюня онъ отправился въ Грузино и отсутствовалъ изъ столицы до 6-го іюля. Александръ по обыкновенію осматривалъ въ поселеніяхъ всѣ работы, производилъ ученія и парады. По окончаніи смотровъ государь ночевалъ въ Новгородѣ и на другой день по утру, въ четыре часа, отправился

на катерѣ въ Юрьевскій монастырь, гдѣ слушалъ съ графомъ Аракчеевымъ раннюю обѣдню, а потомъ около часа бесѣдовалъ наединѣ съ архимандритомъ Фотіемъ[387]. Въ 10 часовъ государь возвратился въ Новгородъ и затѣмъ отправился въ Петербургъ.

Но едва императоръ Александръ успѣлъ разстаться со своимъ «многолюбезнымъ хозяиномъ», какъ онъ получилъ отъ графа Аракчеева письменное сообщеніе, которое, по своимъ политическимъ послѣдствіямъ, имѣетъ выдающееся значеніе въ исторіи царствованія Александра I. Вотъ что писалъ графъ Аракчеевъ изъ Грузина 13-го (25-го) іюля 1825 года:

«Батюшка ваше величество!

«Всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что посыланный фельдъегерскій офицеръ Лангъ привезъ сего числа отъ графа Витта 3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицера Шервуда, который объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ донести вашему величеству касающееся до арміи, а не до поселенныхъ войскъ, состоящее будто въ какомъ-то заговорѣ, которое онъ не намѣренъ никому болѣе открыть какъ лично вашему величеству.

«Я его болѣе не спрашивалъ, потому что онъ не желаетъ онаго мнѣ открыть, да и дѣло не касается до военнаго поселенія, а потому и отправилъ его въ С.-Петербургъ къ начальнику штаба, генералъ-маіору Клейнмихелю съ тѣмъ, чтобъ онъ его содержалъ у себя въ домѣ и никуда не выпускалъ, пока ваше величество изволите приказать куда его представить. Приказалъ я Лангу на заставѣ унтеръ-офицера Шервуда не записывать.

«Обо всемъ ономъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доношу.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподданный»[388].

Кто же былъ этотъ смѣлый доносчикъ, и въ чемъ заключалось его таинственное открытіе?

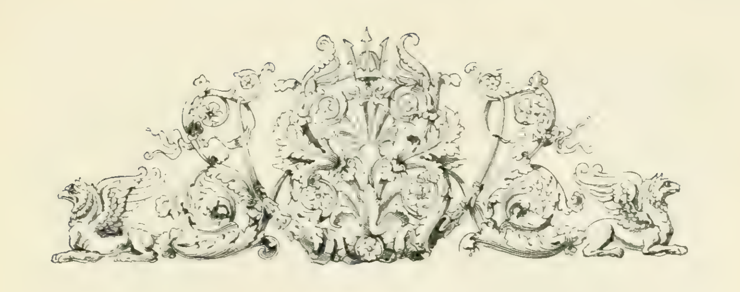

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТИПЫ НАЧАЛА НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ.

РАЗНОЩИКЪ СЪ КНИГАМИ и СОЧИНИТЕЛЬ.

Факсимиле рисунка изъ книги «Волшебный фонарь» изд. 1817 г.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ Шервудъ, англичанинъ по происхожденію, родился въ Кентѣ, близъ Лондона, въ 1798 году. Въ 1800 году его отецъ, въ качествѣ механика, былъ выписанъ въ Россію по повелѣнію императора Павла. Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, для оживленія льняной промышленности и развитія механическаго пряденія и ткачества, у насъ были сдѣланы первыя попытки механическаго пряденія, съ каковою цѣлью и была основана въ 1798 году Александровская мануфактура, на которую и поступилъ отецъ Шервуда. Такимъ путемъ онъ сдѣлался лично извѣстнымъ императору Александру. Молодой Шервудъ получилъ очень тщательное образованіе, соединенное съ знаніемъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и даже латинскаго языковъ, былъ отъ природы наблюдателенъ, вдумчиво относился ко всему окружающему и при всемъ томъ былъ надѣленъ умомъ, привыкшимъ мыслить логично и строго послѣдовательно

Шервудъ поступилъ въ 1819 году, двадцати одного года, въ военную службу въ 3-й Украинскій уланскій полкъ рядовымъ изъ вольноопредѣляющихся. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и въ этомъ званіи пробылъ шесть лѣтъ. Въ это время полковымъ командиромъ Украинскаго полка былъ полковникъ Алексѣй Гревсъ, и полкъ квартировалъ въ Херсонской губерніи въ городѣ Миргородѣ. Благодаря полученному воспитанію и знанію языковъ, Шервудъ былъ принятъ радушно въ обществѣ офицеровъ и пользовался также расположеніемъ полкового командира.

Обратимся теперь къ разсказу самого И. В. Шервуда, изложенному имъ въ своихъ запискахъ:[389]

«Гревсъ давалъ мнѣ разныя порученія и оставался всегда исполненіемъ оныхъ доволенъ», пишетъ Шервудъ.— «часто посылалъ меня въ Крымъ, въ Одессу, въ Кіевскую, Волынскую, Подольскую губерніи, въ Москву, что дало мнѣ средство познакомиться со многими дворянами разныхъ губерній; имѣя отъ природы довольно наблюдательный и вѣрный взглядъ на вещи, я никогда ничего не пропускалъ, стараясь всегда отыскать причину мнѣнія кого бы то ни было, особенно, когда говорили люди, знакомые съ науками или духомъ времени, и люди обстоятельные. Въ 1822 и 1823 годахъ меня поражали всегда толки о какой-то перемѣнѣ въ государствѣ; по моему въ то время мнѣнію, важная въ Россіи перемѣна могла только произойти отъ двухъ причинъ: перемѣна въ государѣ или въ переходѣ народа изъ крѣпостного состоянія въ свободное, но толки были очень нелѣпые. Въ концѣ 1823 года случилось мнѣ быть на большомъ званомъ обѣдѣ у генерала Высоцкаго; имѣніе его Златополь было на самой границѣ Кіевской губерніи и прилегало къ городу Миргороду: на обѣдѣ, между другими офицерами нашего полка, былъ поручикъ Новиковъ и изъ Тульчина адъютантъ графа Витгенштейна князь Барятинскій; послѣ обѣда Новиковъ спросилъ пить; слуга въ суетахъ, вѣроятно, забылъ и не подалъ; Новиковъ разсердился и сказалъ: «эти проклятые хамы всегда такъ дѣлаютъ»; князь Барятинскій вступился и спросилъ, почему онъ назвалъ его хамомъ, развѣ онъ не такой же человѣкъ, какъ и онъ,—и ссора дошла у нихъ почти до дуэли; но въ горячемъ разговорѣ князь употребилъ нѣсколько выраженій, которыя не ускользнули отъ моего вниманія и дали мнѣ поводъ думать, что какія-то затѣи есть. Выраженія заключались въ томъ, что недолго имъ тѣшиться надъ равными себѣ. Ссора кончилась ничѣмъ. Послѣ этого случилось мнѣ быть въ домѣ таможеннаго начальника въ Одессѣ, Плахова, гдѣ обыкновенно всегда бывали вечера, и гдѣ я всегда останавливался, когда пріѣзжалъ въ Одессу; на одномъ вечерѣ случилось нѣсколько офицеровъ изъ второй арміи и много иностранцевъ, не помню, кто эти офицеры и какихъ полковъ, но эти господа до такой степени вольно

говорили о царѣ, о перемѣнахъ, которыя ожидаетъ Россія, о какомъ-то будущемъ блаженствѣ, такъ что я почти никакого сомнѣнія не имѣлъ, что что-нибудь да кроется, но что именно, трудно было опредѣлить».

Свойственныя Шервуду качества мыслить логично и строго послѣдовательно, о которыхъ нами уже упомянуто выше, выказались блистательнымъ образомъ и при этомъ случаѣ. Въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ дошелъ до убѣжденія, что существуетъ какой-то заговоръ, какъ онъ взялся за раскрытіе преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, въ его малѣйшемъ поступкѣ такъ и проглядываетъ натура истаго англичанина, дѣйствующаго систематически, медленно, обдуманно, не роняющаго лишняго слова.

Наблюденія, сдѣланныя Шервудомъ среди общества, въ которомъ онъ вращался, вполнѣ подтверждаются и другими свидѣтельствами. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ приведенный нами выше отзывъ А. И. Кошелева.

Но обратимся опять къ разсказу Шервуда.

«Былъ у меня знакомый, котораго я очень любилъ, полковникъ князь Александръ Сергѣевичъ Голицынъ; я бывалъ у него въ имѣніи, Кіевской губерніи, селѣ Казацкомъ, и встрѣчался съ нимъ часто у Давыдовыхъ въ Каменкѣ, Александра и Василія Львовичей, гдѣ бывали Лихаревъ, Поджіо и многіе другіе; послѣ обѣда всѣ почти, за исключеніемъ Александра Давыдова, князя Голицына и меня, запирались въ кабинетѣ и сидѣли тамъ по нѣсколько часовъ, такъ что Голицынъ меня спрашивалъ: «кой чортъ они тамъ дѣлаютъ?» Разумѣется, я отвѣчалъ, что, вѣроятно, о чемъ-нибудь говорятъ, чтобы ни я, ни вы не слышали. Въ такомъ положеніи все оставалось, пока не ѣхалъ я проѣздомъ черезъ городъ Вознесенскъ, гдѣ квартировалъ 1-й Бугскій уланскій полкъ, и командовалъ онымъ родной братъ моего полкового командира, полковникъ Михаилъ Гревсъ; въ то самое время онъ отданъ былъ подъ судъ, и полкъ у него по высочайшему повелѣнію отнятъ и отданъ Сѣраковскому. Онъ меня убѣдилъ не ѣхать, куда я располагалъ, а просилъ исполнить для него одно очень серьезное порученіе, говоря мнѣ, что ему ни послать, ни надѣяться не на кого; порученіе это касалось дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Якова Булгари. Полагая его найти въ Харьковѣ, я немедленно туда отправился, но не засталъ его тамъ и долженъ былъ ѣхать въ городъ Ахтырку, Харьковской же губерніи, куда пріѣхалъ я на разсвѣтѣ, отыскалъ квартиру графа Булгари, состоящую изъ двухъ небольшихъ комнатъ; первая, въ родѣ передней, съ однимъ окномъ, заваленнымъ чемоданомъ и разными платьями, почти темная, а другая побольше, гдѣ спалъ Булгари, и гораздо свѣтлѣе; дверь въ другую комнату открыта была на вершокъ; меня встрѣтилъ коммисіонеръ графа Булгари, грекъ Иванъ Киріаковъ, котораго я спро-

силъ, что дѣлаетъ графъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что еще очень рано, онъ спитъ; я закурилъ трубку, сѣлъ на стулъ такъ, что мнѣ видно было, что кто-то подъ окномъ на кровати съ покрытымъ лицомъ спитъ; полагая, что это графъ, я попросилъ Киріакова сварить мнѣ стаканъ кофе; онъ вышелъ, и я спокойно ждалъ, пока проснется Булгари, и думалъ, что онъ спитъ одинъ въ комнатѣ, но когда тотъ, на котораго я смотрѣлъ, сдернулъ съ лица одѣяло, я увидалъ незнакомую мнѣ физіономію, довольно похожую на львиную, по широкому носу, довольно хорошо сложеннаго мужчину, и какъ только онъ проснулся, первымъ вопросомъ его было: «а что, графъ, спишь?» Булгари отвѣчалъ, что нѣтъ, и что онъ задумался о вчерашнемъ разговорѣ, и затѣмъ спросилъ: «ну, что-жъ, по твоему мнѣнію, было бы самое лучшее для Россіи?»

Неизвѣстный ему отвѣчалъ: «Самое лучшее, конечно, конституція».

Графъ захохоталъ громко, промолвивъ: «Конституція для медвѣдей!»

Неизвѣстный. «Нѣтъ, позвольте, графъ, вамъ сказать, конституція, примѣненная къ нашимъ потребностямъ, къ нашимъ обычаямъ».

Графъ. «Хотѣлъ бы я знать конституцію для русскаго народа!» и опять захохоталъ.

Неизвѣстный. «Конечно, не конституцію 14-го сентября 1791 года во Франціи, принятую Людовикомъ XVI. Я много объ этомъ думалъ, а потому скажу вамъ, какая конституція была бы хороша».

«И затѣмъ началъ излагать какую-то конституцію. Я въ это время пересталъ курить и, смотря ему въ глаза, подумалъ: «ты говоришь по писанному; изложить на словахъ конституцію экспромтомъ дѣло несбыточное, какого бы объема умъ человѣческій ни былъ». Когда онъ продолжалъ говорить, графъ ему сказалъ:

«— Да ты съ ума сошелъ, ты, вѣрно, забылъ, какъ у насъ династія велика; ну, куда ихъ дѣвать?»

«У неизвѣстнаго глаза заблистали, онъ сѣлъ на кровать, засучилъ рукава и сказалъ:

«Какъ куда дѣвать?... перерѣзать».

Графъ. «Ну вотъ ты уже заврался, ты забылъ, что ихъ и заграницею много; ну, да полно объ этомъ, это все вздоръ, давай лучше о другомъ чемъ-нибудь говорить».

Неизвѣстный. «А я говорю — не вздоръ; а какъ вамъ нравится сочиненіе Биньона?»

Графъ. «А! который писалъ о конгресахъ... да, тамъ много правды, но французы всегда много»... Въ это время вошелъ Киріаковъ.

«Я взялъ у него стаканъ съ кофеемъ, закурилъ опять трубку и сказалъ: «Скажи, что я пріѣхалъ». Онъ къ нимъ вошелъ, графъ закричалъ: «Шервудъ, иди сюда». Я чрезъ двери отвѣчалъ: «Дайте стаканъ кофе допить». Они оба начали вставать. Допивши кофе, я вошелъ.

Графъ Булгари. «Рекомендую тебѣ, это господинъ Шервудъ, а это господинъ Вадковскій».

Вадковскій. «Шервудъ? Вы, вѣрно, иностранецъ?»

— Да, я англичанинъ.

Булгари. «Какъ, ты еще не произведенъ въ офицеры?»

«На что я ему отвѣчалъ: «Это дѣлается не вдругъ у насъ въ поселеніи; третій годъ собираютъ справки обо мнѣ, и начали тогда, когда я прослужилъ положенный четырехъ-лѣтній срокъ».

Вадковскій. «Да, у насъ чортъ знаетъ что̀ дѣлается; вы служите въ военномъ поселеніи, каково у васъ тамъ?»

«Я отвѣчалъ: «Не совсѣмъ хорошо; мало даютъ время хозяевамъ для полевыхъ работъ; отъ этого терпятъ большой недостатокъ, ихъ замучили постройками».

Вадковскій. «Значитъ, поселяне очень недовольны?»

Я. «Очень».

Вадковскій. «Ну, каково офицерамъ?»

Я. «Конечно, офицерамъ лучше, но вообще всѣ недовольны; вы знаете, что Аракчеевъ шутить не любитъ».

Вадковскій. «Когда, думаете, васъ произведутъ?»

Я. «Кто ихъ знаетъ; я разсчиталъ, что на 42-мъ году буду еще прапорщикомъ».

«Наконецъ, разговоръ сталъ общимъ, но изъ разсказовъ обо мнѣ графа Булгари Вадковскій узналъ, что я имѣю большія связи въ поселеніи; Вадковскій, сколько могъ я замѣтить, глазъ съ меня не спускалъ все время и, когда я вышелъ спросить трубку, сказалъ графу: «какъ Шервудъ мнѣ нравится, долженъ быть умный человѣкъ». Странно, что ему Булгари отвѣчалъ: «да, весьма умный, но опаснаго ума: есть минуты, когда я его боюсь» (mais d'un esprit dangereux, il y a des moments où je le crains). Все время разговоръ былъ по-французски. Не успѣли мы отобѣдать, какъ пришли звать Булгари къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой,—она была въ Ахтыркѣ; я остался одинъ съ Вадковскимъ. Немного измѣнившись въ лицѣ, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ:

«— Господинъ Шервудъ, я съ вами другъ, будьте мнѣ другомъ».

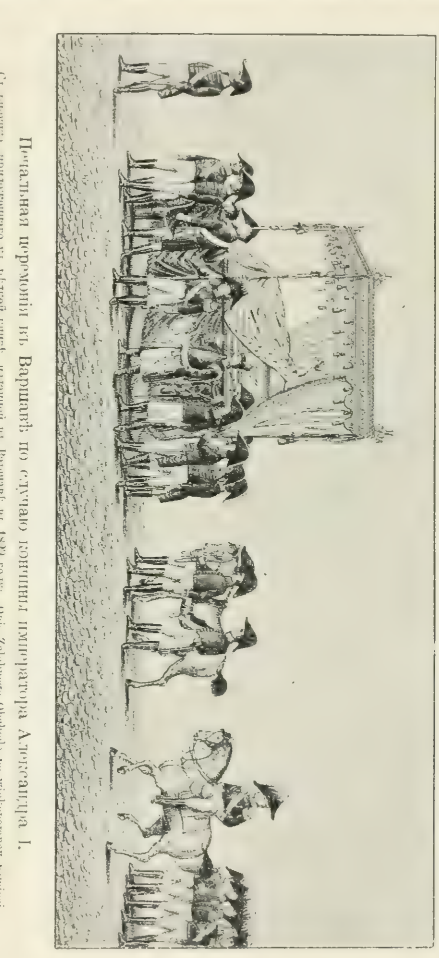
«На что я ему отвѣчалъ, что мнѣ очень пріятно имѣть удовольствіе съ вами познакомиться.

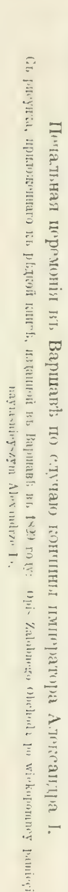
«— Нѣтъ, я хочу, чтобы вы мнѣ были другомъ, и я вамъ ввѣрю важную тайну».

«Я отступилъ назадъ и сказалъ ему: «Что касается до тайнъ, я прошу васъ не спѣшить мнѣ ввѣрять, я не люблю ничего тайнаго».

«— Нѣтъ», сказалъ Вадковскій, ударивъ по окну рукой,—«оно быть иначе не можетъ, наше общество безъ васъ быть не должно».

«Я въ ту минуту понялъ, что существуетъ общество и, конечно, вредное, тѣмъ болѣе, что исторія и времена Кромвеля, Вейсгауптовъ и Робеспьера мнѣ хорошо были извѣстны. Я на это ему сказалъ:

Печальная церемонія въ Варшавѣ по случаю кончины императора Александра I.
Съ рисунка, приложеннаго къ рѣдкой книгѣ, изданной въ Варшавѣ въ 1829 году: Opis Załobnego Obchodu po wiekopomney pamięci nayjaśnieyszym Alexandrze I.

«— Я васъ прошу мнѣ ничего не говорить, потому что здѣсь, согласитесь, не время и не мѣсто, а даю вамъ честное слово, что пріѣду къ вамъ, гдѣ вы стоите съ полкомъ».

«Онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ самомъ Курскѣ. Вадковскій задумался. Входитъ Булгари, и разговоръ нашъ кончился. Я, переговоривъ все съ графомъ, въ 7 часовъ вечера отправился и, признаюсь, не безъ размышленія и внутренняго волненія. Я любилъ блаженной памяти покойнаго императора Александра I-го не по одной преданности, какъ къ царю, но какъ къ императору, который сдѣлалъ много добра отцу моему. Около 12-ти часовъ прибылъ я въ Богодуховъ... Прибывъ въ Вознесенскъ и исполнивъ порученіе Гревса, я немедленно отправился въ Одессу, разсчитывая, что мнѣ будетъ оттуда гораздо лучше донести государю обо всемъ, что я зналъ. Я остановился въ домѣ Плахова и сталъ соображать, какъ лучше поступить, чтобы письмо мое дошло до императора. Я придумалъ написать его величеству письмо, въ которомъ просилъ прислать и взять меня подъ какимъ бы то ни было предлогомъ по дѣлу, касающемуся собственно до государя императора, и подписался 3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ, потомъ вложилъ письмо въ другое, къ лейбъ-медику Якову Васильевичу Вилліе, прося его вручить приложенное письмо государю императору, увѣривъ его, что оно ничего въ себѣ не содержитъ предосудительнаго, и послалъ его анонимомъ. Лейбъ-медикъ Вилліе отдалъ письмо блаженной памяти Александру I-му».

Недолго пришлось Шервуду ожидать послѣдствій предпринятаго имъ смѣлаго шага. За нимъ явился фельдъегерскаго корпуса поручикъ Ланге и 12-го (24-го) іюля 1825 года доставилъ его въ Грузино. На другой день Шервуда позвали къ графу Аракчееву, который встрѣтилъ его на крыльцѣ своего дома. Осмотрѣвъ Шервуда съ головы до ногъ, Аракчеевъ взялъ его подъ руку и повелъ въ садъ. Между ними завязался слѣдующей разговоръ:

Графъ. Скажи ты мнѣ, кто ты такой?

Шервудъ. Унтеръ-офицеръ 3-го Украинскаго уланскаго полка, ваше сіятельство.

Графъ (съ нетерпѣніемъ). Я это, братецъ, знаю лучше тебя; скажи ты мнѣ, какой ты націи?

Шервудъ. Англичанинъ, ваше сіятельство.

Графъ. Есть у тебя отецъ и мать, и гдѣ они находятся?

Шервудъ. Есть, ваше сіятельство, живутъ въ Москвѣ.

Графъ. Есть у тебя братья и сестры?

Шервудъ. Три брата и одна сестра.

Графъ. Чѣмъ они занимаются?

Шервудъ. Механикой, ваше сіятельство.

Графъ. Гдѣ ты родился?

Шервудъ. Въ Кентѣ, близъ Лондона.

Графъ. Какихъ лѣтъ ты пріѣхалъ въ Россію?

Шервудъ. Двухъ лѣтъ, ваше сіятельство, вмѣстѣ съ родителями; въ 1800 году отецъ мой былъ выписанъ въ Россію блаженной памяти покойнымъ императоромъ Павломъ Петровичемъ, какъ механикъ, и первый основалъ суконныя фабрики въ Россіи съ машинами.

Графъ. Знаешь ты языки кромѣ русскаго?

Шервудъ. Знаю французскій, нѣмецкій и англійскій.

Графъ. О! ты, братецъ, ученѣе меня; ну, да ты англичанинъ, а у насъ въ русской службѣ дѣлается такъ: когда унтеръ-офицеръ хочетъ писать государю императору, онъ долженъ придти и передать письмо своему взводному командиру, взводный командиръ передалъ бы эскадронному, эскадронный—полковому, тотъ—бригадному, бригадный—дивизіонному, дивизіонный—корпусному, корпусный мнѣ, а я бы представилъ государю императору.

Шервудъ. Ваше сіятельство, смѣю ли я вамъ сдѣлать вопросъ?

Графъ. Говори, братецъ.

Шервудъ. Если я не хотѣлъ, чтобы ни взводный командиръ, ни полковой, ни корпусный, ни даже ваше сіятельство объ этомъ знали, какъ бы вы, ваше сіятельство, приказали мнѣ въ такомъ случаѣ поступить?

Графъ остановился, долго смотрѣлъ на Шервуда, выпустивъ его руку, и сказалъ:

— Ну, братецъ, въ такомъ случаѣ ты очень умно поступилъ, но ты, братецъ, знаешь, что я все-таки твой начальникъ; ты, вѣрно, знаешь, какъ я преданъ государю, а потому скажи мнѣ, въ чемъ дѣло, и что хочешь государю сообщить.

Шервудъ. Я очень хорошо знаю, ваше сіятельство, что вы мой начальникъ, увѣренъ въ преданности вашей государю императору, но смѣю васъ увѣрить, какъ честный человѣкъ, что это дѣло не касается ни до вашего сіятельства, ни до военнаго поселенія, рѣшительно ни до чего, кромѣ собственно государя императора, а потому, ваше сіятельство, за что хотите лишить меня счастія лично объяснить дѣло государю императору.

Графъ. Ну, въ такомъ случаѣ я тебя и спрашивать не буду, поѣзжай себѣ съ Богомъ.

Аракчеевъ такъ поразилъ Шервуда этими словами, что онъ отвѣтилъ: «— Ваше сіятельство! Почему мнѣ вамъ и не сказать: дѣло въ заговорѣ противъ императора».

13-го (25-го) іюля графъ Аракчеевъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ отправилъ Шервуда въ Петербургъ къ генералу Клейнмихелю. Послѣ трехъ дней, проведенныхъ у него въ домѣ на Литейной, Клейнмихель повезъ своего гостя 17-го (29-го) іюля, въ пять часовъ пополудни, во дворецъ на Каменный островъ. Императоръ позвалъ Шервуда въ кабинетъ и заперъ двери. Клейнмихель остался въ комнатѣ передъ кабинетомъ.

Происшедшій тогда разговоръ Шервудъ передаетъ въ своихъ записках слѣдующимъ образомъ:

«Первое, что государь меня спросилъ, того ли Шервуда я сынъ, котораго онъ знаетъ, и который былъ на Александровской фабрикѣ. Я отвѣтилъ — того самаго.

Государь. Ты мнѣ писалъ; что ты хочешь мнѣ сказать?

— Ваше величество! Полагаю, что противъ спокойствія Россіи и вашего величества существуетъ заговоръ.

Государь. Почему ты это полагаешь?

«Я объяснилъ государю подробно все, что мною выше изложено. Государь, немного подумавши, сказалъ:

— Да, твои предположенія могутъ быть справедливы... Чего же эти... хотятъ? Развѣ имъ такъ худо?

«Я отвѣчалъ государю, что отъ жиру собаки бѣсятся.

«Государь меня спросилъ: Какъ ты полагаешь, великъ этотъ заговоръ?

«Я отвѣчалъ: Ваше величество, по духу и разговорамъ офицеровъ вообще, а въ особенности 2-й арміи, полагаю, что заговоръ долженъ быть распространенъ довольно сильно.

Государь. Какъ ты полагаешь заговоръ открыть?

«Я отвѣчалъ: Ваше величество, если позволите мнѣ, я изложу на бумагѣ, какъ думаю приступить къ этому дѣлу, и представлю вашему величеству, тѣмъ болѣе, что уже имѣю начало и знаю, что Вадковскій рѣшительно принадлежитъ къ заговору.

«Государь меня спросилъ, какъ я полагаю, есть ли тутъ въ заговорѣ кто-нибудь изъ лицъ поважнѣе.

«Я отвѣчалъ, что я болѣе ничего не знаю, кромѣ того, что уже имѣлъ счастіе передать государю, но, по собственному моему взгляду, нѣкоторыя учрежденія и постановленія въ государствѣ мнѣ очень не нравятся, и не можетъ быть, чтобы государственные люди дѣлали безъ намѣренія столь грубыя ошибки.

«Государь меня спросилъ очень скоро и какъ будто удивленный тѣмъ, что я сказалъ: что же именно такое?

«Я отвѣчалъ: Въ военномъ поселеніи людямъ даютъ въ руки ружья, а ѣсть не даютъ; что имъ, ваше величество, остается дѣлать?

Государь. Я тебя не понимаю: какъ ѣсть не даютъ?

«Я объяснилъ государю, что коренные жители или хозяева обязаны кормить свое семейство, постояльцевъ, дѣйствующихъ резервистовъ и кантонистовъ, и что они такъ заняты постройками и перевозкой лѣса изъ черкасскихъ лѣсовъ, что не имѣютъ трехъ дней въ лѣто на свои полевыя работы, и что были примѣры, что люди умирали съ голоду. Конечно, ни вашему величеству, ни графу Алексѣю Андреевичу объ

этомъ ничего не извѣстно, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ быть такое положеніе военныхъ поселянъ очень опаснымъ.

«Государь меня слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Я продолжалъ говорить, что министръ финансовъ издалъ гильдейское постановленіе, которымъ запрещается мѣщанамъ и крестьянамъ изъ уѣзда въ уѣздъ возить продавать хлѣбъ и всякаго рода произведенія свои, чѣмъ сковали внутреннюю въ государствѣ торговлю. Такихъ ошибокъ, ваше величество, государственные люди безъ цѣли дѣлать не могли.

«Государь положилъ руку свою правую на голову и, нѣсколько подумавши, сказалъ мнѣ: «Какъ ты думаешь, для открытія заговора не лучше ли будетъ, если я прикажу произвесть тебя въ офицеры».

«Я отвѣчалъ государю, что ни въ какомъ случаѣ этого теперь дѣлать не надо, можетъ мнѣ дѣло испортить, а когда Богу угодно будетъ мнѣ успѣть открыть зло, тогда его величество можетъ меня произвесть во что ему будетъ угодно.

«На это государь, какъ ни былъ сначала серьезенъ во все время разговора, тутъ улыбнулся и сказалъ: «я надѣюсь тебя видѣть...»[390].

«Государь протянулъ мнѣ руку, которую я поцѣловалъ, сказавъ:

«— Ваше императорское величество, я положительно еще ничего не знаю, но, государь, если оно такъ, какъ предполагаю, надо взять мѣры, и скорыя; если же оно не такъ, я, государь, исполнилъ только долгъ присяги и честнаго человѣка; прикажите, ваше величество, всѣ мѣры употребить къ открытію заговора, а я съ своей стороны надѣюсь въ этомъ успѣть.

«Государь меня спросилъ на чистомъ англійскомъ нарѣчіи, говорю ли я по-англійски. На что я отвѣчалъ его величеству, что говорю.

«— Ну, теперь, сказалъ государь,—Шервудъ, поѣзжай, напиши мнѣ скорѣе, какъ думаешь приступить къ дѣлу, и жди отъ меня приказанія.

«Я поклонился государю, поцѣловалъ его величеству руку, которую государю угодно было мнѣ подать, и вышелъ изъ кабинета. Генералъ Клейнмихель отвезъ меня обратно къ себѣ въ домъ на Литейную».

Составляя предположеніе о томъ, какимъ образомъ приступить къ открытію заговора, Шервудъ придумалъ весьма правдоподобную исторію, въ чемъ ему помогло стеченіе разныхъ случайностей. Онъ просилъ, чтобы сообщили графу Витту, что онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ по подозрѣнію въ похищеніи денегъ и вещей поручикомъ Сивинисомъ въ Москвѣ у богатаго грека Зосима, но оказался къ тому дѣлу непричастнымъ и что государь, зная лично отца Шервуда, даровалъ сыну его годовой отпускъ съ награжденіемъ 1,000 рублей, ассигнаціями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Шервудъ просилъ, чтобы непремѣнно въ извѣстный часъ, 20-го сентября, пріѣхалъ на станцію въ городъ Карачевъ

Орловской губерніи, фельдъегерь, которому онъ могъ бы вручить секретное донесеніе объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ открытіи заговора[391].

Изложивъ планъ своихъ дѣйствій, который былъ врученъ государю, Шервудъ выѣхалъ изъ Петербурга и 27-го іюля (8-го августа) снова прибылъ въ Грузино, гдѣ долженъ былъ выжидать дальнѣйшихъ высочайшихъ повелѣній. Графъ Аракчеевъ принялъ гостя какъ нельзя лучше. Шервудъ каждый день завтракалъ съ домоправительницею грузинскаго отшельника Настасьей Ѳедоровной Минкиной, а обѣдалъ съ графомъ, который всегда сажалъ его подлѣ себя, самъ его угощалъ, наливалъ вино и просилъ говорить съ присутствовавшимъ флигель-адъютантомъ Шумскимъ по-англійски. За столомъ у графа Аракчеева Шервудъ встрѣтилъ также одного изъ будущихъ декабристовъ, Батенкова, который разъ шесть спрашивалъ необычайнаго грузинскаго гостя о причинѣ его появленія.

3-го (15-го) августа Шервудъ получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ дальнѣйшій путь и приступить къ открытію заговора. Отпуская Шервуда, графъ Аракчеевъ сказалъ ему: «Ну смотри, Шервудъ, не ударь лицомъ въ грязь». Онъ отвѣтилъ графу, что хотя бы это стоило ему жизни, но онъ цѣли своей достигнетъ. — «Ну, Господь съ тобою, поѣзжай», сказалъ при прощаніи Аракчеевъ и вручилъ ему билетъ за своею подписью слѣдующаго содержанія:

«По указу Его Величества Императора Александра Павловича Самодержца Всероссійскаго

«и прочая и прочая и прочая.

«Предъявитель сего, 3-го Украинскаго Уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ, уволенъ въ отпускъ отъ нижеписаннаго числа впредь на одинъ годъ съ тѣмъ, что во все время сего отпуска можетъ имѣть мѣстопребываніе въ Россіи тамъ, гдѣ пожелаетъ; по минованіи же годичнаго срока не можетъ нигдѣ проживать подъ строгою за то отвѣтственностію и обязанъ явиться въ полкъ на службу.— Данъ въ селѣ Грузинѣ. Августа 3-го дня 1825 года.

«Главный надъ военными поселеніями начальникъ,
«генералъ отъ артиллеріи

«Графъ Аракчеевъ.

«Начальникъ штаба: Клейнмихель».

Шервудъ отправился прямо по Бѣлорусскому тракту въ штабъ своего полка въ Ново-Миргородъ. Дорогою онъ уже началъ свои наблюденія, сходился съ офицерами въ разныхъ мѣстахъ и «по ихъ разговорамъ», пишетъ Шервудъ, «ясно видѣлъ, что заговоръ долженъ быть

повсемѣстный [1]. По прибытіи Шервуда въ полкъ, его встрѣтили съ необыкновенною радостью, забросали вопросами объ Аракчеевѣ, Петербургѣ и его дѣлѣ. Онъ всѣмъ повторялъ одну и ту же придуманную имъ исторію: похищеніе денегъ и вещей поручикомъ Сивинисомъ у грека Зосима. Въ такомъ же духѣ Шервудъ написалъ письмо къ графу Булгари, въ увѣренности, что оно будетъ сообщено Вадковскому. Затѣмъ Шервудъ отправился въ Одессу, но, несмотря на его старанія, тамъ ему ничего не удалось вывѣдать. Тогда онъ отправился въ Курскъ къ Вадковскому.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Состояніе здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны продолжало внушать опасенія. Доктора Виллie и Стофрегенъ высказали, въ концѣ іюля 1825 года, мнѣніе, что императрица не можетъ провести предстоящую зиму въ Петербургѣ, и признали пребываніе ея въ южномъ климатѣ безусловно необходимымъ; они указывали на Италію, южную Францію или южную Россію. Выборъ остановился окончательно на Таганрогѣ. «Признаюсь, не понимаю, писалъ князь Волконскій своему другу А. А. Закревскому[392],—какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ». Государь объявилъ, что онъ отправится туда же и возвратится въ Петербургъ къ новому году. Предпологавшійся же осенью смотръ войскамъ второй арміи около Бѣлой Церкви былъ, однако, отмѣненъ, вѣроятно, вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ о возростающемъ распространеніи среди чиновъ этихъ войскъ тайныхъ обществъ.

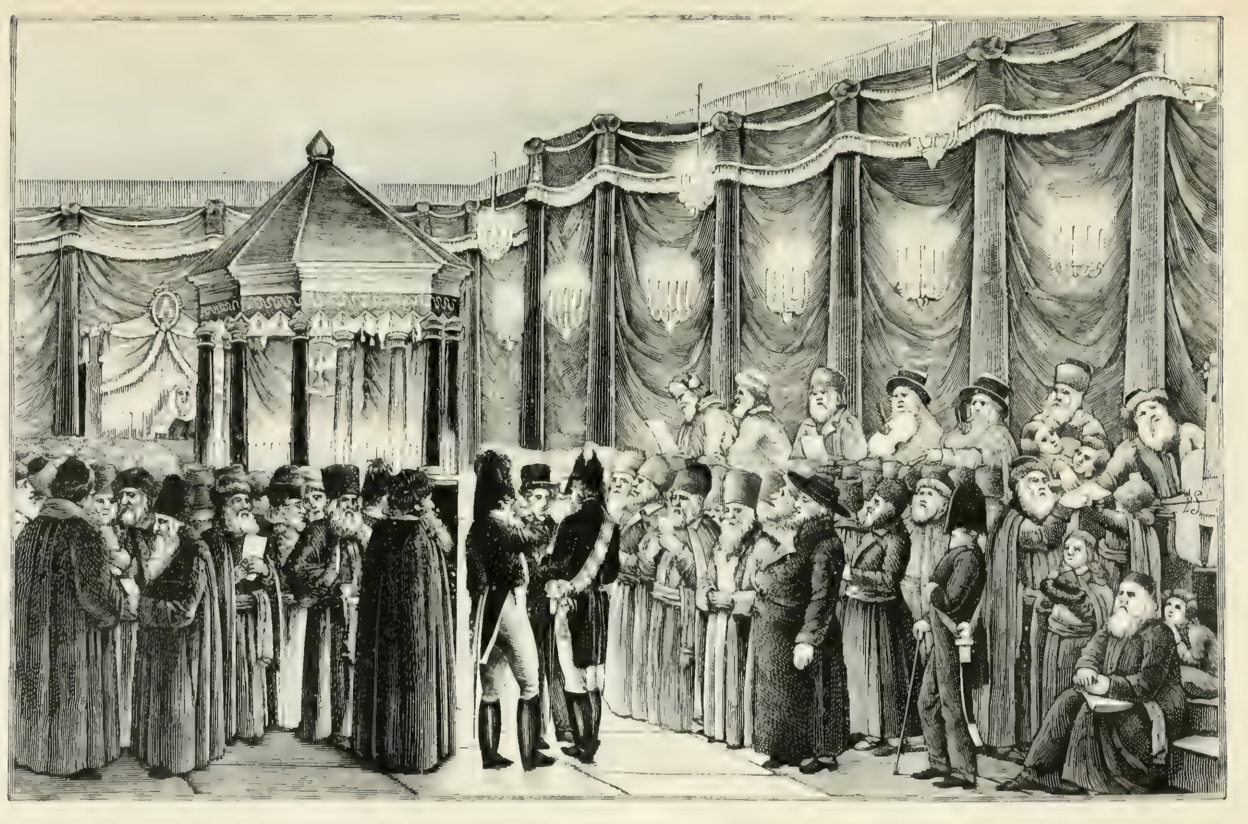
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Императоръ Александръ поручилъ князю Волконскому, только что возвратившемуся изъ Парижа послѣ коронаціи Карла X, сопровождать императрицу на югъ Россіи и состоять при ней во все время ея пребыванія тамъ. Затѣмъ, въ виду переселенія двора въ Таганрогъ, архитектору Шарлеманю повелѣно было, 6-го (18-го) августа, отправиться въ этотъ городъ для приготовленія необходимыхъ помѣщеній[393].

Незадолго передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ императоръ Александръ поручилъ князю А. Н. Голицыну привести въ порядокъ бумаги въ своемъ кабинетѣ. Во время этой работы завязался разговоръ, и князь Голицынъ, изъявляя несомнѣнную надежду, что государь возвратится въ столицу въ полномъ здоровьи, позволилъ себѣ, однако, замѣтить, какъ неудобно акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія, оставлять при продолжительномъ отсутствіи необнародованными, и какая отъ этого можетъ родиться опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія. Александръ сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостью замѣчаній Голицына, но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукою на небо, тихо сказалъ: «Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ» (Remettons-nous en à Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres faibles mortels)[394].

Невольно представляется вопросъ, почему императоръ Александръ рѣшилъ хранить эти акты въ столь глубокой тайнѣ отъ назначеннаго имъ наслѣдника, а также и отъ Россіи? Трудно найти для подобнаго образа дѣйствій разумное объясненіе, и тайну свою Александръ унесъ съ собою въ могилу. Нѣкоторые полагаютъ, что государь одновременно съ манифестомъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія намѣревался объявить и о собственномъ отреченіи отъ престола. Странная надпись на пакетѣ: «хранить до моего востребованія», можетъ быть, дѣйствительно указываетъ на намѣреніе Александра осуществить, согласно прежнимъ мыслямъ, отреченіе отъ престола. Справедливость подобнаго предположенія усматриваютъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Весною 1825 года пріѣхалъ въ Петербургъ принцъ Оранскій, которому императоръ Александръ повѣрилъ свое намѣреніе сойти съ престола и удалиться въ частную жизнь. Принцъ ужаснулся и старался отклонить государя отъ подобнаго намѣренія. Но Александръ остался при своемъ мнѣніи, и старанія принца не привели къ желаемой цѣли: ему не удалось поколебать намѣренія государя. Судьба, однако, готовила въ ближайшемъ будущемъ всѣмъ этимъ недоумѣніямъ совсѣмъ иное и, къ тому же, вполнѣ неожиданное рѣшеніе.

28-го августа Карамзинъ въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ императоромъ Александромъ отъ 8 до 11½ часовъ вечера и сказалъ, разставаясь со своимъ высокимъ покровителемъ: «Государь! Ваши годы сочтены. Вамъ нечего болѣе откладывать, а вамъ остается еще столько

Торжественное поминовеніе императора Александра I въ Варшавской синагогѣ.

Съ рисунка, приложеннаго къ рѣдкой книгѣ, изданной въ Варшавѣ въ 1829 году. «Opis Żałobnego Obchodu po wiekopomnej pamięci najjaśniejszym Alexandrze I».

сдѣлать, чтобы конецъ вашего царствованія былъ бы достоинъ его прекраснаго начала» (Sire, vos années sont comptées, vous n'avez plus rien à remettre, et vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de votre règne soit digne de son beau commencement). Движеніемъ головы и милою улыбкою государь выразилъ одобреніе, прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи[395]. «Мы разстались не безъ чувства», пишетъ Карамзинъ,—«привязанность моя къ нему сердечная и вѣчная»[396].

30-го августа 1825 года, въ день своего тезоименитства, императоръ Александръ въ послѣдній разъ слушалъ въ Невской лаврѣ божественную литургію. Затѣмъ государь отправился во вновь отстроенный дворецъ великаго князя Михаила Павловича; при входѣ въ него великаго князя государь благословилъ его образомъ Спасителя, хлѣбомъ и солью.

31-го августа, наканунѣ предстоявшаго отъѣзда въ Таганрогъ, Александръ посѣтилъ императрицу Марію Ѳеодоровну въ Павловскѣ. Послѣ обѣда, прогуливаясь по саду, онъ заходилъ въ Розовый павильонъ, въ которомъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, съ такимъ торжествомъ праздновали возвращеніе его изъ Парижа. Воспоминаніе о минувшемъ не могло не воскреснуть въ памяти государя, но на этотъ разъ приближеніе осени, замѣчавшееся по пожелтѣвшимъ листьямъ деревъ и по опустошеннымъ клумбамъ розъ, набрасывало на все окружавшее покровъ тихой грусти, вполнѣ соотвѣтствовавшей душевному настроенію императора[397].

1-го сентября императоръ Александръ покинулъ свою столицу уже навсегда; ночная тишина и мракъ царствовали надъ городомъ, когда онъ выѣхалъ одинъ, безъ всякой свиты, изъ Каменноостровскаго дворца. Въ 4 часа съ четвертью пополуночи коляска, запряженная тройкою, остановилась у монастырскихъ воротъ Невской лавры. Здѣсь ожидали государя, предупрежденные о его посѣщеніи, митрополитъ Серафимъ, архимандриты въ полномъ облаченіи и вся братія. Александръ, въ фуражкѣ, шинели и сюртукѣ, безъ шпаги, поспѣшно вышелъ изъ коляски, приложился ко кресту, былъ окропленъ святою водою, принялъ благословеніе отъ митрополита и, приказавъ затворить за собою ворота, направился въ соборную церковь. Монашествующіе пѣли тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя». Войдя въ соборъ, государь остановился предъ ракою святаго Александра Невскаго, и началось молебствіе. Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившихъ императора у входа въ лавру, господствовавшая вокругъ темнота и ярко освѣщенная рака угодника Божія, виднѣвшаяся вдали въ растворенныя соборныя двери, поразили его воспріимчивое воображеніе: Александръ плакалъ во время молебна. Когда наступило время чтенія святаго Евангелія, императоръ, прибли-

звшись къ митрополиту, сказалъ: «Положите мнѣ евангеліе на голову», и съ сими словами сталъ на колѣна подъ Евангеліе.

По окончаніи молебна государь положилъ три земныхъ поклона предъ мощами благовѣрнаго князя, приложился къ его образу и расклянялся съ бывшими при молебствіи[398]. Высокій посѣтитель вышелъ изъ собора, провожаемый митрополитомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и всею братіею съ пѣніемъ того же тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Вышедши изъ собора, митрополитъ Серафимъ сказалъ государю:

— Ваше величество, не угодно ли пожаловать ко мнѣ въ келью.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ императоръ, — только ненадолго; я уже и такъ полчаса по маршруту промѣшкалъ.

Тогда всѣ провожавшіе повернули отъ собора къ дому митрополита и вошли въ залу. Государь съ Серафимомъ удалились въ гостиную. Тамъ, снова принявъ благословеніе митрополита и поговоривъ съ нимъ нѣсколько стоя, онъ сѣлъ и просилъ преосвященнаго сѣсть подлѣ него.

Митрополитъ, желая направить разговоръ на предметъ, занимательный для высокаго гостя, сказалъ:

— Я знаю, что ваше величество вездѣ жалуете схимниковъ; и въ нашей лаврѣ есть нынѣ схимникъ; не благоволите ли приказать позвать его?

— Хорошо, позовите, отвѣчалъ государь.

Схимникъ тотчасъ же былъ призванъ и представленъ монарху. Государь благосклонно принялъ достопочтеннаго старца Алексѣя, просилъ у него благословенія и разговаривалъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Уходя, схимникъ сказалъ умиленнымъ голосомъ: «Государь, сдѣлай милость, удостой и мою келью своимъ посѣщеніемъ». Александръ, узнавъ отъ митрополита, что келья схимника у самаго подъѣзда, къ которому была подана коляска, изъявилъ согласіе посѣтить старца.

Когда дверь кельи отворилась, мрачная картина представилась глазамъ государя: полъ и всѣ стѣны до половины были обиты чернымъ сукномъ; съ лѣвой стороны у стѣны виднѣлось большое Распятіе съ предстоящими Богоматерью и евангелистомъ Іоанномъ; у другой стѣны кельи находилась черная длинная деревянная скамейка; лампада, горѣвшая передъ иконами, тускло освѣщала печальное жилище схимника.

При входѣ императора схимникъ палъ предъ Распятіемъ, читая молитву, и въ то же время, обратясь къ своему высокому гостю, сказалъ: «государь, молись!» Александръ положилъ три земныхъ поклона, а схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпускъ и осѣнилъ государя.

По окончаніи чтенія молитвы монархъ сѣлъ съ митрополитомъ на скамейку и приказалъ сдѣлать то же схимнику, который, отказываясь отъ этой высокой чести, наконецъ долженъ былъ повиноваться и занялъ

мѣсто поодаль отъ нихъ. Продолжая разговаривать вполголоса съ митрополитомъ, государь спросилъ его: «все ли здѣсь имущество схимника? гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели».— Спитъ онъ, отвѣчалъ митрополитъ,—на томъ же полу, предъ симъ самымъ Распятіемъ, предъ которымъ молится».

Схимникъ, вслушиваясь въ слова эти, всталъ и сказалъ: «Нѣтъ, государь, и у меня есть постель, пойдемъ, я покажу тебѣ ее». Съ этими словами онъ повелъ императора за перегородку въ своей кельѣ, гдѣ представилось поразительное для государя зрѣлище: на столѣ стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежали схима, свѣчи и все относящееся къ погребенію. «Смотри,—сказалъ схимникъ,—вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать долго».

Молча, погруженный въ размышленіе, стоялъ монархъ нѣсколько времени. Когда государь отошелъ отъ гроба, то схимникъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Государь, я человѣкъ старый и многое видѣлъ на свѣтѣ; благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились; въ 1812 году наступило время исправленія и набожности, но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты—сынъ православныя церкви и долженъ любить и охранять ее. Такъ хощетъ Господь Богъ нашъ».

Выслушавъ эти слова, Александръ обратился къ митрополиту и сказалъ ему: «Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я, но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова сего старца».— «Жалѣю,—сказалъ онъ потомъ схимнику,—что я давно съ тобою не познакомился», и обѣщался посѣщать его. Затѣмъ, принявъ отъ него благословеніе, вышелъ изъ кельи съ митрополитомъ. Проходя мимо братіи, стоявшей въ два ряда отъ кельи схимника до коляски, государь просилъ молиться и снова принялъ благословеніе отъ митрополита. Садясь въ коляску, онъ поднялъ къ небу глаза, наполненные слезами, и, обратясь еще разъ къ митрополиту и братіи, сказалъ: «помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей».—Лаврою, до самыхъ воротъ, онъ ѣхалъ съ открытою головою, часто оборачиваясь, кланялся и крестился, смотря на соборъ.

Итакъ, мрачная келья, открытый гробъ со всѣми принадлежностями похоронъ были послѣдними впечатлѣніями, вынесенными императоромъ Александромъ при разставаніи съ столицею. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Было ли то грустное предчувствіе,

навѣянное встрѣчею со схимникомъ, была ли то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе императоромъ—кто можетъ рѣшить этотъ загадочный вопросъ[399].

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Царскаго по Бѣлорусскому тракту, съ котораго, на границѣ Псковской губерніи, повернулъ черезъ Торопецъ на Тульскій трактъ. Во время этого путешествія нигдѣ не было ни военныхъ смотровъ, ни парадовъ, ни маневровъ. На всѣхъ ночлегахъ государь заботливо осматривалъ всѣ удобства помѣщенія въ виду предстоявшаго отъѣзда императрицы въ Таганрогъ по тому же самому пути. Государя сопровождали начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, Вилліе, Д. К. Тарасовъ и полковникъ А. Д. Саломка. Кромѣ того, въ свитѣ находились: директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба Ваценко, капитанъ Вилламовъ, Н. М. Пѣтуховъ, гофъ-фурьеръ Бабкинъ, фельдъегерскаго корпуса капитанъ Годефруа, метръ-д'отель Ѳ. И. Миллеръ, камердинеры Анисимовъ и Федоровъ, пѣвчій Берлинскій и четыре лакея.

13-го (25-го) сентября Александръ пріѣхалъ въ Таганрогъ, совершивъ этотъ длинный переѣздъ скоро и благополучно. Виллiе въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Здѣсь кончается первая часть путешествія» (Nous arrivâmes à Taganrog où finit la première partie du voyage). А далѣе, подъ чертой, ставитъ слово: finis. Въ то время онъ, конечно, не подозрѣвалъ того пророческаго значенія, которое заключало въ себѣ это слово: первая часть была и послѣднею.

Домъ, избранный для жительства ихъ величествъ въ Таганрогѣ, былъ каменный, одно-этажный, съ подвальнымъ этажемъ для помѣщенія прислуги. Половина императрицы состояла изъ восьми небольшихъ комнатъ, изъ коихъ двѣ предназначались для двухъ фрейлинъ. Въ срединѣ дома былъ расположенъ большой сквозной залъ, служившій столовой и пріемной. На половинѣ императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщалась походная церковь. Съ другой стороны пріемной залы находились двѣ комнаты государя: одна, довольно просторная, предназначавшаяся для кабинета, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней; другая, полукруглая и очень небольшая, въ которой государь одѣвался, была туалетной или уборной, съ окномъ, выходившимъ во дворъ. При этихъ двухъ комнатахъ былъ коридоръ, свѣтъ въ который проходилъ изъ туалетной: онъ предназначался для дежурнаго камердинера; гардеробная же находилась въ подвальномъ этажѣ. При домѣ были обширный дворъ и небольшой садъ съ плодовыми деревьями, нѣсколько запущенный, но къ пріѣзду государя приведенный въ возможный порядокъ. Меблировка всего дома была самая простая.

По прибытіи государя въ Таганрогъ, его первыя заботы состояли въ томъ, чтобы устроить помѣщеніе императрицы какъ можно для нея

удобнѣе: онъ не оставилъ ни одного уголка безъ личнаго обозрѣнія, самъ разставлялъ въ комнатахъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ. Въ ожиданіи пріѣзда императрицы Александръ позаботился также о приведеніи въ порядокъ городского сада и самъ разбивалъ въ немъ дорожки.

3-го (15-го) сентября императрица Елисавета Алексѣевна выѣхала изъ Петербурга. Ее сопровождали князь Волконскій, статсъ-секретарь Лонгиновъ, камеръ-фрейлины княжна Варвара Михайловна Волконская и Екатерина Петровна Валуева, двѣ камеръ-юнгферы, лейбъ-медикъ Стофрегенъ, доктора Добберть и Рейнгольдъ и придворный аптекарь Проттъ. Государыня ѣхала тихо, малыми перегонами, съ частыми отдыхами; она прибыла въ Таганрогъ 23-го сентября (5-го октября).

Для встрѣчи Елисаветы Алексѣевны императоръ выѣхалъ на первую за городомъ станцію и къ семи часамъ вечера въ одномъ дормезѣ съ государыней прибылъ въ греческій Александровскій монастырь, построенный купцомъ Варваціемъ; тамъ ожидали ихъ величествъ духовенство и почти все населеніе города. Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье изнуреніе силъ едва позволяли въ Петербургѣ сдѣлать самое ничтожное движеніе, по прибытіи въ Таганрогъ довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ экипажа и вступила въ церковь подъ руку съ императоромъ. По выслушаніи благодарственнаго молебствія ихъ величества отправились во дворецъ, при коемъ находился почетный караулъ отъ лейбъ-казаковъ, два эскадрона которыхъ, подъ командою полковника Николаева, составляли гарнизонъ города. Комендантомъ императорской квартиры былъ назначенъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Фридрихсъ. Вообще же, свидѣтельствуетъ очевидецъ, весь таганрогскій дворъ, по скромности и простотѣ своей, представлялъ не болѣе какъ благоустроенное хозяйство или усадьбу зажиточнаго провинціальнаго помѣщика.

По пріѣздѣ императрицы государь окружилъ ее самою нѣжною заботливостью, предупреждалъ ея малѣйшія желанія и старался доставлять ей возможныя развлеченія, стремясь къ одной цѣли, чтобы пребываніе ея въ этомъ городѣ сдѣлать, по мѣрѣ силъ, пріятнѣйшимъ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы, ослабленныя на первыхъ порахъ разсѣянною молодостью, а потомъ заботами государственными. Они вели здѣсь жизнь тихую, уединенную, свободную отъ всякаго придворнаго этикета. Елисавета Алексѣевна, подъ вліяніемъ этой нѣжной любви, стала оживать, здоровье ея видимо поправлялось; черезъ нѣсколько дней она окрѣпла и физически и морально. Всѣ свитскіе, говоритъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ, «радуясь такой семейной жизни государя съ императрицею, называли ихъ между собою молодыми супругами»[400].

Однажды разговоръ коснулся того одиночества, которое наступитъ для императрицы, когда государь долженъ будетъ оставить ее одну въ Таганрогѣ, когда для него настанетъ время возвратиться въ Петербургъ. Въ продолженіе этого разговора Александръ сказалъ Елисаветѣ: «Мнѣ кажется, что, если бы даже было возможно послать вамъ кого-либо изъ

Императрица Марія Өеодоровна.
Съ гравированнаго портрета Соколовскаго.

членовъ семьи, за исключеніемъ меня, вы ни въ комъ не нуждаетесь» (Je crois que quand même il serait possible de vous envoyer quelqu'un de la famille hormis moi, vous n'avez besoin de personne).

— Конечно, нѣтъ, отвѣтила ему императрица отъ глубины души

Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ случаѣ въ письмѣ къ матери, императрица прибавила: «Мнѣ доставило удовольствіе видѣть его столь

убѣжденнымъ, что онъ составляетъ для меня все» (Cela me fit plaisir de le voir si convaincu qu'il m'était tout).

Во время загородныхъ прогулокъ императрицѣ особенно понравилось одно мѣстоположеніе на берегу моря, близъ карантина. Государь немедленно повелѣлъ развести на этомъ мѣстѣ садъ, самъ начерталъ планъ оному и приказалъ князю Волконскому вызвать изъ Ропши садовника Грея.

Государь ежедневно гулялъ пѣшкомъ по городу; въ обращеніи онъ былъ необыкновенно доступенъ. Повидимому, Александръ казался покоенъ духомъ и веселъ, но, несмотря на это, его мучили подозрѣнія. Дибичъ разсказывалъ, что однажды государь прислалъ за нимъ утромъ и, показывая сухарь, вынулъ изъ него какой-то камушекъ и приказалъ строго разсмотрѣть, что это такое, и разобрать, какимъ образомъ могло случиться что-либо подобное; при этомъ онъ сказалъ, что не хочетъ поручить этого дѣла Волконскому, зная, что онъ старая баба и ничего сдѣлать не съумѣетъ. Дибичъ призвалъ Виллie, который нашелъ, что это простой камушекъ, а хлѣбопекъ извинился, оправдываясь, что камушекъ попалъ въ сухарь по его неосторожности. Насилу Дибичъ могъ успокоить этимъ государя[401].

Вскорѣ послѣ прибытія въ Таганрогъ императоръ Александръ писалъ 16-го (28-го) сентября графу Аракчееву:

«Благодаря Бога, я достигъ до моего назначенія, любезный Алексѣй Андреевичъ, весьма благополучно и, могу сказать, даже весьма пріятно, ибо погода и дорога были весьма хороши. Въ Чугуевѣ я налюбовался успѣхомъ въ построеніяхъ. Объ фронтовой части не могу ничего сказать, ибо окромѣ развода и пѣшаго смотра поселенныхъ и пѣшихъ эскадроновъ и кантонистовъ я ничего не видѣлъ... Здѣсь мое помѣщеніе мнѣ довольно нравится. Воздухъ прекрасный, видъ на море, жилье довольно хорошее; впрочемъ, надѣюсь, что самъ увидишь».

Но едва Александръ написалъ эти строки, какъ въ Таганрогѣ получено было, 22-го сентября (4-го октября), извѣстіе о трагическомъ происшествіи, совершившемся въ Грузинѣ: 10-го (22-го) сентября дворовые люди убили домоправительницу Аракчеева Настасью Минкину.

12-го (24-го) сентября, на третій день послѣ этого убійства, графъ Аракчеевъ писалъ государю:

«Батюшка ваше величество!

«Случившееся со мною несчастіе, потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разсудокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай,

батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротѣвшую свою голову преклоню, но отсюда уѣду».

Этимъ письмомъ, свидѣтельствующимъ о полной растерянности и безграничномъ отчаяніи, овладѣвшими въ ту пору графомъ Аракчеевымъ, дѣло не ограничилось; въ такое тревожное время, которое онъ самъ въ своей перепискѣ съ государемъ называетъ «бурнымъ», этотъ «вѣрный слуга» нашелъ для себя возможнымъ, подъ впечатлѣніемъ личнаго горя, самовольно бросить всѣ дѣла, возложенныя на него высочайшимъ довѣріемъ.

Наканунѣ отправки письма къ императору Александру графъ Аракчеевъ отдалъ, 11-го (23-го) сентября, артиллеріи генералъ-маіору Эйлеру слѣдующее предписаніе:

«По случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ ввѣреннымъ, почему и предписываю вашему превосходительству, до возвращенія начальника штаба, вступить, яко старшему, въ командованіе корпусомъ поселенныхъ войскъ и его штабомъ, о чемъ я донесъ государю императору».

Въ такомъ же духѣ графъ Аракчеевъ поступилъ и относительно гражданскихъ дѣлъ, отправивъ статсъ-секретарю Муравьеву того же числа предписаніе, сходное съ вышеприведеннымъ, даннымъ генералу Эйлеру:

«По случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ ввѣреннымъ, почему и благоволите, ваше превосходительство, всѣми дѣлами, бывшими въ моемъ завѣдываніи, какъ по канцеляріи, такъ и по комитету управлять, и получаемые отъ государя императора конверты распечатывать, какъ равномѣрно и всѣ письма на мое имя, а ко мнѣ ничего не присылать, о чемъ я донесъ и государю императору»[102].

Извѣстіе, сообщенное графомъ Аракчеевымъ, и странныя его распоряженія крайне огорчили и встревожили императора Александра. По разсказу генералъ-адъютанта Дибича, «когда въ Таганрогъ пришло извѣстіе объ убіеніи любовницы Аракчеева, государь полагалъ, что ее убили нарочно изъ ненависти не къ ней, но къ графу Аракчееву для того, чтобы его удалить отъ дѣлъ. Тогда же графъ Аракчеевъ отдалъ странный или, лучше сказать, непозволительный приказъ, коимъ онъ, по случаю приключившейся ему болѣзни, назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенныхъ войскъ генерала Эйлера, какъ будто можно кому-либо изъ командующихъ частью войскъ передать начальство другому. Сей непозволительный поступокъ хотя и былъ непріятенъ государю, однако же онъ сказалъ мнѣ, что извиняетъ болѣзненнымъ состояніемъ графа

Аракчеева. Конечно», прибавилъ Дибичъ, «никому другому таковой поступокъ противузаконный не прошелъ бы безъ замѣчанія. Но этотъ человѣкъ дѣлаетъ исключеніе изъ общаго правила»[403].

Императоръ Александръ поспѣшилъ ободрить и утѣшить графа Аракчеева и писалъ ему, 22-го сентября (4-го октября), изъ Таганрога:

«Любезный другъ! Нѣсколько часовъ какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе объ ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо Его святой волѣ. Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ по моему убѣжденію.

«Искренно раздѣляю я твою печаль, хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой; но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ,— сего довольно, чтобы потеря ея была для тебя прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое здоровье собственное сильно оное почувствовало. Но еще разъ тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ— отчаяніе есть грѣхъ, и сильный грѣхъ. Покорность волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наши съ умиленіемъ и повиновеніемъ Его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ.

«Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать. Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ.

«Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть святаго, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ своихъ, вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я Бога усердно прошу, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебѣ необходимую твердость съ повиновеніемъ Его святой волѣ.

«Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показанія преступниковъ и твое по всему оному предположеніе.

«Объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойтить всѣми мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ направленій или подущеній.

«Любезный другъ, жаль мнѣ выше всякаго изреченія твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно.

«Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, вѣрнаго тебѣ друга»[404].

Императрица Марія Θеодоровна.

Съ литографіи Веглузскаго, сдѣланной съ портрета Доу.

Но императоръ Александръ не удовольствовался отправкою этого необыкновеннаго письма; онъ вызвалъ къ себѣ въ Таганрогъ начальника штаба военныхъ поселеній генерала Клейнмихеля, находившагося въ то время въ южныхъ поселеніяхъ, и съ нимъ отправилъ своему другу еще другое успокоительное письмо, помѣченное 3-мъ (15-мъ) октября и столь же милостивое, какъ и первое.

Александръ писалъ:

«Твое здоровье, любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ такового несчастія, крайне меня безпокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человѣка тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посовѣтываться насчетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобъ ему отложить до другого времени осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ графа Витта, дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ. А я буду имѣть возможность получить подробное свѣдѣніе какъ о твоемъ здоровьи, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьи. Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно, и еще грѣшнѣе сомнѣваться въ его участіи въ твоей печали. Убѣдительно тебя прошу, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ. Я въ сильномъ безпокойствѣ. На вѣкъ искренно тебя любящій».

Императоръ не ограничился, однако, и приведенными нами знаками дружескаго вниманія; онъ простеръ свою заботливость до того, что вручилъ 3-го октября генералу Клейнмихелю письмо для архимандрита Фотія слѣдующаго содержанія:

«Отецъ архимандритъ Фотій. По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянію. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощію Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ, ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества. Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы всѣ въ волѣ Его.

«Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ.

«Письмо сіе хранить въ тайнѣ».

Въ отвѣтъ на всѣ эти милости и выраженія дружескихъ чувствъ графъ Аракчеевъ въ своихъ письмахъ лобызалъ заочно колѣни и руки государя, но не послѣдовалъ настоятельному приглашенію вѣрнаго друга пожаловать въ Таганрогъ, ссылаясь на біеніе сердца и на ежедневную лихорадку.

На первое письмо государя, полученное графомъ Аракчеевымъ въ Грузинѣ 1-го (13-го) октября, онъ отвѣчалъ въ тотъ же день:

«Батюшка ваше величество!

«Послѣ причастія Св. Христовыхъ Таинъ, сего числа, получилъ отцовское ваше письмо. Приношу за оное сыновнюю мою благодарность и цѣлую ваши руки. Письмо ваше есть отцовское утѣшеніе въ моей печали, и я конечно возлагаю мое упованіе на Бога, но силы мои меня оставляютъ. Біеніе сердца, ежедневная лихорадка, и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою, а единая тоска, уныніе и отчаяніе, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память и не помню того, что дѣлаю и говорю за нѣсколько часовъ, слѣдовательно — какія со мною будутъ послѣдствія, единому Богу извѣстно.

«Единое же мнѣ утѣшеніе нынѣ уединеніе и церковь, а потому я и рѣшился еще остаться здѣсь до тѣхъ поръ, сколько могутъ вытерпѣть мои тѣлесныя силы.

«Ахъ, батюшка! если бы вы увидѣли меня въ теперешнемъ положеніи, то вы бы не узнали вашего вѣрнаго слугу. Вотъ положеніе человѣка въ мірѣ семъ: единымъ моментомъ, во власти Божіей, измѣняется все человѣческое положеніе.

«О поѣздкѣ моей къ вамъ ничего не могу еще нынѣ сказать; благодарю и чувствую въ полной цѣнѣ ваши милости, въ коихъ истинно увѣренъ, ибо Богу извѣстно, что я служилъ вамъ честно, вѣрно и преданно. Отцовское въ письмѣ вашемъ о мнѣ вѣрноподданномъ изреченіе я чувствую, но не избалуюсь отъ онаго, ибо прошу всегда Бога, дабы Онъ изъ меня дѣлалъ вамъ единственно вѣрнаго слугу... я прошу Бога не о себѣ, а о вашемъ здоровьѣ, которое необходимо для отечества въ нынѣшнее бурное время.

«Описаніе о злодѣйскомъ происшествіи пришлю послѣ, если силы мои укрѣпятся, а теперь не въ состояніи онаго сдѣлать; преступники семь человѣкъ отосланы къ законному суду; легко можетъ быть, батюшка, сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить вамъ и исполнять свято вашу, батюшка, волю, а при томъ, по стеченію обстоятельствъ, можно еще, кажется, заключать, что смертоубійца имѣлъ помышленіе и обо мнѣ, но Богу угодно было, видно, за грѣхи мои меня оставить на мученіе; сіе все мы узнаемъ въ томъ лучшемъ мірѣ, а не въ здѣшнемъ, зломъ и коварномъ.

«Обнимаю заочно колѣни ваши и, цѣлуя руки ваши, остаюсь несчастный, но вѣрный вамъ до конца жизни, преданный слуга».

Получивъ 13-го (25-го) октября второе письмо государя, привезенное «добрымъ» генераломъ Клейнмихелемъ, графъ Аракчеевъ на другой же день снова принялся за перо и написалъ нижеслѣдующее трогательное посланіе:

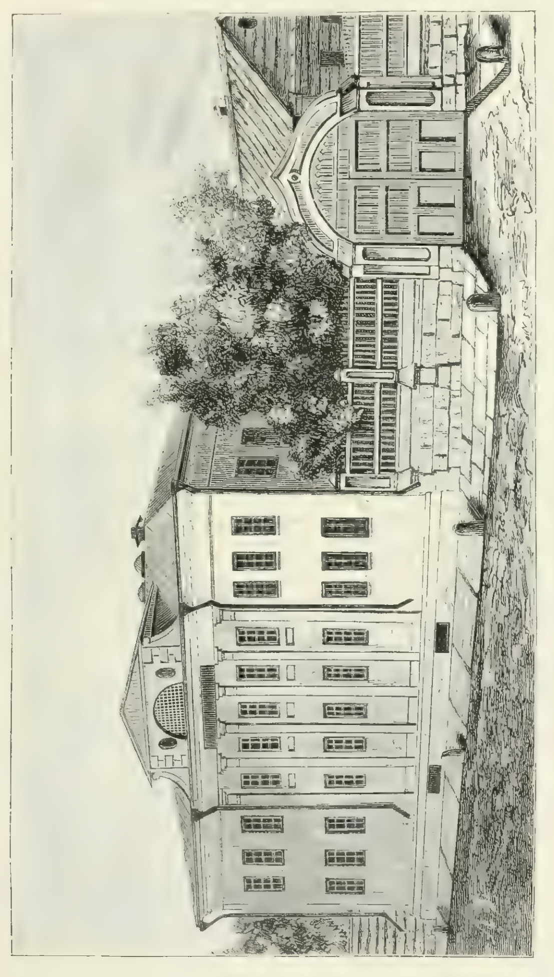
«Благодѣтель и отецъ мой, ваше императорское величество!

«Вчерась ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, отдалъ мнѣ отеческое ваше письмо и пересказалъ всѣ ваши, батюшка, неизчислимыя обо мнѣ попеченія; да воздастъ за все сіе Господь Богъ, а я, благодѣтель и отецъ мой, виноватъ передъ тобою, грѣшилъ и думалъ, что въ царскомъ званіи не можно такъ отечески заняться своимъ подданнымъ, но нынѣ вижу совсѣмъ оному противное, и что Господь Богъ единаго тебя даровалъ мнѣ отца и благодѣтеля, и что я утѣшеніе ни отъ кого не вижу, кромѣ вашего величества, лобызаю твои колѣни и руки, предаю себя волѣ Божіей, а о моемъ положеніи донесетъ вамъ добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель, который ночевалъ со мною въ одной комнатѣ. Господь Богъ да сохранитъ ваше, батюшка, здоровье, а я вѣчно преданный вамъ сынъ и слуга».

Велико было удивленіе генерала Эйлера, когда онъ неожиданно для себя получилъ вышеприведенное странное предписаніе графа Аракчеева отъ 11-го сентября. Онъ тотчасъ послалъ къ графу записку, прося разрѣшенія явиться къ нему, но не былъ принятъ «по причинѣ сильнаго разстройства».

Въ запискахъ своихъ генералъ Эйлеръ пишетъ: «Поселеніе учреждалось уже девять лѣтъ по собственному предначертанію государя, а графъ Аракчеевъ, имѣя бланки, былъ исполнитель самовластный и именемъ императора разрѣшалъ встрѣчаемыя затрудненія, слѣдовательно, вступить въ его обязанности была должность выше силъ каждаго, особенно въ отсутствіе государя, которому я донесъ о предписаніи мнѣ графомъ, но въ отвѣтъ получилъ только записку Дибича, что императоръ докладъ мой изволилъ читать въ Таганрогѣ. Въ послѣдней трети каждаго года собирались отъ всѣхъ военныхъ поселеній отчеты о произведенныхъ работахъ и продовольствіи, составлялись общія смѣты и доклады для представленія государю, чрезъ комитетъ министровъ, и дѣлались распоряженія по всѣмъ предметамъ къ будущему году; слѣдовательно, время моего вступленія было самое трудное: надо было производить торги и дѣлать покупки на огромныя суммы, а разрѣшеніе испрашивать у самого императора, потому что военное поселеніе не подчинялось не только министру, но и ни одному высшему государственному управленію. Для сего я отправилъ фельдъегеря въ Таганрогъ къ государю съ докладами, которые безъ всякой резолюціи возвращены мнѣ Дибичемъ при запискѣ, что императоръ изволилъ ихъ читать, что поставило меня въ ужасное положеніе. По общимъ правиламъ, безъ разрѣшенія его величества я не имѣлъ права ничего приводить въ исполненіе и равномѣрно не имѣлъ власти объявлять высочайшую волю, а между тѣмъ, не сдѣлавши этого, предвидѣлъ, что отъ

сего устройство военнаго поселенія должно въ предстоящемъ году остановиться. Необходимость заставила меня принять на себя власть, мнѣ не присвоенную, и я надписалъ на всѣхъ докладахъ своеручно: Госу-

Домъ въ Бѣлевѣ, гдѣ скончалась императрица Елисавета Алексѣевна.

Съ фотографіи.

дарь императоръ изволилъ читать это представленіе въ Таганрогѣ и одобрить», то есть, сдѣлалъ то же, что исполнялъ графъ, и передалъ всѣ доклады при предписаніяхъ въ экономическій комитетъ, который по

онымъ дѣйствовалъ. Все пошло въ прежнемъ порядкѣ, и управленіе мое кончилось благополучно, безъ малѣйшаго притязанія съ чьей-либо стороны и къ совершенному удовольствію графа: но на это немногіе бы рѣшились такъ смѣло, надо было очень знать дѣла [105].

Не всѣ дѣла окончились столь благополучно, какъ управленіе военными поселеніями генерала Эйлера.

Самовольное отстраненіе графа Аракчеева отъ занимаемыхъ имъ государственныхъ должностей отразилось пагубнымъ образомъ на одномъ дѣлѣ первостепенной важности, лично касавшемся благополучія и безопасности императора Александра. Припомнимъ здѣсь, что унтеръ-офицеръ 3-го уланскаго Украинскаго полка Шервудъ, представившій государю 17-го (29-го) іюля 1825 года свой доносъ о тайныхъ обществахъ и отправившійся въ путь для дальнѣйшаго открытія всѣхъ нитей существовавшаго тогда заговора, просилъ, чтобы непремѣнно въ извѣстный часъ 20-го сентября пріѣхалъ на почтовую станцію въ городъ Карачевъ, Орловской губерніи, фельдъегерь, которому онъ могъ бы вручить секретное донесеніе о сдѣланныхъ имъ разслѣдованіяхъ.

Какъ выше упомянуто, Шервудъ, послѣ различныхъ переѣздовъ, прибылъ въ Курскъ къ Вадковскому, который искренно обрадовался его появленію. Шервудъ пишетъ по поводу этого свиданія: «Онъ мнѣ разсказалъ о существующихъ обществахъ, Сѣверномъ, Среднемъ и Южномъ, называя многихъ членовъ; на это я улыбнулся и сказалъ ему, что давно принадлежу къ обществу, а какъ я поступилъ въ оное, я ему скажу послѣ.

«— Ну, каково идутъ наши дѣла? спросилъ я.

«— Хорошо, отвѣчалъ онъ,—и, кажется, уже пора будетъ приводить въ исполненіе, только надо будетъ собрать свѣдѣнія отъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ.

«— Да скажи мнѣ, подготовили ли солдатъ?

«Вадковскій отвѣчалъ:—Этихъ дураковъ недолго готовить, кажется, многіе въ томъ подвинулись впередъ.

«— Такъ чего лучше: я теперь совершенно свободенъ и, конечно, за обиду, мнѣ сдѣланную, и по любви къ человѣчеству употреблю весь годъ на разъѣзды отъ одного общества къ другому.

«Вадковскій отъ души меня благодарилъ; я ему написалъ записку, почему я имѣю большую надежду на возмущеніе въ военномъ поселеніи, и, разумѣется, старался описать положеніе поселенія, основанное на истинныхъ фактахъ, къ несчастію, которыхъ тогда было довольно. Потомъ написалъ письма, не касающіяся, разумѣется, до заговора, такъ что только тотъ могъ понять, къ кому оныя писаны, и къ чему содержаніе оныхъ клонится, а Вадковскій полагалъ, что идетъ объ успѣхахъ общества, къ разнымъ генераламъ, полковымъ командирамъ... Я, пробывъ у Вадковскаго нѣсколько дней, отправился подъ предлогомъ своей

надобности въ Орловскую губернію, Карачевскій уѣздъ, въ имѣніе Гревса, гдѣ написалъ подробно графу Аракчееву все, что узналъ, что существуютъ три общества: Сѣверное. Среднее и Южное, наименовалъ многихъ членовъ и просилъ прислать ко мнѣ въ Харьковъ кого-нибудь для рѣшительныхъ мѣръ къ открытію заговора. Я пріѣхалъ въ городъ Карачевъ въ назначенное мною число и часъ, нѣсколько минутъ раньше, въ ожиданіи, по назначенію моему, фельдъегеря; но прошло нѣсколько часовъ, фельдъегерь не явился; смотритель спросилъ меня, не прикажу ли я лошадей закладывать; я сказалъ, что у меня сильно голова болитъ, и ѣхать далѣе не могу, спросилъ уксусу, перевязалъ голову, три дня мнимо страдалъ, потомъ началъ понемногу выздоравливать, и наконецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ назначеннаго срока, пріѣхалъ фельдъегерь; я выслалъ подъ предлогомъ какой-то покупки смотрителя вонъ и разспросилъ фельдъегеря, почему онъ не пріѣхалъ раньше десятью днями, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что зарѣзали въ Грузинѣ Настасью Ѳедоровну, а потому Аракчеевъ былъ какъ помѣшанный. Между тѣмъ весь городъ сталъ меня подозрѣвать; городничій города Карачева, наконецъ, явился для спроса меня, кто я такой и почему живу такъ долго на станціи. Я ему отвѣчалъ, что я унтеръ-офицеръ, остался на станціи, потому что нездоровъ, что нахожусь въ годовомъ отпускѣ, и показалъ ему билетъ за подписью графа Аракчеева и начальника штаба Клейнмихеля. Городничій просто испугался, извинился, что меня обезпокоилъ, и ушелъ; но эти десять дней разницы имѣли большія послѣдствія: никогда бы возмущенія гвардіи, 14-го декабря на Исакіевской площади, не случилось; затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы. Не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому столько оказано благодѣянія императоромъ Александромъ I, и которому онъ былъ такъ преданъ, пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурного поведенія и злой женщины: есть надъ чѣмъ задуматься»[406].

Между тѣмъ императоръ Александръ, пользуясь своимъ пребываніемъ на югѣ Россіи, предпринялъ путешествіе по близъ лежащимъ областямъ. 11-го (23-го) октября государь на нѣсколько дней отправился въ Землю Войска Донского и посѣтилъ Ростовъ, Нахичевань и Новочеркаскъ.

Дорогою въ Новочеркаскъ государь вручилъ генералъ-адъютанту Дибичу письмо Шервуда къ графу Аракчееву, въ которомъ тотъ просилъ послать къ нему въ половинѣ ноября въ Харьковъ надежнаго чиновника. Его величество избралъ для сего назначенія лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы ни ему, ни кому другому не объявлять объ этомъ до возвращенія изъ намѣченной уже тогда поѣздки въ Крымъ[407].

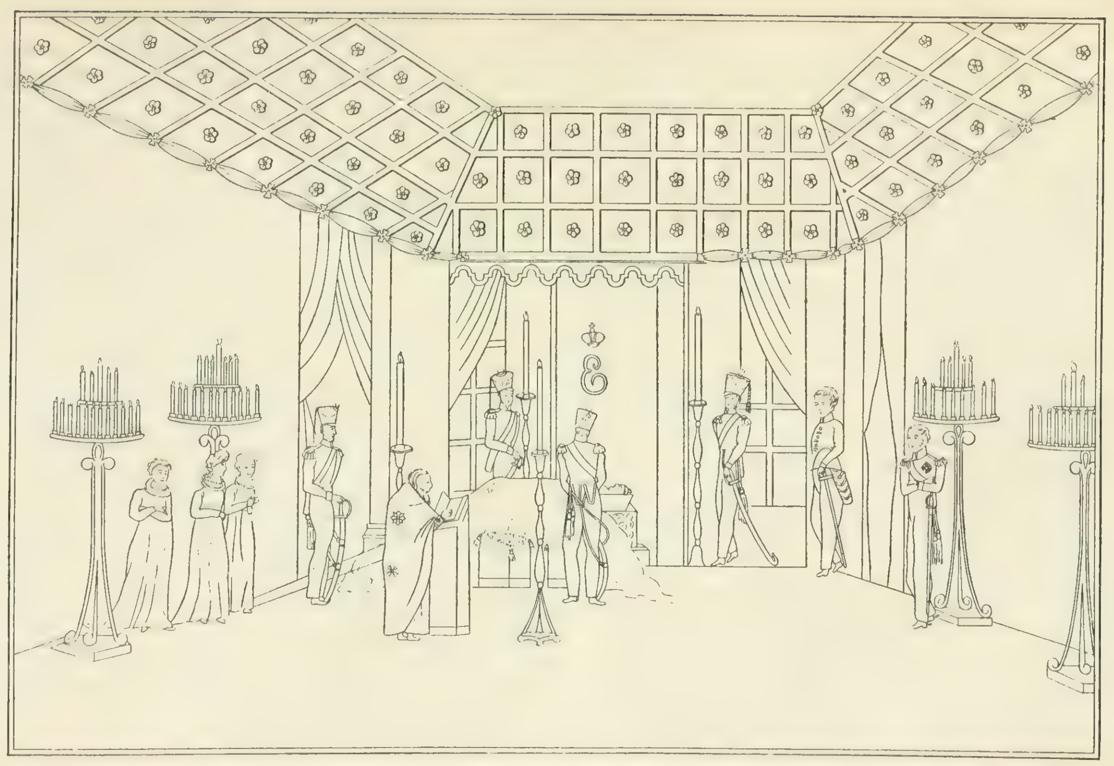
Существовали въ ту пору еще предположенія о болѣе обширномъ путешествіи въ Уральскъ, даже въ Астрахань, но они не были осуществлены, и 15-го (27-го) октября Александръ возвратился въ Таганрогъ.

Въ это время, съ высочайшаго соизволенія, въ Таганрогъ прибылъ изъ южныхъ поселеній графъ Виттъ. Это было 18-го (30-го) октября. Онъ сообщилъ государю свѣдѣнія относительно замысловъ тайныхъ обществъ и лицъ, руководившихъ этимъ движеніемъ. Открытія, сдѣланныя уже ранѣе унтеръ-офицеромъ Шервудомъ, въ соединеніи съ новыми данными, представленными графомъ Виттомъ, все болѣе разъясняли дѣло и открывали возможность вскорѣ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Государь приказалъ графу Витту продолжать пока свои разслѣдованія.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ также явился въ Таганрогъ; онъ упросилъ государя посѣтить Крымъ, увѣряя, что можно еще вернуться обратно до наступленія дождей и холода. Александръ, въ виду улучшенія здоровья императрицы, принялъ приглашеніе, говоря, что добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи. 20-го октября (1-го ноября) государь выѣхалъ въ Крымъ; маршрутъ былъ разсчитанъ на семнадцать дней. Александра сопровождали генералъ-адъютантъ Дибичъ, Виллie, Тарасовъ и вагенмейстеръ полковникъ Саломка[408].

Наканунѣ отъѣзда произошелъ слѣдующій случай. Государь занимался за своимъ письменнымъ столомъ, какъ вдругъ надъ городомъ пронеслась туча, и водворилась такая темнота, что Александръ позвонилъ и приказалъ камердинеру Анисимову подать свѣчи. Вскорѣ затѣмъ прояснилось, и показалось солнце. Тогда Анисимовъ снова вошелъ и хотѣлъ вынести свѣчи. На вопросъ государя, зачѣмъ, онъ отвѣчалъ, что на Руси считается худой примѣтой — сидѣть при свѣчахъ днемъ: могутъ подумать, что лежитъ покойникъ. Государь отвѣчалъ: «Ты правъ, и я такъ думаю — унеси свѣчи». Этотъ случай врѣзался въ память императора Александра, и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, государь припомнилъ его.

Въ первые дни путешествія все обошлось благополучно, и государь былъ очень веселъ и разговорчивъ. Переночевавъ въ Маріуполѣ, онъ прослѣдовалъ черезъ менонитскія колоніи, расположенныя на рѣчкѣ Молочной. Цвѣтущій видъ и полное благоустройство этихъ поселеній весьма обрадовали императора и вызвали полное его удовольствіе. Вечеромъ 24-го октября (5-го ноября) государь прибылъ въ Симферополь и, переночевавъ тамъ, на другой день отправился верхомъ на татарскихъ лошадяхъ въ Юрзуфъ; экипажамъ велѣно было ожидать императора въ Байдарахъ. Государь въ этотъ день проѣхалъ 35 верстъ верхомъ по чрезвычайно труднымъ дорогамъ и усѣяннымъ камнями

Траурная комната въ домѣ, гдѣ скончалась императрица Елисавета Алексѣевна, въ Бѣлевѣ.

Съ наброска, сдѣланнаго съ натуры и приложеннаго къ книгѣ С. Н. Глинки «Воспоминание о императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ» 1827 г.

тропинкамъ. Посѣтивъ затѣмъ Никитскій садъ, государь осматривалъ Оріанду, пріобрѣтенную имъ у графа Кушелева-Безбородка, гдѣ предполагалъ построить дворецъ. Тамъ, повидимому, Александръ нашелъ тотъ уголокъ въ Европѣ, о которомъ нѣкогда мечталъ и гдѣ желалъ бы навсегда поселиться. Вообще, со времени переѣзда въ Таганрогъ казалось, что государь снова возвратился къ прежнимъ своимъ мечтамъ и помышлялъ объ удаленіи въ частную жизнь. «Я скоро переселюсь въ Крымъ, сказалъ Александръ,—я буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку». Князю Волконскому онъ говаривалъ: «И ты выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ».

Государь отобѣдалъ въ Алупкѣ у графа Воронцова, который сопровождалъ его отъ самаго Симферополя, и 27-го октября (8-го ноября), проѣхавъ оттуда болѣе сорока верстъ по дурной горной дорогѣ, прибылъ въ Байдары, гдѣ его ожидали царскіе экипажи. Здѣсь былъ приготовленъ обѣдъ, но его величество приказалъ Миллеру ѣхать прямо съ обѣдомъ въ Севастополь и ожидать его тамъ. Изъ Байдаръ государь отправился въ коляскѣ съ Дибичемъ въ Балаклаву для осмотра находившагося въ этомъ городѣ греческаго баталіона, состоявшаго подъ командою Равальота. «Послѣ смотра государь завтракалъ у баталіоннаго командира и кушалъ немного извѣстнаго рода крылатой рыбы, весьма жирной»[409].

Изъ Балаклавы императоръ Александръ прослѣдовалъ въ коляскѣ до мѣста, откуда идетъ дорога въ Георгіевскій монастырь. Тамъ онъ опять сѣлъ на лошадь, въ мундирѣ, безъ шинели, отпустилъ свиту въ Севастополь и, взявъ съ собою фельдъегеря Годефроа, направился въ монастырь въ сопровожденіи только одного татарина. Это было 27-го октября (8-го ноября) въ 6 часовъ пополудни. День былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и насталъ чувствительный холодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ простудился во время этой неосторожной и несвоевременной поѣздки въ Георгіевскій монастырь, и такимъ образомъ утомительные переѣзды 27-го октября послужили исходной точкой поразившаго его вскорѣ смертельнаго недуга.

Свита, прибывшая въ Севастополь въ квартиру государя, назначенную въ комендантскомъ домѣ, проводила время въ томительномъ ожиданіи. Обѣдъ былъ приготовленъ къ четыремъ часамъ. Наступила темнота, и холодный вѣтеръ усиливался, становился порывистымъ, а государь все не возвращался. Всѣ ожидавшіе его мѣстные начальники и свита начали безпокоиться, не зная, чему приписать такое замедленіе въ пріѣздѣ императора. Адмиралъ Грейгъ приказалъ полиціймейстеру поспѣшить съ факелами на встрѣчу къ императору, чтобы освѣщать

ему дорогу. Наконецъ, ровно въ восемь часовъ прибылъ государь. Принявъ адмирала Грейга и коменданта въ залѣ, Александръ отправился прямо въ кабинетъ, приказавъ поскорѣе подать себѣ чаю. отъ обѣда же отказался, и это было тѣмъ необыкновеннѣе, пишетъ Тарасовъ, что этого прежде никогда не случалось въ путешествіи, и государь въ дорогѣ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ и любилъ подчивать другихъ[410].

День 28-е октября (9-е ноября) государь посвятилъ осмотру укрѣпленій, флота, морского госпиталя и казармъ; затѣмъ былъ большой обѣдъ у императора, и въ наружности государя не было замѣтно никакой неблагопріятной перемѣны.

На другой день, 29-го октября (10-го ноября), Александръ переправился на сѣверную сторону, осмотрѣлъ тамъ укрѣпленія и затѣмъ поѣхалъ въ коляскѣ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ дворцѣ, подобно тому какъ и во время путешествія 1818 года.

Здѣсь императоръ, призвавъ Тарасова въ кабинетъ, приказалъ ему приготовить изъ рису то самое питье, какое онъ пилъ въ 1824 году, въ январѣ, во время горячки съ рожею на ногѣ. Тарасовъ немедленно выполнилъ полученное повелѣніе и въ то же время счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Вилліе, присовокупивъ, что у государя разстроенъ желудокъ. «Впрочемъ, прибавляетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ,—онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровьѣ, однако-жъ, кушалъ въ этотъ день одинъ перловый свой супъ и котлету»[411].

Несмотря на начинавшееся нездоровье, государь не далъ себѣ покоя и между прочимъ совершилъ поѣздку верхомъ въ Чуфутъ-Кале и на обратномъ пути посѣтилъ Успенскій монастырь; онъ казался совершенно здоровымъ, былъ весьма веселъ и со всѣми обращался съ обычною своею благосклонностью. 1-го (13-го) ноября Александръ выѣхалъ на ночлегъ въ Евпаторію и посѣтилъ тамъ церкви, мечети, синагоги, казармы и карантины. 2-го (14-го) ноября онъ ночевалъ въ Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь.

На слѣдующей день рано по утру государь продолжалъ путь, согласно маршруту, и въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую тамъ артиллерійскую бригаду, а потомъ лазаретъ, при посѣщеніи котораго остался особенно доволенъ пищею и преимущественно овсянымъ супомъ, котораго довольно покушалъ. Дибичу приказано было выдать повару 25 рублей ассигнаціями.

Въ этотъ день обѣденный столъ былъ въ большомъ селеніи между Знаменкой и Орѣховымъ.

«Императоръ, пишетъ Тарасовъ,— съ самаго Бахчисарая, гдѣ онъ приказалъ приготовить для себя питье, казался совершенно здоровымъ, и ни мнѣ, ни баронету Вилліе нимало не жаловался на свое здоровье.

Здѣсь во время обѣда вдругъ онъ началъ разговоръ о крымскихъ госпиталяхъ и сталъ распространяться о тамошнихъ лихорадкахъ и, въ особенности, о хинной соли, коей дѣйствіе выхвалялъ противъ этихъ болѣзней, но сожалѣлъ, что вкусъ этого врачебнаго средства долженъ быть очень непріятенъ. Баронетъ Вилліе, въ защиту этого лекарства, доложилъ государю, что вкусъ его вовсе не противенъ, но только горекъ. Государь, какъ бы не повѣривши ему, тотчасъ приказалъ мнѣ подать хинную соль изъ дорожной аптеки. Я немедленно представилъ баночку, содержащую эту соль. Государь самъ ее попробовалъ на языкъ и, поморщившись, сдѣлалъ гримасу и сказалъ мнѣ: «Вы съ Яковомъ Васильевичемъ не любите лакомить своихъ паціентовъ вкусными снадобьями». Потомъ, отдавая мнѣ банку, спросилъ: «А какъ вы даете это средство?»—Я отвѣчалъ: «даютъ его больнымъ въ видѣ порошка, пилюль и въ растворѣ».—«Спасибо за угощеніе, извольте положить его въ свое мѣсто», сказалъ мнѣ государь».

Послѣ обѣда, на послѣдней станціи, не доѣзжая Орѣхова, государь встрѣтилъ фельдъегеря Маскова съ депешами изъ Петербурга и Таганрога. Принявъ депеши, государь приказалъ фельдъегерю слѣдовать за собою. При поворотѣ дороги ямщикъ, везшій фельдъегеря, погналъ свою тройку и, наѣхавъ на глинистую кочку, ударился о нее телѣгою съ такою силою, что Маскова очень высоко подбросило вверхъ; онъ упалъ на дорогу тычкомъ головою и остался на мѣстѣ безъ движенія. Государь увидѣлъ случившееся несчастіе и тотчасъ послалъ Годефроа съ приказаніемъ къ Тарасову, чтобы онъ немедленно подалъ врачебную помощь пострадавшему, а по пріѣздѣ въ Орѣховъ лично доложилъ о положеніи Маскова. Оказалось, что несчастный умеръ отъ сильнаго сотрясенія мозга съ переломомъ черепа. Тарасовъ пріѣхалъ въ Орѣховъ около полуночи; его поджидалъ Дибичъ и приказалъ тотчасъ же лично явиться къ императору, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій о Масковѣ.

«По докладѣ камердинеромъ, я вошелъ въ почивальню государя, пишетъ Тарасовъ.—Его величество сидѣлъ противъ камина въ шинели въ рукава и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣетъ безпокойный видъ и старался согрѣться у горящаго камина. Онъ тотчасъ, при переступленіи моемъ черезъ порогъ, спросилъ меня отрывисто: «Въ какомъ положеніи Масковъ?»— Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большою трещиною въ самомъ основаніи черепа; я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханія, и всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ». Выслушавъ такое мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастіе! Очень жаль этого человѣка».— Потомъ, оборотясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не

могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно представляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба».

Въ Орѣховѣ государя ожидала еще другая непріятность, которая, при наступившемъ уже болѣзненномъ состояніи его, должна была вредно отразиться на немъ. Между екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ и архіепископомъ Ѳеофиломъ произошла ссора, дошедшая до личной расправы. Получивъ о семъ донесеніе, государь, желая разобрать это дѣло, вызвалъ обоихъ противниковъ въ Орѣховъ. По свидѣтельству Тарасова, «государь далъ обоимъ отдѣльную аудіенцію и, съ свойственною ему деликатностью, очень строго далъ каждому изъ нихъ почувствовать всю неблаговидность поступка ихъ, какъ главныхъ представителей власти въ Екатеринославской губерніи. Очевидно, что его величество не могъ этого сдѣлать равнодушно, по крайней мѣрѣ, безъ сильнаго внутренняго потрясенія».

Прибывъ на ночлегъ 4-го (16-го) ноября, въ семь часовъ вечера, въ Маріуполь, государь часу въ десятомъ потребовалъ къ себѣ Вилліе, который нашелъ его въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма.

«Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, пишетъ Тарасовъ,— казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту. 5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, по утру, государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьею полостью, въ теплой шинели, отправился изъ Маріуполя».

Императоръ Александръ прибылъ въ Таганрогъ въ шесть часовъ вечера. Вошедши въ свою уборную онъ на вопросъ князя Волконскаго о здоровьѣ отвѣчалъ: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крымѣ, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхваляли. Я болѣе чѣмъ когда-либо увѣренъ, что, избравъ Таганрогъ мѣстопребываніемъ для моей жены, мы поступили въ высшей степени благоразумно».

«Когда я спросилъ его величество, пишетъ князь Волконскій въ своемъ журналѣ[412].— съ какого времени онъ почувствовалъ лихорадку,

императоръ отвѣчалъ мнѣ. что съ Бахчисарая, куда прибылъ вечеромъ и, ощутивъ жажду, потребовалъ пить: мой камердинеръ Ѳедоровъ подалъ мнѣ барбарисоваго сиропа. Такъ какъ во время путешествія въ Крымѣ погода была очень жаркая. я подумалъ. что сиропъ могъ испортиться. но мой камердинеръ сказалъ мнѣ. что сиропъ не пострадалъ. Я проглотилъ цѣлый стаканъ и легъ спать. Ночью я почувствовалъ ужасные припадки (des transes terribles), но, благодаря моему организму и превосходному желудку, меня сильно прослабило, и все обошлось этимъ. По пріѣздѣ въ Перекопъ я посѣтилъ госпиталь, гдѣ почувствовалъ снова небольшую лихорадку». По этому поводу я осмѣлился замѣтить его величеству, что было неблагоразумно съ его стороны отправиться въ госпиталь, гдѣ онъ могъ лишь усилить свою лихорадку вслѣдствіе нахожденія въ немъ большого числа лицъ, пораженныхъ этою болѣзнью. и что императоръ постоянно забываетъ. что, приближаясь къ пятому десятку, не пользуешься уже тѣми силами, какъ въ двадцать лѣтъ.— Онъ отвѣчалъ мнѣ: «О, дорогой другъ, я слишкомъ чувствую это и увѣряю васъ, что я очень часто вспоминаю объ этомъ и надѣюсь, что все обойдется благополучно».— Спросивъ меня затѣмъ о здоровьѣ императрицы. онъ отправился къ ней. гдѣ ихъ величества и провели вмѣстѣ остальную часть вечера».

Въ этотъ же вечеръ императоръ Александръ въ разговорѣ съ камердинеромъ Анисимовымъ припомнилъ случай. имѣвшій мѣсто до отъѣзда въ Крымъ, и сказалъ ему: «Я очень нездоровъ». Анисимовъ отвѣчалъ: «Надо пользоваться, государь».— «Нѣтъ, братъ,— сказалъ императоръ,— свѣчи, которыя приказалъ я убрать съ стола, у меня изъ головы не выходятъ: это значитъ мнѣ умереть, и онѣ-то и будутъ стоять передо мною».— Камердинеръ возразилъ: «Что вы изволите говорить? Избави насъ Богъ отъ такого несчастія!» — Этимъ разговоръ и кончился [413].

Виллie въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Ночь прошла дурно. Отказъ принять лекарство. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій» [414].

Утромъ 6-го (18-го) ноября князь Волконскій пришелъ въ 8 часовъ къ императору и, когда спросилъ его о здоровьѣ, то государь отвѣчалъ. что ночь провелъ изрядно и лихорадки не чувствуетъ; но, замѣчаетъ князь Волконскій, «взглядъ у государя былъ слабый, и глаза мнѣ показались мутны. Сверхъ того, глухота была примѣтнѣе, и до того. что, докладывая по нѣкоторымъ бумагамъ, его величество изволилъ сказать мнѣ, чтобъ остановился чтеніемъ до совершеннаго окончанія своего туалета. Одѣвшись. его величество. вошедъ въ кабинетъ, сталъ у камина грѣться. приказавъ мнѣ продолжать докладъ. по окончаніи коего. отпустивъ меня. занялся чтеніемъ бумагъ» [415].

Въ этотъ же день государь обѣдалъ въ послѣдній разъ у императрицы, но вынужденъ былъ встать среди обѣда: появилась сильная испарина. Въ исходѣ третьяго часа дня камердинеръ Ѳедоровъ позвалъ Виллie; за нимъ послѣдовалъ князь Волконскій. По разсказу князя, пришедши къ государю, они застали его въ кабинетѣ сидящимъ на диванѣ въ сюртукѣ; ноги были обернуты байковымъ одѣяломъ. Виллie предложилъ принять слабительныя пилюли; государь согласился на это, но послѣ сопротивленія (après un combat), какъ пишетъ Виллie.

Вслѣдъ затѣмъ государь намѣревался приступить къ чтенію бумагъ, присланныхъ изъ Петербурга, но князю Волконскому и Виллie удалось отклонить больного отъ этихъ занятій. Вечеромъ лекарство произвело свое дѣйствіе, и государь почувствовалъ облегченіе, повеселѣлъ и благодарилъ Виллie и Волконскаго за всѣ ихъ заботы о немъ. Затѣмъ Александръ попросилъ къ себѣ императрицу, которая просидѣла у него до десяти часовъ вечера.

7-го (19-го) ноября Виллie назначилъ государю слабительную микстуру. День прошелъ безъ лихорадки, государь чувствовалъ себя нѣсколько лучше и слѣдующую ночь спалъ спокойно часа четыре. Судя по дневнику Виллie, онъ тогда не могъ еще дать себѣ отчета, эпидемическая ли это лихорадка, крымская или какая-либо другая.

По этому поводу Тарасовъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Означенныя пилюли и микстура были главными лекарствами баронета Виллie, которыми ему неоднократно удавалось помогать своему августѣйшему паціенту, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, которыя были не нужны при мужественномъ и сильномъ тѣлосложеніи государя».

Вечеромъ у государя сдѣлался небольшой жаръ вслѣдствіе того, что онъ, противно всѣмъ убѣжденіямъ, не хотѣлъ продолжать принимать микстуру.

8-го (20-го) ноября Виллie наконецъ опредѣлилъ болѣзнь и записалъ во всемъ дневникѣ: «Эта лихорадка, очевидно, febris gastrica biliosa». Затѣмъ онъ присовокупляетъ, что императоръ всецѣло въ томъ на Бога полагается, чтобы быть исцѣленнымъ отъ своихъ недуговъ (sa foi est pleine en Dieu pour être entièrement guéri de ses maux). Вмѣстѣ съ тѣмъ Виллie выразилъ въ своемъ дневникѣ сожалѣніе, что поносъ былъ такъ некстати (mal à propos) остановленъ въ Бахчисараѣ.

Въ этотъ день, 8-го ноября, праздновали тезоименитство великаго князя Михаила Павловича. Государь не могъ присутствовать у обѣдни; отпустивъ князя Волконскаго къ божественной службѣ, онъ сѣлъ на диванъ въ кабинетѣ и занялся чтеніемъ Библіи. Послѣ обѣдни, пишетъ князь Волконскій въ собственноручномъ журналѣ, онъ нашелъ императора сидящимъ на диванѣ въ небольшомъ жару. «Государь изволилъ спрашивать, по обыкновенію, хорошо ли отправлялась служба, какъ

пѣли пѣвчіе, и хорошо ли служилъ вновь вывезенный его величествомъ изъ Новочеркаска діаконъ? Давъ на все утвердительный ему отвѣтъ, я спросилъ его о здоровьѣ; его величество изволилъ отвѣчать, что ему лучше, при семъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему дѣлать съ бумагами, коихъ много накопляется. На сіе я отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его величества всего нужнѣе, а какъ Богъ дастъ будетъ ему лучше, тогда успѣетъ все обдѣлать какъ слѣдуетъ, но и при томъ нужно будетъ ему не вдругъ заниматься безпрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. Послѣ сего приказалъ позвать къ себѣ императрицу, которая изволила пробыть у его величества до самаго своего обѣда. Государь ничего не изволилъ кушать, кромѣ хлѣбной отварной воды, и жаръ немного уменьшился.

«Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправленіе 6-мъ числомъ и, запретивъ писать о его болѣзни, изволилъ мнѣ сказать: «Боюсь я экстра-почтъ, чтобы не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожили бы тѣмъ матушку». На сіе я сказалъ, что напишутъ то, что ему угодно, но вмѣстѣ съ симъ полагалъ, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить».

Ночь государь провелъ неспокойно и въ сильной испаринѣ.

9-го (21-го) ноября государь разрѣшилъ князю Волконскому написать императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о своей болѣзни. Черезъ нѣсколько дней (11-го ноября) онъ приказалъ написать о томъ же въ Варшаву для извѣщенія цесаревича Константина Павловича.

Императрица Елисавета Алексѣевна, встревоженная болѣзненнымъ состояніемъ государя, прислала своего лейбъ-медика Стофрегена въ консультанты къ Вилліе, но отъ этого леченіе не подвинулось впередъ. Императоръ продолжалъ упорно отклонять совѣты докторовъ.

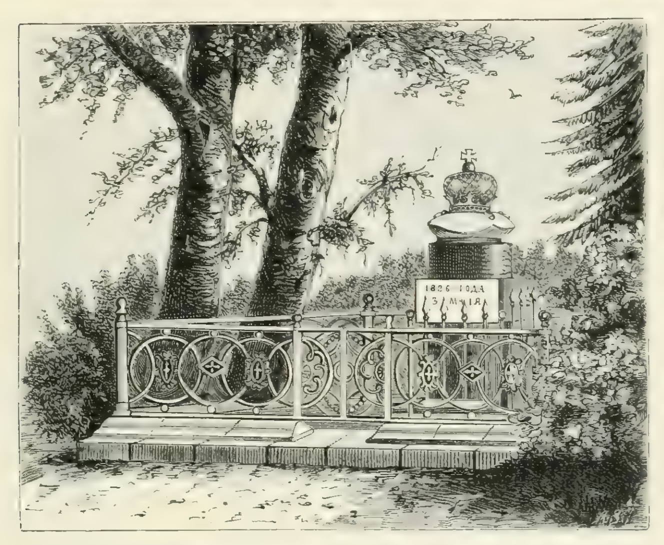
«Гдѣ же убѣжище въ этой жизни? — писала императрица своей матери. — Когда думаешь, что все устроилось къ лучшему и можешь насладиться имъ, является неожиданное испытаніе, лишающее возможности воспользоваться тѣмъ добромъ, которое окружаетъ насъ. Это не ропотъ—Богъ читаетъ въ моемъ сердцѣ—это лишь наблюденіе, тысячу разъ сдѣланное и теперь въ тысячный разъ подтверждаемое событіями»[116].

Краткія замѣтки въ дневникѣ Вилліе, сдѣланныя имъ въ послѣдующіе затѣмъ дни, лучше всего обрисовываютъ таганрогскую обстановку во время печальныхъ ноябрьскихъ дней 1825 года.

10-го (22-го) ноября. «Ему сегодня хуже (Il est plus mal aujourd'hui)». Въ этотъ день, въ одиннадцатомъ часу утра, государь, вста-

вая съ постели, впалъ въ первый разъ въ сильный обморокъ. Остальную часть дня больной провелъ въ сильномъ жару и весьма ослабѣлъ; вечеромъ появилась сильная испарина и забывчивость, отчего, по свидѣтельству князя Волконскаго, мало уже и почти совсѣмъ не говорилъ.

11-го (23-го) ноября. «Болѣзнь продолжается. Внутренности еще довольно нечисты. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостоиваетъ говорить со мною» (La maladie dure. Les entrailles sont encore bien impures. Quand

Памятникъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ въ саду вдовьяго дома въ Бѣлевѣ.

je lui parle de saignée et purgée, il est furieux et daigne pas me parler). Въ этотъ день обморокъ повторился, но въ менѣе сильной степени.

13-го (25-го) ноября. «Все пойдетъ скверно, потому что онъ не дозволяетъ, не соглашается дѣлать то, что безусловно необходимо. Склонность ко сну очень дурное предзнаменованіе» (Tout ira mal, parce qu'il ne permet, n'écoute de faire ce qui est absolument nécessaire. Cette tendance à dormir est de bien mauvais augure).

Виллie оставилъ намъ объ этомъ времени еще одно драгоцѣнное указаніе. Онъ пишетъ: «Уже съ 8-го ноября я замѣчаю, что его занимаетъ и смущаетъ его умъ что-то другое, чѣмъ мысль о выздоровленіи»[117].

«Я отлично знаю, что мнѣ вредно и что полезно,— сказалъ Александръ Вилліе.— Мнѣ нужны только уединеніе и покой. Я уповаю на волю Всевышняго и на свой организмъ (constitution). Я желаю, чтобы вы обратили вниманіе на мои нервы, такъ какъ они чрезвычайно разстроены». Вилліе отвѣчалъ: «Я полагаю, что это случается съ монархами чаще, нежели съ прочими людьми».— «А въ настоящее время я имѣю на это причины болѣе, чѣмъ когда-либо», возразилъ императоръ.

Предположенія Вилліе, что какія-то заботы смущали въ ту пору умъ императора Александра, оказались вполнѣ справедливыми; обстоятельства, какъ на зло, слагались такъ, что больной государь лишенъ былъ необходимаго ему спокойствія. Дѣйствительно, къ этому времени въ Таганрогъ прибылъ фельдъегерь, привезшій письмо графа Аракчеева отъ 27-го октября, снова напоминавшее о злополучномъ происшествіи въ Грузинѣ и объ его безутѣшномъ отшельникѣ.

Содержаніе этого письма было слѣдующее:

«Отецъ и благодѣтель, батюшка ваше величество!

«Посылаю къ вамъ подробное описаніе бывшаго въ грузинскомъ домѣ злодѣянія, написанное Шумскимъ по моей диктовкѣ для единаго вашего свѣдѣнія.

«Здоровье мое, батюшка, плохо, о чемъ изволите узнать изъ Даллерова письма; всякій день становится хуже, но я переношу оное терпѣливо и стараюсь всякій день быть на воздухѣ; но біеніе сердца, жаръ и потъ ночной меня весьма разслабляютъ.

«Весьма мнѣ хочется уѣхать изъ Грузина, но по сіе время еще не можно было этого сдѣлать, а теперь хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ пожить въ уединеніи, ближе къ Фотію; если же увижу, что болѣзнь моя будетъ увеличиваться, то уже поѣду въ Петербургъ, котораго жителя я, признаюсь, боюсь, батюшка, ибо не дадутъ мнѣ покоя модные наши братья. Ахъ, батюшка, летѣлъ бы я къ вамъ въ Таганрогъ, ибо мнѣ ничего такъ не хочется, какъ видѣть моего благодѣтеля; но боль въ груди такъ велика становится, что боюсь въ сію дурную погоду и въ дорогу пуститься; кажется, я не перенесу онаго.

«Добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель живетъ въ Новгородѣ и занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ отъ меня почти всѣхъ дворовыхъ людей, а именно 22 человѣка[418].

«Прощай, мой отецъ, вѣрь, что, если буду живъ, то буду тебѣ одному принадлежать, а умру, такъ душа моя будетъ помнить вашего величества обо мнѣ вниманіе».

Получилъ ли въ это время императоръ Александръ какія-либо новыя свѣдѣнія о заговорѣ, трудно установить; достовѣрно лишь то, что 10-го (22-го) ноября государь приказалъ генералъ-адъютанту Дибичу отправить полковника Николаева, по прежнему предположенію, въ Харьковъ,

какъ для содѣйствія унтеръ-офицеру Шервуду въ дальнѣйшемъ открытіи заговора, такъ и для арестованія сообщниковъ этого дѣла, «принимая притомъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью»[419].

Всѣ эти заботы по дѣлу, угрожавшему спокойствію Россіи и личной безопасности государя, должны были, безъ сомнѣнія, преисполнить горечью послѣдніе дни жизни Александра, вызвавъ въ его умѣ тяжелыя думы. Приказаніе, отданное генералъ-адъютанту Дибичу, было послѣднимъ распоряженіемъ государя; черезъ нѣсколько дней императоръ окончательно слегъ[420].

14-го (26-го) ноября государь, вставъ по утру въ седьмомъ часу, приказалъ подать себѣ бриться, но только что сѣлъ передъ уборнымъ столомъ, какъ, сдѣлавъ себѣ, вслѣдствіе дрожанія руки, порѣзъ на подбородкѣ, впалъ въ обморочное состояніе. Камердинеръ не успѣлъ поддержать его, и государь упалъ на полъ. Это произвело большую тревогу во дворцѣ. По свидѣтельству Тарасова, баронетъ Вилліе совсѣмъ потерялся, а Стофрегенъ началъ растирать государю голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица, и государя уложили на кровать въ бѣломъ шлафрокѣ. Съ этого момента болѣзнь императора приняла окончательно опасное направленіе. Онъ болѣе не могъ уже вставать съ постели. Изъ уборной его перенесли на большой диванъ въ кабинетъ.

Такъ передаетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ о событіяхъ 14-го ноября. Князь Волконскій, напротивъ того, утверждаетъ въ журналѣ, писанномъ имъ день за днемъ, что сильный обморокъ случился въ восемь часовъ вечера, когда государь, при императрицѣ, всталъ и спустилъ ноги съ постели[421]. То же самое подтверждаетъ Вилліе въ исторіи болѣзни императора. Кромѣ того, князь Волконскій пишетъ еще слѣдующее: «Около обѣда у государя сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея, къ головѣ, примѣтно покраснѣла, почему г. Вилліе и Стофрегенъ предложили его величеству поставить за уши піявки, но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но всѣмъ отказалъ, отсылая даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы его и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокоивать, а не умножать раздраженіе ихъ пустыми лекарствами».

14-го ноября Вилліе записалъ въ своемъ дневникѣ: «Все будетъ очень нехорошо, хотя у него нѣтъ бреда. Я намѣренъ былъ дать acide muriatique съ питьемъ, но получилъ отказъ по обыкновенію: «Ступайте прочь». Я заплакалъ; замѣтивъ это, онъ мнѣ сказалъ: «Подойдите, любезный другъ. Надѣюсь, что вы на меня за это не сердитесь. У меня свои причины такъ дѣйствовать»[422].

Въ 9 часовъ вечера государь потребовалъ къ себѣ Тарасова. «Надобно замѣтить,— пишетъ Тарасовъ,— что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ частью отъ баронета Вилліе, не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ почивальню императора, а частью отъ лейбъ-медика Стофрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго не совсѣмъ здоровымъ. По докладу императору, я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ большомъ жару и безпокоенъ. Увидѣвъ меня, сказалъ:

«— Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, останься при мнѣ. Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаетъ, и ему повременамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ.

«При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то безсознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ, и мы должны его лишиться».

Князь Волконскій говоритъ въ своемъ журналѣ, что, видя упрямство государя въ дѣлѣ леченія, онъ при императрицѣ сказалъ докторамъ, что почитаетъ однимъ средствомъ склонить государя къ принятію лекарства и приставленію піявокъ—это предложить его величеству причащеніе Св. Тайнъ, «наставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе піявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать такое предложеніе».

«Въ двѣнадцатомъ часу вечера,— пишетъ Тарасовъ,— императрица вошла къ императору весьма смущенною, усиливаясь въ виду государя казаться спокойною. Сѣвъ подлѣ больного, на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣжденіемъ, чтобъ государь акуратно принималъ назначенныя ему докторами лекарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

«— Я намѣрена предложить вамъ свое лекарство, которое всѣмъ приноситъ пользу.

«— Хорошо, говорите,— сказалъ государь.

«Императрица продолжала: «Я болѣе всѣхъ знаю, что вы великій христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ правилъ нашей православной церкви; совѣтую вамъ прибѣгнуть къ врачеванію духовному: оно всѣмъ приноситъ пользу и даетъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ.

«— Кто вамъ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лекарство?

«— Вашъ лейбъ-медикъ Вилліе, отвѣчала императрица.

Митрополитъ московскій Филаретъ.
Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

«Тотчасъ Виллїе былъ позванъ. Императоръ повелительно спросилъ его: «Вы думаете, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?» Виллїе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи[423]. Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ: «Благодарю васъ, другъ мой, прикажите — я готовъ».

Рѣшено было призвать соборнаго протоіерея Алексѣя Ѳедотова, но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что

однакожъ, не было настоящимъ сномъ, но сонливостью (sopor). Въ такомъ положеніи государь оставался до пяти часовъ утра.

«Я всю ночь просидѣлъ подлѣ больного, говоритъ Тарасовъ,—и, наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь повременамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ.

«Въ пять съ половиною часовъ утра 15-го (27-го) ноября императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь ли священникъ?» — Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

Немедленно введенъ былъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ: «Я хочу исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнъ; прошу исповѣдать меня не какъ императора, но какъ простого мірянина; извольте начинать, я готовъ приступить къ святому таинству».

Затѣмъ, прослушавъ молитву къ исповѣди, государь сказалъ императрицѣ: «Мнѣ нужно остаться одному» (Il faut me laisser seul). Императрица и всѣ предстоявшіе удалились. По окончаніи исповѣди государь приказалъ позвать императрицу; съ нею вошли князь Волконскій, генералъ-адъютантъ Дибичъ, Вилліе, Стофрегенъ, Тарасовъ и камердинеры. Государь пріобщился Св. Тайнъ. Исповѣдь и святое причащеніе, по свидѣтельству Тарасова, продолжались часъ съ четвертью. Послѣ того какъ государь принялъ Св. Тайнъ императрица поцѣловала его въ лобъ и руку. Александръ, обратясь къ императрицѣ, взялъ ея руку и, поцѣловавъ, сказалъ: «Я никогда не испытывалъ бо́льшаго наслажденія и очень благодаренъ вамъ за него» (Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous en remercie beaucoup).

Богъ сказался ему и свѣялъ съ души грозную мысль, преслѣдовавшую его всю жизнь, мысль, которая нерѣдко среди торжества, какъ привидѣніе, возставала передъ нимъ[424].

Послѣ совершенія таинства императрица вмѣстѣ съ духовникомъ стала умолять больного не отказываться отъ врачебныхъ средствъ; отецъ Алексѣй сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни и, поддерживая настоянія императрицы, сказалъ, что небреженіе здоровья со стороны государя было бы тяжкимъ грѣхомъ, равносильнымъ самоубійству. Тогда Александръ, по свидѣтельству Тарасова, обратясь къ врачамъ, сказалъ: «Теперь, господа, ваше дѣло: употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными».

Лихорадочное состоянiе постепенно усиливалось, припадки обнаруживали, очевидно, пораженiе мозга. Тарасовъ немедленно поставилъ за уши и къ затылку тридцать пiявокъ, на голову были положены холодныя примочки и назначены медиками внутреннiя средства. Къ вечеру положенiе императора казалось нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ, припадки не ожесточились. Виллiе не увлекся, однако, призрачными надеждами. Онъ пишетъ въ дневникѣ 16-го (28-го) ноября: «Все мнѣ кажется слишкомъ позднимъ. Только вслѣдствiе упадка силъ физическихъ и душевныхъ и уменьшенiя чувствительности удалось дать ему нѣкоторыя лекарства послѣ святаго причастiя и увѣщанiй Ѳедотова»[425].

Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ менѣе сильный; поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала.

День 17-го (29-го) ноября начался прекраснымъ утромъ. Солнце свѣтило во всемъ блескѣ, и лучи его падали прямо въ окна государя. Больной приказалъ поднять оконныя шторы и, любуясь свѣтомъ солнца, которое всегда очень любилъ, сказалъ: «Comme il fait beau!»

Нѣкоторые признаки позволяли думать, что положенiе государя подаетъ слабую надежду на благопрiятный оборотъ болѣзни, достигшей, впрочемъ, по замѣчанiю Тарасова, высшей степени своего развитiя.

Императрица, ни на шагъ не отходившая отъ смертнаго одра своего супруга, была обрадована слабымъ проблескомъ надежды и поспѣшила написать въ Петербургъ вдовствующей государынѣ слѣдующее письмо.

«Дорогая матушка. Я была не въ состоянiи написать вамъ со вчерашнею почтою. Сегодня — да будетъ воздано за то тысячу и тысячу благодаренiй Всевышнему — наступило весьма явное улучшенiе въ состоянiи здоровья государя, этого ангела доброты среди своихъ страданiй. Для кого и на комъ явить Господу свое безконечное милосердiе, какъ не на немъ? О, Боже мой, какiя ужасныя минуты я пережила! Могу себѣ представить и ваше безпокойство, дорогая матушка. Вы получаете бюллетень. Слѣдовательно, вы могли видѣть, на что мы были обречены вчера и даже сегодняшнюю ночь. Но сегодня самъ Виллiе говоритъ, что состоянiе нашего дорогого больного удовлетворительно. Онъ до чрезвычайности слабъ. Признаюсь вамъ, дорогая матушка, что я сама не своя и болѣе ничего не могу сказать вамъ. Молитесь съ нами, съ пятьюдесятью миллiонами людей, чтобы Господь благоволилъ довершить исцѣленiе нашего дорогого больного»[426].

Но смерть уже витала надъ изголовiемъ бѣднаго страдальца: онъ угасалъ. То, что императрица и нѣкоторые изъ приближенныхъ принимали за перемѣну къ лучшему, было только послѣднею вспышкою жизни, отсрочкой передъ близкимъ отходомъ императора въ вѣчность.

Къ вечеру положеніе государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки пораженія мозга стали очевидными, и утратилась всякая надежда на благопріятный исходъ болѣзни. «Нѣтъ надежды спасти моего обожаемаго повелителя», восклицаетъ Вилліе въ замѣткѣ, сдѣланной 18-го (30-го) ноября[427].

Тарасовъ пишетъ: «Ночь всю провелъ государь въ забытьи и безпамятствѣ, только повременамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и повременамъ, обращаясь взоромъ на св. Распятіе, крестился и читалъ молитвы. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я ему давалъ пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и не свободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ десять часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулъ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. Повременамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ четвертомъ часу за полночь дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій[428].

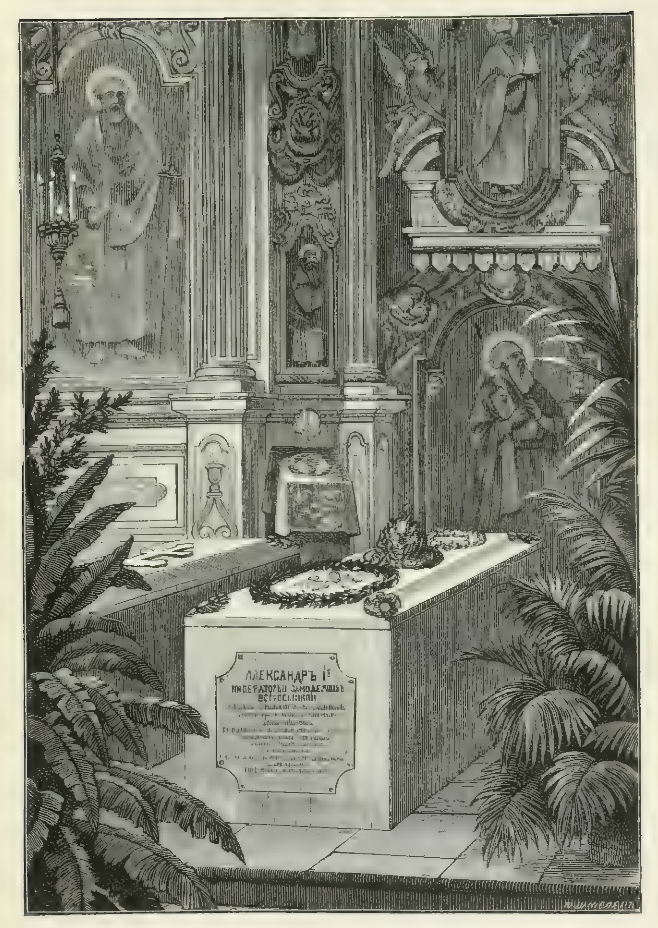
«Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

«Наступило 19-е ноября (1-е декабря). Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсть о положеніи императора.

«Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и святое Распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише».

Въ 10 часовъ 50 минутъ великій монархъ отошелъ въ вѣчность[429].

Императрица, неотлучно сидѣвшая при умирающемъ, встала съ своего мѣста, помолилась на колѣняхъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его, еще разъ перекрестила и закрыла ему вѣки глазъ; затѣмъ, сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, опять помолилась на колѣняхъ и, низко поклонившись усопшему, удалилась изъ кабинета въ свои покои.

Гробница императора Александра I въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ.

Съ фотографіи.

Въ тотъ же день императрица нашла въ себѣ довольно силъ написать своей матери слѣдующія строки:

«О, матушка! Я самое несчастное существо на землѣ! Я хотѣла только сказать вамъ, что я осталась въ живыхъ послѣ потери этого ангела, страшно измученнаго болѣзнью и который, тѣмъ не менѣе,

постоянно находилъ для меня улыбку или ласковый взглядъ даже тогда, когда онъ не узнавалъ никого. О, матушка, матушка, какъ я несчастна, какъ вы будете страдать вмѣстѣ со мною! Великій Боже, что за судьба! Я подавлена печалью, я не понимаю себя, не понимаю своей судьбы, однимъ словомъ, я очень несчастна. Воспоминаніе о его глубокой покорности судьбѣ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ поддержитъ меня. Дорогая матушка, какъ вы будете страдать вмѣстѣ со мною!»[430].

Императрицѣ же Маріи Ѳеодоровнѣ государыня писала:

«Дорогая матушка! Нашъ ангелъ въ небесахъ, а я осталась на землѣ; о, если бы я, самое несчастное существо изъ всѣхъ оплакивающихъ его, могла скоро соединиться съ нимъ! О, мой Боже, это почти превосходитъ человѣческія силы; но если Онъ ниспослалъ это, не подлежитъ сомнѣнію, что слѣдуетъ быть въ силахъ перенести это. Я не понимаю самое себя, я не знаю, не въ бреду ли я, и не могу ни располагать своимъ существованіемъ, ни понять его. Вотъ его волосы, дорогая матушка. Увы, почему онъ былъ долженъ выстрадать столько! Но теперь его лицо носитъ лишь выраженіе удовлетворенія и доброжелательства, присущихъ ему. Кажется, точно онъ одобряетъ все происходящее вокругъ него. О, дорогая матушка, какъ мы всѣ несчастны! Пока онъ будетъ находиться здѣсь, я останусь здѣсь—когда онъ отправится отсюда, если это найдутъ возможнымъ, я тоже отправлюсь. Я поѣду съ нимъ, пока хватитъ силъ. Я не знаю еще, что будетъ со мною. Дорогая матушка, сохраните мнѣ ваше расположеніе»[431].

Первыя слова этого письма, ставшаго достояніемъ исторіи, послужили какъ бы эпитафіей Александру Благословенному, и были воспроизведены на гравюрахъ, браслетахъ и такъ называемыхъ траурныхъ перстняхъ.

По прошествіи двухъ дней императрица Елисавета Алексѣевна написала маркграфинѣ Баденской еще второе письмо, дополняющее собою характеристику душевнаго настроенія вѣнценосной страдалицы въ эти горестные дни ея печальной жизни. Страдая сама неизлечимымъ смертельнымъ недугомъ, она съ удивительною твердостью ухаживала за столь горячо любимымъ ею государемъ во все время его мучительной болѣзни. Когда же императора не стало, бодрость духа, поддерживавшая Елисавету все время, уступила мѣсто глубокой, безотрадной скорби, которую озаряла для нея только надежда соединиться въ скоромъ времени съ дорогимъ почившимъ за предѣлами земной жизни.

Вотъ это письмо отъ 21-го ноября (3-го декабря) 1825 года:

«Я пишу вамъ, милая и дорогая матушка, не зная, что сказать вамъ. Я неспособна передать то, что испытываю: это безпрерывная скорбь, чувство печали, которыя, я иногда опасаюсь этого, убьютъ во мнѣ религію. О, мой Боже, это почти сверхъ моихъ силъ. Если бы еще

я не получала отъ него столько ласкъ, столько проявленій нѣжности почти вплоть до послѣдняго мгновенія! И кромѣ того пришлось видѣть, какъ угасало это ангельское существо, сохранявшее способность любить, уже утративъ способность сознанія. Что мнѣ дѣлать съ своею волею, которая была всецѣло предана ему, съ своею жизнью, которую я любила посвящать ему! О, матушка, матушка, какъ быть, что дѣлать? Я ничего болѣе не вижу передъ собою. Я останусь здѣсь, пока онъ будетъ находиться здѣсь, когда онъ отправится, я тоже отправлюсь; я не знаю, когда, куда пойду я. Я ничего не могу сказать вамъ больше, моя добрая матушка—я здорова, не слишкомъ безпокойтесь за меня, но если бы я смѣла, какъ бы я желала послѣдовать за тѣмъ, кто составлялъ цѣль моей жизни»[432].

19-го ноября 1825 года дѣйствительно совершилось великое для Россіи несчастіе: лучшаго изъ государей Европы не стало. Когда онъ скрылся съ политическаго поприща, одно только прекрасное изъ его жизни выступило на первый планъ; все прочее было предано забвенію. Современникъ и поэтъ пишетъ:[433] «Видишь передъ собою того прекраснаго генія, котораго такъ радостно встрѣчали въ 1801 году; видишь славнаго царя, которому Россія обязана 1813 и 1814 годами; видишь утѣшителя народа послѣ наводненія прошлогодняго; видишь привѣтливаго, доброжелательнаго человѣка, который такъ былъ любезенъ въ сношеніи личномъ», неизмѣнно оставаясь, по выраженію Сперанскаго, сущимъ прельстителемъ (un vrai charmeur). Въ душѣ его было много идеально-прекраснаго; онъ искренно желалъ добра, онъ любилъ добро и постигалъ его[434]. Было о чемъ горевать, въ особенности, въ виду неизвѣстнаго будущаго, ожидавшаго Россію, которой, по образному выраженію одного русскаго писателя, со смертью Александра предстояло войти въ холодный, непривѣтливый коридоръ, въ длинный мрачный тунель. Это чувствовалось и сознавалось многими современниками.

Но независимо отъ горя, обрушившагося на всю Россію, для лицъ, окружавшихъ смертный одръ почившаго монарха, наступилъ еще особенный, ими одними пережитый истинно трагическій моментъ. Вдали отъ столицы и всѣхъ членовъ царской семьи, въ уединенномъ городѣ русскаго царства, удаленномъ на 2,000 верстъ отъ центра государственнаго управленія, предъ ними возсталъ грозный вопросъ: кто же будетъ теперь императоромъ, кому слѣдуетъ принести присягу, и отъ кого ожидать впредь приказаній? И эти вопросы, къ тому же, приходилось задавать себѣ среди развѣтвленій обширнаго заговора и повсемѣстнаго броженія!

«Сфинксъ, неразгаданный до гроба», какъ мѣтко назвалъ Александра поэтъ, не открылъ никому своего царственнаго завѣта и даже въ виду извѣстной ему неминуемой кончины не счелъ нужнымъ

затронуть ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ этотъ животрепещущій для благополучія Россіи вопросъ. Напротивъ того, въ послѣдніе дни своей жизни императоръ Александръ какъ бы сознательно отстранилъ себя отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ и умиралъ, какъ частный человѣкъ, покончившій свои разсчеты съ міромъ. Поэтому неудивительно, что онъ не указалъ на избраннаго имъ преемника; довольствуясь сдѣланнымъ ранѣе въ тайнѣ распоряженіемъ, онъ дѣйствительно какъ бы думалъ: «послѣ смерти раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія».

О существованіи акта, назначавшаго великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола, при жизни Александра никто не зналъ, за исключеніемъ трехъ государственныхъ сановниковъ: графа Аракчеева, князя А. Н. Голицына и архіепископа московскаго Филарета[435]. По роковому стеченію обстоятельствъ, ни одинъ изъ нихъ не присутствовалъ при кончинѣ государя въ Таганрогѣ. Изъ находившихся же при императорѣ трехъ довѣренныхъ лицъ, генералъ-адъютантовъ князя Волконскаго, барона Дибича и Чернышева, ни одинъ не зналъ, что права старшаго брата въ наслѣдованіи престола перенесены на второго. Генералъ-адъютантъ Дибичъ разсказывалъ впослѣдствіи Михайловскому-Данилевскому[436]: «Государь, повѣрявшій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ однако же объ этомъ ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ ему: «Тебѣ надобно будетъ это поддерживать». Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ великаго князя, онъ, переживъ государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ».

Вотъ чѣмъ ограничивались свѣдѣнія, которыми располагалъ Дибичъ въ Таганрогѣ по вопросу о престолонаслѣдіи. Князю Волконскому также ничего не было извѣстно по этому дѣлу. Наконецъ, императрица Елисавета Алексѣевна находилась въ подобномъ же положеніи и ничего не знала о совершившемся отреченіи Константина Павловича.

«Когда въ Таганрогѣ болѣзнь Александра не подавала уже никакой надежды къ выздоровленію, разсказывалъ Дибичъ,—князь Волконскій совѣтовалъ мнѣ спросить у императрицы, къ кому, въ случаѣ кончины государя, должно будетъ относиться мнѣ, какъ начальнику главнаго штаба его величества, ибо положеніе мое было весьма затруднительное: я оставленъ начальникомъ арміи въ такое время, гдѣ открывались случаи обширнаго заговора. Я не рѣшился лично предложить императрицѣ сего вопроса, не желая нанести ей огорченія, да и хотя и пользовался ея милостями, но однако же не въ такой степени, какъ князь Волконскій, который былъ другомъ императорской фамиліи; потому я настоятельно просилъ его принять на себя объясненіе съ государынею. Онъ не иначе на сіе согласился, какъ съ условіемъ, чтобы и я тутъ же находился.

«Мы вошли съ нимъ вдвоемъ въ комнату государя, лежавшаго въ забытьи, и князь Волконскій, подойдя къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, сказалъ ей, что я, какъ начальникъ штаба, прошу ее сказать, къ кому, въ случаѣ несчастія, мнѣ должно будетъ относиться?

«— Развѣ государь такъ боленъ, что уже нѣтъ надежды? спросила императрица.

«— Богъ одинъ можетъ помочь и спасти государя; однако же, спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы на всякій случай были приняты надлежащія мѣры, отвѣтилъ князь Волконскій.

«— Разумѣется, что въ несчастномъ случаѣ надобно будетъ относиться къ Константину Павловичу, сказала императрица.

«Сіи слова явно доказываютъ невѣдѣніе императрицы о томъ, кто былъ назначенъ наслѣдникомъ престола.

«Мы полагали съ княземъ Волконскимъ, что у покойнаго государя Александра Павловича было завѣщаніе, ибо онъ имѣлъ при себѣ безпрестанно конвертъ съ бумагами, котораго онъ никогда не оставлялъ. Когда мы, по смерти его, вскрыли сіи бумаги, то нашли, что въ нихъ были написаны какія-то молитвы».

Императрица Елисавета Алексѣевна сперва хотѣла сохранить эти бумаги у себя, но потомъ велѣла князю Волконскому вложить ихъ въ мундиръ, который надѣли на тѣло почившаго императора, въ тотъ самый карманъ, гдѣ онъ всегда ихъ носилъ[437].

При такомъ положеніи дѣла генералъ-адъютанту Дибичу оставалось только донести о печальномъ событіи въ Варшаву цесаревичу Константину Павловичу, какъ лицу, которое, по закону о престолонаслѣдіи, становилось императоромъ Всероссійскимъ.

Тогда же Дибичъ написалъ письмо императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ которомъ въ заключеніи сказано: «Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя императора Константина Павловича».

Составленный въ Таганрогѣ актъ о кончинѣ императора Александра приложенъ былъ ко всеподданнѣйшему рапорту барона Дибича на имя императора Константина отъ 19-го ноября 1825 года[438].

На другой день послѣ кончины императора Александра, 20-го ноября (2-го декабря), въ семь часовъ вечера произведено было вскрытіе тѣла почившаго императора въ присутствіи генералъ-адъютанта Чернышева. Протоколъ подписали девять докторовъ, а именно: Дмитріевскаго вотчиннаго госпиталя младшій лекарь Яковлевъ, лейбъ-гвардіи казачьяго полка штабъ-лекарь Васильевъ, Таганрогскаго карантина главный медицинскій чиновникъ докторъ Лакіеръ, придворный врачъ коллежскій асессоръ Добберть, медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тарасовъ, штабъ-лекарь надворный совѣтникъ Александровичъ, докторъ медицины и

хирургіи статскій совѣтникъ Рейнгольдъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ лейбъ-медикъ Стофрегенъ и тайный совѣтникъ лейбъ-медикъ баронетъ Яковъ Виллie.

Затѣмъ слѣдуетъ подпись Чернышева: «Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла его императорскаго величества государя императора Александра Павловича находился. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ».

Въ заключеніи протокола о вскрытіи тѣла сказано:

«Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнію, коею первоначально была поражена печень и прочіе къ отдѣленію желчи служащіе органы; болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующимъ затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга и была наконецъ причиною самой смерти его императорскаго величества»[439].

Виллie занесъ по этому поводу въ свой дневникъ: «Вскрытіе и бальзамированіе подтвердило все то, что я сказалъ a priori. О, еслибъ я имѣлъ его согласіе, если бы онъ былъ сговорчивъ и послушенъ, эта операція не происходила бы здѣсь»[440].

Князь Волконскій возложилъ операцію бальзамированія тѣла императора Александра на Д. К. Тарасова, но онъ, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ, «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору, не могъ принять на себя такой обязанности». Тогда это дѣло поручено было врачамъ Рейнгольду, Добберту, Лакіеру, Васильеву и аптекарю Протту.

Бальзамированіе тѣла, несмотря на всѣ затрудненія достать въ столь короткое время всѣ необходимыя для того вещества, произведено было, по мнѣнію Тарасова, вполнѣ удачно. Онъ свидѣтельствуетъ, что, по прибытіи печальной процессіи 8-го марта 1826 года въ Царское Село, «тѣло императора и форма лица были совершенно сохранены».

Вечеромъ 20-го ноября, послѣ панихиды, императрица Елисавета Алексѣевна на время бальзамированія тѣла императора Александра и устроенія катафалка въ залѣ переѣхала въ другой домъ. Государыня возвратилась во дворецъ 29-го ноября.

Н. И. Шенигъ, служившій въ то время по квартирмейстерской части, сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ очевидецъ, слѣдующія подробности, относящіяся до бальзамированія тѣла императора Александра:

«21-го ноября (3-го декабря) поутру, въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя.

Вошедъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то разваренными въ спиртѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доббертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюлькѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Виллie вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкой, и заперты замкомъ. Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно. Государыня наканунѣ переѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались, и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и полотенецъ. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ и благодѣянія! Я тотчасъ же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, разсказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя, и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегеря за камердинерами. Черезъ четверть часа они явились и принесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло какъ кусокъ дерева, и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время осмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго человѣка. Руки, ноги, всѣ части тѣла могли бы служить образомъ для ваятеля; нѣжность кожи необыкновенная.

«По окончаніи бальзамированія одѣли государя въ общій генеральскій мундиръ, со звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки, и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили налой съ Евангеліемъ, которое поочередно читали священники, смѣняясь каждые два часа. Мы четверо[141] и нѣсколько казацкихъ офицеровъ дежурили также по два часа стоя, потому что и стула не было въ комнатѣ, и это дежурство приходилось иногда по три раза въ сутки. На панихидахъ всегда былъ дежурнымъ одинъ изъ насъ четверыхъ. Кромѣ того былъ всегда безотлучно одинъ изъ камердинеровъ и Рейнгольдъ или Доббертъ, которые ежечасно смачивали лицо губкою, напитанною спиртомъ. Жаръ въ комнатѣ доходилъ до 18° и болѣе; всѣ двери и окна были заперты, и кромѣ того горѣли три большія церковныя свѣчи. Острый запахъ спирта, насыщеннаго какимъ-то душистымъ веществомъ, наводилъ дурноту, и мундиры до того имъ провоняли, что недѣли три сохраняли этотъ непріятный запахъ. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящимъ образомъ произвести бальзамированія по неимѣнію достаточнаго количества спирта, въ который должно бы было погрузить все

тѣло на нѣсколько сутокъ; къ тому же, я думаю, что они были непривычны къ этому дѣлу.

«На второй день, поднявъ кисею для примочки лица, я далъ замѣтить Добберту, что клочокъ галстука торчитъ изъ-подъ воротника государя. Онъ потянулъ и къ ужасу увидѣлъ, что это кожа. Лицо начало совершенно чернѣть. Теплота и уменьшеніе остроты спирта, стоявшаго въ открытой чашѣ и въ жаркой комнатѣ, вмѣсто сохраненія послужили только къ порчѣ тѣла. Сейчасъ побѣжалъ онъ къ Виллie, который явился удостовѣриться въ показаніи. Рѣшили заморозить тѣло и тѣмъ только сохранить его. Отворили всѣ окна, подвинули подъ кровать корыто со льдомъ и повѣсили у постели термометръ, чтобы стужа всегда была не менѣе 10°. Въ это время холодъ и вѣтры начинали дѣлаться весьма сильные, и каково же было намъ дежурить въ одномъ мундирѣ! Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала государыня.

«23-го числа поставили тронъ, обили всю залу черным сукномъ, надѣли на государя порфиру и положили въ гробъ, надѣвъ на голову золотую корону. Первый гробъ былъ свинцовый, а этотъ уже былъ поставленъ въ деревянный, обитый золотою парчею съ орлами. Окна насквозь были отворены, и мы уже дежурили въ шляпахъ и съ обнаженными шпагами. Подъѣхало съ Дону нѣсколько казаковъ всѣхъ чиновъ, и тутъ уже дежурили одинъ генералъ, одинъ штабъ-офицеръ и по два оберъ-офицера; во время панихиды всегда однако-жъ двое изъ насъ. По окончаніи каждой панихиды входилъ Волконскій, уводилъ вонъ изъ залы всѣхъ часовыхъ и наконецъ уходилъ и самъ; оставались священникъ, читающій Евангеліе, и насъ двое, которымъ велѣно было стоять у ступеней гроба смирно и не поднимать глазъ. Несмотря на то, мы очень хорошо могли видѣть, что всякій разъ выходила изъ своихъ комнатъ императрица, совершенно одна, никѣмъ не поддерживаемая, всходила на ступени трона и начинала цѣловать тѣло и молиться. Это всегда продолжалось минутъ десять. Коль скоро она удалялась, Волконскій опять вводилъ часовыхъ, входили дежурные, и мы начинали ходить вольно[442]. Панихиды со дня кончины отправлялъ греческій архимандритъ съ шестью священниками и, не зная по-русски, дѣлалъ возгласы по-гречески. Къ 1-му декабря пріѣхалъ екатеринославскій архіепископъ и тогда началъ первенствовать на службѣ»[443].

По странной случайности, это былъ тотъ самый преосвященный Ѳеофилъ, которому, какъ выше упомянуто, императоръ Александръ сдѣлалъ строгое замѣчаніе при проѣздѣ черезъ Орѣховъ, на возвратномъ пути изъ Крыма. Онъ былъ вызванъ въ Таганрогъ княземъ Волконскимъ[444].

Въ дополненіе къ краткому очерку печальныхъ событій, случившихся въ Таганрогѣ въ 1825 году, приведемъ еще письмо князя Волкон-

Памятникъ императору Александру I въ Петербургѣ.

Съ литографіи Беггрова.

скаго къ генералъ-адъютанту Закревскому; въ этомъ письмѣ встрѣчается безпощадная, но справедливая оцѣнка образа дѣйствій проклятаго змѣя, омрачившаго послѣднія недѣли жизни императора Александра.

«Ужаснѣйшее бѣдствіе, насъ всѣхъ постигшее, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, писалъ князь Волконскій. — отнимаетъ у меня

силы къ изъясненію скорби и сокрушенія, мною ощущаемыхъ. 19-го ноября поутру, въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ, поражены мы были жестокимъ ударомъ по случаю кончины обожаемаго монарха нашего, государя Александра Павловича, послѣ тринадцати-дневной желчной и потомъ обратившейся въ нервическую горячки.

«Никому столь не была извѣстна, любезный другъ, какъ вамъ, преданность, привязанность и даже, смѣю сказать, дружество мое съ нимъ: легко можете себѣ представить, въ какомъ положеніи я нахожусь. Увѣренъ, что и вы равномѣрно печаль сію чувствуете въ той же силѣ, бывъ столько ему преданы. Во все время болѣзни государевой я не покидалъ его, ухаживалъ за нимъ, оказывая всѣ пособія, какія только были нужны, и, къ несчастію моему, всѣ мои труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на насъ гнѣвъ свой, лишивъ насъ столь драгоцѣннаго монарха. Однимъ утѣшеніемъ остается мнѣ то, что я еще при концѣ его могъ оказать ему послѣдній долгъ.

«Теперь, бывъ здѣсь совершенно одинъ, въ ужасной горести занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу имперіи, безъ малѣйшихъ способовъ и съ большою трудностію доставать самыя необходимыя вещи, по сему случаю нужныя, за всякой бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ, распоряжать всѣмъ и не только толковать, но даже самому рисовать разные планы и фигуры, потребныя для церемоніи, и признаюсь, что, ежели бы меня здѣсь не было, не знаю, какъ бы сіе пошло, ибо всѣ прочіе потеряли совершенно голову. Императрица во все время болѣзни также не покидала государя и за нимъ ухаживала, при кончинѣ оказала удивительную твердость. Печаль свою, по слабому ея здоровью, переноситъ благодаря Бога хорошо; не знаю, что будетъ впослѣдствіи. Я такъ ослабѣлъ, бывъ тринадцать дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь; имѣю сверхъ того на рукахъ императрицу и устроеніе церемоніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія императора Константина Павловича, за коимъ послалъ уже нѣсколько курьеровъ, для дальнѣйшихъ распоряженій къ препровожденію тѣла покойнаго въ С.-Петербургъ. Не знаю, чѣмъ все кончится, и какая будетъ моя участь. Отдавъ долгъ прослуженіемъ տремъ царствованіямъ, можно, кажется, и удалиться, дабы, по крайней мѣрѣ, имѣть время заняться собственными дѣлами, кои весьма въ худомъ положеніи, ибо никогда не рѣшался и не хотѣлъ утруждать объ оныхъ покойнаго императора, онъ же самъ никогда не обращалъ на сіе вниманія, слѣдовательно, я остался безъ всего. Теперь не знаю еще, на что рѣшится императрица, которую оставить одну въ семъ положеніи нахожу что грѣшно, но быть удалену отъ своего семейства, при столь худыхъ обстоятельствахъ, также весьма затруднительно. Рѣшился положиться на Бога, который меня никогда

не покидалъ, надѣюсь, и въ семъ несчастномъ положеніи не оставитъ. Я воображаю, въ какомъ уныніи должна быть столица, особенно государыня императрица Марія Ѳеодоровна. Я боюсь за нее, такъ и за императрицу Елисавету Алексѣевну, которая сколько ни крѣпится, но страдаетъ ужасно отъ удара, ее постигшаго. Вотъ, любезный другъ, событіе несчастныхъ предчувствій, кои имѣлъ я предъ отъѣздомъ моимъ сюда, чувствуя и здѣсь ужаснѣйшую тоску и грусть непомѣрную, кои относилъ всегда насчетъ скуки и недостатка въ обществѣ, и никогда не входило въ голову, чтобы могло послѣдовать подобное бѣдствіе[445].

«Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось! Можетъ ли сей извергъ имѣть смѣлость показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ; но хотя бы сіе и случилось, не воротить уже несчастія, постигшаго Россію и всѣхъ насъ, истинно преданныхъ государю»[446].

Изъ отвѣта генералъ-адъютанта Закревскаго на это письмо можно видѣть, до какой степени онъ сочувствовалъ отзыву, высказанному княземъ Волконскимъ относительно подвиговъ графа Аракчеева.

«Слишкомъ жестоко убѣжденъ я вашимъ предчувствіемъ о пресмыкающемся змѣѣ, который успѣлъ отравить своимъ ядомъ и послѣднія минуты своего благодѣтеля», пишетъ Закревскій.—«Припомните и мое о немъ мнѣніе; оно сбылось теперь разительно[447]. Недаромъ и я чувствовалъ всегда ужасную къ нему антипатію. Еслибъ вы знали, сколь несносно теперь его существованіе въ глазахъ соотечественниковъ! Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что единогласно почти его ненавидятъ и, какъ чудовища, пугаются. Онъ самъ теперь раскрылъ гнусный свой характеръ тѣмъ, что, когда постыдная исторія съ нимъ случилась, то онъ, забывъ совѣсть и долгъ отечеству, бросилъ все и удалился въ нору къ своимъ пресмыкающимся тварямъ, а теперь, когда лишился онъ своего благодѣтеля, имѣлъ столько духу, что выползъ изъ западни и принялся попрежнему за дѣла. Послѣ столь гнуснаго поступка не трудно угадать, какія низкія чувства у сего выродка ехидны»[448].

Приговоръ жестокій, но, нужно признать, справедливый. Дѣйствительно, графъ Аракчеевъ, увѣрявшій императора Александра, что онъ, по тяжкому разстройству здоровья, никакого соображенія не можетъ сдѣлать по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, и думаетъ только объ одномъ—пожить въ уединеніи, ближе къ Фотію, вдругъ, по принесеніи присяги

императору Константину, чудеснымъ образомъ освобождается отъ недуговъ и 30-го ноября (12-го декабря) 1825 года доноситъ новому государю: Получа облегченіе отъ болѣзни, я вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній»[449].

Несмотря на болѣзненную слабость, императрица Елисавета Алексѣевна среди поразившаго ее безутѣшнаго горя почтила бывшаго воспитателя императора Александра Лагарпа слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

«Изъ всѣхъ, раздѣлявшихъ со мною глубокую скорбь, воспоминаніе о васъ въ эту жестокую минуту—самое драгоцѣнное для меня. Мнѣ отрадно было бы оплакивать вмѣстѣ съ вами обожаемаго человѣка, прекрасная душа котораго была извѣстна вамъ; вы слѣдили за его развитіемъ, вы способствовали оному, онъ вамъ былъ обязанъ частью тѣхъ превосходныхъ и рѣдкихъ на его мѣстѣ качествъ, которыя дѣлали его предметомъ любви и восхищенія его народа и иностранцевъ; никто поэтому лучше васъ не можетъ понять всей громадности моей утраты и говорить мнѣ тѣмъ языкомъ, котораго болѣе всего жаждетъ мое сердце. Вы знаете, что онъ любилъ сознавать, чѣмъ онъ былъ обязанъ вамъ, и я нахожу утѣшеніе въ повтореніи вамъ этого. Вы говорите, что остатокъ жизни вашей разстроенъ нашимъ несчастіемъ, и я вѣрю этому; но вспомните о непосредственномъ вліяніи, которое вы имѣли на его молодость, о благѣ, которое вы этимъ принесли ему и всему человѣчеству, и вы еще найдете утѣшеніе въ этомъ воспоминаніи.

«Что сказать вамъ о себѣ? Не имѣю надобности говорить вамъ, что я совершенно несчастлива, что я потеряла все на семъ свѣтѣ, гдѣ его любовь была для меня первѣйшимъ, неоцѣненнѣйшимъ изъ благъ. Бывъ счастлива ѣхать съ нимъ въ эти отдаленныя мѣста, пребываніе въ которыхъ онъ считалъ столь полезнымъ для моего здоровья, могла ли я предвидѣть, что онъ сдѣлается жертвою своей дѣятельности и своего рвенія для своей страны. Быстрые успѣхи южныхъ провинцій привязывали его и занимали; онъ слишкомъ утомился, объѣзжая Крымъ, не принялъ надлежащихъ предосторожностей для своего здоровья въ этомъ климатѣ, опасномъ самою красотою своею, и вывезъ оттуда первые задатки той жестокой скоротечной болѣзни, которая отняла его у насъ. Онъ недостаточно сознавалъ цѣну своей жизни—это единственный упрекъ, котораго онъ заслуживалъ (Il ne reconnaissait pas assez le prix de sa vie, c'est le seul reproche qu' il méritait). Я считаю своимъ долгомъ сообщить всѣ эти подробности его старѣйшему другу и нахожу утѣшеніе, говоря съ вами о немъ. Вмѣстѣ съ вами я сожалѣю о раздѣляющемъ насъ разстояніи, тогда какъ мы обоюдно желаемъ сообщить другъ другу искреннюю, глубокую скорбь, которая тяготитъ насъ и которая не прекратится до конца дней нашихъ»[450].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СЪ 12-ГО (24-ГО) НОЯБРЯ 1825 года, генералъ-адъютантъ Дибичъ началъ сообщать въ Варшаву свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи императора Александра; они заключались въ письмахъ на имя генерала Куруты. Первый фельдъегерь съ этимъ тревожнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Варшаву 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ, какъ разъ въ самый день кончины императора Александра.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ барону Дибичу отъ 19-го ноября (1-го декабря) не скрылъ овладѣвшаго имъ тяжкаго предчувствія. «Не смотря на всѣ утѣшенія, высказанныя въ вашемъ письмѣ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ», писалъ великій князь. «Говорю вамъ откровенно, что, повинуясь лишь внушенію моего сердца, я отправился бы къ вамъ. Но, къ сожалѣнію, мои обязанности и мое общественное положеніе не позволяютъ мнѣ отдаться этимъ естественнымъ чувствамъ»[451].

Въ это время въ Варшавѣ находился великій князь Михаилъ Павловичъ; цесаревичъ скрывалъ даже отъ него и отъ княгини Ловичъ тревожныя письма, получавшіяся изъ Таганрога.

«Не говорю вамъ о себѣ и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь», читаемъ мы въ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 23-го ноября (5-го декабря), «ибо вамъ слишкомъ хорошо извѣстна моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ братьевъ и монарховъ, чтобы въ нихъ сомнѣваться. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора, кромѣ меня, знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ[452]; вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно такъ же придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному внушенію моего сердца, то, разумѣется, давно уже былъ бы у васъ, но вы, конечно, сами поймете, что препятствуетъ мнѣ къ этому»[453].

Между тѣмъ фельдъегери продолжали слѣдовать одинъ за другимъ, и, наконецъ, 25-го ноября (7-го декабря), въ 7 часовъ вечера, цесаревичъ получилъ роковое извѣстіе о кончинѣ своего державнаго брата.

Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта Дибича не поколебалъ прежняго рѣшенія цесаревича по вопросу о престолонаслѣдіи, и онъ тогда же сказалъ великому князю Михаилу Павловичу: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь прежній мой образъ дѣйствій не былъ личиною, и кончить дѣло съ тою же твердостію, съ которою оно было начато. Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и моя воля отказаться отъ престола болѣе чѣмъ когда-нибудь непреложна!»[454].

Призвавъ къ себѣ приближенныхъ лицъ и объявивъ имъ объ утратѣ, постигшей Россію, цесаревичъ прочелъ имъ переписку свою съ императоромъ Александромъ въ 1822 году и велѣлъ приготовить въ соотвѣтственность ей письма къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великому князю Николаю Павловичу, въ которыхъ сказано, что онъ уступаетъ право свое на наслѣдіе престола младшему брату въ силу рескрипта императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года. Цесаревичъ употребилъ здѣсь выраженіе, что онъ уступаетъ престолъ великому князю Николаю Павловичу, такъ какъ ему ничего не было извѣстно о существованіи государственнаго акта, еще въ 1824 году облекшаго эту уступку въ силу закона. Вотъ какими недоразумѣніями сопровождался таинственный и уклончивый образъ дѣйствій императора Александра въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

Сверхъ офиціальныхъ писемъ цесаревичъ написалъ еще Николаю Павловичу слѣдующее частное письмо:[455]

«Дорогой Николай! Вы поймете по себѣ то глубокое горе, которое я долженъ испытывать вслѣдствіе ужасной потери, которую мы всѣ понесли, сколько насъ ни есть, а въ особенности же я, утративъ благодѣтеля и обожаемаго повелителя и любимаго брата, друга съ самаго ранняго дѣтства. Вы слишкомъ хорошо знаете, было ли счастьемъ для меня служить ему и исполнять его державную волю въ важныхъ или въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ. Его намѣренія и его воля были и бу-

Билетъ на открытіе памятника императору Александру I въ Петербургѣ.

дуть, не смотря на то, что его не существуетъ болѣе, неизмѣнно священными для меня, и я буду повиноваться имъ до конца дней моихъ.

«Перехожу къ дѣлу и увѣдомляю васъ, что, во исполненіе воли нашего покойнаго государя, я послалъ моей матушкѣ письмо, содержащее мои непреложныя рѣшенія, заранѣе одобренныя какъ моимъ покойнымъ императоромъ, такъ и моей матушкой. Не сомнѣваясь, что вы, которые были душою и сердцемъ привязаны къ покойному императору, въ точности исполните его волю и то, что было сдѣлано съ его согласія, я приглашаю васъ, дорогой братъ, добросовѣстно сообразоваться съ этимъ и не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете это и почтите память брата, который любилъ васъ и которому страна обязана славой и степенью возвышенія, котораго она достигла. Сохраните мнѣ вашу дружбу и ваше довѣріе, дорогой братъ и ни на мгновеніе не сомнѣвайтесь въ моей вѣрности и моей преданности. Изъ моего офиціаль-

наго письма вы узнаете объ остальномъ. Это письмо вамъ везетъ мой братъ Михаилъ, и онъ сообщитъ вамъ всѣ подробности, которыя можете пожелать узнать... Не забывайте меня, дорогой братъ, и разсчитывайте на усердіе и преданность вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друга».

Вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ написалъ дружескія письма князю Волконскому и барону Дибичу, въ которыхъ говоритъ, что онъ попрежнему остается при теперешнемъ мѣстѣ товарищемъ ихъ. «Посему», писалъ онъ,—ни въ какія распоряженія не могу войти, а получите вы ихъ изъ С.-Петербурга отъ кого слѣдуетъ».

Работа по изготовленію всѣхъ этихъ бумагъ длилась всю ночь, и когда 26-го ноября (8-го декабря) все было окончено, то цесаревичъ поручилъ великому князю Михаилу Павловичу отвезти бумаги въ Петербургъ. «Я исполнилъ свой обѣтъ и свой долгъ», сказалъ цесаревичъ брату, — «печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ вѣчно неизгладимою; но, по крайней мѣрѣ, я чистъ предъ священною для меня памятью его и предъ собственною совѣстію. Ты понимаешь, что уже никакая сила не можетъ поколебать моей рѣшимости, но чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у нихъ послѣднее сомнѣніе, я самого тебя къ нимъ отправлю».

«Засимъ», пишетъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ «торжественномъ объявленіи» къ «любезнѣйшимъ своимъ соотчичамъ», найденномъ послѣ его кончины, «я ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній отъ вступившаго на престолъ государя императора, на томъ же мѣстѣ, гдѣ волею покойнаго государя императора, по долгу званія моего, находился, и по сей же самой причинѣ непремѣнною поставлялъ обязанностію исполнить то, что на случай кончины его императорскаго величества учинить мнѣ повелѣно, дабы еще тѣмъ самымъ продлить, въ важнѣйшія минуты, дѣйствія окончившагося царствованія, сколько было для меня возможно по пораженнымъ печалію чувствамъ моимъ, которыя, всѣ прочіе, высочайше ввѣренные подчиненности моей, при семъ горестномъ случаѣ раздѣляя со мною, оставались спокойными во ожиданіи о восшествіи на престолъ манифеста о учиненіи надлежащей присяги новому законному императору Россіи».

Но что происходило между тѣмъ въ Петербургѣ?

Извѣстіе о кончинѣ императора Александра получено было въ столицѣ только 27-го ноября (9-го декабря), во время молебствія о здравіи государя въ церкви Зимняго дворца.

Событія этого дня изложены въ запискѣ великаго князя Николая Павловича, озаглавленной: отъ брата Николая къ брату Константину[456]. Содержаніе этой записки слѣдующее:

«1825 года, ноября 25-го дня, прибыло въ 4 часа пополудни съ эстафетою отъ г. Дибича извѣстіе о усилившейся болѣзни государя

императора, до такой степени, что вынуждены были предложить его величеству пріобщиться Святыхъ Таинъ, что въ то же время и приведено въ дѣйствіе, и что жизнь государя коли не безнадежная, то, по край-

Памятникъ императору Александру I въ саду Александровскаго лицея въ Петербургѣ.

Съ фотографіи.

ней мѣрѣ, находится въ большой опасности (собственныя слова генерала Дибича).

«Такое печальное свѣдѣніе было прислано къ графу Милорадовичу, къ князю Лопухину, къ г. Вилламову и къ дежурному генералу Потапову.

«Графъ Милорадовичъ донесъ о семъ его императорскому величеству государю великому князю Николаю Павловичу и, по совѣщаніи съ нимъ, какимъ бы лучше образомъ объявить о семъ государынѣ императрицѣ, поѣхалъ за г. Вилламовымъ, дабы привесть его къ великому князю; но въ отсутствіе ихъ императрица изволила прислать за его высочествомъ; тогда Николай Павловичъ, будучи пораженъ всѣми сими событіями, тотчасъ обратился во дворцѣ къ доктору Рюлю, дабы при присутствіи и помощи его объявить о семъ государынѣ, но не заставъ его въ его комнатахъ, пошелъ на половину матушки, гдѣ и нашелъ какъ его, г-на Рюля, такъ и г-на Вилламова. Императрица была уже чрезъ нихъ о всемъ извѣстна. Ея высочество государыня великая княгиня Александра Ѳеодоровна прибыла также во дворецъ.

«Подавъ нужное пособіе ея величеству, его императорское высочество, графъ Милорадовичъ и генералъ Воиновъ приступили къ совѣщанію, какія бы нужно принять мѣры, если бы, чего Боже сохрани, получено было извѣстіе о кончинѣ возлюбленнаго монарха. Тогда его императорское высочество предложилъ свое мнѣніе, дабы въ одно время при объявленіи о сей неизречимой потерѣ провозгласить и восшедшаго на престолъ императора, и что онъ первый присягнетъ старшему своему брату, какъ законному наслѣднику престола.

«Всю сію ночь его высочество провелъ въ передней комнатѣ у императрицы. Государыня цѣлую ночь не изволила раздѣваться и почивала очень дурно.

«26-е число посредствомъ фельдъегеря доставлено изъ Таганрога свѣдѣніе во время, какъ находились въ церкви, о положеніи государя, подающее нѣкоторыя малыя надежды, по полученіи коихъ приказано во всѣхъ церквахъ производить молебствія за здравіе обожаемаго монарха (государыня Елисавета Алексѣевна сама изволила о семъ писать).

«27-е число, по окончаніи Божественной литургіи, когда уже начинался молебенъ за здравіе, его высочество былъ вызванъ графомъ Милорадовичемъ изъ ризницей и ему объявлено, что все совершилось. Его императорскому высочеству сдѣлалось дурно, но, пришедъ въ себя, онъ возвратился въ ризницю съ докторомъ Рюлемъ. Государыня стояла на колѣняхъ и, бывъ уже продолжительнымъ отсутствіемъ великаго князя приготовлена и изъ лица его увидавъ жребій свой, ей стало дѣлаться дурно; священникъ между тѣмъ подалъ ей крестъ, и она, поцѣловавъ его, лишилась чувствъ.

«Его императорское высочество, обратясь къ своей супругѣ, сказалъ ей: «Soignez notre mère et moi je vais faire mon devoir». Съ симъ вмѣстѣ вошелъ въ церковь и, прекратя молебенъ, приказалъ принесть налой, произнесъ въ подданствѣ присягу возлюбленному брату своему и императору Константину и утвердилъ оную своею подписью, и за

нимъ подписались и другіе, тутъ случившіеся, какъ-то: военный министръ Татищевъ, генералъ Кутузовъ, дежурный генералъ Потаповъ и прочіе всѣ, тутъ находящіеся.

«Послѣ сего предсталъ онъ предъ внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ (роты его величества гренадерскаго взвода) и объявилъ имъ о кончинѣ государя и провозгласилъ императора Константина. Гренадеры со слезами приняли объявленіе и мгновенно присягнули.

«Потомъ его императорское высочество поручилъ дежурному генералу Потапову, ибо коменданта Башуцкаго тутъ не случилось, о объявленіи, такъ и о приведеніи къ присягѣ главнаго и прочихъ карауловъ съ ихъ постами, что безотложно все приведено въ исполненіе и вездѣ съ тою же горестію и усердіемъ, а генералъ Нейтгартъ былъ посланъ въ Невскій монастырь, гдѣ находился весь гвардейскій генералитетъ, съ предложеніемъ генералу Воинову исполнить то же во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ.

«Наконецъ, послано повелѣніе о подобномъ же объявленіи и приведеніи къ присягѣ всѣхъ полковъ и командъ, здѣсь и въ окрестностяхъ города находящихся.

«Въ теченіе сего времени Государственный Совѣтъ, собравшись, открылъ свое засѣданіе предложеніемъ приступить къ распечатанію конверта, въ которомъ заключалась воля покойнаго императора. Тутъ возникли нѣкоторыя пренія, и наконецъ положено пакетъ распечатать, дабы принять послѣднюю волю царя Благословеннаго.

«Въ актѣ семъ начертано было отреченіе отъ престола государя цесаревича и нареченіе наслѣдникомъ государя великаго князя Николая Павловича.

«Нѣкоторыя пренія паки по сему случаю возникли, но прекратились мнѣніемъ нѣкоторыхъ, чтобъ пригласить его высочество въ присутствіе Совѣта, на что графъ Милорадовичъ отозвался, что его высочество уже присягнулъ, и во всякомъ случаѣ почитаетъ неприличнымъ ни его высочество призывать, ни его высочеству приходить въ Совѣтъ, но вызывался довести все сіе до свѣдѣнія его и просить допустить Совѣтъ къ себѣ для доклада обо всемъ происходившемъ, что и исполнено, а великій князь отозвался, что онъ не можетъ воспретить ихъ прибытію.

«Когда предсталъ Совѣтъ предъ великимъ княземъ, онъ сообщилъ имъ, что содержаніе сего акта ему давно извѣстно, и именно съ 13-го іюля 1819 года, но что ни въ какомъ случаѣ онъ не дерзнетъ занять мѣсто старшаго брата, отъ высочайшей воли коего зависитъ его участь, и что, поставивъ себѣ въ священную обязанность всеподданнѣйше ему повиноваться, онъ далъ въ томъ присягу и затѣмъ остается въ полномъ увѣреніи, что и онъ для блага государства послѣдуетъ его примѣру.

«Совѣтъ послѣдовалъ его высочеству въ церковь и по просьбѣ ихъ при немъ далъ присягу, а потомъ имъ же представленъ въ присутствіе императрицы, которая изволила объявить, что актъ и содержаніе онаго ей извѣстенъ и сдѣланъ съ ея родительской воли, но что и она увлеклась подвигомъ сына и, утверждая всѣ его дѣйствія, проситъ Совѣтъ общими силами сохранить спокойствіе царства.

«По принятымъ мѣрамъ къ тремъ часамъ пополудни какъ войско, такъ всѣ чины и граждане восшествіе на престолъ императора Константина присягою утвердили. Въ теченіе котораго времени вездѣ сохранялись тишина и порядокъ, что и понынѣ исполняется.

«Актъ, хранящійся въ Сенатѣ, министромъ юстиціи всеподданнѣйше представленъ государю императору съ донесеніемъ, что Сенатъ учинилъ присягу, и указы разосланы повсемѣстно для подобнаго же дѣйствія.

«Его высочество, увидя въ церкви предъ молебномъ о здравіи государя императора Константина Павловича митрополита, сообщилъ ему о событіяхъ, въ Совѣтѣ происшедшихъ, и согласилъ его пакетъ, хранящійся въ Синодѣ, не распечатывать до полученія объ ономъ высочайшаго повелѣнія.

«Въ то же время Главный Штабъ его императорскаго величества присягнулъ въ церкви Главнаго Штаба, и вслѣдъ затѣмъ посланы курьеры ко всѣмъ главнокомандующимъ и начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ съ предписаніемъ приступить немедленно къ той же священной обязанности, а отъ графа Милорадовича, по условію съ великимъ княземъ, отправленъ адъютантъ съ увѣдомленіемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына о событіяхъ въ столицѣ и приглашеніемъ немедленно исполнить то же и въ Москвѣ. О томъ же самомъ послано къ генералъ-адъютанту Закревскому для приведенія того же въ исполненіе по великому княжеству Финляндскому.

«Въ то же время отправленъ къ его величеству адъютантъ Николая Павловича Лазаревъ съ письмомъ его[457].

«Съ тѣхъ поръ по 2-е число декабря столица находилась въ совершенно обычной тишинѣ и строгомъ порядкѣ, служба какъ по гарнизону, такъ и по всѣмъ прочимъ военнымъ и гражданскимъ частямъ сохранила обычный свой ходъ во время отсутствія государя, что принято соблюдать до полученія высочайшихъ повелѣній.

«Донесеніе о исполненіи присяги поступило сначала отъ корпуса военныхъ поселеній, съ приложеніемъ приказа отъ 30-го числа ноября о вступленіи паки въ должность графа Аракчеева и генералъ-маіора Клейнмихеля. Вчера, поутру, 2-го числа декабря, донесеніе отъ генералъ-адъютанта Закревскаго, что какъ русскія, такъ и финляндскія войска въ Гельсингфорсѣ, а равно сенатъ и прочія мѣста приведены

къ присягѣ, и даже не упоминая о конституціи, но по формѣ, въ Россіи введенной. Наконецъ, сего 3-го числа въ 5 часовъ утра адъютантъ князя Голицына, Новосильцовъ, привезъ извѣстіе, что въ Москвѣ все приведено къ присягѣ въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Пакетъ же,

Памятникъ императору Александру I въ Таганрогѣ.

Съ фотографіи.

хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, остался неприкосновеннымъ впредь до высочайшаго разрѣшенія.

«Кабинетъ его императорскаго величества въ Зимнемъ дворцѣ тотчасъ по полученіи извѣстія 27-го числа поручено опечатать графу Милорадовичу, что̀ и исполнено. А какъ камердинеръ покойнаго госу-

даря донесъ, что находятся бумаги и въ кабинетѣ Сарскаго Села, то для опечатанія посланъ чиновникъ, а его высочество возложилъ сіе порученіе на генералъ-маіора Стрекалова, въ присутствіи самого камердинера Воробьева».

Такимъ образомъ, таинственность, которою императоръ Александръ облекъ свою волю относительно престолонаслѣдія, принесла печальные плоды. Затѣмъ предстоявшія неизбѣжныя осложненія увеличились еще тѣмъ, что великій князь Николай Павловичъ рѣшился на великодушный, но необдуманный шагъ, за который Россія могла дорого поплатиться.

Легко себѣ представить удивленіе и огорченіе, испытанныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, когда онъ, вмѣсто ожидаемыхъ имъ повелѣній вступившаго на престолъ новаго государя, получилъ донесеніе, что вся Россія присягнула ему какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія.

Между тѣмъ въ Петербургъ прибылъ рано утромъ 3-го (15-го) декабря великій князь Михаилъ Павловичъ съ письмами цесаревича отъ 26-го ноября (8-го декабря). Къ удивленію двора и жителей Петербурга великій князь не послѣдовалъ общему примѣру и не присягнулъ императору Константину.

Михаилъ Павловичъ, изъявляя сожалѣніе о всемъ совершившемся въ Петербургѣ, не скрывалъ своихъ опасеній по поводу необходимости принесенія новой присяги и говорилъ о трудности объяснить публикѣ, почему мѣсто старшаго брата, которому уже присягнули, займетъ вдругъ второй, и растолковать каждому въ народѣ и въ войскахъ основанія и правоту этихъ, какъ онъ ихъ называлъ, домашнихъ сдѣлокъ. Николай Павловичъ, въ отвѣтъ брату, повторилъ сказанное имъ прежде другимъ, что не могъ дѣйствовать иначе въ томъ положеніи, въ которое былъ поставленъ тайными актами покойнаго государя и своимъ о нихъ невѣдѣніемъ, и что ни совѣсть, ни разсудокъ ни въ чемъ не упрекаютъ его. «Все, впрочемъ», прибавилъ онъ, «могло бы еще поправиться и получить оборотъ болѣе благопріятный, если бы цесаревичъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и только упорство его оставаться въ Варшавѣ будетъ причиною несчастій, которыхъ возможности я не отвергаю, но въ которыхъ, по всей вѣроятности, самъ первый и паду жертвою»[458].

Дѣйствительно, дѣло нельзя было признать окончательно рѣшеннымъ даже и по полученіи офиціальныхъ писемъ цесаревича: эти письма были отправлены изъ Варшавы прежде полученія извѣстія о принесенной присягѣ. Послѣ долгихъ разсужденій великій князь Николай Павловичъ рѣшился обратиться къ императору Константину съ новымъ убѣдительнымъ письмомъ, въ которомъ онъ испрашивалъ окончательнаго рѣшенія

своей участи и въ заключеніе говорилъ: «Arrivez au nom de Dieu»[459]. Эту просьбу убѣдительно повторила также императрица Марія Θеодоровна въ своемъ письмѣ къ сыну. Съ этими бумагами отправился въ Варшаву 3-го (15-го) декабря фельдъегерскій офицеръ Бѣлоусовъ.

Не довольствуясь этимъ, черезъ нѣсколько дней рѣшено было отправить въ Варшаву и великаго князя Михаила Павловича для убѣжденія Константина Павловича въ необходимости его прибытія въ Петербургъ. Чтобы не разъѣхаться къ пути съ фельдъегеремъ, котораго Константинъ Павловичъ могъ послать изъ Варшавы съ отвѣтомъ по поводу извѣстія о принесенной ему присягѣ, императрица Марія Θеодоровна вручила великому князю открытый листъ слѣдующаго содержанія:

«Предъявитель сего открытаго предписанія его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ, любезнѣйшій мой сынъ, уполномоченъ мной принимать моимъ именемъ и распечатывать всѣ письма, пакеты и прочее, отъ государя императора Константина Павловича ко мнѣ адресованныя.

Марія»[460].

8-го (20-го) декабря Михаилъ Павловичъ писалъ великому князю Николаю Павловичу со станціи Ненналь:[461]

«Пріѣхавъ на станцію Ранна-Пунгернъ, встрѣтилъ я, любезный Николай, фельдъегеря изъ Варшавы съ письмомъ къ князю Лопухину и, увидѣвъ на конвертѣ: отъ его императорскаго высочества цесаревича, я сейчасъ догадался въ чемъ дѣло; между тѣмъ узналъ отъ него, что Лазаревъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и потому я взялъ сего фельдъегеря съ собою, покуда не встрѣчу Лазарева. Что написано князю Лопухину, то не знаю, ибо не имѣю права ихъ отворять. Въ Ненналѣ нашелъ я Лазарева, который и подалъ мнѣ пакетъ, у него бывшій, на имя матушки; ты изъ письма Константина Павловича увидишь все его мнѣніе, которое по содержанію почти согласно съ тѣмъ, что я тебѣ говорилъ. Теперь, не зная, какія мѣры будутъ взяты въ Петербургѣ, я думаю, что хорошо мнѣ будетъ здѣсь оставаться и ждать твоихъ повелѣній, ибо, бывъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, я сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то я могу продолжать дорогу въ Варшаву, какъ ни въ чемъ не бывало; можетъ быть, угодно будетъ матушкѣ и тебѣ еще новое что-нибудь отправить къ брату. Увѣрьте себя, что я всюду готовъ, куда матушкѣ и тебѣ угодно. Два или три дня разницы пріѣзда моего въ Варшаву ничего не сдѣлаетъ, ибо Опочининъ уже, конечно, все сказалъ. Сдѣлай милость, чтобы приказанія ко мнѣ дошли какъ можно скорѣе. Прощай, твой на вѣки.

Михаилъ».

Лазаревъ привезъ великому князю Николаю Павловичу слѣдующее письмо Константина Павловича отъ 2-го (14-го) декабря:

«Вашъ адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ въ точности ваше письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое рѣшеніе непоколебимо и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще дальше, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего императора. Вашъ по жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ»[462].

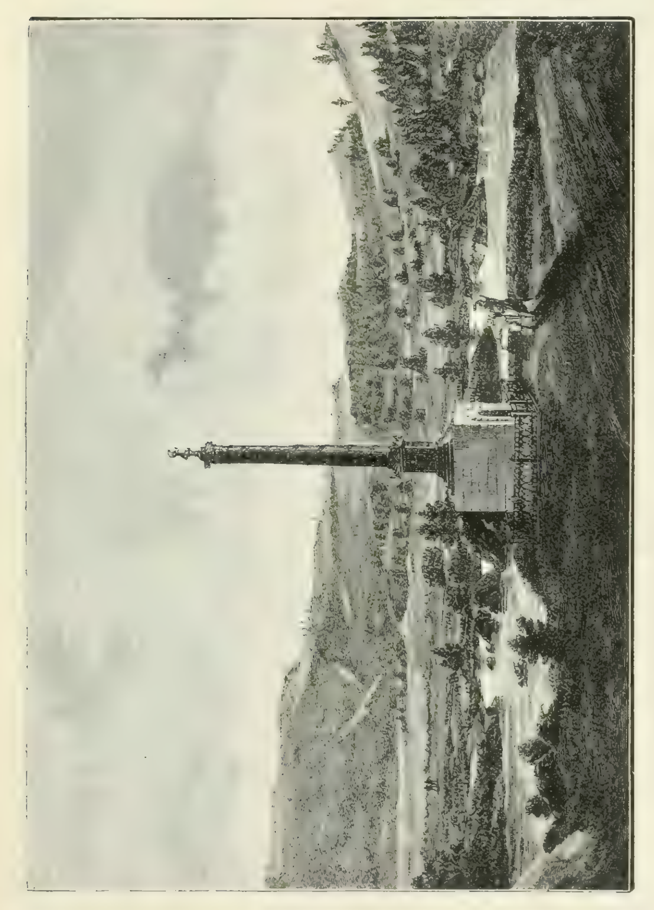
Но и это письмо не рѣшило дѣла; оставалось еще ожидать возвращенія изъ Варшавы Бѣлоусова съ отвѣтомъ на письмо великаго князя Николая Павловича отъ 3-го (15-го) декабря.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ не замедлило присоединиться еще новое осложненіе. 12-го (24-го) декабря явился къ Николаю Павловичу лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ баронъ Фредериксъ, исправлявшій въ Таганрогѣ должность коменданта. Онъ привезъ великому князю пакетъ отъ барона Дибича, адресованный: «его императорскому величеству въ собственныя руки». На вопросъ, знаетъ ли онъ о содержаніи пакета, Фредериксъ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что, по неизвѣстности въ Таганрогѣ мѣстопребыванія государя императора, такія же точно бумаги посланы и въ Варшаву, а ему приказано только, на случай, если бы его величества не было еще въ Петербургѣ, вручить пакетъ, по чрезвычайной важности дѣла, его высочеству.

Николаю Павловичу не оставалось, конечно, другого исхода какъ вскрыть таинственный пакетъ. «При первомъ бѣгломъ просмотрѣ вскрытыхъ бумагъ его объялъ несказанный ужасъ», пишетъ баронъ Корфъ. Приведемъ здѣсь цѣликомъ донесеніе барона Дибича отъ 4-го (16-го) декабря 1825 года, которое представляетъ собою какъ бы заключительную страницу царствованія императора Александра[463].

«Въ прошедшее лѣто», писалъ баронъ Дибичъ, «3-го Бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ въ письмѣ, на высочайшее имя и въ собственныя руки писанное, объявилъ, что онъ имѣетъ открыть важный секретъ. Будучи по высочайшему повелѣнію, по распоряженію генерала графа Аракчеева, привезенъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюля сего года, показалъ, что онъ узналъ случайно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи существуетъ секретное общество, которое отъ время до времени увеличивается, и что оно имѣетъ особенныя связи въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, и что онъ увѣренъ, что служащій въ конно-егерскомъ полку прапорщикъ Вадковскій (выписанный за дерзкій разговоръ изъ Кавалергардскаго

полка) есть одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ. По знакомству его съ принадлежащими, по мнѣнію его, къ тому же обществу, живущими въ Харьковѣ, графами Яковомъ и Андреемъ Булгари, онъ надѣялся быть введеннымъ въ сіе общество и открыть секреты и членовъ онаго.

Памятникъ императору Александру I въ Царево-Александровскомъ рудникѣ.
Съ фотографіи.

«Положено было дать ему отпускъ на годъ, будто за то, что онъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ по подозрѣнію по дѣлу поручика Спвинниса, въ которое замѣшанъ былъ также графъ Булгари, и что онъ себѣ выпросилъ въ вознагражденіе годовой отпускъ, когда сіе подо-

зрѣніе найдено было неосновательнымъ. Онъ обѣщался увѣдомить графа Аракчеева, коль скоро найдетъ возможность къ большему открытію, съ тѣмъ, чтобы тогда былъ присланъ надежный чиновникъ съ полномочіемъ для пособія ему.

«Отъ 20-го сентября писалъ онъ письмо къ графу Аракчееву изъ Карачева, въ коемъ объясняетъ, что по пріѣздѣ въ Харьковъ былъ у графа Якова Булгари, у коего засталъ и племянника его, графа Андрея, что онъ имъ объявилъ о взятіи его по подозрѣнію по дѣлу Сивиниса, что графъ Яковъ Булгари жаловался, что онъ по тому же дѣлу не имѣетъ отвѣта на три просьбы, на высочайшее имя поданныя, но что на вопросъ его, Шервуда, о обществѣ отозвался графъ Булгари незнаніемъ; напротивъ того, когда сей вышелъ изъ комнаты, то племянникъ графъ Андрей Булгари спрашивалъ его, какъ идутъ дѣла сего общества, объявилъ ему, что онъ знаетъ чрезъ графа Николая Булгари, служащаго въ лейбъ-кирасирскомъ ея величества полку поручикомъ, что прапорщикъ Вадковскій въ семъ обществѣ.

«Шервудъ поѣхалъ прямо къ Вадковскому въ Курскъ. 9-го сентября, въ полночь, нашелъ его спящимъ на своей квартирѣ, но, разбудивъ, объявилъ о случившемся съ нимъ, и что онъ выпросилъ себѣ годовой отпускъ единственно, чтобы дѣйствовать въ пользу извѣстнаго ему общества. Вадковскій вскочилъ съ постели, обнималъ его и спросилъ, сколько онъ имѣетъ членовъ; на сіе объявилъ ему Шервудъ: два генерала и 47 штабъ и оберъ-офицеровъ. Вадковскій обрадовался сей лжи, просилъ при вторичномъ пріѣздѣ въ Курскъ привезти списокъ, какихъ именно они полковъ и сколько именно принято по поселенію; считая сіе весьма важнымъ, хвасталъ, что предпріятіе ихъ идетъ сверхъ чаянія хорошо, что изъ корпуса генералъ-адъютанта Бороздина есть двѣ значительныя особы и довольное число прочихъ, принадлежащихъ ихъ обществу, и что онъ почитаетъ только труднѣйшимъ въ ихъ предпріятіи истребить вдругъ всю августѣйшую царскую фамилію, что, впрочемъ, надѣется также въ семъ на содѣйствіе поляковъ столько же хорошо, какъ собственно на своихъ.

«Шервудъ, послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ объясненій Вадковскаго, человѣка, котораго онъ прежде вовсе не зналъ, обѣщался ему доставить списокъ, который Вадковскій обще съ своимъ хотѣлъ въ половинѣ ноября доставить чрезъ поручика графа Николая Булгари въ С.-Петербургъ. Посему просилъ Шервудъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ графу Аракчееву, послать къ нему въ половинѣ ноября надежнаго чиновника въ Харьковъ, который, по объясненію съ нимъ, могъ бы перехватить Булгари съ бумагами. Его величество, вручивъ мнѣ сіе письмо по дорогѣ въ Новочеркасскъ, изволилъ выбрать для сего назначенія лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, съ

тѣмъ, чтобы ни ему, ни кому другому не объявить до возвращенія изъ Крыма.

«Между тѣмъ пріѣхалъ, по высочайшему соизволенію, въ Таганрогъ 18-го октября генералъ-лейтенантъ Виттъ и объявилъ равномѣрно, что существуетъ таковое общество, которое значительно увеличилось въ обѣихъ арміяхъ и старалось, но тщетно, помощію генералъ-маіора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевскаго, заразить и черноморскій флотъ, что бываютъ часто подобныя собранія въ фамиліи Давыдовыхъ, кои всѣ заражены симъ духомъ, и что изъ числа дѣятельнѣйшихъ членовъ объявлены ему гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ, гвардейскій офицеръ Бестужевъ, служившій прежде во флотѣ, нѣкто Рылѣевъ (вѣроятно, секундантъ покойнаго поручика Чернова на дуэли съ флигель-адъютантомъ Новосильцовымъ), что 18-я пѣхотная дивизія въ особенности заражена симъ духомъ, и что въ оной играетъ главную роль командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Пестель, что адъютантъ графа Витгенштейна Крюковъ и генералъ-лейтенанта Рудзевича Шишковъ—также члены, и что наконецъ одинъ изъ главныхъ членовъ—подпоручикъ квартирмейстерской части Лихаревъ, который недавно женился на дочери сенатора Бороздина. Всѣ сіи извѣстія даны графу Витту однимъ членомъ, и по не довольной еще основательности оныхъ надѣялся онъ получить вѣрнѣйшія на кіевскихъ контрактахъ, ибо давалъ имъ надежду склониться на ихъ сторону по непріятностямъ, имѣвшимся между имъ, Виттомъ, и графомъ Аракчеевымъ. Графъ Виттъ при семъ прибавилъ, что онъ надѣется, что можно получить также свѣдѣніе отъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитана Корниловича, принадлежавшаго сему обществу, но раскаявшагося, увидя бездну ужасную, въ которую оно можетъ ввести; равномѣрно доставилъ графъ Виттъ письмо отъ неизвѣстнаго, который, объявляя о обществѣ и огромности онаго, остерегаетъ его о личной его опасности тѣмъ, что заговорщики хотѣли его сдѣлать одною изъ первѣйшихъ жертвъ замысловъ своихъ.

«Его императорское величество приказалъ графу Витту продолжать открытія свои и изволилъ отправиться въ Крымъ; радостный пріемъ всѣхъ чиновъ 20-й пѣхотной дивизіи, совершенно по духу, издревле свойственному россійскому воинству, и увѣренія генералъ-лейтенанта Рудзевича въ таковомъ же духѣ ввѣренныхъ ему войскъ, хотя и успокоили его величество на счетъ общаго распространенія подобнаго зла, но не менѣе того изволилъ приказать мнѣ еще 10-го ноября отправить полковника Николаева по прежнему предположенію въ Харьковъ, дабы онъ, по указанію унтеръ-офицера Шервуда, схватилъ вышеупомянутыя бумаги, посланныя прапорщикомъ Вадковскимъ чрезъ поручика графа Николая Булгари въ С.-Петербургъ, принимая при-

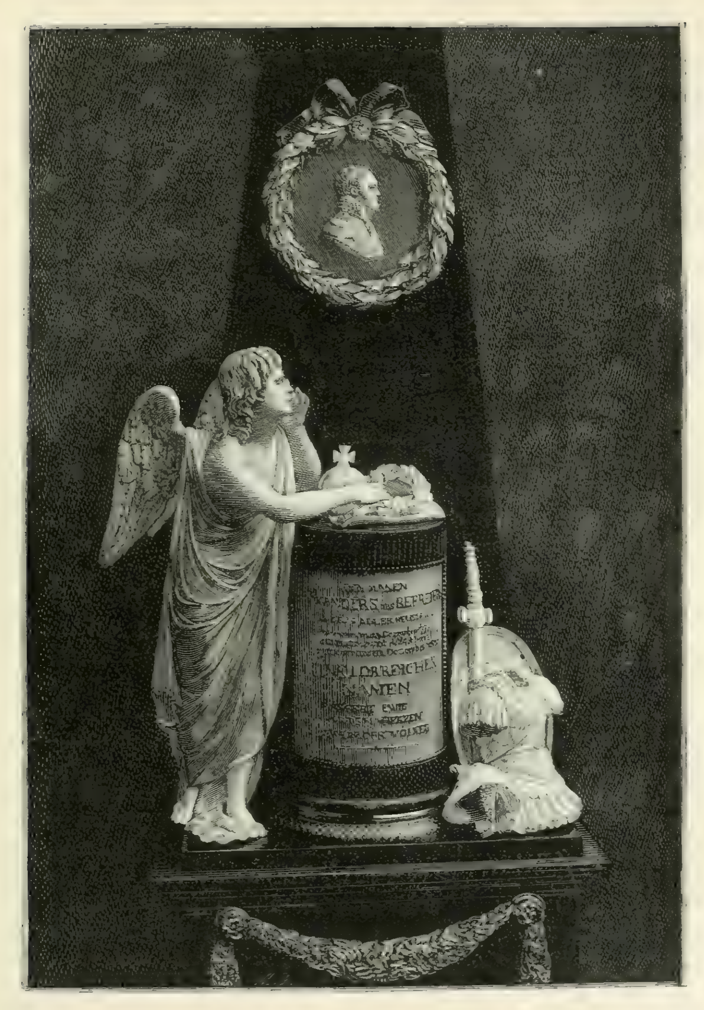
томъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью.

«15-го ноября полковникъ Николаевъ увидѣлъ въ предназначенномъ въ письмѣ Шервуда трактирѣ сего унтеръ-офицера и, призвавъ его къ себѣ, получилъ отъ него объясненіе, которое Шервудъ повторилъ письменно ко мнѣ, и главное содержаніе коего слѣдующее: послѣ нѣкотораго пребыванія Шервуда въ Орлѣ и окружности до 26-го октября (онъ не объясняетъ съ какого числа) и во время котораго хотя и былъ два раза у генералъ-адъютанта Бороздина, но, какъ онъ говоритъ, по краткости времени, ничего касающагося до общества открыть не могъ, поѣхалъ онъ, Шервудъ, въ Курскъ, гдѣ засталъ прапорщика Вадковскаго, возвратившагося отъ поѣздки къ ротмистру Кавалергардскаго полка графу Захару Чернышеву, въ 80-ти верстахъ отъ Курска.

«Вадковскій принялъ его съ восхищеніемъ, разсказалъ ему о успѣхѣ ихъ дѣла, что онъ получилъ изъ С.-Петербурга извѣстіе, что 10 офицеровъ гвардіи приняты въ ихъ общество. Онъ жаловался на вѣтренность поручика графа Николая Булгари, который съ графами Спиро и Андреемъ Булгари поѣхали въ Одессу, и чрезъ то промедлитъ доставленіемъ списка въ С.-Петербургъ и особливо требованіемъ отъ главныхъ членовъ общества заведенія секретной типографіи для напечатанія сочиненій въ ихъ духѣ и присылки трехъ экземпляровъ ихъ конституціи, изъ коихъ одинъ хотѣлъ дать Шервуду.

«Шервудъ предлагалъ себя для посылки въ С.-Петербургъ, но Вадковскій отклонилъ сіе, сказавъ, что поручикъ графъ Булгари уже на сіе опредѣленъ и имѣетъ для сего подорожную во всю имперію. Шервудъ ему далъ списокъ мнимыхъ членовъ, завербованныхъ имъ будто въ поселеніи, и разныя замѣчанія о способности ихъ. Вадковскій спряталъ оный въ скрипичный футляръ, гдѣ еще хранятся другія бумаги, съ тѣмъ, что человѣкъ Вадковскаго можетъ ихъ сжечь, когда предстоитъ въ томъ надобность.

«Дивизіонный начальникъ 1-й конно-егерской дивизіи, генералъ-маіоръ Зассъ, оставилъ Вадковскаго въ Курскѣ въ караульныхъ эскадронахъ еще на другую очередь. Шервудъ былъ у него въ гостяхъ въ караулѣ, куда приходилъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка маіоръ Гофманъ, отъ котораго Шервудъ услышалъ весьма неприличные разговоры насчетъ правительства. Вадковскій сказалъ ему послѣ: вотъ уже приготовленъ, при первомъ свиданіи будетъ принятъ въ общество. Шервудъ писалъ изъ Курска къ графу Андрею Булгари, чтобы поручикъ графъ Николай Булгари воротился скорѣе. Сіе письмо повезетъ въ Одессу ротмистръ кавалергардскій графъ Чернышевъ, который ожидаетъ изъ главной квартиры 1-й арміи отпускъ, будучи предварительно отпущенъ въ Курскъ.

Статуетка (въ метръ вышины) въ честь Александра I, находящаяся въ королевскомъ загородномъ дворцѣ (Königliches Landhaus) близъ Потсдама, съ слѣдующей надписью: «Den Manen Alexanders des Befreiers. Kaiser aller Russen. geboren den 23 December 1777. zum Thron gelangt den 24 März 1801. gestorben den 1 December 1825. Sein glorreicher Name lebt ewig in den Herzen dankbarer Völker». (Памяти Александра-Освободителя, императора всероссійскаго, родившагося 23 декабря 1777 г., восшедшаго на престолъ 24 марта 1801 г., скончавшагося 1 декабря 1825 г. Его славное имя будетъ вѣчно жить въ сердцахъ благодарныхъ народовъ).

«Вадковскій разсказывалъ Шервуду слѣдующее.

«Въ обществѣ состоятъ: Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Захаръ Чернышевъ, дѣйствующее лицо въ С.-Петербургѣ, того же полка Свистуновъ (вѣроятно, корнетъ, выпущенный изъ камеръ-пажей), лейбъ-гвардіи Коннаго полка офицеръ Бураковъ, недавно женившійся на фрейлинѣ Ушаковой, принятъ въ общество Вадковскимъ, равно какъ юнкеръ Скарятинъ, пріѣхавшій изъ Кіева (неизвѣстно котораго полка), который объявилъ, что онъ недавно къ сему пріуготовленъ былъ своимъ учителемъ. Графъ Бобринскій (Шервуду неизвѣстно который) пожертвовалъ 10,000 рублей на заведеніе секретной типографіи. Полковникъ Павелъ Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна (командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка), ни Вадковскому, ни Шервуду неизвѣстно, гдѣ онъ квартируетъ и какимъ именно полкомъ командуетъ, почему Вадковскій просилъ Шервуда узнать вѣрнѣе о семъ, и Шервудъ просилъ о томъ увѣдомленія отъ знакомаго ему адъютанта генералъ-лейтенанта Рудзевича, капитана Шишкова, и состоящаго по особымъ порученіямъ у генералъ-адъютанта Киселева маіора Пущина. Наконецъ, считаетъ въ числѣ членовъ генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго.

«Шервудъ получилъ всѣ сіи извѣстія отъ Вадковскаго, обѣщавъ заѣхать къ нему, когда поѣдетъ въ Москву и С.-Петербургъ, въ началѣ декабря.

«Въ доказательство связей своихъ представилъ два собственноручныхъ письма Вадковскаго, которыя по двусмысленности своей довольно ясно доказываютъ непозволительныя ихъ связи. Шервудъ полагалъ во время вторичнаго своего свиданія съ Вадковскимъ, въ началѣ декабря, уговорить его препоручить ему отвезть списокъ членовъ, если не пріѣдетъ Булгари.

«По полученіи сихъ извѣстій, по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, коими, вѣроятно, зломыслящіе желаютъ воспользоваться для распространенія онаго, приказалъ я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Шервудомъ или вслѣдъ за онымъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска, и, притворясь, вступить чрезъ Шервуда въ ихъ общество, стараться выманить секреты Вадковскаго и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣетъ въ семъ, смотря по обстоятельствамъ, или арестовать Вадковскаго и бумаги его и сообщниковъ, буде есть таковые, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

«Я получилъ рапортъ полковника Николаева, что онъ отправился 26-го ноября въ Курскъ для исполненія сего.

«Въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій, получилъ я 1-го декабря съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ генералъ-лейтенанта

Рота, поручикомъ гусарскаго принца Оранскаго полка графомъ Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора князя Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды на высочайшее имя.

«Капитанъ Майборода говоритъ въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полковаго своего командира, полковника Пестеля, въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія, дабы лучше о томъ узнать, подавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе 10 лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстны. Сіе общество даже знало предварительно, когда въ началѣ сего года посланъ былъ въ Харьковъ генералъ-маіоръ Шеншинъ для захваченія бумагъ графа Булгари. Онъ проситъ послать довѣренную особу въ квартиру роты его, липовецкаго повѣта, въ село Балабановку, которой откроетъ онъ, гдѣ сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какіе-то законы подъ именемъ Русской Правды, сочиненіемъ коихъ занимаются генералъ-интендантъ Юшневскій, полковникъ Пестель и въ С.-Петербургѣ гвардейскаго генеральнаго штаба (капитанъ) Никита Муравьевъ. (Я при семъ долженъ прибавить, что графъ Виттъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе на генералъ-интенданта первой арміи Пирогова. Шервудъ же и Майборода говорятъ про генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго и не упоминаютъ о Пироговѣ).

«Въ томъ же письмѣ проситъ Майборода представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезть его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и посему, не рѣшаясь открыться своему высшему начальству, проситъ перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себѣ опасность, намѣренъ спастись къ генералъ-лейтенанту Роту.

«Генералъ Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Майборода, явясь къ нему въ Житоміръ, объявилъ ему еще лично при просьбѣ о доставленіи открытаго упомянутаго письма[464], что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впослѣдствіи многіе отъ него отклонились, между прочимъ, командиры полковъ Украинскаго пѣхотнаго полка Бурцовъ и Казанскаго полковникъ Аврамовъ, также квартирмейстерской части полковникъ Комаровъ, и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, особливо Комаровъ (который находится нынѣ при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ и въ временномъ отпуску). Сверхъ сего объявилъ Майборода, что денщикъ полковника Пестеля Савенко, ему со-

вершенно преданный, знаетъ много подробностей и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Майборода уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣздку свою въ Житоміръ.

«По важности сихъ показаній и согласности ихъ съ трехъ разныхъ мѣстъ и въ разныя времена, казалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ; по отсутствію вашего императорскаго величества, я полагаю, буде не получу другого приказанія завтрашній день, въ который ожидаю фельдъегеря изъ С.-Петербурга, отправить генералъ-адъютанта Чернышева прямо въ Тульчинъ, гдѣ онъ, откроясь одному главнокомандующему, приступить къ должнымъ мѣрамъ для арестованія полковника Пестеля и показанныхъ бумагъ. Я увѣдомляю равно главнокомандующаго первой арміи о принятыхъ противъ прапорщика Вадковскаго мѣрахъ, и что онѣ казались тѣмъ необходимыми, что, по полученіи извѣстія, сіе зло распространено не только по второй арміи, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерійскому корпусу.

«Что же касается до чиновъ гвардейскаго корпуса, замѣшанныхъ по показаніямъ, въ семъ докладѣ объясненнымъ, то обстоятельство сіе передаю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества».

Отправляя въ Петербургъ приведенный здѣсь всеподданнѣйшій докладъ, баронъ Дибичъ написалъ еще великому князю Николаю Павловичу письмо, въ которомъ онъ обращался къ нему уже какъ къ государю; это письмо слѣдующаго содержанія:

«Въ бѣдственномъ случаѣ, насъ постигшемъ, я по вѣрноподданнѣйшей обязанности моей долженъ былъ о послѣдовавшей кончинѣ всемилостивѣйшаго государя нашего донести его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, яко старшему брату покойнаго императора, и, слѣдовательно, по существующему закону, наслѣдующему всероссійскимъ престоломъ, ибо, кромѣ сего закона, мнѣ прежде, такъ и нынѣ совершенно неизвѣстны никакія другія государственныя на сей предметъ положенія.

«Но на рапортъ мой я получилъ 4-го декабря отъ его императорскаго высочества цесаревича письмо, въ копіи при семъ прилагаемое, въ которомъ изволитъ совѣтовать мнѣ обо всѣхъ предметахъ, требующихъ высочайшихъ разрѣшеній, относиться въ С.-Петербургъ. Почему, слѣдуя тому же самому закону, я мню послѣ его императорскаго высочества цесаревича видѣть въ вашемъ императорскомъ величествѣ моего всемилостивѣйшаго государя и съ покорностію буду ожидать высочайшихъ повелѣній вашего величества, надѣясь притомъ, что ваше величество простите мнѣ, если я въ семъ необычайномъ и трудномъ положеніи моемъ сдѣлалъ какую-либо ошибку. Будучи впрочемъ совершенно покойнымъ въ совѣсти моей, ибо при семъ несчастномъ случаѣ во всѣхъ

поступкахъ моихъ я имѣлъ единственную цѣль—сохранить долгъ вѣрноподданной моей обязанности къ высочайшему престолу.

«Слѣдуя сему же самому долгу моему, я почитаю священнѣйшею обязанностію, не теряя ни малѣйшаго времени, донести вашему императорскому величеству чрезъ посылаемаго нарочнымъ лейбъ-гвардіи

Памятникъ императору Александру I въ Оренбургѣ.

Съ фотографіи.

Измайловскаго полка полковника барона Фредерикса объ одномъ чрезвычайно важномъ случаѣ, касающемся до благосостоянія и спокойствія государства и не терпящемъ никакого отлагательства.

«Изъ приложеннаго при семъ особаго доклада моего изволите усмотрѣть, всемилостивѣйшій государь, всю важность сего предмета и тѣ мѣры, къ коимъ на первый разъ я счелъ необходимымъ взять рѣ-

шимость, предавая дальнѣйшія распоряженія на волю и благоусмотрѣніе вашего величества. Тайну, въ семъ докладѣ содержащуюся, я почитаю толь великою, что не открылъ сіе и представляющему сіе вашему величеству полковнику Фредериксу, ибо, по отдаленности вашего величества и невозможности получить въ скоромъ времени вашихъ приказаній, я долженъ былъ какъ въ семъ, такъ и вообще въ принятыхъ мною по сему случаю рѣшимостяхъ слѣдовать даннымъ мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, при отправленіи лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковника Николаева, наставленіямъ».

Прочитавъ присланныя бумаги, великій князь Николай Павловичъ въ тотъ же день, 12-го (24-го) декабря, написалъ барону Дибичу:

«Полковникъ Фредериксъ пріѣхалъ сегодня поутру въ 7 часовъ и вручилъ мнѣ три пакета отъ васъ, любезный Иванъ Ивановичъ, къ государю императору адресованные. Изъ перваго письма моего къ вамъ вы извѣстились уже, что, не сговорясь между собою, мы оба, и я могу прибавить—за мною всѣ исполнили долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ[465]. Но воля его свята, и, присягнувъ ему, я долженъ свято исполнить все, что мнѣ ни повелитъ, какъ оно ни тяжело для меня, и какъ ни ужасно и ни затруднительно мое положеніе. Я еще не государь вашъ, но долженъ поступать уже какъ государь, ожидая каждую минуту разрѣшенія Константина Павловича на вступленіе мое на его мѣсто. Какъ и почему—здѣсь не мѣсто сказывать; скоро все объяснится и докажетъ, что я, прежде всего, былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстью и дѣлами. Я открылъ пакеты и въ вашемъ докладѣ видѣлъ дѣло ужасное, но которое меня не страшитъ, ибо я на все готовъ. Обязанность моя—не теряя ни минуты приступить къ дѣлу, до общаго блага касающемуся, а потому и приступлю къ назначенію мѣръ, мною принятыхъ. Въ секретѣ: генералъ Милорадовичъ, какъ военный генералъ-губернаторъ и который все здѣсь дѣлаетъ; князь Голицынъ, потому что онъ завѣдываетъ почтами и пользовался довѣріемъ покойнаго государя; генералъ Бенкендорфъ, какъ человѣкъ надежный и посредникъ по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ, бывъ военнымъ губернаторомъ и командуя полками, въ коихъ, полагать должно, можетъ быть зараза.

«Третьяго дня видѣлъ въ первый разъ графа Аракчеева. Онъ мнѣ въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ дѣлѣ, не зная, на чемъ оно остановилось, и говоря мнѣ про оное, потому что полагаетъ его весьма важнымъ.

«Я тогда же сообщилъ объ этомъ генералу Милорадовичу, который хотѣлъ видѣться съ графомъ Аракчеевымъ, но какъ графъ принялъ за правило никого у себя и нигдѣ не видѣть, даже и по службѣ, то и

не пустилъ къ себѣ Милорадовича, хотя онъ и велѣлъ сказать, что онъ отъ меня посланъ къ графу. Это было вчера[466]. Получивъ ваши бумаги, я тотчасъ увѣдомилъ о томъ графа Милорадовича и условился съ нимъ и Голицынымъ обратить непремѣнно бдительное вниманіе на нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь находящихся. Выслать на встрѣчу Булгари и Чернышеву[467] фельдъегерей, для взятія ихъ подъ арестъ за городомъ, и сюда доставить въ крѣпость. Генерала Милорадовича адъютантъ, графъ Мантейфель, поѣдетъ сегодня же на Житоміръ, въ село Балабановку, Липовецкаго повѣта, для доставленія сюда капитана Майбороды. Какъ ш.-к. Муравьевъ[468] уже уѣхалъ въ отпускъ, въ Орелъ, на четыре мѣсяца, то, для арестованія его на дорогѣ, гдѣ встрѣтится, посылается фельдъегерь къ князю Голицыну въ Москву.

«Но при томъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало или и вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по всѣмъ частямъ съ самаго ужаснаго 27-го числа; нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ либо подобномъ, и, напротивъ, можно скорѣе сказать, что почти никогда такого порядка при жизни государя здѣсь не бывало; я бы грѣшилъ предъ Богомъ и передъ самимъ собою, еслибъ говорилъ противное. Но «на Бога надѣйся и самъ не плошай» было и будетъ нашимъ правиломъ до конца, и мы не зѣваемъ.

«Теперь нужнымъ считаю ждать извѣстій: 1) отъ Чернышева; 2) отъ васъ, ибо Фредериксъ говорилъ мнѣ, что полковникъ Николаевъ ѣхалъ къ вамъ обратно. Это одно можетъ опредѣлить дальнѣйшія мѣры. Если Шервудъ сюда будетъ, мы возьмемъ мѣры, чтобъ его спрятать. Если Николаевъ не одинъ къ вамъ воротится, то нѣтъ сомнѣнія, что вся шайка догадается объ открытіи вполнѣ или отчасти заговора, а потому тогда уже нечего медлить всѣхъ ихъ забрать. Тѣ, которые здѣсь, т. е. Борисовъ и Свистуновъ, оба дураки; но ce peuvent être des instruments. За ними будутъ смотрѣть. Про Корниловича я еще ничего не узналъ.

«Какъ по всему дѣлу видно, что въ Одессѣ должно быть гнѣздо заговора, ибо здѣсь въ инспекторскомъ департаментѣ извѣстно, что Чернышевъ отпущенъ на 28 дней въ Курскъ и Одессу, то я считаю необходимымъ, чтобы вы переговорили о семъ съ графомъ Воронцовымъ, дабы и тамъ принять нужныя мѣры; во всякомъ же случаѣ не оставьте меня въ неизвѣстности о вашемъ на сей счетъ распоряженіи. Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь, подъ предлогомъ просьбы въ отставку; я за нимъ также присмотрю[469].

«Я считаю нужнымъ, любезный Иванъ Ивановичъ, чтобы вы, испросивъ приказанія государыни Елисаветы Алексѣевны, дозволитъ ли

опа открыть кабинетъ его императорскаго величества, забрали какъ можно скорѣе всѣ бумаги, въ немъ хранящіяся, и доставили ихъ ко мнѣ, наискорѣе, съ надежнымъ человѣкомъ. Сами же, если присутствіе ваше въ Таганрогѣ не необходимо, пріѣзжайте сюда, гдѣ вы весьма мнѣ нужны, и тогда вамъ нужно будетъ ѣхать на Могилевъ на Днѣпрѣ, чтобъ условиться съ генераломъ Сакеномъ о многомъ, до сего и до будущихъ обстоятельствъ касающагося, en un mot pour m'orienter: я считаю, что вы тамъ, а можетъ статься и прежде, получите извѣстіе, что все здѣсь въ порядкѣ кончено, или, иначе, я живъ не останусь. Да поможетъ намъ Богъ, къ чести отечества и нашей совѣсти, все хорошо привести къ заключенію.

«Князю Петру Михайловичу писалъ я то, что вы отъ него уже вѣрно слышали насчетъ распоряженій, касающихся до тѣла нашего ангела. Я не могъ иному и инако писать, ибо тогда не имѣлъ на то права; теперь я вамъ о томъ подтверждаю, какъ лицо полуофиціальное, но еще не вашъ государь, а вашъ искренній другъ.

«Н.»

Едва Николай Павловичъ успѣлъ окончить приведенное здѣсь письмо, какъ фельдъегерь Бѣлоусовъ прибылъ изъ Варшавы съ рѣшительнымъ отвѣтомъ цесаревича, положившимъ конецъ междуцарствію[170]. Николай Павловичъ былъ императоромъ!

Въ 9 часовъ вечера государь сдѣлалъ въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Дибичу еще слѣдующую приписку:

«Рѣшительный курьеръ воротился; послѣзавтра поутру я — или государь, или безъ дыханія. Я жертвую собой для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ съ Россіей? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнею или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный нынѣ предъ мною выполнятъ. Но если гдѣ-либо что заварится, и вы о томъ узнаете, поручаю вамъ сейчасъ ѣхать туда, гдѣ будетъ нужно ваше присутствіе. На васъ полагаюсь совершенно и впередъ разрѣшаю всѣ вами принимаемыя мѣры.

«Я вамъ послѣзавтра, если живъ буду, пришлю — самъ еще не знаю кого — съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло; вы также не оставьте меня увѣдомить о всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходить будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, и отъ васъ кого выслать, напр. Германа или такого разбора; я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю. Опять повторяю: здѣсь

у насъ о сю пору непостижимо тихо; mais le calme précède souvent l'orage.

«Довольно объ этомъ. Que la volonté de Dieu se fasse. Во мнѣ видѣть должно намѣстника и исполнителя воли покойнаго государя, а

Колонна, воздвигнутая въ Ригѣ въ память войны 1812—1814 годовъ.
Съ фотографіи.

потому я на все готовъ. Къ вамъ же навсегда буду искренно доброжелательнымъ.

«Николай.

«До вашего пріѣзда дѣла будутъ идти подъ именемъ Татищева, чрезъ Потапова, который ко мнѣ съ докладомъ ходить будетъ»[471].

Рѣшительный отвѣтъ цесаревича былъ привезенъ Бѣлоусовымъ не черезъ Ригу, а по Брестъ-Литовскому тракту, и оттого Михаилъ Па-

вловичъ въ прежней неизвѣстности все еще находился въ Ненналѣ. Николай Павловичъ немедленно послалъ за нимъ нарочнаго съ повелѣніемъ спѣшить въ Петербургъ. Такимъ образомъ, эта случайная причина замедлила возвращеніе великаго князя въ столицу, гдѣ присутствіе его, по обстоятельствамъ, становилось настоятельною необходимостью.

Теперь Николаю Павловичу предстояло заняться составленіемъ манифеста; нужно было объяснить необъяснимое, а это представляло задачу не легкую. Карамзинъ и Сперанскій были привлечены къ этой работѣ.

Карамзинъ предлагалъ начать манифестъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердецъ нашихъ, пораженныхъ столь незапною кончиною государя императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христіане, смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить Его, да, пославъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго великаго монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

«Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику престола, согласно съ уставомъ блаженныя памяти родителя нашего, государя императора Павла Петровича, старѣйшему брату нашему, государю цесаревичу, великому князю Константину Павловичу.»

Карамзинъ пишетъ: «Государь Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, насъ, императорскій нашъ домъ и любезное отечество наше объявшей, въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата нашего, мы лишились отца и государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго.

«Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27-й день ноября мѣсяца до насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій мы,

укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату нашему, государю цесаревичу и великому князу Константину Павловичу, яко законному по праву первородства наслѣднику престола всероссійскаго...» и проч.

«Заключеніе предлагалъ я такое, продолжаетъ Карамзинъ:

«И мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами вѣнценосца! Да будетъ наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истинными просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ! Да будетъ престолъ нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный, тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и ревность, и надежду стяжать благословеніе Божіе, и любовь народа Россійскаго».

«Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, пишетъ Карамзинъ,—видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

«Наконецъ мы призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ намъ силы къ понесенію бремени, святымъ Промысломъ Его на насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія наши жить единственно для отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами государя. Да будетъ царствованіе наше токмо (у меня: только) продолженіемъ царствованія его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ насъ и ревность, и надежду стяжать благословеніе Божіе, и любовь народовъ нашихъ» (вмѣсто: любовь народа Россійскаго).

«Одинъ Богъ знаетъ, замѣчаетъ въ заключеніе Карамзинъ, — каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю въ хорошемъ смыслѣ»[472].

Императоръ Николай подписалъ манифестъ въ воскресенье 13-го (25-го) декабря, но помѣтилъ его 12-мъ числомъ, какъ днемъ, въ который вопросъ о его воцареніи окончательно рѣшился отвѣтомъ цесаревича.

Манифестъ предполагалось хранить въ тайнѣ до пріѣзда великаго князя Михаила Павловича. Войска рѣшено было привести къ присягѣ 14-го декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ разосланы были повѣстки членамъ Государственнаго Совѣта, по которымъ они призывались въ воскресенье, 13-го декабря, въ 8 часовъ вечера, въ секретное общее собраніе.

Когда Государственный Совѣтъ собрался въ назначенный часъ, князь Лопухинъ объявилъ, что въ это засѣданіе имѣютъ прибыть великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи. Часы проходили въ томительномъ ожиданіи; приближалась полночь, а ожидавшійся пріѣздъ Михаила Павловича не послѣдовалъ. Тогда Николай Павловичъ рѣшился прибыть въ засѣданіе одинъ. Занявъ мѣсто предсѣдателя, великій князь началъ самъ читать манифестъ о принятіи имъ императорскаго сана вслѣдствіе настоятельныхъ отреченій отъ него цесаревича Константина Павловича. Затѣмъ государь повелѣлъ прочесть рескриптъ цесаревича на имя князя Лопухина[473].

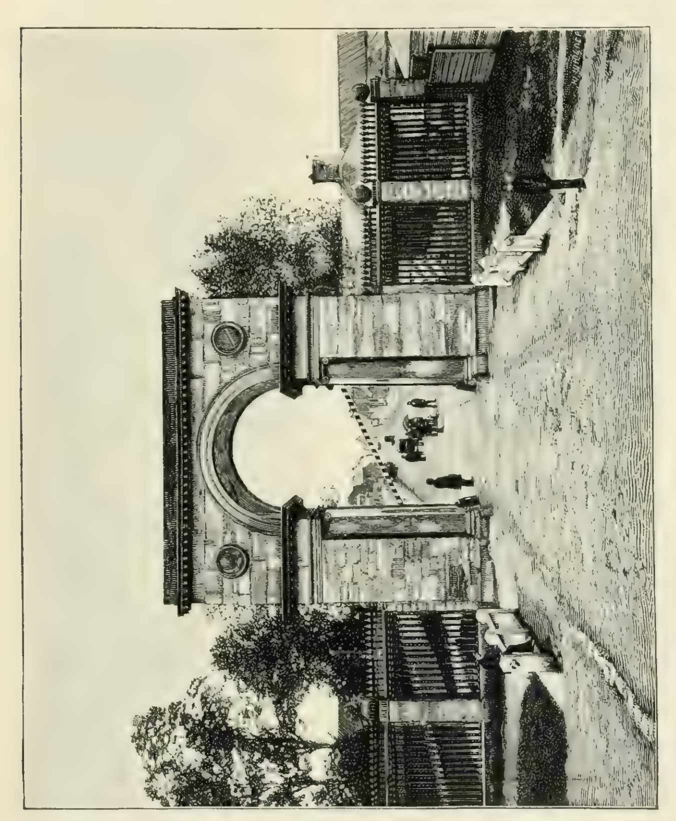
Наступило 14-е (26-е) декабря 1825 года. Въ этотъ день предназначено было собраться въ Зимній дворецъ на молебствіе лицамъ, ко двору пріѣздъ имѣвшимъ, сперва къ одиннадцатому часу, а потомъ, по вторичнымъ повѣсткамъ, ко второму. Но обстоятельства заставили отложить молебствіе еще до болѣе поздняго часа.

Члены тайнаго общества рѣшили воспользоваться концомъ междуцарствія и предстоявшей новой присягой, чтобы вызвать въ войскахъ смуту и низвергнуть существующій въ Россіи порядокъ. Таинственность, въ которую были облечены переговоры съ Варшавою, подала поводъ къ разнымъ толкамъ и предположеніямъ, къ распространенію ложныхъ слуховъ, возбуждавшихъ тревогу и въ обществѣ, и, въ особенности, въ казармахъ; все это благопріятствовало начинаніямъ и замысламъ заговорщиковъ.

Единственнымъ исходомъ изъ положенія, созданнаго Николаемъ Павловичемъ въ минуту рыцарскаго воодушевленія, «несомнѣнно благороднаго, но, быть можетъ, не совсѣмъ разумнаго»[474], являлся пріѣздъ въ Петербургъ цесаревича Константина Павловича съ цѣлью гласнаго и торжественнаго отреченія отъ престола въ столицѣ. Но цесаревичъ наотрѣзъ отказался отъ этого способа вывести брата изъ затруднительнаго положенія, въ которое тотъ самъ себя поставилъ: Константинъ Павловичъ полагалъ, что не ему надлежитъ терпѣть отъ послѣдствій совершенной не имъ неосторожности, опасность которой была бы предотвращена, если бы не поторопились и обратились предварительно къ нему за совѣтомъ или даже за приказаніями. Введенные въ обманъ нижніе чины нѣкоторыхъ частей гвардіи отказались отъ присяги императору Николаю Павловичу и собра-

лись на Петровской площади, передъ зданіемъ Сената, являясь какъ бы защитниками законныхъ правъ на престолъ цесаревича Константина Павловича.

Между тѣмъ знатныя обоего пола особы начинали съѣзжаться въ Зимній дворецъ. Среди общаго движенія, происходившаго во дворцѣ,

Ворота, воздвигнутыя въ Ригѣ въ честь императора Александра I.

Съ фотографіи.

въ сторонѣ неподвижно сидѣли три магната, «какъ три монумента», пишетъ Карамзинъ: князь Лопухинъ, графъ Аракчеевъ и князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Въ то время, какъ военные всѣ уходили на площадь, графъ Аракчеевъ, какъ и слѣдовало ожидать, предпочелъ остаться во дворцѣ. «На него жаль было смотрѣть», пишетъ въ своихъ запискахъ В. Р. Марченко.

Мятежники упорствовали долго и не уступали увѣщаніямъ; графъ Милорадовичъ палъ смертельно раненый. Начинало уже смеркаться. Тогда императоръ Николай, убѣдившись наконецъ въ невозможности смирить непокорныхъ безъ кровопролитія, повелѣлъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, дѣйствовать артиллеріи. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ рѣшили участь дня, мятежники разсѣялись, и спокойствіе разомъ водворилось въ столицѣ.

Возвѣщенное во дворцѣ молебствіе могло начаться только въ половинѣ седьмого. Войска бивуакировали вокругъ дворца.

«Дорогой, дорогой Константинъ, написалъ въ тотъ же вечеръ государь цесаревичу,—ваша воля исполнена: я—императоръ, но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ!» (Cher, cher Constantin! Votre volonté est faite, je suis empereur, mais à quel prix, grand Dieu, au prix du sang de mes sujets!).

Въ ту же ночь начались аресты и допросы предводителей мятежа.

И такъ, въ смутахъ 14-го декабря грозно отозвалось 19-е ноября 1825 года. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давно прошедшихъ, пишетъ князь П. А. Вяземскій.

По словамъ Карамзина, Россія въ сей день была спасена отъ такого бѣдствія, «которое если не разрушило, то конечно бы истерзало ее».

«Если буду императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ», такъ говорилъ Николай Павловичъ утромъ 14-го декабря собраннымъ въ Зимнемъ дворцѣ начальникамъ гвардейскихъ полковъ и въ этотъ грозный день торжественно оправдалъ первое свое державное слово.

Въ Москвѣ, послѣ присяги императору Константину, ждали извѣстій о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Петербургѣ. Возбужденіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества было чрезвычайное, и толкамъ не было конца. «Не забуду никогда одного бывшаго въ то время разговора о томъ, сказано въ запискахъ одного современника,—что нужно сдѣлать въ Москвѣ въ случаѣ полученія благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ бесѣдахъ князь Николай Ивановичъ Трубецкой, адъютантъ графа П. А. Толстого, тогда командовавшаго корпусомъ, расположеннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, брался доставить своего начальника, связаннаго по рукамъ и по ногамъ (avec les mains et les jambes liées)[475]. Предположеніямъ и преніямъ не было конца, а мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступилъ 1789 годъ»[476].

Хотя послѣ 14-го декабря въ Москвѣ, а также и въ Россіи, все было тихо и спокойно, но толки продолжались. Извѣстія изъ Петербурга передавались самыя странныя и одно другому противорѣчащія.

То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то разсказывали, что вторая армія не присягаетъ, идетъ на Москву и тамъ намѣревается провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. «Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, разсказываетъ современникъ, — что Москва или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ».

Взглядъ цесаревича Константина Павловича на событія въ Петербургѣ, приведшія ко дню 14-го декабря, отразился всего лучше въ слѣдующихъ строкахъ великаго князя, посланныхъ князю Волконскому изъ Варшавы 24-го января 1826 года:

«Воля покойнаго государя императора какъ при жизни его, такъ и по кончинѣ, была и будетъ всегда для меня священна: я слѣдовалъ и слѣдую оной такъ точно, какъ бы благодѣтель нашъ еще теперь здравствовалъ,—неизгладимая память о немъ останется въ сердцѣ моемъ до конца дней моихъ. Послѣ кончины его, нѣкоторая поспѣшность была, можетъ быть, поводомъ случившимся несчастнымъ происшествіямъ, въ которыхъ, къ прискорбію моему, имя мое выставлялось на видъ, чего иначе, вѣроятно, не могло бы случиться, и посему я нахожусь въ такомъ положеніи, что до времени не могу еще явиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь, благодаря Бога, все тихо и спокойно: около же насъ порядочныя были завирушки. По симъ обстоятельствамъ, правду сказать, мой теперь здѣсь постъ жутковатоватъ, но воля Божія: надѣюсь на Всевышній Его Промыслъ!»[477]

Событія 14-го (26-го) декабря застали графа Ростопчина уже страдающимъ отъ болѣзни, которая вскорѣ свела его въ могилу[478]. Узнавши о нихъ, онъ сказалъ: «Обыкновенно сапожники устраиваютъ революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками»[479].

Эти слова были лебединою пѣснью неистощимаго острословія и злословія, которыми отличались изреченія графа Ростопчина.

Императоръ Николай далъ разслѣдованію по тайнымъ обществамъ— Южному, Сѣверному, Соединенныхъ славянъ и Польскому — возможную гласность; затѣмъ все дѣло было передано верховному уголовному суду, который долженъ былъ постановить приговоръ относительно главнѣйшихъ участниковъ заговора въ числѣ 121 человѣка.

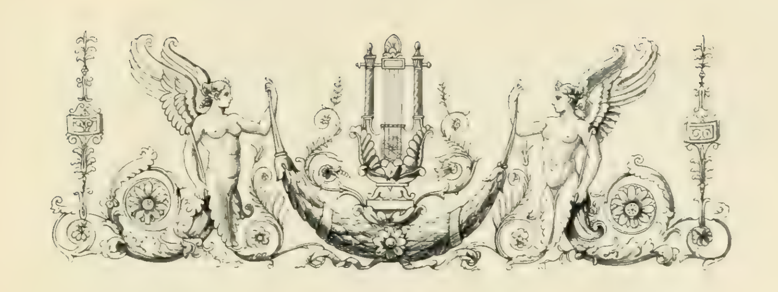
Одинъ изъ современниковъ высказалъ по поводу событій, сопровождавшихъ день 14-го декабря, слѣдующія мысли: «Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ, русскихъ и поляковъ — и не исчезнетъ ли преступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался государь, коему не

должно было сопротивляться безъ преступленія? По любви къ государю и къ его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблудшихъ. Если вслѣдъ за нимъ блуждали и другіе, то какъ не принять кончину его какъ средство, которое само Провидѣніе давало милости и правосудію человѣческому»[480].

Суровая дѣйствительность совершенно не соотвѣтствовала этимъ краснорѣчивымъ разсужденіямъ. Изъ подсудимыхъ: Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ, Пестель и Каховскій были казнены смертью, а остальные члены тайныхъ обществъ, привлеченные къ суду, сосланы были въ Сибирь и въ другія мѣста заточенія.

Никто не ожидалъ такого исхода. Во все царствованіе Александра не было ни одной смертной казни, и ее считали вполнѣ отмѣненною. «Описать или словами передать ужасъ и уныніе, которые овладѣли всѣми, нѣтъ возможности», пишетъ современникъ и свидѣтель этихъ впечатлѣній въ 1826 году въ Москвѣ[481]. Это настроеніе отразилось на коронаціонныхъ торжествахъ. Императоръ Николай былъ чрезвычайно мраченъ; будущее являлось болѣе чѣмъ грустнымъ и тревожнымъ. Все это рѣзко отличалось отъ восторговъ и надеждъ, сопровождавшихъ коронацію 1801 года.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОКА ВО ВРЕМЯ междуцарствія въ Петербургѣ рѣшался вопросъ о престолонаслѣдіи, тѣло императора Александра оставалось въ Таганрогѣ, ожидая перевозки къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Неудивительно, что среди исключительныхъ обстоятельствъ тогдашняго времени всякія распоряженія по этому дѣлу отсутствовали. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ безмолвствовалъ, указывая только на Петербургъ, какъ на источникъ высочайшей воли. Въ Петербургѣ же полагали, что цесаревичъ либо выѣхалъ въ Таганрогъ, либо слѣдуетъ въ столицу[482]. Наконецъ, 3-го (15-го) декабря великій князь Николай Павловичъ положилъ конецъ недоумѣніямъ князя Волконскаго, написавъ ему слѣдующее письмо:

«Письмо матушки[483], любезный Петръ Михайловичъ, достаточно васъ увѣдомитъ о причинахъ, побудившихъ насъ всѣхъ просить чрезъ нее государыню императрицу рѣшить самой все, что касается до тѣла нашего ангела: кому, если не ей принадлежитъ

собственность сихъ драгоцѣнныхъ останковъ нашего отца, кому-жъ, если не ей рѣшить все, что въ силахъ будетъ сама рѣшить. Но такъ какъ ея рѣшеніе можетъ касаться только до общихъ распоряженій, то на васъ остается тяжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего ангела распоряженій.

«Потому беру я на себя[184] просить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ главнокомандующимъ и съ прочими мѣстами, съ коими нужно будетъ, довольствуясь прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣрахъ, разрѣшая напередъ все, что найдете приличнымъ. Для сего, а равно и для увѣдомленія, что императрица изволитъ рѣшить касательно отъѣзда, дороги и времени прибытія сюда, равно и что самой государынѣ заблагоразсудится дѣлать, прошу сейчасъ присылать мнѣ увѣдомленіе; всѣ же сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣлать непосредственно чрезъ меня. Дабы быть всегда извѣстному какъ о здоровьи государыни, такъ и объ вашихъ распоряженіяхъ, нужнымъ считаю просить присылать увѣдомленіе, по крайней мѣрѣ, черезъ два дня. Государь предоставилъ мнѣ всѣ по оному распоряженія.

«Статья важная, и которую сама государыня изволитъ рѣшить, есть, везти ли тѣло отца нашего на Москву или иной дорогой; ей одной должно и можно сіе рѣшить. Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ извѣстій — повторяю, помните, кого храните и чей государь онъ былъ! Скорѣе много, чѣмъ мало, вотъ мое мнѣніе.

«Вамъ искренно доброжелательный

«Николай.

«Къ вамъ ѣдетъ Реадъ, я рѣшился его отпустить къ вамъ[485]. Ждемъ послѣднихъ повелѣній государя, послѣ которыхъ всѣ свободные генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты просятъ ѣхать на встрѣчу и провожать тѣло нашего ангела»[486].

Черезъ день, 5-го (17-го) декабря, великій князь Николай Павловичъ по тому же поводу писалъ князю Волконскому:

«Въ дополненіе послѣдняго моего письма, любезный Петръ Михайловичъ, нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что съ разрѣшенія матушки всѣ флигель-адъютанты государя, не находящіеся при войскахъ, и генералъ-адъютантъ Трубецкой, какъ одинъ здѣсь безъ должности находящійся, получили повелѣніе отправиться и явиться къ вамъ для нахожденія при тѣлѣ нашего ангела. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, хотя безъ должности, но находящійся въ Совѣтѣ, гдѣ присутствіе его необходимо, остается здѣсь, равно какъ и прочіе генералъ- и флигель-адъютанты до особаго повелѣнія государя императора. Извѣстія отъ его величества нами ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо все

зависитъ отъ него одного. Ежели мы здѣсь долго останемся безъ его повелѣній или въ безъизвѣстности его рѣшенія, будетъ ли или не будетъ ли сюда, мы не будемъ въ состояніи отвѣчать здѣсь за поддержаніе нынѣшняго порядка и устройство и тишины, которыя, благодаря Бога, совершенны и поразительны не только для чужестранныхъ, но, признаюсь, и для насъ самихъ. Михайло Павловичъ, пріѣхавшій третьяго дни съ извѣстіемъ изъ Варшавы, что государь изволитъ уже быть извѣстенъ о несчастномъ вашемъ донесеніи, ничего не привезъ рѣшительнаго и потому отъ матушки возвращенъ въ Варшаву сего же дни, съ неотступною ея просьбою пожаловать сюда, гдѣ его присутствіе необходимо.

«Извѣстія ваши объ здоровіи государыни Елисаветы Алексѣевны насъ крайне безпокоятъ, хотя ея величество и изволила сама писать къ матушкѣ рукою, кажущеюся тверже послѣдняго письма; обороня насъ Боже втораго несчастія.

«Здоровье матушки хорошо, важность обстоятельствъ развлекаетъ полезнымъ образомъ ея мысли и не даетъ предаваться совершенно одному горю. Богъ милостивъ.

«Прощайте, да хранитъ васъ Богъ, и молите Его, и чтобъ насъ не покинулъ.

«Вашъ искренній

«Николай».

По полученіи письма великаго князя Николая Павловича, князь Волконскій 14-го (26-го) декабря отвѣчалъ:

«Прибывшій сюда 12-го декабря вечеромъ изъ С.-Петербурга адъютантъ мой, г. Реадъ, вручилъ мнѣ всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго высочества, коимъ изволите увѣдомлять, что всѣ флигель-адъютанты и генералъ-адъютантъ князь Трубецкой получили повелѣніе отправиться сюда для нахожденія при тѣлѣ покойнаго государя императора. Принося вашему императорскому высочеству мою наичувствительную благодарность за таковое извѣщеніе, полагаю поручить генералъ-адъютанту князю Трубецкому главное начальство при сопровожденіи тѣла, а флигель-адъютанты въ то же время будутъ отправлять дежурство по очереди.

«Зная важность теперешнихъ обстоятельствъ, весьма понимаю нетерпѣніе, въ какомъ должны находиться ваше императорское высочество отъ неприбытія еще государя императора въ С.-Петербургъ; я надѣюсь, что Всевышній Богъ поможетъ милостію Своею вашему императорскому высочеству поддержать существующій порядокъ, устройство и тишину, и что всѣ вѣрноподданные его императорскаго величества всячески стараться будутъ сохранить оныя вполнѣ.

«Здоровье государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны очень насъ безпокоитъ частою перемѣною и всегда менѣе къ лучшему. Г. лейбъ-медикъ Стофрегенъ еще сегодня увѣрялъ меня, что онъ находитъ ея величество лучше, и что прежде чувствуемыхъ припадковъ она болѣе не имѣетъ; напротивъ того, получила отъ скорби обыкновенные нервическіе припадки, которые, по его мнѣнію, не подаютъ никакого безпокойствія, и надѣется, что съ помощью Божіею современемъ совсѣмъ пройдутъ.

«Пользуясь симъ случаемъ, осмѣливаюсь отнестись къ вашему императорскому высочеству объ испрошеніи высочайшаго разрѣшенія на слѣдующій порядокъ, необходимый для собственнаго моего огражденія. При жизни покойнаго государя императора на всѣ расходы, какъ въ путешествіи, такъ и въ пребываніе въ Таганрогѣ, отпускалась мнѣ отъ министра финансовъ довольно значительная сумма, изъ коей повелѣно было мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ вести расходъ на слѣдующемъ основаніи: всѣ издержки, касающіяся до стола какъ ихъ императорскихъ величествъ, такъ кавалерскаго и людского, и по должностямъ: мундшенкской, кофишенкской и тафельдекерской, относить на счетъ придворной конторы, издержки по содержанію лошадей и починку экипажей—на счетъ придворной конюшенной конторы, о каковыхъ счетахъ, по возвращеніи двора въ С.-Петербургъ, сообщить г. министру финансовъ для вычета издержанныхъ здѣсь денегъ изъ отпускаемыхъ ежегодно суммъ на содержаніе двора; всѣ прочія же издержки, какъ-то: наемъ квартиръ и экипажей для свиты и на разныя постройки, передѣлки и починки, какъ по дворцу, такъ и по кавалерскимъ домамъ расходовать изъ суммъ казначейскихъ. Я продолжаю нынѣ вести всѣ таковые расходы на томъ же основаніи; но какъ за смертью покойнаго государя императора обстоятельства измѣнились, почему и нужно мнѣ имѣть необходимо высочайшее рѣшеніе, какъ въ семъ случаѣ поступать: на прежнемъ ли основаніи, или будетъ сдѣлано вновь какое либо другое положеніе, о чемъ всепокорнѣйше прошу меня увѣдомить».

Императоръ Александръ, въ предвидѣніи близкой кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны, взялъ съ собою при отъѣздѣ въ Таганрогъ церемоніалъ погребенія императрицы Екатерины II, вѣроятно, чтобы въ случаѣ надобности, соображаясь съ нимъ, начертать самому весь порядокъ похоронъ. Но судьба распорядилась иначе! Послѣ кончины императора Александра этотъ церемоніалъ найденъ былъ между его бумагами и пригодился князю Волконскому и барону Дибичу для всѣхъ необходимыхъ распоряженій, вызванныхъ столь неожиданнымъ событіемъ, и къ которымъ они не знали какъ приступить.

11-го (23-го) декабря тѣло императора Александра было перенесено изъ дворца въ соборъ Александровскаго монастыря и поставлено

Во второй части настоящаго труда, на стр. 136—138 подробно разсказано о свиданіи императора Наполеона въ 1805 году съ генералъ-адъютантомъ княземъ Петромъ Петровичемъ Долгоруковымъ, который, возвратясь въ союзную главную квартиру, своимъ донесеніемъ имѣлъ роковое вліяніе на рѣшеніе атаковать непріятеля, приведшее къ Аустерлицкому пораженію. Мы тщетно старались отыскать портретъ князя Долгорукова, не воспроизведеннаго ни въ гравюрѣ, ни въ литографіи; въ настоящее время мы можемъ восполнить этотъ пробѣлъ, помѣщая портретъ его, гравированный на деревѣ, съ фотографіи снятой, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича, съ находящагося у Его Высочества современнаго портрета, писаннаго масляными красками.

Князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ.

Съ портрета масляными красками, находящагося у Е. И. В. Великаго Князя Николая Михайловича.

Памятникъ императору Александру I въ Грузинѣ.
Съ фотографіи.

на устроенномъ тамъ катафалкѣ, подъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ императорскою короною. Въ соборѣ ежедневно совершалось архіерейское служеніе, а поутру и ввечеру панихиды. Тамъ тѣло оставалось до 29-го декабря 1825 года (10-го января 1826 года). Въ этотъ день печальная процессія двинулась изъ Таганрога на дальній сѣверъ.

«Вчерашній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ», писалъ князь Волконскій 30-го декабря цесаревичу Константину Павловичу, «ибо на вѣки разстались съ отцемъ нашимъ, въ Бозѣ почивающимъ покойнымъ государемъ императоромъ. Не могу описать вашему императорскому высочеству той минуты, въ которую принесено послѣднее поклоненіе праху его, и чувствъ горести и скорби, всѣми ощущаемыхъ. Въ 10 часовъ утра, послѣ литургіи и панихиды, кортежъ выступилъ отсюда съ тою же церемоніею, какая была при переносѣ тѣла изъ дворца въ монастырь. Народъ сопровождалъ по всей дорогѣ до самаго ночлега и даже изъ стороннихъ деревень. Вдовствующая государыня императрица Елисавета Алексѣевна изволила присутствовать при послѣдней панихидѣ и прощалась съ тѣломъ любезнѣйшаго ея супруга, съ коимъ вѣчная разлука не могла не подѣйствовать на весьма ослабленное уже отъ скорби и прежней болѣзни ея здоровье»[487].

Послѣ выступленія печальной процессіи изъ Таганрога, 31-го декабря 1825 года (12-го января 1826 года), императрица Елисавета Алексѣевна писала своей матери:

«Всѣ земные узы порваны между нами! Тѣ, которыя образуются въ вѣчности, будутъ уже другія, конечно, еще болѣе пріятныя, но, пока я еще ношу эту грустную, бренную оболочку, больно говорить самой себѣ, что онъ уже не будетъ болѣе причастенъ моей жизни здѣсь, на землѣ. Друзья съ дѣтства, мы шли вмѣстѣ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ. Мы вмѣстѣ пережили всѣ эпохи жизни. Часто отчужденные другъ отъ друга, мы тѣмъ или другимъ образомъ снова сходились; очутившись наконецъ на истинномъ пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. Въ это-то время она была отнята отъ меня! Конечно, я заслуживала это, я не достаточно сознавала благодѣяніе Бога, быть можетъ, еще слишкомъ чувствовала маленькія шероховатости. Наконецъ, какъ бы то ни было, такъ было угодно Богу. Пусть Онъ соблаговолитъ позволить, чтобы я не утратила плодовъ этого скорбнаго креста— онъ былъ ниспосланъ мнѣ не безъ цѣли. Когда я думаю о своей судьбѣ, во всемъ ходѣ ея я узнаю руку Божію»[488].

По тому же поводу князь Волконскій писалъ императору Николаю 4-го (16-го) января 1826 года:

«Насчетъ сопровожденія онаго (т. е. тѣла императора Александра) я былъ въ большомъ затрудненіи по неприбытію сюда никого изъ С.-Петербурга; изъ генералъ-адъютантовъ, графъ Ожаровскій не бывалъ по сіе время; графъ Ламбертъ хотя и находится здѣсь, то какъ онъ не нашего исповѣданія, то государынѣ императрицѣ угодно было приказать потребовать генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, коему изволила сама поручить драгоцѣнные останки покойнаго супруга своего, въ надеждѣ, что ваше императорское величество благоволите утвердить

сдѣланный ея величествомъ выборъ и позволите графу Орлову-Денисову довершить до С.-Петербурга возложенное на него порученіе [189].

Предъ выступленіемъ изъ Таганрога печальнаго кортежа императрица Елисавета Алексѣевна призвала къ себѣ Д. К. Тарасова и сказала ему:

— «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Печальная процессія двинулась изъ Таганрога чрезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу въ Москву. Начальствовавшій надъ церемоніею и войсками, составлявшими эскортъ, графъ Орловъ-Денисовъ наблюдалъ вездѣ, какъ пишетъ Тарасовъ, строгій порядокъ и военную дисциплину. На козлахъ колесницы постоянно сидѣлъ лейбъ-кучеръ покойнаго государя Илья Байковъ. Всѣ ночлеги были въ селахъ или городахъ, такъ что гробъ всегда ночевалъ въ церквахъ. Усердіемъ жителей сооружались великолѣпные катафалки. Въ каждой епархіи на границѣ встрѣчалъ архіерей съ духовенствомъ всего уѣзда и смѣняли духовенство предшествовавшей губерніи. Въ городахъ войска выстраивались шпалерами, и, гдѣ была артиллерія, во время слѣдованія процессіи производилась пальба. У колесницы народъ нерѣдко отпрягалъ лошадей и везъ ее на себѣ. Переѣзды были обыкновенно не болѣе пятидесяти верстъ. На границѣ каждой губерніи останавливались въ полѣ, и губернаторъ одной губерніи передавалъ церемоніалъ губернатору другой, который и провожалъ процессію черезъ свою. На всемъ пути, даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими массами; въ городахъ, а въ особенности въ губернскихъ, стеченіе народа принимало обширные размѣры. Не было недостатка и въ разныхъ нелѣпыхъ слухахъ, которые, какъ говоритъ Тарасовъ, распространялись среди народа неблагонамѣренными людьми и вызывали со стороны графа Орлова-Денисова принятіе необходимыхъ мѣръ предосторожности. Такъ, напримѣръ, когда шествіе приближалось къ Тулѣ, то донесли, что фабричные намѣреваются вскрыть гробъ; но все обошлось благополучно. Оружейники просили только отпречь лошадей и везти колесницу до города на разстояніи пяти верстъ.

Тарасовъ пишетъ: «Кромѣ личнаго повелѣнія, даннаго мнѣ императрицею въ Таганрогѣ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостію тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо повременамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи графа, производились въ полночь пять разъ.

и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о цѣлости тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ градусовъ по Реомюру, тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и поваренною солью, для поддержанія холода»[490].

3-го (15-го) февраля 1826 года печальная процессія прибыла къ Москвѣ. На протяженіи версты отъ Подольской заставы, по обѣимъ сторонамъ дороги, были выстроены войска, пѣхота и кавалерія, съ заряженными ружьями. Въ Коломенскомъ гробъ поставленъ былъ на парадную колесницу, приготовленную въ Москвѣ. Тамъ прежнихъ лошадей замѣнили восемью придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокимъ трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. При этомъ случилось, по словамъ Тарасова, слѣдующее происшествіе. «По смѣнѣ въ колесницѣ лошадей, лейбъ-кучеръ покойнаго императора, Илья Байковъ, поспѣшилъ и на новой парадной колесницѣ занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ трау́рѣ лейбъ-кучеръ подходитъ къ нему и проситъ его уступить мѣсто: Илья Байковъ положительно и настойчиво отказываетъ ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ унтеръ-шталмейстеръ и приказываетъ Байкову оставить мѣсто; Байковъ не повинуется приказанію. Наконецъ, это упорство Байкова доведено было до свѣдѣнія самого князя Голицына (московскаго генералъ-губернатора), который приказалъ было удалить Байкова силою, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байковъ, въ чувствѣ преданности къ императору, отвѣчалъ:

— «Я возилъ императора слишкомъ тридцать лѣтъ и хочу служить ему до его могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить».

«Князь Голицынъ, тронутый такою преданностью, приказалъ оставить Байкова на козлахъ».

Вступленіе шествія въ Москву совершилось въ должномъ порядкѣ по распоряженіямъ печальной коммиссіи, бывшей подъ начальствомъ князя Николая Борисовича Юсупова. Гробъ поставленъ былъ на катафалкѣ въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ царей русскихъ. Стеченіе народа для поклоненія гробу императора было громадное. Въ виду тревожныхъ слуховъ, распространившихся въ Москвѣ, полиціею были приняты дѣятельныя и строгія мѣры предосторожности для предупрежденія безпорядковъ и смутъ. Въ 9 часовъ запирали ворота въ Кремль, и у каждаго входа стояли заряженныя орудія. Пѣхота расположилась въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада въ экзерциргаузѣ

съ осѣдланными лошадьми. По городу всю ночь ходили военные патрули. Однако, ни малѣйшаго шума или безпорядка не было замѣчено[491].

Въ день выступленія печальнаго кортежа изъ Москвы, 6-го (18-го) февраля, архіепископъ Филаретъ сопровождалъ гробъ за Тверскую заставу до Петровскаго дворца, гдѣ онъ совершилъ со всѣмъ московскимъ духовенствомъ послѣднюю литію. Затѣмъ шествіе направилось черезъ Тверь и Новгородъ въ Царское Село.

На границѣ Новгородской губерніи на встрѣчу печальному шествію, по обыкновенію, выѣхалъ епархіальный архіерей; при немъ находился архимандритъ Фотій. На ночлегахъ, по ночамъ, Евангеліе при гробѣ императора большею частію читалъ Фотій. По разсказу Тарасова, тутъ же къ кортежу присоединился графъ Аракчеевъ, «который своимъ рыданіемъ и слезами выказалъ все свое чувство столь важной для него потери». При въѣздѣ въ Новгородъ всѣми войсками командовалъ графъ Аракчеевъ. Гробъ поставленъ былъ въ Софійскомъ соборѣ на великолѣпномъ катафалкѣ, устроенномъ стараніями безъ лести преданнаго графа[492].

При выступленіи изъ города, графъ Аракчеевъ хотѣлъ стать на колесницу, но флигель-адъютанты сначала его не допустили, а когда онъ испросилъ на это позволеніе графа Орлова-Денисова, то они все-таки настояли, чтобы удержать за собою правую сторону, а графъ Аракчеевъ стоялъ одинъ на лѣвой сторонѣ[493].

Въ Новгородѣ графъ Орловъ-Денисовъ получилъ отъ верховнаго маршала печальной комиссіи въ Петербургѣ, князя Алексѣя Борисовича Куракина, увѣдомленіе, извѣщавшее о всѣхъ приготовленіяхъ въ столицѣ для встрѣчи и принятія печальной процессіи; вмѣстѣ съ тѣмъ потребовано было подробное и самое обстоятельное донесеніе о положеніи и цѣлости тѣла императора. Вслѣдствіе этого Д. К. Тарасовъ и просилъ графа Орлова, по выступленіи изъ Новгорода, произвести послѣднее до Царскаго Села освидѣтельствованіе тѣла. Оно произведено было на второмъ переходѣ отъ Новгорода, въ присутствіи графа Аракчеева, подписавшаго вмѣстѣ съ прочими актъ освидѣтельствованія, который и отправили къ князю Куракину въ Петербургъ.

26-го февраля (10-го марта) тѣло императора Александра прибыло въ Тосну. Тамъ встрѣтила его императрица Марія Θеодоровна. «Кто опишетъ горесть матери? Она лишилась сына, и какого сына!» читаемъ въ современныхъ описаніяхъ.

До прибытія печальнаго шествія въ Царское Село императоръ Николай поручилъ Вилліе осмотрѣть тѣло покойнаго государя. Это исполнено было въ Бабинѣ. Въ запискѣ, представленной вслѣдствіе этого, Вилліе говоритъ:

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сего 26-го февраля, въ 7 часовъ пополудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіемъ сѣрнисто-водороднаго газа, обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершенной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ, до прибытія въ Царское Село»[494].

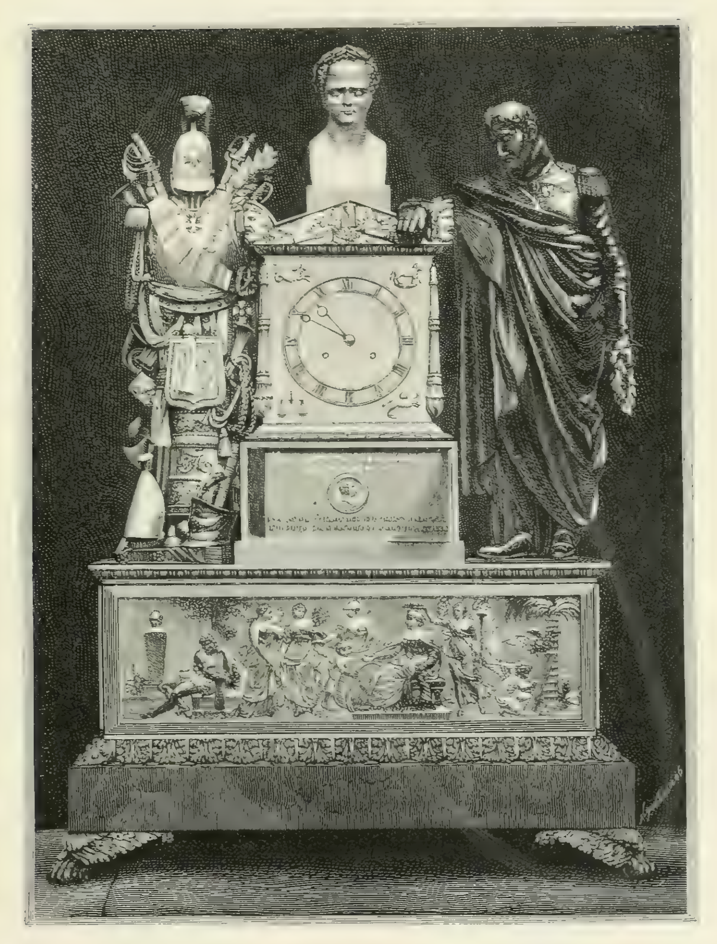
При вскрытіи гроба присутствовалъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что при семъ случаѣ удостоился приложиться къ образу, который императоръ Александръ всегда носилъ на себѣ, и поцѣловалъ его руку[495].

28-го февраля (12-го марта) печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай выѣхалъ навстрѣчу шествію; его сопровождали великій князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Вильгельмъ Прусскій, принцъ Оранскій и первые чины двора. Тамъ же находились также царскосельскіе жители съ духовенствомъ и крестьяне царскосельскаго дворцоваго вѣдомства. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь, пишетъ Тарасовъ. «Сошедъ съ коляски, императоръ, приближаясь къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, вошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу; императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ.

«1-го (13-го) марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему, разсказываетъ Тарасовъ.—Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

«— Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?»

«Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобъ въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

Часы въ Грузинѣ въ память императора Александра I.

Съ фотографіи.

Въ 11½ часовъ вечера священникъ и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ, внѣ оной, поставлены были часовые: остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ,

на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

«По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ попрежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія».

Прусскій генералъ Герлахъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что при вскрытіи гроба императора Александра присутствовалъ также принцъ Вильгельмъ. По его разсказу, императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il a maigri». Трижды возвращалась она къ гробу и подходила къ тѣлу. Принцъ Вильгельмъ, по свидѣтельству Герлаха, былъ также глубоко потрясенъ видомъ усопшаго императора[496].

5-го (17-го) марта тѣло императора Александра было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму и поставлено въ церкви дворца. По разсказу Тарасова, «въ двѣнадцатомъ часу вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ церковномъ обрядѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежняго деревяннаго гроба въ свинцовомъ гробѣ переложено въ новый бронзовый великолѣпный гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ въ гробѣ, въ ногахъ, а ваза съ сердцемъ у самаго тѣла съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобранъ и распиленъ и со всѣми принадлежностями въ кускахъ помѣщенъ былъ въ новый».

Графъ Комаровскій пишетъ по этому поводу: «Переложеніе это было дѣлано одними только генералъ-адъютантами, бывшими при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился».

6-го (18-го) марта шествіе двинулось изъ Чесменскаго дворца въ Петербургъ. День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За гробомъ слѣдовали императоръ Николай, великій князь Михаилъ Павловичъ, чужестранные принцы, герцогъ Веллингтонъ и многочисленная свита, всѣ въ черныхъ шляпахъ и плащахъ.

«О печальной церемоніи нужно сказать», пишетъ очевидецъ, «что она была исполнена въ послѣдній разъ по церемоніалу, соблюдавше-

муся со временъ Петра Великаго, когда была цѣликомъ заимствована изъ нѣмецкихъ церемоніаловъ Германіи. И чего только не было въ печальной процессіи по этому церемоніалу! Начать съ того, что всѣ участвовавшіе въ ней, начиная съ государя, шли въ длинныхъ и широкихъ черныхъ плащахъ, имѣя на головахъ черныя же шляпы съ распущенными полями! Нельзя вообразить себѣ, какой мрачный видъ представляла вся печальная процессія. Не говоря уже о многочисленныхъ представителяхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, гербахъ, орденахъ, регаліяхъ и пр., особенное вниманіе мое привлекли на себя боевой и траурный кони и рыцари веселаго и печальнаго образа, первый въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, а второй — въ черныхъ, съ опущеннымъ забраломъ и мечомъ, выступавшій мѣрнымъ шагомъ... За многочисленнымъ духовенствомъ, наконецъ, показалась великолѣпная траурная, печальная колесница и на ней гробъ — кого же? того, который послѣ двадцати-четырехъ лѣтъ царствованія въ Россіи оставилъ по себѣ такую громкую славу и общую любовь! Нужно было быть современникомъ той эпохи и свидѣтелемъ этой печальной церемоніи, чтобы постигнуть всю полноту мыслей и чувствъ при видѣ этого гроба. Подлинно, можно было бы, подражая словамъ Феофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго, сказать: «Что видимъ? что дѣлаемъ?— Александра I-го погребаемъ»[497].

Въ половинѣ второго часа пополудни печальный поѣздъ прибылъ къ Казанскому собору[498]. Здѣсь закрытый гробъ императора Александра былъ выставленъ на поклоненіе всѣмъ сословіямъ народа въ продолженіе семи дней. Ежедневное стеченіе публики и народа въ храмѣ во всю недѣлю было громадное, и въ эти семь дней все народонаселеніе Петербурга перебывало въ Казанскомъ соборѣ. По свидѣтельству Тарасова, «доложено было императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, ни мало не измѣнила чертъ лица».

Мнѣніе, высказанное Д. К. Тарасовымъ въ своихъ запискахъ, вполнѣ расходится со взглядомъ, выраженнымъ княземъ Волконскимъ въ письмѣ изъ Таганрога къ Г. И. Вилламову значительно ранѣе, а именно еще 7-го (19-го) декабря 1825 года. «Мнѣ необходимо нужно знать, писалъ Волконскій: совсѣмъ ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе, полагаю, сдѣлать бы здѣсь, ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились,

чрезъ нѣсколько же времени и еще потерять; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гроба не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ здѣсь совсѣмъ отпѣть, о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго».

13-го (25-го) марта 1826 года, въ одиннадцать часовъ, во время сильной мятели, погребальное шествіе направилось изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость; оно слѣдовало по Невскому, Большой Садовой, Царицыну лугу, черезъ Троицкій мостъ. Въ тотъ же день происходили отпѣваніе и погребеніе. Во второмъ часу пополудни пушечные залпы возвѣстили міру, что великій монархъ снисшелъ въ землю на вѣчное упокоеніе [199].

Въ Варшавѣ, съ 26-го марта (7-го апрѣля) по 11-е (23-е) апрѣля 1826 года, въ католическомъ соборномъ храмѣ св. Яна происходили траурныя церемоніи, по особому церемоніалу, посвященныя памяти императора Александра I-го. Въ лютеранскихъ церквахъ и въ еврейской синагогѣ также были назначены особыя религіозныя службы [200].

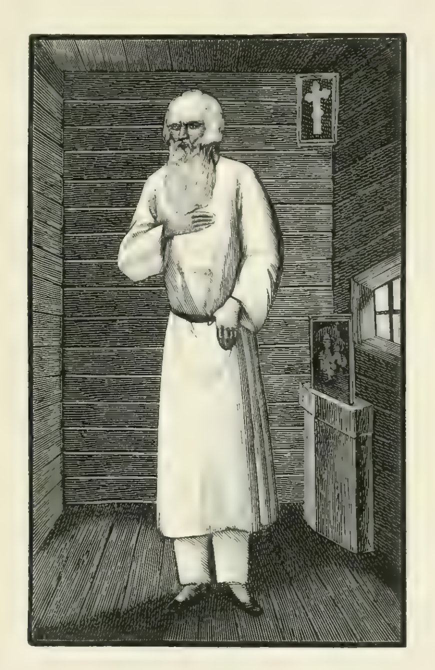
За нѣсколько дней до погребенія императора Александра, 9-го (21-го) марта 1826 года, преемникъ его написалъ Лагарпу нижеслѣдующія строки, посвященныя памяти усопшаго государя:

«Посреди самаго печальнаго торжества и, такъ сказать, на могилѣ того, коего мы оплакиваемъ кончину, отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 16-го января. Въ подобную минуту мысль моя должна, по естественному теченію, перенестись на васъ, и я еще живѣе могъ оцѣнить тѣ чувства, кои вы мнѣ выражаете. На вашихъ глазахъ, вашими попеченіями развивались первыя сѣмена тѣхъ благородныхъ качествъ, которыя изъ императора Александра сдѣлали славу Россіи и которыя пріобщили все человѣчество къ плачу объ его утратѣ. Мое сердце подсказало мнѣ то, что должно было происходить въ вашемъ, когда вы имѣли несчастіе узнать, что этотъ великій монархъ взятъ отъ насъ, отъ нашего уваженія и нашихъ надеждъ. Связь, существующая между нами вслѣдствіе этой общей скорби, останется для меня всегда священною. Повѣрьте, что я никогда не забуду ни привязанности къ вамъ покойнаго моего брата, ни минутъ, проведенныхъ мною самимъ съ вами, и что мнѣ всегда пріятно будетъ возобновить вамъ увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи».

Продолжавшееся болѣзненное состояніе императрицы Елисаветы Алексѣевны предвѣщало тогда въ скоромъ времени еще новое горе для императорской фамиліи: надломленныя силы государыни не могли перенести столь тяжкаго удара, какъ кончина императора Александра.

12-го (24-го) апрѣля князь Волконскій писалъ императору Николаю изъ Таганрога:

«Долгомъ почитаю вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что слабость здоровья вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны вновь увеличивается. Сверхъ того ея императорское величество чувствуетъ въ груди иногда сильное удушье, которое препятствуетъ даже говорить, и сама изъявила г. Стофрегену опасеніе водяной болѣзни въ груди. Хотя г. Стофрегенъ не

Отшельникъ Ѳедоръ Кузьмичъ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1883 г.

увѣренъ, что таковая болѣзнь существуетъ, но начинаетъ однако сильно безпокоиться, предложилъ ея величеству лекарства для предупрежденія оной и надѣется, что предполагаемое путешествіе можетъ отвратить сію болѣзнь.

«Въ прошедшую субботу, 10-го числа, государынѣ императрицѣ угодно было повелѣть переставить походную церковь въ ту комнату, гдѣ покойный государь императоръ скончался; можетъ легко быть, что воспоминаніе горестнаго происшествія производитъ сіе дѣйствіе надъ

*

ея величествомъ; не менѣе того не могу скрыть предъ вашимъ императорскимъ величествомъ крайняго опасенія худыхъ отъ сего послѣдствій»[501].

21-го апрѣля (3-го мая) 1826 года императрица Елисавета Алексѣевна покинула Таганрогъ, въ которомъ ей суждено было пережить столько горестныхъ событій. Государыня направилась черезъ Харьковъ въ Калугу, гдѣ должно было состояться свиданіе ея съ императрицею Маріею Ѳеодоровною, выѣхавшею къ ней навстрѣчу изъ Петербурга. «Je suis souffrante et abattue de corps et d'âme», писала Елисавета Алексѣевна изъ Харькова своей матери въ послѣднемъ предсмертномъ письмѣ отъ 26-го апрѣля (8-го мая).

Дѣйствительно, слабость императрицы во время пути съ каждымъ днемъ усиливалась и вскорѣ дошла до того, что она могла говорить только съ трудомъ. Въ письмѣ отъ 2-го мая 1826 года, изъ Орла, къ Григорію Ивановичу Вилламову, сопровождавшему императрицу-мать въ ея путешествіи, князь Волконскій просилъ предварить государыню, что положеніе императрицы Елисаветы Алексѣевны «такъ худо, что ея величество найдетъ ужаснѣйшую въ ней перемѣну.—Не могу описать вамъ, милостивый государь», продолжаетъ князь, «всѣхъ безпокойствъ моихъ насчетъ здоровья ея императорскаго величества во время путешествія и безпрестанно молю Бога, чтобы сподобилъ благополучно доѣхать до Калуги».

3-го (15-го) мая императрица Елисавета Алексѣевна прибыла на ночлегъ въ Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губерніи; крайняя слабость препятствовала ей продолжать дальнѣйшій путь. Въ это время императрица Марія Ѳеодоровна находилась уже въ Калугѣ и въ виду тревожныхъ извѣстій, сообщенныхъ княземъ Волконскимъ, немедленно выѣхала въ Бѣлевъ по желанію, выраженному императрицею Елисаветою Алексѣевною[502]. Между тѣмъ въ шестомъ часу утра 4-го (16-го) мая, когда камеръ-юнгфера вошла въ спальню къ больной государынѣ, Елизавета Алексѣевна уже не дышала. Къ десяти часамъ утра въ Бѣлевъ прибыла императрица Марія Ѳеодоровна, но вмѣсто предположеннаго свиданія государыня могла только присутствовать при первой панихидѣ по усопшей невѣсткѣ[503].

Снова потянулось печальное шествіе въ Петербургъ, и 21-го іюня (3-го іюля) гробъ императрицы Елисаветы Алексѣевны былъ опущенъ въ склепъ рядомъ съ могилой императора Александра Павловича.

Въ продолженіе всего царствованія императора Александра имя одной вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны прославлялось и увѣковѣчено было благотворительными учрежденіями; ей одной предоставлены были первенствующее мѣсто и всѣ почести. Тихій же и скромный образъ бездѣтной императрицы Елисаветы Алексѣевны, отодвинутый на

второй планъ, какъ бы меркнетъ въ боевыхъ тревогахъ того времени, въ блескѣ славы, окружавшей побѣдителя Наполеона, и затѣмъ незамѣтно отходитъ изъ этого міра почти одновременно съ кончиною Александра I-го.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую характеристику супруги императора Александра:

«Прекрасная собою, любезная, умная, Елисавета Алексѣевна показала большую твердость духа въ ту эпоху, когда нашествіе Наполеона угрожало цѣлости имперіи. Она имѣла свои слабости, свои вины передъ супругомъ, и хотя сначала играла роль, всегда вызывающую участіе, женщины покинутой, ревностной патріотки, но ея холодность и совершенное удаленіе отъ общества внушили всей почти націи полное къ ней равнодушіе; подъ конецъ своей жизни императоръ Александръ, разочарованный суетностями міра и увлеченный мистицизмомъ, чувствуя потребность болѣе сосредоточиться въ самомъ себѣ, возвратился къ своей супругѣ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы».

Когда такимъ образомъ они очутились «наконецъ на истинномъ пути» (enfin sur le vrai chemin), какъ выразилась императрица въ письмѣ къ своей матери, союзъ ихъ былъ внезапно порванъ. «Такъ было угодно Богу» (Dieu l'a voulu).

Намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о народныхъ слухахъ, распространившихся по Россіи въ 1826 году; они были вызваны неожиданной кончиной императора Александра I-го въ Таганрогѣ и необычайными обстоятельствами, среди которыхъ совершилось восшествіе на престолъ императора Николая Павловича. Самые нелѣпые толки и слухи зарождались и распространялись подъ сѣнью господствовавшей тогда полнѣйшей безгласности, благопріятствовавшей ихъ развитію среди невѣжественныхъ народныхъ массъ. Правительство собрало въ то время множество донесеній объ этихъ толкахъ, заслуживающихъ вниманія историка, какъ несомнѣнное произведеніе народной фантазіи, старавшейся по-своему объяснить событія этой смутной эпохи[504].

Характерной особенностью всѣхъ этихъ разнообразныхъ сказаній является то, что всѣ они сходятся въ одномъ—утвержденіи, что императоръ Александръ не умеръ въ Таганрогѣ, что вмѣсто него было похоронено подставное лицо, а самъ онъ какимъ-то таинственнымъ образомъ скрылся оттуда неизвѣстно куда.

Постепенно народные слухи по поводу событій 1825 года умолкли, и современные о нихъ письменные слѣды уже покоились въ различныхъ архивахъ, какъ вдругъ во второй половинѣ настоящаго столѣтія неожиданно и съ новой силой воскресли старыя, давно забытыя народныя сказанія. На этотъ разъ они сосредоточились на одномъ таинственномъ

старцѣ, появившемся въ Сибири и умершемъ 20-го января 1864 года, какъ полагаютъ, 87-ми лѣтъ, въ Томскѣ. Личность этого отшельника, называвшагося Өедоромъ Кузьмичемъ, вызвала даже къ жизни офиціальную переписку о нѣкоемъ старикѣ, о которомъ ходятъ въ народѣ ложные слухи. Легенда, распространившаяся изъ Томска по Сибири, а затѣмъ и по Россіи, заключалась въ томъ, что Өедоръ Кузьмичъ есть никто иной какъ императоръ Александръ Павловичъ, скрывавшійся подъ именемъ этого старца и посвятившій себя служенію Богу; затѣмъ, независимо отъ устныхъ преданій, стали появляться печатныя свѣдѣнія о чудесахъ и предсказаніяхъ таинственнаго отшельника. Наконецъ, въ 1891 году, появилась въ Петербургѣ спеціальная монографія о жизни и подвигахъ старца Өедора Кузьмича, пережившая нѣсколько изданій [505].

О жизни загадочнаго Өедора Кузьмича до его появленія въ Сибири ничего не извѣстно. Въ 1836 году около города Красноуфимска, въ Пермской губерніи, мужчина лѣтъ шестидесяти былъ задержанъ какъ бродяга, наказанъ двадцатью ударами плетей и сосланъ въ Сибирь. Съ 1837 года началась извѣстная уже по различнымъ описаніямъ отшельническая жизнь старца, которая прославила его въ Сибири, окружила его ореоломъ святости и прекратилась лишь въ 1864 году. На могилѣ его, въ оградѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, былъ поставленъ крестъ съ надписью: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца, Өеодора Кузьмича, скончавшагося въ Томскѣ, 20-го января 1864 года» [506]. Тайну свою Өедоръ Кузьмичъ унесъ въ могилу; незадолго до кончины, на просьбу объявить хотя бы имя своего ангела, загадочный старецъ отвѣчалъ: «это Богъ знаетъ». На подобный же вопросъ, сдѣланный старцу ранѣе, онъ замѣтилъ: «я родился въ древахъ; если бы эти древа на меня посмотрѣли, то бы безъ вѣтра вершинами покачали».

По разсказамъ, Өедоръ Кузьмичъ былъ роста высокаго, плечистый, съ величественной осанкой, такъ что этой своей благообразной наружностью и вмѣстѣ съ тѣмъ тихой и степенной рѣчью онъ производилъ на своихъ собесѣдниковъ обаятельное впечатлѣніе. Всѣхъ сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всемъ обликѣ, въ пріемахъ и въ движеніяхъ старца, въ поступи и въ говорѣ и особенно въ благолѣпныхъ чертахъ лица, въ кроткихъ глазахъ, въ чарующемъ звукѣ голоса и въ чудныхъ рѣчахъ, выходившихъ изъ устъ его. Иногда онъ казался строгимъ и даже повелительнымъ. Все это побуждало посѣтителей невольно преклонять предъ старцемъ колѣна и кланяться ему въ ноги.

На очень распространенныхъ фотографическихъ снимкахъ съ портрета Өедора Кузьмича онъ представленъ стоящимъ въ кельѣ, въ

длинной бѣлой рубахѣ, подвязанной поясомъ, сѣдымъ старцемъ съ бородою; одна рука покоится на груди, другая заткнута за поясъ. Въ углу убогой кельи виднѣются распятіе и икона Божіей Матери. Лицо старца напоминаетъ нѣсколько черты императора Александра Павловича.

Приведемъ здѣсь одинъ разсказъ изъ жизни Ѳедора Кузьмича въ Сибири.

Таинственный старецъ, по говору народному, имѣлъ какой-то особенный даръ утолять страданія, не только тѣлесныя, но и душевныя, единымъ словомъ, часто въ видѣ прозорливаго предсказанія объ исцѣленіи или указаніи средствъ къ тому. Съ молвою росла и слава о немъ въ Сибири, и скоро не было нигдѣ тѣлесно или душевно страждущихъ или движимыхъ благочестивыми чувствами, которые не старались бы посѣтить, видѣть и слышать отшельника во что бы то ни стало. Въ той же мѣстности, въ которой былъ водворенъ старецъ, жили двое сосланныхъ, бывшихъ придворныхъ служителей; одинъ изъ нихъ тяжко заболѣлъ и, не имѣя возможности лично отправиться къ старцу, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить исцѣленія больного. Товарищъ его при содѣйствіи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ Ѳедору Кузьмичу, былъ принятъ послѣднимъ въ его келіи, провожатый же остался въ сѣняхъ. Посѣтитель, войдя въ келію, тотчасъ бросился въ ноги къ старцу и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшей головою, съ невольнымъ страхомъ разсказалъ ему, въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что старецъ обѣими руками поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ—и не вѣритъ ушамъ своимъ—чудный, кроткій, знакомый ему голосъ.... Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на старца—и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на полъ. Передъ нимъ стоялъ и говорилъ въ лицѣ отшельника (какъ онъ утверждалъ потомъ) самъ императоръ Александръ Павловичъ, со всѣмъ его наружнымъ обликомъ, но только старцемъ, съ сѣдой бородою. Ѳедоръ Кузьмичъ отворилъ дверь и кротко сказалъ провожатому: «возьмите и вынесите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ—больной же товарищъ его выздоровѣетъ». Такъ, дѣйствительно, и случилось. Очнувшійся посѣтитель повѣдалъ, однако, провожатому и товарищу, что въ лицѣ старца онъ узналъ императора Александра Павловича, и съ тѣхъ поръ въ Сибири распространилась народная молва о таинственномъ происхожденіи Ѳедора Кузьмича.

По этому поводу нельзя не вспомнить справедливаго замѣчанія одного французскаго писателя о томъ, какъ создаются легенды. Онѣ распускаются, подобно роскошнымъ цвѣтамъ, подъ лучезарнымъ блескомъ, озаряющимъ жизнь героевъ. Человѣкъ уже снизошелъ въ могилу, а легенда переживаетъ его, она слѣдуетъ за его переходомъ въ

вѣчность, подобно слѣду, оставляемому метеоромъ, и вскорѣ разростается, расцвѣтаетъ, становится болѣе блестящей, болѣе сіяющей...

Если бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собою самые смѣлые поэтическіе вымыслы; во всякомъ случаѣ, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы, съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе. Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ сфинксъ, неразгаданный до гроба, безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь увѣнчался бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

1) Въ изданіи этого страннаго манифеста принималъ участіе А. С. Шишковъ, хотя это участіе выразилось лишь косвеннымъ образомъ. Какъ выше упомянуто, адмиралъ, по болѣзни, не могъ сопровождать государя во время похода 1814 года. Получивъ извѣстіе о взятіи Парижа, Шишковъ написалъ проектъ манифеста и послалъ его при письмѣ императору Александру, но онъ затерялся и потому не былъ обнародованъ. Шишковъ прочиталъ, однако, государю этотъ проектъ при свиданіи въ Брухзалѣ; выслушавъ содержаніе манифеста, Александръ сказалъ ему: «Жаль, что я не зналъ о немъ прежде; я найду случай и время обнародовать оный». Манифестъ этотъ, который Шишковъ даже самъ признавалъ строгимъ и укорительнымъ для французовъ, былъ изданъ, съ нѣкоторымъ приноровленіемъ къ позднѣйшимъ обстоятельствамъ, 1-го января 1816 года. Кто былъ редакторомъ этого манифеста въ его обновленномъ видѣ, намъ неизвѣстно.

2) «On vient de réimprimer ici et l'on débite avec profusion votre manifeste du 1-r Janvier. Je serais tenté de croire que c'est à cause de certaines épithètes qui ont vivement choqué. Dans sa détresse ce peuple aimait encore à tourner ses regards vers celui qui s'était montré le plus généreux de ses ennemis. Il semble qu'on veuille lui enlever cette dernière consolation. Il y a des moments, où je ne doute plus qu'on ne conspire contre la gloire que vous avez acquise en 1814. Les maîtres de l'océan seraient charmés que les peuples du continent se crussent plus menacés par vous que par eux. Voilà le thème qu'eux et leurs clients vont colportant et commentant partout». Лагарпъ къ императору Александру 27-го февраля (11-го марта) 1816 года.

3) «Ici nous marchons peu à peu, mais toujours s'approchant davantage des idées libérales». Императоръ Александръ къ Лагарпу 12-го (24-го) марта 1811 года (Государственный архивъ. Разрядъ V. № 190).

Письмо это навело Лагарпа на слѣдующія размышленія, изложенныя имъ въ письмѣ къ другу своему Стапферу: «J'ai reçu de mon jeune ami une lettre qui m'a rendu l'espérance par les sentiments élevés qu'elle respire et qui m'a fait verser de chaudes larmes. Après avoir passé ses plus belles années à former une machine destinée à produire de grands résultats, il serait désolant pour le mécanicien de voir qu'elle se détraque sans les

avoir produits. Il parait au moins que le détraquement momentané peut encore se réparer de maniere à produire plusieurs des résultats qu'on espérait» (Aus Philipp Albert Stapfer's Briefwechsel.— Basel. 1891. B. 2, p. 8).

4) Князь Волконскій къ генералъ-адъютанту Закревскому отъ 3-го (15-го) октября 1823 года изъ Парижа. Сборникъ И. Р. И. О., т. 73-й, стр. 81.

Уже послѣ кончины императора Александра князь Волконскій писалъ Закревскому 21-го ноября (3-го декабря) 1825 года: «Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и государя, который узнаетъ всѣ неистовства, но поздно: вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ ли сей извергъ имѣть смѣлость показываться еще на глаза въ свѣтѣ и неужели совѣсть его не убьетъ; но хотя бы сіе и случилось, не воротить уже несчастія, постигшаго Россію и всѣхъ насъ, истинно преданныхъ государю». Сборникъ И. Р. И. О., т. 73-й, стр. 97.

5) Генералъ-адъютантъ Закревскій къ П. Д. Киселеву 15-го (27-го) декабря 1819 года и 30-го марта (11-го апрѣля) 1820 года. Сборникъ И. Р. И. О., т. 78-й, стр. 214 и 222.

6) Однажды великая княгиня Марія Павловна, бесѣдуя съ Карамзинымъ, сказала ему: «императоръ такъ занятъ».— Исторіографъ отвѣтилъ: «Un empereur de Russie est toujours occupé et voit pourtant ceux qu'il veut voir». Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 159.

7) Письмо Карамзина изъ С.-Петербурга отъ 10-го (22-го) марта 1816 года. Неизданныя сочиненія, стр. 173.

8) Письмо Карамзина изъ С.-Петербурга отъ 13-го (25-го) марта 1816 года. Неизданныя сочиненія, стр. 177.

9) Письмо Карамзина изъ С.-Петербурга отъ 16-го (28-го) марта 1816 года. Неизданныя сочиненія, стр. 179.

17-го марта Карамзинъ писалъ: «Вчера я отвезъ карточку къ графу Аракчееву: онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учтивой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ императоромъ».

10) Когда Карамзинъ получилъ ленту, онъ писалъ женѣ, что государь пожаловалъ ему эту награду «самымъ пріятнѣйшимъ образомъ». Графъ Блудовъ пояснилъ Я. К. Гроту значеніе этихъ словъ: государь, наградивъ Карамзина, замѣтилъ ему съ особенною выразительностью, что жалуетъ ленту не за исторію, а за записку.

Торжественное собраніе Академіи Наукъ 1-го декабря 1866 года.—С.-Петербургъ, 1867 (Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина Я. К. Грота, стр. 41).

11) «Tout cela est très bien pensé, mais pour en faire quelque chose il faudrait tirer le canon et je ne le veux pas. C'en est assez de guerres sur le Danube, elles démoralisent les armées. Vous en avez été témoin. D'ailleurs la paix en Europe n'est pas encore affermie, et les faiseurs de révolutions ne demanderaient pas mieux que de me voir aux prises avec les Turcs. Bonne ou mauvaise, la transaction de Boucarest doit être maintenue. Il faut s'en accomoder et tâcher d'en tirer le meilleur parti possible, pour faire quelque bien aux principautés et aux Serviens, et surtout pour que les Turcs ne nous inquiètent pas de leurs prétentions sur le littoral asiatique. C'est dans cet esprit que je vous recommande de travailler à l'expédition du baron de Stroganoff». Comte Capodistrias: Aperçu de ma carriere publique depuis 1798 jusqu'à 1822.

12) Отмѣтимъ здѣсь еще два событія изъ семейной жизни Александра, которыя послѣдовали одно за другимъ и относятся къ началу 1816 года: 12-го (24-го) января состоялось бракосочетаніе великой княгини Екатерины Павловны съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ Вильгельмомъ, а 9-го (21-го) февраля бракосочетаніе великой княжны Анны Павловны съ наслѣднымъ принцемъ нидерландскимъ Вильгельмомъ.

13) Директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ А. И. Тургеневъ, а директоромъ департамента народнаго просвѣщенія Василій Михайловичъ Поповъ. Послѣдній былъ, по свидѣтельству современника, «кроткій изувѣръ, смирный, простой человѣкъ, котораго, однако же, именемъ вѣры можно было подвинуть на злодѣянія».

14) Кромѣ того, князь А. Н. Голицынъ занималъ еще мѣсто главного попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и предсѣдателя совѣта этого учрежденія, которое въ 1816 году было расширено и получило новую организацію.

15) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ генералъ-адъютанту Н. М. Сипягину изъ Варшавы отъ 13-го (25-го) января 1817 года. Николай Мартьяновичъ отвѣчалъ великому князю: «В. И. В. въ мысли о moyen âge болѣе утвердиться изволите, когда . . . . . изволите получить извѣстіе о изданіи Сіонскаго Вѣстника: вопіющаго, взывающаго и глаголющаго... только, къ несчастію, одинъ таинственный, великолѣпный вздоръ».

11-го (23-го) февраля 1817 года цесаревичъ писалъ Сипягину по поводу этихъ увлеченій: «Искренно вамъ сказать, я никакъ не могу равнодушно и безъ нѣкотораго даже состраданія слышать и читать всѣ эти разныя поповщины и распространеніе сочиненій и Библейскихъ обществъ . . . . У насъ, благодаря Бога, еще сего не завелось, и я надѣюсь, что мы съ вами не будемъ членами; и божусь вамъ, что все это меня такъ пригваждиваетъ къ столу въ моей здѣсь комнатѣ, чтобы не видать и не слыхать даже объ этихъ великихъ подвигахъ». Военно-Ученый Архивъ. Отд. 1. № 495 (б) и № 507 (а).

16) Письмо отъ 20-го декабря 1816 года (1-го января 1817 года) изъ С.-Петербурга. Военно-Ученый Архивъ. Отд. 1. № 495 (б).

17) «Изъ отвѣта вашего на мое письмо о сверхъ-естественномъ видѣніи кадета Волотскаго, что исцѣлить его отъ онаго вѣрнѣйшаго нѣтъ средства, какъ грозная лоза, которою, конечно, прогнанъ былъ бы монахъ съ клобукомъ и крестомъ навсегда, вышло, что мы съ вами насчетъ сего оба совершенно одинаковыхъ мыслей; равномѣрно и въ томъ, что іеромонаху корпусному, кто добра воспитанникамъ желаетъ, оставаться при корпусѣ нельзя. Но выходитъ теперь противное: не всѣ одинаковыхъ съ нами сужденій,— генералъ-маіоръ Маркевичъ доноситъ, что поступки іеромонаха одобрены. Слѣдовательно, нечего дѣлать, надобно оставаться ему въ корпусѣ, и вотъ изъ примѣра сего вы видите, что съ нашими съ вами мыслями и о разныхъ другихъ предметахъ иначе разсуждаютъ и думаютъ». Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ Н. М. Сипягину 30-го декабря 1816 года (11-го января 1817 года) изъ Варшавы. Военно-Ученый Архивъ. Отд. 1. № 507 (а).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ занималъ до своей кончины должность главнаго начальника Пажескаго и сухопутныхъ корпусовъ и Дворянскаго полка.

Столь часто упоминаемый въ этой перепискѣ іеромонахъ былъ по имени Ѳеофилъ; онъ пользовался особымъ благорасположеніемъ князя Голицына. Впослѣдствіи онъ былъ законоучителемъ въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ; тамъ онъ изъ воспитанниковъ лицея учредилъ «Дѣтское Библейское сотоварищество».

18) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ генералъ-адъютанту Сипягину 27-го февраля (11-го марта) 1816 года изъ Варшавы.

Вообще цесаревичъ неохотно ѣздилъ въ Петербургъ. «Я здѣсь съ польскою арміею и литовскимъ корпусомъ россійскій авангардъ и заѣхать къ вамъ нѣтъ охоты», писалъ великій князь Сипягину.

19) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ генералъ-адъютанту Сипягину 11-го (23-го) февраля 1817 года изъ Варшавы.

20) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ генералъ-адъютанту Сипягину 12-го (24-го) ноября 1817 года изъ Варшавы.

21) Генералъ-адъютантъ Сипягинъ къ цесаревичу Константину Павловичу 20-го декабря 1816 года (1-го января 1817 года) изъ Петербурга.

22) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ генералъ-адъютанту Сипягину 7-го (19-го) января 1817 года изъ Варшавы.

Въ другомъ письмѣ отъ 15-го (27-го) апрѣля 1817 года къ тому же Сипягину цесаревичъ писалъ: «Читавши ваши приказы, отдаваемые по гвардейскому корпусу, я не могу надивиться, что въ такомъ отмѣнномъ корпусѣ дѣлается примѣръ параду и для сего такъ акуратно назначаются мѣста и время, какъ бы въ настоящій парадъ; слава Богу, у насъ этого нѣтъ, и наши, такъ сказать, просто вшивые поляки не знаютъ примѣрнаго парада, а когда они случаются, то безъ всякихъ особыхъ примѣровъ, и, Богъ милостивъ, скажу вамъ, удается всегда хорошо».

23) По слухамъ, капитанъ Велижекъ оставилъ на имя великаго князя письмо, въ которомъ между прочимъ было сказано: «Я считаю долгомъ предупредить васъ, чтобы вы не доводили моихъ соотечественниковъ до отчаянія, которое легко можетъ довести кого-либо изъ нихъ до преступленія, отъ коего я отказался по зрѣломъ обсужденіи».

*

24) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ генералъ-адъютанту Синягину 17-го (29-го) октября 1816 года изъ Варшавы.

25) 17-го апрѣля 1811 года императоръ Александръ утвердилъ докладъ графа Аракчеева, чтобы грузинской церкви Андрея Апостола быть грузинскимъ соборомъ; на содержаніе собора графъ внесъ 12,000 рублей. 6-го іюня 1811 года послѣдовало освященіе собора.

26) По поводу этихъ денегъ сохранилась резолюція графа Аракчеева, могущая служить для характеристики его: «Егору Иванову (церковному старостѣ) не выдается (т. е. награды) за вину, что разбилъ лампу, которая стоитъ 100 рублей». Древняя и Новая Россія 1875 года, стр. 164. Статья Н. К. Отто: «Черты изъ жизни графа Аракчеева».

27) Въ первый разъ императоръ Александръ посѣтилъ Грузино въ 1810 году, возвращаясь изъ Твери; прибывъ ночью съ 7-го на 8-е іюля, государь провелъ тамъ цѣлый день и остался чрезвычайно доволенъ состояніемъ хозяйства своего друга. 21-го іюля того же года графъ Аракчеевъ удостоился получить похвальный рескриптъ, въ которомъ было сказано: «Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того обилія и устройства, которое въ краткое время, безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ успѣли вы ввести въ вашихъ селеніяхъ, я поспѣшаю изъявить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы мнѣ симъ доставили. Когда съ дѣятельною государственною службою сопрягается примѣръ частнаго добраго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе».

28) Въ разговорѣ съ Ив. Ром. Мартосомъ (бывшимъ директоромъ департамента министерства юстиціи при Трощинскомъ) въ 1826 году въ Кіевѣ графъ Аракчеевъ признавался ему, что сіи поселенія составляютъ собственную государеву мысль: это его дитя, въ головѣ его родившееся, которое онъ любилъ и съ которымъ не могъ разстаться. Графъ же былъ только вѣрный исполнитель сего плана по своему вѣрноподданническому усердію. «Историческій Вѣстникъ» 1894 года: Разсказы графа А. А. Аракчеева, записанные И. Р. Мартосомъ.

Однажды графъ Аракчеевъ спросилъ А. Ѳ. Орлова: «За что меня не любятъ?» — Орловъ все свалилъ на военныя поселенія.— «А если я могу доказать», возразилъ съ жаромъ графъ Аракчеевъ, «что это не моя мысль, а мысль государя: я тутъ только исполнитель». Графъ Аракчеевъ, конечно, былъ далекъ отъ мысли сознавать суровость способовъ, употребленныхъ имъ для исполненія высочайшей воли, и, вѣроятно, Орловъ благоразумно уклонился отъ всякаго намека на эту сторону затронутаго вопроса. Сочиненія князя П. А. Вяземскаго. Томъ 8-й (Старая записная книжка), стр. 74.

29) Зинаида Дмитріевна Нарышкина, умершая въ младенчествѣ въ 1810 году.

30) Великая княгиня Екатерина Павловна съ супругомъ, принцемъ Ольденбургскимъ, дорогою изъ Твери въ Петербургъ остановилась въ Грузинѣ.

31) Изъ этихъ словъ письма государя видно, что уже при самомъ зарожденіи военныхъ поселеній порядокъ, заведенный графомъ Аракчеевымъ въ своемъ грузинскомъ имѣніи, долженъ былъ во многомъ служить образцомъ и для вновь проектированныхъ новыхъ учрежденій. А между тѣмъ этотъ аракчеевскій внѣшній порядокъ и сопряженное съ нимъ мнимое благополучіе глубоко возмущали грузинскихъ крестьянъ — и не безъ основанія. О прелестяхъ этого порядка можно судить по одному изъ изданій графа Аракчеева: «Краткія правила для матерей-крестьянокъ грузинской отчины». Это сочиненіе состоитъ изъ 36-ти параграфовъ и должно было храниться въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ въ Грузинѣ «у образной кіотѣ». Всѣ эти наставленія предписывалось прочитывать матерямъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ, собирая ихъ для этой цѣли въ одной избѣ. Священникъ, какъ наставникъ и блюститель нравственности прихожанъ своихъ, долженъ былъ увѣщевать родителей, что неисполненіе сихъ правилъ, толико полезныхъ и утѣшительныхъ, навлекаетъ на нихъ гнѣвъ Божій и что родители отъ неисполненія оныхъ, лишась невинныхъ дѣтей своихъ, требующихъ неутомимаго попеченія, дадутъ отвѣтъ въ будущей жизни предъ Всемогущимъ Создателемъ и не избѣгнутъ правосуднаго Его наказанія. «Закоренѣлыя же въ своихъ вредныхъ обычаяхъ и нерадивыя матери должны быть понуждаемы старшинами къ точному сего наставленія исполненію».

32) Dresdener-Staats Archiv: депеша изъ С.-Петербурга отъ 30-го октября (11-го ноября) 1817 года.

33) Судя по письму императора Александра къ графу Аракчееву отъ 14-го (26-го) января 1822 года, въ которомъ сказано: «Пришли мнѣ общую карту предполагаемаго поселенія всей арміи», можно думать, что военнымъ поселеніямъ предстояло еще получить громадное распространеніе. Воцареніе императора Николая отвратило отъ Россіи это страшное бѣдствіе.

34) Въ другихъ граматахъ встрѣчаются, напр., такія статьи: «Всѣ тѣ изъ поселянъ, которые имѣютъ водвореніе невыгодное, переселены будутъ на счетъ казны для лучшей удобности въ обработываніи полей; равно и въ замѣнъ ветхихъ строеній возведены будутъ новые домы, удобнѣйшіе къ помѣщенію и приличные для людей, отличающихся отъ крестьянъ званіемъ и обязанностію.— Земледѣльческими орудіями, рабочимъ и домашнимъ скотомъ надѣлены будутъ всѣ изъ нихъ, кому подобное пособіе окажется необходимымъ».

35) Государственный архивъ. Разрядъ XX. № 386.

36) Упоминаемый здѣсь Аракчеевымъ адъютантъ Мартосъ (Алексѣй Ивановичъ, инженеръ-капитанъ, сынъ скульптора Ивана Петровича Мартоса) оставилъ любопытныя записки о турецкой войнѣ въ царствованіе Александра, о войнѣ 1812 года и о службѣ своей при графѣ Аракчеевѣ въ 1816 и 1817 годахъ. Онѣ были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1893 года (книга 2-я). Въ началѣ 1818 года А. И. Мартосъ вышелъ въ отставку, убѣдившись на опытѣ, какъ онъ пишетъ, въ мерзкомъ, мстительномъ характерѣ Аракчеева. «Я имѣлъ случай узнать всю его коварность и злость, превышающую понятіе всякаго человѣка, образъ домашней жизни, безпрестанное сѣченіе дворовыхъ людей и мужиковъ, у коихъ по окончаніи всякой экзекуціи самъ всегда осматриваетъ спины... и горе тому, ежели мало кровавыхъ знаковъ! Это не выдумка, клянусь вамъ... да избавитъ Промыслъ отъ подобныхъ добродѣтелей и васъ, и каждаго».

37) Записки Алексѣя Ивановича Мартоса. «Русскій Архивъ» 1893 года. Книга 2-я, стр. 529 — 531.

38) Записки А. И. Мартоса. «Русскій Архивъ» 1893 г. Книга 2-я, стр. 535.

Говоря о поселеніяхъ, Мартосъ пишетъ: «проектъ поселить въ Россіи войска не новый; это дурная копія съ того оригинала, который брошенъ Петромъ, не уваженъ Екатериною, ибо всегда было много прожекторовъ и усердствующихъ исполнять дуновеніе царя или часто человѣка съ величайшими слабостями, каковъ и нынѣ графъ Аракчеевъ. Екатерина, которая видѣла вещи вдаль, вникала и взвѣшивала ихъ, отвѣчала подобному прислужнику: «Увѣрены ли вы, что между русскими крестьянами, когда они будутъ имѣть ружья и узнаютъ, какъ управлять ими, не явится новый Пугачевъ?».

39) Еще значительно ранѣе, а именно въ 1807 году, императоръ Александръ высказалъ генералу Савари слѣдующія мысли по поводу крестьянскаго вопроса:

«Je veux sortir la nation de cet état de barbarie dans lequel la laissait ce trafic d'hommes. Je dis même plus. Si la civilisation était assez avancée, j'abolirais cet esclavage dût-il m'en couter la tête». Сборникъ И. Р. И. О., т. 83-й, стр. 176.

40) П. Д. Киселевъ представилъ записку императору Александру въ Москвѣ 27-го августа 1816 года. Записка эта напечатана въ сочиненіи Заблоцкаго-Десятовскаго: Графъ П. Д. Киселевъ и его время. С.-Петербургъ, 1882. Т. 2-й, стр. 203 и т. 4-й, стр. 197.

41) Неизвѣстно, какого рода постановленія дворяне имѣли въ виду при разработкѣ своего предположенія.

42) М. И. Богдановичъ: Исторія царствованія императора Александра I.— С.-Петербургъ, 1869. Томъ 1-й, стр. 129. Въ примѣчаніи авторъ пишетъ: «Слышано отъ Иларіона Васильевича Васильчикова—Ѳедоромъ Петровичемъ Лубяновскимъ».

43) Рукопись: участіе графа Аракчеева въ проектѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Нѣкоторыя части этой записки были напечатаны П. И. Бартеневымъ въ сборникѣ: Девятнадцатый вѣкъ—Москва, 1872. Книга 2-я, стр. 146.

44) При великомъ князѣ находились генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ и бывшіе при воспитаніи его кавалеры Саврасовъ и Глинка. Онъ отправился изъ Петербурга въ путешествіе 9-го (21-го) мая 1816 года.

45) Подмѣченная Данилевскимъ черта въ характерѣ императора Александра вполнѣ соотвѣтствовала нравственному облику сего властелина, къ противочувствіямъ привычнаго. Справедливо замѣтилъ П. И. Бартеневъ, что самодержецъ-либералъ бывало вставалъ и кланялся слугѣ, принимая отъ него стаканъ воды, а въ войскахъ у него постоянно процвѣтала такъ называемая «зеленая роща». «Русскій Архивъ» 1882 года. Книга 2-я, стр. 168.

46) Для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній можетъ служить слѣдующая черта: когда въ большихъ городахъ бывали званые обѣды у его величества, то графъ Аракчеевъ отъ нихъ обыкновенно отказывался и тогда только обѣдалъ съ государемъ, когда онъ кушалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ.

47) Михайловскій-Данилевскій записалъ, что, къ общему удивленію, депутація состояла только изъ 42-хъ особъ. По поводу рѣчи государя онъ замѣчаетъ, что «вообще его величество показываетъ величайшіе знаки набожности и очень часто бываетъ въ церквахъ. Въ проѣздъ изъ Петербурга до Москвы встрѣчали императора у всякой церкви священники съ крестами и со святою водою, и къ каждому изъ нихъ государь выходилъ изъ коляски, цѣловалъ распятіе и принималъ отъ нихъ благословеніе».

48) Рѣчь государя была записана А. Малиновскимъ для императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ граматѣ, данной Александромъ Москвѣ 30-го августа, государь объявлялъ, что по окончаніи многотрудной войны онъ пожелалъ посѣтить свою древнюю столицу, «дабы лично обозрѣть ея состояніе и нужды, а притомъ ознаменовать предъ цѣлымъ свѣтомъ незабвенныя заслуги ея, Божескимъ благословеніемъ осѣняемыя, чужеземными державами уважаемыя и толико достойныя любви и благодарности отъ насъ и всего отечества».

49) Данилевскій пишетъ: «Ежедневно всѣ лѣстницы, ведущія ко дворцу, до того были наполнены народомъ, подававшимъ просьбы по случаю претерпѣннаго разоренія отъ непріятеля, что два или три человѣка въ тѣснотѣ были задавлены. Въ первые дни нашего пребыванія не было при пріемѣ прошеній ни статсъ-секретаря, ни адъютанта.— Увѣряютъ, что полиція, предувѣдомленная обыкновенно о мѣстахъ, которыя императоръ намѣревался посѣщать, разставляла тамъ чиновниковъ своихъ, чтобы они препятствовали народу, ожидавшему на улицахъ государя съ просьбами, вручать оныя его величеству. Вообще бѣдность въ Москвѣ, происшедшая отъ непріятельскаго нашествія, неописанна, и жалуются на дѣйствія коммиссіи, завѣдывающей раздачею погорѣвшимъ шестнадцати милліоновъ».

50) Генералъ-адъютантъ Сипягинъ къ цесаревичу Константину Павловичу 29-го августа (10-го сентября) 1816 года.

51) По росписанію торжествъ, происходившихъ въ Москвѣ въ 1816 году по случаю пребыванія въ ней императора Александра, балъ у графини Орловой-Чесменской былъ назначенъ па 24-е августа, а 28-го августа, по росписанію, долженъ былъ состояться балъ въ Купеческомъ собраніи.

52) Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву императоръ Александръ не замедлилъ оказать графу Аракчееву новый знакъ самаго изысканнаго вниманія. Въ автобіографическихъ замѣткахъ графа Алексѣя Андреевича читаемъ: «Августа 18-го дня 1816 года государь императоръ Александръ I въ Москвѣ посѣтилъ мать графа Аракчеева въ ея квартирѣ».

53) Сенъ-Маркъ Жирарденъ справедливо пишетъ: «Le repos pour les hommes habitués au mouvement des grandes affaires est insupportable.... Quiconque a beaucoup agi et beaucoup fait, ne dira jamais, c'est fini! C'est là le mot impossible à prononcer, le mot que disent parfois les lèvres, mais que le coeur ne dit jamais». St. Marc de Girardin: Souvenirs de voyages et d'études.—Paris, 1852.

54) М. Погодинъ: Сперанскій. «Русскій Архивъ» 1871 года. Стр. 1200. «Аракчееву лестно было увидѣть страшнаго соперника, умнѣйшаго человѣка въ государствѣ, признающаго его силу и смиренно умоляющаго о помилованіи! Пріятно было доказать, что онъ точно можетъ поднять его, и онъ поднялъ! Спасибо и за то!»

Восемь лѣтъ спустя (16-го іюня 1824 года) Сперанскій писалъ графу Аракчееву: «Благодаренъ вашему сіятельству, что вспомнили меня въ Великопольѣ. Я никогда не забуду, что въ семъ мѣстѣ получилъ я отъ васъ первую вѣсть, первый знакъ моего оживленія».

55) Въ письмѣ къ Аракчееву онъ имѣлъ великодушіе присовокупить еще слѣдующее: «Я не знаю, и точно не знаю, въ какой степени и въ чемъ именно судьба моя связана съ Магницкимъ, но если сіе въ обстоятельствахъ дѣла существуетъ, то ваше сіятельство легко себѣ представить можете, что не могу и не долженъ я ничего желать для себя, не желая и не прося равнаго для него».

56) Свиданіе Сперанскаго съ Аракчеевымъ въ Грузинѣ въ 1816 году не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается письмомъ его къ тому же Аракчееву отъ 28-го мая 1820 года: «Я иду прямымъ путемъ и не озираясь въ сторону, исполняю тѣмъ совѣтъ одного добраго пустынника, еще въ 1816 году въ обителѣ его Грузинѣ мнѣ данный, и оправдываю его мнѣніе, всегда для меня драгоцѣнное» (Подлинникъ этого письма сохранился въ бумагахъ графа Аракчеева: Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства № 33).

57) По словамъ самого Сперанскаго фраза: «желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ» была придумана Аракчеевымъ.— «Не приписывайте ея Александру Павловичу», прибавилъ Сперанскій, «Государь совсѣмъ иначе былъ ко мнѣ расположенъ». Жизнь графа Сперанскаго. Ч. 3-я, стр. 120.

58) Рукописный журналъ 1816 года Михайловскаго-Данилевскаго.

59) Дружескія письма Сперанскаго къ П. Г. Масальскому.—С.-Петербургъ, 1862, стр. 87.

60) М. Погодинъ. Сперанскій. «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 1203.

61) 6-го (18-го) сентября 1816 года изъ Петербурга.

62) 18-го (30-го) сентября 1816 года изъ Варшавы.

63) 4-го (16-го) октября 1816 года изъ Петербурга.

64) Еще до пріѣзда государя въ Москву бывшій московскій почтъ-директоръ Ключаревъ, явившійся другой жертвой управленія графа Ростопчина, удаленный въ 1812 году отъ должности и сосланный, награжденъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ (указъ отъ 28-го іюня 1816 пода).

Замѣтимъ здѣсь еще, что 30-го августа 1816 года московскому главнокомандующему, генералу Тормасову, пожаловано было графское достоинство. Затѣмъ 30-го октября 1816 года повелѣно было главнокомандующихъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ именовать впредь военными генералъ-губернаторами.

65) «Оно напечатано въ Парижѣ въ 1776 году въ четырехъ частяхъ, и нынѣ въ Москвѣ велѣно было купить мнѣ сего же изданія пять экземпляровъ», пишетъ Данилевскій.

66) Изъ письма іеромонаха Антонія Смирницкаго отъ 13-го сентября 1816 года изъ Кіева.

67) Императоръ Александръ на балу въ Тулѣ приказалъ Данилевскому начинать польское. Не оглядываясь назадъ, Данилевскій шелъ очень скоро; государь отсталъ отъ него и потомъ сказалъ дамѣ, съ которой танцовалъ: «Le colonel Danilefski est un excellent officier, mais un mauvais danseur».

68) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1816 года.

69) Едва государь миновалъ Брестъ, какъ онъ узналъ, что отецъ князя Адама Чарторижскаго выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ мѣстечко Мендзиржецъ. Хотя императоръ намѣревался остановиться тамъ для ночлега, но онъ тотчасъ отмѣнилъ это распоряженіе, когда узналъ о пріѣздѣ туда главы семейства Чарторижскихъ, и только наскоро пилъ съ нимъ чай. Можетъ быть, это распоряженіе было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Намѣстникъ Заіончекъ довелъ до свѣдѣнія государя, что «партія Чарторижскихъ походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія. Конечно, не должно сего опасаться въ царствованіе императора, котораго Польша признаетъ своимъ благодѣтелемъ, но умышленія Чарторижскихъ могутъ обнаружиться при наслѣдникахъ его».

70) Въ Черниговѣ, при проѣздѣ государя, дворянъ собралось не болѣе двадцати человѣкъ, хотя на выборахъ съѣзжалось ихъ болѣе шестисотъ. Они объясняли Данилевскому

свою малочисленность тѣмъ, что не всѣ были извѣщены о прибытіи монарха, и невозможностью купить въ городѣ шелковые чулки.

71) Императоръ награждалъ войска въ Польшѣ вчетверо болѣе противъ русскихъ, то есть, вмѣсто рубля мѣди жаловалъ рядовымъ по рублю серебромъ. Щедрость его распространялась даже на польскихъ инвалидовъ, изувѣченныхъ, конечно, не для защиты Россіи.

По возвращеніи государя въ Петербургъ генералъ-адъютантъ Сипягинъ писалъ цесаревичу: «Я съ сердечнымъ удовольствіемъ слышалъ похвалы его величества варшавскимъ войскамъ. Государь императоръ въ полной мѣрѣ доволенъ оными и между прочимъ изволилъ сказать: «Я радъ, увидя, что и великій князь наконецъ доволенъ поляками».

72) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ генералъ-адъютанту Сипягину изъ Варшавы отъ 25-го сентября (5-го октября) 1816 года.

73) Цесаревичъ къ генералъ-адъютанту Сипягину 11-го (23-го) октября 1816 года.

74) Едва ли Данилевскій правъ, утверждая, что польскія войска полюбили режимъ, представителемъ котораго былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Они покорялись необходимости и исполняли только предъявляемыя имъ требованія съ артистическимъ совершенствомъ, отлично сознавая всю ихъ непригодность.

75) Данилевскій пишетъ: «Пруссаки оставили незабвенные слѣды благоразумнаго своего управленія въ той части Польши, которая находилась подъ владычествомъ ихъ до Тильзитскаго мира. Они отстроили города, улучшили положеніе крестьянъ, ограничили власть помѣщиковъ, завели училища, страховыя конторы, суммы для вспоможенія бѣднымъ, поощряли рукодѣлія и трудолюбіе, словомъ, учрежденія ихъ носятъ отпечатокъ просвѣщенія нашего вѣка. Они доказали въ Польшѣ, что не климатъ, а правительство образуетъ народы, ибо не успѣли мы въѣхать въ Гродненскую губернію, которая отъ Бѣлостокской области не различествуетъ ни въ чемъ въ отношеніи къ дарамъ природы, какъ нашли бѣдность и отвратительную неопрятность» (Журналъ 1816 года).

76) Изъ разсказовъ Аѳанасія Даниловича Саломки, сопровождавшаго императора Александра во всѣхъ его путешествіяхъ во вторую половину его царствованія.

77) 15-го (27-го) октября 1816 года полковникъ Михайловскій-Данилевскій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Принимая Данилевскаго по случаю вновь пожалованнаго ему званія, императоръ Александръ сказалъ: «долго ты былъ со мною неразлученъ въ войнѣ и въ дорогѣ, а теперь и въ Петербургѣ мы будемъ вмѣстѣ».

78) Не смотря на открытую вражду съ графомъ Аракчеевымъ, Закревскій оставался въ должности дежурнаго генерала весьма продолжительное время, до назначенія его 30-го августа 1823 года финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

79) Отчетъ генералъ-адьютанта Закревскаго по управленію его дежурствомъ главнаго штаба е. и. в. съ 12-го декабря 1815 года по 1-е сентября 1823 года.

80) 12-го декабря 1816 года императоръ Александръ ознаменовалъ день своего рожденія общею милостью генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ, увеличивъ имъ жалованье отъ прапорщика до полковника и повелѣвъ производить, сверхъ жалованья, столовыя деньги: полковымъ командирамъ, бригаднымъ генераламъ, дивизіоннымъ и корпуснымъ начальникамъ, начальникамъ главнаго штаба армій и управляющимъ его частями.

81) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1816 года.

82) Воспоминанія моей жизни. Записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. «Русская Старина» 1871 года. Т. 4-й, стр. 636.

83) Великій князь на каждой станціи показывалъ принцу войска и производилъ имъ ученіе. Генералъ Натцмеръ, сопровождавшій принца Вильгельма, пишетъ: «Нельзя повѣрить, чѣмъ этотъ господинъ способенъ заниматься цѣлый день (Es ist nicht zu glauben, mit welchen Sachen sich dieser Herr den ganzen Tag beschäftigt)». Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer.—Berlin, 1876. T. 1, p. 236.

84) Принцу Вильгельму суждено было сдѣлаться въ 1871 году германскимъ императоромъ.

85) Натцмеръ пишетъ: «Нѣжность императрицы-матери, пожалуй, слишкомъ велика (von Seiten der Kaiserin-Mutter könnte wohl bald die Zärtlichkeit zu viel werden)».

«Sie sind das Herzblatt der Kaiserin-Mutter», сказала впослѣдствіи графиня Ливенъ великой княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, замѣтивъ при этомъ вообще, что императрица не была столь ласкова и снисходительна ни къ одной изъ своихъ дочерей.

86) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 5-я, стр. 70.

87) Припомнимъ здѣсь, что 12-го (24-го) декабря 1825 года *Я. И.* Ростовцевъ писалъ великому князю Николаю Павловичу: «Слѣдуя рѣдко доброму влеченію вашего сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ вашимъ, вы весьма многихъ противу себя раздражали».

88) Aus dem Leben des Generals von Natzmer. T. 1, p. 241.

Нельзя не остановиться здѣсь на весьма любопытномъ порученіи, данномъ генералу Натцмеру въ Берлинѣ въ самый разгаръ дружескихъ отношеній Пруссіи къ Россіи. Независимо отъ различныхъ вопросовъ, касающихся русской арміи и разъясненіе которыхъ представлялось желательнымъ прусскому правительству, Натцмеру поручалось еще узнать о слѣдующемъ:

1) Поддерживается ли еще у Риги предмостное укрѣпленіе?

2) Будутъ ли вновь отстроены рижскіе форштаты, окружающіе крѣпость, и въ какомъ разстояніи отъ крѣпостныхъ верковъ?

3) Дѣйствительно ли приступлено къ укрѣпленію Пскова, и что именно сдѣлано?

4) Въ какомъ положеніи находятся древнія укрѣпленія Новгорода?

5) Въ какомъ положеніи Нарва и Ивангородъ? (T. 1, p. 237).

Читая эти строки можно подумать, что эти вопросные пункты предложены Наполеономъ передъ нашествіемъ 1812 года, а не союзною съ Россіею державою въ 1817 году.

89) Высочайшимъ приказомъ 3-го (15-го) іюля 1817 года великій князь Николай Павловичъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части и шефомъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона. Въ исправленіе должности великій князь вступилъ 20-го января (1-го февраля) 1818 года. Въ томъ же году, 27-го іюля (8-го августа), Николай Павловичъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи.

90) Только въ январѣ 1818 года государь на нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а затѣмъ лѣтомъ пробылъ въ немъ около двухъ мѣсяцевъ. Передъ отъѣздомъ князь Волконскій признавался Данилевскому, что онъ дорого бы заплатилъ, если бы его освободили отъ этого путешествія.

91) Въ этомъ путешествіи сопровождали государя генералъ-адъютанты князь Волконскій, графъ Ожаровскій и Уваровъ, статсъ-секретарь Марченко, генералъ-маіоръ князь Меншиковъ, лейбъ-медикъ Вилліе, флигель-адъютанты полковники Алексѣй Өедоровичъ Орловъ и Михайловскій-Данилевскій. Всѣмъ этимъ лицамъ приказано было отправиться въ путь ранѣе государя, однимъ въ Могилевъ, другимъ въ Кіевъ, за исключеніемъ князя Волконскаго, который поѣхалъ въ одной коляскѣ съ его величествомъ, а за ними слѣдовалъ Данилевскій.

92) По поводу этого назначенія Вигель пишетъ: «Не понимаю, какъ рѣшился государь вручить вѣсы правосудія разъяренной обезьянѣ, которая кусать могла только невпопадъ» (Записки: часть 5-я, стр. 66).

93) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1817 года.

На этомъ обѣдѣ присутствовали семь человѣкъ: генералъ-адъютанты князь Волконскій и графъ Ожаровскій, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Вилліе и флигель-адъютанты Орловъ и Данилевскій.

94) По поводу этихъ представленій Данилевскій вообще замѣчаетъ: «Государь, къ удивленію моему, рѣдко входилъ въ подробные разговоры о мѣстностяхъ края или нуждахъ жителей, а большею частію дѣлалъ незначительные вопросы, преимущественно тѣмъ лицамъ, коихъ имена почему либо ему были извѣстны. Конечно, тому была причиною скорость, съ каковою императоръ проѣзжалъ большое пространство земель, и сопряженная съ нею физическая усталость. Скорости же сей опорочивать равномѣрно нельзя, ибо посредствомъ оной сокращаются, такъ сказать, разстоянія необъятной Россіи».

95) Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, вице-президентъ Петербургскаго библейскаго общества. Онъ дѣйствовалъ въ духѣ Рунича и Магницкаго и не отставалъ отъ нихъ въ

усердіи при введеніи въ университетѣ тѣхъ порядковъ, которые внесли въ дѣло русскаго образованія столько смутъ и печальныхъ замѣшательствъ въ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра.

96) Принцъ прусскій Вильгельмъ также участвовалъ въ поѣздкѣ въ Москву и пробылъ тамъ до 14-го (26-го) декабря 1817 года.

97) Витбергъ принялъ православіе и имя Александра въ сочельникъ передъ Рождествомъ въ 1817 году въ домовой церкви архіепископа Августина. Императоръ Александръ былъ воспріемникомъ и его замѣнялъ князь А. Н. Голицынъ.

98) Автобіографія Александра Лаврентьевича Витберга. «Русская Старина» 1876 года, т. 17-й, стр. 111.

Въ запискахъ А. Л. Витберга, напечатанныхъ ранѣе («Русская Старина» 1872 года, т. 5-й), слова императора Александра приведены въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я чрезвычайно доволенъ вашимъ проектомъ. Вы отгадали мое желаніе, удовлетворили моей мысли объ этомъ храмѣ. Я желалъ, чтобы онъ былъ не одна куча камней, какъ обыкновенныя зданія, но былъ одушевленъ какой-либо религіозной идеею; но я никакъ не ожидалъ, чтобъ кто-либо былъ одушевленъ ею, и потому скрывалъ свое желаніе. И вотъ я разсматривалъ до двадцати проектовъ, въ числѣ которыхъ есть весьма хорошіе, но все вещи самыя обыкновенныя. Вы же заставили камни говорить».

Свидѣтелемъ этихъ словъ, сказанныхъ императоромъ Александромъ, былъ князь А. Н. Голицынъ.

Описывая эту аудіенцію, Витбергъ въ заключеніе пишетъ: «Я былъ въ восторгѣ отъ императора. Это чувство любви, разлитое въ его взорахъ, заставило бы меня влюбиться въ него, ежели бы я былъ женщиной. Чего не въ состояніи сдѣлать подданный для такого царя».

99) Императоръ Александръ называлъ Воробьевы горы короною Москвы.

100) Въ продолженіе многихъ лѣтъ Витбергъ переработывалъ свой первоначальный проектъ, подвергая его многимъ измѣненіямъ; послѣдній составленный имъ рисунокъ изображалъ храмъ уже не о пяти главахъ, какъ предполагалось сначала, а съ однимъ большимъ куполомъ и съ отдѣльной колокольней.

101) «При предпріятіяхъ огромныхъ нечего смотрѣть на какія-нибудь издержки», сказалъ императоръ Александръ Витбергу.

102) Императоръ Александръ сказалъ Витбергу передъ закладкою, по поводу предстоявшаго шествія: «Я довольно привыкъ ходить во время кампаніи; жена не отстанетъ отъ меня, а духовенство, вѣроятно, не затруднится тѣмъ».

103) То есть, не обращали бы въ военныхъ поселянъ.

104) «Моя исторія въ 25 дней скончалась: не осталось у меня ни одного экземпляра; сверхъ 3,000 проданныхъ, требовали у меня еще шести сотъ. Не равняемся съ Англіею; однакожъ, это замѣчательно... наша публика почтила меня выше моего достоинства; мнѣ остается только быть благодарнымъ и смиреннымъ». Карамзинъ И. И. Дмитріеву 11-го марта 1818 года.

105) См. въ приложеніяхъ разсказъ графа Каподистріи относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ разработку рѣчи императора Александра для перваго польскаго сейма. Этотъ разсказъ не вошелъ въ Записку графа Каподистріи о его служебной дѣятельности (Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822), напечатанную въ Сборникѣ И. Р. И. О., т. 3-й, стр. 227.

106) О характерѣ этихъ военныхъ упражненій можно судить по слѣдующему анекдоту, записанному Михайловскимъ-Данилевскимъ: «Сказываютъ, что великій князь à qui veut voir показываетъ sa cuisse, покрытую синевами отъ того, что онъ по ней бьетъ тактъ во время ученій» (Рукописный журналъ 1818 года).

107) Приведенный нами русскій офиціальный переводъ рѣчи императора Александра было поручено сдѣлать князю Петру Андреевичу Вяземскому, служившему въ то время въ канцеляріи Новосильцова въ Варшавѣ. Этимъ переводомъ государь остался вполнѣ доволенъ и, по разсказу Вяземскаго, на одномъ обѣдѣ даже лично благодарилъ его за эту работу.

«Многія слова политическаго значенія», пишетъ князь Вяземскій, «выраженія, чисто конституціонныя, были нововведеніями въ русскомъ изложеніи. Надобно было надъ нѣкоторыми призадумываться». Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. С.-Петербургъ. 1878, т. 1-й. Автобіографическое введеніе.

108) Ко времени открытія польскаго сейма прибылъ въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ, отправлявшійся для довершенія своего образованія въ заграничное путешествіе въ Англію, Германію и Италію.

109) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1818 года.

110) Рѣчь начиналась словами: Vous avez justifié mon attente».

111) «Librement élus, vous deviez librement délibérer. A cette double inviolabilité sera toujours attaché le vrai caractère d'une représentation nationale que j'ai voulu réunir pour entendre par son organe l'expression franche et complète de l'opinion publique».

112) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. С.-Петербургъ, 1866, стр. 236—237. (Письма отъ 8-го апрѣля и 23 апрѣля 1818 года изъ С.-Петербурга).

113) «Русскій Архивъ» 1869 года, стр. 1697 и 1703. Письмо Сперанскаго изъ Пензы отъ 2-го (14-го) мая 1818 года.

114) «Очистите часть административную. Потомъ введите установительные законы, то есть свободу политическую, и затѣмъ постепенно приступите къ вопросу о свободѣ гражданской, то есть, къ свободѣ крестьянъ. Вотъ настоящій ходъ дѣла».

115) Та же мысль проведена въ государственномъ образованіи, разработанномъ Сперанскимъ въ 1809 году.

116) Князь Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. С.-Петербургъ, 1888, Т. I, стр. 330.

117) Сборникъ И. Р. И. О., томъ 78-й, стр. 192. Письмо генералъ-адъютанта Закревскаго отъ 31-го марта (12-го апрѣля) 1818 года.

118) Сборникъ И. Р. И. О., томъ 78-й, стр. 2. Письмо П. Д. Киселева изъ Тирасполя отъ 11-го (23-го) апрѣля 1818 года.

119) Сборникъ И. Р. И. О., томъ 73-й, стр. 280.

120) Графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову высказалъ слѣдующія мысли по поводу варшавской рѣчи: «On a écrit de Pétersbourg confidentiellement, que le discours de l'empereur a Varsovie, ses préférences marquées aux Polonais et l'insolence de ceux-là ont monté les têtes; des jeunes gens lui demandent une constitution. Tout cela finira par le renvoi d'une douzaine des plus bavards; car on sait crier, mais pas se révolter, et il n'y a que les langues qui s'insurgent. On regarde comme une constitution la liberté des paysans, qui est contre le voeu de la noblesse, mais on ne voudra pas restreindre son pouvoir et se mettre sous l'empire de la justice et de la raison». Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 363.

121) Dębicki: Pulawy. T. 2, p. 330.

122) Генералъ-маіоръ П. Д. Киселевъ получилъ отъ государя порученіе подготовить войска второй арміи къ высочайшему смотру. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и смотры въ Старо-Константиновѣ и Тираснолѣ окончились благополучно.

123) Во время путешествія 1818 года государь попрежнему также часто разсказывалъ о смотрѣ при Вертю; однажды дорогою, когда не было постороннихъ приглашенныхъ, Александръ сказалъ: «Думаю, что я вамъ надоѣлъ частыми разсказами о Вертю, но говорю, во-первыхъ, потому что мнѣ пріятно вспомнить о томъ времени, а во-вторыхъ, встрѣчая въ путешествіи безпрерывно новыя лица, трудно каждый разъ находить новые предметы для разговоровъ; поневолѣ надобно повторять сегодня то, о чемъ было говорено вчера и третьяго дня». Графъ Милорадовичъ нашелъ выходъ изъ этого затрудненія и съ своей стороны замѣтилъ ему съ чистосердечіемъ: «Я съ вашимъ величествомъ не согласенъ; я нахожу, что очень легко говорить пустяки. Я кромѣ вздора ничего не говорю».

Не лишена интереса слѣдующая замѣтка Данилевскаго. Когда случилось, что разговоръ коснулся Англіи, Александръ хвалилъ чистоту домовъ и присовокупилъ, что «опрятность въ сей землѣ еще болѣе ощутительна, когда пріѣзжаешь туда изъ грязной и проклятой Франціи» (Рукописный журналъ 1818 года).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

124) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1818 года.

125) Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, томъ 8-й, стр. 57.

126) «En temps de paix les colonies militaires m'épargneront les recrues, mais en temps de guerre il faut que tout le monde marche et que tout le monde défende la patrie». (Рукописный журналъ 1818 года).

Относительно военныхъ поселеній Данилевскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Образованіе ихъ и настоящая цѣль ихъ существованія были покрыты непроницаемою тайною, извѣстною только тѣмъ лицамъ, которыхъ употребляли по сей части, а потому и мнѣ нельзя что-либо утвердительно о нихъ сказать... одни предвидѣли народныя бѣдствія, долженствовавшія изъ того послѣдовать, а другіе почитали ихъ источникомъ будущаго могущества Россіи». Военныя поселенія наводятъ еще Данилевскаго на наивное заключеніе, которымъ онъ нерѣдко украшаетъ страницы своего дневника. «Я часто думаю, какъ бы полезно было, ежели бы правительство наше, которое, конечно, долго еще не введетъ свободнаго книгопечатанія, дозволило оное въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя на опредѣленное время, особенно, при нововводимыхъ важныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, при основаніи военныхъ поселеній. Пусть тогда каждый желающій скажетъ безъ цензурнаго одобренія свое мнѣніе, и какая бездна истинъ откроется передъ глазами нашими».

127) Въ Херсонѣ, въ присутствіи государя, состоялся спускъ 70-ти-пушечнаго корабля «Скорый». Когда генералъ-адъютантъ Уваровъ во время дальнѣйшаго пути сообщилъ государю, что капитанъ спущеннаго корабля сказалъ, что при первой войнѣ съ турками онъ непремѣнно хочетъ полонить турецкаго адмирала, Александръ отвѣтилъ съ нѣкоторою перемѣною въ лицѣ: «Капитанъ сей можетъ долгое время покоиться», и, обратясь затѣмъ къ принцу гессенъ-гомбургскому, сказалъ: «Le général Ouvaroff est aujourd'hui d'une humeur très guerrière».

128) Въ шлюпкѣ находились: императоръ, принцъ гессенъ-гомбургскій, графъ Кламмъ, графъ Аракчеевъ, графъ Милорадовичъ, генералъ-адъютанты Уваровъ и князь Волконскій, вице-адмиралъ Грейгъ, лейбъ-медикъ Вилліе и флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій.

129) Въ Керчи во время обѣда рѣчь коснулась Суворова; императоръ сказалъ при этомъ случаѣ, что онъ намѣренъ перенести на другія мѣста находящіеся на Царицыномъ лугу памятники Суворову и Румянцеву. Они похожи,—сказалъ онъ,—«первый на будку, подлѣ которой стоитъ будочникъ, а другой на верстовой столбъ. Я поставлю памятникъ Румянцева передъ кадетскимъ корпусомъ, потому что онъ въ немъ воспитывался. Это послужитъ хорошимъ примѣромъ для кадетъ, а Суворова такъ помѣщу, чтобы всякій, кто ѣдетъ водою по Невѣ или идетъ по набережной, будетъ имѣть его передъ глазами».

За другимъ обѣдомъ, во время дальнѣйшаго путешествія, государь назвалъ Суворова великимъ и присовокупилъ: «Какихъ подвиговъ не надѣлалъ бы Суворовъ съ теперешнею до совершенства доведенною арміею нашею!»

130) Графъ Аракчеевъ не участвовалъ въ путешествіи по южному берегу; онъ оставался въ Симферополѣ и занялся тамъ съ таврическимъ губернаторомъ дѣлами, касавшимися Крымскаго полуострова. Графъ Алексѣй Андреевичъ снова присоединился къ свитѣ государя въ Севастополѣ.

131) За государемъ въ этой поѣздкѣ слѣдовали: принцъ гессенъ-гомбургскій, генералъ Кламмъ, графъ Милорадовичъ, Уваровъ, князь Волконскій, князь Меншиковъ, Вилліе и Михайловскій-Данилевскій.

132) Въ подобныхъ случаяхъ Александръ нерѣдко говорилъ: «Il faut se créer des privations pour avoir des jouissances».

133) За столомъ государь хвалилъ южный берегъ Крыма, а потомъ началъ говорить о велико-россійскихъ губерніяхъ и сказалъ: «Намъ, кажется, некому завидовать. У насъ нѣтъ такихъ видовъ, но зато народъ лучше. Можетъ быть, ему недостаетъ нѣкотораго просвѣщенія; но ни у кого нѣтъ такихъ природныхъ способностей и ума, какъ у русскаго народа; повторяю: завидовать намъ некому».

134) Въ Байдарѣ всѣ лица свиты были предупреждены княземъ Волконскимъ о намѣреніи государя одному посѣтить Георгіевскій монастырь.

Данилевскій по этому случаю замѣчаетъ: «Вообще государь любилъ повременамъ молиться одинъ въ церквахъ и не жаловалъ, чтобы кто-либо изъ особъ его свиты находился въ его комнатахъ, когда онъ принималъ у себя духовныхъ лицъ».

135) Припомнимъ здѣсь, что эти разсужденія написаны были въ 1818 году и что Михайловскій-Данилевскій скончался въ 1848 году, за нѣсколько лѣтъ до начала восточныхъ усложненій и восточной войны.

136) Данилевскій, какъ примѣръ, приводитъ дѣло адмирала Мордвинова съ жителями Байдарской долины. Государственный Совѣтъ положилъ мнѣніемъ: владѣть землями Мордвинову, доколѣ татары не представятъ документовъ на принадлежность имъ земель. Между тѣмъ татары не имѣли другихъ крѣпостей кромѣ изустнаго преданія и права давности. Князь Балатуковъ сказалъ Данилевскому: «Спросите стариковъ Байдарской долины и всѣхъ сосѣднихъ селеній; они вамъ скажутъ, что предки мои владѣли садомъ, доставшимся мнѣ по наслѣдству отъ отца моего и который у меня отнялъ управитель Мордвинова Платоновъ въ 1812 году, когда я, служа въ Симферопольскомъ полку, защищалъ Россію и получилъ георгіевскій крестъ, а онъ завладѣлъ моею землею подъ предлогомъ, что я не имѣю письменныхъ документовъ на принадлежность оной».

137) Секта духоборцевъ сдѣлалась извѣстна правительству съ 1770 года. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императоръ Александръ обратилъ вниманіе на гоненія, которымъ подвергались духоборцы, находившіеся тогда въ Слободско-Украинской губерніи; участіе государя къ ихъ печальной судьбѣ было вызвано донесеніемъ сенаторовъ П. В. Лопухина и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, посланныхъ для осмотра этой губерніи. Александръ повелѣлъ переселить ихъ въ Новороссійскій край (на Молочныя Воды), даровавъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ щедрыя пособія. Записки И. В. Лопухина.—Лондонъ, 1860, стр. 118—139.

На вопросъ Данилевскаго, по пріѣздѣ въ Терпѣніе, довольны ли духоборцы своимъ положеніемъ, они отвѣтили: «Намъ недостаетъ словъ возблагодарить государя за его покровительство, ибо въ его царствованіе гоненія противъ насъ прекратились. Многіе изъ братьевъ нашихъ, находящіеся въ Сибири, въ Выборгской и Архангельской губерніяхъ, мало-по-малу возвращаемы въ домы свои по повелѣнію императора». «Дѣйствительно, прибавляетъ Данилевскій, признательность ихъ къ Александру должна была быть безпредѣльною, потому что они видѣли въ немъ ангела-покровителя.

138) Въ дополненіе приведемъ со словъ Данилевскаго слѣдующее замѣчаніе принца гессенъ-гомбургскаго, высказаное имъ государю и относящееся къ его путешествію по Крыму. «Я, говорилъ онъ,—протестантъ, со мною въ коляскѣ сидѣлъ графъ Кламмъ католикъ, на козлахъ былъ кучеръ русскій, слѣдственно греческаго исповѣданія, форейторъ былъ еврей, а переводчикъ, подлѣ меня ѣхавшій, магометанинъ».

139) Когда графъ Ростопчинъ узналъ о смерти Барклая, онъ со свойственною ему рѣзкостью, въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Закревскому, посвятилъ почившему слѣдующія строки, не позабывъ при этомъ своего недруга, «безсмертнаго князя Михайлы, иже въ Казанской»: «Вы вѣрно жалѣете о Барклаѣ; онъ имѣлъ много хорошихъ качествъ, но не могъ сохранить достоинства, не имѣвъ твердости. Я увѣренъ, что другой до Бородина армію бы не довелъ; вышелъ на верхъ почестей, бывъ безгласнымъ человѣкомъ, и кончилъ жизнь, какъ многострадальный Іовъ, а Михайло Кутузовъ отдыхаетъ въ Казанской на спинѣ, ползавъ весь вѣкъ на брюхѣ». Сборникъ И. Р. И. О., т. 73-й, стр. 468 (Письмо изъ Парижа отъ 5-го (17-го) іюля 1818 года).

Ермоловъ признавался тому же Закревскому, что онъ въ Барклаѣ ничего не видѣлъ кромѣ человѣка весьма обыкновеннаго и даже посредственнаго.

140) По словамъ Данилевскаго: «Государь не многихъ генераловъ уважаетъ, какъ его; но зато и немногіе говорили такъ дѣльно и настоятельно, какъ Сакенъ. Мнѣ случилось обѣдать однажды съ нимъ вмѣстѣ у императора, и онъ, не соглашаясь съ его величествомъ въ мнѣніяхъ, повторялъ разъ десять: non, non, non, Sire».

Сравнивая однажды Милорадовича съ Сакеномъ, Александръ сказалъ: «C'est un vrai chevalier, mais il faut avouer que Saken a la tête mieux garnie».

Назначеніе новыхъ главнокомандующихъ очень огорчило графа Милорадовича. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

141) Цесаревичъ писалъ Сипягину по пріѣздѣ въ Москву: «Я пріѣхалъ сюда 22-го числа: дорога безподобная и, такъ сказать, что шаръ покати, исключая нѣсколькихъ станцій до Москвы, и я по всей дорогѣ разореннаго не видалъ ничего, какъ будто бы и войны у насъ совсѣмъ не было. Одинъ Смоленскъ, можно сказать, опустошеніемъ достоинъ и теперь еще жалости: впрочемъ, въ Вязьмѣ хотя и остались знаки разоренія, но примѣтно, сколь много уже поправлено и поправляется, и народу только что проѣхать съ трудомъ и, кажется, въ короткое время въ семъ городѣ ничего примѣтнаго не будетъ. Гжатскъ такъ отстроился, что и теперь ничего разореннаго почти не увидишь, а объ Москвѣ я вамъ уже и сказать не умѣю, сколь много въ ней поправилось и въ такомъ уже видѣ, какъ нельзя лучше, но на мои глаза второй Парижъ. Я по милости е. и. в. имѣю комнаты рядомъ съ комнатами е. и. в. въ Кремлевскомъ дворцѣ и не могу отойти отъ окошка, сижу и смотрю на городъ, любуюсь сверхъ того и натуральными видами Москвы, одаренными природою, и если бы употребить ту сумму, какая издержана на украшеніе въ С.-Петербургѣ, я не знаю, что бы еще изъ того здѣсь было, но теперь скажу вамъ, что для меня нѣтъ лучшихъ городовъ, какъ Парижа и Москвы».

142) По повелѣнію государя, генералъ-маіоръ П. Д. Киселевъ поѣхалъ на встрѣчу королю и представился ему въ Торнѣ 19-го (31-го) мая. Заблоцкій-Десятовскій: Графъ П. Д. Киселевъ и его время — С.-Петербургъ, 1882, т. 1-й, стр. 55.

143) Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Т. 4-й, стр. 7.

144) Во время пребыванія короля въ Петербургѣ великій князь Николай Павловичъ заболѣлъ корью. На другой день послѣ отъѣзда короля великую княгиню Александру Ѳеодоровну постигла та же участь. Наслѣдный принцъ прусскій оставался еще нѣкоторое время въ Петербургѣ, равно какъ и принцъ гессенъ-гомбургскій; первый уѣхалъ 5-го (17-го) іюля, а послѣдній 26-го августа (7-го сентября).

Государь окончательно простился съ принцемъ гессенъ-гомбургскимъ въ Мемелѣ. По этому случаю у Данилевскаго сорвалось слѣдующее замѣчаніе: «Императоръ обходился съ нимъ все время отмѣнно милостиво, какъ съ другомъ, если только, по необыкновенной недовѣрчивости своей, его величество можетъ имѣть друзей».

145) 8-го (20-го) сентября въ Потсдамѣ.

146) Charakter-Züge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich-Wiehelm III. Gesammelt von Eylert.—Magdeburg. 1844. T. 2. Abtheilung 1, p.p. 242—257.

147) Эйлертъ пишетъ: «mit orientalischer Begeisterung».

148) «Es beginnt auch für uns eine neue Epoche in der Geschichte und ich habe noch vieles vor».

149) Рукописный журналъ 1818 года.

150) См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ этой собственноручной записки императора Александра.

151) 22-го декабря 1814 года ст. стиля.

152) Comte Capodistrias: Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822.

153) Varnhagen von Ense: Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. Leipzig, 1871. T. 5, p. 351: «nicht Oesterreich und Metternich, nicht England, geschweige denn Preussen, sondern der Kaiser Alexander und Capodistrias ein entscheidendes Übergewicht genommen, und sich bei dem Kaiser in höchste Gunst gesetzt habe».—Рукописный журналъ 1818 года.

154) См. въ прим. 168 подлинныя слова объ этомъ императора Александра.

«Le point capital de la pointe des pieds pas assez baissée n'a été relevée qu'avec une indulgence étonnante, et sur le reste on a paru assez satisfait», писалъ графъ С. Р. Воронцовъ графу Ростопчину. Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 543.

155) Король прусскій и цесаревичъ остались на нѣсколько дней въ Парижѣ.

По поводу пребыванія тамъ цесаревича императоръ Александръ разсказывалъ слѣдующее: «A-t-on jamais vu quelqu'un qui le lendemain de son arrivée à Paris soit allé voir des écuries? C'est le grand-duc Constantin».

156) 24-го октября (5-го ноября) 1818 года.

157) 18-го (30-го) ноября графъ Аракчеевъ отвѣчалъ изъ Петербурга: «Приношу в. и. в. мою всенижайшую благодарность за всемилостивѣйшее письмо ваше отъ 24-го октября. Ежечасно молю Бога, чтобъ сохранилъ здоровье ваше, ежечасно считаю дни

приближающіе ваше къ намъ возвращеніе. Въ душевной, никогда не измѣнившейся моей къ вашему величеству привязанности, въ пріятной привычкѣ, болѣе чѣмъ 20-тилѣтней, нелицемѣрно служить вашему величеству, чувствительно скучаю безъ васъ!»

158) Въ этомъ письмѣ графъ Аракчеевъ писалъ: «простите меня великодушно, что я много написалъ и вѣрьте неизмѣнной моей къ вамъ чистѣйшей привязанности».

159) Ахенъ, 1-го (13-го) ноября 1818 года.

Въ отвѣтѣ графа Аракчеева отъ 25-го ноября между прочимъ читаемъ: «Милостивое ваше письмо отъ 1-го ноября я получилъ. Служба моя посвящена однножды привязанности моей къ вамъ, Государь, слѣдовательно, и будетъ вѣчно она одинакова, не смотря на всѣ разные толки, партіи и непріятности. Слава Богу, что пріѣздъ вашъ къ намъ рѣшительно опредѣленъ; помоги вамъ Богъ оное исполнить... Въ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, все благополучно.— 28-го числа поѣду въ свое Грузино, къ празднику Андрея Апостола, помолиться и проѣду опять по нашимъ селеніямъ».

160) Въ числѣ вопросовъ, которые подверглись обсужденію на Ахенскомъ конгресѣ, слѣдуетъ упомянуть о мѣрахъ, предложенныхъ съ цѣлью прекращенія торговли неграми; переговоры по этому предмету не привели къ положительнымъ результатамъ. Затѣмъ конгресъ рѣшилъ споръ, завязавшійся между Баваріею и Баденомъ, относительно наслѣдства на случай прекращенія Церингенскаго дома.

Въ Ахенѣ постановлено было также обезпечить сына шведской королевы Фредерики, принца Густава; каждый изъ союзныхъ дворовъ долженъ былъ объявить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, какую сумму онъ предполагаетъ назначить. Императоръ Александръ въ 1819 году выдалъ матери принца Густава милліонъ франковъ; но кромѣ Англіи, ни одна изъ державъ не послѣдовала примѣру Россіи.

161) Содержаніе этой прокламаціи французскому народу было слѣдующее:

«Au nom de la patrie et de l'empereur Alexandre:

«Article 1-r. En décision de notre congrès d'Aix-la-Chapelle, nous décrétons que l'évacuation de l'armée d'occupation doit s'effectuer dans les derniers jours de ce mois, et retourner chacuns dans leur frontière.

«Article 2-r. Par l'assemblée secrete des souverains, nous proclamons par délibération de notre congrès, qu'au nom de la France, Napoléon soit transporté en France, et que le prince François-Charles-Napoléon soit proclamé empereur des Français, et Marie-Louise impératrice-régente.

«Fait à notre congrès d'Aix-la-Chapelle, en date de notre assemblée du ...... 1818».

Планъ заговора составилъ Лабордъ; онъ скрылся. Остальные заговорщики были захвачены: Пиже, Бертъ, Дитриксъ, Пульо и Бюшо.

Notice historique sur le complot formé contre l'empereur Alexandre.—Paris, 1819.

162) Данилевскій пишетъ о королевѣ: «Невозможно соединить болѣе любезности и основательныхъ познаній вмѣстѣ какъ Екатерина Павловна; она разсуждаетъ какъ разумный мужчина о предметахъ политики и исторіи; если бы она была собою не красавица, а дурна, то можно бы было подумать, что она ловкостію и ученостію хочетъ замѣнить недостатокъ тѣлесной красоты; но, будучи прелестна какъ ангелъ, видно, что великій умъ ея не довольствуется обыкновенными занятіями ея пола, но стремится выше. Узнавъ, что я началъ службу въ 1812 году, она сказала: «Et moi j'ai joué alors un triste rôle; ah, si j'avais été dans une autre position».— Это выраженіе многозначущее».

163) По дорогѣ въ Веймаръ Александръ вспомнилъ въ Тюрингенскомъ лѣсу походъ 1813 года и сказалъ Данилевскому: «Ты помнишь, какъ мы здѣсь проходили послѣ Лейпцигскаго сраженія. Нѣкоторымъ изъ нашихъ союзниковъ хотѣлось, чтобы мы пришли на Рейнъ позднѣе ихъ. Какъ было велико удивленіе и негодованіе ихъ, когда мы туда приспѣли прежде всѣхъ».

164) Изъ Маріенбурга (въ Богеміи) императоръ Александръ 27-го ноября послалъ графу Аракчееву дружескія строки, послѣднія, написанныя во время заграничнаго путешествія 1818 года: «Съ новымъ удовольствіемъ читалъ я твой рапортъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, о успѣхахъ по нашему военному поселенію. Я уповаю на Бога, что поможетъ намъ благополучно и довершить. У насъ все идетъ какъ нельзя лучше.

Чрезъ три дня я буду въ Вѣнѣ, а 10-го съ помощію Божіею отправлюсь въ путь домой. Пребываю тебя искренно любящимъ».

165) Передъ отъѣздомъ изъ Ахена императоръ Александръ назначилъ Веллингтона фельдмаршаломъ русскихъ войскъ.

166) «Конечно, подумалъ я», пишетъ Данилевскій, «сіи слова нужны, чтобы оправдать, что Россія содержитъ теперь несмѣтную армію» (Рукописный журналъ 1818 года).

167) «Voilà donc ce congrès dont on a tant parlé, qu'on a représenté si mystérieux, fini et la paix établie pour longtemps. Nous nous sommes donné la parole de nous réunir derechef dans trois ans. Je voudrais qu'on se réunit de nouveau à Aix-la-Chapelle, moi je m'y suis beaucoup plu, quoique tout le monde prétend s'y être ennuyé».

168) «Le maréchal Wellington me parla le premier du voyage de Paris; au commencement je n'avais nulle intention d'y aller: il me dit qu'en faisant beaucoup de plaisir au roi de France, cela pourrait peut-être lui faire du bien, et qu'une fois étant allé sur le territoire de France il fallait faire cette attention à Louis XVIII. J'y consentis et comme je n'ai voulu que rendre une visite au roi de France, je n'avais rien de plus à faire à Paris».

169) «Vous avez raison. Je suis persuadé, que rien n'est si nécessaire dans la vie humaine que la cordialité et la politesse. Ces qualités nous sont recommandées par la religion et elles rendent l'existence des sociétés possible, comme d'un autre côté tout ce qui détruit ce sentiment de cordialité est nuisible à l'existence des sociétés. Quand j'étais jeune, quand j'avais vingt cinq ans, je pensais en partie autrement, je songeais aux babioles. - Vous êtes plus jeune que moi, vous en serez convaincu avec l'âge. Même si ceux, avec lesquels nous en usons de la sorte, sont en retard en fait de politesse, ce sont eux qui sont fautifs et pas nous, et ce sont eux qui le regretteront, croyez moi».

170) Потомъ государь говорилъ о нескромности французовъ и привелъ въ примѣръ два случая:

«Aurait-on cru qu'un maréchal, et c'est le maréchal Grouchy, qui a suivi Napoléon pendant son invasion de l'île d'Elbe et qui durant cette époque a été nommé maréchal, m'a écrit à Paris de le recommander à Louis XVIII et de prier le roi de lui conserver le nouveau grade qu'il avait obtenu de Napoléon.

«Un autre général français m'a écrit une lettre, dans laquelle en exposant ses services il dit qu'il s'est trouvé dans beaucoup de combats contre les Russes et qu'il demandait pour cela une décoration. Je lui fis répondre que je n'avais des décorations que pour ceux qui se battaient pour nous, mais que je ne manquerai pas de lui déférer un ordre, quand j'en aurai créé un pour ceux qui combattent contre nous. Le général français dit à celui que je lui envoyai avec cette réponse, que j'avais raison et qu'il n'y avait point songé».

171) 28-го декабря 1818 года (9-го января 1819 года) королева скончалась отъ рожи на головѣ, проболѣвъ всего сутки.

172) Etienne de Grelle de Mobillier родился въ 1760 году во Франціи и былъ воспитанъ въ римско-католической вѣрѣ. При началѣ французской революціи онъ уѣхалъ въ Америку и тамъ вступилъ въ общество «друзей», обыкновенно называемыхъ «квакерами». Впослѣдствіи онъ неоднократно посѣщалъ Европу съ разными филантропическими цѣлями и, главнымъ образомъ, для утвержденія между людьми основъ нравственно-религіозной жизни.

Во время пребыванія въ Россіи Греллэ написалъ дневникъ, въ которомъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія и приключенія въ нашемъ отечествѣ со свойственнымъ квакерамъ прямодушіемъ, съ такою простотою и откровенностію, которыя не оставляютъ въ себѣ сомнѣнія въ истинности и справедливости его разсказовъ.

173) Василій Михайловичъ Поповъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія.

174) Впослѣдствіи митрополитъ московскій.

175) Посланіе св. апостола Павла Римлянамъ. Глава 8-я. 9.

176) Спрашивается, о какой неодобрительной книжкѣ говорили квакеры императору Александру? Съ этимъ указаніемъ совпадаютъ по времени и обстоятельствамъ слѣдующіе факты. Именно въ это время членъ главнаго правленія училищъ, епископъ Фила-

реть, предложилъ этому правленію о неодобрительности книги: «О должностяхъ человѣка и гражданина», изданной первоначально въ 1783 году для народныхъ училищъ и употреблявшейся вообще въ школахъ». А. Н. Пыпинъ: Императоръ Александръ I и квакеры («Вѣстникъ Европы» 1869 года. Т. 5, стр. 764).

177) Это былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

178) «Это была торжественная минута», говоритъ Алленъ,—«доказательство божественнаго осѣненія было ясно, сильно, неоспоримо; это было точно возсѣданіе на небесахъ во Іисусѣ Христѣ».

179) Въ англійской исторіи квакерства John Cunningham (Edinbourgh, 1868), сказано, что, прощаясь, императоръ Александръ былъ очень тронутъ, плакалъ и, взявъ руку Аллена, поцѣловалъ ее.

180) Этотъ разсказъ дополняетъ собою свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ изъ жизни императора Александра, сообщенныя въ главѣ о событіяхъ 1812 года.

181) Въ разсказѣ своемъ князь Голицынъ не упоминаетъ фамиліи этого лица.

182) См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ разсказа великой княгини Александры Ѳеодоровны о разговорѣ въ Красномъ Селѣ въ 1819 году.

183) Записано Михайловскимъ-Данилевскимъ со словъ генералъ-адъютанта П. Д. Киселева, которому сообщилъ этотъ разговоръ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. (Рукописный журналъ 1829 года).

184) Пестель жилъ въ Петербургѣ съ 1808 года, засѣдалъ въ Сенатѣ, а съ 1-го января 1816 года былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Но пока онъ находился въ Сибири, дѣла не шли лучше. И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ пишетъ о Пестелѣ: «въ короткое время пребыванія въ Сибири сдѣлался грозою цѣлаго края, преслѣдуя и предавая суду именитыхъ гражданъ, откупщиковъ и гражданскихъ чиновниковъ. Онъ уничтожалъ самопроизвольно контракты частныхъ людей съ казною, ссылалъ безъ суда за Байкальское озеро; служащихъ въ одной губерніи отправлялъ за три тысячи верстъ въ другую и отдавалъ подъ судъ тамошней уголовной палаты». Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ отзывъ принадлежитъ человѣку очень осторожному въ своихъ приговорахъ и, къ тому же, знакомому съ дѣлами по званію министра юстиціи. Взглядъ на мою жизнь. Стр. 188.

185) Всеподданнѣйшая докладная записка статсъ-секретаря барона М. А. Корфа отъ 26-го апрѣля 1857 года. Государственный архивъ. Разр. VI, № 557.

186) Жизнь графа Сперанскаго. Т. 2-й, стр. 172.

187) Государственный архивъ. Разрядъ VI, № 557.

По воцареніи императора Николая, когда клевета противъ Сперанскаго была готова вновь возбудить непозволительныя подозрѣнія, онъ представилъ государю письма императора Александра 1819 года и тѣмъ вполнѣ и навсегда оправдался передъ нимъ отъ возведенныхъ на него въ 1812 году обвиненій.

188) Жизнь графа Сперанскаго. Т. 2-й, стр. 160—161.

189) Въ автобіографическомъ введеніи князь Вяземскій пишетъ, что на него была возложена переливка этихъ работъ въ русскія формы. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. 1-й.

Дешанъ умеръ въ октябрѣ 1819 года.

190) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 25.

Государственная уставная грамота была найдена польскими мятежниками послѣ событій 1830 года въ бумагахъ Новосильцова и напечатана въ Варшавѣ въ 1831 году въ числѣ 2,000 экземпляровъ. По взятіи Варшавы найдены были еще 1,578 экземпляровъ, которые фельдмаршалъ Паскевичъ доставилъ въ Москву, гдѣ находился въ то время императоръ Николай. 27-го ноября 1831 года они были сожжены, по высочайшему повелѣнію, на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ въ присутствіи московскаго коменданта генералъ-маіора Стааля и генералъ-адъютанта Адлерберга.

Первоначальный проектъ уставной грамоты (Précis de la charte constitutionelle pour l'empire de Russie) напечатанъ въ Historische Zeitschrift 1894 года (72 Band, 1 Heft). Онъ былъ сообщенъ 15-го (27-го) октября 1819 года въ Берлинъ прусскимъ консуломъ въ Варшавѣ Шмидтомъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

По поводу «такъ называемой русской конституціи» императоръ Николай писалъ 14-го (26-го) сентября 1831 года князю Варшавскому: «Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ не поймутъ или презрютъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ и, главное, не забудутъ. Это пуще всего меня безпокоитъ».

191) «Тутъ косвенно были, или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ, маленькіе, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположныя мысли Карамзина. Напримѣръ, государемъ было сказано: «Quelques uns pensent, que les désordres dont nous sommes parfois témoins, sont inhérents aux idées libérales; tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes». Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. I (Автобіографическое введеніе).

192) Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 62.

193) Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. I (Автобіографическое введеніе).

194) На этой почвѣ легко было сочинить болѣе или менѣе правдоподобную сплетню. Стоитъ припомнить несчастную любовь Уварова и Милорадовича къ французскому языку, которая давала поводъ къ неисчерпаемымъ анекдотамъ. Однажды за обѣдомъ у императора Александра они горячо разговаривали между собою. Государь обратился къ графу Ланжерону съ вопросомъ, о чемъ идетъ рѣчь. «Извините, государь», отвѣчалъ Ланжеронъ, «я ихъ не понимаю: они говорятъ по-французски». Извѣстенъ также отвѣтъ Уварова Наполеону, когда тотъ спросилъ его, кто командовалъ конницею въ какомъ-то сраженіи: «Je, Sire».

Приведемъ еще одинъ разсказъ, записанный Данилевскимъ. Въ Керчи Уваровъ сказалъ принцу гессенъ-гомбургскому при осмотрѣ Митридатовой горы: «Взгляните на эту гору, построенія на ней столь древни, что даже живущій въ Крыму очень старый грекъ Павзаній не запомнитъ, кѣмъ они построены». Александръ былъ такъ пораженъ словами своего любимца, что, перемѣнясь въ лицѣ, сказалъ ему: «Федоръ Петровичъ, оставимъ древность, это не наше дѣло».

195) Послѣ этого случая государь предлагалъ князю Волконскому вопросъ, не сердитъ ли Данилевскій на него, такъ какъ онъ видѣлъ его на балу со скучнымъ лицомъ.

Во время путешествія по Германіи, послѣ Ахенскаго конгреса, Александръ сказалъ однажды Данилевскому: «Vous avez de la rancune contre moi pour ce qui s'est passé entre nous en Crimée».—Данилевскій отвѣчалъ:—«Sire, ceci ne m'a inspiré que de la reconnaissance d'apres la maniere dont vous avez bien voulu vous exprimer».— «Point de reconnaissance», прервалъ государь, «j'ai remarqué que depuis ce temps vous m'évitez, qu'en me voyant vous avez l'air chagrin».— «Puisque Votre Majesté s'en ressouvient, je lui proteste que j'ai été calomnié auprès d'elle, et que personne, plus que moi ne rend plus d'égards aux généraux Miloradowitch et Ouvarof; je suis au reste intimement lié avec tous les deux».—«Ce que je vous ai dit alors», сказалъ императоръ, «je vous assure que je l'ai dit sans humeur, mais j'ai cru devoir vous faire connaitre ma façon de penser. Ce n'est que de ce point de vue que vous devez le juger».

196) «Sujet respectueux tant que vous voulez, mais il m'est infiniment plus agréable que vous soyez avec moi sur le ton d'un ami, que vous parliez et agissiez avec moi sincerement, franchement, rondement».

197) Данилевскій пишетъ: «Дворъ нашелъ я въ такомъ же положеніи, какъ его и оставилъ; князь Волконскій и графъ Аракчеевъ были только двое, имѣвшіе ежедневный доступъ къ императору и пользовавшіеся его довѣренностію. Кромѣ ихъ никто при дворѣ ничего не значилъ» (Рукописный журналъ 1819 года).

198) Данилевскій пишетъ, что отзывы государя на его счетъ были самые лестные, «и онъ говорилъ неоднократно приближеннымъ своимъ, сколь доволенъ, что познакомился коротко со мною. Но это самое возбудило зависть противъ меня, я былъ предъ нимъ оклеветанъ въ то время, какъ императоръ отправился въ Петербургъ изъ Минска, а я для устройства дѣлъ моихъ оттуда же долженъ былъ ѣхать въ Москву. Меня представили, какъ человѣка неблагодарнаго, и, зная, сколько государь былъ самолюбивъ, сказали, будто я надъ нимъ издѣвался, не устыдились даже возвести на меня пороки».

Порокъ, который приписывали Данилевскому, заключался въ склонности къ крѣпкимъ напиткамъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этой интригѣ былъ князь А. С. Меншиковъ.

199) Генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ прибылъ въ Архангельскъ ранѣе государя, а именно 26-го іюля.

Архангельскъ болѣе столѣтія не видалъ въ предѣлахъ своихъ самодержцевъ Россіи: Петръ Великій былъ единственнымъ монархомъ, посѣтившимъ этотъ городъ въ 1692 и 1694 годахъ.

200) Во время пребыванія императора Александра въ Архангельскѣ дарованы были нижеслѣдующія привиллегіи и льготы купечеству и крестьянскимъ сословіямъ: 1) Архангельское купечество на 20 лѣтъ было освобождено отъ взноса гильдейскихъ повинностей. 2) Обывательскіе городскіе дома были освобождены отъ военнаго постоя солдатъ и морскихъ служителей, для которыхъ было разрѣшено построить каменныя казармы. 3) По набережной Сѣв. Двины дозволено было строить деревянные дома, какъ болѣе соотвѣтствующіе климату, взамѣнъ каменныхъ. 4) Отмѣнена была пошлина за проходъ по Двинѣ малаго размѣра судовъ. 5) Крестьянамъ уѣздовъ Архангельскаго, Кемскаго и Кольскаго прощено было до 67,000 рублей разнаго рода недоимокъ.

201) О высочайшихъ посѣщеніяхъ Олонецкой губерніи августѣйшими особами въ XIX столѣтіи (Выпускъ 1-й).—Петрозаводскъ. 1877, стр. 27.

202) Государь императоръ Александръ I на Валаамѣ въ августѣ 1819 года.—Царское Село. 1858.

Министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ въ началѣ августа сообщилъ о намѣреніи государя посѣтить монастырь, и повелѣно было не приготовлять ничего, церемоній не дѣлать, а принять самодержавнаго посѣтителя, какъ благочестиваго путешественника. Между тѣмъ митрополитъ Михаилъ въ бытность свою на Валаамѣ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ благословилъ принять императора съ подобающею честью. Игуменъ со старшею братіею не знали, что дѣлать, и писали князю Голицыну, прося разрѣшить ихъ недоумѣніе. Отвѣта не было. Тогда въ монастырѣ рѣшились встрѣтить императора по приказанію духовнаго начальства въ ризахъ, съ крестомъ, на пристани. Но по особымъ обстоятельствамъ это удалось исполнить только въ соборѣ.

203) Во время этого разговора государь сказалъ, между прочимъ, еще слѣдующее: «Я часто замѣчалъ, что священники благословляютъ спѣша и не знаменуютъ креста, какъ слѣдуетъ; это знакъ великаго невниманія. Какъ благословляющему, такъ и принимающему благословеніе надлежитъ опасаться не лишиться благодатной пользы благословенія. Не разъ, когда я подходилъ къ сельскимъ священникамъ, которые, въ простотѣ, вздохнувъ отъ сердца, благословляли меня ограждая настоящимъ знаменіемъ креста, какъ благословляютъ и крестьянъ, всегда я чувствовалъ нѣчто особенное.

204) Такъ писалъ въ 1828 году Грипенбергъ, описавшій подробности путешествія императора Александра въ Каяну. Къ описанію приложено нѣсколько литографическихъ рисунковъ. Оно было напечатано на русскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Описаніе путешествія императора Александра I изъ станціи Нисселэ въ городъ Каяну, во время послѣдняго вояжа его величества въ Великое Княжество Финляндское лѣтомъ 1819 года». Изданное Севастьяномъ Грипенбергомъ, капитаномъ главнаго штаба финляндскихъ войскъ.—С.-Петербургъ. 1828.

205) Впослѣдствіи (въ 1827 году), по желанію жителей Пальдамскаго прихода, было сдѣлано распоряженіе о перенесеніи исторической конюшни изъ Хапаланкангаса къ главной церкви Пальдамскаго прихода. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ же были собраны всѣ предметы, относящіеся къ этому путешествію императора Александра, какъ-то: столъ и скамья, употребленные во время обѣда въ конюшнѣ, сѣдло, на которомъ государь ѣхалъ изъ Каяны, и пр.

206) Бунтовщики съ женщинами и дѣтьми единогласно отозвались: «Не хотимъ военнаго поселенія; оно ничто иное есть, какъ служба графу Аракчееву, а не государю; а Аракчееву скажите, что мы приняли непремѣнно рѣшительныя мѣры истребить его и знаемъ навѣрно, что съ концомъ его разрушится и военное поселеніе». Въ такихъ выраженіяхъ о семъ донесъ графу Аракчееву генералъ Лисаневичъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

207) Донесеніе графа Аракчеева объ усмиреніи бунта въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи отъ 24 августа 1819 года изъ города Чугуева.

208) Переписанный начисто переводъ былъ въ концѣ года присланъ къ императору въ Петербургъ. Военно-ученый архивъ. Отд. 1, № 522.

209) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. С.-Петербургъ. 1862, стр. 9.

210) Карамзинъ перечисляетъ предметъ своихъ разговоровъ: «Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные».

211) До вторичнаго вступленія въ эту должность графа Кочубея министерство внутреннихъ дѣлъ было временно поручено министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю Голицыну. Графъ Кочубей вступилъ въ управленіе министерствомъ въ ноябрѣ 1819 года.

212) Письмо цесаревича Константина Павловича къ Лагарпу отъ 24-го декабря 1825 года (5-го января 1826 года) изъ Варшавы: «Je lui dois mon bonheur, ma tranquillité et je le tiens de la main de mon défunt empereur qui l'honorait de son amitié et de sa confiance particulière». Государственный архивъ. Разрядъ V, № 190.

Тѣ же мысли цесаревичъ повторилъ и въ позднѣйшихъ письмахъ къ Лагарпу. «Je suis heureux chez moi, ma femme en est le premier mobile», писалъ Константинъ Павловичъ въ концѣ 1828 года.

213) Первоначально императоръ Александръ полагалъ, что отсутствіе его продолжится только три мѣсяца; въ дѣйствительности же оно продолжалось одиннадцать мѣсяцевъ.

214) Барону Б. Б. Кампенгаузену графъ Аракчеевъ писалъ 15-го августа: «Я благодарю Бога, что несчастіе случилось со мною въ такое время, по коему я долженъ былъ оставаться и не ѣхать съ государемъ въ военныя поселенія въ Харьковъ и Херсонъ, ибо злые люди говорятъ, что я присутствіемъ своимъ удерживаю будто всякія жалобы; но теперь доказано, что и безъ меня жалобъ никакихъ не было, и государь очень былъ доволенъ и наградилъ у графа Витта до 60,000 рублей деньгами солдатъ и офицеровъ, окромѣ орденовъ и субсидій, а графу Витту Александровскій орденъ, а въ Харьковѣ командующему генералъ-маіору Юзефовичу Владиміра 2-й степени».

215) «Le génie du mal s'essaye à reprendre son funeste empire, et déja il plane sur une partie de l'Europe, déja il y accumule les forfaits et les catastrophes».

216) «Encore quelques pas dirigés par la sagesse et la modération, marqués par la confiance et la droiture, et vous toucherez au but de vos espérances et des miennes. Je m'applaudirai doublement alors d'avoir vu le paisible exercice de vos libertés affermir votre existence nationale et cimenter une indissoluble union de bonheur entre nos deux patries».

217) «Interrogez votre conscience et vous saurez si, dans le cours de vos discussions vous avez rendu a la Pologne tous les services qu'elle attendait de votre sagesse; ou si, au contraire, entrainés par des séductions trop communes de nos jours, et immolant un espoir qu'aurait réalisé une prévoyante confiance, vous n'avez pas retardé dans ses progres l'oeuvre de la restauration de votre patrie. Cette grave responsabilité pesera sur vous. Elle est la suite nécessaire de l'indépendance de vos suffrages. Ils sont libres, mais une intention pure doit toujours les déterminer. La mienne vous est connue. Vous avez reçu le bien pour le mal, et la Pologne est remontée au rang des états. Je persévérerai dans mes desseins à son égard, quelle que soit l'opinion qu'on puisse se former sur la manière dont vous venez d'exercer vos prérogatives... Je vous quitte: mais loin de vous je veillerai a votre bien-etre avec la même constance, avec la même sollicitude, et le seul objet de mes désirs sera de voir le régime que je vous ai donné consolidé par votre modération et justifié par l'exemple de votre bonheur».

218) Записка о второмъ польскомъ сеймѣ въ 1820 году (Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 496).

219) Съ дѣлами по рекрутскому набору въ Варшаву пріѣхалъ графъ Аракчеевъ. Не дождавшись окончанія сейма, онъ уѣхалъ въ Грузино и 30-го сентября уже доносилъ государю изъ поселеній 1-й гренадерской дивизіи, что нашелъ тамъ все благополучно, спокойно и смирно.

220) Metternich: Mémoires. T. 3. p. 373.

221) Metternich: Mémoires. T. 3. p. 374: «Vous ne comprenez pas, pourquoi je ne suis plus le même, je vais vous le dire. Entre 1813 et 1820 il s'est écoulé sept ans, et ces sept années me font l'effet d'avoir la longueur d'un siecle. En 1820 je ne ferais a aucun prix ce que j'ai fait en 1813. Ce n'est pas vous qui avez changé, c'est moi. Vous n'avez a vous repentir de rien; pour moi, je n'en puis dire autant».

222) См. въ приложеніяхъ: 1) Записку генералъ-адъютанта Закревскаго о происшествіи, случившемся въ л.-гв. Семеновскомъ полку, 2) письмо флигель-адъютанта Дмитрія Петровича Бутурлина о Семеновскихъ событіяхъ и 3) письмо графа Кочубея къ императору Александру отъ 22-го октября 1820 года.

223) «Sans être grand rosseur, il eut le talent de se faire plus détester du soldat que s'il l'eût assommé», такъ пишетъ о полковникѣ Шварцѣ флигель-адъютантъ Д. П. Бутурлинъ.

224) Metternich: Mémoires. T. 3. p. 377.

Меттернихъ писалъ 3-го (15-го) ноября: «Nous avons reçu aujourd'hui la nouvelle de la boutade du régiment Semenoffsky; l'affaire n'est rien au fond, et pourtant elle est désagréable. Elle n'est rien relativement au fait lui-même, mais elle est considérable par l'importance que la masse du public lui donnera. Cette nuit, il est arrivé trois courriers coup sur coup. Aussitôt après, l'empereur Alexandre m'a fait appeler et m'a raconté l'aventure. Nous l'avons jugée tout a fait de la même maniere. L'empereur a tellement changé en général qu'il nous arrive assez souvent maintenant d'etre d'accord. Le czar croit qu'il y ait une raison pour que trois mille soldats russes se soient laissés aller a un acte qui répond si peu au caractere national. Il va jusqu'a se figurer que ce sont les radicaux qui ont fait le coup, afin de l'intimider et de le décider à revenir à Saint-Pétersbourg. Je ne suis pas de son avis. Ce serait par trop fort si en Russie les radicaux pouvaient déjà disposer de régiments entiers; mais cela prouve, combien l'empereur a changé».

Существуетъ легенда, воспроизведенная въ различныхъ монографіяхъ, что Меттерниху удалось ранѣе государя получить свѣдѣнія о Семеновскомъ происшествіи, вслѣдствіе того, что отправленный съ донесеніемъ ротмистръ Чаадаевъ, путешествуя съ полнымъ комфортомъ, не прибылъ своевременно въ Троппау и далъ австрійскому курьеру опередить себя. Между тѣмъ, въ дѣйствительности оказывается, что первое всеподданнѣйшее донесеніе генералъ-адъютанта Васильчикова отъ 19-го (31-го) октября 1820 года получено было въ Троппау уже 28-го октября (9-го ноября). Рапортъ оканчивается словами, что дальнѣйшія подробности изложеннаго въ немъ обстоятельства будутъ представлены черезъ нарочно посылаемаго ротмистра Чаадаева. Въ письмѣ Васильчикова къ князю Волконскому отъ того же 19-го (31-го) октября сказано: «Je ne puis vous en dire davantage pour aujourd'hui, car mes forces physiques s'y refusent, je vous écrirai demain par mon aide de camp».

П. Я. Чаадаевъ выѣхалъ изъ Петербурга 21-го октября (2-го ноября) и прибылъ въ Троппау 30-го октября (11-го ноября).

225) D. von Malachowski: Erinnerungen aus dem alten Preussen.

226) Еще ранѣе, 28-го октября, графъ Аракчеевъ выражалъ государю, по поводу происшествія въ Семеновскомъ полку, то же самое убѣжденіе: «Я, можетъ быть, грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ».

227) 26-го ноября 1820 года генералъ-адъютантъ Закревскій писалъ князю Волконскому: «Аракчеевъ, пріѣхавши изъ Варшавы, живетъ въ Грузинѣ и никакъ не рѣшается посѣтить Петербургъ».

228) 1-го (13-го) февраля 1821 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ графу Аракчееву: «У насъ здѣсь, слава Всевышнему, все спокойно и благополучно. Усердіе въ войскѣ и стараніе угодить государю всеобщее. Что же касается до политическихъ мыслей большого свѣта, объ томъ я умалчиваю; ваше сіятельство, поживъ съ нами, его видѣли

сами. Дай Боже мнѣ обмануться, но мѣры нужны самыя дѣятельныя, чтобъ прекратить зло въ самомъ его началѣ и корнѣ. Впрочемъ, мнѣ сдается, что сіе зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчено не только здѣсь, но и повсюду». Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 507 (а).

229) Императоръ Александръ писалъ генералъ-адъютанту Васильчикову: «Vous avez vu qu'on y prêche déjà aux soldats de se regarder comme souverains eux-mêmes, de se défaire ou de mettre de côté celui qui l'a été jusqu'ici, ainsi que tous leurs officiers et supérieurs, et de s'en élire entre eux» (Троппау, 10-го (22-го) ноября 1820 года).

По всей вѣроятности, эту прокламацію сочинилъ одинъ изъ будущихъ декабристовъ, но кто именно, осталось тайной. Можно предположить, что болѣе предпріимчивые изъ членовъ тайныхъ обществъ намѣревались воспользоваться смятеніемъ, возбужденнымъ семеновскою исторіею, чтобы вызвать всеобщее возстаніе среди войскъ.

230) См. въ приложеніяхъ письмо графа Кочубея къ императору Александру отъ 26-го ноября 1820 года и письмо графа Кочубея къ генералъ-адъютанту барону Дибичу отъ 16-го іюля 1826 года.

231) 2-го іюня 1820 года В. Н. Каразинъ писалъ князю Волконскому изъ Харькова: «Послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ ужасномъ мѣстѣ и тяжкаго пути на почтовыхъ телѣгахъ, который не отвѣтствовалъ ни лѣтамъ моимъ, ни привычкѣ, я едва живой довезенъ до Харькова... Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имѣлъ я добрую жену и семерыхъ дѣтей—не знаю, гдѣ они и когда съ ними увижусь? Имѣлъ доброе имя, лишился его невозвратно. Имѣлъ маленькое состояніе, оно, вѣроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ униженіемъ, заставятъ продать его за безцѣнокъ». (Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 532).

232) «Nous sommes occupés ici à une besogne des plus importantes, mais des plus difficiles. Il s'agit de porter remede contre l'empire du mal qui s'étend avec célérité et par tous les moyens occultes dont se sert le génie satanique qui le dirige. Ce remede que nous cherchons, hélas, est au-dessus de notre chétif pouvoir humain. Le Sauveur Seul par le pouvoir de sa parole Divine peut fournir ce moyen. Invoquons Le donc de toute la plénitude, de toute la ferveur de nos coeurs, pour qu'il daigne répandre son Esprit-Saint sur nous et nous faire marcher dans la voie qui seule peut Lui plaire et qui seule peut nous conduire au salut». Императоръ Александръ къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской 23-го октября (4-го ноября) 1820 года изъ Тропау. «Русскій Архивъ» 1886 года.

233) Metternich: Mémoires. T. 3, p.p. 376 et 381.

234) Меттернихъ пишетъ: «La terrain de Troppau est gras et mou comme du beurre; on y patauge comme dans une glace au chocolat. Comme on ne peut pas franchir une porte sans enfoncer jusqu'aux genoux, la municipalité a fait poser par terre quelques milliers de planches l'une à la suite de l'autre. Cela forme une voie étroite mais fort commode... L'empereur Alexandre se promène tous les jours sur ces planches. Tous les hommes qui suivent une direction opposée barbotent naturellement dans le gâchis, tandis que, pour laisser passer les femmes qui viennent en sens inverse, il s'y jette lui-même, à moins qu'elles ne le préviennent en se sacrifiant». Mémoires. T. 3, p. 380.

235) Въ ожиданіи открытія новаго конгреса Меттернихъ писалъ: «Capo d'Istria se démène comme un diable dans un bénitier; mais il est en plein dans l'eau bénite et ne peut rien faire. Le principal ressort de l'activité que nous déployons en ce moment, c'est ma parfaite entente avec l'empereur Alexandre». Mémoires. T. 3, p. 449.

236) Metternich: Mémoires. T. 3, p. 447: «Mais le pauvre petit a des moments où il croit s'être retrouvé; s'il était poisson, il battrait des nageoires».

237) А. П. Ермоловъ находился въ это время въ Петербургѣ; онъ былъ вызванъ въ Лайбахъ особымъ рескриптомъ императора Александра отъ 3-го (15-го) марта 1821 года.

Русская армія, назначенная для движенія въ Италію, состояла изъ слѣдующихъ частей: Литовскаго корпуса, 3-го пѣхотнаго корпуса генерала Рота и 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса генералъ-адъютанта Бороздина изъ первой арміи, и корпуса генерала Рудзевича изъ второй арміи. Всего 112,900 человѣкъ.

238) Записки А. П. Ермолова. Часть 2-я, стр. 125.

Въ первыхъ числахъ сентября Ермоловъ возвратился въ Грузію.

239) И. В. Васильчиковъ къ князю П. М. Волконскому 25-го марта (6-го апрѣля) 1821 года.

240) Князь П. М. Волконскій къ И. В. Васильчикову 17-го (29-го) апрѣля 1821 года изъ Лайбаха.

241) «Воспоминанія моей жизни», записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова (1792—1866). «Русская Старина» 1871 года. Т. 4-й, стр. 259.

242) Записка графа Аракчеева отъ 25-го марта (6-го апрѣля) 1821 года.

243) 4-го ноября 1819 года генералъ-адъютанту Балашову повелѣно было быть рязанскимъ, тульскимъ, орловскимъ, воронежскимъ и тамбовскимъ генералъ-губернаторомъ.

244) Архивъ канцеляріи военнаго министерства, № 21 (бумаги графа Аракчеева).

245) Біографъ Сперанскаго приводитъ изъ частнаго письма той эпохи слѣдующее мѣсто: «Plusieurs s'en réjouissent, mais on rencontre aussi mainte figure bien triste, которыя кулачкомъ слезы утираютъ». Жизнь графа Сперанскаго. Т. 2-й, стр. 262.

246) 10-го (22-го) апрѣля 1821 года Меттернихъ писалъ Стадіону: «La Russie ne nous mène pas; c'est nous qui menons l'empereur Alexandre, par plusieurs raisons toutes simples. Il a le besoin d'être conseillé; or il a perdu tous ses conseillers. Capo d'Istria est regardé par lui comme un chef de carbonari. Il se méfie de son armée, de ses ministres, de sa noblesse, de son peuple. Or, dans cette situation on ne mène pas». Mémoires. T. 3, p. 500.

247) «Si jamais quelqu'un est devenu blanc, de noir qu'il était, c'est bien lui!» Письмо Меттерниха отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1821 года. Mémoires. T. 3, p. 466.

248) Письмо Меттерниха отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1821 года. Mémoires. T. 3, p. 465.

249) «Le plus grand résultat des neuf derniers mois, ce sont les bonnes relations qui se sont établies entre les deux empereurs. Il y a une chose certaine aujourd'hui: c'est que rien ne peut plus les séparer actuellement, j'en mets la main au feu. Ce résultat m'appartient à moi seul, comme un enfant qu'un seul homme aurait procréé dans une île déserte avec une femme unique. Pour avoir des enfants, il faut être à deux, il faut qu'il y ait un homme et une femme; or je sais positivement que, dans le cas dont il s'agit, l'homme placé dans l'île déserte c'était moi». Metternich: Mémoires. T. 3, p. 464.

250) По приказанію императора Александра, князь Меншиковъ написалъ графу Головкину по поводу денежнаго вспомоществованія, назначеннаго генералу Радецкому: «Sa Majesté désire... que vous informiez en son nom le comte de Radetzky, qu'elle est persuadée par la connaissance des sentiments de son auguste ami et allié l'empereur d'Autriche qu'il ne trouvera pas mauvais si elle s'intéresse à un général d'une armée qu'elle considère ainsi que la sienne comme de grandes divisions de la grande armée de la bonne cause et qui assurément ne se rencontreront jamais que pour combattre que comme alliés les mêmes ennemis communs» (Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 541).

251) Одинъ изъ приближенныхъ къ императору Александру дѣятелей, человѣкъ не очень глубокомысленный, изрекъ въ 1821 году великую истину въ письмѣ къ государю: «Въ нынѣшнемъ времени вездѣ встрѣчать можно лабиринтъ неизбѣжный». Этотъ корреспондентъ былъ генералъ-адъютантъ Ѳ. П. Уваровъ.

252) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ 7-й, стр. 451—453.

253) «Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія».

254) На конвертѣ, въ которомъ эта записка хранится, рукою А. Х. Бенкендорфа написано карандашомъ:

«Le papier en question retrouvé l'année 25 dans le cabinet de l'empereur Alexandre à Zarskoe Selo. Donné l'année 21».

На запискѣ Бенкендорфъ сдѣлалъ помѣту:

«Remis à l'empereur Alexandre l'année 21 — 4 ans avant l'événement du 14 Décembre 1825».

Эта записка была главною причиною, почему императоръ Николай назначилъ въ 1826 году генералъ-адъютанта Бенкендорфа шефомъ жандармовъ и поставилъ его во главѣ созданнаго тогда III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

255) Къ этому мѣсту генераломъ Бенкендорфомъ было сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «генералъ Орловъ, узнавши, что въ его полку есть литературныя общества офицеровъ, и не предполагая ничего добраго, созвавши ихъ, объявилъ, что не допуститъ заводить никакихъ обществъ и поступитъ по всей строгости, если узнаетъ впередъ».

256) «Изъ послѣдне собранныхъ свѣдѣній открывается, что предполагаютъ мало-помалу завести небольшія общества подъ названіемъ Любителей цвѣтовъ, деревьевъ и тому подобныхъ, дабы, по малому числу, лучше быть прикрыту отъ глазъ полиціи; между тѣмъ главнымъ членамъ руководить ими и имѣть связь, скрывъ оную даже отъ прочихъ участниковъ» (Примѣчаніе генерала Бенкендорфа).

257) Незадолго до отъѣзда императора Александра въ Таганрогъ въ 1825 году генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ обратился, 11-го (23-го) августа, съ письмомъ къ государю, въ которомъ выражалъ свою скорбь по поводу постигшей его немилости (Osérais-je donc supplier humblement Votre Majesté d'avoir la grâce de me faire savoir en quoi j'ai pu avoir le malheur de manquer. Je ne saurais vous voir partir, Sire, avec l'idée accablante d'avoir peut-être démérité les bontés de Votre Majesté Impériale). Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 584.

258) Одинъ изъ декабристовъ писалъ въ 1870 году: «Nous étions les enfants de 1812. Sacrifier tout, même sa vie, pour l'amour de la patrie était l'impulsion du coeur. Il n'y avait pas d'égoisme dans nos sentiments, j'en appelle Dieu en témoin».

259) Воспоминанія Θ. П. Лубяновскаго.—Москва. 1872, стр. 297.

260) Рукописный журналъ 1829 года.

261) «C'est en m'élevant vers Dieu, que je me suis détaché de toutes les jouissances terrestres. C'est en appelant la religion à mon aide, que j'ai acquis cette tranquillité, cette paix de l'âme, que je n'échangerai pas contre toutes les félicités d'ici bas! Si ce n'était cette religion si sainte, si simple, si pure, qui seule me dédommage des peines de ma vocation, qu'est-ce qui pourrait me donner la force d'en supporter le poids? Et combien elle est simple cette religion si sublime, combien ses préceptes sont à la portée des plus simples et des plus éclairés. Ce ne sont que des esprits inquiets qui se complaisent dans des subtilités qu'eux mêmes n'entendent guère. Madame Krüdener par exemple a peut-être de bonnes intentions, mais elle a causé des maux irréparables. Il faut remplir simplement les obligations que la religion nous impose, être bons praticiens et non se perdre dans des recherches subtiles qui ne nous sont nullement prescrites». «Русскій Архивъ» 1867 года. Стр. 1037.

262) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 6-я, стр. 66.

263) Воспоминанія Θ. Булгарина.—С.-Петербургъ, 1848. Часть 5-я, стр. 330.

Свѣдѣнія, передаваемыя Булгаринымъ о Сперанскомъ и своихъ къ нему отношеніяхъ, вообще заслуживаютъ мало довѣрія. Припомнимъ здѣсь разсказъ Булгарина, касающійся эрфуртскаго свиданія, который также не подтверждается другими свидѣтельствами. Булгаринъ повѣствуетъ, что будто бы однажды въ Эрфуртѣ, послѣ разговора со Сперанскимъ, Наполеонъ, подведя его къ императору Александру, сказалъ въ шутку: «Не угодно ли вамъ, государь, промѣнять мнѣ этого человѣка на какое-нибудь королевство» (Часть 5-я, стр. 128). Между тѣмъ Сперанскій разсказывалъ дочери, что Наполеонъ ни съ кѣмъ изъ окружавшихъ императора Александра въ Эрфуртѣ не сближался, тщательно избѣгая и его, Сперанскаго. Послѣдній приписывалъ этотъ образъ дѣйствій знанію характера государя и желанію Наполеона убѣдить Александра, что всю свою дружбу и довѣренность онъ относитъ единственно къ его лицу, отстраняя всякихъ посредниковъ (Жизнь графа Сперанскаго. Часть 1-я, стр. 105).

264) Жизнь графа Сперанскаго. Часть 1-я, стр. 105.

265) Трудъ Сперанскаго назывался Учрежденіе для управленія Сибирскихъ губерній, при которомъ приложены шесть уставовъ: 1) объ управленіи инородцевъ, 2) объ управленіи киргизъ-кайсаковъ, 3) о ссыльныхъ, 4) объ этапахъ, 5) о сухопутныхъ сообщеніяхъ, 6) о городовыхъ казакахъ, и три приложенія: 1) о земскихъ повинностяхъ, 2) о хлѣбныхъ запасахъ и 3) о долговыхъ обязательствахъ между крестьянами и инородцами.

Комитетъ, разсматривавшій сибирскіе проекты Сперанскаго, остался и на будущее время, подъ именемъ Сибирскаго, какъ для введенія въ дѣйствіе всѣхъ новыхъ учрежденій и уставовъ, такъ и для мѣръ по дальнѣйшему устройству края. Сибирскій комитетъ былъ закрытъ только въ 1838 году, и поступавшія въ него дѣла были размѣщены по принадлежности; Сперанскій оставался членомъ этого комитета во все время его существованія.

266) Нельзя не отмѣтить здѣсь, что такъ называемое Пермское письмо Сперанскаго было передано императоромъ Александромъ въ началѣ 1823 года графу Аракчееву, который и пріобщилъ его къ своимъ бумагамъ. На письмѣ этомъ Аракчеевъ собственноручно написалъ, что получилъ его отъ государя 4-го апрѣля 1823 года и читалъ 5-го апрѣля «по утру въ 5 часовъ въ спальнѣ». Отсюда можно вывести заключеніе, что въ это время имѣлъ мѣсто какой-нибудь особенный разговоръ императора Александра съ Аракчеевымъ, предметомъ котораго служилъ Сперанскій.

267) Prokesch-Osten: Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des Hellenischen Königreiches, aus diplomatischen Standpunkte. — Wien. 1867.

268) Укажемъ здѣсь на слѣдующіе труды, вызванные восточными усложненіями: 1) Записка генералъ-адъютанта барона Дибича о военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ отъ 7-го (19-го) іюля 1821 года (Военно-ученый архивъ. Отд. 4-й, № 198). 2) Mémoire secret sur l'expulsion des Turcs de l'Europe surtout par rapport à l'administration militaire. Avec un plan de campagne. Эта записка принадлежитъ генералу Канкрину и составлена имъ въ 1819 году (Архивъ канцеляріи военнаго министерства). 3) Военныя соображенія о походѣ противъ турковъ въ связи съ продовольствіемъ, основанныя на секретныхъ свѣдѣніяхъ депо картъ и на нѣкоторыхъ частныхъ матеріалахъ генерала Канкрина. 4-го (16-го) іюля 1821 года (Военно-ученый архивъ. Отд. 2-е, № 2517 [A]).

269) «Avec l'aide de la France tout deviendra facile. Oui, même si l'Autriche et l'Angleterre prennent parti pour la Porte: la France demandera ce qu'elle voudra en échange de son alliance. Ouvrez le compas depuis le détroit de Gibraltar jusqu'au détroit des Dardanelles, voyez ce qui est à votre convenance et comptez, non seulement sur le consentement, mais sur l'assistance sincere et efficace de la Russie. Je sortirai de cette épreuve pur aux yeux de Dieu et conséquent aux yeux des hommes. Le ciel m'est témoin que je ferai tout pour conserver la paix. J'appelle mes alliés a y travailler avec moi... Il faut que les Turcs soient repoussés bien loin et que tout le monde puisse s'arranger. Plus on resserera le compas, plus on se gênera. Qu'on l'ouvre depuis le Bosphore jusqu'à Gibraltar, et chacun trouvera sa place et sa convenance; mais, ce qu'il y aurait de mieux, c'est que personne ne prit rien et qu'on donnât de bons gouvernements a ces pays. Il est important que nous nous entendions. Votre ancienne politique vous attachait aux Turcs. Leur alliance aujourd'hui vous assurerait peu d'avantages... Regardez la carte pour vous en convaincre. C'est la Russie aujourd'hui que la France doit avoir pour alliée» Vieil Castel: Histoire de la Restauration. T. 10, p. 288.

270) См. въ приложеніяхъ письмо князя Меттерниха къ графу Нессельроде отъ 12-го (24-го) іюня 1821 года изъ Вѣны (Государственный архивъ. Разрядъ XV, № 289).

271) «Le sort de la civilisation est aujourd'hui dans la tête et entre les mains de Votre Majesté Impériale. Elle ne saurait nourir un doute que je ne puise dans ce fait même le premier gage de ma tranquillité, les plus fortes espérances et le courage nécessaire pour soutenir en autant que cette charge peut peser sur moi, le principe du bien contre celui du mal et celui de la simple raison contre les envahissements de l'erreur» (Государственный архивъ. Разрядъ V, № 215).

272) См. въ приложеніяхъ проектъ о устройствѣ военной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ, написанный генералъ-адъютантомъ Васильчиковымъ и утвержденный императоромъ Александромъ въ Лайбахѣ 4-го (16-го) января 1821 года (Военно-ученый архивъ. Отд. IV, № 71). Этотъ документъ служитъ доказательствомъ, какое глубокое впечатлѣніе семеновская исторія произвела на правящія сферы. Къ существовавшимъ тогда разнымъ полиціямъ прибавилась еще одна новая, но тѣмъ не менѣе

предначертанная цѣль не была достигнута: тайныя общества продолжали благополучно процвѣтать и могли безнаказанно подготовить взрывъ 14-го декабря 1825 года.

273) «Dans vos relations avec Bonaparte vous garderez les ménagements et la mesure qu'exigent une situation aussi delicate et les égards personnels qu'on lui doit» (Projet d'instructions à donner au comte de Balmain. Paris, 18 (30) Septembre 1815. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Бальменъ оставилъ островъ Св. Елены въ маѣ 1820 года и уѣхалъ въ отпускъ; смерть Наполеона избавила русскаго комиссара отъ возвращенія на Св. Елену.

274) Записка графа Каподистріи (Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822).

275) Письма Карамзина къ Алексѣю Ѳеодоровичу Малиновскому. — Москва. 1860. Стр. 66 и 67.

276) Ег. Ковалевскій: Графъ Блудовъ и его время. Стр. 139.

277) «Le cabinet russe actuel a détruit d'un seul coup la grande oeuvre de Pierre le Grand et de tous ses successeurs. Tout se trouve ici sur une nouvelle base. et ce que la Russie perd en force morale, la Porte le gagne». Metternich: Mémoires. T. 3, p. 588. Rapport a l'empereur François.

278) «Le prince de Metternich. en voyant à Vienne le général Maitland au mois d'Août 1822, le félicita en ces termes: «Eh bien, mon général. le principe du mal est déraciné, le comte Capodistrias est enterré pour le reste de ses jours. Vous vivrez en paix dans les iles. et l'Europe sera délivrée des grands dangers, dont l'influence de cet homme la menaçait» (Aperçu de ma carrière politique, depuis 1798 jusqu'a 1822). Записка графа Каподистріи.

279) Письмо герцога ангальтскаго Фердинанда къ В. П. Фрейгангу (русскому генеральному консулу въ Саксоніи) отъ 27-го мая (8-го іюня) 1822 года изъ Кётена. «Русская Старина» 1870 года. Т. 2-й.

280) А. Н. Пыпинъ: Госпожа Крюднеръ («Вѣстникъ Европы» 1869 года. Томъ 5-й, стр. 221).

281) А. Н. Пыпинъ: Госпожа Крюднеръ («Вѣстникъ Европы» 1869 года. Томъ 5-й, стр. 242).

282) Eynard: Vie de madame de Krudener. T. 2, p. 372.

283) Vie de madame de Krudener. T. 2, p. 375.

284) Впослѣдствіи останки баронессы Крюднеръ были перевезены въ православную церковь, которую княгиня Голицына выстроила въ Корейсѣ.

285) Начальникъ штаба графа Аракчеева, генералъ-маіоръ Клейнмихель.

286) Въ такихъ выраженіяхъ отзывается о баронѣ Кампенгаузенѣ авторъ сочиненія «Жизнь графа Сперанскаго». Томъ 1-й, стр. 97.

287) Михаилъ Александровичъ Шумскій.

288) Графъ Аракчеевъ уже съ 1821 года началъ сообщать Кампенгаузену философскія разсужденія о здоровьѣ.

7-го мая 1821 года: «Ради Бога берегите здоровье, оно дороже всего, безъ него ничего не утѣшаетъ».

5-го іюля: «Я опять такъ разстроился, что чувствую всѣ прежніе жестокіе припадки, а вмѣстѣ съ онымъ еще ужасную меланхолію и скуку».

5-го января 1822 года: «Надобно намъ беречь себя, мы всего въ нашемъ государствѣ не исправимъ и всѣхъ своихъ братьевъ не передѣлаемъ, а здоровье свое уже потеряли и еще остальное теряемъ, то и совѣтую вамъ въ ономъ остерегаться».

289) До полученія этого письма графъ Аракчеевъ писалъ императору Александру изъ Грузина 25-го іюня: «Признаюсь, Батюшка, я усталъ и теперь отдыхаю, а къ удивленію моему замѣчаю, что старость иногда оспариваетъ и самое усердіе. Но утѣшаю себя тѣмъ, если я угодилъ вашему величеству».

Этими строками графъ Аракчеевъ отвѣчалъ на милостивый вопросъ государя: «Каково твое здоровье послѣ нашихъ смотровъ?»

290) Николая Павловича.

291) Графъ Кочубей къ графу Аракчееву 22-го августа 1822 года изъ Царскаго Села.

292) М. Погодинъ: Н. М. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи. Москва. 1866. Часть 2-я, стр. 354.

293) Разсказывая о своей поѣздкѣ, Карамзинъ прибавилъ: «Къ удивленію моему, я не могъ не замѣтить, что графъ самъ въ числѣ недовольныхъ». Это обстоятельство можетъ дѣйствительно возбудить удивленіе! (Примѣчаніе К. С. Сербиновича къ письмамъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Стр. 171).

294) О военныхъ поселеніяхъ.— С.-Петербургъ. 1825.

295) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Стр. 400.

296) С. Миропольскій: Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ. «Вѣстникъ Европы» 1878 года. Томъ 6-й (ноябрь и декабрь), стр. 44.

Біографъ Фотія также пишетъ: «Ни малѣйшаго признака даровитости мы не видимъ въ Фотіѣ. И впослѣдствіи онъ выигрывалъ много своею грубостію, рѣзкостію и самоувѣренностію въ обращеніи съ людьми; но нигдѣ и ни въ чемъ не обнаружилъ онъ признаковъ дѣйствительно умнаго, развитого, просвѣщеннаго человѣка. Самый фанатизмъ и крайне одностороннее пониманіе вѣры и православія показываютъ ограниченность Фотія» (стр. 33).

297) Чтобы отклонить «дщерь-дѣвицу» отъ возможнаго еще для нея брака, Фотій написалъ особое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Посланія священно-архимандрита Фотія дѣвицѣ духовной его дщери, двора ихъ императорскихъ величествъ камеръ-фрейлинѣ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской. 1823 года». Это сочиненіе подраздѣлено на восемь главъ (Рукопись въ 170 страницъ).

298) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1823 года.

299) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1821 года.

300) Ег. Ковалевскій: Графъ Блудовъ и его время. Стр. 140.

По поводу этой новой политики, усвоенной императоромъ Александромъ послѣ 1815 года, графъ Ростопчинъ писалъ въ 1819 году: «La Russie est un boeuf que l'on écorche, que l'on mange, et dont on fait pour les autres pays des tablettes de bouillon». Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 363 (Письмо графа Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 26-го января 1819 года изъ Парижа).

301) Меттернихъ писалъ 10-го (22-го) октября 1822 года: «Le funeste élément d'éternelle division (Capo d'Istria) a terminé sa carrière, et avec lui disparaissent mille embarras et mille difficultés. Mes rapports personnels avec l'empereur de Russie sont tout à fait intimes, ainsi que l'exige le repos du monde. Il croit en moi autant que le fait mon auguste maitre; et les affaires y gagnent plus qu'elles ne pourraient gagner avec toute autre combinaison. Le congrès de Vérone est le plus important qui ait été tenu depuis 1814: il produira, je l'espère, les fruits les plus heureux». Metternich: Mémoires. T. 3, p. 559.

302) «Il fut ensuite question de différents événements que je ne saurais confier à la plume, les communications que Sa Majesté daigna me faire m'imposant un silence sacré sur ces objets. Le coeur me saigna en apprenant, deux années après, la nouvelle de sa mort. Non, aucun jour ne passe, que je ne me le rappelle dans mes prières devant l'Éternel». Mémoires et expériences dans la vie sacerdotale et dans le commerce avec le monde, recueillis dans les années 1815—1834, par Alexandre, prince de Hohenlohe.—Paris. 1836, p. 466.

303) Каннингъ и Меттернихъ другъ друга крайне недолюбливали. Каннингъ признавалъ австрійскаго канцлера величайшимъ лгуномъ всего континента, а можетъ быть и всего образованнаго міра. Меттернихъ не оставался въ долгу и назвалъ въ своей перепискѣ Каннинга глупцомъ (Dummkopf), поясняя, что глупцомъ признаетъ онъ всякаго, кто руководится не твердыми, неизмѣнными принципами, а желаніемъ популярности, мелкими страстями, «какъ бы ни были блестящи качества, которыя можетъ обнаружить подобный человѣкъ въ салонѣ или на трибунѣ»».

304) Chateaubriand: Congrès de Vérone.

305) «Il ne peut plus y avoir de politique anglaise, française, russe, prussienne, autrichienne; il n'y a plus qu'une politique générale, qui doit, pour le salut de tous, être admise en commun par les peuples et par les rois. C'est à moi à me montrer le premier convaincu des principes sur lesquels j'ai fondé l'alliance. Une occasion s'est présentée: le soulèvement de la Grèce. Rien, sans doute, ne paraissait être plus dans mes intérêts, dans ceux de mes

peuples, dans l'opinion de mon pays, qu'une guerre religieuse contre la Turquie; mais j'ai cru remarquer dans les troubles du Péloponnese le signe révolutionnaire. Dès lors, je me suis abstenu. Que n'a-t-on point fait pour rompre l'alliance? On a cherché tour a tour a me donner des préventions et a blesser mon amour propre; on m'a outragé ouvertement. On me connaissait bien mal si on a cru que mes principes ne tenaient qu'a des vanités ou pouvaient céder a des ressentiments. Non, je ne me séparerai jamais des monarques auxquels je suis uni. Il doit être permis aux rois d'avoir des alliances publiques pour se défendre contre les sociétés secretes. Qu'est-ce qui pourrait me tenter? Qu'ai-je besoin d'acroître mon empire? La Providence n'a pas mis à mes ordres huit cent mille soldats pour satisfaire mon ambition, mais pour protéger la religion, la morale et la justice, et pour faire régner ces principes d'ordre sur lesquels repose la société humaine».

306) «On veut nous désunir, on veut briser les liens qui nous rattachent l'un à l'autre; je regarde ces liens comme sacrés, car ils nous unissent dans l'intérêt commun. Vous voulez le repos du monde, et je n'ai d'autre ambition que de le maintenir; les ennemis de la paix de l'Europe ne se trompent pas sous ce rapport; ils ne s'abusent pas non plus sur la force de la résistance que notre union oppose à leurs plans perfides. Ils voudraient à tout prix faire disparaître cet obstacle, et convaincus comme ils le sont qu'ils n'y réussiraient pas en agissant au grand jour, ils prennent des chemins détournés; on m'accable de reproches parce que j'ai renoncé a mon indépendance et que je me laisse mener pas vous». Metternich: Mémoires. T. 1, p. 329.

307) Въ одномъ изъ писемъ Меттерниха отъ 9-го (21-го) декабря 1822 года австрійскій канцлеръ съ самодовольствіемъ замѣчаетъ: «Je suis dans les meilleurs termes avec lui (т. е. императоромъ Александромъ), et il n'est guere a craindre que ces relations viennent à s'altérer. Le tour de force que j'ai accompli n'est pas commun». Metternich: Mémoires. T. 3, p. 563.

Не безъ основанія Шатобріанъ пишетъ, что Меттернихъ хотѣлъ казаться русскимъ, ненавидя въ то же время Россію.

308) «C'est à partir de ce moment qu'on le vit commencer à être fatigué de la vie». Metternich: Mémoires. T. 1, p. 320.

309) Михайловскій-Данилевскій слышалъ отъ лицъ, сопровождавшихъ императора Александра въ Верону, что здоровье государя видимо ослабѣло; всѣ привыкли видѣть, что Александръ въ прежніе годы переносилъ бури и непогоды, какъ бы не замѣчая ихъ, между тѣмъ какъ съ 1822 года онъ началъ укутываться шубами и даже на голову надѣвалъ казачій башлыкъ (Рукописный журналъ 1823 года).

310) Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, то императрица Марія Θеодоровна взяла съ сына слово, передъ отъѣздомъ его въ Верону, отказаться отъ посѣщенія Рима.

«Sa tendance vers le catholicisme était soupçonnée dans la famille: l'impératrice-mère craignait qu'un entretien avec le Saint-Père ne déterminât son fils a rentrer dans le sein de l'Eglise et elle le pria avec instance de ne pas aller a Rome. L'empereur Alexandre toujours plein de déférence envers sa mère, le promit et tint parole» (Lettre du comte de Lescarène au roi Charles-Albert, publiée par la «Civiltà Catholica» 1876).

Такимъ образомъ оказывается, что уже въ 1822 году императрица-мать имѣла основаніе опасаться послѣдствій отъ замѣченнаго ею влеченія Александра къ ученію римской церкви.

311) Въ Инсбрукѣ государь разстался съ императоромъ Францемъ. Меттернихъ пишетъ: «Nos deux amis se sont quittés comme deux frères; l'union qui regne entre eux ne laisse absolument rien a désirer. Que le ciel les protege». Metternich: Mémoires. T. 3, p. 564.

Вообще Меттернихъ былъ доволенъ исходомъ Веронскаго конгреса и высказалъ слѣдующее мнѣніе по поводу происходившихъ тамъ переговоровъ: «Le char pesant est maintenant en marche; les petits feront bien de suivre le mouvement, sans cela ils courraient le danger de tomber sous les roues et de se faire écraser. Il ne faut pas, en vérité, posséder pour cela des connaissances spéciales en mécanique; mais malheureusement il y a des gens qui n'ont pas même ces notions élémentaires».

312) Въ этомъ письмѣ, отъ 22-го ноября 1822 года, Сперанскій, между прочимъ, писалъ: «Раздѣливъ все дѣло на двѣ степени, на комиссію и комитетъ, ваше сіятельство предупредили торопливость, которая въ дѣлахъ сего рода рѣдко удается. Дѣло, симъ образомъ производимое, обработается постепенно и пересмотрится зрѣло и основательно. Обращаясь къ составу комиссіи, мнѣ кажется, нельзя составить ее лучше».

Въ комиссіи членами состояли: генералъ Бухмейеръ, Самбурскій и Батенковъ.

313) О своемъ здоровьѣ графъ Аракчеевъ писалъ 28-го ноября 1822 года барону Кампенгаузену: «Я скажу вамъ о себѣ самомъ нехорошее: боль моя въ груди опять возобновилась во всей ея силѣ и не даетъ мнѣ ночью спать. Всѣ лекарства не дѣлаютъ мнѣ пользы. Собираюсь въ городъ, лишь только немного погода поправится».

314) Государственный архивъ. Разрядъ V, № 215.

См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ письма императора Александра къ князю Меттерниху отъ 23-го декабря 1822 года (4-го января 1823 года).

315) Frankoual: Quelques réflexions à propos du congrès de Vérone.

316) 3-го (15-го) ноября 1822 года изъ Лозанны (Государственный архивъ. Разрядъ XI, № 1162).

«J'avais même résolu de garder désormais le silence; mais il n'est pas aussi facile d'arracher de mon coeur l'intérêt qui m'anime pour votre gloire... Les hommes d'un seul parti essayent de faire remonter le torrent appelé la force des choses et ils se flattent de réussir! Je m'abstiendrai des applications, mais je dois rapporter à Votre Majesté Impériale l'opinion des hommes impartiaux qui ont suivi les événements. Ils pensent, que les Grecs réduits au désespoir, pourraient se mettre sous la protection de l'Angleterre, que celle-ci ne la leur refusera pas, et que par ce moyen, les clefs des Dardanelles et de la mer Noire pourraient se trouver entre les mains de la même puissance, qui par ses alliés (les petites puissances) tient déjà celles de la Baltique... Mon coeur est trop plein des grands intérêts qui touchent Votre Majesté Impériale, pour lui parler de moi. Je suis bien portant et heureux dans mon intérieur, mais profondement navré de ce qui se passe».

317) Бывшій издатель прекратившагося въ 1818 году «Сіонскаго Вѣстника».

318) По городскимъ слухамъ, Лабзинъ не пощадилъ также и графа Кочубея, сказавъ о немъ: «Кочубей и двухъ копѣекъ не стоитъ. Сей человѣкъ надутый и ничего не значитъ».

319) Н. Дубровинъ: Наши мистики-сектанты. «Русская Старина» 1895 года.

320) «Remplissant vos intentions, Sire, j'ai choisi la ville de Сенгилей, dans le gouvernement de Simbirsk, ville très éloignée, entourée principalement d'habitants tartares et dont le maître de police (un ancien major d'uhlans, nommé Дзичканецъ) jouit de la réputation d'être un homme très stricte. Le s-r Labsine partira à ce que m'a dit le gouverneur militaire au premier jour et aussitôt qu'il sera pourvu d'une voiture. Le renvoi de cet homme fait maintenant le sujet de toutes les conversations et certes il n'y a personne qui en soit surpris». Графъ Кочубей къ императору Александру 10-го (22-го) ноября 1822 года изъ С.-Петербурга (Военно-ученый Архивъ. Отд. 1, № 591: Дѣло о неприличныхъ словахъ, произнесенныхъ вице-президентомъ Академіи Художествъ дѣйств. статск. совѣтн. Лабзинымъ).

Такимъ образомъ оказывается, что графъ Кочубей въ короткое время совершилъ два подвига: Каразина засадилъ въ Шлиссельбургъ, а Лабзина препроводилъ въ Сенгилей.

321) «Русскій Архивъ» 1892 года. Книга 3-я, стр. 368.

322) Рукописный журналъ 1823 года. «Я именно означаю минуты, потому что я нарочно смотрѣлъ на часы», пишетъ Данилевскій.

323) Письмо графа Аракчеева изъ Грузина отъ 13-го (25-го) марта 1823 года.

324) Архивъ канцеляріи военнаго министерства (Грузинскій архивъ, № 33). На этомъ письмѣ помѣта графа Аракчеева: «Получено отъ государя 2-го апрѣля 1822 года».

325) Михайловскій-Данилевскій. Рукописный журналъ 1823 года.

326) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1829 года.

327) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 6-я, стр. 59.

328) Графское достоинство пожаловано было Гурьеву 12-го декабря 1819 года.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

329) 25-го апрѣля 1823 года графъ Аракчеевъ отвѣчалъ: «Приношу мою вѣрноподданную благодарность за милостивое письмо ваше; я не смѣлъ писать къ вашему величеству, но сердце и мысли мои всегда заняты моимъ государемъ и благодѣтелемъ».

330) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 6-я, стр. 64.

331) Всеподданнѣйшее письмо графа Аракчеева отъ 21-го сентября 1823 года изъ Кіева.

332) На югѣ Россіи въ 1823 году также появился новый генералъ-губернаторъ, заступившій мѣсто графа Ланжерона: 7-го мая графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области.

333) Императоръ Александръ на этотъ разъ поѣхалъ въ Москву черезъ Тихвинъ, Ярославль и Ростовъ. Это было первое путешествіе государя, во время котораго его не сопровождалъ князь Волконскій; заступившій его мѣсто генералъ-адъютантъ Дибичъ сдѣлался съ тѣхъ поръ неразлучнымъ спутникомъ Александра во время его путешествій.

334) Филаретъ: Воспоминанія, относящіяся къ восшествію на престолъ государя императора Николая Павловича.

335) Генералъ-отъ-кавалеріи князь Д. В. Голицынъ былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ 6-го января 1820 года послѣ графа Тормасова, скончавшагося 13-го ноября 1819 года.

336) Подобныя же собственноручныя надписи сдѣланы были и на двухъ другихъ конвертахъ. Всѣ эти списки съ манифеста, равно какъ и самый подлинникъ, были переписаны рукою князя А. Н. Голицына.

337) Записка императора Вильгельма о разговорѣ съ императоромъ Александромъ въ 1823 году въ сочиненіи Шнейдера: «Aus dem Leben Kaiser Wilhelms. — Berlin. 1888. Band 1, pp. 199 — 201.

Въ одномъ только измѣнила память Вильгельму, когда онъ писалъ въ 1859 году свою замѣтку, а именно онъ говоритъ, что императоръ Александръ сообщилъ ему тайну объ отреченіи цесаревича Константина Павловича въ половинѣ октября 1823 года. Это требуетъ поправки. Государь возвратился изъ своей поѣздки по Россіи только 3-го (15-го) ноября и имѣлъ свиданіе съ принцемъ въ Гатчинѣ въ понедѣльникъ 5-го (17-го) ноября, передъ отъѣздомъ его въ Берлинъ.

338) Въ рукописномъ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго встрѣчается слѣдующая замѣтка: «Съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ». Эти слова Данилевскаго не подтверждаются, однако, другими свидѣтельствами.

339) Относительно великаго князя Николая Павловича цесаревичъ писалъ генералу Чичерину 11-го (23-го) октября 1823 года: «Я столько обязанъ дружбою е. и. в. великаго князя Николая Павловича, что не знаю, какъ его благодарить. Онъ во все время продолженія маневровъ такой былъ мнѣ помощникъ и съ такимъ усердіемъ мнѣ содѣйствовалъ, что словъ не нахожу, какъ это изъяснить» (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 410).

340) Записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.

341) Меттернихъ писалъ 4-го (16-го) октября 1823 года: «Le triomphe de la modération de l'empereur de Russie est complet; et ce triomphe, grâce a la constance de nos voeux, est a la fois le notre». Metternich: Mémoires. T. 4. p. 81.

342) П. Д. Киселевъ къ А. А. Закревскому 23-го октября (3-го ноября) 1823 года изъ Тульчина.

343) Записки Николая Васильевича Басаргина.— Москва. 1872. Стр. 22—24.

344) Свидѣтелемъ этого разговора былъ Н. В. Басаргинъ, который также видѣлъ, съ какимъ подобострастіемъ прочіе придворные относились къ графу Аракчееву.

П. Д. Киселевъ не унижался и велъ себя съ достоинствомъ и по отношенію къ государю. Однажды Александръ спросилъ его, почему онъ, будучи не богатъ, не попроситъ у него никогда аренды или денегъ?—«Я знаю, что вы охотно даете, государь», отвѣчалъ онъ, «но не уважаете тѣхъ, которые принимаютъ отъ васъ. Мнѣ же уваженіе ваше дороже денегъ». Надобно сказать, впрочемъ, пишетъ Басаргинъ, что Киселевъ чрезвычайно былъ ловокъ и зналъ хорошо характеръ Александра.

345) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1823 года.

Карамзинъ отзывается о невѣстѣ прелюбезной, какъ о привѣтливой, желающей нравиться русскимъ принцессѣ.

346) Препровождая указъ графу Ростопчину, Аракчеевъ писалъ ему 16-го декабря 1823 года:

«Препровождая у сего къ вашему сіятельству копію съ высочайшаго указа, даннаго Государственному Совѣту въ 14-й день сего декабря, объ увольненіи васъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ прежнимъ званіемъ оберъ-камергера, имѣю честь, по волѣ его величества, увѣрить васъ, милостивый государь, что указъ сей послѣдовалъ по всеподданнѣйшему прошенію вашему отъ 15-го прошедшаго октября, прежде еще полученія вторичной вашей просьбы отъ 10-го сего декабря».

347) См. въ приложеніяхъ письмо Паррота къ императору Александру изъ Дерпта отъ 25-го іюня (7-го іюля) 1814 года.

348) По пріѣздѣ въ Петербургъ Парротъ писалъ 16-го (28-го) августа 1814 года императору Александру: «Me voici à Pétersbourg. Quelques rues seules me séparent encore de mon empereur chéri. Quelques rues seulement? Cette idée fait mon bonheur, elle remplit mon âme et l'élève. Accordez-moi bientôt quelques instants et que je lise dans vos yeux ce que mon coeur me répète sans cesse: il l'aime toujours. Votre Parrot».

349) См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ этого письма отъ 5-го (17-го) февраля 1816 года и предшествовавшія записочки Паррота къ императору Александру того же года.

350) «Le plus ancien professeur de Dorpat ose s'approcher humblement du trône de Votre Majesté Impériale un mémoire à la main. Les lois de l'empire le permettent à tout sujet, et des circonstances extraordinaires exigent des mesures hors la regle» (Письмо Паррота отъ 27-го марта 1821 года).

351) Приведемъ здѣсь заключительныя слова двухъ писемъ Паррота отъ 15-го и 19-го марта 1822 года: «Quand votre nation connaîtra vraiment les sciences et non seulement leurs dehors, alors vous verrez aussi la vraie piété fleurir autour de votre trône. L'hypocrisie a deux mains. De l'une elle saisit la science, de l'autre la religion. Veuillez, Sire, abattre ce monstre, également ennemi de l'un et de l'autre, et vous verrez que l'esprit de l'Evangile, ce doux esprit de vérité, de résignation et d'humilité régnera par vous dans la religion, dans les sciences, dans l'administration. Vouloir fortement la vérité c'est régner»... «Je ne suis plus en possession du droit précieux que vous m'aviez accordé autrefois de vous écrire en particulier. Mais il est des bornes à tout et je me croirais criminel envers votre personne sacrée que je chéri toujours comme autrefois, si cette considération m'empêchait de vous découvrir l'abime au bord duquel se trouve l'instruction publique de l'empire et que l'on prend tant de soin à vous cacher. Disposez, Sire, de moi comme vous voudrez, mais entendez encore une fois la vérité par ma bouche, cette vérité qui, pendant dix ans, a retenti dans votre noble coeur».

352) Fürst Alexander Nikolajewitsch Galitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths Peter von Goetze.—Leipzig, 1882, p. 79.

353) Для характеристики Магницкаго приведемъ здѣсь еще разговоръ его съ Михайловскимъ-Данилевскимъ, имѣвшій мѣсто въ 1823 году. «Знаете ли», сказалъ Магницкій, «какимъ образомъ императоръ назначаетъ епископовъ въ епархіи? Когда ему Синодъ представитъ трехъ кандидатовъ, то государь, написавши имена ихъ на особыхъ бумажкахъ, кладетъ ихъ въ сосудъ, который закрываетъ платкомъ, потомъ становится на колѣна, возноситъ къ Всевышнему теплыя молитвы свои, да руководствуетъ его въ выборѣ пастыря, и, совершивъ молитву, вынимаетъ на удачу имя котораго-нибудь изъ кандидатовъ. По сей причинѣ, прибавилъ Магницкій, мы видимъ у насъ столько благочестивыхъ архіереевъ».—«Не надежнѣе ли», отвѣтилъ Данилевскій, «справиться о поведеніи и познаніяхъ кандидата?»—«Что человѣческое мудрствованіе противъ благости Божіей», возразилъ Магницкій.

Данилевскій приводитъ также отзывъ о Магницкомъ, слышанный имъ отъ Кутузова въ 1813 году. Когда однажды зашла рѣчь о Магницкомъ, фельдмаршалъ сказалъ: «Государь говорилъ мнѣ на сихъ дняхъ о Магницкомъ, какъ о человѣкѣ, одаренномъ обшир-

нымъ умомъ, но который въ разговорахъ своихъ съ императоромъ всѣхъ очернялъ и опорочивалъ, что, однако же, онъ дѣлалъ съ особеннымъ искуствомъ» (Рукописный журналъ 1816 года).

354) А. Никитенко: Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета.—С.-Петербургъ. 1869.

355) См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ письма Паррота отъ 22-го февраля 1825 года.

356) «Я предчувствовалъ», писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву, «что 6-ое Генваря будетъ имѣть худое слѣдствіе: въ 13 градусовъ мороза и при сильномъ вѣтрѣ государь стоялъ на Невѣ съ открытою головою; поѣхалъ въ Царское Село и тамъ, вѣроятно, еще снова простудился».

357) «Воспоминанія моей жизни», записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. «Русская Старина» 1871 года. Т. 4-й, стр. 628.

358 Тарасовъ придумалъ сдѣлать для больной ноги государя повязку съ травами въ видѣ штиблета, которая была приноровлена весьма удачно и легко и скоро накладывалась.

359) Тарасовъ пробылъ во дворцѣ при государѣ ровно 26 дней и въ первые дни его болѣзни спалъ сидя въ креслахъ. 7-го февраля онъ получилъ позволеніе ночевать у себя на квартирѣ и долженъ былъ являться утромъ и вечеромъ во дворецъ для перемѣны повязки на ногѣ. Тарасова наградили чиномъ надворнаго совѣтника и выдали 6,000 рублей ассигнаціями.

360) Государь обыкновенно выражался: «мое Царское Село».

361) «Императоръ былъ очень религіозенъ и истинный христіанинъ. Вечернія и утреннія свои молитвы совершалъ на колѣняхъ и продолжительно, отъ чего у него на верху берца у обѣихъ ногъ образовалось очень обширное омозолестеніе общихъ покрововъ, которое у него оставалось до его кончины» (Примѣчаніе Д. К. Тарасова).

362) «Императоръ въ резиденціяхъ и въ путешествіи всегда почивалъ на походной кровати—на матрацѣ, набитомъ соломою, съ ложбиною въ срединѣ, а въ головахъ всегда была сафьяная подушка, набитая сѣномъ. Въ ноги всегда клался сафьяный валикъ, а подъ правую руку другой валикъ, поменьше,— и всегда спалъ на одномъ лѣвомъ боку, не измѣняя этого положенія во всю ночь» (Примѣчаніе Д. К. Тарасова).

363) Въ этомъ рескриптѣ читаемъ: «Долговременная, всегда отлично ревностная и примѣрная служба ваша, въ особенности же совершенное устройство, до коего довели вы неутомимыми трудами всѣ части главнаго штаба нашего, пріобрѣли вамъ совершенную и справедливую нашу признательность».

364) См. въ приложеніяхъ два письма графини Маріи Дмитріевны Нессельроде къ графу Николаю Дмитріевичу Гурьеву отъ 15-го февраля и 14-го марта 1824 года. Въ этихъ письмахъ встрѣчаются любопытныя указанія относительно князя Волконскаго и графа Аракчеева (Государственный архивъ. Разрядъ III, № 43).

365) Въ дополненіе къ этому приказу послѣдовало повелѣніе объ утвержденіи генералъ-адъютанта барона Толя въ званіи начальника главнаго штаба первой арміи.

366) Собственноручный дневникъ князя А. С. Меншикова 1823 года.

367) Собственноручный дневникъ князя А. С. Меншикова 1823 года.

368) Выраженіе о праздноглаголаніи употреблено графомъ Аракчеевымъ въ одномъ изъ его всеподданнѣйшихъ писемъ.

369) Это письмо графъ Аракчеевъ отправилъ съ своимъ воспитанникомъ, гвардейской конной артиллеріи подпоручикомъ Шумскимъ, и писалъ о немъ государю: «Онъ вездѣ при объявленіи указа лично находился. Я приготовляю его, если угодно будетъ Богу, себѣ вмѣсто сына, и надѣюсь, что онъ будетъ вѣрный слуга государю, а потому и желательно мнѣ при жизни своей видѣть его при подобныхъ серьезныхъ занятіяхъ, дабы онъ могъ заслужить вниманіе своего государя».

6-го апрѣля 1824 года Шумскій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Получивъ эту радостную вѣсть, графъ Аракчеевъ писалъ императору Александру: «Первое мое дѣло было—идти въ церковь и пасть на колѣна въ храмѣ Божіемъ за государя моего, коему посвятилъ всю мою жизнь и тѣломъ, и душою».

Шумскій не удержалъ за собою пріобрѣтеннаго высокаго и почетнаго положенія. Въ 1826 году онъ былъ переведенъ на Кавказъ и лишенъ званія флигель-адъютанта; онъ умеръ въ 1851 году въ больницѣ архангельскаго приказа общественнаго призрѣнія.

Графъ Аракчеевъ воображалъ, что Шумскій сынъ извѣстной грузинской домоправительницы Настасьи Минкиной.

370) Повѣствованіе священно-архимандрита отца Фотія.

371) Фотій Спасскій, Юрьевскій архимандритъ. Историко-біографическій очеркъ С. Миропольскаго. «Вѣстникъ Европы» 1878 года.

372) Фотій отзывается о графѣ Аракчеевѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «вельможа справедливый, приверженный паче всѣхъ къ царю Александру, истинный патріотъ, сынъ церкви усердный».

373) «Для препровожденія времени оставленъ ему почтовый департаментъ, подъ именемъ главнаго управленія или министерства. Это одинъ изъ примѣровъ, что у насъ не людей избираютъ для министерствъ, а министерства создаютъ для людей». Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 6-я, стр. 65.

374) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 7-я, стр. 100.

375) 14-го іюня 1824 года государь писалъ графу Аракчееву: «Моя личная печаль часъ отъ часу увеличивается, ибо больная ежедневно хуже становится».

376) Императора Александра сопровождали князь Волконскій, баронъ Дибичъ, Вилліе и Тарасовъ. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ остался въ Петербургѣ по слѣдующему случаю. «Чернышевъ, какъ баловень фортуны, былъ заранѣе увѣренъ, что онъ назначенъ будетъ сопровождать императора, и сказалъ въ одномъ домѣ, что ему поѣздки уже наскучили и что ему теперь предстоитъ путешествіе въ Азію. Сіе доведено было до свѣдѣнія его величества, почему и посовѣтовано Чернышеву остаться въ Европѣ, конечно, къ величайшему его сожалѣнію» (Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1824 года).

377) На Міасскихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ императоръ Александръ самъ принималъ участіе въ работахъ и добылъ до 22-хъ пудовъ золотоноснаго песку.

378) Членами этого комитета назначены были графъ Аракчеевъ, Сукинъ, министръ финансовъ, начальникъ главнаго морского штаба и с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ.

Всего въ распоряженіе комитета поступило пожертвованій: 4.066,486 руб. 62 коп. ассигнаціями и 103 руб. 55 коп. сер.

Въ рескриптѣ на имя князя Куракина читаемъ: «Бѣдствіе, постигшее С.-Петербургъ въ 7-й день сего ноября, внезапнымъ и необыкновеннымъ наводненіемъ, исполнило сердце мое горестными чувствами. Судьбы Всевышняго праведны и неисповѣдимы. Въ глубокой покорности волѣ Его и скорбя о всѣхъ, потерпѣвшихъ убытки и разстройство, правительство не можетъ вознаградить всѣ траты сего бѣдственнаго дня, но доставленіе скорой и существенной помощи наиболѣе разоренным и неимущимъ я вмѣняю себѣ въ священный долгъ: они имѣютъ ближайшее право на отеческое мое попеченіе».

379) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. 8-й, стр. 74.

380) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву отъ 23-го ноября и 8-го декабря 1824 года. Стр. 384 и 385.

381) Записки А. И. Кошелева. Берлинъ. 1884. Стр. 13.

382) «Les séances d'ouverture et de clôture de la diète, ainsi que celles où la sanction royale des projets de loi sera promulguée, continueront d'être publiques comme par le passé, et elles seront accompagnées des solennités ordinaires. Pour le choix des commissions, ainsi que pour les délibérations et discussions de tout genre, les chambres se formeront toujours en un comité particulier».

«Cet article est déclaré partie intégrante et inséparable de la charte constitutionnelle».

383) «Pour affermir mon ouvrage, en assurer la durée et vous garantir la jouissance paisible des fruits que l'on en attend, j'ai ajouté un article à la loi fondamentale du royaume. Cette mesure, qui prévient toute nécessité d'exercer de l'influence sur le choix des diétines et sur vos délibérations, prouve la part que je prends à l'affermissement de votre acte constitutionnel. C'est le seul but que je me sois proposé d'atteindre en adoptant cette me-

sure; et les Polonais, j'en ai la ferme confiance, sauront apprécier ce but et le moyen que j'ai employé pour y parvenir... Représentants du royaume de Pologne! puissiez-vous, libres de toute influence, procéder avec calme à vos délibérations! L'avenir de votre patrie est entre vos mains. Ne considerez que son bien, son véritable avantage. Rendez-lui tous les services qu'elle attend de votre réunion, et secondez moi dans l'accomplissement des voeux que je n'ai jamais cessé de former pour elle».

384) «Croyez que je saurai reconnaître la confiance dont les témoignages ont marqué votre réunion actuelle. Ils ne seront pas perdus. J'en conserve une impression profonde, qui s'unira toujours au desir de vous prouver combien est sincere l'affection que je vous porte, et combien votre conduite aura d'influence sur votre avenir».

385) Записки Д. К. Тарасова.

386) «Il a été en effet tres flatteur pour moi de représenter dans un pays le souverain bienfaisant, auquel ce pays doit son bonheur et son indépendance. La conduite magnanime de l'empereur vit encore dans le souvenir de tous les Français, et dire qu'ils sont remplis d'admiration pour notre auguste maitre, c'est vous apprendre qu'ils savent être à la fois et justes et reconnaissants».

387) Записки А. А. Эйлера. «Русскій Архивъ» 1880 года. Книга 2-я, стр. 382.

388) Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

389) Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго. «Историческій Вѣстникъ» 1896 года (январь).

390) Точки поставлены въ подлинной рукописи Шервуда.

391) Шервудъ пишетъ, что когда генералъ-адъютантъ Дибичъ узналъ о его донесеніи, онъ ничему не повѣрилъ и увѣрялъ государя, что все это выдумка и все кончится вздоромъ. Александръ сказалъ ему: «ты ошибаешься, Шервудъ говоритъ правду, я лучше васъ людей знаю».

392) 14-го (26-го) августа 1825 года. «Сборникъ И. Р. И. О.», томъ 73-й, стр. 93.

393) Въ дневникѣ великаго князя Николая Павловича записано 7-го (19-го) августа 1825 года: «L'Ange nous a dit que l'impératrice va passer l'hiver à Taganrog». Императрица Александра Θеодоровна пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Nous le nommions dans nos lettres: Ange, tout court, au lieu de dire l'empereur».

394) Баронъ М. А. Корфъ: «Восшествіе на престолъ императора Николая I».—С.-Петербургъ. 1857 г. (третье изданіе), стр. 30.

395) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. Стр. 12.

396) Карамзинъ къ И. И. Дмитріеву 2-го сентября 1825 года.

397) Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877 г. С.-Петербургъ. 1877 г. Стр. 228.

398) Иностранные историки повѣствуютъ, что будто бы императоръ Александръ служилъ передъ отъѣздомъ панихиду въ Невской лаврѣ. Неудивительно, что, не зная порядковъ и смысла нашего богослуженія, они перепутали напутственный молебенъ съ панихидой. Но нельзя не удивляться, что Богдановичъ въ своей исторіи императора Александра I нашелъ возможнымъ повторить подобную басню.

399) Послѣдніе дни жизни императора Александра I. Издано Иваномъ Заикинымъ.—С.-Петербургъ. 1827.

Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I. Traduit du russe par D. Priklonskoy. St.-Pétersbourg. 1834.

Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра I.—Составленное Николаемъ Данилевскимъ.— Москва. 1828.

Духъ вѣнценосныхъ супруговъ, въ Бозѣ почивающихъ императора Александра I и императрицы Елисаветы. Сочиненіе Николая Данилевскаго. Въ трехъ частяхъ.—Москва. 1829.

Графъ Блудовъ и его время (Царствованіе императора Александра I). Ег. Ковалевскаго.—Петербургъ. 1866.

400) «Воспоминанія моей жизни», записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. «Русская Старина» 1871 и 1872 годовъ.

401) Воспоминанія И. И. Шенига. «Русскій Архивъ» 1880 года. Книга 3-я, стр. 273.

402) Карамзинъ писалъ 24-го сентября 1825 года И. И. Дмитріеву:

«Важный государственный человѣкъ, огорченный ужаснымъ домашнимъ происшествіемъ, отказался отъ всѣхъ дѣлъ; какъ слышно: замѣнить его другимъ не легко. Дѣль-

ныхъ людей на большой сценѣ у насъ немного. Министры стары и дряхлы, кромѣ финансовъ и морского. Больше лицъ нежели головъ, а душъ еще менѣе. Впрочемъ, это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замѣчаю и не дивлюсь».

403) Михайловскій-Данилевскій: «Рукописный журналъ» 1829 года.

404) Приведенное здѣсь письмо императора Александра къ графу Аракчееву явилось въ печати уже не разъ, но въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ. Слова государя: «хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой, но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ, — сего довольно, чтобы потеря ея была для тебя прискорбна», вѣроятно, не понравились графу Аракчееву, и потому въ распространенныхъ имъ впослѣдствіи копіяхъ письма государя эти слова отсутствуютъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время повторялись разсказы, что императоръ Александръ, посѣщая Грузино, навѣщалъ Настасью Минкину и не отказывалъ ей въ знакахъ своего вниманія: эти сплетни льстили безграничному самолюбію графа Аракчеева, и, конечно, отъ него нельзя было ожидать содѣйствія къ искорененію установившейся легенды. Письмо государя въ его полномъ объемѣ опровергаетъ самымъ положительнымъ образомъ эту легенду или, вѣрнѣе сказать, клевету и представляетъ дѣло въ его настоящемъ видѣ, безъ аракчеевскихъ прикрасъ.

405) Записки генерала Эйлера. «Русскій Архивъ» 1880 года, книга 2-я, стр. 382.

406) Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго: «Историческій Вѣстникъ» 1896 года (январь).

407) Всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба отъ 4-го декабря 1825 года (Государственный архивъ).

408) Виллie записалъ въ своемъ дневникѣ: «Dès que l'empereur s'est mis en calèche pour la Crimée le soleil a reparu».

409) Послѣдніе дни жизни Александра I. — С.-Петербургъ. 1827. Стр. 18.

410) Въ книгѣ: «Послѣдніе дни жизни Александра I» пріѣздъ государя переданъ слѣдующимъ образомъ: «Вечеромъ въ десятомъ часу, при свѣтѣ факеловъ, прибылъ въ Севастополь, посѣтилъ храмъ Божій и, при свѣтѣ же факеловъ, дѣлалъ смотръ морскимъ полкамъ. Потомъ спросилъ обѣдать, но ничего не кушалъ, а занялся приказаніями на слѣдующій день».

Этотъ разсказъ совершенно расходится съ воспоминаніями очевидца Д. К. Тарасова. Вообще, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что трудно согласовать между собою разсказы о послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ жизни императора Александра; на каждомъ шагу встрѣчаются противорѣчія, недомолвки, очевидныя неточности и даже несообразности. Будущему исторіографу Александра I придется пожалѣть, что Михайловскій-Данилевскій пересталъ быть съ 1819 года спутникомъ государя во время его нескончаемыхъ путешествій; если бы онъ находился въ 1825 году въ Таганрогѣ, мы имѣли бы, безъ сомнѣнія, вполнѣ обстоятельный и достовѣрный разсказъ о жизни Александра со времени отъѣзда его на югъ Россіи.

411) Въ дневникѣ Виллie 30-го октября (11-го ноября) 1825 года записано: «Empereur légèrement indisposé».

412) См. въ приложеніяхъ: «Собственноручный журналъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго во время болѣзни въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича», посланный при письмѣ его къ Григорію Ивановичу Вилламову отъ 7-го декабря 1825 года для передачи императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

413) Послѣдніе дни жизни Александра I. — Издано Иваномъ Заикинымъ. — С.-Петербургъ. 1827. Стр. 43.

414) «La nuit mauvaise. Refus de médecine. Il me désole. Je crains que cette opiniâtreté n'ait des suites mauvaises un jour ou l'autre».

415) 6-го ноября государь отдалъ въ послѣдній разъ пароль и собственноручно написалъ на запискѣ генералъ-адъютанта Дибича: «Пароль Таганрогъ». Съ этого дня Дибичу было поручено отдавать пароль на будущее время.

Послѣдняя резолюція императора Александра относится къ 7-му ноября. На запискѣ Дибича: «Генералъ-адъютантъ Чернышевъ, прибывшій сего числа изъ Новочеркаска, испрашиваетъ позволеніе, можетъ ли быть завтра къ обѣднѣ во дворцѣ, равно и супруга его, безъ вторичнаго представленія», государь написалъ: «могутъ».

416) «Où est le refuge dans cette vie? Lorsqu'on croit avoir tout arrangé pour le mieux et pouvoir le gouter, il survient une épreuve inattendue, qui ôte la faculté de jouir du

*

bien dont on est entouré. Ce n'est pas un murmure—Dieu lit dans mon coeur—ce n'est qu'une observation faite mille fois et justifiée maintenant pour la millieme fois par l'événement» (Письмо императрицы Елисаветы къ маркграфинѣ Баденской отъ 11-го (23-го) ноября 1825 г.).

417) «C'est depuis le 8 que je remarque que quelque chose l'occupe plus que sa guérison et qui lui tourmente l'esprit. Post hoc ergo propter hoc».

418) Слѣдствіе добраго Клейнмихеля и судъ надъ убійцами любовницы Аракчеева составляютъ позорную страницу въ исторіи неограниченнаго самовластія графа Алексѣя Андреевича, тѣмъ болѣе возмутительную, что она могла имѣть мѣсто въ царствованіе кроткаго и гуманнаго Александра. Историка особенно долженъ поражать тотъ фактъ, что въ подобное правленіе могла проявиться «une tyrannie plus oppressive que tout ce qui l'avait précédé, bien que le tyran lui-même fut doux et humain» (Révélations sur la Russie. 2-d volume).

419) Всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба отъ 4-го декабря 1825 года.

420) Въ собственноручномъ предписаніи генералъ-адъютанта Дибича унтеръ-офицеру Шервуду, отъ 10-го ноября 1825 года, сказано:

«По письму вашему, отъ 20-го сентября, къ г-ну генералъ-отъ-артиллеріи графу Аракчееву отправляется по высочайшему повелѣнію въ городъ Харьковъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Николаевъ съ полною высочайшею довѣренностью дѣйствовать по извѣстному вамъ дѣлу».

421) Разсказъ Тарасова и обстановка, при которой все это случилось, относятся, можетъ быть, къ первому обмороку государя, который, какъ выше сказано, былъ 10-го ноября и случился утромъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ запискахъ Тарасова, написанныхъ много лѣтъ спустя послѣ таганрогскихъ событій, факты хотя и переданы вѣрно, но всѣ числа перепутаны и требуютъ поправокъ.

14-го ноября государь, дѣйствительно, всталъ въ 7 часовъ утра, умылся безъ посторонней помощи и побрился, но обморока не случилось. Затѣмъ Александръ легъ снова на постель, но находился въ сильно возбужденномъ состояніи; по замѣчанію Вилліе, ему тогда трудно было связать правильно какую-либо мысль. «Другъ мой, какое дѣло, какое ужасное дѣло», сказалъ государь, обратясь къ Вилліе. Такое душевное настроеніе продолжалось около минуты. «При этомъ», пишетъ Вилліе въ исторіи болѣзни императора,— «взглядъ его былъ страшный, и мнѣ показалось, что наступаетъ бредъ».

422) «Tout est bien mal, quoique il n'a pas de délire. J'avais envie de donner de l'acide muriatique avec la boisson, mais j'ai eu de refus comme a l'ordinaire. «Allez-vous en». J'ai pleuré et le voyant il me dit: «Venez, mon cher ami. J'espere que (vous) ne m'en voulez pas pour cela. J'ai mes raisons».

423) Вилліе пишетъ: «Quel est mon triste ministere de lui annoncer sa dissolution prochaine en présence de Sa Majesté l'impératrice qui est allé lui proposer un remede certain: sacramentum».

424) Ег. Ковалевскій: Графъ Блудовъ и его время. Стр. 161.

425) «Tout me parait trop tard. Ce n'est que le manque de forces physiques et morales et la diminution de sa sensibilité qui sont les causes que lui a employé quelques médications depuis la sainte Coena et l'exhortation de Fedotoff.

Въ дипломатическихъ воспоминаніяхъ лорда Лофтуса приведенъ разсказъ, слышанный имъ въ Петербургѣ отъ Вилліе. Когда императору Александру, съ его согласія, поставили піявки, онъ спросилъ императрицу и Вилліе, довольны ли они теперь? Они только что успѣли высказать свое удовольствіе, какъ вдругъ государь сорвалъ съ себя піявки, которыя единственно могли спасти его жизнь. Вилліе сказалъ при этомъ Лофтусу, что, повидимому, Александръ искалъ смерти и отказывался отъ всѣхъ средствъ, которыя могли отвратить ее. Смерть императора Александра, по словамъ Лофтуса, всегда останется необъяснимой тайной и дала поводъ къ многимъ неправдоподобнымъ разсказамъ о томъ, что его будто бы отравили, что онъ кончилъ самоубійствомъ или же, наконецъ, что его будто бы умертвили (The diplomatic reminiscenses of lord Augustus Loftus 1837—1862. London. 1892).

426) Chere maman, je n'ai pas été en état de vous écrire par la poste d'hier. Aujourd'hui, grace en soit rendue mille et mille fois a l'Être supreme, il y a du mieux

très décidé dans l'état de l'empereur, de cet ange de bienveillance au milieu de ses maux. Pour qui, sur qui Dieu menifesterait-Il son infime miséricorde, si ce n'était lui. Oh, mon Dieu, quels cruels moments j'ai passé! Et vous, chère maman, je me figure vos inquiétudes. Vous recevez le bulletin. Vous aurez donc vu à quoi nous avons été réduits hier, cette nuit encore. Mais Wyllie aujourd'hui dit lui-même que l'état de notre cher malade est satisfaisant. Il est faible a l'exces. Chere maman, je vous avoue, que je n'ai pas ma tête et ne puis vous en dire davantage. Priez avec nous, avec 50 millions d'hommes, que Dieu daigne achever la guérison de notre bien aimé malade.

427) «Aucune espérance pour sauver mon adorable maitre».

428) Другой очевидецъ послѣднихъ минутъ жизни императора Александра, придворный врачъ Доббертъ, пишетъ, что онъ имѣлъ мучительный конецъ. Агонія продолжалась почти одиннадцать часовъ (Er hatte einen qualvollen Tod. Beinahe elf Stunden dauerte der Todeskampf). Aus dem Leben Dobberts. S.-Petersburg. 1868, p. 54.

429) Императоръ Александръ скончался 47-ми лѣтъ 11-ти мѣсяцевъ и 7-ми дней отъ рожденія.

См. въ приложеніяхъ: 1) Письмо А. Д. Саломки къ Михайловскому-Данилевскому, отъ 4-го (16-го) декабря 1825 года изъ Таганрога. 2) «Собственный журналъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго во время болѣзни въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича», приложенный къ письму князя Волконскаго къ Г. И. Вилламову отъ 7-го (19-го) декабря 1825 года изъ Таганрога и 3) Histoire de la maladie et des derniers moments de l'empereur Alexandre fondée sur les informations les plus authentiques.

430) «Ah, maman! Je suis la plus malheureuse créature de la terre. J'ai voulu vous dire seulement que j'existe après la perte de cet Ange martyrisé par la maladie et qui néanmoins avait toujours pour moi un sourire ou un regard de bienveillance, quand même il ne reconaissait personne. Oh, maman, maman! que je suis malheureuse, comme vous souffrirez avec moi! Grand Dieu, quelle destinée. Je suis abimée par la douleur, je ne me comprends pas, je ne comprends pas ma destinée, enfin je suis bien malheureuse. Le souvenir de sa profonde résignation en toute chose me soutiendra. Ma bonne maman! comme vous souffrirez avec moi».

431) «Chere maman! Notre ange est au ciel et moi sur la terre; de tous ceux qui le pleurent la créature la plus malheureuse, puissé-je le rejoindre bientôt! O mon Dieu, c'est presque au-delà des forces humaines, mais puisqu'Il l'a envoyé, sans doute il faut pouvoir le supporter. Je ne me comprends pas, je ne sais si je rêve, je ne puis pas combiner, ni comprendre mon existence. Voici de ses cheveux, chère maman! Hélas! Pourquoi a-t-il du souffrir autant! Mais sa figure maintenant ne porte plus que l'expression de la satisfaction et de la bienveillance qui lui sont naturelles. Il semble approuver ce qui se passe autour de lui. Ah! chère maman, que nous sommes tous malheureux! Tant qu'il sera ici, je reste ici—quand il partira, si on le trouve possible, je partirai aussi. J'irai avec lui tant que je pourrai. Je ne sais encore ce que je deviendrai; chere maman, conservez-moi vos bontés».

Замѣтимъ здѣсь, что до сихъ поръ этотъ историческій документъ передавался въ различныхъ сочиненіяхъ въ совершенно искаженномъ видѣ.

432) «Je vous écris, chere et bonne maman, sans savoir que vous dire. Je suis incapable de rendre ce que j'éprouve. C'est une douleur continue, un sentiment de désolation auquel je crains parfois que ma religion ne succombe. Oh, mon Dieu! c'est presque au-dela de mes forces. Si encore je n'avais pas reçu de lui tant de caresses, tant de témoignages de tendresse presque jusqu'au dernier moment et il fallut voir expirer cet être angélique, qui conservait la faculté d'aimer, ayant perdu celle de comprendre. Que faire de ma volonté qui lui était toute soumise, de ma vie que j'aimais a lui consacrer! Oh, maman, maman, que faire, que devenir? Je ne vois plus rien devant moi. Je reste ici tant qu'il y sera, quand il partira, je partirai aussi, je ne sais quand, où j'irai. Je ne puis vous en dire davantage, ma bonne maman, je me porte bien, ne souffrez pas trop pour moi, mais si j'osais, je désirerais bien suivre celui qui était le but de ma vie».

Тѣ же мысли императрица высказала въ письмѣ къ великому князю Николаю Павловичу отъ 10-го (22-го) декабря 1825 года. «Je vous remercie, mon cher frère, de votre

lettre, des expressions d'amitié qu'elle contient, de celle de votre propre douleur. Vous me faites du bien en convenant avec moi que j'ai tout perdu, que je n'ai plus rien — j'ai perdu le but de ma vie, ce qui lui donnait du prix ici bas. Il me reste l'espérance de l'éternité, tout mon etre se tourne vers elle» (Государственный архивъ. Разрядъ IV, № 253).

Въ письмѣ къ Григорію Ивановичу Вилламову князь Волконскій сообщалъ ему 21-го ноября 1825 года:

«Императрица Елисавета Алексѣевна, при всей скорби ужаснѣйшаго общаго несчастія, изволитъ переносить печаль свою съ удивительною твердостью, присутствуя ежедневно два раза при панихидахъ».

433) В. А. Жуковскій къ Александру Ивановичу Тургеневу 28-го ноября (10-го декабря) 1825 года.

434) Когда Меттернихъ получилъ извѣстіе о кончинѣ императора Александра, онъ высказалъ мнѣніе, что исторія Россіи начнется тамъ, гдѣ окончился романъ (Ou je me trompe fort, ou bien l'histoire de Russie va commencer la où vient de finir le roman). Metternich: Mémoires. T. 4, p. 259.

435) Выше было упомянуто, что о своемъ рѣшеніи императоръ Александръ сообщилъ также прусскому принцу Вильгельму. Затѣмъ оказывается, что государь повѣдалъ эту тайну еще Карамзину и его женѣ. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 3-го (15-го) января 1826 года Карамзинъ пишетъ:

«Самъ покойный государь еще осенью 1823 года сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ объ этомъ распоряженіи наслѣдства. Мы не измѣнили тайнѣ».

Припомнимъ здѣсь, что о своемъ намѣреніи сойти съ престола императоръ Александръ сообщилъ также принцу Оранскому, посѣтившему Петербургъ весною 1825 года.

436) Михайловскій-Данилевскій. Рукописный журналъ 1829 года.

437) Эти таинственныя бумаги заключали въ себѣ двѣ молитвы и замѣтки изъ нѣсколькихъ главъ священнаго писанія.

Князь Волконскій въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 14-го декабря 1825 года писалъ: «L'impératrice Elisabeth me charge de vous communiquer, Madame, que le papier que feu l'empereur portait toujours sur lui, a été ouvert après sa mort par elle en ma présence et à ma priere, parce que je supposais que ce papier renfermait peut-être quelque volonté suprême. Nous n'avons trouvé que deux prières et une note de quelques chapitres de l'Ecriture Sainte. L'impératrice voulait d'abord garder les papiers comme un souvenir précieux a son coeur, mais ensuite elle m'a chargé de les mettre dans l'uniforme dont les restes de notre bien aimé empereur sont habilles, afin qu'il garde sur lui ce qu'il portait de son vivant; je les ai placés dans la même poche ou il avait l'habitude de les mettre».

438) См. въ приложеніяхъ всеподданнѣйшій рапортъ начальника главнаго штаба и два письма его къ императору Константину отъ 19-го ноября 1825 года и актъ о кончинѣ императора Александра.

439) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 29.

См. въ приложеніяхъ протоколъ вскрытія тѣла императора Александра Павловича.

Тарасовъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что редакція этого акта составлена имъ, но что онъ не подписывалъ его; между тѣмъ на подлинномъ актѣ находится и его подпись.

440) «Dissection et embaument, qui cofirmèrent tout ce que j'avais dit a priori. Oh si j'avais eu son consentement, si il aurait traitable et docile, cette operation n'aura pas eu ici». Воспроизводимъ здѣсь буквально своеобразную французскую ороографію Виллie.

441) Н. И. Шенигъ, П. А. Тучковъ (впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ), Венцель и Кожевниковъ.

442) До 27-го ноября тѣло императора Александра оставалось на постели въ кабинетѣ по недостатку различныхъ вещей, ожидавшихся изъ Москвы для переноса тѣла въ залъ. Затѣмъ 27-го ноября тѣло императора было положено въ гробъ и поставлено на катафалкѣ, устроенномъ въ залѣ таганрогскаго дворца.

443) Воспоминанія Николая Игнатьевича Шенига. «Русскій Архивъ» 1880 года, книга 3-я, стр. 280—283.

444) Со дня пріѣзда преосвященный ежедневно, по утрамъ, послѣ литургіи, отправлялъ соборомъ панихиду у тѣла, а по вечерамъ мѣсто Феофила заступалъ архимандритъ греческаго монастыря.

445) 14-го (26-го) августа 1825 года князь Волконскій писалъ А. А. Закревскому передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ: «Дай Богъ только, чтобы путешествіе сіе было въ пользу для здоровья ея величества. Признаюсь, не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ».

446) Сборникъ И. Р. И. О., т. 73-й. Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Стр. 95: Письмо князя Волконскаго отъ 21-го ноября (3-го декабря) 1825 года.

447) Припомнимъ здѣсь, что А. А. Закревскій еще въ 1819 году утверждалъ, что «графъ Аракчеевъ—вреднѣйшій человѣкъ въ Россіи». Къ этой характеристикѣ Закревскій прибавилъ еще пророчество: «Мнѣ кажется, что Клейнмихель современемъ будетъ еще хуже его». Сборникъ И. Р. И. О., томъ 78-й, стр. 214.

448) Сборникъ И. Р. И. О., томъ 73-й, стр. 184. Письмо А. А. Закревскаго отъ 10-го (22-го) декабря 1825 года изъ Гельсингфорса.

449) Н. И. Шенигъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Смерть дѣвки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными дѣлами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила». «Русскій Архивъ» 1880 года. Книга 3-я, стр. 323.

450) Государственный архивъ. Разрядъ V, № 190. Письмо это было напечатано въ Сборникѣ И. Р. И. О., томъ V, стр. 50.

451) Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 596.

452) Генералъ штабъ-докторъ дѣйств. ст. сов. Кучковскій.

453) «Je ne vous parle pas de moi et de l'état dans lequel je suis: vous connaissez depuis trop longtemps mon dévouement pour le meilleur des maitres et des freres pour en douter. Ce qui augmente a la pénible situation dans laquelle je me trouve ici, c'est qu'outre mon vieil ami Kourouta, mon médecin et moi, tout le monde ignore la maladie de l'empereur et rien encore n'a transpiré sur son sujet, et par conséquent je dois affecter une sérénité et une tranquillité devant le public qui est loin de se trouver en moi. Ma femme et mon frere ne se doutent de rien et j'ai été obligé de faire un conte sur le compte de l'arrivée de votre premier feldjäger et j'en ferai de meme sur celui d'aujourd'hui. Si je n'eus consulté que l'impulsion de mon coeur, il y eut bon temps que vous m'auriez vu arriver. Mais vous devez bien juger vous même tout ce qui s'y oppose».

454) Баронъ М. А. Корфъ: Восшествіе на престолъ императора Николая I-го. Стр. 36.

455) Письмо цесаревича отъ 26-го ноября (8-го декабря) 1825 года приведено нами въ русскомъ переводѣ. Это же письмо приведено въ русскомъ переводѣ и въ книгѣ барона Корфа, но въ извлеченіи и съ самопроизвольными измѣненіями; сверхъ того, не сказано, что оно написано цесаревичемъ на французскомъ языкѣ.

456) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 27.

На запискѣ не поставлено числа, но, судя по ея содержанію, она очевидно написана 3-го (15-го) декабря 1825 года.

457) Донесеніе адъютанта великаго князя Николая Павловича, штабсъ-капитана Лазарева, о пребываніи его въ Варшавѣ. Государственный архивъ. Разрядъ III, № 27.

458) Баронъ Корфъ: Восшествіе. Стр. 75.

459) Письмо великаго князя Николая Павловича къ императору Константину отъ 3-го (15-го) декабря 1825 года.

460) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 41.

461) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 27.

462) «Votre aide de camp, cher Nicolas, m'a exactement remis votre lettre a son arrivée ici. Je l'ai lue avec la plus vive peine et douleur. Ma résolution est inébranlable et sanctionnée par feu mon bienfaiteur, empereur et maitre. Votre invitation d'arriver au plus tôt ne peut pas être acceptée par moi et je vous déclare que je m'éloignerai encore plus si le tout ne s'arrange pas d'apres les volontés de feu notre empereur. Je suis pour la vie votre fidele et sincere ami et frere» (Государственный архивъ. Разрядъ III, № 27).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

463) Баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи приводитъ только въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ содержаніе этого важнаго историческаго документа, который до сихъ поръ не появлялся въ печати.

464) Всеподданнѣйшее письмо капитана Майбороды отъ 25-го ноября 1825 года.

465) Письмо великаго князя Николая Павловича къ генералъ-адъютанту барону Дибичу отъ 28-го ноября 1825 года.

466) Среди этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ не легко было дѣйствовать Николаю Павловичу, если даже довѣренный и столь близкій къ покойному государю сановникъ осмѣлился поступить такъ съ генералъ-губернаторомъ, присланнымъ великимъ княземъ; а то обстоятельство, что приславшій его великій князь фактически былъ въ то время уже императоромъ Всероссійскимъ, не могло составлять тайны для проницательнаго графа Алексѣя Андреевича.

467) Графъ Захаръ Чернышевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка.

468) Никита Муравьевъ.

469) Шишковъ оказался непричастнымъ къ тайнымъ обществамъ.

470) Письмо цесаревича Константина Павловича отъ 8-го (20-го) декабря 1825 года.

471) Въ тотъ же день, 12-го декабря 1825 года, великій князь Николай Павловичъ писалъ князю Волконскому: «Воля Божія и приговоръ братскій надъ мной совершается. 14-го числа я буду или государь — или мертвъ. Что во мнѣ происходитъ описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь; да, мы всѣ несчастны, но нѣтъ несчастливѣе меня. Да будетъ воля Божія!» (Государственный архивъ. Разрядъ III, № 34).

472) Неизданныя сочиненія Карамзина, стр. 17: «Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства».

473) По прочтеніи этой бумаги Николай Павловичъ взялъ ее къ себѣ, не признавая возможнымъ предать ее тогда гласности вслѣдствіе заключающагося въ рескриптѣ рѣзкаго осужденія всего того, что было сдѣлано въ Петербургѣ съ 27-го ноября.

474) С. С. Татищевъ: «Воцареніе императора Николая по неизданнымъ источникамъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ». «Русскій Вѣстникъ» 1893 года.

475) Князь Николай Ивановичъ Трубецкой скончался въ 1874 году оберъ-гофмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

476) Записки А. И. Кошелева. Берлинъ, 1884, стр. 14.

477) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 33.

478) Графъ Ростопчинъ скончался 18-го (30-го) января 1826 года.

479) «Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutions pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers».

480) «Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу». Лейпцигъ, 1872 г., стр. 51.

481) «Записки А. И. Кошелева», стр. 18.

482) Михайловскій-Данилевскій по поводу неопредѣленнаго положенія дѣлъ, сопровождавшаго междуцарствіе, передаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующій разсказъ, относящійся къ пребыванію его въ 1825 году въ Кременчугѣ въ званіи бригаднаго начальника 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи: «Однимъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ корпуснаго командира жандармъ съ такъ называемымъ циркулярнымъ предписаніемъ отъ главнокомандующаго донести сему послѣднему, неизвѣстно ли мнѣ мѣстопребываніе императора Константина, и не проѣзжалъ ли онъ въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ ѣздить по расположенію всего третьяго корпуса; такимъ образомъ Россійскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи» (Рукописный журналъ 1825 года).

483) См. въ приложеніяхъ письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ князю Волконскому отъ 3-го (15-го) декабря 1825 года.

484) Два раза подчеркнуто великимъ княземъ.

485) Адъютантъ князя Волконскаго Евгеній Андреевичъ Реадъ. Въ 1826 году былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Убитъ подъ Шумлою въ 1828 году.

486) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 34.

487) Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 597 (а).

См. въ приложеніяхъ письма княгини Софіи Григорьевны Волконской, супруги князя Петра Михайловича, къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ изъ Таганрога.

488) «Tous les liens terrestres sont rompus entre nous! Ceux dans l'éternité seront différents, ils seront plus doux sûrement, mais tant que je porte encore cette triste enveloppe mortelle, il est douloureux de me dire qu'il n'aura plus de part à mon existence ici-bas. Amis d'enfance, nous avons marché ensemble pendant 32 ans. Nous avons traversé ensemble toutes les époques de la vie. Souvent éloignés, nous nous retrouvions toujours d'une manière et d'une autre; enfin sur le vrai chemin, nous ne goûtions plus que la douceur de notre union. C'est dans ce moment qu'elle m'a été enlevée. Sûrement je le méritais, je ne sentais pas assez le bienfait de Dieu, je ressentai peut-être trop encore de petits inconvénients. Enfin quoique cela soit, Dieu l'a voulu. Qu'Il daigne permettre que je ne perde pas le fruit de cette douloureuse croix —ce n'est pas pour rien qu'elle m'a été envoyée. Je reconnais la main de Dieu dans toute la direction de ma destinée en y réfléchissant».

489) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 35.

Въ письмѣ къ своей матери императрица Елисавета Алексѣевна пишеть, что графъ Орловъ-Денисовъ принялъ данное ему порученіе «avec tout le zèle et j'ose dire—une sainte joie».

490) Воспоминанія Д. К. Тарасова. «Русская Старина» 1872 года. Томъ 6-й, стр. 133.

491) См. въ приложеніяхъ письмо Кристина къ графу Моркову изъ Москвы отъ 18-го января 1826 года.

492) Графъ Аракчеевъ издалъ книгу съ рисунками подъ заглавіемъ: «Церемоніалъ къ встрѣчѣ и сопровожденію въ Новгородѣ тѣла въ Бозѣ почивающаго императора Александра I-го».—С.-Петербургъ. 1826 (Печатано и литографировано въ штабѣ военныхъ поселеній).

493) Воспоминанія Н. П. Шенига. «Русскій Архивъ» 1880 года. Книга 3-я, стр. 291. Онъ сообщаетъ также, что графъ Аракчеевъ за нѣсколько дней до прибытія тѣла императора Александра самъ дѣлалъ репетиціи монахамъ, чиновникамъ и солдатамъ, какъ подходить къ гробу и прикладываться. По поводу церемоніала встрѣчи тѣла въ Новгородѣ Шенигъ пишетъ: «надобно было удивляться порядку, но и безчувственности распорядителя».

494) Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 596.

495) «Русскій Архивъ» 1867 года. Стр. 1322.

496) Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs.—Berlin. 1891. Erster Band, p. 20.

497) Записки князя Николая Сергѣевича Голицына 1825—1855 годовъ. «Русская Старина» 1880 года.

498) Въ Петербургѣ, такъ же, какъ и въ Москвѣ, распускали нелѣпые слухи; разсказывали, что злоумышленниками предположено поставить четыре бочки съ порохомъ подъ Казанскимъ мостомъ и, когда повезутъ тѣло усопшаго государя, взорвать мостъ; то же самое злодѣяніе будто бы предполагали совершить и въ крѣпости (Военно-ученый архивъ. Отд. секр., № 40: Дѣло со свѣдѣніями о народныхъ слухахъ по поводу кончины императора Александра 1825 и 1826 гг.). Ходили также слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были везти тѣло покойнаго императора.

499) 16-го (28-го) марта 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «les malheureuses journées qui ont précédé le 13, m'ont privé presque de toutes mes facultés physiques et morales; ce n'est que depuis hier que je respire un peu».

Цесаревичъ отвѣчалъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1826 года: «Je conçois parfaitement, cher frère, l'état où vous avez dû vous trouver durant l'époque qui a précédé la cruelle journée du 13, je l'ai vivement partagé dans mon éloignement; grâces en soient rendues à l'Etre Suprême que toute notre famille l'a supportée avec courage et résignation et que les restes de notre cher et immortel empereur reposent en paix».

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько строкъ изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1826 года: «En général vous ne sauriez croire, ou plutôt vous le croirez facilement, quelle pénible sensation on éprouve ici: tout est comme de son temps dans sa chambre: son chapeau, ses gants, ses épaulettes, mouchoirs etc., tout absolument comme s'il devait y être; on le cherche à tout moment, chaque lieu le rappelle au

point que souvent on peut s'oublier; mais aussi le moment de l'affreux réveil de cette illusion est insupportable».

500) Всѣ эти варшавскія печальныя церемоніи описаны въ сочиненіи: «Description de la cérémonie funebre en mémoire de feu Sa Majesté Alexandre I, empereur de toutes les Russies, roi de Pologne, célébrée à Varsovie les 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23 Avril 1826.—Varsovie (chez N. Glücksberg). 1829.

Къ этому изданію приложено множество рисунковъ, увѣковѣчившихъ это печальное торжество: нѣкоторые изъ нихъ воспроизведены въ настоящемъ изданіи.

501) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 35.

502) 3-го мая, по пріѣздѣ въ Бѣлевъ, князь Волконскій писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Nous sommes arrivés ici plus tard que je ne le supposais à cause de la pluie et des mauvais chemins, ce qui a tellement augmenté la faiblesse de l'impératrice qu'elle n'est pas capable de partir d'ici demain. Sa Majesté me charge de vous en prévenir, Madame, en faisant ses excuses de ce qu'elle n'écrit pas elle-même a Votre Majesté Impériale, à cause de la faiblesse qui le lui empêche. Comme Votre Majesté me marque dans sa derniere lettre que dans le cas, ou l'impératrice s'arrèterait dans quelques villes avant Kalouga, vous désireriez, Madame, venir la rejoindre, j'ai communiqué ce souhait à l'impératrice qui m'a ordonné de vous écrire qu'elle sera bien heureuse de recevoir Votre Majesté Impériale ici, si toutefois cela ne vous fatigue et ne vous dérange pas. Il m'est impossible de vous exprimer, Madame, toutes les vives alarmes que j'éprouve sur la santé de l'impératrice et je serai bien heureux de voir arriver Votre Majesté Impériale ici».

503) 8-го (20-го) мая 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Dans ce moment je suis interrompu par la nouvelle d'un nouveau malheur! Que Dieu reçoive en paix la pauvre impératrice, elle a cessé de vivre le 4. Je tremble pour ma mere: quelle suite de peines et de chagrins pour elle; que Dieu la soutienne et lui donne des forces. Pour moi, je ne sais que faire et m'en remets à Dieu qui ne nous abandonnera pas! Je finis, car vous pouvez penser aux embarras où je suis».

504) «Московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить не однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальняго время незабвеннаго, именно 1825 года, съ декабря 25-го дня». Эти слухи, числомъ 51, записаны были дворовымъ человѣкомъ Федоромъ Федоровымъ (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

Въ разсказахъ о народныхъ слухахъ, записанныхъ Федоровымъ, отразилась одна любопытная черта того времени: это народный протестъ противъ крѣпостного права. Благородные господа названы въ нихъ «первѣйшими въ свѣтѣ подлецами», а отстраненіе великаго князя Константина Павловича отъ престолонаслѣдія является въ народной фантазіи какъ бы слѣдствіемъ его намѣренія освободить невольниковъ; цесаревичъ является жертвою своего заступничества за народъ. Встрѣчается, напримѣръ, такой разсказъ, что великій князь, «видя такое неустроенное въ Россіи варварское на все россійское простонародіе самовластное и тяжкое притѣсненіе», вознамѣрился по возможности уничтожить оное и для этой цѣли обратился за помощью къ австрійскому императору, который обѣщался двинуть полтораста тысячъ войска (28-й слухъ. 8-го февраля 1826 года).

Фантастическіе разсказы о таганрогскихъ событіямъ неоднократно появлялись въ 1826 году и въ заграничныхъ газетахъ.

505) Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія старца Ѳедора Кузьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 года по 1864 годъ. С.-Петербургъ. 1891.

Въ 1894 году въ Москвѣ появилось третіе изданіе этой брошюры. Къ сказанію приложены два портрета Ѳедора Кузьмича, виды его келіи и образецъ почерка.

506) Съ 1859 года Ѳедоръ Кузьмичъ переселился на жительство къ томскому купцу Семену Ѳеофановичу Храмову.

Существуетъ составленное имъ: «Жизнеописаніе великаго старца Ѳеодора Козьмича» (Рукопись).

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Изъ переписки г-жи де-Стааль съ императоромъ Александромъ 1816 года[1]).

Italie.
Florence, ce 26 Février 1816.

Sire,

Me permettez-vous de communiquer à Votre Majesté le mariage de ma fille avec le duc de Broglio, pair de France. L'un et l'autre m'ont demandé de mettre leur hommage à vos pieds.

Je ne cesse de suivre vos actions politiques, Sire, avec cet intérêt et le respect dont mon âme est remplie pour vous. J'admire avec l'Europe entière votre constitution pour la Pologne, votre ukase sur les jésuites, et je crois voir une grande et belle intention de tolérance dans la déclaration des trois puissances de religions diverses, mais toutes les très chrétiennes.

Que n'avez-vous influé plus directement, Sire, sur le sort de la France! Avais-je raison, Sire, dans ce que j'osais vous écrire il y a huit mois, c'est que la chambre des députés qui n'est pas composée des représentants de la nation, mais de ceux du parti des émigrés, abimerait la France — ils marchent à la contre-révolution de fait sans gagner le moins du monde les esprits, et les Français gemissent sous le poids des forces étrangères, sans lesquelles ils ne supporteraient pas qu'on eût recours aux formes les plus arbitraires de la révolution, pour en détruire les meilleurs principes. Je ne sais, si votre agent à Paris vous peint les choses telles qu'elles sont, j'ai d'importantes raisons d'en douter. Pardonnez moi, Sire, la franchise avec laquelle je vous parle; j'aurais bien d'autres observations à vous communiquer, Sire, si l'on pouvait écrire avec abandon.

[1]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Dans cette riche et pauvre Italie, Sire, j'ai souvent entendu des voeux s'élever vers vous, vous conquerez l'Europe par l'opinion, parce que seul entre les souverains vous marchez dans le sens de la postérité.

Daignez honorer ma famille et moi, Sire, de votre bienveillance.

Je suis avec respect,

Sire

de Votre Majesté

la très humble et très obéissante servante

N. de Staël H.

St.-Pétersbourg, 4 Avril 1816[1].

Il m'a été très agréable, Madame, d'apprendre par votre lettre la nouvelle du mariage de mademoiselle Staël, et je suis vivement sensible à l'intention qui vous a suggéré de m'en faire part.

L'opinion que vous énoncez relativement à la constitution du royaume de Pologne, et surtout celle que vous avez conçue de l'acte fraternel et chrétien du 14 (26) Septembre, prouvent l'attention et le soin[2] éclairé avec lequel vous étudiez les événements dont la Providence se sert pour exercer sur les nations[3] une influence réparatrice et tutélaire. La tolérance est toujours l'effet immédiat des sentiments d'amour et de paix que nous inspire la vraie religion chrétienne, et ce serait méconnaître son essence[4], que de faire de ses divins préceptes une application différente.

Mais cette action bienfaisante de Dieu, dont tout souverain doit s'estimer heureux d'être l'instrument, se manifeste souvent d'une manière formidable, à l'égard des peuples qu'une longue période de troubles a rendu moins susceptibles de repos et de bonheur.

Les maux de la France auraient cessé entièrement, s'il eût été au pouvoir des hommes d'en effacer jusqu'au dernier vestige. Les mesures prises pour son avenir n'ont rien laissé à désirer à l'équité comme à la prévoyance humaine.

Mais il est des bornes qu'elles ne sauraient franchir. Si la situation actuelle de la nation française n'est pas encore analogue à nos voeux et à nos espérances, on ne saurait imputer cet état d'inquiétude qu'aux événements moraux, dont elle se compose et que le temps seul peut concilier et raffermir.

D'ailleurs, pour ce qui concerne les détails de ce qui se passe dans cette belle partie du continent européen, il n'est rien que je puisse ignorer. A l'époque où nous vivons, croyez, Madame, qu'il n'est plus du pouvoir des individus de déguiser les faits. Une force supérieure semble dicter à l'opinion, ce que les intérêts partiels voudraient lui taire, et l'erreur même contribue de nos jours à dévoiler la vérité.

Je n'hésite pas à le répéter ici. Je n'ai omis aucun moyen légitime pour concourir au bien-être de la France. Je n'en négligerai aucun à l'avenir, dans la ferme

[1]) Черновой отпускъ отвѣта императора Александра съ его поправками.

[2]) Слово «soin» поставлено вмѣсто слова «zèle».

[3]) Зачеркнуто «et les individus».

[4]) Слово «essence» вставлено вмѣсто словъ «véritable esprit».

conviction que je serai secondé par les souverains mes alliés, par les bons français, par les hommes bien pensants de tous les pays.

C'est à la Providence à couronner nos efforts et à faire le reste [1]).

Recevez, Madame, l'expression sincère de l'intérêt que je vous porte, ainsi que l'assurance de toute mon estime.

II.

Неизданный отрывокъ изъ записки графа Каподистріи: „Aperçu de ma carrière politique“ 1818 года [2]).

Avant de quitter Moscou pour se rendre à Varsovie, l'empereur travaillait souvent avec moi à l'organisation de la Bessarabie. Dans une de ces séances Sa Majesté me dit que je la suivrais en Pologne où elle allait ouvrir la diète constitutionnelle.

L'empereur me remit alors une collection de discours d'ouvertures que le roi de Saxe y avait prononcés lorsqu'il gouvernait le grand duché. «Voyez et étudiez ces discours. Occupez-vous ensuite de celui que je dois tenir. Voici ma pensée». Il me permit de la discuter et de lui faire des observations sur deux points qui me semblaient présenter des inconvénients très graves. Le premier concernait la comparaison que Sa Majesté voulait établir entre la Pologne et la Russie. Le second avait trait à la promesse de joindre au royaume de Pologne les provinces déjà incorporées à son empire. L'empereur ne parut pas gouter mes observations. Cependant il me dit: «Nous avons le temps d'y songer. Faites toujours le projet de discours comme vous l'entendez et puis nous verrons». Peu de jours après je mis sous les yeux de Sa Majesté le projet en question, qu'elle garda en me disant: «Nous y reviendrons à Varsovie», ce qui signifiait en d'autres termes que Sa Majesté n'en était pas satisfaite.

A Varsovie l'empereur travailla plus d'une fois avec moi pour les affaires étrangères, sans jamais me donner ses ordres sur le discours d'ouverture. Ce ne fut que l'avant veille du jour où Sa Majesté devait le prononcer, qu'elle me fit appeller. «Voici mon discours». Il me lut alors une minute écrite de sa main au crayon et me la remettant l'empereur ajouta: «Je vous donne plein pouvoir d'arranger les phrases selon la grammaire, d'y mettre les points et les virgules, mais je n'admettrai aucun autre changement».

Je rentrai dans ma chambre fort peiné d'être chargé de ce travail, car la minute de Sa Majesté reproduisait exactement la pensée qu'elle m'avait énoncée à Moscou. Je fis les corrections prescrites sans nuancer aucune de ses idées et je redigeai en même temps un second projet où, en conservant quelques parties de la rédaction j'en supprimais ou j'en modifiais d'autres qui me paraissaient de nature à produire dans l'opinion des Russes et dans l'esprit des gouvernements limitrophes une impression peu conforme aux intentions de l'empereur. Le lendemain je lui présentai ce double travail. Il se

[1]) Слова «et à faire le reste» прибавлены государемъ.

[2]) Государственный архивъ.

donna la peine de le lire. Après quelques instants de silence: «Vous n'en démordez pas», me dit-il.—C'est plus que de la persévérance. Je suis fâché de la peine que vous vous êtes donnée. Je vous en remercie, mais je préfère ma rédaction à la vôtre». Alors je le suppliai de m'entendre encore une fois et je lui développai les motifs qui m'avaient forcé de pousser si loin l'importunité. «Tout cela est bel et bon, mais je ne change pas de résolution. Je verrai néanmoins jusqu'à demain, si de ces deux projets il ne peut resulter un troisième. Je vous ferai appeler». En effet dans la journée l'empereur me remit ce qu'il appela son ultimatum. «Faites copier cette minute en grosses lettres par votre Muller. C'est le discours que je lirai demain».

L'empereur avait remplacé quelques unes des phrases de sa redaction par d'autres tirées du second projet. Mais le fond du sien resta le même, et il le prononça à la première diète du royaume de Pologne. On doit trouver aux archives la collection de toutes ces minutes et notamment celles de la propre main de l'empereur.

Le discours de clôture ne coûta pas moins de discussion et de minutes.

La diète terminée, Sa Majesté fit une tournée dans les provinces du midi, se rendit en Bessarabie et de là à Odessa.

III.

Собственноручная записка императора Александра относительно предмета переговоровъ въ Ахенѣ 1818 года.

1. Evacuation de l'armée d'occupation.

2. Attitude des puissances alliées vis-à-vis de la France.

3. Faut-il admettre cette France dans la congrégation des états de l'Europe sans nulle précaution? ou

4. L'état de maladie de cette France n'impose-t-il pas aux états de l'Europe l'obligation d'en établir de telles à se préserver de la contagion qui peut en découler et qui puissent en même temps devenir salutaires à la France même en y maintenant la tranquillité?

5. Quelles sont ces précautions?

a) Union intime entre les puissances.

b) Concert éventuel militaire au cas échéant.

6. Nature de la transaction doit statuer sur les objets ci-dessus.

7. Publicité à lui donner pour servir de frein aux perturbateurs français.

IV.

Письмо императора Александра къ графу Ливену [1]).

Aix la Chapelle.
9 (21) Novembre 1818.

Monsieur l'ambassadeur comte de Lieven. La réunion d'Aix la Chapelle dont les travaux viennent de finir, est une époque décisive pour la durée et la stabilité du système européen. Les résultats qu'elle a produits caractérisent le second période de cette grande ère politique, commencée dès l'instant où les souverains sont devenus frères pour la cause de la religion et du bon ordre, de la justice et de l'humanité.

J'ai ordonné à mon ministère de vous faire connaître, ainsi qu'à vos collègues, l'issue des conférences, tenues sous mes yeux, sous ceux des monarques, mes alliés.— Je lui ai commis le soin d'accompagner l'exposé des faits, de toutes les directions que peut requérir la sphère d'activité de chacun de mes ministres. En approuvant pleinement la teneur de ces instructions, je ne crois pouvoir y ajouter qu'une seule injonction qui embrasse toutes les règles de conduite que j'ai à coeur de vous prescrire.

Trop souvent les grandes distances altèrent la vérité et accréditent les erreurs, que la malveillance est intéressée à répandre.

De toutes ces fausses suggestions la plus insidieuse est celle qui tend à m'attribuer la création du nouveau système politique, et à imputer aux autres états le dessein de s'en isoler, par le moyen des alliances partielles et tôt ou tard réactives. C'est vouloir rompre ou du moins affaiblir les liens d'amitié fraternelle qui unissent tous les souverains de l'Europe. C'est offrir à la crédulité une perspective de troubles, en excitant la présomption ou la crainte, pour mieux soutenir le plus coupable espoir.

J'exige de mes ministres une conduite et un langage uniformes, afin que ces téméraires insinuations soient confondues, et s'il se peut, anéanties pour toujours. Je n'attends d'eux qu'une imperturbable persévérance à proclamer une vérité évidente, qui fait la base de ma plus intime conviction. C'est que le système actuel n'est l'oeuvre d'aucune puissance, que toutes contribuent également à sa conservation, par un sentiment unanime, dans lequel les devoirs et les intérêts s'identifient, qu'il n'existe aucun avantage durable, aucune garantie effective de la sécurité et de la splendeur des états, dont la jouissance ne soit assurée à tous les gouvernements qui adhèrent avec plénitude à ce système conservateur; enfin que cette union entre les souverains tient lieu des combinaisons isolées, puisqu'elle concentre et renferme en elle-même toute leur utilité, sans entraîner aucun inconvénient. Vous devez vous pénétrer de ce principe consolant, que les témoignages de l'expérience environnent et constatent de toute part. Vous devez travailler à le faire apprécier, à le faire prévaloir, par l'exercice de vos fonctions publiques, à l'accréditer de plus en plus par vos connexions individuelles. A cet effet, vos moindres démarches devront porter l'empreinte d'une modération à toute épreuve, d'une bienveillance aussi éclairée qu'inaltérable. Rien ne

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ XV. № 284.

saurait excuser à mes yeux l'oubli de cette réserve scrupuleuse et active, avec laquelle mes ministres sont tenus de s'étudier eux-mêmes, non moins que la marche des évènements.

Sur ce je prie Dieu, monsieur l'ambassadeur comte de Lieven, qu'Il vous ait en Sa sainte garde.

Alexandre.

V.

Отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ великой княгини Александры Өеодоровны.

Au mois de Juin la brigade de mon mari, composée des régiments d'Ismaïloffsky et des chasseurs, entra au camp près du village de Krasnoé Sélo; j'y suivis mon Grand Duc. Maman, à qui appartenait la belle propriété de Krasnoé, me logea dans une fort petite maison qu'elle avait occupée une fois dans sa vie du temps de l'empereur Paul, par un temps de manœuvres militaires. Cette petite maison me plut, je m'y installai pour 3 semaines et ces 3 semaines passèrent trop vite pour moi, tant je me plaisais à cette vie militaire. Ce fut alors à Krasnoé, l'été 1819, qu'un jour l'empereur Alexandre, ayant dîné chez nous, s'assit entre nous deux et causant familièrement, changea tout à coup de ton et devenant très sérieux, il commença en termes suivants à peu près à nous dire qu'il avait été satisfait ce matin de la manière dont son frère s'acquittait de son commandement militaire, qu'il se rejouissait doublement de voir Nicolas remplir bien ses devoirs, puisque sur lui reposerait un jour un grand poids, qu'il le regardait comme son remplaçant et cela beaucoup plus tôt qu'on ne pouvait présumer, puisque cela arriverait de son vivant. Nous étions assis comme deux statues, les yeux ouverts, la bouche muette. L'empereur continua: «vous semblez étonnés, mais sachez que mon frère Constantin qui ne s'est jamais soucié du trône, est plus que jamais décidé à y renoncer formellement en faisant passer ses droits sur son frère Nicolas et ses descendants. Pour moi-même, je suis décidé à me défaire de mes fonctions et à me retirer du monde. L'Europe a plus que jamais besoin de souverains jeunes et dans toute l'énergie de leur force; pour moi, je ne suis plus ce que j'ai été et je crois que c'est de mon devoir de me retirer à temps. Je crois que le roi de Prusse fera de même et mettra Fritz à sa place. Nous voyant prêts à sanglotter, il tâcha de nous consoler, de nous rassurer, nous disant que cela n'arriverait pas incessament, que des années se passeraient avant qu'il ne mette son projet à exécution et il nous laissa seuls, on peut s'imaginer dans quel état. Jamais l'ombre d'une idée pareille ne m'était entré en tête, pas même en rêvant. Nous nous sentions comme touchés par la foudre, l'avenir nous semblait sombre et comme fermé au bonheur! Ce fut un moment mémorable dans notre vie!

VI.

Государственная уставная грамота Россійской Имперіи.

ГЛАВА I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Статья 1.

Россійское государство, со всѣми владѣніями, присоединенными къ нему, подъ какимъ бы наименованіемъ то не было, раздѣляется, сообразно съ росписаніемъ у сего приложеннымъ, на большія области, называемыя намѣстничества.

Статья 2.

Каждое намѣстничество заключаетъ въ себѣ опредѣленное число губерній, по мѣрѣ народонаселенія, разстоянія, обширности и смотря на нравы, обычаи и особенные или мѣстные законы, жителей между собою сближающіе.

Статья 3.

Намѣстничества называются по имени одной изъ составляющихъ оныя губерній или по мѣсту, для присутствія намѣстническаго начальства опредѣленному.

Статья 4.

Губерніи сохраняютъ настоящее раздѣленіе свое на уѣзды, исключая тѣ случаи, въ которыхъ мѣстныя обстоятельства востребовали бы новыхъ разграниченій.

Статья 5.

Уѣзды раздѣляются на округи: округамъ состоять изъ городовъ третьей степени и изъ опредѣленнаго числа волостей, селъ и деревень, по мѣрѣ народонаселенія и разстоянія отъ мѣста, для присутствія окружному начальству опредѣленнаго.

Статья 6.

Городами первой степени суть города губернскіе; второй степени города уѣздные; а городами третьей степени всѣ прочіе: изъ сихъ послѣднихъ исключаются тѣ, которымъ по выгодному положенію своему и по торговымъ сношеніямъ слѣдовать будетъ поступить на одну изъ высшихъ степеней.

Статья 7.

Каждый городъ первой и второй степени имѣетъ свой округъ. Онъ заимствуетъ отъ него свое имя и есть мѣстопребываніемъ начальства онаго. Прочимъ округамъ называться по мѣсту, къ какому будутъ приписаны.

Статья 8.

Изъ сего разграниченія исключаются столицы, Санктъ-Петербургъ и Москва, равно какъ и ихъ губерніи.

ГЛАВА II.

О ПРАВЛЕНІИ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О ГОСУДАРѢ ИЛИ ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ.

Статья 9.

Корона россійско-императорскаго престола есть наслѣдственная, она переходитъ по порядку, установленному въ Бозѣ почивающимъ родителемъ нашимъ императоромъ Павломъ.

Статья 10.

Основанія державной власти и образъ дѣйствія оной опредѣляются сею Государственною уставною грамотою, жалуемою нами любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ на вѣчныя времена.

Статья 11.

Державная власть нераздѣлима: она сосредоточивается въ лицѣ монарха.

Статья 12.

Государь есть единственный источникъ всѣхъ въ имперіи властей гражданскихъ, политическихъ, законодательныхъ и военныхъ.

Онъ управляетъ исполнительною частію во всемъ ея пространствѣ.

Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное имъ однимъ постановляется.

Статья 13.

Но законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный сеймъ, о которомъ ниже упомянуто будетъ, на основаніи Уставной грамоты и особенныхъ учрежденій.

Статья 14.

Особа государя священна и неприкосновенна.

Статья 15.

Государь есть верховная глава общаго управленія имперіи. Онъ печется о внутренней и внѣшней безопасности государства. Онъ бдитъ о своихъ правахъ и владѣніяхъ.

Статья 16.

Право объявлять войну и заключать договоры и условія всякаго рода принадлежитъ одному государю.

Статья 17.

Предводительство военною силою, сухопутною и морскою, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, равно какъ и назначеніе главнокомандующихъ и производство генераловъ и офицеровъ принадлежитъ монарху безъ исключенія.

Статья 18.

Государь назначаетъ пословъ, посланниковъ и другихъ уполномоченныхъ чиновниковъ для переговоровъ политическихъ и торговыхъ.

Статья 19.

Государь на всѣ мѣста гражданскія, управительныя и судебныя назначаетъ непосредственно или черезъ тѣхъ, коимъ ввѣритъ онъ таковую власть.

Статья 20.

Какъ верховная глава православной греко-россійской церкви, государь возводитъ во всѣ достоинства духовной іерархіи.

Статья 21.

Право помилованія принадлежитъ исключительно государю. Онъ можетъ преступника простить или облегчить его наказаніе.

Статья 22.

Дѣла по всѣмъ судебнымъ и всякимъ другимъ присутственнымъ мѣстамъ производятся и приговоры оныхъ, равно какъ и всякаго рода публичные акты, объявляются именемъ его императорскаго величества.

Статья 23.

Учрежденіе орденовъ, постановленія онымъ статутовъ и награжденія военными и гражданскими орденами, принадлежитъ государю, равно какъ и право возведенія на степень дворянства и высшихъ онаго достоинствъ, принятіе въ подданство и пожалованіе въ чины и классы.

Статья 24.

Государь располагаетъ доходами государства сообразно съ утвержденными имъ частными росписаніями доходовъ и расходовъ (бюджетами) намѣстничествъ и съ общимъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ всего государства.

Статья 25.

Первое же общее росписаніе доходовъ и расходовъ, имѣющее быть составлено въ силу настоящей грамоты, на основаніи ли частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ намѣстничествъ, или по соображеніямъ министерствъ, предоставляется въ особенности единственному распоряженію государя императора.

Статья 26.

Для опредѣленія законодательныхъ дѣйствій государя общія основанія права въ имперіи дѣлятся на три разряда:

Въ первомъ заключаются законы;

Во второмъ уставы и учрежденія;

Въ третьемъ указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія.

Статья 27.

Подъ именемъ законовъ разумѣются всѣ законодательныя распоряженія, кои основаны на началахъ по существу своему непремѣнныхъ и кои не могутъ быть иначе ни отмѣнены, ни преобразованы, какъ съ соблюденіемъ ненарушимости оныхъ началъ и тогда только, когда впослѣдствіи времени оныхъ покажетъ необходимость измѣненій, или когда будутъ вынуждены причинами важными и рѣшительными.

Статья 28.

Подъ словомъ уставы и учрежденія должно разумѣть всѣ распоряженія, требуемыя обстоятельствами или для защиты государства и охраненія цѣлости его границъ, или для устройства разныхъ предметовъ, по части внутренняго управленія, или, наконецъ, по дѣламъ, до порядка службы и до усовершенствованія общаго и частнаго благосостоянія касающимся.

Статья 29.

Наконецъ подъ именемъ указовъ, повелѣній, рескриптовъ и постановленій должно разумѣть все, что предписывается къ исполненію по частнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ, въ различныхъ отдѣленіяхъ государственнаго управленія встрѣчающимся, или что относится до какого либо начальства, чиновника военнаго, гражданскаго или частнаго лица и по свойству своему, смотря по надобности, можетъ подвергаться разнымъ измѣненіямъ.

Статья 30.

Законы раздѣляются на общіе государственные законы и на особенные или мѣстные. Общіе законы составляютъ общее право и примѣняются во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ мѣстные законы недостаточны.

Статья 31.

Общіе законы постановляются государемъ при содѣйствіи общаго государственнаго сейма, о коемъ ниже будетъ упомянуто.

Статья 32.

Особенные или мѣстные законы постановляются государемъ при содѣйствіи сеймовъ намѣстническихъ.

Статья 33.

Право издавать уставы, учрежденія, указы, рескрипты и постановленія принадлежитъ исключительно государю. Онъ можетъ ввѣрить оное въ совокупности или въ частностяхъ мѣсту или лицу по своему благоусмотрѣнію.

Статья 34.

Общіе и особенные или мѣстные законы скрѣпляются министромъ, начальникомъ управленія юстиціи. Уставы, учрежденія, указы, повелѣнія и постановленія должны быть за скрѣпою того изъ министровъ, до котораго они, по содержанію своему, будутъ принадлежать. Онъ отвѣчаетъ за все, что въ сихъ уставахъ, учрежденіяхъ, указахъ, повелѣніяхъ, рескриптахъ и постановленіяхъ могло бы заключаться противнаго правиламъ уставной грамоты и законамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

Статья 35.

Государственный Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ государя, состоитъ изъ министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей и изъ особъ, коихъ угодно будетъ его императорскому величеству въ него призвать.

Статья 36.

Государственный Совѣтъ раздѣляется на общее собраніе Совѣта и на правительный совѣтъ или комитетъ министровъ.

А. ПРАВИТЕЛЬНЫЙ СОВѢТЪ.

Статья 37.

Правительный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ государя, состоитъ изъ министровъ, начальниковъ управленій и другихъ особъ, призванныхъ въ него по волѣ государя.

Статья 38.

Члены правительнаго совѣта имѣютъ голоса совѣщательные. Одинъ государь рѣшитъ. Его величество можетъ сіе право ввѣрить въ совокупности или въ частяхъ намѣстнику въ правительномъ совѣтѣ, или кому заблагоразсудитъ. Сей обязанъ рѣшить въ совѣтѣ согласно съ уставными правилами государства и законами.

Статья 39.

Правительный государственный совѣтъ или комитетъ министровъ имѣетъ право уничтожать постановленія, изданныя намѣстниками въ намѣстническомъ совѣтѣ, когда они противны законамъ, учрежденіямъ, указамъ, повелѣніямъ и рескриптамъ, на имя ихъ писаннымъ или имъ даннымъ. Въ подобныхъ сему случаяхъ онъ уничтожаетъ также постановленія и опредѣленія нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, когда упущеніемъ посреднихъ начальствъ того не учинено.

Статья 40.

Если сіи постановленія и опредѣленія нарушаютъ общественную безопасность или общественное спокойствіе, то за исключеніемъ однихъ намѣстниковъ комитетъ министровъ въ правѣ удалять по управительной части всякаго рода чиновниковъ, съ обязанностію неотлагательно доносить о томъ государю и входить съ представленіемъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, буде удаленіе отъ должности относится до чиновниковъ, коихъ преданіе суду подлежитъ его вѣдомству.

Статья 41.

Если по случаю, упомянутому въ предъидущей статьѣ, слѣдовало бы удалить намѣстника, то комитетъ министровъ доноситъ о томъ государю и входитъ съ представленіемъ въ сенатъ, до коего принадлежитъ преданіе суду намѣстниковъ, какъ о томъ ниже въ ст. 145 сказано будетъ.

В. ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Статья 42.

Общее собраніе Государственнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ государя, намѣстника его, или другого уполномоченнаго его величествомъ, или подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ составляется, какъ означено въ ст. 35.

Дѣла, вѣдѣнію Государственнаго Совѣта подлежащія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя возложены на него по образованію, учрежденному 1809 года, суть слѣдующія:

1. Разсматривать и составлять проекты законовъ или уставовъ и учрежденій, относящихся до общаго управленія имперіи.

2. Разрѣшать споры, произойти могущіе отъ присвоенія какою либо властію непринадлежащаго себѣ вѣдомства или соткновенія вѣдомствъ.

3. Опредѣлять преданіе суду, по предложенію правительнаго совѣта или комитета министровъ, чиновниковъ управленія, по назначенію его императорскаго величества опредѣленныхъ, за злоупотребленія въ отправленіи ихъ должностей и въ случаяхъ, подвергающихъ ихъ отвѣтственности, за исключеніемъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду предоставлено сенату или намѣстническимъ совѣтамъ (Ст. 60).

4. Ежегодно разсматривать и повѣрять отчеты, поданные каждымъ главнымъ начальствомъ управленія.

5. Дѣлать замѣчанія на всѣ существующія или вкрадывающіяся злоупотребленія въ управленіе, равно какъ и на всѣ нарушенія государственной уставной грамоты и законовъ, и составлять изъ нихъ общій докладъ для поднесенія его императорскому величеству. Принятіе мѣръ вслѣдствіе доклада и распредѣленіе предметовъ, смотря по существу ихъ, для препровожденія въ сеймъ, въ сенатъ или къ другимъ властямъ, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія его величества.

Статья 43.

Общее собраніе Государственнаго Совѣта занимается также разсужденіями о предметахъ вообще, поступающихъ въ оное по волѣ государя императора или по предложенію одного изъ министровъ, на основаніи существующихъ общихъ и частныхъ учрежденій министерствъ.

Статья 44.

Опредѣленія Государственнаго Совѣта подносятся на утвержденіе государя или особы, имъ уполномоченной. Изъ сего исключаются опредѣленія, относящіяся до преданія суду (ст. 42, пунктъ 3) чиновниковъ и соткновенія вѣдомствъ (ст. 42, пунктъ 2), по коимъ исполняется непосредственно.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О МИНИСТЕРСТВАХЪ ИЛИ ГЛАВНЫХЪ УПРАВЛЕНІЯХЪ.

Статья 45.

Исполненіе законовъ возложено, согласно общему учрежденію министерствъ, изданному 25-го іюня 1811 года, на нижеслѣдующія министерства или главныя управленія:

1. На главное управленіе духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.
2. На главное управленіе военное.
3. На главное управленіе морское.
4. На главное управленіе юстиціи.
5. На главное управленіе финансовъ и государственнаго казначейства.
6. На главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ.
7. На главное управленіе внутреннихъ дѣлъ.
8. На главное управленіе полиціи.
9. На главное управленіе путей сообщенія.
10. На министерство иностранныхъ дѣлъ.

Каждое изъ сихъ главныхъ управленій съ составляющими оное департаментами состоитъ подъ начальствомъ и предсѣдательствомъ министра или главноуправляющаго.

Статья 46.

Министры, начальники управленій, директоры департаментовъ и правители дѣлъ подлежатъ отвѣтственности за всякое нарушеніе уставной грамоты, законовъ, равно какъ указовъ и повелѣній, отъ государя императора послѣдовавшихъ, и буде-бы оказались въ томъ виновными, то предаются верховному государственному суду.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О НАМѢСТНИКАХЪ И СОВѢТАХЪ НАМѢСТНИЧЕСТВЪ.

Статья 47.

Въ каждой области, устроенной по образу намѣстничествъ, имѣетъ быть постановленъ намѣстникъ и учрежденъ совѣтъ намѣстничества, присутствующіе въ назначенномъ мѣстопребываніи.

Статья 48.

Намѣстникъ купно съ совѣтомъ, на основаніи предписаннаго порядка, печется о благосостояніи ввѣренныхъ ему губерній и блюдетъ за точнымъ исполненіемъ законовъ и повелѣній высшаго начальства по всѣмъ частямъ управленія.

Статья 49.

Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника и раздѣляется на правительный совѣтъ и общее собраніе:

А. ПРАВИТЕЛЬНЫЙ СОВѢТЪ.

Статья 50.

Правительный совѣтъ составляется изъ намѣстника, опредѣленнаго числа членовъ и всѣхъ другихъ лицъ, по высочайшей волѣ въ него призванныхъ. Сверхъ того находится при немъ еще членъ правитель дѣлъ.

Статья 51.

Члены правительнаго совѣта, въ качествѣ начальниковъ отдѣленій по совѣту намѣстничествъ и въ видѣ отряженныхъ чиновниковъ отъ каждаго министерства

или главнаго государственнаго управленія, завѣдываютъ по губерніямъ, составляющимъ область намѣстничества, на основаніи особенныхъ учрежденій, всѣми дѣлами, до ввѣренной имъ части касающимися.

Статья 52.

Члены совѣта имѣютъ голоса совѣщательные; рѣшитъ одинъ намѣстникъ. Онъ обязанъ рѣшить въ совѣтѣ сообразно съ уставными правилами государства, законами и въ мѣрѣ даннаго ему полномочія.

Статья 53.

Каждый членъ совѣта, завѣдывающій какою-либо частію, долженъ скрѣплять всѣ рѣшенія и постановленія намѣстника по своей части. Буде-бы не согласенъ былъ съ его рѣшеніемъ, то въ такомъ случаѣ имѣетъ право записать свое мнѣніе въ протоколъ и тогда отстраняется отъ всякой отвѣтственности.

Статья 54.

Намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право, по управительной части, уничтожать всѣ рѣшенія и опредѣленія губернскихъ начальствъ, когда они окажутся противными законамъ, учрежденіямъ, указамъ и предписаніямъ высшей власти. Буде-бы сіи рѣшенія угрожали общественной безопасности, общественному спокойствію или заключали въ себѣ явныя злоупотребленія, то намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право самъ отрѣшать и предавать суду виновныхъ чиновниковъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, за исключеніемъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, членовъ губернскаго правленія и казенныхъ палатъ и другихъ лицъ, особенному вѣдомству подлежащихъ, о коихъ представляетъ комитету министровъ.

Статья 55.

Опредѣленія и постановленія намѣстниковъ тогда только становятся обязательными, когда послѣдуютъ изъ совѣта и за скрѣпою того изъ членовъ, до коего тотъ предметъ относится, или другого, на мѣсто его призваннаго.

Статья 56.

Буде-бы не послѣдовало высочайшаго повелѣнія о продолженіи власти намѣстника, то въ присутствіи государя императора власть его пресѣкается. Въ семъ случаѣ государь императоръ занимается дѣлами по своему благоусмотрѣнію съ каждымъ начальникомъ отдѣленія особенно или въ правительномъ совѣтѣ.

Статья 57.

Въ случаѣ смерти намѣстника государь императоръ, до назначенія другого, замѣщаетъ его временнымъ предсѣдателемъ.

Б. ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ СОВѢТА НАМѢСТНИЧЕСТВА.

Статья 58.

Общее собраніе совѣта намѣстничества состоитъ изъ членовъ, означенныхъ выше въ ст. 50, и изъ членовъ, выбранныхъ въ разныхъ губерніяхъ, лежащихъ въ

области намѣстничества, и, по представленіямъ комитета министровъ, государемъ императоромъ утвержденныхъ.

Статья 59.

Общее собраніе совѣта намѣстничества имѣетъ свои непремѣнныя засѣданія токмо при выборахъ и созваніи сеймовъ. Въ прочее время оно собирается по повелѣнію государя и востребованію намѣстника. Общее собраніе разсуждаетъ вообще о всѣхъ предметахъ, до управленія намѣстничества касающихся и по высочайшей волѣ государя императора или по предложеніямъ комитета министровъ и намѣстника въ него вносимыхъ, въ особенности же, о раскладкѣ и взиманіи податей, установленіи земскихъ повинностей, сбереженіи государственныхъ расходовъ по области намѣстничества, умноженіи съ оной доходовъ, распространеніи земледѣлія, промышленности и торговли и тому подобномъ.

Статья 60.

Сверхъ сего къ непремѣнной обязанности онаго принадлежитъ:

1. Разсматривать и обработывать всѣ проекты частныхъ законовъ и учрежденій, относящихся къ области каждаго намѣстничества.

2. Въ особенности же: опредѣлять по представленіямъ правительнаго совѣта, преданіе суду чиновниковъ управленія за злоупотребленіе по ихъ должности и въ другихъ случаяхъ, подвергающихъ ихъ отвѣтственности. Изъ сего исключаются тѣ чиновники, коихъ преданіе суду зависитъ отъ Сената и Государственнаго Совѣта.

3. Разсматривать и повѣрять ежегодные отчеты, представляемые въ концѣ года каждымъ управляющимъ членомъ по своей части, и составлять изъ частныхъ вѣдомостей одну общую по всѣмъ ввѣреннымъ совѣту намѣстничества губерніямъ, для доставленія оной чрезъ намѣстника въ комитетъ министровъ.

4. Дѣлать замѣчанія на подаваемые отчеты и на всѣ существующія или вкрадывающіяся въ управленія злоупотребленія, равно какъ и на всѣ испытываемыя нарушенія государственной уставной грамоты и законовъ, составляя изъ всего онаго общій всеподданнѣйшій докладъ, для представленія его государю императору чрезъ посредство намѣстника и Государственнаго Совѣта.

Статья 61.

Всѣ рѣшенія общаго собранія совѣта намѣстничества представляются на утвержденіе намѣстника, за исключеніемъ однихъ рѣшеній о преданіи суду, которыя исполняются непосредственно.

Статья 62.

Отъ каждаго намѣстническаго совѣта будетъ находиться въ столицѣ при правительствѣ докладчикъ или статсъ-секретарь того намѣстничества; должность и образъ сношеній его опредѣлены будутъ особеннымъ постановленіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О губернскомъ начальствѣ.

Статья 63.

Законъ постановляетъ за неизмѣнное и непоколебимое правило, чтобы управительная и судебная части были раздѣлены, и дѣйствія оныхъ, яко несовмѣстныя, ни въ какомъ случаѣ не сливались. Въ слѣдствіе чего частные уставы, въ отмѣну 97 статьи главы V учрежденія о губерніяхъ, съ точностію опредѣлятъ, въ какія судебныя мѣста должны поступать тѣ спорныя дѣла, кои на основаніи вышесказанной статьи подлежали до сего времени вѣдѣнію губернскаго правленія.

Статья 64.

Изъ сего общаго правила изъемлется: 1) Судебная полиція, возложенная на городскія полицейскія управы и уѣздныя правительства (нижніе земскіе суды), въ обязанность коихъ входитъ изслѣдованіе преступленій, содѣланныхъ на мѣстахъ, вѣдомству ихъ подлежащихъ, и представленіе виновныхъ куда слѣдуетъ къ суду. 2) Обыкновенная городская и сельская полиція.

Статья 65.

Губернское начальство подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора составляется изъ вице-губернатора и извѣстнаго числа членовъ, управляющихъ особенными экспедиціями.

Статья 66.

Для скорѣйшаго движенія дѣлъ и успѣшнѣйшаго исполненія, губернское начальство раздѣляется на два главныя отдѣленія: на управительное и казенное. Первое, подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, заключается въ губернскомъ правленіи, а второе, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, въ казенной палатѣ.

Статья 67.

Каждое изъ сихъ отдѣленій раздѣляется на извѣстное число экспедицій, коихъ начальники составляютъ членовъ каждаго отдѣленія.

Статья 68.

Особенныя учрежденія опредѣлятъ въ подробности, какимъ дѣламъ оканчиваться по экспедиціямъ и отдѣленіямъ, и какимъ, по важности своей, поступать въ общее собраніе всего губернскаго начальства. Общее собраніе составляется чрезъ соединеніе обоихъ отдѣленій и находится подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, а въ отсутствіи его, заступающаго его мѣсто вице-губернатора.

Статья 69.

Общее собраніе имѣетъ право уничтожать всѣ рѣшенія и опредѣленія нижнихъ мѣстъ по части управительной, буде усмотритъ, что онѣ противны законамъ, учрежденіямъ, уставамъ, указамъ и предписаніямъ, на имя ихъ даннымъ. Ежели-бы сими

опредѣленіями нарушалось спокойствіе и общая безопасность, то въ такомъ случаѣ правитель губерніи доноситъ о томъ намѣстнику въ правительномъ совѣтѣ и предлагаетъ о удаленіи отъ должности чиновниковъ, оказавшихся въ томъ виновными.

Статья 70.

Члены губернскаго начальства, какъ по отдѣленіямъ, такъ и въ общемъ онаго собраніи, имѣютъ голоса совѣщательные: одинъ председатель рѣшитъ. Рѣшенія его должны быть основаны на правилахъ государственной уставной грамоты и законахъ и ничего противнаго онымъ въ себѣ не заключать.

Статья 71.

Каждый членъ, управляющій экспедиціею, обязанъ скрѣплять послѣдовавшія какъ по отдѣленію, такъ и по общему собранію по части его рѣшенія. Ежели-бы который изъ нихъ былъ не согласенъ съ симъ рѣшеніемъ, то долженъ записать мнѣніе свое въ протоколъ, чѣмъ и устраняется отъ всякой отвѣтственности.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О УѢЗДНЫХЪ, ОКРУЖНЫХЪ И ГОРОДСКИХЪ НАЧАЛЬСТВАХЪ.

Статья 72.

Всякій уѣздъ имѣетъ свое уѣздное начальство. Оно состоитъ въ земскомъ уѣздномъ правленіи (нижній земскій судъ) и составляется, подъ председательствомъ земскаго уѣзднаго исправника, изъ извѣстнаго числа засѣдателей, которое, смотря по обширности уѣзда, можетъ быть увеличиваемо.

Статья 73.

Земское уѣздное правленіе, равно какъ и председательствующій въ ономъ земскій уѣздный исправникъ поступаютъ по данному имъ наказу. Они подчинены правителю губерніи и губернскому начальству и исполняютъ въ точности всѣ получаемыя отъ нихъ предписанія.

Статья 74.

Каждый уѣздъ, смотря по своей обширности и народонаселенію, раздѣляется на нѣсколько округовъ, которые подвѣдомы окружному начальству. Оно состоитъ въ окружномъ исправникѣ или ключъ-войтѣ и его помощникѣ и имѣетъ при себѣ нѣсколько сотниковъ и десятскихъ, отряжаемыхъ на опредѣленное время отъ селеній, къ составу каждаго округа принадлежащихъ.

Статья 75.

Окружное начальство есть среднее мѣсто между уѣзднымъ начальствомъ и каждымъ селеніемъ своего округа. Оно доставляетъ, посредствомъ сотниковъ и десятскихъ, въ каждое селеніе прикащикамъ, старостамъ, сельскимъ начальникамъ, выборнымъ и всякаго другого наименованія, составляющимъ последнее звено управительной власти, всѣ повелѣнія и предписанія, имѣющія послѣдовать отъ уѣзднаго начальства, и смотритъ за строгимъ оныхъ исполненіемъ. Сверхъ сего неослабно наблюдаетъ, чтобы вездѣ въ округѣ, подъ вѣдѣніемъ его состоящемъ, наблюдаемъ былъ установленный порядокъ, обезпечивающій общую безопасность и тишину.

Статья 76.

Каждый городъ первой и второй степени, кромѣ ратушъ или магистратовъ, имѣетъ еще свою городскую полицейскую управу. Она состоитъ подъ начальствомъ городничаго или полиціймейстера, и въ ней засѣдаютъ (на основаніи городового положенія § 34, статьи о обывателяхъ) два ратмана городовые.

Статья 77.

Образъ дѣйствія сихъ нижнихъ начальствъ, равно какъ предѣлы и степень власти и отвѣтственности, частію опредѣленныя уже въ существующихъ узаконеніяхъ, будутъ предметомъ особаго учрежденія, соотвѣтствующаго положеннымъ въ государственной уставной грамотѣ правиламъ.

ГЛАВА III.

РУЧАТЕЛЬСТВА ДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ.

Статья 78.

Православная греко-россійская вѣра пребудетъ навсегда господствующею вѣрою имперіи, императора и всего императорскаго дома. Она непрестанно будетъ обращать на себя особенную попечительность правительства, безъ утѣсненія однакожъ свободы всѣхъ прочихъ исповѣданій. Различіе христіанскихъ вѣроисповѣданій не производитъ никакихъ различій въ правахъ гражданскихъ и политическихъ.

Статья 79.

Священнослужители всѣхъ исповѣданій вообще состоятъ, безъ исключенія, подъ покровительствомъ и надзоромъ законовъ и правительства.

Статья 80.

Законъ, безъ всякаго различія, покровительствуетъ равно всѣмъ гражданамъ.

Статья 81.

Коренный россійскій законъ: безъ суда никто да не накажется и освященное учрежденіемъ о губерніяхъ правило (§ 401): чтобы никто безъ объявленія ему вины и снятія съ него допроса въ теченіи 3-дней по задержаніи не лишался свободы и не содержался въ тюрьмѣ, распространяется на всѣхъ жителей вообще въ слѣдующей силѣ.

Статья 82.

Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу, обвиненъ и лишенъ свободы какъ только въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, и съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ на сей конецъ правилъ.

Статья 83.

Всякое самопроизвольное задержаніе вмѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію, означенному въ уголовномъ правѣ.

Статья 84.

Взятому подъ стражу должно немедленно объявить причину его задержанія.

Статья 85.

Каждый задержанный долженъ быть представленъ въ теченіи 3-(въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ, въ которыхъ розысканіе потребовало бы отсрочки, не позднѣе 6-) сутокъ въ то присутственное мѣсто, до котораго онъ принадлежитъ, для снятія съ него допроса или сужденія узаконеннымъ порядкомъ. Всякое отступленіе отъ сего вмѣняется въ злоупотребленіе власти. Ежели обвиняемый оправдается при первомъ слѣдствіи, то немедленно освобождается.

Статья 86.

Во всѣхъ случаяхъ, закономъ не изъятыхъ, обвиняемый отпускается на поруки.

Статья 87.

Никто не долженъ быть наказанъ, какъ въ силу закона, постановленнаго и обнародованнаго до содѣланнаго преступленія, и по приговору того суда, которому онъ принадлежитъ.

Статья 88.

Право просить о помилованіи (Vis agratiandi) предоставляется лицамъ осужденнымъ на смертную казнь, на вѣчную и свыше 15-ти лѣтъ продолжиться имѣющуюся ссылку, заточеніе и каторжную работу.

Статья 89.

Свобода тисненія обезпечивается. Законъ излагаетъ правила къ обузданію злоупотребленій.

Статья 90.

Каждому россійскому подданному вольно переселиться въ другое государство и вывезть свое имѣніе, лишь бы соблюлъ закономъ предписанныя на таковые случаи правила.

Статья 91.

Да будетъ россійскій народъ отъ нынѣ на всегда имѣть народное представительство. Оно должно состоять въ государственномъ сеймѣ (государственной думѣ), составленномъ изъ Государя и двухъ палатъ. Первую, подъ именемъ высшей палаты, образуетъ сенатъ, а вторую, подъ именемъ посольской палаты, земскіе послы и депутаты окружныхъ городскихъ обществъ.

Статья 92.

Государственныя должности, какъ гражданскія, такъ и военныя, иначе возлагаемы быть не могутъ какъ на россійскихъ подданныхъ.

Статья 93.

Каждый иностранецъ, предъявившій законные виды, будетъ пользоваться, наравнѣ съ другими жителями государства, покровительствомъ законовъ и выгодами,

законами обезпеченными. Ему вольно будетъ, на основаніи учрежденныхъ правилъ, жить въ государствѣ, выѣзжать изъ онаго, возвращаться и пріобрѣтать въ немъ недвижимыя имѣнія.

Статья 94.

Каждый иностранецъ, укорененный, при безпорочномъ поведеніи и послѣ пятилѣтняго пребыванія, научась россійскому языку, можетъ допущенъ быть къ отправленію государственныхъ должностей.

Статья 95.

Одинъ Государь по собственному выбору, или по представленію Государственнаго Совѣта, можетъ, въ отмѣну сего правила, допустить къ отправленію государственныхъ должностей иностранцевъ, превосходными дарованіями отличающихся.

Статья 96.

Всѣ государственные чиновники по части правительственной отрѣшаются отъ должностей тою же властію, которая ихъ опредѣляетъ, съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ на такой конецъ правилъ. Всѣ безъ исключенія подвержены отвѣтственности въ отправленіи своихъ должностей.

Статья 97.

Всякая собственность, на поверхности ли земли находящаяся или въ нѣдрахъ оной сокровенная, какого бы рода не была, въ чемъ бы не состояла и кому бы не принадлежала, признается священною и неприкосновенною. Никакая власть и ни подъ какимъ предлогомъ посягнуть на нее не можетъ. Посягающій на чуждую собственность осуждается и наказывается какъ нарушитель общественнаго спокойствія.

Статья 98.

Правительство имѣетъ однако же право, по справедливомъ и предварительномъ вознагражденіи, требовать отъ частнаго лица пожертвованія его собственностію для употребленія оной на пользу общественную. Законъ опредѣлитъ особенные случаи употребленія сего права и правила, имѣющія онымъ руководствовать.

ГЛАВА IV.

О НАРОДНОМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВѢ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ ИЛИ СЕЙМѢ.

Статья 99.

Представительство народное образуется какъ выше сказано (ст. 91).

Статья 100.

Государственный сеймъ (государственная дума) раздѣляется на частные сеймы (думы) намѣстническихъ областей, созываемые каждые три года, и на общую государственную думу или сеймъ, созываемый каждыя пять лѣтъ.

Статья 101.

Законодательная власть заключается въ особѣ государя при содѣйствіи двухъ палатъ государственнаго сейма (какъ сказано въ статьѣ 13).

РАЗРЯДЪ 1.

О частныхъ думахъ или сеймахъ намѣстническихъ областей.

Статья 102.

Сеймы намѣстническихъ областей составляются изъ государя и двухъ палатъ. Первая, подъ именемъ высшей палаты, образуется изъ одного департамента сената, присутствующаго въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства. Вторая, подъ именемъ земской посольской палаты, составляется изъ двухъ третей избраннаго въ области намѣстничества числа пословъ и депутатовъ, государемъ утвержденныхъ.

Статья 103.

Сеймы намѣстническихъ областей разсматриваютъ проекты общихъ законовъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ государь заблагоразсудитъ повелѣть имъ оные сообщить чрезъ Государственный Совѣтъ. Они разсматриваютъ въ особенности всѣ проекты частныхъ законовъ, до каждой намѣстнической области касающихся, по повелѣнію государя чрезъ правительственный совѣтъ намѣстничества къ нимъ препровождаемыхъ. Сверхъ сего они разсуждаютъ, по сообщенію же отъ имени государя подобно вышесказанному, о увеличеніи или уменьшеніи всякаго рода сборовъ, податей и земскихъ повинностей, о средствахъ къ уравненію раскладокъ, о составленіи частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ намѣстническихъ областей (бюджетъ); однимъ словомъ, о всемъ, что государю благоугодно будетъ высочайше указать внести къ нимъ на разсужденіе.

Статья 104.

Сеймы намѣстничествъ разсуждаютъ еще, когда послѣдуетъ на то высочайшая воля, по предметамъ, содержащимся въ всеподданнѣйшихъ докладахъ общаго собранія намѣстническихъ совѣтовъ, составленныхъ на основаніи ст. 60 изъ годовыхъ отчетовъ по каждой отрасли управленія. Наконецъ каждый намѣстническій сеймъ, изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію наказовъ земскимъ посламъ и депутатамъ, отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія касательно всего того, что относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ общее собраніе намѣстническаго совѣта, а изъ онаго въ Государственный Совѣтъ для поднесенія государю императору на высочайшее разрѣшеніе и принятія тѣхъ мѣръ, къ коимъ таковыя представленія могутъ подать поводъ.

Статья 105.

Проекты частныхъ законовъ, относящихся до каждой области намѣстничества, составляются въ намѣстническомъ совѣтѣ и вносятся на сеймъ по повелѣнію государя членами означеннаго совѣта.

Статья 106.

Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проектовъ въ сеймахъ намѣстничествъ каждая палата назначаетъ по баламъ три комиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ 5-ти членовъ и суть слѣдующія:

1. Комиссія законодательства.
2. Комиссія управленія.
3. Комиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ правительный совѣтъ объ учиненномъ ею выборѣ. Комиссіи находятся въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ совѣтомъ намѣстничества.

Статья 107.

Проекты, предложенные именемъ государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній, комиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ совѣтѣ намѣстничества.

Статья 108.

Право читать приготовленныя рѣчи въ обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ намѣстническаго совѣта и членамъ комиссіи каждой палаты. Всѣ прочіе члены объясняются изустно.

Статья 109.

Члены совѣта во время разсужденій о проектахъ имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ; но тѣ изъ нихъ, которые не несутъ званія сенаторовъ, земскихъ пословъ или депутатовъ, числа голосовъ не составляютъ.

Статья 110.

Общій отчетъ о положеніи всякой области намѣстничества, составленной въ каждомъ намѣстническомъ совѣтѣ, за внесеніемъ онаго предварительно въ департаментъ сената, выслушивается въ совокупленныхъ палатахъ.

Статья 111.

Каждая палата поручаетъ своимъ комиссіямъ разсмотрѣть сей отчетъ. По учиненномъ разсмотрѣніи, комиссіи въ общемъ донесеніи за подписаніемъ всѣхъ членовъ ея представляютъ палатамъ свои на оной замѣчанія. Каждая палата, по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній, излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное государю.

Статья 112.

При закрытіи сейма палата земскихъ пословъ и депутатовъ каждаго намѣстничества приступаетъ къ выбору земскихъ пословъ и депутатовъ, имѣющихъ составить вторую палату общаго государственнаго сейма. Сей выборъ производятъ они изъ своей среды. Число избранныхъ должно соотвѣтствовать четвертой части состоящихъ на лицо пословъ и депутатовъ.

Статья 113.

На сей конецъ заготовляется особый протоколъ, въ который вносятся по-имянно, алфавитнымъ порядкомъ, всѣ избранные члены. Сей актъ, законнымъ образомъ составленный, отсылается къ намѣстнику для поднесенія онаго государю чрезъ комитетъ министровъ.

РАЗРЯДЪ 2.

О общемъ государственномъ сеймѣ.

Статья 114.

Общій государственный сеймъ составляется изъ государя и двухъ палатъ. Первую, подъ именемъ высшей палаты, образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ присовокупленіемъ къ нему единственно на время сейма и по назначенію государя изъ другихъ департаментовъ извѣстнаго числа сенаторовъ, образовательнымъ учрежденіемъ опредѣленнаго. Вторая, подъ названіемъ палаты земскихъ пословъ, составляется, по назначенію государя, изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, въ каждой намѣстнической области посольскою палатою изъ среды своей избранныхъ.

Статья 115.

Общій государственный сеймъ, по сообщеніи отъ имени государя чрезъ Государственный Совѣтъ, разсматриваетъ всѣ проекты законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и по части управительной, коихъ дѣйствіе распространяется на всю имперію. Онъ разсуждаетъ по предложеніямъ, вносимымъ по высочайшему же повелѣнію, о прибавленіи и уменьшеніи налоговъ, податей, сборовъ и всякаго рода общественныхъ повинностей, о удобнѣйшихъ и справедливѣйшихъ раскладкахъ, о уравненіи налоговъ и податей по всему государству по мѣрѣ силы и возможности каждой намѣстнической области, о составленіи главнаго росписанія доходовъ и расходовъ (бюджетъ), на основаніи представленныхъ ему на разсмотрѣніе частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ, составленныхъ въ каждой области намѣстничества, равно какъ и о всѣхъ другихъ предметахъ, на разсужденіе по волѣ государя ему отсылаемыхъ.

Статья 116.

Общій сеймъ разсуждаетъ еще по сообщеніямъ, которыя государю благоугодно было бы повелѣть сдѣлать по предметамъ, заключающимся въ общемъ государственномъ отчетѣ, коего составленіе возложено на общее собраніе Государственнаго Совѣта въ силу ст. 42. Наконецъ, общій государственный сеймъ, изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію наказовъ земскимъ посламъ и депутатамъ, отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія касательно всего того, что относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ Государственный Совѣтъ, а отъ онаго представляется государю императору, на высочайшее разрѣшеніе и для принятія тѣхъ мѣръ, къ коимъ бы таковыя представленія могли подать поводъ.

*

Статья 117.

Проекты законовъ, составленные въ Государственномъ Совѣтѣ, вносятся на общій государственный сеймъ по повелѣнію государя членами означеннаго совѣта.

Статья 118.

Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проектовъ на общемъ государственномъ сеймѣ, каждая палата назначаетъ по баламъ три комиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ трехъ, а въ посольской палатѣ изъ пяти членовъ и суть слѣдующія:

1. Комиссія законодательства.
2. Комиссія управленія.
3. Комиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ Государственный Совѣтъ объ учиненномъ ею выборѣ. Комиссіи находятся въ безпрестанномъ сношеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Статья 119.

Проекты, предложенные именемъ государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній, комиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ Государственномъ Совѣтѣ.

Статья 120.

Право читать приготовленныя рѣчи въ обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ Государственнаго Совѣта; всѣ прочіе объясняются изустно.

Статья 121.

Члены Государственнаго Совѣта во время разсужденій о проектахъ законовъ имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ, но тѣ изъ нихъ, которые не суть сенаторами, земскими послами или депутатами, числа голосовъ не составляютъ.

Статья 122.

Общій отчетъ о состояніи государства, составленный въ Государственномъ Совѣтѣ, выслушивается въ совокупленныхъ палатахъ.

Статья 123.

Каждая палата поручаетъ своимъ комиссіямъ разсмотрѣть сей отчетъ, который дозволяется и напечатать. Донесенія комиссій относительно содержанія отчетовъ не иначе должны быть представляемы въ палаты, какъ по единогласію и за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ, составляющихъ комиссіи. Каждая палата, по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній, излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное государю.

Статья 124.

Въ обѣихъ столицахъ, въ Санктъ-Петербургѣ и Москвѣ, кои не входятъ въ составъ намѣстничества, созываются чрезъ каждые три года столичные сеймы, дѣйствующіе на томъ же основаніи, какъ намѣстническіе сеймы. Сіи сеймы составляются

изъ двухъ палатъ, подъ председательствомъ государя императора или особы, высочайшею довѣренностію для сего назначенной.

Первую палату подъ названіемъ верхней, составляетъ сенатскій департаментъ, засѣдающій въ столицѣ.

Вторая палата, подъ названіемъ посольской палаты, составляется изъ двухъ третей земскихъ пословъ и депутатовъ, избранныхъ государемъ императоромъ изъ числа выбранныхъ столицею и въ уѣздахъ ея губерніи пословъ и депутатовъ.

Статья 125.

Посольскія палаты столичныхъ сеймовъ избираютъ изъ своей среды одну четвертую часть пословъ и депутатовъ для общаго государственнаго сейма. Государь императоръ назначаетъ изъ оныхъ половину.

РАЗРЯДЪ 3.

Постановленія общія, касающіяся какъ до государственныхъ общихъ, такъ и до частныхъ сеймовъ.

Статья 126.

Право созвать, распустить, отсрочить и продлить сеймы, какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные, принадлежитъ одному государю. Засѣданіе сеймовъ продолжается тридцать дней.

Статья 127.

Сеймы должны заниматься токмо тѣми предметами, кои завѣдыванію ихъ предоставлены или находятся означенными въ созывной грамотѣ.

Статья 128.

Никто изъ членовъ сеймовъ, во время продолженія оныхъ, не можетъ быть ни задержанъ, ни судимъ уголовнымъ судомъ безъ вѣдома той палаты, которой онъ принадлежитъ.

Статья 129.

Отъ воли государя зависитъ вносить проекты первоначально въ сенатъ или въ посольскую палату. Изъ сего исключаются проекты законовъ финансовыхъ, которые имѣютъ быть предварительно вносимы въ палату земскихъ пословъ.

Статья 130.

Проекты, по высочайшей волѣ вносимые на сеймъ, не почитаются ни одобренными ею, ни утвержденными, почему и предоставляется сеймамъ полная свобода насчетъ оныхъ излагать свое мнѣніе.

Статья 131.

Обѣ палаты сеймовъ разсуждаютъ въ засѣданіяхъ своихъ при открытыхъ дверяхъ, т. е. въ присутствіи постороннихъ, коимъ входъ не возбраняется. По предложенію однакожъ десятой части наличныхъ членовъ они могутъ составить изъ себя особенный комитетъ.

Статья 132.

Проекты во всѣхъ сеймахъ принимаются или отвергаются большинствомъ голосовъ. Голоса объявляются вслухъ. Проекты, большинствомъ голосовъ принятые въ одной палатѣ, поступаютъ въ другую, которая, послѣдуя тѣмъ же правиламъ, разсуждаетъ и рѣшитъ. Въ случаѣ равенства голосовъ проектъ почитается принятымъ.

Статья 133.

Проектъ, принятый одною палатою, не можетъ быть преобразованъ другою. Онъ долженъ быть просто принятъ ею или отвергнуть.

Статья 134.

Проектъ, принятый обѣими палатами, подносится на утвержденіе государю.

Статья 135.

Ежели государь утверждаетъ его, то онъ обращается въ законъ и обнародывается по учрежденному порядку. Если же государь не соблаговолитъ его утвердить, то проектъ уничтожается.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О СЕНАТѢ.

Статья 136.

Сенатъ составляется изъ великихъ князей императорскаго дома и всѣхъ особъ, кои, удовлетворивъ требуемымъ условіямъ, возведены на сенаторское достоинство государемъ. Званіе сенатора сохраняется по смерть.

Статья 137.

Число сенаторовъ опредѣляется государемъ. Оно не должно превосходить четвертой доли числа земскихъ пословъ и депутатовъ всего государства.

Статья 138.

Сенатъ раздѣляется на нѣсколько департаментовъ, изъ коихъ одинъ присутствуетъ въ Санктъ-Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Сверхъ сего назначается для каждаго намѣстничества по одному департаменту, присутствующему въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

Статья 139.

На достоинство сенатора можетъ быть возведенъ только тотъ, который имѣетъ не менѣе 35 лѣтъ отъ роду, выдержалъ въ нижнихъ чинахъ предписанныя испытанія, отправлялъ съ похвалою должности по части военной и гражданской и получаетъ ежегоднаго дохода съ недвижимаго имѣнія, собственно ему принадлежащаго, не менѣе 1.000 рублей серебряною монетою. Изъ сего правила, по необходимости, исключаются первоначальныя назначенія, имѣющія послѣдовать въ силу сей грамоты.

Статья 140.

Великіе князья императорскаго дома, по совершеніи 18-ти лѣтъ, засѣдаютъ въ сенатѣ и имѣютъ въ немъ голосъ.

Статья 141.

Сенатъ, во время сейма, образуетъ высшую палату и содѣйствуетъ купно съ посольскою палатою законодательной власти государя.

Статья 142.

Каждый департаментъ сената состоитъ подъ предсѣдательствомъ того изъ своихъ членовъ, котораго государь на то изберетъ, въ отсутствіи же онаго подъ предсѣдательствомъ старшаго члена.

Статья 143.

Независимо отъ законодательныхъ дѣйствій сенатъ имѣетъ еще и другія обязанности, особенно опредѣленныя.

Статья 144.

Къ законодательнымъ дѣйствіямъ сенатъ не иначе приступить можетъ какъ по созыву отъ лица государя и во время сейма. Для совершенія же всѣхъ прочихъ обязанностей каждый департаментъ сената созывается своимъ президентомъ съ вѣдома государева намѣстника.

Статья 145.

Сенатскій департаментъ, присутствующій въ Санктъ-Петербургѣ, къ нему, смотря по нуждѣ, присоединяются и другіе сенаторы, государемъ призванные, опредѣляетъ по предложенію государя или по жалобамъ сеймовъ, государемъ допущенныхъ, о преданіи суду сенаторовъ, министровъ, начальниковъ управленія, намѣстниковъ, членовъ общаго собранія Государственнаго Совѣта и членовъ правительнаго совѣта или комитета министровъ, директоровъ департамента, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей за злоупотребленія въ отправленіи ихъ должностей и всякія дѣйствія, подвергающія отвѣтственности.

Статья 146.

Каждый сенатскій департаментъ окончательно рѣшитъ въ каждомъ намѣстничествѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся до дворянскихъ собраній и собраній окружныхъ городскихъ обществъ. Вслѣдствіе чего повѣряетъ свидѣтельства о дворянствѣ, права къ засѣданію въ собраніяхъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія относительно сихъ предметовъ.

Статья 147.

Сенаторы, избранные государемъ, исправляютъ сверхъ сего по очереди должность судей въ верховныхъ судахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О ПАЛАТАХЪ ЗЕМСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

РАЗРЯДЪ 1.

О посольскихъ палатахъ намѣстническихъ сеймовъ.

Статья 148.

Палата намѣстническаго сейма составляется по назначенію государя изъ двухъ третей пословъ и депутатовъ, избранныхъ уѣздными дворянскими собраніями и гражданскими обществами, какъ сказано выше въ ст. 102.

Статья 149.

Половинное число членовъ посольской палаты намѣстническаго сейма возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна половина остается въ званіи своемъ три года, а другая шесть лѣтъ. Члены, вышедшіе по жребію, могутъ быть вновь избраны.

Статья 150.

На послѣдующихъ сеймахъ намѣстничествъ члены выходятъ уже не по жребію, но по старшинству. Члены вышедшіе могутъ быть вторично избраны.

Статья 151.

То же самое, что изображено въ предъидущихъ двухъ статьяхъ, наблюдается и въ палатахъ столичныхъ сеймовъ.

РАЗРЯДЪ 2.

О посольской палатѣ общаго государственнаго сейма.

Статья 152.

Посольская палата общаго государственнаго сейма составляется, какъ выше сказано въ ст. 114, по назначенію государя изъ числа избранныхъ на сеймахъ намѣстничества пословъ и депутатовъ.

Статья 153.

Половинное число членовъ общаго государственнаго сейма возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна половина пословъ и депутатовъ остается въ званіи своемъ пять, а другая десять лѣтъ. Вышедшіе члены могутъ быть вновь избираемы.

Статья 154.

На послѣдующихъ общихъ государственныхъ сеймахъ члены палаты выходятъ уже не по жребію, но по старшинству [1]).

[1]) Государственная уставная грамота, написанная по-французски, приводится нами въ современномъ русскомъ переводѣ. Нѣкоторыя изъ статей русскаго перевода не вполнѣ соотвѣтствуютъ французскому подлиннику. Такъ въ русскомъ переводѣ 154-ой статьи опущены заключительныя слова: «les membres sortis pourront être réélus».
Н. Ш.

РАЗРЯДЪ 3.

Распоряженія общія всѣмъ посольскимъ палатамъ.

Статья 155.

Въ члены посольской палаты можетъ быть избранъ токмо тотъ, которому исполнилось уже 30 лѣтъ, пользуется правами гражданина и платитъ поземельныя и всякія другія подати не менѣе той суммы, которая во всякой намѣстнической области будетъ для сего опредѣлена, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и народонаселенію.

Статья 156.

Никакой чиновникъ, ни военный, ни гражданскій, не можетъ быть избираемъ въ члены посольской палаты, не получивъ предварительно на то согласія отъ своего начальства.

Статья 157.

Если кто изъ пословъ и депутатовъ до избранія своего не находился при должности на казенномъ жалованьи и приметъ оную уже по избраніи, то таковой долженъ быть замѣщенъ новымъ членомъ.

Статья 158.

Государь, или въ слѣдствіе высочайшаго повелѣнія его намѣстникъ, имѣетъ право распустить посольскія палаты. Въ такомъ случаѣ палаты расходятся и по послѣдовавшимъ созывамъ приступаютъ къ новымъ выборамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О ДВОРЯНСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ ИЛИ СЕЙМИКАХЪ.

Статья 159.

Дворяне каждаго уѣзда, владѣющіе собственными недвижимыми имѣніями, составляютъ между собою дворянскія собранія, на которыхъ избираютъ трехъ земскихъ пословъ. Послѣ чего приступаютъ къ другимъ выборамъ, особенными учрежденіями имъ предоставленнымъ.

Статья 160.

Дворянскія собранія не иначе съѣзжаться могутъ, какъ въ силу созыва, по высочайшей волѣ послѣдовавшаго. Въ семъ созывѣ означается день съѣзда, время продолженію собранія и предметъ его занятій.

Статья 161.

Никто изъ дворянъ не можетъ имѣть голоса въ дворянскомъ собраніи, буде не записанъ въ дворянскую книгу своего уѣзда, не пользуется правами гражданина, не достигъ 25 лѣтъ и не владѣетъ недвижимымъ имѣніемъ.

Статья 162.

Книга уѣздныхъ дворянъ составляется по учрежденному и впредь учредиться имѣющемуся порядку и вносится на разсмотрѣніе и утвержденіе сенатскаго департамента, присутствующаго въ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

Статья 163.

Дворянскія собранія или сеймики состоятъ подъ предсѣдательствомъ предводителя, назначеннаго государемъ или государевымъ намѣстникомъ, буде онъ на то уполномоченъ.

Статья 164.

Дворянскія собранія или сеймики составляютъ изъ среды своей особенный комитетъ для сочиненія наказа, заключающаго въ себѣ жалобы, ежели бы встрѣтиться могло, на злоупотребленія власти, съ присовокупленіемъ ясныхъ оному доводовъ и представленій о всемъ, что къ увеличенію благосостоянія всѣхъ жителей того уѣзда служить можетъ. Сей наказъ подписывается членами собранія, вкладывается въ пакетъ за разными печатями, надписывается на имя сейма намѣстничества и вручается избраннымъ земскимъ посламъ. Они, въ полномъ присутствіи, отдаютъ его предводителю сейма, который въ полученіи росписывается и за цѣлость онаго отвѣчаетъ. Подлинники тѣхъ наказовъ сохраняются при дѣлахъ дворянскаго собранія.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О СОБРАНІЯХЪ ОКРУЖНЫХЪ ГОРОДСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Статья 165.

Градскія общества, которыя въ силу городового положенія собираются каждые три года для учиненія выборовъ и представленія губернатору о своихъ нуждахъ и пользахъ, имѣютъ составить окружное градское общество, на основаніи какъ нижеслѣдующихъ статей, такъ и образовательнаго учрежденія, для выбора отъ окружнаго общества трехъ депутатовъ на сеймѣ.

Статья 166.

Къ выбору депутатовъ отъ окружнаго градского общества допускаются: 1) Настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣста или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ, къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія, извѣстныя подъ именемъ имянитыхъ гражданъ, какъ-то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники трехъ главныхъ художествъ, архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры, капиталисты и корабле-хозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій, и 4) Цѣховые мастера.

Статья 167.

Всѣ евреи, не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участія въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ.

Статья 168.

Въ городахъ, въ которыхъ числится болѣе 8000 жителей, исключая столицъ, составляются для выбора депутатовъ на сеймъ собранія градского общества въ каждой части города, къ которымъ допускаются обыватели всѣхъ означенныхъ въ ст. 166 состояній, жительствующіе въ той части города. Въ сихъ частныхъ собраніяхъ выбираются три гласные, назначаемые въ общее градское собраніе. Общее собраніе, составленное изъ всѣхъ гласныхъ, выбранныхъ въ собраніяхъ, по городскимъ частямъ производившихся, приступитъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ. За симъ совершаются отъ онаго всѣ прочія дѣлопроизводства въ силу особенныхъ постановленій, ему предоставленныхъ.

Статья 169.

Въ городахъ, въ которыхъ числится не болѣе 8000 жителей и менѣе сего, градское общество приступаетъ безъ посредства гласныхъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ, на основаніи ст. 166.

Статья 170.

Въ столицахъ же, въ Санктъ-Петербургѣ и Москвѣ, составляется собраніе градского окружнаго общества по частямъ, и отъ каждой городской части назначается по одному депутату на сеймъ.

Статья 171.

Въ собраніи градского общества имѣетъ голосъ токмо тотъ, кто записанъ въ градскую обывательскую книгу, пользуется гражданскими правами и имѣетъ не менѣе 25-ти лѣтъ отъ роду.

Статья 172.

Книга обывательская, содержащая имена лицъ, имѣющихъ право подавать голосъ въ собраніяхъ городского окружнаго общества, составляется учрежденнымъ порядкомъ въ городскихъ думахъ или магистратахъ и представляется въ сенатскій департаментъ на утвержденіе.

Статья 173.

Въ окружныхъ городскихъ собраніяхъ председательствуетъ городской окружной голова, назначенный отъ государя императора или отъ того начальства, которому сіе назначеніе высочайшею волею поручено будетъ.

Статья 174.

Окружныя городскія общества составятъ изъ своей среды особенные комитеты для сочиненія наказовъ, заключающихъ въ себѣ, ежели бы встрѣтиться могло, жалобы на отягощеніе и злоупотребленіе власти, основанныя на ясныхъ доказательствахъ, и представленія о пользахъ и нуждахъ всѣхъ состояній окружнаго градского общества. Сіи наказы вручаются депутатамъ запечатанные, а отъ нихъ представляются, какъ сказано выше въ ст. 164 о сеймикахъ или дворянскихъ собраніяхъ.

ГЛАВА V.

О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О СУДАХЪ ВООБЩЕ.

Статья 175.

Суды и лица, носящія званіе судей, въ отправленіи обязанности, на нихъ возложенной, дѣйствуютъ по законамъ и независимо ни отъ какой власти.

Статья 176.

Но поелику дѣйствіе судовъ должно быть основано на точной силѣ законовъ, то всякое отступленіе отъ словъ закона и самопроизвольное толкованіе оныхъ, равно какъ и каждое злоупотребленіе судейской власти и выступленіе изъ предѣлъ, ей предписанныхъ, подвергаютъ отвѣтственности и взысканіямъ.

Статья 177.

Суды составляются изъ судей, опредѣленныхъ государемъ, согласно съ предписанными правилами о испытаніи, и изъ судей, выбранныхъ согласно съ существующими по сему предмету особенными постановленіями.

Статья 178.

Судья не иначе отъ должности отрѣшается, какъ за противузаконный поступокъ и вслѣдствіе производившагося надъ нимъ, законнымъ порядкомъ, суда. Случаи удаленія отъ должности будутъ опредѣлены въ учрежденіи о судахъ.

Статья 179.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ должности, равно какъ и отвращеніе всѣхъ злоупотребленій по судебнымъ мѣстамъ, подлежитъ вѣдомству верховныхъ судовъ и министерства юстиціи.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О ВЕРХОВНЫХЪ СУДАХЪ.

РАЗРЯДЪ 1.

О верховномъ государственномъ судѣ.

Статья 180.

Учреждается верховный государственный судъ, составленный изъ предсѣдателя, сенаторовъ и другихъ особъ, засѣдающихъ въ ономъ по назначенію государя императора.

Статья 181.

При семъ верховномъ государственномъ судѣ опредѣляется генералъ-прокуроръ въ качествѣ государственнаго преслѣдователя за преступленія.

Статья 182.

Вѣдомству верховнаго государственнаго суда подлежитъ изслѣдованіе и наказаніе за всѣ преступленія въ оскорбленіи величества, за преступленія противу государства и всѣ противозаконные поступки высшихъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду зависитъ отъ сената, въ силу ст. 145, и отъ общаго собранія Государственнаго Совѣта въ силу ст. 42.

Статья 183.

Верховный государственный судъ имѣетъ присутствовать въ столичномъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, буде не послѣдуетъ высочайшаго повелѣнія созвать его въ другомъ мѣстѣ.

Статья 184.

Приговоры верховнаго государственнаго суда суть окончательные, но исполненіе по нимъ не чинится безъ высочайшаго утвержденія.

РАЗРЯДЪ 2.

О верховномъ судѣ намѣстнической области.

Статья 185.

Въ каждомъ намѣстничествѣ въ мѣстѣ пребыванія намѣстническаго совѣта учреждается верховный судъ намѣстнической области. Оный составляется изъ извѣстнаго числа сенаторовъ, назначенныхъ государемъ для засѣданія въономъ по очереди, и изъ непремѣнныхъ судей, поступающихъ въ оный изъ предсѣдателей апелляціонныхъ судовъ.

Статья 186.

Вѣдомству верховнаго суда подлежатъ всѣ судныя дѣла гражданскія, уголовныя и слѣдственныя, переносимыя въ оный изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и другихъ низшихъ судебныхъ мѣстъ намѣстнической области, за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, кои подлежатъ разбирательству верховнаго государственнаго суда.

Статья 187.

Рѣшенія и приговоры верховнаго суда намѣстнической области окончательны, исключая въ дѣлахъ, касающихся преступленій противъ императорскаго величества и государства, которыя отсылаются на разсмотрѣніе въ верховный государственный судъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ОБЪ АПЕЛЛЯЦІОННЫХЪ И НИЗШИХЪ СУДАХЪ.

Статья 188.

Апелляціонные суды по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ (палата уголовныхъ дѣлъ и палата гражданскихъ дѣлъ и надворные суды въ столицахъ); суды первой инстанціи по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ (уѣздные суды и городовые магистраты): коммерческіе, совѣстные и мировые суды, равно какъ и другіе суды, въ коихъ окажется надобность, будутъ устроены особенными постановленіями сообразно съ государственною уставною грамотою.

ГЛАВА VI.

ОБЩІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Статья 189.

Дополнительныя объясненія къ государственной уставной грамотѣ и къ законнымъ основаніямъ, въ ней содержащимся, изложены будутъ въ образовательныхъ учрежденіяхъ и въ частныхъ установленіяхъ.

Статья 190.

Послѣдующіе указы назначатъ отъ губерніи и области, которыя имѣютъ быть соединены въ намѣстничества и пользоваться политическими правами, въ народномъ представительствѣ заключающимися.

Статья 191.

Всѣ прежніе законы, указы и уставы, противные сей грамотѣ, отмѣняются.

Убѣдившись въ совѣсти, что вышеизложенныя коренныя постановленія соотвѣтствуютъ отеческимъ нашимъ желаніямъ утвердить благосостояніе и спокойствіе любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, основать неприкосновенность ихъ лицъ и собственности и охранить ненарушимость ихъ правъ гражданскихъ и политическихъ, мы жалуемъ имъ сію уставную грамоту, которую признаемъ за себя и преемниковъ нашихъ кореннымъ и уставнымъ закономъ нашего государства, предоставляя себѣ оную дополнить. Повелѣваемъ всѣмъ государственнымъ властямъ содѣйствовать ея исполненію.

VII.

Записка генералъ-адъютанта Закревскаго о происшествіи въ л.-гв. Семеновскомъ полку 16-го и 17-го октября 1820 года.

(Писано октября 21-го дня 1820 года).

Предмѣстникъ полковника Шварца, нынѣшняго командира лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, П... человѣкъ добрый, но слабый начальникъ, неосновательно и излишнею деликатностію своею пріучилъ подчиненныхъ ему офицеровъ не полагать никакого различія между чинами и внѣ фрунта не оказывать ни малѣйшаго уваженія къ старшимъ своимъ, частнымъ ихъ начальникамъ и даже къ нему самому. Симъ распустилъ онъ полкъ до того, что вредный духъ офицеровъ распространился и между нижними чинами.

Полкъ сей безпрестанно становился по службѣ хуже, и рѣдко случались ученья полковыя или батальонныя, которыми бы государь столько же доволенъ былъ, сколько прочими гвардейскими полками.

Послѣ такого управленія назначенъ командиромъ полка Шварцъ, человѣкъ не получившій хорошаго воспитанія, не имѣющій большихъ познаній и полагающій все свое достоинство, всю надежду въ службѣ. Находясь въ оной съ 1797 года безъ всякой протекціи, усерднымъ и долговременнымъ служеніемъ достигъ до званія полкового командира. Онъ всегда отличался неутомимостію своею, и бывшій прежде подъ начальствомъ его гренадерскій Екатеринославскій полкъ доведенъ имъ до такой степени исправности, что поставленъ былъ примѣромъ для всей арміи. Лестно для него было новое назначеніе; онъ захотѣлъ оправдать довѣріе государя: довести Семеновскій полкъ до совершеннаго познанія фрунтовой службы и представить его въ блистательномъ видѣ какъ на счетъ движенія, такъ и одежды. Для достиженія сего долженъ былъ принять образъ управленія полкомъ совершенно противный своему предмѣстнику: неумѣстную деликатность — перемѣнить строгою взыскательностію; уничтоживъ равенство, ввести на мѣсто оной — субординацію, вмѣсто вольности — дисциплину. Таковой образъ управленія не могъ понравиться избалованнымъ подчиненнымъ: они всѣ возстали противъ него: особенно озлоблены были офицеры, которые никакъ не умѣли понимать цѣли сей перемѣны и, привыкшіе къ баловству прежняго начальника, находили обращеніе настоящаго нетерпимымъ. Имъ казалось, что полковникъ Шварцъ, заставляя ихъ служить какъ должно, оскорблялъ ихъ честь, и что они созданы не для того, дабы повиноваться подобному человѣку, но для того, чтобъ самимъ быть командующими генералами, не исполняя къ достиженію сего никакой службы. Офицеры сіи не преставали ругать его и насмѣхаться надъ нимъ. Они отъ сего не воздерживались даже передъ фрунтомъ. Нижніе чины, слыша безпрестанно ругательства и насмѣшки, заразились тѣмъ же духомъ неуваженія къ начальству: недовольные взыскательностію полковника Шварца, увѣренные при томъ, что ихъ поддержитъ ненависть къ нему офицеровъ, а можетъ быть и наущенные кѣмъ либо, они, забывъ долгъ присяги, рѣшились оказать неслыханное въ Россійскихъ войскахъ неповиновеніе и произвели слѣдующее происшествіе.

16-го октября въ 11-мъ часу ночи рота его величества самовольно собралась и выстроилась въ корридорѣ казармы по вызову нѣкоторыхъ голосовъ на перекличку. Фельдфебель, пришедъ къ оной, приказываетъ людямъ разойтись по своимъ мѣстамъ. Они сего не исполняютъ и требуютъ ротнаго командира. Фельдфебель хочетъ къ нему идти — они его не допускаютъ, выбираютъ изъ среды своей унтеръ-офицера и посылаютъ за своимъ капитаномъ, который не медля приходитъ. Они объявляютъ ему, что рѣшились на таковой поступокъ, будучи не въ силахъ болѣе переносить разнаго рода притѣсненій отъ полковаго командира; просятъ довести до свѣдѣнія начальства о непомѣрной строгости его и взыскательности. Капитанъ обѣщаетъ выполнить ихъ желаніе и приказываетъ имъ идти спать. Не съ военною торопливостію исполнили они приказаніе сіе. Между тѣмъ онъ поспѣшилъ о всемъ происходившемъ донести по командѣ.

17-го числа поутру корпусный командиръ, получивъ донесеніе о происшествіи и бывши самъ одержимъ болѣзнію, послалъ изслѣдовать оное начальника корпуснаго штаба, который немедленно и отправился въ Семеновскія казармы общe съ бригаднымъ командиромъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Они роту сію нашли виновною въ своевольствѣ и ослушаніи; созвали фельдфебелей всѣхъ прочихъ ротъ и приказали каждому изъ нихъ наблюдать, чтобы въ ихъ командахъ подобнаго же не случалось. По донесенію о томъ начальника штаба, командующій корпусомъ, найдя роту его величества заслуживающею строжайшаго для примѣра другимъ наказанія, велѣлъ привести оную вечеромъ въ экзерциръ-гаузъ, гдѣ предварительно собранъ былъ уже дивизіонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Тутъ объявилъ онъ виновнымъ, что, въ наказаніе учиненнаго ими своевольнаго и непростительнаго поступка, почитаетъ нужнымъ арестовать ихъ, посадить въ казематы Петропавловской крѣпости и произвести надъ ними судъ, предъ которымъ должны они стараться оправдать себя, если то возможно. По сихъ словахъ приказалъ командиру лейбъ-гвардіи Павловскаго полка вести ихъ въ крѣпость за карауломъ помянутаго дивизіона.

Въ ночь съ 17-го на 18-е число 1-я, 2-я и потомъ 3-я фузелерныя роты перваго баталіона самовольно выбѣжали изъ казармъ своихъ, толпами бѣгали во всѣ прочія остальныхъ двухъ баталіоновъ и принуждали ихъ выходить на парадное полковое мѣсто для соединенія къ выручкѣ арестованной роты; притомъ насильно вламливались въ комнаты нѣкоторыхъ ротъ, отбивали двери, требовали, дабы нижніе чины всѣ безъ изъятія присоединились къ нимъ и противящихся насильно вытаскивали, угрожая бить и выкинуть въ окны. Въ такомъ безпорядкѣ провели они всю ночь. Офицеры увѣщевали и упрашивали ихъ обратиться къ порядку, но тщетно: они оказывали наружное почтеніе къ званію офицеровъ, однако же, повиноваться не хотѣли, пока не будетъ имъ возвращена рота его величества.

18-го числа въ 5-мъ часу утра по совѣщанію, бывшему въ штабѣ гвардейскаго корпуса, военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ отправился на сборное мѣсто для приведенія виновныхъ въ порядокъ. На его увѣщанія, не переставая толпиться, сіи отвѣчали ему, что они готовы перенести всякія наказанія, какія угодно будетъ начальству надъ ними произвесть, но терпѣть притѣсненія полковаго командира болѣе не въ состояніи, равно не могутъ и построиться, потому что за отдѣленіемъ отъ нихъ первой роты не къ чему пристроиться.

За симъ посланъ былъ туда же начальникъ штаба для объявленія, что прибудетъ къ нимъ корпусный командиръ и чтобы для сего они построились; но слова его

не произвели никакого дѣйствія. Командующій корпусомъ, видя, что принимаемые способы не помогаютъ, отрѣшилъ полковника Шварца отъ должности полкового командира, которую онъ уже не могъ исполнять, ибо начальникъ штаба не нашелъ его при полку, поручилъ управленіе симъ полкомъ генералъ-маіору Бистрому 1-му и приказалъ приготовить оный къ инспекторскому смотру. Генералъ Бистромъ по прибытіи къ толпамъ семеновцевъ, объявилъ имъ повелѣніе командующаго корпусомъ и началъ было вытягивать въ линію 2-й и 3-й баталіоны, но три роты перваго сему воспрепятствовали, расталкивая становившихся въ порядокъ и повторяя, что безъ роты его величества, какъ безъ головы, пристроиться не къ чему.

Послѣ того генералъ-адъютантъ Потемкинъ, увѣряя всѣхъ въ привязанности къ нему семеновцевъ, самъ вызвался убѣдить ихъ и, выпросивъ позволеніе начальства, отправился къ нимъ; со слезами увѣщевалъ, чтобы они изъ любви къ нему послушались приказанія и выстроились во фрунтъ. Но и ему сдѣлали они тѣ же отвѣты, присовокупивъ, что сколько ни любимъ его, а просьбы сей исполнить не могутъ. Наконецъ командующій корпусомъ, видя всѣ мѣры къ приведенію ихъ въ порядокъ безуспѣшными, поѣхалъ самъ и объявилъ имъ, что рота его величества ослушаніемъ и своевольствомъ сдѣлалась виновною, что за сіе онъ арестовалъ ее и велѣлъ предать суду; что до высочайшаго разрѣшенія ни подъ какимъ видомъ не освободитъ оную ни отъ суда, ни отъ ареста; что, наконецъ, и они всѣ сдѣлались преступными, ибо не послушались приказаній начальства, а потому приказываетъ и самимъ имъ идти тотъ же часъ подъ арестъ въ крѣпость. Сіе повелѣніе безпрекословно было исполнено: они въ то же время отправились въ крѣпость, но въ томъ же безпорядкѣ, въ какомъ находились на сборномъ мѣстѣ. При нихъ офицеры шли всѣ впереди. По прибытіи въ назначенное мѣсто нижніе чины размѣщены по возможности въ казематахъ, а офицеры возвратились въ свои квартиры.

19-го числа 2-й баталіонъ отправленъ на судахъ въ Кронштадтъ, оттуда такимъ же образомъ въ Свеаборгъ. 3-й баталіонъ сухимъ путемъ въ Кексгольмъ. Оба отправлены при своихъ офицерахъ безъ конвоя въ полной аммуниціи, но безъ ружей и тесаковъ. Первый же баталіонъ, какъ болѣе виновный въ происшествіи, оставленъ въ Петропавловской крѣпости и преданъ военному суду.

Разсматривая всѣ обстоятельства сего дѣла, видно, что первоначальными причинами описаннаго происшествія, какъ выше сего упомянуто, были, во-первыхъ: слабость П... поселившая во всемъ полку нерадѣніе къ службѣ и неуваженіе къ начальству; во-вторыхъ: скорый переходъ отъ слабаго управленія къ строгости и дисциплинѣ, кои принужденъ былъ ввести Шварцъ, чѣмъ возстановилъ противъ себя цѣлый полкъ; въ-третьихъ: ненависть офицеровъ къ полковнику Шварцу и безпечность ихъ къ службѣ. Первая побуждала ихъ ругать его и насмѣхаться надъ нимъ даже предъ фрунтомъ при нижнихъ чинахъ; послѣдняя лишила ихъ довѣрія сихъ чиновъ до того, что они въ свое время не могли и не умѣли привести оныхъ въ должное повиновеніе. Обѣ показываютъ совершенное невѣжество ихъ о пользѣ общей.

Не смотря однако же на все то, сколь ни ожесточала нижнихъ чиновъ взыскательность полковника Шварца, сколь ни вредно впечатлѣніе, произведенное въ нихъ офицерами неуваженіемъ къ полковому начальству и явными насмѣшками, со всѣмъ тѣмъ, говорю, трудно повѣрить, чтобы они рѣшились на столь неслыханный въ русскихъ войскахъ поступокъ, если-бъ не были кѣмъ-нибудь особенно къ тому подучены

и даже руководимы. Весьма полезно открыть сіе лице или, быть можетъ, и многія. Таковыя по справедливости заслуживали бы примѣрной строгости въ наказаніи, но, къ сожалѣнію, нѣтъ надежды къ открытію ихъ по суду. Одно время можетъ обнаружить истину: зачинщики и руководители, вѣроятно, окажутся не изъ нижнихъ чиновъ сего полка...

Конечно, изложенныхъ причинъ достаточно, дабы приготовить, такъ сказать, подобное происшествіе, и достаточно тѣмъ болѣе, что еще прежде вступленія полковника Шварца въ управленіе полкомъ офицеры, напыщенные пустою надменностію, привыкшіе быть подъ командою генераловъ, избалованные наконецъ, предубѣждены уже были въ худую противъ него сторону. Сверхъ того Шварцъ, перемѣнивъ круто послабленіе на необходимую строгость въ требованіяхъ по службѣ, особенно въ наблюденіи подчиненности, не имѣлъ довольно ловкости, дабы въ то же время стараться пріобрѣсти уваженіе офицеровъ и привязанность солдатъ. Онъ слишкомъ спѣшилъ достигнуть до своей цѣли и, не надѣясь безъ основанія на своихъ помощниковъ, предположилъ себѣ правило: входить самому во всѣ подробности; приказалъ водить къ себѣ нижнихъ чиновъ по десяткамъ, дабы узнать каждаго солдата, лично удостовѣриться въ его знаніи службы и видѣть его одежду; за всякую неисправность взыскивалъ строго, заставлялъ приходить къ себѣ до тѣхъ поръ, пока все будетъ исправлено какъ должно. Таковая мѣра къ содержанію полка въ надлежащемъ порядкѣ принята въ употребленіе во всей арміи; въ гвардіи же едва ли оная извѣстна. Поступая такимъ образомъ, Шварцъ, неодаренный проницательностію, не помышлялъ о томъ, какія послѣдствія могутъ произойти отъ негодованія, ропота и ненависти подчиненныхъ; онъ не видѣлъ, что строгость его не пріучаетъ къ покорности сихъ подчиненныхъ, получившихъ уже нѣкоторое нравственное образованіе, но раздражаетъ ихъ противъ него. Посему-то сдѣлался онъ жертвою ненависти и не въ состояніи былъ предупредить случившагося несчастія.

Конечно, повторю, всѣ обстоятельства могли предуготовить несчастный случай; но вопросъ: кто внушилъ столь удивительное единодушіе нижнимъ чинамъ для произведенія онаго въ дѣйствіе? Откуда взялось единогласіе, или лучше, одни слова въ отвѣтахъ ихъ? единство—въ ихъ поступкахъ? Таковое согласіе въ поведеніи 3.000 человѣкъ безъ особеннаго руководства—невозможно. Прискорбно подозрѣвать неблагонамѣреннаго между офицерами; но кто знаетъ русскаго солдата, тотъ вѣрно усумнится, чтобы посторонній человѣкъ въ силахъ былъ владѣть имъ.

Впрочемъ, оставимъ подозрѣнія; безъ того офицеры наложили на себя нестираемое пятно: они, оказывая предъ нижними чинами неуваженіе къ полковому командиру, пріучили или, по крайней мѣрѣ, возродили въ нихъ мысль, что есть возможность не почитать своихъ начальниковъ. Вотъ причина, по которой они, вопреки усилій, не могли заставить ихъ слушать себя во время происшествія. Вообще русскіе солдаты привыкли повиноваться слѣпо, и управлять ими легко; слѣдовательно, въ семъ случаѣ г-да офицеры доказали свою неспособность командовать и даже не заслуживаютъ званія, ими носимаго. По одной развѣ молодости и неопытности ихъ позволительно имѣть къ нимъ нѣкоторое снисхожденіе. По тѣмъ же причинамъ могли они быть завлечены къ неуваженію начальства нынѣшними событіями въ Европѣ, событіями, произведенными вольнодумствомъ и такъ называемыми либеральными идеями. Сія зараза гнѣздится между офицерами и другихъ гвардейскихъ полковъ; но упова-

тельно начальники примутъ благоразумныя мѣры, чтобы ничего похожаго съ семеновскимъ происшествіемъ въ нихъ не случилось.

Для исправленія провинившихся субалтернъ-офицеровъ полагаю необходимымъ: перевесть ихъ въ армейскіе полки, поручить полковымъ командирамъ имѣть за ними неослабное наблюденіе и нѣкоторое время не представлять къ производству, дабы они почувствовали тягость заслуженнаго наказанія. Баталіонныхъ и ротныхъ начальниковъ выписать въ армію тѣми же чинами, не поручать имъ никакой команды, безпрестанно употреблять на службу и нѣсколько лѣтъ не принимать отъ нихъ просьбъ ни въ отпускъ, ни въ отставку.

Командиры прочихъ гвардейскихъ полковъ (исключая весьма немногихъ) равномѣрно въ семъ случаѣ оказали свою неспособность и ненадежность на самихъ себя: каждый почти не былъ увѣренъ въ своихъ подчиненныхъ и страшился, чтобы у него того же не произошло. Опасно имѣть такихъ начальниковъ во время военное, и Боже избавь отъ нихъ во всякомъ критическомъ обстоятельствѣ. По поводу сего нужно бы на нихъ обратить особенное вниманіе и не пренебрегать строгою, тщательною разборчивостію при назначеніи оныхъ. Не менѣе полезно обратить глаза на офицеровъ и найти способъ укротить быстроту производства по гвардіи, дабы слишкомъ молодымъ изъ нихъ дать время образоваться для своего званія и пріобрѣсти нужную опытность по службѣ. Средства къ тому: принятіе въ службу дворянъ не моложе 18 лѣтъ; въ штабсъ-капитанскомъ и капитанскомъ чинѣ—выслуга положеннаго времени для приготовленія себя въ полковники, какъ въ чинъ, требующій непосредственной способности и довѣрія. Теперь солдаты съ жалостію смотрятъ на своихъ офицеровъ и, кажется, обѣщаютъ имъ свое покровительство, а не отъ нихъ ожидаютъ онаго.— Сему случилось мнѣ быть очевиднымъ свидѣтелемъ во время происшествія.

Нельзя одобрить и поведенія самихъ генераловъ: 17-го числа командующій корпусомъ не долженъ былъ посылать начальника своего штаба въ казармы для изслѣдованія, а ѣхать туда для этого самъ, не смотря на свою болѣзнь. Начальнику штаба не надобно было съ собою брать великаго князя, какъ бригаднаго командира, не надлежало сзывать фельдфебелей прочихъ ротъ и приказывать имъ, чтобы у нихъ тогожъ не случилось; сіе достаточно уже было подать имъ мысль, что ихъ опасаются и что они могутъ сдѣлать подобное ротѣ его величества. Полезнѣе бы внушить ротнымъ командирамъ о внимательнѣйшемъ наблюденіи за своими подчиненными. Мѣра наказанія первой роты слишкомъ строга; довольно было предать суду старшихъ изъ нихъ, если не могли открыть зачинщиковъ, и наказать ихъ примѣрнымъ образомъ, что устрашило бы прочихъ болѣе и не произвело всеобщаго ропота. 18-го числа также не надлежало посылать разныхъ генераловъ для увѣщанія неповинующейся толпы: чрезъ что генералы содѣлались посмѣшищемъ нижнихъ чиновъ, а сіи возмнили, что ихъ боятся. Командующій корпусомъ обязанъ былъ самъ первый поѣхать къ толпѣ, и если бы увидѣлъ, что не можетъ привести оную въ послушаніе, въ такомъ случаѣ, взявъ ранжирной списокъ, сдѣлать перекличку и съ помощію офицеровъ построить во фрунтъ толпящихся. Когда бы мѣра сія осталась безъ дѣйствія, тогда приказать имъ идти въ крѣпость, какъ то, наконецъ, и сдѣлано было не безъ успѣха.

Полковникъ Шварцъ достоинъ полной отвѣтственности за то, что пренебрегалъ негодованіемъ къ себѣ цѣлаго полка, и всей строгости законовъ за то, что во время

происшествія не смѣлъ показаться предъ онымъ. Ему бы надлежало, не взирая на личную опасность, явиться къ полку и стараться о приведеніи его въ устройство. Таковою рѣшительною смѣлостію могъ онъ произвести въ солдатахъ сильное впечатлѣніе, внушилъ бы въ нихъ къ себѣ почтеніе и, легко статься можетъ, привелъ ихъ въ покорность, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилъ бы свой долгъ. Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ потребны твердость и рѣшительность начальника, а не во время ученій.

Для самой пользы службы поступокъ Семеновскаго полка не можетъ и не долженъ быть прощенъ. Въ примѣръ другимъ полкамъ и предупрежденіе отъ подобнаго своевольства, надлежитъ оный подвергнуть строжайшему наказанію. Если затруднительно перевести въ армію весь полкъ, то 2-й и 3-й баталіоны, менѣе виновные и завлеченные первымъ, могутъ быть оставлены, но тутъ же приведены къ присягѣ какъ нарушившіе оную. Прибавивъ къ нимъ недостающее до комплекта число людей изъ арміи, сформировать вновь сей полкъ. Формированіе произвести внѣ города и не поручать онаго великому князю. Первый же баталіонъ долженъ быть наказанъ непремѣнно по опредѣленію военнаго суда предъ всѣми полками гвардіи. Менѣе виновныхъ разослать на службу въ Грузію, Оренбургъ и Сибирь.

Офицеры, какъ выше сказано, заслуживаютъ наказанія переводомъ въ армію; однако же, не слѣдуетъ сдѣлать сіе безъ разбора; тѣхъ, кои во время происшествія находились въ командировкахъ или отпуску, равно кои недавно поступили на службу и не знали, что должно было таковое случиться, оставить во вновь формируемомъ полку или распредѣлить по другимъ гвардейскимъ полкамъ безъ всякаго наказанія.

Происшествіе сіе, равно какъ и событія во всей Европѣ, заставляютъ обращать особенное вниманіе на военныхъ. Почему полезно учредить на добрыхъ правилахъ особенную тайную полицію, тайную во всемъ смыслѣ и существѣ. Первою обязанностію поставить ей: не оказывать ни въ какомъ случаѣ власти, но стараться единственно узнавать обо всемъ происходящемъ въ войскахъ, о духѣ солдатъ и офицеровъ, о мнѣніи ихъ насчетъ начальниковъ и проч. Всѣ таковыя свѣдѣнія должна она сообщать непосредственно корпусному командиру, который согласно донесеніямъ ея будетъ принимать мѣры для предупрежденія могущихъ встрѣтиться безпорядковъ. Въ агенты полиціи избрать людей испытанныхъ въ честности и благонамѣреніи. Привлечь ихъ къ тому прочнымъ обезпеченіемъ состоянія, какъ то было въ царствованіе императрицы Екатерины вторыя. Иначе, дать еще болѣе вѣсу полковымъ командирамъ, коимъ словесно подтверждать о бдительномъ наблюденіи умовъ и поведенія своихъ подчиненныхъ, преподавъ имъ на сей предметъ нѣкоторые способы. Впрочемъ, начальство, по точному или небрежному отправленію существенной службы, можетъ заключать о духѣ подчиненныхъ. Не довольно токмо приказать; надобно посмотрѣть, какъ приказаніе исполняется.

Публика, увлеченная мнѣніемъ родственниковъ семеновскихъ офицеровъ, во всемъ оправдываетъ полкъ и обвиняетъ однихъ начальниковъ, принимающихъ въ теперешнемъ случаѣ строгія надежныя мѣры. На это смотрѣть нечего: отъ сихъ пріемлемыхъ мѣръ зависитъ спокойствіе не только прочихъ гвардейскихъ полковъ, но даже всей арміи и, можно сказать, всей Россіи.

Весьма желательно, чтобы люди, развозящіе по городу разные слухи съ примѣчаніями своими, были осторожнѣе въ изложеніи и толкованіи оныхъ. Гораздо ближе

къ обязанностямъ ихъ и личной выгодѣ не упускать изъ виду того, что ложными, нелѣпыми толками, особенно при нынѣшнемъ духѣ времени въ Европѣ царствующемъ, они дѣлаютъ очевидный вредъ своему отечеству и могутъ его ввергнуть въ крайнюю погибель.

VIII.

Письмо флигель-адъютанта полковника Д. П. Бутурлина изъ С.-Петербурга отъ 19-го (31-го) октября, 20-го октября (1-го ноября) и 21-го октября (2-го ноября) 1820 года о событіяхъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку [1].

Pétersbourg, le 19 (31) Octobre 1820.

Je profite de l'expédition de Czedaieff pour vous rendre compte, mon cher général, du terrible évènement qui hier a pensé nous donner un triste échantillon d'une quirognade, dont l'effet eût été incalculable, si l'on ne s'était empressé d'étouffer une rebellion provoquée par une confiance outrée dans la force de l'autorité, mais reprimée du moins avec une fermeté digne des plus grands éloges. Je vous vois d'ici vous frotter les yeux et refuser d'en croire à leur témoignage en voyant que l'on vous parle de rebellion arrivée à Petersbourg. Eh bien! c'est cette même sécurité fatale qui est la cause de l'évènement dont je me propose de vous entretenir, evènement qui rentre dans la cathégorie de ceux auxquels l'on ne croit que le lendemain du jour où ils arrivent. Je viens au fait.

Vous savez mieux que moi encore combien la nomination de Schwartz pour commander les Semenoffski avait mécontenté ce régiment. Les officiers se trouvaient froissés et humiliés d'avoir à leur tète un intrus sans nom, sans réputation militaire et privé de ces formes européennes devenues indispensables même parmi nous. Les soldats influencés par leurs officiers voyaient aussi de mauvais oeil leur nouveau chef tombé des nues avec tous les caractères d'un fléau, car sa nomination était géneralement ragardée dans le régiment comme une punition que l'empereur dans sa colère avait infligé à tout le corps. Dans ces circonstances, le simple bon sens prescrivait à Schwartz de tacher de ramener les esprits par une conduite ferme, mais modérée et surtout décente. Il fit tout à l'envers. Sans être grand rosseur, il eut le talent de se faire plus détester du soldat que s'il l'eût assomme. Au front il se permettait de les injurier de la manière la plus fletrissante, de leur cracher à la figure, de leur tirer la moustache. En un mot il ne leur épargnait aucune de ces indignites aussi deshonorantes pour celui qui les reçoit que pour celui qui les donne. Et pour comble d'horreur il empiétait même sur leur propriété en les forçant d'acheter de leurs propres deniers différents objets nécessaires à leur habillement. Vous m'avouerez que ces manières n'étaient pas faites pour ramener des mécontents. Les esprits s'aigrissaient de plus en

[1] Военно-ученый архивъ, Отд. секр., № 21.

plus. Les officiers y contribuaient par les imprudentes conversations qu'ils se permettaient en présence des soldats et qui avaient pour objet de diffamer encore davantage leur chef en relevant avec âpreté tout ce qu'il y avait de répréhensible dans sa conduite. Le régiment était enfin parvenu à ce degré de fermentation où une goutte devait faire repandre le vase. Le moindre incident devait représenter cette goutte. En effet la bombe eclata avant-hier qui était dimanche.

Schwartz non content de tourmenter ces gens les jours ouvriers, eut la fatale idée de vouloir encore les faire exercer le dimanche. Il donna ordre à la compagnie de l'empereur de se préparer pour ce jour. A une heure du matin et conséquement à nuit close, la compagnie se trouve sur pied, fait elle-même son propre rappel et envoie son sergent-major querir son capitaine. Ce dernier accourt. Ses gens lui declarent qu'ils en ont par dessus la tête de Schwartz et qu'ils aiment mieux aller tous aux galères que de continuer à servir sous ses ordres. Le capitaine les harangue, veut les persuader de rentrer dans le devoir, ne peut y réussir et va chercher le colonel commandant le bataillon. Celui-ci vient à son tour, fait comme le capitaine, n'obtient pas plus de succès et va avertir Schwartz. C'était bien le cas pour ce dernier d'aller payer de sa personne. Au risque d'être mis en pièces, il devait se présenter devant les mutins. Cette démarche aurait eu une certaine noblesse qui peut-être les aurait contenu. Loin de cela, Schwartz se barricada dans sa maison et ne parut pas dans la caserne. Cependant le colonel du bataillon obtint des soldats qu'ils se deshabillassent et qu'ils se couchassent, en leur promettant de faire parvenir leurs plaintes à la connaissance du divisionnaire. Ils s'imaginaient que leur divisionnaire était Rosen, malheureusement ce général était absent. Le grand duc Michel le remplaçait. Malheureusement (et je serai plus d'une fois encore dans le cas de répéter ce mot) le grand duc est encore trop jeune, pour pouvoir se trouver d'emblée à la hauteur de la circonstance. Il se rendit à la caserne, parla aux soldats avec un ton insignifiant qui n'avait rien ni du langage sévère d'un chef justement irrité, ni du langage attendrissant d'un camarade d'armes qui parle à des frères égarés. Il ne put rien obtenir: les soldats persévérèrent dans leur refus d'obéir désormais à Schwartz. Wassilezikoff informé de ce qui se passait crut devoir sévir sur le champ. Toute la compagnie fut envoyée à la forteresse.

L'on espérait que cet éclatant coup d'autorité raffermirait la discipline et que l'esprit de sédition serait étouffé dans son germe. L'évènement prouva le contraire. Le régiment devait monter la garde lundi. Dans la nuit du dimanche à lundi, les trois compagnies restantes du premier bataillon sortent de leur caserne, enfoncent les portes de celles des deux autres bataillons, les rallient à elles et se déclarent en pleine insurrection, exigeant avant tout qu'on leur rende la première compagnie. Ils refusent de monter la garde et de faire quelque service que ce soit. Les bas-officiers et les sergents-majors ne se réunissent point aux rebelles, mais ne font aussi rien pour les retenir. Les officiers semblent flotter entre la crainte de la honte qui va rejaillir sur leur corps et le plaisir de se voir venger de Schwartz. Wassilezikoff est averti à trois heures du matin. Il envoie Benkendorf pour déclarer aux insurgés qu'ils ne doivent plus monter la garde, mais qu'ils aient à se préparer à une revue d'inspection, qu'il passerait dans la matinée pour recueillir les plaintes légitimes qu'ils auraient à présenter à la charge de leur chef. Le chef d'état-major est accueilli par des crix séditieux qui annoncent un refus formel de reprendre le frein de la discipline. Il ne peut parvenir même à

faire former en compagnies l'attroupement qui s'était établi sur la place de l'hôpital. A toutes ses exhortations les séditieux n'opposent que le cri: Rendez nous notre tête. sans la tête il n'y a pas de corps. — Informé de ce qui se passait Wassilczikoff se trouva embarassé et il faut convenir qu'il y avait de quoi l'être. Restait encore environ trois heures de la nuit. C'était plus de temps qu'il n'en fallait aux rebelles pour concerter et exécuter quelque projet désespéré. D'un autre coté. l'on ne pouvait employer aucun moyen coercitif contre eux, sans risquer d'engager une affaire. pendant que l'obscurité de la nuit favoriserait le désordre. Cette dernière considération l'emporta. Il fut décide que l'on n'entreprendrait rien jusqu'à la pointe du jour. En même temps l'on envoya ordre aux régiments des chasseurs de la garde et des grenadiers du corps de se mettre sous les armes et à ceux de la garde à cheval et des chevaliers-gardes monter à cheval.

Ces préparatifs achevés, dans la matinée Wassilczikoff se rendit à la place de l'hôpital de Semenoffski, y retrouva l'attroupement séditieux et le harangua. mais en vain. Les rebelles lui crièrent qu'ils ne pouvaient se soumettre avant qu'on leur eût rendu leur première compagnie. Wassilczikoff leur répondit avec fermeté: «Vous ne l'aurez jamais. mais si vous voulez partager son sort. vous en êtes les maîtres. allez tous à la forteresse». Tous s'écrièrent: Volontiers, mon général, nous y allons. nous y allons: où est la tête est aussi la queue. Wassilczikoff donna l'ordre aux officiers de se mettre à la tête. Toute la masse s'ébranla et prit le chemin de la forteresse avec une tranquillité surprenante pour la circonstance. Peut-être n'auraient-ils pas persévéré dans cette bonne disposition sans une manoeuvre habile du général Bistrom qui leur avait coupé la retraite. Les séditieux étaient désarmés. mais ils n'avaient qu'à rentrer dans leurs casernes pour prendre leurs fusils. L'on desirait beaucoup les leur enlever, mais d'un autre còte l'on n'osait pas le faire de vive force de crainte de les revolter davantage par l'appareil de la force et de les pousser ainsi à des excès dont ils s'étaient abstenus jusque là. Bistrom trancha cette difficulté en profitant du moment où Wassilczikoff les haranguait et de l'obscurité d'une matinée brumeuse, pour se glisser avec son régiment de chasseurs dans les casernes du côté de la place d'exercice. Il parvint jusqu'aux casernes sans être aperçu, y pénétra la bayonette au bout du fusil. s'y logea et s'empara de tous les dépots d'armes. A l'arrivée des révoltés dans la forteresse, on les y enferma.

J'ai oublié de vous dire que pendant les trois heures de la nuit que les séditieux furent livrés à eux-mêmes, ils ne se portèrent à aucun excès. Une centaine d'entre eux, pour la plupart ivres, pénétrèrent à la vérité dans la cour du logement de Schwartz, mais ils se contentèrent de rosser un de ses domestiques et de briser une vitre et se retirèrent à la voix du вѣстовой qu'ils trouvèrent dans l'antichambre et qui leur représenta que s'ils commetaient quelque désordre dans la maison. la responsabilité en retomberait sur lui. Schwartz qui avait passé un mauvais quart d'heure dans sa chambre en fut quitte pour la peur. L'ordre admirable que les séditieux gardèrent pendant leur désordre était d'autant plus allarmant qu'il supposait une direction quelconque, mais heureusement la marche de toute l'affaire et surtout son dénouement a bien prouvé le contraire.

Les insurgés etant incarcérés, vous croiriez que tout était terminé. mais nous qui étions sur les lieux nous en pensions bien différemment. L'on pouvait d'autant moins

considérer la crise comme passée que l'esprit de tous les régiments d'infanterie de la garnison était singulièrement monté. Les chefs eux-mêmes déclarèrent qu'ils n'osaient en répondre. Les Preobragenski murmuraient hautement et déploraient avec amertume le sort de leurs chers frères d'armes en disant que la perte des Séménoffski devait aussi nécessairement entrainer la leur. Les soldats Moskowski qui rencontraient les Séménoffski marchant à la forteresse les embrassaient les larmes aux yeux. Les Grenadiers du corps qui montaient la garde à la forteresse, criaient: ah! ah! c'est aujourd'hui le tour de Schwartz, il ne serait pas mal que demain il vint celui de Sturler. Les chasseurs mêmes, les plus fidèles des fantassins, montrèrent de l'hésitation et de la répugnance à marcher contre leurs camarades et il ne fallut rien moins que l'énergie de Bistrom pour les entrainer. La cavalerie au contraire se montra très obéissante. Je crois devoir l'attribuer à la différence de la composition des deux armes. La cavalerie est en grande partie formée de petits-russiens qui ont peu de liaison avec l'infanterie entièrement composée de russes véritables qui ont prouvé dans cette occasion qu'ils se tiennent tous par la main. Le choix des chefs de régiments devait aussi avoir une grande influence. Vous vous rappelerez que tous ceux des régiments d'infanterie sont des allemands qui dans cette circonstance n'inspiraient pas assez de confiance à leurs soldats, tandis que les chefs des régiments de cavalerie sont des russes dont il est impossible à leurs subordonnés de suspecter les intentions. Le régiment d'Orloff surtout paraissait le mieux électrisé. Lorsqu'il le harangua en lui annonçant avec douleur la cruelle nécessité de marcher contre leurs frères, tous jurèrent de le suivre partout où il les conduirait et il n'y eut pas la moindre hésitation.

Wassilczikoff avait réuni à l'hôtel de l'état-major de la garde tous les notables parmi les militaires de la place. Cet espèce de conseil militaire fut permanent pendant vingt-quatre heures. Vû la circonstance, il était de bonne conduite de montrer une surveillance ostensible, pour contenir ceux qui auraient eu la funeste pensée d'imiter la nuit suivante l'exemple de Séménoffski. De plus la totalité de ces derniers ne se retrouva pas dans la forteresse. Il y en avait environ 400 qui s'étaient répandus dans les rues et qu'il importait d'empêcher de communiquer avec les autres régiments. L'on organisa des patrouilles de cavalerie qui enlevèrent ces traînards.

Représentez-vous maintenant, mon cher général, la situation de la ville. Les troupes qui se rassemblent dans plusieurs quartiers; de nombreuses patrouilles de cavalerie circulant dans les rues; une colonne de soldats désarmés, avec des visages moitié irrités, moitié consternés se rendant à la forteresse; des groupes de curieux ou d'habitants inquiets dans le quartier des casernes de Sémenoffski. Les boutiques fermés avant l'heure ordinaire. Plus que tout cela l'inquiétude vague de ceux qui savaient qu'il y avait un évènement sans en connaître les détails. Figurez-vous tout cela et vous aurez une idée de ce que nous avons vu hier. Wassilczikoff m'a engagé d'aller le soir chez l'ambassadeur d'Angleterre qui a de grandes reunions les lundi. L'on me proposa une partie de whist que j'acceptais pour mieux dissimuler l'inquiétude et la tristesse que nous éprouvions tous. Vers minuit l'on entendit sous les fenêtres un bruit causé par deux cochers ivres: ce bruit produisit dans le salon un mouvement d'anxieté générale, qui me découvrit les inquiétudes que des habitudes diplomatiques avaient voilé jusque là.

Les mesures de précaution adoptées, il s'agissait de déterminer ce que l'on ferait des séditieux. Vous savez bien que dans ces occasions il se présente toujours des gens qui déchargés de toute responsabilité, ne manquent pas d'ouvrir des avis sanguinaires pour se faire honneur de leur prétendue énergie. L'on proposa de faire fusiller sur le champ le dixième sur tous ceux qui étaient enfermés. Ce n'était pas à Wassilczikoff qu'on pouvait persuader de se rendre le bourreau de gens qui étaient venus sans escorte se consigner eux-mêmes dans la prison. Il y avait quelque chose de si touchant dans cette action, que moi-même qui ne suis pas facile à émouvoir, je le fus profondément. D'autres proposèrent de casser sur le champ le régiment et de faire passer tous les soldats dans différents regiments de ligne. L'on penchait généralement à adopter cette mesure, mais après de plus mûres réflexions, Wassilczikoff ne se crut pas suffisement autorisé pour casser un regiment qui avait l'honneur d'avoir pour chef l'empereur lui-même. Il fut decidé que l'on renverrait le troisième bataillon sous la conduite de ses propres officiers, mais toujours desarmé, à Kexholm et le second bataillon de même à Sweaborg. Ils devaient y demeurer comme aux arrêts jusqu'à ce qu'une enquête eût déterminé le degré de culpabilité que l'on pouvait leur reprocher et jusqu'à la réception des ordres de l'empereur. Quant au premier bataillon qui avait entrainé les deux autres, on le laissa dans les casemattes et le délit dont il s'était rendu coupable n'étant point à revoquer en doute, l'on nomma sur le champ une commission pour le juger. Léwachoff en est le président, Orloff et Gourieff les assesseurs. Il était reste dans les casernes environ 700 hommes qui s'étaient abstenus de prendre part à la rebellion et n'avaient pas suivi la masse. On voulait les renvoyer à leurs bataillons respectifs. Je représentai qu'il me paraissait plus convenable de les former en bataillon séparé et de les laisser tranquillement à Pétersbourg. J'appuyai mon avis des raisons suivantes: 1° que ces gens-là étant innocents, il était cruel de leur faire partager le sort des coupables; 2° qu'en les renvoyant dans leurs bataillons, ils y seraient reçus en faux frères, d'où naitraient des discussions qui ne feraient qu'aigrir les esprits et pourraient même amener des rixes sanglantes; 3° qu'il était de bonne politique de montrer en public des uniformes Sémenoffski montant la garde, pour avoir le droit de dire que ce n'est pas la totalité du régiment, mais quelques mauvaises têtes d'ivrognes qui ont fait ce vacarme. Cela tranquilliserait la ville et ferait bon effet même sur les ministres étrangers qui ne demanderaient pas mieux que de donner à toute l'affaire encore plus d'importance qu'elle n'en mérite. Enfin, 4°, qu'il était convenable de conserver un noyau de fidèles Semenoffski, dans la supposition que Sa Majesté dans sa clémence, oubliant une erreur momentanée en faveur de services anciens et récents, daignerait conserver un nom cher à tous les militaires russes et qui se lie aux plus belles époques de leur histoire. L'on se ressouviendra plutôt de la gloire de Poltawa et de Kulm que de l'ignominie de Schwartz. Sa Majesté elle-même trouvera dans son coeur des motifs d'indulgence pour ceux qui les premiers eurent l'honneur d'être appelés ses frères d'armes. Elle ne dévouera pas à l'ignominie ce collet bleu que pendant 23 ans elle a daigné porter.

Ces considérations firent effet. On se décida à adopter ma proposition et à former de ces 700 hommes un bataillon en remplacement du premier. Ils monteront la garde après-demain.

Ces décisions prises, il s'agissait de les mettre à exécution. La chose n'était pas sans difficulté. Les hommes renfermes disaient qu'ils ne sortiraient pas à moins qu'on

ne leur rende la première compagnie. L'on était résolu de ne pas plier devant les séditieux, quoique Miloradowicz ait proposé de capituler avec eux. Ce matin, la chose se passa plus tranquillement qu'on n'osait l'espérer. Les insurgés donnèrent leur parole d'honneur de tâcher de mériter par leur bonne conduite la clemence de l'empereur. Un bataillon marcha à Kexholm; l'autre fut embarqué dans des bateaux à vapeur pour Sweaborg. Un seul homme osa répondre d'une manière impertinente à Miloradowicz qui les haranguait. Il fut tiré hors de la foule par Zakreffski. Quoiqu'il eut essayé d'ameuter les autres, en criant: sauvez-moi, mes amis, il ne fut point appuyé. Dans le cas où les rebelles eussent refusé de marcher, l'on était résolu de les faire avancer à coups de six pieces de canon chargees à mitraille et sous l'escorte d'un des regiments de cuirassiers. Je vous écris à dix heures du soir, tout est tranquille maintenant.

Nous ne pouvons assez rendre grâces au ciel de nous avoir ramené Wassilezikoff trois jours avant cette bagarre. Que serions nous devenus avec Miloradowicz gouverneur de la ville et Depreradowicz commandant du corps. Le massacre eût été infaillible. Wassilezikoff montra de la sagesse, de la fermeté et de l'humanité. C'est un général citoyen. Je ne puis en faire un plus bel éloge. Il fut parfaitement secondé par Zakreffskoi, qui montra un sang froid et une présence d'esprit admirable et une connaissance précieuse des moeurs du soldat russe et du langage qu'il comprendrait le mieux. C'est le seul dont les paroles aient fait de l'effet. J'aurais voulu pouvoir en dire autant de Benkendorf. Le pauvre homme avait entièrement perdu la tête et il y avait de quoi pour lui, car il lui était difficile de se dissimuler qu'il etait impardonnable à lui d'avoir laisse venir les choses à ce point. Wassilezikoff qui etait absent pendant plusieurs semaines pouvait ignorer le véritable état des choses. Benkendorf ne le pouvait pas. Si l'on pouvait trouver quelque bon côté à un évènement qui fait le malheur de deux mille braves, ce n'est que dans la manière dont les individus se démasquaient. Chacun se classait très visiblement.

Adieu, mon cher général, je vous écris depuis trois heures, mes doigts sont tout engourdis. Cependant je ne fermerai pas ma lettre jusqu'à demain. J'espère toutefois que je n'aurai rien de nouveau à vous mander.

Mercredi le 20.

Le courier n'étant pas parti, je reprends la plume. Tout a été tranquille pendant la nuit. D'après tous les renseignements recueillis, il paraît que la plus grande partie des Sémenoffski étaient ivres avant-hier. Hier ils avaient déjà cuvé leur vin, aussi furent-ils doux comme des moutons. Il faut avouer cependant, que le remplacement de Schwartz par Bistrom a aussi beaucoup contribué à les faire rentrer dans le devoir. Peut-être chez vous blamera-t-on cette mesure executée en vertu du prikaz ci-joint, mais je suis bien convaincu que c'était l'unique moyen d'épargner la vie à quelques uns de ces pauvres gens, qui sans cela n'auraient point consenti à sortir de bon gré de la forteresse et l'on aurait été forcé de les mitrailler. D'ailleurs cette mesure est d'autant plus légale, qu'elle est ordonnee par le règlement de Pierre le Grand, qui prescrit la suspension du chef contre lequel la moitié du corps qu'il commande aurait à se plaindre.

L'évènement dont je viens de vous rendre compte, nous a prouvé deux verités, l'une très effrayante, l'autre au contraire tout à fait rassurante. La première est l'extrême

facilité d'une insurrection de soldats qui semblent tout préparés à secouer le joug d'une discipline que l'on a peut-être trop appesantie. Quant à l'autre vérité, c'est l'excellent esprit qui s'est manifesté dans tous les officiers de la garnison. Dans la crise où nous nous trouvions, une seule mauvaise tête suffisait pour rendre l'explosion generale. Le plus petit des officiers n'avait qu'à se mettre à la tête des soldats et à leur faire prendre les armes, pour que tout fut au diable. Il y avait gros à parier que tous les régiments d'infanterie que l'on aurait envoyés contre eux, n'auraient fait grossir leur parti. Dans quel pays du monde ne se serait-il pas trouvé une si mauvaise tête? Chez nous au contraire tous les officiers se rallièrent franchement et de bon coeur à l'autorité. C'est dans ces grandes occasions que l'on reconnait l'esprit public et non dans quelques clabauderies de société, provoquées par l'étourderie et la manie de fronder inhérante à notre nation et envenimée par les rapports infidèles des espions, dont l'intérêt est de donner le plus d'importance possible à leurs révelations.

J'ai cru vous faire plaisir en vous donnant tous ces détails. Probablement vous verrez la relation officielle, mais croyez que la mienne est pour le moins tout autant véridique si ce n'est plus. J'ai été sur pied pendant tout ce temps et j'ai tout vu par moi-même.

Maintenant je m'adresse personellement à vous, mon cher général. L'empereur a des bontés pour vous. Je vous conjure au nom de la majorité des militaires d'ici qui partagent mes craintes et mes espérances, de vous mettre aux genoux de Sa Majesté pour qu'elle daigne pardonner au régiment. Que des individus soient punis, mais qu'un nom glorieux et cheri soit conservé. C'est là notre voeu, ce sera aussi celui que votre excellent coeur vous suggérera.

Adieu, mon cher général. Donnez moi de vos nouvelles et des nouvelles de chez vous, si vous en avez le loisir. Mon attachement pour vous vous est connu. Il me serait inutile de vous en réitérer l'assurance.

Boutourlin.

Cette lettre vous est commune avec le prince Menchikoff à qui il ne me reste plus de temps pour écrire. Veuillez donc la lui communiquer.

Jeudi le 21.

Czédaieff ne part qu'aujourd'hui. J'ai le temps de vous griffonner quelques lignes. Hier nous avons eu allerte. Un malheureux chef de bataillon des grenadiers du corps est venu la gueule enfarinée annoncer qu'il ne répondait pas de ces gens. Il paraît que ce chef de bataillon qui par paranthèse est un des plus fameux rosseurs de la garde a pris ses craintes pour des réalités. Tous ceux qui lui ressemblent sont terrifiés par l'exemple de Schwartz et ne rèvent que plaies et bosses. Cependant sans partager leur pusillanime anxiété, je ne vous dissimulerai pas que la présence de l'empereur est indispensable. Tous les soldats n'évoquent que son nom et n'espèrent qu'en lui. Dans les plus violentes invectives de leur part le refrain est toujours: Царь насъ разсудитъ.

La mesure que j'avais proposée pour la formation en bataillon des individus des Séménoffski qui n'ont pas pris de part à la rebellion n'a pas pu être exécutée. Ces braves gens ont répondu que tout en détestant l'horrible conduite de leurs camarades, il ne pouvaient oublier qu'ils étaient leurs frères et que conséquemment ils devaient

partager leur malheur. L'on a dû les renvoyer à leurs bataillons respectifs. N'oubliez pas qu'ils faisaient leur demande sans la moindre aigreur, mais avec une véritable sensibilité. Une foule de traits de ce genre ont brillé dans cette catastrophe et ont arraché des larmes aux coeurs les plus endurcis.

La composition de la commission militaire est changée. Levachoff en demeure le président, mais les assesseurs sont Gourieff, Souchtelen et les colonels prince Gallitzin, Aniczkoff, Berchmann et Chipoff. Je n'ai plus rien autre chose à vous mander. Adieu, mon cher général. Revenez, revenez et le plus vite que vous le pourrez.

IX.

Письма графа В. П. Кочубея къ императору Александру изъ С.-Петербурга отъ 22-го октября и 26-го ноября 1820 года.

1.

С.-Петербургъ, 22-го октября 1820 г.

Votre Majesté Impériale a reçu de qui de droit des informations exactes et détaillées sur les évènements, qui ont eu lieu ici par suite de l'insubordination, qui s'était si ouvertement manifestée au régiment Séménovky.

Je pense que le gouverneur militaire rend compte aussi à Votre Majesté de tout ce qui peut avoir rapport à l'effet, que cet incident facheux a produit en général; mais je crois ne pas faire une chose inutile d'en entretenir aussi Votre Majeste.

Vous pouvez, Sire, vous représenter facilement qu'un pareil évènement n'a pu que fortement occuper et vivement affecter tout le monde. Votre Majesté devinera sans difficulté aussi, qu'il a d'abord donne lieu à mille propos et redites sur les particularites qui l'ont accompagnés et que l'on s'est ensuite reporté à juger des mesures qui furent prises.

De cette infinité de discours qui, comme cela est naturel, continuent toujours et continueront encore longtemps, l'on doit déduire un fait positif, c'est que personne ne se méprend sur le véritable motif du mécontentement. On l'attribue exclusivement au colonel Schwartz, dont la conduite irréfléchie et suivant d'autres tyranique a exasperé les soldats et mécontenté les officiers. En effet, Sire, il est impossible de trouver une autre cause à cette insubordination. Si elle était dirigée, les soldats se seraient-ils conduits avec cette souplesse? N'auraient-ils pas pris les armes? N'auraient-ils pas cherché à inspirer de l'intérêt aux autres régiments, lorsque l'on s'accorde à penser que ceux-ci ne se seraient pas prononcé contre leurs camarades? C'est l'opinion générale, Sire; et s'il est facheux, que ce premier exemple d'indiscipline se fut manifesté dans vos gardes, si vos bons serviteurs doivent être vivement affectes de la peine qu'en éprouvera Votre Majeste, il m'est impossible d'un autre côté de ne pas se livrer à des idees

consolantes en réfléchissant que, bien loin de l'exemple des autres pays, ce mécontentement de la troupe n'avait aucun but politique, que, local et particulier à un régiment, il ne s'est point étendu et que même ceux qui y ont pris part, ont montré une soumission peu commune à des gens, qui exaspérés auraient pu faire valoir leurs moyens de force. S'il m'était permis d'ajouter mon opinion personnelle sur cette désobeissance des soldats, je la croirais le résultat, non de la tyrannie du colonel Schwartz telle, qu'on la dépeint généralement dans le public, mais de sa conduite insensée et passionnée, qui l'a porte à exercer sans cesse de ces actes, qui humilient les hommes et les aigrissent, tels, que de cracher à la figure, de tirer par les moustaches, de donner des coups de sa main, de dire des injures collectivement à toute la troupe etc., etc. Ces faits assez graves par eux-mêmes, ont peut-être acquis encore un caractère plus sérieux par la conduite des officiers. N'ont-ils pas tenus des propos devant la troupe qui manifestaient un grand mepris pour leur chef? Comment ont-ils pu être au moins assez negligents pour ne pas savoir ce qui se passait dans les compagnies?

Quant aux raisonnements sur les mesures qui furent prises pour arrèter le mal dans le principe, ils vont à l'infini. Beaucoup de gens auraient voulu, que l'on n'eût pas procéde avec cette sévérité; mais ces jugements ne viennent-ils pas apres coup? Peut-on calculer d'avance ce que peut produire une mutinerie de soldats? C'est une circonstance, dont Votre Majeste Impériale jugera mieux que personne. Ce qu'il y a de sûr, c'est que l'on désire un exemple de severite sur ceux qui sont veritablement coupables et que l'on prend de l'interêt a ceux, qui partant de là, qu'ils ont eté poussés à bout par Schwartz, ont suivi l'exemple des autres et se sont repentis. L'on serait vivement affecte, si tout le regiment etait cassé.

Quoique je n'aie, Sire, aucune mission, j'ai cru devoir engager M. Divoff de ne pas délivrer de passeports dans la journée de lundi, sous quelque prétexte convenable, tel qu'absence ou autre, pour des couriers etrangers, afin que Votre Majesté puisse recevoir les premières nouvelles, et que les ministres étrangers acquièrent la certitude, que cet évènement n'avait aucune suite. J'ai propose aussi à M. Divoff de repondre, si quelqu'un du corps diplomatique lui fait des questions, «qu'un colonel avait abusé de son autorité, que des soldats avaient désobei et que comme dans notre régime et discipline militaires, aucun ecart n'etait jamais toleré, l'on avait sévi contre les coupables et que tout etait fini». Je ne sais, Sire, si j'ai bien fait. J'ai agi d'apres l'impulsion de mon jugement et je demande votre indulgence.

Votre Majeste Impériale me permettra-t-elle d'ajouter une observation qui peut-être lui échappera au milieu de ses occupations importantes. Il n'y a pas de doute, que les gazettes étrangères, en parlant de cet évènement, ne l'exagèrent et ne le représentent sous un faux jour. Votre Majesté ne jugerait-elle pas à propos d'ordonner que ses secretaires d'etat au departement des affaires etrangères fassent rediger des articles de gazettes, qui, sans avoir le caractère officiel, seraient inserés dans les feuilles les plus repandues.

Quelques faibles, Sire, que soient nos moyens de police, j'ai cru devoir mettre tout en oeuvre pour savoir ce qui se passe dans les régiments. Les renseignements qui me parviennent de cette manière ou par mes connaissances, ont beaucoup varié ces jours-ci. Aujourd'hui, ils s'accordent tous sur un point, c'est qu'en general tout est tranquille et qu'il n'y a point d'indices, pour le moment, de mauvais esprit. Le mecontentement se manifeste par-ci par-là partiellement ou individuellement et à ce qu'il

paraît, en raison de quelques sévérités ou de trop grandes exigeances, dans un bataillon ou dans une compagnie. Ces jours passés, l'on a entendu individuellement des plaintes sur les fatigues et les exigeances du service, que les soldats désignent maintenant par le terme de линиая служба.

En terminant cette lettre, je suis heureux de pouvoir assurer Votre Majesté Impériale, que dans cette circonstance j'ai vu une nouvelle preuve du dévouement qu'on lui portait en général et de la part bien franche et bien sincère que l'on prenait à la peine qu'en ressentirait Votre Majesté.

C-te Kotschoubey.

2.

С.-Петербургъ, 26-го ноября 1820 г.

J'ai reçu par le courier arrivé hier la lettre, dont Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer le 10 de ce mois et m'étant bien pénétré de ceux qu'elle me prescrit au sujet de Karasine, je n'ai trouvé aucun motif qui dût éloigner son arrestation.

Je me suis en conséquence abouché de suite avec le gouverneur général militaire. Craignant de ne pas trouver Karasine chez lui dans le courant de la journée, parce qu'il s'absente assez souvent, et de lui fournir ainsi les moyens de prendre des mesures directes ou indirectes pour mettre à l'ecart ou même détruire ses papiers, nous convînmes avec le comte Miloradovitsch, qu'il serait appellé aujourd'hui entre 4 et 5 heures de soir chez lui, arrêté et expédié de suite à Schlusselbourg, tandis qu'au même instant le Géneral Gorgoly et un commissaire de police s'empareront de ses papiers, y opposeront les scellés et les déposeront chez moi.

Cette expédition faite, je ne chargerai non seulement pas l'individu, que Votre Majesté m'a désigné, comme devant être mis de côté pour la revision de ces papiers, mais je tâcherai, à moins de nécessité et d'une trop grande masse de papiers, de ne mettre personne des employés dans la confidence. Je proposerai au comte Miloradovitsch d'ouvrir les paquets ensemble avec moi et de faire en commun l'inspection de leur contenu. J'espère de pouvoir, Sire, avant de fermer cette lettre, vous rendre compte que Karasine n'est plus ici. Il ne pouvait exister aucun empêchement qu'il ne fût envoyé à Schlusselbourg et je pense, comme Votre Majesté, qu'il y sera plus convenablement qu'au ravelin de la forteresse de Pétersbourg.

Votre Majesté a pu voir, par mes précédentes, que j'ai envisagé comme un objet de la plus haute importance, la découverte de l'infâme libelle, qui a été mis sous ses yeux. Tous les moyens furent à cet effet employés, mais inutilement. Il ne fut possible que d'obtenir la certitude assez importante sans doute, qu'il n'en existe point un autre exemplaire. Votre Majesté se convaincra facilement que les recherches mêmes sur un point aussi important ne pouvaient être faites qu'avec la plus grande circonspection. Le secret le plus absolu devait être gardé sur l'existence d'un semblable écrit. La moindre publicité aurait donné des inquiétudes générales, aurait réjouit les auteurs, que le gouvernement tient l'écrit et par l'espoir qu'il pourrait se porter à de fausses mesures,

tandis qu'une impassibilité apparente devait être son rôle: la moindre connaissance de ce papier aurait pu faire travailler aussi les têtes des agents de la police, qui comptant sur des récompenses auraient pu forger des histoires et éloigner la vérité du gouvernement.

C'est en partant, Sire, de ces raisonnements, que j'ai supplié le gouverneur militaire de serrer ce papier le plus loin qu'il pouvait et de n'en souffler mot. On a suivi cette marche et n'a parlé aux agents que d'un bruit, qu'il circulait un papier etc. et cela seul a suffi pour en faire forger un par un titre et un écrivain de regiment. Je ne prevois, Sire, aucune apparence, à moins de quelque heureux hasard, de pouvoir découvrir quelque chose de plus précis sur ce libelle. Que n'eûs-je fait et donné pour y parvenir!

Le comte Nesselrode m'a transmis par votre ordre, Sire, quelques notices sur les motifs, qui nécessitent la prolongation du séjour de Votre Majesté en pays étrangers.

Daignez, Sire, avant tout recevoir l'expression de ma profonde reconnaissance pour cette marque de votre confiance et permettre que j'entre ici dans quelques détails à ce sujet.

Toutes les circonstances relatives aux négociations de Troppau m'étaient absolument inconnues, tout comme elles le sont encore à tout le monde ici. Elles sont si importantes, qu'il serait contraire à la raison, de ne pas convenir de la nécessité, que Votre Majesté puisse achever sans précipitation l'ouvrage important, qui doit se confectionner sous ses auspices.

Je supplie Votre Majesté de se rappeler toutefois, qu'en lui exprimant mes voeux, comme celui de tout le monde, que Votre Majesté puisse retourner dans ses foyers, j'ai toujours mis la condition, aussitôt que ses travaux importants le permetteront. Je n'ai jamais pu perdre de vue, Sire, votre considération et celle de l'etat, et si à l'époque, qui heureusement n'a pas duré, où les chances paraissaient être très délicates, où la fermentation était très grande, où la troupe en général semblait être douteuse et ses chefs presque sans exception très inquiets, il pouvait être permis de partager l'opinion que votre présence, Sire, était nécessaire ici, je me persuade aujourd'hui, encore plus, que je ne l'ai déjà fait depuis quelque temps, que votre retour, quelque justement désiré qu'il soit en général, peut être retardé sans aucun inconvenient. La position de nos affaires ici a tout à fait changé, comme Votre Majesté l'a vue par mes derniers rapports, comparativement à ce qu'elle était, il y a trois ou quatre semaines. Les esprits se sont calmés, les agitations se sont usées, votre ordre du jour, Sire, à l'armée a produit un excellent effet: les chefs des régiments ont une assurance et une confiance dans la troupe, qu'ils étaient naguère bien loin d'avoir. Les chefs comme les officiers ont été effrayés par les conséquences: chacun paraît ne plus penser seulement au présent, mais se rappelle du passé et songe à l'avenir. Avec un tel changement d'éléments, je ne crois nullement compromettre ma responsabilité en assurant Votre Majesté qu'elle peut sans aucune inquiétude sur ce qui se passe ici, prolonger son séjour à l'etranger, tant qu'elle n'aura pas terminé les affaires majeures qui l'occupent. Je ne pense toutefois pas, qu'il faille mettre le public dans la confidence, que le retour de Votre Majesté pourrait être encore retardé assez longtemps. Comme l'impatience de vous voir revenir, Sire, est très grande et que l'on s'est souvent plaint de vos absences, je me propose d'établir successivement des époques probables de votre retour. Je parlerai d'abord des appa-

rences, que Votre Majesté ne reviendra pas avant le 15 Décembre, c. à d. après son jour de naissance; je descendrai ensuite à la Noël, au nouvel an etc. etc. Une faveur que j'oserai demander à Votre Majesté, c'est celle de me mettre quelque fois par l'entremise du comte Nesselrode ou du comte Capodistria sur la voie des évènements extérieurs, afin que je puisse d'autant mieux conformer ma conduite avec ses intentions.

Au reste, Sire, tout paraît de plus au plus rentrer en ordre ici. Il ne me revient que des notions satisfaisantes des régiments, dont l'esprit doit s'être décidement amélioré. La ville n'offre aussi que des apperçus satisfaisants. Il n'existe absolument aucune indication de sociétés illicites et de partis. Le comte Miloradovitsch a acquis la certitude, comme Votre Majesté le saura directement, que l'on a voulu très criminellement induire le gouvernement dans une erreur aussi grave. Votre Majesté ordonnera sans doute, que l'on fasse justice de Поповъ et autres.

Passant à un autre sujet, moins conséquent, je dois non moins informer Votre Majesté, que lundi dernier il s'est passé un grand scandale au conseil d'Etat, dont on parle beaucoup en ville. J'en ai été temoin. Voici le fait.

On lisait un rapport de la commission des lois, sur le besoin de modifier la loi, qui permet la vente individuelle des hommes. Le ministre de la justice pendant la lecture dit à son voisin assez haut: коммиссія лжетъ. Tourgueneff (Alexandre), un des membres de la commission, saute de sa place, court au président porter plaintes et dit des choses très fortes au prince Lobanoff. Tout cela était hors de toutes les règles et de la décence. J'en fais particulièrement mention ici, parce que par cette incartade ridicule l'on a donné plus d'importance à une affaire, assez simple à mon avis, qu'elle ne devrait en avoir, que l'on a mis le public dans la confidence et fourni matière à des discussions assez inutiles, mais qui ne manquent jamais de se reproduire, comme le sait Votre Majesté, toutes les fois, qu'il s'agit de paysans. Lorsque vous serez ici, Sire, vous vous ferez sans doute rendre compte et de cette affaire elle-même, qui en attendant restera sans suite, et de l'écart des convenances.

Il y a quelques semaines que l'on avait parlé d'une chanson de circonstance que l'on prétendait avoir été composée par des soldats. Personne ne l'avait ni vue, ni lue, cependant je n'en crus pas moins devoir aller aux informations. Elles m'ont mené à m'assurer qu'il n'a point existé de chanson de cette espèce et à découvrir qu'il y a eu une espèce d'insurrection d'écoliers à l'Académie des beaux arts et que c'est là, que doit avoir été composée la chanson, dont copie ci-jointe. D'après ce que j'ai su de cette petite histoire, il paraît que les élèves s'étaient plaints et mutinés pour avoir été mal nourris et peu soignés. On dit, que c'est le désir de faire des économies qui a produit ce mécontentement. Quelques élèves ont été chassés de l'Académie.

Daignez, Sire, excuser la longueur de cette lettre et ne voir dans ma prolixité que le désir bien sincère de vous servir du mieux de ma capacité et des sentiments qui m'attachent à votre personne.

C-te Kotschoubey.

P.S. Je reçois dans l'instant même (il est six heures du soir) l'avis que Karasine n'est plus dans la ville. L'officier qui l'a suivi jusqu'à la barrière est venu m'en rendre compte; l'on procède maintenant à la saisie de ses papiers.

X.

Письмо графа Кочубея къ генералъ-адъютанту барону Дибичу.

Царское Село, 16-го іюля 1826 года.

Милостивый государь мой, баронъ Иванъ Ивановичъ!

Исполняя высочайшую волю, объявленную мнѣ вашимъ превосходительствомъ, касательно статскаго совѣтника Каразина, я честь имѣю сообщить вамъ, милостивый государь мой, извѣстныя мнѣ о немъ обстоятельства.

Г. Каразинъ въ началѣ царствованія въ Бозѣ почивающаго государя императора взысканъ былъ особымъ монаршимъ благоволеніемъ. Въ продолженіе времени, обременяя его величество разными проектами и письмами, навлекъ онъ себѣ многія непріятности, но и тутъ, по сродному его величеству благосердію, оказываемы были ему высочайшія снисхожденія и милости.

Во время несчастнаго происшествія Семеновскаго полку подкинутъ былъ на дворѣ Преображенскихъ казармъ (что у Таврическаго сада) пасквиль, самый злостный, коимъ полкъ Преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ своихъ и проч. По сличенію поддѣльнаго пасквиля сего съ почеркомъ г. Каразина, по нѣкоторымъ выраженіямъ сего послѣдняго и по безпокойному нраву его, пало подозрѣніе, что пасквиль могъ написанъ быть г-мъ Каразинымъ, и государь императоръ, уже имъ недовольный, получивъ пасквиль, если не ошибаюсь, въ Лайбахѣ [1]), и сомнѣваясь по многимъ другимъ бумагамъ г. Каразина, что онъ дѣйствительно могъ имъ быть написанъ, повелѣть изволилъ мнѣ и графу Милорадовичу взять бумаги г. Каразина, а самого его отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость, что и было тогда же исполнено; освобожденіе же его изъ крѣпости и ссылка въ деревню послѣдовали, сколько вспомнить могу, по повелѣнію, объявленному графомъ Аракчеевымъ.

Сообщая вашему превосходительству свѣдѣнія сіи, я съ своей стороны присоединить себѣ позволяю, что не можетъ, кажется, быть препятствія удовлетворить просьбѣ госпожи Каразиной, при семъ мною возвращаемой. Заточеніе мужа ея въ деревнѣ можетъ быть дѣйствительно для семейства его разорительно, между тѣмъ какъ полагать можно, что собывшееся съ нимъ и лѣта успокоили пылкое его воображеніе.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ В. Кочубей [2]).

---

[1]) Въ Тропау.

[2]) 28-го октября, 1826 г. послѣдовала слѣдующая резолюція барона Дибича относительно дальнѣйшей судьбы Каразина:

«Высочайше позволяется ему пребывать и въ Москвѣ, буде желаетъ, но съ тѣмъ, чтобъ воздержался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго».

XI.

Письмо Меттерниха къ графу Несельроде изъ Вѣны отъ 12-го (24-го) іюня 1821 года[1]).

Confidentielle.

Vienne, 24 Juin 1821.

Mon cher comte,

Nous avons retardé le départ de Lebzeltern, dans le but de nous orienter un peu dans les positions relatives du moment. Les résultats de Laibach sont des faits; il a fallu leur laisser le temps de se développer, et ce n'est qu'après m'être convaincu, que je pourrais vous écrire, mon cher comte, un peu au delà de simples paroles, que je me suis mis à l'oeuvre.

L'effet de la marche que les monarques ont suivie est réel, positif et indubitable. Nous avons eu le bonheur d'attaquer une machine pour la construction de laquelle nos adversaires avaient fait de grands frais, sur l'effet immanquable de laquelle ils avaient compté; tout ce que ces adversaires ont voulu a manqué, et rien de ce qu'ils ont présumé n'est arrivé; il n'en faut pas davantage pour jeter la déroute dans un camp. Or cette deroute existe; elle est réelle et positive, et s'il en fallait une preuve, vous la trouveriez dans le renforcement des couleurs du radicalisme: les couleurs libérales ont pali à peu près partout; les rôles sont plus clairs et les volontés plus positives, et dès qu'elles la deviennent, le nombre des adversaires diminue.

Les gouvernements, sans aucune exception, rendent justice aux intentions et à la marche ferme, noble et généreuse des grands monarques. Je n'ai, depuis 1814, pas reçu l'impression d'une unanimité aussi prouvée.

Les bons dans la masse des peuples sont satisfaits et ils se permettent de le dire. Les idéalistes sont en partie honteux de ce qu'ils ont dit naguère, et ceux qui parmi eux doivent être comptes au nombre des âmes pures, sont contents: c'est dans leurs rangs que se trouve la plus grande somme d'irritation contre la lâcheté des réformateurs italiens. Les révolutionnaires conséquents, et je ne connais comme tels que les radicaux, s'avouent battus, car eux seuls osent avouer qu'une bataille perdue est souvent loin de décider du sort de la guerre. Ils ont raison et c'est aussi dans ce sentiment qu'ils trouvent la ressource d'aviser aux moyens d'effacer jusqu'au souvenir de leur défaite et de rétablir leurs pertes au moyen de nouvelles victoires.

Je crois ce tableau très véridique et je desirerais qu'il me fût prouvé d'un autre côté que la faiblesse des gouvernements serait moins effective qu'elle ne me paraît malheureusement l'être.

Vos rapports de Naples et de Piémont vous auront fourni beaucoup de données sur l'incapacité des deux cours. Nous suivons la ligne de laquelle nous sommes convenus au moment de notre séparation: nous n'apprenons pas une démarche fausse sans nous expliquer contre elle, et nous finirons, je l'espère, par enlever la barque toujours prête à s'embourber. Les représentants des cours marchent droit et ferme car

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ XV, № 289.

ils sont unis, bienfait immense et conséquence naturelle de l'entente entière entre les monarques.

Nous talonnons beaucoup la cour de Rome pour la faire sortir de sa torpeur: j'ai quelque espoir que nous réussirons. Ne vous inquiétez pas trop des lamentations qui pourront vous venir de cette ville.

Avec un peu de vigueur dans les gouvernements italiens et avec une dose de sens commun tout simple et tout droit dans leurs conseils, pareille à celle de petites vues et de grandes inquiétudes qui les oppriment, l'Italie sera placée hors de tout risque pour le moment.

Je n'entre dans un aucun détail sur la France. Vous avez là-bas un observateur qui voit trop bien pour que vous ne soyez au fait de la position véritable des choses. Le gouvernement y pourrait beaucoup s'il était aussi fort qu'il devrait l'être. Le grand foyer révolutionnaire y est toujours dans sa plus grande activité et les moyens de le réprimer sont extrêmement difficiles, vu que ses agents principaux sont eux-mêmes dans la police. J'ai fait sous ce rapport assez de découvertes pour établir ce fait en principe. Les derniers débats dans la chambre des députés sont d'une grande véhémence; je les aime assez tels, car plus ils sont violents plus il tombe de masques. Le côté gauche ressemble aujourd'hui si franchement à Spafields, que je l'aime mieux tel qu'il se prononce, que quand il enseignait les doctrines de la révolution enveloppées dans des phrases toutes mielleuses et philantropiques. Entre deux je préfère voir le côté gauche demander tout ouvertement au gouvernement de se mettre à la tête de la propagande révolutionnaire en Europe, que de le voir soutenir la marche de ce gouvernement, quand ce dernier fait la propagande. Je vous prie d'attacher quelque valeur à l'attaque que nous avons faite dans nos feuilles contre le général Lafayette. Je lui sais gré de nous avoir fourni l'occasion de l'attaquer ainsi que nous l'avons fait.

Le gouvernement anglais rend justice à la marche des monarques. Les combats livrés par lui contre Troppau ne lui semblent pas trouver un alimant nouveau dans les actes de Laibach. Les agents britanniques dans l'étranger sont déroutés, car ils n'avaient jamais bien saisi le fond de la question. Avec de la sagesse de la part de nos deux cours, nous risquerons aussi peu de voir ni la France ni l'Angleterre se placer contre les vues des deux monarques, qu'avec la meilleure volonté du monde nous parviendrons encore à placer ces puissances sur une ligne utile, mais active.

Le roi Charles Jean devient automate. Il paraît qu'il n'aime les radicaux que dans les autres péninsules.

L'Espagne, mon cher comte, ce gouffre d'iniquités, marche vers sa perte immanquable, car il n'est pas dans la nature que les principes que l'on y professe ne perdent pas un état. Ils n'en sortiront pas.

Le Portugal suit la même ligne et il aura le même sort. M-r de Lebzeltern vous demandera une entente sur l'attitude que voudront prendre les cours.

L'Orient est connu à St.-Pétersbourg comme à Vienne. Nous devons attendre vos premières expéditions pour connaître votre jugement. Les rapports du baron de Strogonoff et ceux que vous devez recevoir d'autre part, vous prouveront que le représentant de l'empereur se conduit sur la ligne de ses instructions et que celles-ci sont en tous points conformes au sentiment uniforme de nos deux monarques. Croyez que nous

sentons tout ce que cette déplorable affaire, ce coup fourré des libéraux d'hier et des radicaux d'aujourd'hui, dirigé directement contre l'union de ces mêmes monarques et contre l'attention salutaire que voue l'empereur, votre auguste maître, aux affaires de l'Europe, doit nécessairement offrir de difficultes à votre cour. L'epreuve est forte et difficile à soutenir, elle n'en sera que d'autant plus glorieuse.

Je viens de vous tracer ici, mon cher comte, un tableau très succint de mon jugement personnel. Il est même serré au point, que pour y attacher quelque valeur, il faut ne s'être quitte que depuis quatre semaines à la suite d'une réunion d'idées, de voeux et d'actions longue et suivie telle que l'histoire de la diplomatie n'en offre pas un autre exemple.

Recevez, mon cher comte, l'assurance de mon attachement le plus sincère.

Metternich.

XII.

Проектъ устройства военной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ 1821 года [1]).

I.

Начальство гвардейскаго корпуса необходимо должно имѣть самыя точныя и подробныя свѣдѣнія не только обо всѣхъ происшествіяхъ въ ввѣренныхъ войскахъ, но еще болѣе о расположеніи умовъ, о замыслахъ и намѣреніяхъ всѣхъ чиновъ. Корпусъ сей окружаетъ государя, находится почти весь въ столицѣ и разныя части онаго, не бывъ раздѣлены какъ въ арміи большимъ пространствомъ, тѣсно связаны и въ безпрерывномъ сношеніи между собою. Источники, посредствомъ которыхъ получаетъ начальство свѣдѣнія, весьма недостаточны и даже ненадежны. Обыкновенный путь есть чрезъ полковыхъ командировъ; но часто не знаютъ сами, часто по собственной выгодѣ или по ложному понятію могутъ скрывать разныя происшествія, и, къ несчастію, иногда за ними самими необходимо бываетъ наблюдать: ихъ поступки, обхожденіе, иногда злоупотребленія, бывъ неизвѣстны высшему начальству, могутъ довести подчиненныхъ до неудовольствія и произвести вредныя послѣдствія; о семъ узнаютъ слишкомъ поздно; вся удобность предупредить или отвратить зло можетъ быть упущена, и тогда необходимость можетъ заставить прибѣгнуть къ опаснымъ мѣрамъ.

Если даже полковые командиры будутъ все знать происходящее въ полкахъ и доводить до свѣдѣнія начальства, то сего еще недостаточно. Офицеры посѣщаютъ общества, имѣютъ связи; безпокойное броженіе умовъ во всей Европѣ, особенно со времени послѣднихъ происшествій, можетъ вкрасться и къ намъ; могутъ найтиться

[1]) Военно-ученый архивъ. Отд. 4, № 71. На подлинномъ рукою императора Александра написано: «Быть по сему. Александръ. Лайбахъ, генваря 4-го 1821 года».

и злонамѣренные люди, кои, будучи всегда недовольны самымъ лучшимъ правленіемъ, въ надеждѣ собственныхъ выгодъ, станутъ замышлять пагубныя затѣи; можетъ даже встрѣтиться, что чужеземцы, завидуя величію Россіи, подошлютъ тайныхъ искусныхъ агентовъ, кои легко успѣютъ вкрасться въ общество. Естественно, что все вниманіе такихъ людей обратится на гвардію. Полковые командиры, не имѣя никакихъ способовъ, никогда сего узнать не могутъ, и даже дать имъ къ тому средства не всегда можетъ быть полезно; отъ подчиненныхъ же нельзя ожидать свѣдѣній о семъ.

Словомъ, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, совершенно необходимо имѣть военную полицію при гвардейскомъ корпусѣ, для наблюденія войскъ, расположенныхъ въ столицѣ и окрестностяхъ; прочія по отдаленности не могутъ быть удобно наблюдаемы и въ семъ отношеніи не такъ важны.

Полиція сія должна быть такъ учреждена, чтобъ и самое существованіе ея покрыто было непроницаемою тайною. Не вѣдая о ней, менѣе будутъ недовѣрчивы, и она принесетъ болѣе пользы; но когда извѣстно будетъ даже другому какому-нибудь начальству, то вѣроятно, что по соревнованію скоро перестанетъ быть тайною.

Тотъ, кому поручено будетъ управленіе сею частію, долженъ состоять въ непосредственномъ завѣдываніи командующаго корпусомъ и отъ него прямо получать приказанія и наставленія. Всѣ же употребляемыя для собранія свѣдѣнія зависятъ уже непосредственно отъ управляющаго, также дѣла производятся въ квартирѣ его, дабы частое появленіе въ корпусномъ дежурствѣ новыхъ лицъ не произвело любопытства и не заставило разыскивать о цѣли или, по крайней мѣрѣ, догадываться объ оной.

Всѣ употребляемые по сей части, особенно управляющій, избираются съ особенною осмотрительностію. Послѣдствія донесеній гражданской полиціи не могутъ быть столь пагубны, какъ ложныя, необдуманныя или увеличенныя донесенія военной полиціи. Необходимо, чтобы на управляющаго можно было положиться, чтобы онъ всею душою привerженъ былъ пользѣ своего государя, былъ основателенъ, зналъ свое дѣло, всю важность занимаемаго мѣста и не страшился непріятностей отъ тѣхъ лицъ, коихъ злоупотребленія могутъ быть открыты. Управляющій сею частію назначается съ высочайшаго дозволенія командующимъ корпусомъ, всѣ прочіе уже имъ избираются съ разрѣшенія командующаго корпусомъ. Онъ одинъ по другому какому-либо мѣсту можетъ состоять при штабѣ, служба же прочихъ не числится, но въ случаѣ особеннаго отличія могутъ быть удостоиваемы къ наградамъ подъ другими видами.

Управляющій еженедѣльно представляетъ вѣдомости и, въ случаѣ нужды, особенныя записки. Всѣ свѣдѣнія безъ изъятія должны относиться къ военной части, изъ гражданскихъ единственно тѣ, кои, по свойству своему, могутъ имѣть вліяніе на войска, какъ-то распускаемые насчетъ войскъ слухи, толки о распоряженіяхъ начальства, о перемѣнахъ и проч. Наконецъ, сумма, необходимая на издержки, должна быть отпускаема на имя корпуснаго командира и выдаваема управляющему безъ росписки въ книгахъ дежурства, всегда впередъ, дабы онъ имѣлъ средства дѣйствовать во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ не затрудняясь.

II.

Примѣрное исчисленіе издержекъ, потребныхъ для военной полиціи гвардейскаго корпуса.

	Число людей.	Сумма въ годъ. Одному.	Всѣмъ.
Смотрителей для наблюденія всего происходящаго въ полкахъ и за нижними чинами, гдѣ они только бываютъ, на работахъ, въ баняхъ и проч.	9	600	5,400
На расходы ихъ для свѣдѣнія, связей, для переѣздовъ находящихся въ окрестностяхъ при доставленіи свѣдѣній и проч.	—	—	5,000
Одинъ, который бы могъ быть употребляемъ для повѣрки, не будучи ни имъ извѣстенъ, ни самъ не зная	1	—	1,400
Смотрителей для наблюденія за офицерами, которые должны имѣть всѣ способы, чтобы свести связи и посѣщать публичныя мѣста и частныя общества, гдѣ бываютъ офицеры	3	3,000	9,000
Письмоводитель для переписки и веденія въ исправности журналовъ и проч.	1	—	1,200
Управляющему жалованья не полагается, такъ какъ долженъ получать оное по другому мѣсту, но на удобную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, экипажъ для разъѣздовъ по городу и въ окрестности	1	—	6,000
На канцелярскіе расходы	—	—	2,000
На экстраординарныя издержки, какъ-то: угощенія при развѣдываніяхъ, посылки, награжденія за отличія и проч.	—	—	10,000
Итого	15	—	40,000

Остающаяся въ концѣ года за издержками сумма причисляется къ слѣдующему.

Сверхъ сего потребно единовременно на первое обзаведеніе	—	—	5,000

XIII.

Письмо императора Александра къ князю Меттерниху изъ Пильзена отъ 23-го декабря 1822 года (4-го января 1823 года) [1].

J'ai exactement reçu, mon prince, votre courier du 1-r Janvier et j'ai lu avec le plus vif intérêt votre lettre ainsi que les dépêches qui y étaient annexées.

Je regrette infiniment la retraite de M-r de Montmorency: C'est une espèce de triomphe du mauvais parti, un homme de bien écarté de la gestion des affaires.

Malheureusement mes appréhensions sur la marche de la France, énoncée plus d'une fois et à Vienne et à Vérone ne se réalisent que trop.

Le parti révolutionnaire exerce une influence décisive dans ce pays. Est-ce par les sous-ordres dans les bureaux: ou bien M-r de Villèle, sous une couleur royliste, appartient-il lui même à cet autre parti, et de semblables exemples se sont déjà offerts plus d'une fois à nos regards, peu importe. Le résultat est le même. Les bonnes déterminations sont paralysées et celles qu'on y substitue, sont destinées à prolonger l'existence de la question révolutionnaire.

Cette marche m'a été claire dès le moment de notre réunion à Vérone. Tous les efforts ont été combinés pour empêcher les trois puissances alliées de se mettre dans cette attitude imposante qui seule aurait pu maintenir les évènements et en commander les dénouements. Le parti révolutionnaire n'a que trop senti qu'aussitôt cette attitude prise par les trois puissances, leur force réunie devenait tellement gigantesque que rien ne pouvait plus lui résister. Qu'il ne dépendrait plus alors que de ces trois puissances, après avoir fait crouler l'oeuvre de la révolte en Espagne, à l'exemple de ce qui a été opéré à Naples et dans le Piémont, de dicter ensuite toutes les améliorations et les amendements pour le repos et le bien être général partout où dans leur sagesse elles le jugeraient nécessaire. Cette perspective si consolante pour les hommes de bien a effrayé les adhérents des révolutions. Dès lors tout a été mis en oeuvre pour en empêcher l'exécution, en paralysant les déterminations et en leur ôtant de cette énergie indispensable pour produire les grands résultats.

Plusieurs données m'ont prouvé qu'une grande joie a été ressentie dans le parti révolutionnaire quand on y a été assuré, que les résolutions vigoureuses ont été ajournées au congrès de Vérone. Je m'en refère sur ce que vous même aurez pu en apprendre à Munich. Le mauvais parti croit pouvoir respirer. Tout ce qui vient de se passer à Paris n'en est qu'une suite naturelle.

Mais ce triomphe apparant peut être de courte durée. L'alliance est dans toute sa force. L'union des trois monarques qui en fait la base, n'a jamais été plus intime. Elle s'est resserée encore dans cette dernière entrevue. Ainsi, les moyens dont l'alliance dispose sont immenses.—Il ne s'agit que de les tenir prêts et de les employer à temps et à propos... Aussi tout en déplorant la marche faible et incertaine de la France et celle si peu franche de l'Angleterre, vous me voyez plein d'espérances pour les résultats qu'il ne dépend que de nous avec le secours de la Providence Divine d'amener.

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ V, № 215.

Revenu chez moi je vais m'en occuper assidument pour être prêt au moment opportun de porter des secours à l'alliance.

Veuillez lire cette lettre à sa Majesté l'empereur votre maitre. Elle fait suite à nos dernières conversations avec lui à Insbruck.

Je ne puis la finir sans vous remercier, mon prince, pour les souhaits que vous vouliez bien m'adresser à l'occasion du renouvellement de l'année. Toute mon existence n'est vouée qu'à concourir, en ce qui dépend de moi, au bien-être réel de la chose publique européenne. Les voeux que je forme de mon côté pour la félicité des jours de l'empereur, mon intime ami et allié, sont aussi sincères qu'inaltérables. Recevez de même ceux que je vous adresse personnellement, mon prince, ainsi que l'assurance invariable que je mets en vous et en vos talents distingués.

XIV.

Изъ переписки Паррота съ императоромъ Александромъ 1814—1825 гг.

1.

Dorpat, 25 Juin 1814.

J'anticipe de quelques semaines le moment de votre retour dans la patrie, pour vous revoir au moins en idée. Ce premier moment ne peut pas être à moi. Vous le devez à votre recueillement, à l'amour de votre famille, aux transports de votre peuple. Ces lignes ne vous seront transmises que trois jours après votre arrivée.

J'ai donc eu raison de vous aimer comme je vous aime, avec cette force de sentiment qui quelquefois vous paraissait incompréhensible. J'ai eu raison de vous appeler mon héros. L'Europe me justifie. Sentez mon bonheur. Partagez-le, et puisse cette idée ajouter quelque chose à la masse de félicité dont vous jouissez! J'ose l'espérer parce que je suis incorruptible même à votre égard.

Jettez un coup d'oeil sur nos relations depuis leur commencement jusqu'à présent. Vous trouverez que j'ai toujours été invariable. Vous l'avez été de même, quoique vous ayez cru quelquefois ne pas l'être, et voilà ce qui m'encourage à vous retracer le tableau de mon sentiment. La prospérité ne peut pas vous avoir changé; elle n'a d'accès à votre âme que pour l'élever. Oui, je retrouverai mon Alexandre tel qu'il était, lorsque je le vis la dernière fois, lorsqu'il se préparait à cette guerre terrible qui devait décider de son existence et de celle de son peuple.

Vos succès m'ont déchargé du soin que vous m'aviez confié de vous faire connaître à la postérité, de dévoiler à ses yeux un caractère unique dans l'histoire. Mais mon coeur ne m'en a pas déchargé et le tableau que je lui présenterai se fera jour à travers ceux des historiens qui ne connaissent en vous que l'homme de l'Europe. Ceux-là vous feront admirer: le mien vous soumettra toutes les âmes sensibles.

Vous n'avez pas voulu que je combatte à vos côtes. Je rougis, je l'avoue, du motif de cette injustice, vous vouliez me conserver vivant, comme si la vie etait quelque chose sans activité. J'ai beaucoup souffert pendant ces deux années, parce que ce sentiment me rabaissait à mes propres yeux. Je vous envoie quelques mots que j'ai prononcés publiquement et fait imprimer; je vous les envoie pour vous prouver qu'une injustice de votre part ne diminuera pas mon sentiment. Je n'ai pu, il est vrai, l'exprimer comme il est, ce sentiment; la posterité seule le connaîtra; et voilà pourquoi mon style est si au-dessous de ce qu'il pourrait être. Je suis gêné quand je parle de vous, parce que je dois me contraindre. J'éprouve cette contrainte même dans ce moment où je ne parle qu'à vous. Je viendrai à Pétersbourg lorsque je croirai que vous pouvez me voir. Alors mon coeur se réglera sur le vôtre comme il a toujours fait. Votre expression fixera la mienne. Vous ne verrez de mon âme que ce que vous voudrez en voir.

Quand je serai à Petersbourg, je serai forcé de vous parler d'affaires. Il s'est passé bien des choses en votre absence. En attendant je vous supplie de ne rien décider dans le département de l'instruction publique avant que j'aie pu vous informer de ce que j'ai vu.

Vous êtes le plus fortune des souverins. Vous en êtes vis-à-vis de votre nation et de l'Europe au point où se trouvait Bonaparte lorsqu'il devint empereur, maître de l'opinion publique et des plus grands moyens. Vous les emploierez tous au bonheur de l'humanité. Je n'ai plus de voeux à adresser à la Providence; je n'ai que des actions de grâce à lui rendre. Elle a réalisé toutes mes espérances. O, mon Alexandre!

Votre Parrot.

2.

St.-Pétersbourg, 16 Août 1814.

Me voici à Pétersbourg. Quelques rues seules me séparent encore de mon empereur chéri. Quelques rues seulement? Cette idée fait mon bonheur; elle remplit mon âme et l'élève. Accordez-moi bientôt quelques instants et que je lise dans vos yeux ce que mon coeur me répète sans cesse: il l'aime toujours.

Votre Parrot.

3.

St.-Pétersbourg, 4 Janvier 1816.

Sire!

Depuis trois semaines je me consume en attente. De grâce daignez me dire le plus brièvement que vous voudrez si c'est avec quelque espérance de succès que je sacrifie ici mon temps et la modicité de mes moyens. Trouvez-vous injuste cette modeste prière de

Votre Parrot.

4.

17 Janvier 1816.

Sire!

Les moyens pécuniaires que j'ai pu vouer à l'espérance de satisfaire à un devoir cher à mon coeur, touchent à leur fin sans que j'aie pu apprendre, si j'ai lieu de me

flatter encore de cette espérance. Croyez, Sire, qu'il m'en coute de vous parler de moyens pecuniaires. Mais une nécessité impérieuse m'y force. Daignez m'écrire deux mots qui m'instruisent de votre volonté, afin que, si elle est contraire à mes voeux, je cesse de faire inutilement tort à ma famille en prolongeant sans but mon séjour ici.

Votre Parrot.

La necessité absolue où je me trouve de vous prier de ne plus différer le moment de me recevoir (ce qui jusqu'ici n'avait pas eu lieu) ne serait-elle pas, Sire, un indice de la Providence que ce moment est précisément celui où je pourrais vous être le plus utile.

5.

St.-Pétersbourg, 24 Janvier 1816.

Sire!

Vous n'avez jamais été cruel, mais malheureusement je suis destiné à fournir le premier exemple. J'ai quitté Dorpat le 12 Décembre, jour si mémorable pour moi et je suis depuis à Petersbourg à attendre votre simple décision, si vous voulez encore me voir ou non, sans pouvoir l'obtenir.

Tout ce que j'ai pu vouer de moyens à cette expérience est entièrement épuisé et les devoirs de ma place m'appellent à Dorpat.

Si je dois, Sire, regarder votre constance à ne pas m'honorer d'une réponse, comme une réponse négative, daignez lire la copie suivante de votre dernier billet écrit en mars 1812:

.... J'avais parlé au ministre de la guerre sur un temoignage à vous donner pour les télégraphes et je l'avais chargé de sonder ce qui pourrait vous être le plus agréable. J'aime tout autant le faire directement par ces lignes et je vous prie de me le dire franchement».

Je vous répondis, Sire, que le commencement d'une guerre qui devrait décider de votre couronne et de votre existence n'était pas le moment de vous demander pour moi-même, mais que lorsque vous aurez terminé glorieusement la campagne, si vous voulez vous souvenir de moi, alors je vous prierais de me donner les moyens de faire un voyage de 18 mois à l'étranger. Le désir que j'avais alors était la débilité de ma santé, qui dans ces dernières six semaines a fait des progrès funestes, le désir si naturel de revoir mon pays natal et sa belle nature, le besoin de revoir après 19 ans d'absence l'Europe savante et de renouer par là mes relations littéraires interrompues par les troubles politiques.

Aujourd'hui je dois ajouter à ces motifs celui de me soustraire pour quelque temps à l'attention des grands et diminuer par là l'envie qu'ils ont de m'opprimer et qui ne s'est que trop manifestée pendant votre absence. Vous doutez peut-être, Sire, de cette persecution qui va s'établir contre moi, à raison de ce que votre disgrâce peut rester inconnue. Mais quand elle le pourrait, Sire, je ne le voudrais pas. Vous avez été le premier à manifester nos relations et je n'en ai avoué que ce que vous même en aviez fait paraître. A présent c'est à moi à dire ouvertement que nos relations n'existent plus, car je crois au dessous de moi de jouir de la fausse réputation de votre confiance. Vous voyez, Sire, que précisement à raison de ce dernier point je ne puis me passer

d'une réponse. Daignez me l'accorder à cette sixième lettre: je l'attends chez Gessler ou même dans votre antichambre, si tant est que votre valet de chambre m'en permette l'accès. Tel est la situation ou je me trouve aujourd'hui d'attendre de la complaisance d'un valet la possibilité de passer jusqu'à vous. Sire! suis-je donc si différent de l'homme à qui il y a 13 ans vous accordiez votre estime, votre confiance, votre amitié? Il y a 4 ans que je possédais encore tous ces trésors. Qui m'en a frustré?

Vous voyez il est vrai que mon coeur souffre: mais néanmoins il n'a pas cessé un instant de vous appartenir comme tout

Votre Parrot.

6.

31 Janvier 1816.

Sire!

Vous avez terminé la série des fêtes qui font la satisfaction de votre auguste famille. Daignez à présent m'accorder une fête, car mon sentiment me dit que si vous m'avez laissé attendre si longtemps, ce n'était pas pour m'eloigner de vous.

Vous connaissez par ma dernière lettre le double embarras où je me trouve. Le 4 de Février je dois être à Dorpat où mon devoir m'appelle. Un ordre de votre part peut m'en dispenser. Mon coeur se resserre à la seule idee de la possibilité que je partisse sans avoir eu le bonheur de vous voir ou même sans réponse.

Votre Parrot.

7.

St.-Pétersbourg, 5 Fevrier 1816.

Sire!

Lorsque Votre Majesté Impériale recevra ces lignes, je serai déjà en route pour Dorpat. Permettez moi d'employer les dernières heures de mon malheureux séjour à Pétersbourg à présenter à Votre Majesté le tableau vrai de ma situation pendant ce séjour, afin qu'elle juge si je pouvais agir autrement que je n'ai fait.

La manière dont Votre Majesté m'avait fait savoir en Août 1814 qu'elle ne pouvait me recevoir, m'avait fait pressentir que son opinion de moi etait changée et que je hazardais tout en comptant encore sur ses anciens sentiments. Pénétré de ce pressentiment douloureux j'écrivis à Votre Majesté quelque temps après son retour de l'étranger pour lui demander avec loyauté si elle jugeait à propos de se détacher de moi ou si je pouvais encore compter sur la confiance dont elle m'avait honoré pendant onze ans. Je voulais dans la supposition du premier cas lui épargner le regret de me savoir à Pétersbourg inutilement et à moi les désagrements de ce voyage.

Le silence de Votre Majesté me laissa dans l'incertitude et j'obéis à la voix de mon coeur qui me prescrivait de faire les dernières tentatives pour m'assurer des intentions de Votre Majesté. Je partis le 12 Décembre et je lui annonçai d'abord mon arrivée. Depuis six lettres m'ont rappelés au souvenir de Votre Majesté, les dernières lui disant positivement que mon devoir et l'épuisement de mes moyens me forçaient à retourner. Tout ce que j'ai pu apprendre pendant ces 8 semaines, c'est que Votre Majesté m'a fait

dire par ses valets de chambre qu'elle me répondrait. Une maladie grave, accompagnée de crachements de sang est survenue et a retardée mon départ déjà fixe en me faisant sentir dans un autre sens, combien funeste m'était mon séjour ici.

Sire! Je ne fatiguerai pas Votre Majesté par le récit inutile des frais et autres dommages considérables que ce voyage m'a causés; mais j'ose appuyer ouvertement sur le sentiment qui me les a fait supporter avec satisfaction tant que j'avais de l'espérance. Ce sentiment était desintéressé, pur, comme celui qui m'a animé dans toutes mes relations vis-à-vis de Votre Majesté et qui ne me quittera dans aucune situation de la vie. Si dans ma lettre du 24 Janvier, n'espérant plus rien après cinq tentatives infructueuses, j'ai osé rappeler à Votre Majeste l'offre qu'elle me fit en 1812 de me donner un témoignage de son contentement relativement aux télégraphes et lui demander à cet egard les moyens de faire un voyage à l'étranger, ce n'était sûrement pas l'appas de l'argent qui m'y portait, mais le désir de rétablir ma santé ruinée, souffrante de plus en plus par chaque jour que je séjournais ici, et pour étendre la sphère de mon activité littéraire, par conséquent pour être à la suite plus utile et plus longtemps utile. Je suis forcé de quitter la plume pour prendre de la médecine qui me donne les forces pour continuer. Je n'omets pas cette remarque, parce qu'il est utile que le vainqueur de Napoléon sache, combien son silence seul peut faire de mal à un honnète homme. Sire! ne jettez pas un oeil de dédain sur un homme qui avoue souffrir de vous perdre, sur un père de famille qui enlève aux siens leur subsistence pour savoir seulement, si vous voulez qu'il vous soit encore attaché comme autrefois.

Le sort est jetté. Votre Majesté veut que je ne vois plus en elle que le souverain de la Russie. Elle en a sûrement ses raisons qui lui paraîteront justes. Je n'en appelle point à l'avenir qui me justifiera: je n'en appelle point à l'avenir qui me justifie déjà. Mais j'en appelle au noble sentiment de Votre Majesté pour la manière dont il lui a plu d'opérer la séparation qu'elle juge nécessaire. Je l'avais priée de la faire dans le caractère de loyauté qui nous avait réunis. Elle me l'a refusé et m'en déclare par là indigne. Voilà ce qui double ma peine, et si un sujet osait dire à un souverain qu'il a tort, je dirais à Votre Majesté qu'elle a tort en ce point. Quel crime ai-je commis? Depuis 13 ans, Sire, je n'ai vécu que pour vous; mes fonctions, mes devoirs, mes travaux littéraires même, je rapportais tout à vous. Je voulais être et paraître digne de la confiance, que Votre Majesté m'accordait contre l'ordre ordinaire des choses. Je vous ai aimé, vous le savez, avec une énergie qui quelquefois vous a étonné. Je n'ai jamais pratiqué la maxime si usitée qu'il vaut mieux plaire au ministre qu'au souverain. Que dis-je? Je n'ai jamais voulu vous plaire; je n'ai voulu que vous aimer et vous servir. Bien plus, Sire, vous n'etiez pas ingrat du sentiment à mon égard, et si le mien a surpassé de beaucoup peut-être le vôtre, je savais que ce surplus dont votre âme est si riche, était voué aux millions de vos sujets dont vous vouliez être le père, —et je m'en applaudissais. Mais c'est précisément ce sentiment de Votre Majesté qui contraste avec la manière dont il lui a plu de se séparer de moi.

Je l'ai déja dit à Votre Majesté, je ne ferai point de secret de ce que les sots appellent une chute (on ne tombe pas, quand on n'est pas monté dans leur sens). Je me dévouerai à leurs insultes, à leurs persécutions qu'ils me doivent amplement dans leurs principes (Votre Majesté sait pourquoi) et qui ont déjà commencé. Je m'y dévouerai, persuadé que Votre Majesté même ne peut pas m'y soustraire, en eût-elle l'envie, et je

trouverai le dédommagement que je chercherai dans le témoignage de ma conscience et dans l'amitié tendre d'hommes respectables qui me resteront.

Sire! si jamais le hasard offrait à Votre Majesté une seconde fois un être sensible, qui attiré par la noblesse de votre âme, voulut se donner entièrement à vous, au nom de la Divinité que vous reverez comme moi, repoussez-le dès les premiers abords. Qu'une victime du sentiment vous suffise!

Tels sont les derniers accords d'une voix qui pendant onze ans a rétenti dans l'âme de Votre Majeste. J'aurais dû peut-être leur donner un autre ton et cacher mon chagrin. Mais je veux rester fidèle à moi-même: je n'apprendrai jamais à feindre.

J'ai l'honneur d'être avec la plus profonde soumission de Votre Majesté Impériale le très humble, très obéissant et très soumis serviteur.

Parrot.

8.

22 Février 1825.

Sire!

Le sort est donc jete. Je ne vous verrai plus de ma vie. Je pars aujourd'hui. Je ne vous importunerai pas de mes regrets. Je dois croire que la Providence l'a voulu ainsi et me soumettre à ses décrets. Soyez donc heureux, plus heureux s'il est possible, que si vous m'aviez vu encore!

Mais en recevant ces adieux d'un homme qui vous fut si fidèle, permettez lui de vous offrir encore un tribut de son attachement, que je désirais vous offrir de vive voix, pour vous parler plus clairement que les caractères morts ne le peuvent. Le memoire ci-joint a été écrit il y a plus de deux ans. Daignez le lire avant de continuer cette lettre. Il contient des faits incroyables.

Vous avez dans ce mémoire lu les noms du prince Golitzin et de M-r Magnitzky. Depuis j'ai eu occasion de me persuader que le plus grand tort du premier a ete de prêter trop l'oreille aux insinuations du second, qui à présent est devenu la terreur de l'instruction publique.

Je me suis demandé cent fois depuis, quel levier cet homme féroce fait agir pour obtenir une influence si pernicieuse afin de devenir ministre d'un departement qu'il écrase, et j'ai dû me dire, fondé sur les faits, que c'est en entourant l'âme noble et chevaleresque de Votre Majeste, cette âme sans peur et sans reproche, d'un nuage de craintes et de soupcons, à travers lequel on la voit toujours luire, tantôt plus, tantôt moins obscurcie, et souvent déchirant ce nuage perfide pour briller dans toute sa clarté.

Vous sentez-vous, Sire, heureux dans ce brouillard de défiance qui gêne à tout moment vos mouvements naturels, qui vous force de marcher à tatons pour sonder à chaque pas le terrain, qui arme contre vos sujets les plus fidèles cette main qui voudrait ne répandre que des bienfaits, qui vous peint la jeunesse sous les traits les plus noirs, cette jeunesse que vous aimez pourtant malgré l'aversion et la crainte qu'on veut vous inspirer pour elle. La crainte! Quoi? Alexandre I-er a pu donner des ukazes qui disent à la jeunesse des universités et des écoles qu'il la craint! Sire! au nom de Dieu qui voit ce que je vous écris, ne vous offensez pas de ces expressions. Oui, le dernier ukaze qui dit qu'à l'occasion des excès politiques commis en Pologne, il est dé-

fendu à cette jeunesse de sortir de la ville sans avoir un à un la permission du recteur et cent d'autres entraves à ses mouvements les plus naturels, cet ukaze dit hautement que le gouvernement craint la jeunesse. Et vous êtes à la veille de signer un nouvel ustaf pour toute l'instruction publique qui le dira encore plus fortement. Avez-vous calculé, Sire, les effets de cette déclaration? Songez, je vous supplie, que c'est provoquer les excès politiques, les machinations, les petites révoltes. Mais c'est ce que l'on veut pour se rendre nécessaire. Il faut des épines toujours nouvelles à enfoncer dans votre nom.

Mais l'étranger, dites-vous, fourmille d'exemples de pareils excès. Soit, quoi qu'il y ait tout à retrancher de ce que les feuilles publiques, dirigées par les fauteurs du système nous transmettent. Mais c'est le gouvernement prussien qui lui-même les a excités, en faisant retentir ses gazettes d'un excès d'écoliers et de la terrible peine qui l'a suivi, au lieu de se contenter de donner la verge à ces petits polissons et de se taire. Dès ce moment les écoliers de toute l'Allemagne se sont crus des personnages importants et ont voulu le faire voir.

Jetez, Sire, un coup d'oeil sur votre Russie. On se plaint, il est vrai, à quelques égards; mais vous êtes aimé, adoré. Endormez-vous sur quelque route, dans quelque rue que vous vouillez, les passants s'arrêteront et feront sentinelle auprès de vous jusqu'à votre reveil, non pour vous couvrir contre une attaque, mais pour vous préserver d'un accident. Il n'est qu'un moyen de vous priver de cet amour universel—c'est de flétrir la jeunesse. Un homme pardonne une injustice, même une cruauté commise contre lui-même: mais un père ne pardonne jamais le mal fait à son fils. Croyez en là-dessus à un vieux maître d'école qui observe la jeunesse et toutes ses relations depuis 40 ans.

Mais le vertige des constitutions, la haine contre la légitimité? Je vous nommerai encore les principes du protestantisme que l'on a accusés d'être contraires à la royauté. Veuillez, Sire, traiter brièvement ces trois points avec moi.

Ce vertige des constitutions existe-t-il? L'insouciant napolitain n'a ni su, ni voulu se battre lorsqu'il s'agissait de sa constitution. Il n'est pas plus poltron qu'un autre, si la chose lui eût été chère, et à présent il en a assez de cette première expérience. Le français laisse détruire petit à petit la charte que vous lui avez donnée, sans dire mot. On discute dans les chambres et tout va, et l'ancien style des académies est de nouveau à l'ordre du jour. Le français est fatigué de révolution. L'Espagne — ce serait vous effrayer que d'en parler. Vous sentez sûrement comme moi qu'elle serait pacifiée, comme le Portugal, si le roi avait de l'âme ou seulement de la prudence. L'Allemagne est tranquille et l'a été pendant les 30 années révolutionnaires. Les états constitutionnels vivent dans la plus profonde paix avec leurs souverains, et dans les autres on a déjà presque oublié qu'on leur avait promis une constitution. L'allemand ne s'est jamais révolté, dans aucun siècle. La guerre de 30 ans ne fut pas une révolte, quoiqu'elle n'ait pas été uniquement guerre de religion. Les princes marchaient avec leurs peuples contre l'ambition de l'Autriche.

La haine contre la légitimité ne s'est manifestée nulle part. Bonaparte n'a pas osé tenter de donner de nouvelles dynasties à la Prusse et à l'Autriche, et s'il l'a fait en Westphalie, à Naples et en Espagne, il en a été puni partout, par la nation, et les espagnols dans leur dernière guerre n'ont pas eu l'idée de détroner leur roi. Enfin ce

qui a été fait en Suède s'est fait du consentement unanime, et ce qui va se faire se fera de votre consentement ou ne se fera pas.

Enfin l'esprit du protestantisme est-il contraire à la royauté? Je ne veux pas, Sire, vous ennuyer d'un examen théorique de cette question qui exigerait une douzaine de pages, auquel au reste je m'offre volontiers, si vous en avez le moindre désir. A présent c'est à l'histoire de parler. Que les faits decident. Lors de l'etablissement du protestantisme aucune maison d'Allemagne n'a perdu sa souverainete: on n'a pas même fait des constitutions politiques. Celles qui existent encore de nos jours, celles des villes libres qui ne sont plus, toutes dàtent des siècles catholiques. Les états généraux de la France, les cortez de l'Espagne ne sont pas nés de nos jours. Nous les devons à l'antiquite la plus reculée du moyen âge ou l'on était sûrement bien catholique. Et si dans ces temps de superstition et de chevalerie il y a eu quelques révolutions, c'est aux papes à qui on les a dû. De nos temps quels sont les pays où l'esprit de révolution s'est manifesté? En France, en Espagne, en Portugal, à Naples, tous pays bons catholiques: tandis que l'Allemagne protestante, qui s'est vue inondee d'armées révolutionnaires, est restee tranquille. La France elle-même a soutenu l'etendard du républicanisme des États-Unis d'Amerique, et si l'Angleterre reconnaît aujourd'hui l'indépendance des nouveaux etats de cette jeune partie du monde, ce n'est sûrement pas pour y introduire les dogmes de Luther, mais ses marchandises.

Veuillez, Sire, vous rendre à vos propres idées claires et lumineuses qui vous avaient conduit si sûrement jusqu'à l'epoque des congrès. Eloignez, déchirez ces brouillards dont on cherche à vous effrayer.

Les etrangers les ont tissus pour faire de vous l'épouventail de l'Europe, et quelques uns de vos alentours, M-r de Magnitzky le plus ardent, le plus effréné de tous, les augmentent et les consolident pour se rendre nécessaires, pour se vanter d'être vos appuis.

Les rois perdent-ils donc à ne pas froisser l'humanité et fletrir la jeunesse? Non sûrement, mais les ambitieux et les intrigants qui veulent régner sous leur nom qu'ils blasphèment. Soyez, o mon héros bien-aimé, égal à vous même. Jetez loin de vous ces soupçons, cette defiance qui font l'amertume de votre vie. Ne croyez plus à cette perfide astuce qui noircit à vos yeux l'humanité, la jeunesse même. Fiez-vous à l'oeil de votre Parrot qui ne voit sans cesse que pour vous qui a plus vu et plus observé les hommes que l'être vil qui a osé vous approcher pour empoisonner votre coeur. Rendez-vous à l'humanité prosternée à vos pieds pour obtenir cette grâce.

Votre Parrot,

toujours votre Parrot.

Au mois de Mai la Grèce sera déclarée libre et la Grande Bretagne sa protectrice. Le dernier discours de Canning au parlement le prouve. Si vous voulez empêcher ce protectorat, il vous en coutera une guerre dix fois plus sanglante que le plan que je vous avais proposé. Daignez vous souvenir de ma lettre sur les Grecs. Je sentais qu'il n'y avait pas de temps à perdre.

Quant aux travaux hydrauliques, veuillez-vous en tenir aux idées fondamentales que je vous ai présentees, surtout à celles concernant la salubrité inviolable de l'eau, des ensablements et des glaces.

Le duc de Wurtemberg m'a dit que vous vouliez voir mon plan en original. Croyez que je sens le prix de cette faveur. Le mémoire a deux supplements, le premier, je l'ai fourni de moi-même, et c'est par lui que je vous prie de commencer la lecture, l'autre m'a ete demandé pour le duc.

XV.

Изъ переписки графини Маріи Дмитріевны Нессельроде съ братомъ графомъ Николаемъ Дмитріевичемъ Гурьевымъ[1].

1.

15-го февраля 1824 года.

Après le rescrit que l'on a joint au cordon bleu et donné à Wolkonski, vous-vous imaginez peut être qu'il est réinstallé dans toutes ses fonctions—pas du tout: dès qu'il est arrivé il s'est présenté et a éte accueilli à merveille; il a voulu débuter par une espèce d'explication, que l'on n'a pas voulu comprendre tout de suite, on l'a remise à un autre jour et l'on a continué à questionner sur les pays où l'on avait séjourné. Quelques jours après l'on a repris cette conversation, l'on a proposé toute sorte d'emplois,—même l'armée de Wittgenstein à commander. Wolkonski ce jour-là a eu par hasard du caractère, a tout refusé et lui repondait à toute chose qu'il lui proposait, qu'il voulait tout ou rien, d'autant plus que tout ce qu'on pouvait lui offrir dans l'empire de Russie etait au dessous de ce qu'il avait été avant son départ. Le maitre rougit d'impatience de le voir tenace: il lui dit entre autres choses qu'il s'était habitué au travail de Diebitsch. Wolkonski lui dit: je resterai votre aide de camp, ce qui est toujours un titre honorable. Les choses en restèrent là quelques jours, mais quel fut notre étonnement d'apprendre qu'un beau matin l'arrivant avait faibli et avait accepté... quoi? Le portefeuille de la cour, par conséquent la cuisine, les écuries, la valetaille de la cour. L'empereur qui le connait, l'a cajolé, l'a pris par les sentiments pour le faire consentir à une chose honteuse: lui-même est confus et dit qu'il est devenu si despote, qu'il l'aurait enfermé à la forteresse. Cela n'est pas: ce sont des individus de ce genre qui ont gâté le maître et l'ont habitué à traiter son monde sous jambe.

En attendant l'oukase pour installer Diebitsch n'a pas paru encore, parce qu'il est embarassé de l'écrire; il ne peut pas dire que c'est à la demande de Wolkonski, il ne veut pas dire non plus qu'il l'exclut de ce poste: en attendant il travaille régulièrement avec Diebitsch. On prétend que tout ce arrangement est de la composition d'Araktchéew, qui déteste Wolkonski.

Les procédés de l'empereur envers Menchikow l'ont décidé à demander un congé illimité: il est parti avant'hier dans la nuit. Voilà un homme propre à tout éloigner sans raison. Après l'on cherche des hommes, on dit qu'il n'y en a pas. On les disperse sans raison et principalement ceux qui ont des moyens.

[1] Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

2.

14-го марта 1824 года.

Diebitsch remplit les fonctions de Wolkonski, sans que l'oukase l'ait confirmé à ce poste, mais on est persuadé qu'il le gardera et même dernièrement Sa Majesté en a fait un éloge pompeux à Kisselew, losqu'il s'est présenté à lui. Il a argumenté Wolkonski à son arrivée par les propres paroles qu'il lui avait dites en partant. C'est à dire qu'il était malade, qu'il avait trop à faire etc. Il a voulu lui démontrer que c'était pour l'obliger qu'il lui avait ôté toutes ses places: en attendant le titre lui reste toujours, il n'y a qu'un oukase qui peut le lui ôter. Il est honteux de le porter sans en remplir les fonctions: voilà pourquoi il lui faudra encore une explication à ce sujet. Peut-on se moquer de son monde comme il le fait, oublier ainsi les services de 27 ans et surtout ceux qui datant de dix à douze ans étaient réels. Maintenant cet homme qui a établi l'etat-major, qui gouvernait cette immense armée, s'occupe de casseroles et de bètises. On le dit très peine, fâché d'être revenu et il y a de quoi.

Araktcheew est absent; il est allé coloniser dans la Vieille Russie et jugez que ce sont des roskolniks qu'il martyrise. Vous savez comme ils tiennent à leurs barbes, habitudes. On les dit au désespoir, mais les mesures sont si bien prises qu'ils viennent à bout de les dompter. Il y a 4 ou 5 ans que l'on voulait les coloniser, mais on les a trouvés si rétifs et si opulents, qu'alors on n'a pas osé les toucher, mais depuis cette époque on les a préparés à cette exécution. On a mis des entraves à toutes les ressources qui les enrichissaient, on les a appauvris. Ce sont des détails qui font frémir et vraiment l'on s'étonne que cela soit dans ce siècle que des malversations de ce genre se fassent. C'est un si grand contraste, que chaque fois que l'on en parle l'étonnement succède au mal que ce récit produit. De plus dans l'avenir qu'est ce que cela sera, c'est encore une grande discussion.

XVI.

Собственноручный журналъ князя П. М. Волконскаго о болѣзни императора Александра съ 5-го по 19-е ноября 1825 года.

1.

Письмо князя Волконскаго къ Г. И. Вилламову.

Таганрогъ, 7-го декабря 1825 года.

Милостивый государь

Григорій Ивановичъ.

Получивъ отношеніе вашего превосходительства изъ С.-Петербурга отъ 27-го ноября и во исполненіе высочайшей воли государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, мнѣ объявляемой, спѣшу при семъ доставить собранный собственно для себя журналъ

больнии въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича, который полагалъ хранить драгоцѣннымъ памятникомъ нахожденія моего при послѣднемъ концѣ жизни обожаемаго мною монарха, при лицѣ коего имѣлъ счастіе быть ровно 29 лѣтъ.

Изъ сего журнала ея императорское величество изволитъ усмотрѣть, что до 14-го числа покойный государь императоръ, казалось, не полагалъ себя въ опасности и мало вообще изволилъ говорить, съ того же числа память его начала совершенно упадать, и съ трудомъ выговаривалъ слова, когда просилъ пить или чего другого.

Касательно печальной церемоніи, то я имѣлъ честь увѣдомить ваше превосходительство, что мною здѣсь исполнено по сіе время: а вчера свинцовый гробъ съ тѣломъ поставленъ въ деревянный, обитый золотымъ глазетомъ съ золотымъ гасомъ и усыпанный шитыми императорскими гербами, на томъ же катафалкѣ подъ трономъ въ траурномъ залѣ. Сегодня надѣта порфира и золотая императорская корона. Когда оконченъ будетъ катафалкъ въ церквѣ Греческаго монастыря, тогда тѣло перевезется туда, гдѣ и останется впредь до высочайшаго разрѣшенія, ожидаемаго изъ С.-Петербурга, на основаніи объявленнаго мнѣ о томъ изъ Варшавы отъ 27-го ноября повелѣнія отъ его императорскаго величества государя императора Константина Павловича.

Мнѣ необходимо нужно знать, совсѣмъ ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать бы здѣсь, ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сыраго воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гроба не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ здѣсь совсѣмъ отпѣть, о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго.

Здоровье ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны весьма посредственно. Вотъ уже нѣсколько ночей къ ряду изволитъ худо оныя проводить и чувствуетъ судороги въ груди, принимая однакожъ прописываемыя г-мъ Стофрегеномъ лѣкарства. Ежедневно два раза присутствовать изволитъ у панихидъ.

Фрейлинѣ Валуевой и г-ну Стофрегену объявлено, чтобы какъ можно подробнѣе доносили о здоровьѣ ея императорскаго величества.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, повергнуть меня къ стопамъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Феодоровны за всемилостивый отзывъ ея величества обо мнѣ, который остается единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ послѣ сдѣланной ужаснѣйшей потери. Да подкрѣпитъ Всевышній силы ея императорскаго величества въ столь чрезмѣрной ея печали и продлитъ дни ея, для всѣхъ насъ столь драгоцѣнные.

Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
К. Петръ Волконской.

2.

Собственный журналъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго во время болѣзни въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича.

5-го ноября.

Государь императоръ изволилъ возвратиться изъ Крыма въ 6 часовъ вечера. Вошедши въ свою уборную, на вопросъ мой о здоровьи его, изволилъ отвѣчать, по-французски: «Je sens un peu de fièvre, que j'ai gagné en Crimée, malgré le beau climat, que l'on nous a tant vanté. Je crois plus que jamais que nous avons parfaitement bien fait d'avoir choisi Taganrog pour le séjour de ma femme».

En demandant à Sa Majesté depuis quand éprouvait-il la fièvre, l'empereur me repondit que c'était depuis Bactschisarai, où, arrivé le soir, ayant eu soif, j'ai demandé à boire, mon valet de chambre Федоровъ m'offrit du syrop de l'épine vinette. Comme pendant le temps du voyage en Crimée le temps etait très chaud, j'ai pensé que le syrop pouvait se gater; mais mon valet de chambre me dit, que le syrop n'avait pas souffert. J'ai avale le verre entier et me suis couche. Dans le courant de la nuit, j'ai senti des transes terribles, et grâce à ma constitution et à mon excellent estomac j'ai été évacué copieusement et tout a passe ainsi. Arrivé à Perekop, j'ai visite l'hôpital, ou je sentis un petit redoublement de fièvre. J'ai pris la liberté d'observer là-dessus à Sa Majesté son imprudence d'être allé à l'hôpital, où il ne pouvait que faire augmenter sa fièvre par le nombre des individus attaqués de ce mal, et que l'empereur oubliait toujours, qu'en frisant la cinquantaine, on n'avait plus les mêmes forces, quand on n'avait que 20 ans. Il me repondit: ah! mon cher ami, je ne le sens que trop et vous assure que je m'en rappelle bien souvent, et j'espère que cela ne sera rien.

M'ayant ensuite demandé des nouvelles sur la santé de l'impératrice, il alla chez elle, où Leurs Majestés passèrent le reste de la soirée ensemble.

6-го ноября.

По утру въ 8 часовъ позванъ я былъ, какъ по обыкновенію, къ его императорскому величеству, во время умыванія; спросивъ его о здоровьи, его величество изволилъ отозваться, что ночь провелъ изрядно и лихорадки не чувствовалъ. Взглядъ у государя былъ слабый, и глаза мнѣ показались мутны. Сверхъ того глухота была примѣтнѣе, и до того, что, докладывая по нѣкоторымъ бумагамъ, его величество изволилъ сказать мнѣ, чтобъ остановился чтеніемъ до совершеннаго окончанія его туалета. Одѣвшись, его величество, вошедъ въ кабинетъ, сталъ у камина грѣться, приказавъ мнѣ продолжать докладъ, по окончаніи коего, отпустивъ меня, занялся чтеніемъ бумагъ. Изволилъ кушать съ императрицей.

Въ 3-мъ часу въ исходѣ, во время нашего обѣда, камердинеръ его величества Федоровъ прислалъ записку къ г. лейбъ-медику Виллie, въ которой пишетъ, что государь въ весьма большомъ необыкновенномъ поту. Г-нъ Виллie пошелъ тотчасъ къ его величеству, куда и я вслѣдъ за нимъ отправился; пришедши къ государю, нашли его величество въ кабинетѣ сидящаго на канапэ въ сюртукѣ и обернутымъ сверху байковымъ одѣяломъ, дабы поддерживать потъ. Г-нъ Виллie пощупалъ пульсъ и,

посмотрѣвъ языкъ, нашелъ лихорадку, предложилъ принять тотчасъ слабительныя пилюли, коихъ его величество изволилъ принять восемь. Послѣ того хотѣлъ было заниматься продолженіемъ чтенія бумагъ, полученныхъ изъ С.-Петербурга во время отсутствія его величества, но я и г-нъ Вилліе отъ сего отклонили, дабы не увеличить лихорадки занятіемъ бумагъ. Того же вечера въ семь часовъ лѣкарство произвело свое дѣйствіе, и государь почувствовалъ облегченіе, былъ весьма веселъ, доволенъ лѣкарствомъ, благодарилъ Вилліе за пилюли, а меня за все о немъ попеченіе. Потомъ изволилъ приказать позвать императрицу, которая изволила оставаться одна у его величества до 10-ти часовъ вечера.

7-го ноября.

Ночь проводилъ государь спокойно и почивалъ хорошо.

По утру въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принималъ слабительную микстуру въ 11-ть часовъ утра, отъ коей чувствовалъ себя легче: но ввечеру сдѣлался небольшой жаръ, отъ того, что за всѣми убѣжденіями не хотѣлъ продолжать микстуру.

8-го ноября.

Ночь проводилъ неспокойно и имѣлъ лихорадку.

По утру въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принявъ отъ меня поздравленіе съ праздникомъ, сожалѣлъ, что не можетъ идти къ обѣднѣ, дабы не возобновить лихорадки. Отпустивъ меня къ обѣднѣ, самъ изволилъ въ кабинетѣ сѣвъ на канапэ заняться чтеніемъ Библіи. — Послѣ обѣдни, пришедши къ его величеству, нашелъ (его) сидящимъ на канапэ въ маленькомъ жару. Государь изволилъ спрашивать, по обыкновенію, хорошо ли отправлялась служба, какъ пѣли пѣвчіе, и хорошо ли служилъ вновь вывезенный его величествомъ изъ Новочеркаска діаконъ? Давъ на все утвердительный ему отвѣтъ, я спросилъ его о здоровьѣ; его величество изволилъ отвѣчать, что ему лучше, присемъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему сдѣлать съ бумагами, коихъ много накопляется; на сіе я отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его величества всего нужнѣе, а какъ Богъ дастъ будетъ ему лучше, тогда успѣетъ все обдѣлать какъ слѣдуетъ, но и притомъ, нужно будетъ ему не вдругъ заниматься безпрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. Послѣ сего приказалъ позвать къ себѣ императрицу, которая изволила побыть у его величества до самаго своего обѣда. Государь ничего не изволилъ кушать, кромѣ хлѣбной отварной воды, и жаръ немного уменьшился.

Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправленіе 6-мъ числомъ, запретивъ писать о его болѣзни, изволилъ мнѣ сказать: «Боюсь я экстрапочтъ, чтобы не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожили бы тѣмъ матушку»; на сіе я сказалъ, что напишутъ то, что ему угодно, но вмѣстѣ съ симъ полагалъ я, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить. Вечеромъ сдѣлался потъ, который продолжался во всю ночь.

9-го ноября.

Ночь была изрядная.

По утру хотя потъ и продолжался, но государь чувствовалъ себя лучше, что продолжалось во весь день.

Какъ въ тотъ день должна была отправиться экстра-почта въ С.-Петербургъ, то и просилъ я у его величества, чтобы позволилъ писать ея величеству о болѣзни. Государь императоръ приказалъ государынѣ писать къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ, равномѣрно приказалъ генералъ-адъютанту барону Дибичу писать въ Варшаву къ цесаревичу, что, возвратясь изъ Крыма съ лихорадкою, принужденъ не выходить изъ дома, дабы не увеличить лихорадки [1]).

10-го ноября.

Государь проводилъ ночь изрядно, но къ утру сдѣлалось хуже. Въ 8-мь часовъ принялъ шесть слабительныхъ пилюль, въ 11-ть часовъ утра, вставая съ постели за нуждою, получилъ обморокъ и весьма ослабѣлъ. Во весь день продолжался жаръ, а къ вечеру сдѣлался сильный потъ и забывчивость, отъ чего мало уже и почти совсѣмъ не говорилъ, какъ только чего просилъ.

11-го ноября.

Государь проводилъ ночь спокойно и по утру чувствовалъ себя лучше; приказалъ позвать императрицу, которая оставалась у его величества до самаго обѣда. Вечеру въ 6-ть часовъ опять сдѣлался жаръ, и, когда его величество всталъ за нуждою, съ нимъ былъ обморокъ, но не столь сильный какъ первый. Къ ночи жаръ убавился; потомъ продолжался во всю ночь, отъ чего его величество худо почивалъ.

12-го ноября.

По утру жаръ продолжался; приказывалъ мнѣ сдѣлать ему питье изъ апельсиновъ, которое я вмѣстѣ съ г-мъ Вилліе ему сдѣлали, чѣмъ его величество былъ очень доволенъ и меня благодарилъ. Позвать изволилъ къ себѣ императрицу, которая изволила оставаться цѣлый день. Къ вечеру сдѣлалось легче.

13-го ноября.

Государь ночь провелъ изрядно и по утру принималъ слабительное; жаръ уменьшился до полудня, потомъ опять начался и продолжался во всю ночь. Вечеромъ принималъ два клистира, которые много облегчили. Во весь день мало изволилъ говорить, кромѣ что просилъ иногда пить; апельсинный лимонадъ ему опротивился, просилъ сдѣлать другой, почему и сдѣлали изъ вишневаго сиропа.

14-го ноября.

По утру жаръ у государя былъ поменѣе, и его величество дѣлалъ весь свой туалетъ и брился какъ обыкновенно. Около обѣда сдѣлался опять сильный жаръ, и

[1]) Вписано рукою князя Волконскаго: «Сіе приказаніе г. Дибичу дано было 11-го ноября, а не 9-го».

за ушами шея къ головѣ примѣтно покраснѣла, почему г. Виллie и Стофрегенъ предложили его величеству поставить за уши піявки; но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но всѣмъ отказалъ, отсылая даже со гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы его и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокоивать, а не умножать раздраженіе ихъ пустыми лѣкарствами. Въ 8-мь часовъ вечера при императрицѣ всталъ и спустилъ ноги съ постели, отъ чего сдѣлался ему сильный обморокъ; видя его упрямство, я при ея величествѣ сказалъ докторамъ, что почитаю однимъ средствомъ склонить государя на принятіе лѣкарства и приставленіе піявокъ, предложить его величеству причащеніе св. Таинъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, наставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе піявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство въ лихорадкѣ почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать таковое предложеніе. Государыня, видя, что жаръ не уменьшается, изволила рѣшиться предложить его величеству пріобщиться, говоря: «J'ai une grâce à vous demander; comme vous avez refusé tous les remèdes que les medecins vous ont proposés, j'espère que vous accepterez celui, que je vous proposerai». «Qu'est-ce?» dit l'empereur. «C'est la communion», répondit l'impératrice. — «Suis-je donc en danger?» demanda Sa Majesté. «Non», dit l'impératrice, «mais c'est comme remède que tout chrétien emploie dans les maladies». — L'empereur repondit, qu'il l'accepte avec bien du plaisir et ordonna de faire chercher le prêtre. — Въ самое сіе время сдѣлался его величеству пресильнѣйшій потъ, почему доктора положили повременить причастіемъ, пока потъ будетъ продолжаться, я между тѣмъ занялся наставленіемъ священника соборной здѣшней церкви отца Алексѣя Федотова.

Въ 11-ть часовъ вечера государь просилъ императрицу идти къ себѣ почивать. Ея величество ушедши приказала себѣ дать знать, когда спросятъ духовника.

15-го ноября.

Жаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 6 часовъ сдѣлалось его величеству хуже, о чемъ я не медля доложилъ ея величеству, которая, пришедши къ государю, тотчасъ напомнила о духовникѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Виллie объявилъ государю, что онъ въ опасности. Его величество приказалъ позвать духовника и, прослушавъ молитвы къ исповѣди, обратился къ императрицѣ сказалъ: «Il faut me laisser seul». Когда всѣ вышли, то государь изволилъ исповѣдываться, а по окончаніи приказалъ духовнику позвать императрицу, съ коей взошелъ опять и я съ генералъ-адъютантомъ Дибичемъ и съ докторами Виллieмъ, Стофрегеномъ, Тарасовымъ и камердинерами; государь изволилъ пріобщиться св. Тайнъ, послѣ чего духовникъ, поздравя его величество, просилъ его не отказывать помощь медиковъ и совѣтывалъ по обычаю здѣшнему приставить піявки. Умоляя государя не терять времени, сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни. Государь сказалъ: встаньте, и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказалъ, что никогда не ощущалъ большаго удовольствія, какъ въ сей разъ, обратясь къ императрицѣ взялъ ея руку и, цѣловавъ оную, сказалъ: «Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous en remercie beaucoup». — Какъ жаръ не убавлялся, напротивъ того усиливался, то доктора предложили опять піявки; его величество, не

отказывая съ тѣхъ поръ ничего, употреблять всѣ лѣкарства, какія ему были подносимы; начали съ піявокъ, коихъ поставили за уши 35 по обѣимъ сторонамъ, что продолжалось довольно долго, и крови довольно было вытянуто; жаръ хотя и уменьшился, но не на долго, и къ ночи было хуже. Прикладывали синапизмы къ рукамъ и къ бедрамъ.

16-го ноября.

Ночь проводилъ худо и все почти въ забытіи; въ 2 часа ночи попросилъ лимоннаго мороженаго, котораго откушалъ одну ложечку, потомъ во весь день ему было худо, къ вечеру положили еще къ ляжкамъ синапизмы, но жаръ не уменьшался. Государь былъ все хуже въ забытіи и ничего не говорилъ.

17-го ноября.

Ночью было государю худо, по утру въ 6½ часовъ положили на спину шпанскую муху. Въ 10 часовъ утра сталъ всѣхъ узнавать и немного говорить, то есть только просилъ пить. Къ вечеру сдѣлалось хуже, однако, позвалъ меня и сказалъ, «сдѣлай мнѣ» и остановился; я спросилъ у его величества, что прикажете сдѣлать? Посмотрѣвъ на меня отвѣчалъ: «полосканье»; отошедъ отъ него, замѣтилъ, что уже нельзя ему полоскать рта, потому что силъ не имѣлъ, чтобы подняться, а между тѣмъ забылся опять и былъ всю ночь въ опасности.

18-го ноября.

По утру государь сталъ немного посильнѣе, что и продолжалось до вечера, но къ ночи сдѣлался опять сильный жаръ, отъ коего пришелъ въ совершенную опасность, ничего уже не говорилъ, но узнавалъ, ибо каждый разъ какъ вскрывалъ глаза и видѣлъ императрицу, то, взявъ ея руки, цѣловалъ и прикладывалъ къ сердцу. Когда я къ нему подошелъ, то изволилъ, взглянувъ милостиво, улыбнуться, и когда я поцѣловалъ руку его величеству, то изволилъ сдѣлать мнѣ знакъ глазами, зачѣмъ я сіе дѣлаю, ибо я зналъ, что онъ не жаловалъ давать свою руку цѣловать. Въ 11 часовъ и 40 минутъ вечера опасность начала прибавляться, и съ тѣхъ поръ все уже былъ въ забытіи.

19-го ноября.

Государь оставался въ забытіи во все время до конца, въ 10 часовъ и 50 минутъ испустилъ послѣдній духъ. Императрица закрыла ему глаза и, поддержавъ челюсть, подвязала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ.

Генералъ-адъютантъ князь Волконской.

Таганрогъ.
7-го декабря 1825.

XVII.

Histoire de la maladie et des derniers moments de l'empereur Alexandre fondée sur les informations les plus authentiques [1].

Le voyage de la Crimée, qui devait être si funeste par la suite, a été on ne peut plus agréable pour cet auguste souverain. Après plusieurs jours de pluies et brouillards insupportables, le 20 Octobre la journée fut magnifique. L'empereur partit de Taganrog à 8 heures du matin. A 100 verstes déjà la route était parfaitement sèche avec beaucoup de poussière. Arrivé en Crimée, le 25 et le 26 ont été consacrés à la côte méridionale, dont il fut enchanté, surtout de l'acquisition qu'il venait de faire de la terre Orianda, où il voulait bâtir un palais sur les plans de l'architecte Elson, que l'impératrice devait confirmer, puisqu'il lui destinait cette possession. Le 27 il quitta Aloubka en prenant congé du comte Worontzoff pour trois semaines, où il devait le revoir à Taganrog. Il a été à Balaclava chez Reveliotti, où il a mangé un peu, sa cuisine se trouvant éloignée. Vers le soir il a laissé toute sa suite à l'attendre sur le grand chemin, tandis que lui seul à cheval est allé voir le couvent St. George. Il ne voulait être suivi de personne et a refusé d'accepter une бурка, malgré que le temps avait changé: il faisait un vent froid et perçant avec beaucoup de brouillard et d'humidité. Le matin il avait été échauffé par l'ardeur du soleil. Pour arriver au couvent il faut descendre des précipices et grimper pour en revenir. C'était le moment fatal. L'empereur y prit du froid. Arrivé à Sévastopol pour coucher, il employa la matinée du 28 à voir la ville, les hôpitaux, les casernes etc. Au nombre de ces dernières plusieurs étaient étouffantes de chaleur, d'autres au contraire à peine achevées n'avaient point de croisées et il y régnait un vent coulis pernicieux. Droit d'une caserne très chaude, l'empereur s'est mis en bateau, en uniforme, refusant le manteau et a monté un vaisseau de guerre. Descendu à terre, il a déjeuné avec l'amiral Greigh sous une tente. Dans l'après-dînée il a parcouru une autre partie de la ville et le 29 les arsenaux, le port etc. Comme il n'a rien voulu prendre pour son rhume, le mal est allé en empirant les jours suivants, d'autant plus qu'il ne s'est point ménagé surtout à Baktchisaray, où il a parcouru les environs à cheval. Le 1-er Novembre à Koslow, le 2 à Pérékop il se sentait indisposé: le 3 à Orekhow il l'était encore plus et le temps était assez mauvais. Malgré cela, l'évêque d'Ekaterinoslaw s'y trouvant pour le rencontrer, il sortit dans l'église. Le 4 il y avait en route quelques officiers cosaques qu'il fit inviter à son dîner. Le soir, après avoir ressenti le frisson toute la journée, il prit à Maripol un verre d'eau chaude avec du sucre et 3 cuillerées seulement du rhom, en disant, que cela lui suffirait. On lui a arrangé une pelisse à son manteau, ce à quoi le lendemain il parut sensible. La journée du 5 Novembre il arriva de Maripol à Taganrog toujours avec un frisson. Il est descendu au palais à 6½ heures du soir et s'est couché à son ordinaire n'ayant pris que du thé vert à deux reprises. Le lendemain je l'ai vu à 10 heures sortant des appartements de Sa Majesté l'impératrice pour rentrer chez lui: il m'a paru échauffé seulement par l'air et le voyage; mais j'ai appris bientôt de Sa Majesté qu'il croyait avoir

[1] Государственный архивъ. Разрядъ III, № 163.

pris la fièvre de Crimée. Il s'est occupé toute la matinée entouré d'une masse énorme de papiers qu'il avait sur son bureau. Il a dîné avec Sa Majesté sans manger grande chose. A notre dîner, un billet du valet de chambre de service à M-r Wyllie lui a annoncé, que l'empereur s'était couché pour se reposer et paraissait avoir beaucoup de fièvre. Il s'est rendu de suite et est revenu à la fin du dîner, mécontent de l'état de l'empereur, qui a consenti pourtant à prendre le soir une purge légère en pilulle. Le 7 Sa Majesté m'a dit que l'empereur allait mieux. Vers le soir il a ressenti de nouveau de la fièvre et attribuait cela à la médecine, dont il ne voulait plus entendre parler. Il a passé une mauvaise nuit et le 8 Stoffregen a été appelé dès le matin. Ce n'est pas sans difficulté que les deux médecins et Sa Majesté sont parvenus à l'engager à ne point sortir à la messe, ce jour étant dimanche et fête. Le soir un courier est parti à Pétersbourg, porteur de la dernière lettre de l'empereur et pour ce qui est des papiers officiels, il y eut un ordre de les dater tous du 6 Novembre. Le 9 dans la matinée l'état du malade était meilleur, mais les médecins n'avaient pas opéré assez. Le soir le redoublement de fièvre a convaincu tout le monde, que ce n'était nullement une fièvre ordinaire, mais une forte fièvre remittante et bilieuse. La nuit a été mauvaise, mais il y avait une amélioration dans la matinée du 10. Il est échappé à l'empereur de dire aux médecins: «il faut considérer l'état de mes nerfs, qui ne sont que trop détraqués et les médecines ne feront que les déranger encore plus». Ce propos donnait la conviction, qu'il s'était occupé de quelques affaires désagréables. Le 11 j'ai de nouveau appris, que l'empereur était mieux le matin, mais que la nuit il a eu encore un redoublement de fièvre. Sa Majesté croyait toujours, que c'était une fièvre de Crimée, tandis que s'était toute autre chose. Le 12 la journée était bonne passablement, mais le soir le redoublement de fièvre était trop violent pour ne pas pressentir le danger. Le 13 dans la matinée il y a eu un soulagement, parce que les remèdes avaient bien opéré et avaient chassé beaucoup de bile. La proposition d'une saignée n'a pas été acceptée par l'empereur. Un assoupissement léthargique avec une respiration difficile et entrecoupée et des crispations violentes prouvaient qu'il fallait des remèdes plus efficaces, que le malade repoussait pourtant avec opiniâtreté. La nuit a été affreuse et les craintes sur cet état redoublaient, à mesure que chaque redoublement de fièvre devenait de plus en plus violent. Le 14 les médecins étaient aux abois et tout le monde dans les craintes et dans l'affliction. L'empereur venait de refuser toutes les médecines sans exception. Nous avons tous entendu les prières et les plus vives instances de l'impératrice exposées avec une rare éloquence et le sentiment le plus élevé de la religion pour l'engager à se laisser appliquer des sangsues à la tête et de prendre sérieusement des remèdes, puisque son état l'exigeait. Nous avons versé des larmes amères en entendant ce discours et le refus net de l'empereur en disant, que «c'étaient les remèdes déjà pris, qui lui avaient donné cette fièvre et dérangé ses nerfs; qu'il espérait toujours et avec toute la religion, dont il avait donné des preuves, en Dieu et se fiait à la forte constitution, dont il l'a doué». Tous les médecins étaient au désespoir et Wyllié pleurait avec nous dans la pièce voisine. Le sommeil n'était plus qu'un assoupissement inquiet et souvent interrompu. Le médecin Reynhold, qui a veillé l'empereur la nuit du 13 au 14, m'a dit, qu'en entrant pour la première fois dans la chambre de l'auguste malade, il avait remarqué des symptomes que sa tête était déjà prise et son état désespéré. L'assoupissement a été plus fort et léthargique; mais le redoublement de fièvre dans la soirée a été si violent, que l'impératrice prit sur elle

d'engager l'empereur à remplir les devoirs de chrétien, ce à quoi il a consenti avec joie. Le 15 dimanche à 5½ heures du matin, le prêtre de la Cathedrale, Fédotoff, a été appelé. L'empereur a confessé et communie avec une onction admirable et touchante. Ce prêtre lui a parlé, que la religion même exige de ne point négliger la santé et de ne pas exposer aux dangers l'existence que Dieu lui a accordee. Il promit de s'y soumettre. Quand j'appris à mon réveil ce qui venait de se passer au palais, je m'y suis rendu d'abord. On venait d'appliquer 30 sangsues à la tête. L'effet de cette opération a éte sensible, mais c'etait trop tard pour en attendre quelque succès. Le prince Wolkonsky se trouvait mal et à peine se trainait, accablé de douleur. Stoffregen disait, que la forte constitution de l'empereur seule a pu résister au paroxisme du matin, où il l'avait cru prêt à expirer. Après un soulagement momentané, pendant lequel l'empereur a demandé à son auguste épouse, si elle ne sortirait pas pour prendre l'air et a bien compris la réponse négative à cause du temps peu favorable, lequel n'était pas mauvais cependant, il se replongea dans un assoupissement ou plutôt dans un état d'insensibilité allarmante. Les synopismes appliqués aux deux bras l'ont remis en état de connaissance et ont donné occasion à ses plaintes amères: не мучьте меня! on le satisfit et il retomba aussitôt en léthargie. Une respiration difficile à l'excès et une paleur livide et mortelle était répandue sur les traits de la physionomie, où l'on démêlait encore cette grâce et bonté, qui peignaient si bien son âme. Après minuit il semblait être soulagé, mais le redoublement de fièvre survenu entre 3 et 4 heures du matin le 16 était accompagné de tous les indices de la mort. En effet, à mesure que ces accès paraissaient augmenter d'intensité, ils épuisaient les forces du malade. L'empereur a passe toute cette journée dans un état d'insensibilité si complète, que les synapismes sont restés sur les deux jambes 10 heures sans qu'il les ait sentis, excepté vers le soir, où il s'est plaint du mal, qu'ils lui ont fait. Nous avons cru plusieurs parties de sa tête, surtout des yeux, paralysees de même que la langue. Cependant il reprit la connaissance vers les 11 heures du soir. Il reconnut l'impératrice, lui sourit et dit quelques paroles, serra ses mains et les lui baisa d'une manière touchante; puis il demanda à manger de la glace au citron, ce qu'on lui accorda de suite. Après minuit il retomba dans l'assoupissement et vers le matin le redoublement de fièvre eut lieu comme à l'ordinaire. Le 17 au matin on lui appliqua le visicatoire à la nuque. Pendant quelque temps il ne le sentit point; mais après il s'en plaignit en poussant des gémissements. A plusieurs reprises il reconnut encore l'impératrice et lui serra les mains; il parla même à Sa Majesté plus d'une fois. La voix était faible et entrecoupée. Tout-à-coup il prononça d'une voix forte et presque ordinaire: comme il fait beau! En effet le temps était magnifique. Cet état d'amélioration illusoire a duré plus de 2 heures et avait ranimé nos espérances, quoiqu'il éprouvât des souffrances, quand on lui pansait la plaie du visicatoire ou qu'il se remuait. Le soir cependant le mal paraissait empirer et on a du déclarer à l'impératrice, que tous les moyens se trouvaient épuisés. Il y avait des moments, où il paraissait expirer et éprouver des convulsions partielles. Cependant vers 1 heure après minuit son assoupissement est devenu assez calme. Le 18 de grand matin le redoublement de fièvre eut lieu avec les mêmes allarmes et même d'autant plus fondees, que la faiblesse de l'auguste malade était accrue à un degré désespérant. Le prêtre etait là pour lire les dernières prières. Cependant la pendule sonne 9 heures et l'empereur y tourne ses yeux, pleins de vie encore! Son regard rencontre un objet chéri — c'etait l'imperatrice. Il lui

sourit, serra encore et baisa ses mains. Hélas! Il ne parlait plus! Au mouvement de ses levres on devinait a peu près ce qu'il souhaitait. Rien ne passait plus dans le gosier. Vers le soir les convulsions aux différentes parties de la tête, en particulier aux yeux, faisaient pressentir à chaque instant la fin d'un être aussi interessant et cher à toute la Russie. La respiration n'était qu'un ronflement étouffé. Les gemissements et les pleurs remplissaient le palais. Plus tard cependant l'assoupissement est redevenu plus calme, les traits de sa physionomie, excepté la bouche, qui restait ouverte, sont rentrés dans leur état naturel; il reconnut encore l'impératrice et lui temoigna les mêmes marques de tendresse. Ses yeux rencontrent un individu, qu'il n'était pas habitué de voir — c'etait le médecin Dobbert qui etait de service pour le veiller. Son regard etait plein de curiosité et de surprise. Sûrement il voulait lui demander compte de sa presence: ne le pouvant plus, il ferma les yeux de suite. Une lueur d'espérance avait brillé et le valet de chambre de l'empereur, Anisimoff, etait persuadé, что онъ выбаливается и будетъ здоровъ, — expression caracteristique, qui ne s'est pas malheureusement realisee. Comme rien ne passait par le gosier, on a administré deux clysteres de bouillon, fait avec le gruau de Smolensk. Le calme s'était établi pour quelques heures: l'assoupissement était plus profond encore. Il n'a pas duré. Avec minuit le redoublement de fièvre eut lieu, jeudi le 19 Novembre, jour à jamais deplorable, le paroxisme se termina par une longue agonie, à la respiration se mêlaient des gemissements, qui prouvaient les souffrances du malade et des hoquets precurseurs de la mort. La respiration devenait à chaque fois plus courte: cinq fois elle s'était tout-à-fait arrêtée et autant de fois elle s'est renouvelée. A 10 ¾ heures l'empereur rendit le dernier soupir en presence de l'impératrice, qu'on avait laisse seule en prières devant son auguste époux expirant. Elle resta près d'une demi-heure pres du corps inanime: c'est elle qui ferma les yeux et la bouche du défunt. Qui l'aurait cru? Un corps debile et mine par un mal plus que dangereux a suffi à tant d'efforts, on peut dire, surnaturels! Mais il renferme une âme grande, forte et sublime!

D'après le cours naturel des évènements pouvait-on croire qu'elle survivrait à un homme fort, robuste et sain, qui maintenait la force de sa constitution par un régime et une sobrieté remarquable? Deux heures après, cette femme extraordinaire a assisté près du corps pour entendre les prières. Ses larmes étaient touchantes et son maintien ferme et courageux inspirait le respect. Après avoir passé la journée dans une complète abnégation des choses de ce monde, elle assista de même le soir aux prières près du corps. Le lendemain de même, matin et soir. Le 20 à 6 heures du soir Sa Majesté accédant enfin à la prière du prince Wolkonsky, quitta le palais, pour s'établir dans la maison Schahmatoff pour le temps qui serait nécessaire pour la dissection du corps et les arrangements pour son exposition et elle prit la resolution d'employer ce temps à faire ses dévotions dans la chapelle, qui a été dès le jour suivant placée dans son appartement. Elle se rend tous les jours à $5^1/_2$ heures près du corps de son auguste époux. Ses forces physiques donnent des inquiétudes fondées, mais son courage moral est encore au même degré digne d'admiration.

L'autopsie eut lieu le 20 au soir et pendant la nuit. Le corps présentait un athlète superbe. On a trouvé, comme on a prevu, de l'eau dans la tête vers l'occiput près d'un demi gobelet, le cerveau du côté gauche presque noir, juste à l'endroit, ou le défunt se plaignait constamment d'un mal de tête violent, et une artère du côte de la tempe

gauche attachée à une autre veine et comme noués ensemble. Le coeur en proportion du corps était plutôt petit avec un peu d'eau autour, qui a pu se former avant la maladie: ce qui le fait supposer, c'est que l'empereur ressentait depuis quelque temps des palpitations de coeur. Le foie ne présentait aucun phénomène particulier: mais il était trop ouvert et avait répandu beaucoup de fiel, malgré les fortes évacuations de la bile que les remèdes ont occasionnées dans les journées du 15 et du 16. Les reins étaient en bon état comme le reste des organes intérieurs. Tels sont les faits, dont j'ai été témoin, ou qui sont venus à ma connaissance sur l'évènement funeste qui a privé la patrie d'un de ses plus grands souverains et père de ses sujets.

Je ne prétends pas donner un rapport exact de tous les details, qui se rattachent à cette calamité publique, me bornant aux principaux faits. Aussi je n'écris pas pour le public, mais pour moi et mes amis. D'ailleurs le journal des médecins doit être considéré comme le seul document officiel et légal pour établir une opinion sur les transitions de la maladie de l'empereur par gradation de fièvre remittante, en fièvre remittante bilieuse, de cette dernière en fièvre nerveuse ou typhus. Les progrès en étaient tellement rapides, que 10 à 12 jours ont suffi pour détruire une constitution, qui aurait pu suffir à une vie double de ce qu'il a vecu.

Pour achever ce tableau du malheur, je dois consigner ici deux faits qui prouveraient un pressentiment de la mort qu'avait cet illustre défunt. Il est connu, que de tous temps il se mettait en voyage après avoir rempli le devoir de la piété dans la cathedrale de Cazan à St.-Pétersbourg. En effet il s'y rendit la veille de son départ pour Taganrog. Mais la nuit suivante il ordonne un дрожки à Kamennoy Ostrow pour 3 heures du matin et à point nommé il se fait conduire au couvent de Newsky. Cette circonstance a frappé dans le temps son cocher Elie, puisque telle chose n'est jamais arrivée auparavant. Il y est resté environ 2 heures et en sortant était fort ému. C'est alors qu'il se mit de suite en voyage, dont il ne devait plus revenir! Un jour avant le départ pour la Crimée, l'empereur, étant occupé de ses papiers, un nuage noir s'est étendu sur la ville de Taganrog entre 4 et 5 heures du soir et a répandu une telle obscurité, qu'il sonna le valet de chambre Anisimoff, pour apporter de la lumière. A peine les bougies étaient allumées, que le soleil reparut. Le valet de chambre rentre et demande à emporter les bougies. L'empereur le regarda et dit: «oui, vous avez raison de penser qu'au dehors on croirait, qu'il y a un mort ici: c'est ce que je pense aussi.—emportez». Le lendemain de son retour de la Crimée, 6 Novembre, se sentant mal le soir, il rappella à ce même valet de chambre cette circonstance en ajoutant, que ses craintes pourraient bien se réaliser, puisqu'il se sentait sérieusement malade.

Le monde se souviendra longtemps de sa gloire et la Russie conservera à jamais la mémoire de ses vertus et de ses bienfaits. Le bon Dieu l'en récompensera dans l'autre vie!

XVIII.

Протоколъ вскрытія тѣла императора Александра 20-го ноября 1825 года [1].

1825 года, ноября въ 20-й день, въ 7 часовъ по полудни, мы, нижеподписавшіеся, вскрывали для бальзамированія тѣло почившаго въ Бозѣ его величества государя императора и самодержца всероссійскаго Александра Павловича и нашли слѣдующее:

1) На поверхности тѣла.

Видъ тѣла вообще не показывалъ истощенія и мало отступалъ отъ натуральнаго своего состоянія, какъ во всемъ тѣлѣ вообще, такъ и въ особенности въ брюхѣ, и ни въ одной изъ наружныхъ частей не примѣтно ни малѣйшей припухлости.

На передней поверхности тѣла, именно на бедрахъ, находятся пятна темноватаго, а нѣкоторыя темно-краснаго цвѣта, отъ прикладыванія къ симъ мѣстамъ горчичниковъ происшедшія; на обѣихъ ногахъ, ниже икръ, до самыхъ мыщелковъ примѣтенъ темно-коричневый цвѣтъ и различные рубцы (cicatrices), особенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленіи ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ прежде.

На задней поверхности тѣла, на спинѣ между крыльцами до самой шеи простирающееся довольно обширное примѣтно пятно темно-краснаго цвѣта, отъ приложенія къ сему мѣсту пластыря шпанскихъ мухъ происшедшее. Задняя часть плечъ, вся спина, задница и всѣ мягкія части, гдѣ наиболѣе находится жирной клѣтчатой плевы имѣютъ темно-оливковый цвѣтъ, происшедшій отъ изліянія подъ кожу венозной крови. При поворотѣ тѣла спиною вверхъ изъ ноздрей и рта истекло немного кровянистой влаги.

2) Въ полости черепа.

При разрѣзѣ общихъ покрововъ головы, начиная отъ одного уха до другого, кожа найдена очень толстою и изобилующею жиромъ. По осторожномъ и акуратнѣйшемъ отдѣленіи пилою верхней части черепа, изъ затылочной стороны вытекло два унца венозной крови. Черепъ имѣлъ натуральную толстоту. По снятіи твердой оболочки мозга (dura mater), которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно подъ затылочною костью, весьма твердо была приросши къ черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезмѣрно были наполнены и растянуты темною, а мѣстами красноватою кровію отъ предшествовавшаго сильнаго прилитія оной къ сему органу. На переднихъ доляхъ мозга подъ лобными возвышеніями (protuberantia frontales) примѣтны два небольшія пятна темно-оливковаго цвѣта отъ той же причины.

При извлеченіи мозга изъ своей полости, на основаніи черепа, равно какъ и въ желудочкахъ самаго мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двухъ унцовъ. Хоровидное сплетеніе лѣваго мозговаго желудочка найдено твердо-приросшимъ ко дну онаго.

3) Въ грудной полости.

По сдѣланіи одного прямого разрѣза, начиная отъ гортани чрезъ средину грудной кости до самаго соединенія лобковыхъ костей, и двухъ косвенныхъ, отъ пупка

[1] Государственный архивъ. Разр. III, № 29.

до верхняго края подвздошныхъ костей. клѣтчатая плева найдена была повсюду наполненною большимъ количествомъ жиру.

При соединеніи реберъ съ грудиною. хрящи оныхъ найдены совершенно окостенѣвшими. Оба легкія имѣли темноватый цвѣтъ и нигдѣ не имѣли сращенія съ подреберною плевою. Грудная полость ни мало не содержала въ себѣ водянистой влаги.

Сердце имѣло надлежащую величину и во всѣхъ своихъ частяхъ, какъ формою. такъ и существомъ своимъ ни мало не отступало отъ натуральнаго состоянія, равно и всѣ главные сосуды. отъ онаго происходящіе. Въ околосердечной сумкѣ (pericardium) найдено сукровицы около одного унца.

4) Въ полости брюшной.

Желудокъ, въ которомъ содержалось немного слизистой смѣси, найденъ совершенно въ здоровомъ положеніи: печень имѣла большую величину и цвѣтъ темнѣе натуральнаго: желчный пузырь растянутъ былъ большимъ количествомъ испорченной желчи темнаго цвѣта: ободошная кишка была очень растянута содержащимися въ ней вѣтрами. Всѣ же прочія внутренности. какъ-то: поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь ни мало не отступали отъ натуральнаго своего состоянія.

Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнію, коею первоначально была поражена печень и прочіе къ отдѣленію желчи служащіе органы; болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку, съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующимъ затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга, и была, наконецъ, причиною самой смерти его императорскаго величества.

1) Дмитріевскаго вотчиннаго гошпиталя младшій лѣкарь Яковлевъ.
2) Лейбъ-гвардіи казачьяго полка штабъ-лѣкарь Васильевъ.
3) Таганрогскаго карантина главный медицинскій чиновникъ докторъ Лакіеръ.
4) Придворный врачъ коллежскій ассесоръ Добертъ.
5) Медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тарасовъ.
6) Штабъ-лѣкарь надворный совѣтникъ Александровичъ.
7) Докторъ медицины и хирургіи статскій совѣтникъ Рейнгольдъ.
8) Дѣйствительный статскій совѣтникъ лейбъ-медикъ Стофрегенъ.
9) Баронетъ Яковъ Виллie, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

«Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла его императорскаго величества государя императора Александра Павловича находился

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ [1]).

Екатеринославской губерніи
въ г. Таганрогѣ.

[1]) На французскомъ переводѣ сдѣлана переписка «l'original russe est souscrit par: Iacovleff. Vassilev. D-r Laquier. Dobbert. Tarassow. Alexandrowitz. Reinholdt. Stoffregen. Wylie.

На французскомъ переводѣ рукою Виллie написано:

«Cette traduction est d'accord avec l'original en russe. Le baronet Wylie. conseiller privé et médecin de corps».

XIX.

Всеподданнѣйшій рапортъ и два письма генералъ-адъютанта барона Дибича къ императору Константину изъ Таганрога отъ 19-го ноября 1825 года[1]).

1.

Его императорскому величеству
Начальника главнаго штаба

Рапортъ.

Съ сердечнымъ прискорбіемъ имѣю долгъ донести вашему императорскому величеству, что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего государя императора Александра Павловича сего ноября 19-го дня въ 10 часовъ и 50 минутъ пополуночи здѣсь, въ городѣ Таганрогѣ.

Имѣю счастіе представить при семъ актъ за подписаніемъ находившихся при семъ бѣдственномъ случаѣ генералъ-адъютантовъ и лейбъ-медиковъ.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ.

Таганрогъ.
Ноября 19-го дня,
1825 года.
№ 1.

Актъ о кончинѣ императора Александра.

Нижеподписавшіеся, находясь Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ при высочайшей особѣ его императорскаго величества, съ глубочайшею вѣрноподданническою скорбію свидѣтельствуемъ, что благочестивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ, самодержецъ всероссійскій и пр. и пр. и пр., на возвратномъ пути изъ Крыма 3-го, и въ особенности, 4-го числа ноября почувствовалъ первоначальные лихорадочные припадки, кои скоро по прибытіи его величества въ Таганрогъ 5-го числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась впослѣдствіи воспалительная жестокая горячка съ прилитіемъ крови въ голову. Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ непрестанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оставались тщетными. 15-го числа государь императоръ изволилъ пріобщиться святыхъ таинъ. 17-го по утру въ положеніи его величества примѣчена была нѣкоторая перемѣна, возбудившая слабый лучъ надежды къ облегченію страждущаго вѣнценосца; но въ продолженіи того и послѣдующихъ дней, при совершенномъ истощеніи послѣднихъ силъ его величества, горячка усиливалась съ сугу-

[1]) Военно-ученый архивъ, отд. I, № 596.

болѣе же слабостію. 19-го же числа, по полуночи въ 10 часовъ и 50 минутъ, государь императоръ отошелъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе, къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи ея императорскаго величества государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая во всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, причемъ и мы, нижеподписавшіеся, непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемъ подписаніемъ нашимъ въ двухъ экземплярахъ. Писано и подписано Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ ноября въ 19-й день 1825 года.

Членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи
генералъ-адъютантъ князь Петръ Волконской.

Членъ Государственнаго Совѣта, начальникъ главнаго штаба,
генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ.

Баронетъ Яковъ Виллїе, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Конрадъ Стофрегенъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Французскій переводъ акта о кончинѣ.

Nous, soussignés, nous trouvant près Sa Majesté l'empereur et roi, dans la ville de Taganrog, du gouvernement de Ekaterinoslaw, certifions avec la plus vive et la plus profonde douleur que de fidèles sujets doivent éprouver, que Sa Majesté l'empereur Alexandre I, autocrate de toutes les Russies et roi de Pologne, à son retour d'un voyage en Crimée, a senti le 3 et particulièrement le 4 de ce mois les premières atteintes d'une fièvre devenue remittente billeuse, qui peu après son arrivée à Taganrog, qui a eu lieu le 5 de Novembre, a augmenté de jour en jour et s'est convertie en typhus gravior, avec une congestion de sang vers la tête. Cette grave et dangereuse maladie s'est developpée avec une telle force et rapidité, que tous les secours de l'art, pour en détourner les funestes effets, sont restés vains. Le 15 Sa Majesté l'empereur et roi s'est confessé et communié. Le 17 au matin une légère amelioration dans la situation de l'auguste malade avait donné une lueur d'espérance; mais dans la soirée du même jour, ainsi que les deux suivants, les symptômes du mal se sont manifestés avec bien plus de violence. Enfin, aujourd'hui, 19 de Novembre, à dix heures et cinquante minutes du matin, Sa Majesté l'empereur et roi a quitté cette vie terrestre. Ce cruel évènement pour tous les fidèles sujets de Sa Majesté Impériale et Royale a eu lieu en présence de Sa Majesté l'impératrice Elisabeth, qui, durant toute la maladie de son auguste époux, n'a presque point quitté le chevet de son lit. Témoins oculaires de ce grand malheur, nous en certifions le fait, avec tous les détails susmentionnés, en opposant acte, qui est fait en double. Ecrit et signé dans la ville de Taganrog, ce aujourd'hui 19 de Novembre (1 de Décembre) l'an 1825.

Suivent les signatures:

Le prince Pierre Volkonsky, membre du Conseil de l'Empire, géneral d'infanterie et général aide de camp.

Le baron Jean de Diebitsch, major-général des armées impériales et royales, membre du Conseil d'État de l'Empire, lieutenant général et aide de camp général.

Alexandre de Czernicheff, lieutenant général et aide de camp général.

Le baronet Wyllié, conseiller privé et médecin de corps.

Conrad Stoffregen, conseiller d'État actuel et médecin de corps.

(На французской копіи акта рукою генералъ-адъютанта Дибича написано):

«Le baron de Diebitsch aide de camp général, major-général des armées impériales et royales».

2.

Taganrog, ce 19 Novembre 1825. № 2.

Sire.

Mon devoir m'ordonne d'annoncer à Votre Majesté Impériale la plus déchirante nouvelle.

La maladie de Sa Majesté, notre auguste maître, dont Votre Majesté aura vu les horribles progrès dans mes lettres au général Kourouta vient de ravir à Votre Majesté Impériale un frère aussi tendre que chéri et à nous ce souverain adoré qui faisait notre bonheur et notre gloire. Après la dernière lettre que j'ai envoyée hier au général Kourouta, l'état de l'auguste malade qui déjà était désespérant, s'est aggravé d'une manière horrible, surtout depuis minuit, et à 10 heures 50 minutes du matin le Tout-Puissant l'a appelé dans une meilleure vie où il trouvera la récompense du bonheur de tant de millions.

Sa Majesté l'impératrice Elisabeth a eu la consolation de se vouer de la manière la plus touchante aux soins les plus assidus de son auguste époux et en était payée par la plus tendre reconnaissance de Sa Majesté qui n'a cessé de la lui témoigner même dans les moments où déjà les approches de la mort lui avaient ôté l'usage de la parole et qu'il ne parvenait que par de longs intervalles à pouvoir ouvrir ses yeux.

La santé de Sa Majesté l'impératrice a résisté jusqu'à présent à ces horribles épreuves, et elle a assisté déjà à deux reprises au service funèbre.

C'est sur la mémoire d'un maître adoré qui fut le bienfaiteur de toute mon existence et auquel je dois tout ce que je suis, que je porte mon serment de fidélité à Votre Majesté Impériale. J'ose espérer que mes sentiments personnels vous sont connus. Sire, vous connaissez le dévouement et la reconnaissance que je vous porte, puissé-je à présent où de nouveaux devoirs m'obligent pouvoir vous en donner des preuves ainsi que de la fidélité et de l'entière soumission, avec lesquelles j'ai le bonheur d'être,

Sire,
de Votre Majesté Impériale
le très humble et très fidèle sujet,
J. baron de Diebitsch.

3.

Taganrog, ce 19 Novembre 1825. № 3.

Sire.

N'ayant eu aucune instruction pour le cas d'un malheur pareil à celui que je viens d'annoncer à Votre Majesté Impériale et aucuns antécédents d'un tel décès hors la capitale, m'ayant pourtant trouvé forcé de prendre une résolution sur le formel rapport que j'ai le devoir de faire à Votre Majesté Impériale, nous nous sommes consultés avec le prince Volkonsky et avons cru bien faire de dresser pour un office d'une telle importance, un acte formel de décès fait en double en russe et en français, ayant gardé dans le dernier le titre de roi de Pologne employé dans les actes diplomatiques, et je viens de joindre à mon rapport un exemplaire de chaque langue gardant les doubles ici jusqu'a nouvel ordre de Votre Majesté Impériale.

J'ai envoyé en même temps à Sa Majesté l'impératrice-mère une lettre que j'ai l'honneur de présenter ici en copie, et j'ai chargé le général de service Potapoff de la remettre avec les précautions nécessaires à Sa Majesté Impériale. Dans l'absence de Votre Majesté de Pétersbourg, je n'ai osé annoncer à personne d'autre une telle nouvelle, mais quand la maladie de Sa Majesté commençait à devenir dangereuse, j'ai écrit au prince Lapouhine, président du Conseil, aux gouverneurs généraux de St.-Pétersbourg et de Moscou et au général Woynoff pour qu'une pareille catastrophe ne leur soit pas annoncée d'une manière inattendue. J'ai écrit de même aux comtes Wittgenstein et Sacken, au premier par le général Kisseleff, sur la maladie de Sa Majesté l'empereur, quand elle n'était pas encore à un aussi haut degrès, par des lettres particulières secrètes.

Nous avons cacheté avec le prince Volkonsky les papiers qui se trouvaient dans le cabinet de Sa Majesté l'empereur; ils seront gardés tels jusqu'aux ordres de Votre Majesté Impériale, sans lesquels je n'ose pas non plus faire aucune disposition pour la marche des troupes et la destination des généraux et officiers supérieurs et subalternes dont nous manquons complètement ici pour faire le service selon le cérémonial usité.

J'ai cru enfin devoir envoyer avec cette dépêche le lieutenant Petroffsky du corps des feldjeghers, officier d'une fidélité éprouvée, espérant qu'elle arrivera de cette manière le plutôt possible. Je le ferai suivre d'un second feldjegher qui n'aura pas d'autres dépêches, mais sera prêt de prendre celles de Petroffsky s'il lui arrivait quelque accident en route et aura un double de mon rapport et une copie de l'acte russe et français pour le cas peu vraisemblable qu'en cas d'un voyage de Votre Majesté Impériale, le lieutenant Petroffsky se soit croisé avec votre route.

Je continuerai de même d'envoyer un jour après l'autre des feldjeghers à Votre Majesté, mais je garderai ici les papiers qui arriveront ici de Pétersbourg, ne sachant pas si Votre Majesté ne quittera pas Varsovie, autant que je n'aurai pas reçu vos ordres.

J'ose compter sur un généreux pardon de Votre Majesté Impériale, si en tout ce que je viens de vous soumettre, Sire, je n'ai pas peut-être répondu à vos intentions, mais dans un cas aussi douloureux que nouveau, j'ai dû agir après mon meilleur en-

tendement, me tenant à la loi existante et m'ayant fait un honneur de prendre en tout les conseils du prince Volkonsky.

Daignez, Sire, recevoir cette lettre avec indulgence ainsi que les sentiments d'une fidélité pure et d'un entier et soumis dévouement, avec lequel j'ai le bonheur d'être

de Votre Majesté Impériale
le très humble et très fidèle sujet
J. Diebitsch.

XX.

Письмо А. Д. Соломки къ генералу Михайловскому-Данилевскому изъ Таганрога отъ 4-го декабря 1825 года.

Милостивый государь
Александръ Ивановичъ!

Записку вашу я получилъ и съ горестнымъ прискорбіемъ беру перо, чтобы дать вамъ подробное описаніе того бѣдствія, которое постигло Россію и которое лишило меня благодѣтеля въ царѣ: вы очевиднымъ были свидѣтелемъ его ко мнѣ милостей, онѣ до послѣдней минуты жизни благословеннаго монарха болѣе и болѣе увеличивались, а я въ сердцѣ своемъ питалъ къ нему чувства безпредѣльной благодарности и благословенія къ его рѣдкимъ добродѣтелямъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ превосходилъ самого себя въ благотворительности, самъ изыскивалъ случай, чтобы прощать осужденныхъ, но раскаявающихся, миловать просящихъ, помогать бѣднымъ, утѣшать скорбныхъ, и въ сихъ заботливыхъ попеченіяхъ о благѣ любимаго имъ народа постигла его смерть и лишила Россію отца и твердой подпоры; не буду говорить о собственной моей скорби, ее изъяснить никто не можетъ: благодарныя души будутъ умѣть себѣ представить всю горесть сердца при потерѣ благотворителя незамѣнимаго. Октября 20-го числа государь предпринялъ путешествіе въ Крымъ на южный берегъ, гдѣ простудился, и на возвратномъ пути получилъ лихорадку, которая по прибытіи въ Таганрогъ превратилась въ горячку. Мы пріѣхали на мѣсто 5-го ноября поздно вечеромъ. 19-го ноября въ 10 часовъ 55 минутъ скончался государь. Болѣзнь его продолжалась 17 дней, въ теченіе которыхъ онъ не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ и всѣ мученія болѣзни переносилъ съ твердостію необыкновенною. 15-го числа въ 6-ть часовъ пополуночи онъ пріобщился святыхъ таинъ, послѣ чего, взявши крестъ въ руки, сказалъ: «я никогда не былъ въ такомъ утѣшеніи, какъ теперь нахожусь». Потомъ, перекрестясь, поцѣловалъ крестъ и принялъ благословеніе отъ духовника. Священникъ уговорилъ его позволить себя лечить. Ему поставили піявки, которыя сдѣлали ему облегченіе, но не возвратили здоровья, на другой день отказался принимать лекарство и умеръ, возсылая молитвы къ Богу, въ четвергъ во время обѣдни. Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, всѣ подробности горестнаго событія, столь неожиданнаго, случившагося въ столь отда-

ленныхъ мѣстахъ Россіи. Доктора были при государѣ: лейбъ-медики Виллie, Стофрегенъ, доктора Рейнгольдъ, Добертъ и Тарасовъ.

Прощайте, будьте увѣрены, что чувства моего къ вамъ уваженія неизмѣнныя. И съ ними навсегда пребыть честь имѣю вашъ всепокорнѣйшій слуга А. Соломка[1]).

XXI.

Письмо камеръ-фрейлины Е. П. Валуевой къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ изъ Таганрога отъ 2-го декабря 1825 года.

Madame,

Pénétrée de la plus juste douleur pour la perte sensible que nous déplorons ici, avec une anxiété extrême pensant au chagrin que notre malheureuse et bien triste nouvelle portera au coeur de Votre Majesté, j'obéis en tremblant à vos ordres, Madame, ayant à toucher une corde aussi poignante pour Votre Majesté et si douloureuse pour la Russie que le malheur d'avoir perdu notre bon souverain plonge dans le deuil le plus amer. Comment redire les souffrances et la douleur de notre infortunée impératrice! Aucun mot ne les rendrait, mais Votre Majesté mieux que personne sentira par les douleurs de son coeur ce que doit éprouver celui de notre infortunée impératrice qui, après avoir assisté de tous ses soins son auguste époux, sans le quitter ni jour ni nuit depuis le 15 au matin que le danger de la maladie s'était manifesté, veillait au chevet du lit entre des angoisses, des craintes et quelques lueurs d'espérance qui parfois semblaient promettre un retour vers la vie, et telle était encore notre illusion à tous la veille du jour fatal. Sa Majesté ranimée par ce rayon d'espoir s'était retirée un moment dans la nuit pour se reposer avec l'ordre d'être avertie à la moindre alarme qui, hélas! fut donnée une heure

[1]) Афанасій Даниловичъ Соломка былъ однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ императора Александра, называвшаго его «моя золотая соломка». По окончаніи артиллерійской школы онъ былъ выпущенъ въ офицеры въ 1807 году, а затѣмъ въ 1814 году, по особой рекомендаціи графа Аракчеева, принимавшаго въ немъ участіе, былъ назначенъ на должность вагенмейстера. Съ тѣхъ поръ онъ былъ неразлучнымъ спутникомъ императора Александра во всѣхъ его многочисленныхъ путешествіяхъ и проявлялъ рѣдкую заботливость о сохраненіи здоровья государя и предохраненіи его отъ различныхъ опасностей, возможныхъ въ пути. А. Д. Соломка сопровождалъ Александра Павловича и въ Таганрогъ, а послѣ его кончины, во время перевозки тѣла почившаго государя въ Петербургъ, былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей печальнаго кортежа. На его долю выпало также сопровождать тѣло императрицы Елисаветы Алексѣевны и цесаревича Константина Павловича. По восшествіи на престолъ императора Николая ему было пожаловано званіе генералъ-вагенмейстера бывшаго главнаго штаба, и въ этомъ званіи онъ сопутствовалъ государю во время турецкой кампаніи 1828 года. Въ 1837 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ арсеналовъ и парковъ инженернаго вѣдомства съ оставленіемъ въ званіи генералъ-вагенмейстера.

Скончался А. Д. Соломка въ преклонныхъ лѣтахъ 9 марта 1872 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

après que l'impératrice s'était retirée; revenue à l'instant. Sa Majesté a soutenue la tête de son époux mourant pendant tout le temps de l'agonie, et depuis qu'il ne restait plus qu'à pleurer l'affreuse perte, les larmes les plus amères ont été versées: jamais je n'ai vu pleurer ainsi et avec une telle douleur: j'ai craint pour les yeux, pour l'extrême faiblesse, pour ce souffle de santé qui me semblait ne pouvoir resister à tant de souffrances morales et physiques; jusqu'ici cependant, grâce à Dieu, l'impératrice se soutient encore et, quoique bien faible, acquitte journellement près du corps de son auguste époux le devoir d'assister aux prières funèbres: mais j'avouerai à Votre Majesté que quoique la douleur soit un peu plus calme depuis quelques jours, néanmoins je suis inquiète et en peine de notre malheureux sejour d'ici. Ce lieu de douleur où chaque coin dans les appartements rappelle si péniblement la perte, de plus que le corps est encore dans la maison, l'impératrice s'y trouve absolument seule et tout à côté pour entendre et sentir à toutes les heures de la journée le refrain funèbre de son malheur: cette situation est trop pénible pour l'état de santé de Sa Majesté, et à tant de maux, l'hiver s'y étant établi et assez rudement, la maison n'est pas construite en conséquence du froid qui se fait assez sentir pour craindre un refroidissement. Comment pourrait-on tirer l'impératrice de ce lieu de douleur et quelles sont ses intentions, je l'ignore absolument, mais ne consultant dans cette occasion que ma sollicitude pour une santé si chère, j'ose soumettre ces détails à Votre Majesté avec toute confiance qu'elle voudra bien me pardonner en faveur du motif qui me presse. Me reposant en cela sur vos instances, Madame, je dépose à vos pieds ma profonde gratitude pour les bontés que vous daignez me témoigner..

J'ai l'honneur d'être
etc.
C. Waloueff.

XXII.

Письмо императрицы Маріи Θеодоровны къ князю П. М. Волконскому отъ 3-го декабря 1825 года [1]).

St.-Pétersbourg, 3 Décembre 1825.

Mon fils Michel vient de nous arriver, mon cher prince, et informé par lui que vous n'avez reçu aucun ordre de l'empereur Constantin qui vous a marqué les attendre d'ici, c'est au nom de toute ma famille réunie ici que je vous trace ces lignes et avec la conviction intime de l'assentiment de mon fils Constantin pour vous parler sur un sujet déchirant, mais qui captive toutes nos pensées, celui de la translation du corps de notre cher et bien aimé empereur: il y a 15 jours aujourd'hui que notre Ange a fermé les yeux. Vous avez écrit ici vous trouver sans direction. Nous avons donc pensé unanimement, que n'en ayant pas reçu directement de Varsovie, d'après l'information que le grand duc Michel nous a donnée, de vous charger au nom de toute la

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 35.

famille (je vous réponds, je vous repète, de l'assentiment de l'empereur Constantin) d'exprimer à notre chère et malheureuse impératrice, que nous supplions de vous donner ses ordres sur la translation des précieux restes de feu notre cher empereur et de vous prier de remplir tout, tout ce qu'elle ordonnera à ce sujet. C'est en nous remettant à la volonté de l'impératrice sur ces tristes décisions que nous lui donnons un temoignage d'attachement, d'égard et de vénération pour sa douleur qui donnera quelques adoucissements à son coeur déchiré.

L'arrivee des depouilles mortelles du meilleur des fils que j'attends avec effroi, c'est cependant avec l'impatience de la douleur la plus profonde, dans l'espérance de les contempler encore et de presser sa main chérie et bienfaisante contre mes levres. Le grand duc Nicolas vous écrit aussi, mon cher prince pour les détails. Quoique je trace quelques mots aujourd'hui à l'impératrice, je ne lui parle pas du contenu de cette lettre, remettant à votre prudence d'en faire usage, quand et comment vous le jugerez le mieux. Oh! que je vous plains, mon cher prince, et que votre situation est affreuse, la nôtre l'est de même, tout est douleur, déchirement. Soignez votre santé, mon bon prince, et donnez moi s'il est possible des nouvelles rassurantes sur notre chère impératrice. Adieu, mon cher prince, l'estime que je vous porte ne finira qu'avec la vie de votre bien affectionnée

Marie.

XXIII.

Письма княгини Софіи Волконской къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ изъ Таганрога отъ 26-го, 29-го и 31-го декабря 1825 года.

1.

Taganrog. Ce 26 Décembre 1825.

Madame,

N'auriez-vous daigné me permettre de vous adresser une lettre; il me semble que j'aurais toujours cédé à ce besoin de mon coeur, encouragée à cette démarche par le souvenir constant de vos bontés pour notre famille, déjà pendant la vie de feu mon grand-père le maréchal prince Repnin, que vous avez honoré du titre de votre ami, et par les bontés invariables que Votre Majesté Impériale a encore toujours daigné témoigner à sa postérité. Mais un autre motif puissant qui à lui seul m'aurait aussi donné le courage d'entreprendre cette lettre, ce sont tous les sentiments, toutes les impressions tristes, mais intéressantes à connaître dont j'ai été témoin ici et surtout aux prières d'hier au soir, quelques heures avant qu'on ne ferme le cercueil où repose la dépouille mortelle de votre fils bien-aimé, notre souverain chéri l'empereur Alexandre. La foule se pressa autour du catafalque encore plus que les autres jours. Les coeurs n'avaient qu'une seule pensée et les yeux qu'un seul but. J'entre en toute confiance avec Votre Majesté dans tous ces détails: pour le coeur d'une mère, et d'une

mère comme vous, Madame, si tendre et si malheureuse, les réminiscences doivent porter un adoucissement momentané aux plaies de votre âme, qui tout en souffran toujours, sait offrir à nos yeux le spectacle continuel de la soumission la plus admirable aux décrets impénétrables de l'Eternel. Hier au soir on a eu plus de peine que de coutume à faire écouler la foule: irrésistiblement chacun désirait regarder plus longtemps l'Ange qui est au ciel et dont l'âme veille sur nous tous. On réitéra que l'impératrice Elisabeth allait arriver et alors enfin on se retira en silence avec toute la douleur d'un dernier adieu.

Comme vous, Madame, la soumission de Sa Majesté l'impératrice Elisabeth aux décrets de l'Eternel est admirable quoique tout bonheur est fini pour elle; avec le sacrifice que Dieu lui a imposé, sa force ne l'a pas abandonnée, même dans ce dernier adieu. Elle s'est bornée à baiser l'image dont vous avez béni votre Ange qui ne l'a jamais quittée, cette même image attachée sur le bord de son cercueil nous l'avons tous adorée deux fois par jour, tout le temps où il est resté ouvert, et s'arrêtant encore un instant sur le seuil de la porte l'auguste veuve du Grand Alexandre lui dit alors en elle-même un éternel adieu.

Lorsqu'elle a daigné nous admettre en sa présence, voici, Madame, ce que j'ai éprouvé. Sachant toute la tendresse que vous lui portez, je commencerai même d'un peu plus loin. J'ai eu le bonheur de la voir à Pétersbourg huit jours avant son départ, et ceci après deux années de voyage pour moi et presqu'autant de souffrances physiques pour Sa Majesté. Je l'ai trouvée alors bien changée, mais ici je l'ai trouvée mieux, et le ciel semble avoir permis un prompt retour de ses forces pour lui donner celle de supporter les cruels moments par lesquels elle a passé, de rendre les derniers devoirs à son auguste époux et de le pleurer avec vous, Madame, avec tout le pays, avec le monde entier qui a connu et dû apprécier les belles actions et le caractère sublime de votre immortel fils. Quant à l'extérieur de Sa Majesté l'impératrice Elisabeth, je l'ai trouvé aussi maigre qu'à son départ, mais son regard est de beaucoup moins faible, son teint plus reposé, elle parle avec une voix plus forte et surtout moins essoufflée: cependant ce même regard et toute son attitude décèlent suffisamment ce qui se passe dans son âme et ce qui s'y passera toujours. Vous voyez, Madame, que j'ai continué à vous faire un récit fidèle de tout ce que je vois autour de moi, et j'ose espérer obtenir en cela votre approbation. Je suis si pénétrée de cet espoir que je vais encore continuer à parler à Votre Majesté d'hier au soir de mon retour à l'église avec mon pauvre mari qui a passé des moments terribles où il pouvait à peine parler, lorsqu'il vit dès le commencement, jusqu'à ce que la tombe fut tout à fait fermée, comment chaque chose se faisait.

C'est surtout lorsqu'on ôta la couronne de dessus sa tête pour le temps du voyage que nos yeux le reconnurent. Ce front couronné de tant de gloire, exprime encore ce calme religieux qu'on lisait sur sa figure et qui l'a fait régner avec tant de piété. Ses cheveux on les voit sur cette si chère tête comme de son vivant. Sa bouche a conservé encore cette finesse de traits qui distinguait sa physionomie: cette dernière fois il nous parut à tous bien plus ressemblant qu'auparavant à ce que nous l'avons connu. Peut-être, Madame, que nos coeurs avaient trop besoin de nous dire cela pour ne pas le trouver et chercher à voir plus que ce qui reste réellement de sa ressemblance. Les acides qu'on a employés pour la conservation des chairs l'on tout à fait bruni.

Ses yeux se sont beaucoup enfoncés, son nez c'est ce dont la forme a le plus changé, car il est devenu un peu aquilin. Cette dernière fois nous avons baisé sa chère main, couverte d'un gant, cette main qui a répandu tant de bienfaits, et qui n'aura tracé qu'avec un serrement de coeur, tous les arrêts qu'elle a dû accorder à une triste nécessité. Dans le cercueil de plomb ses restes révérés semblent être placés avec soin, entourés en tout sens d'herbes aromatiques et le tout assujetti par des courroies avec des boucles qu'on a pu tendre à volonté. Votre image se trouve attachée sur la poitrine au manteau impérial qui le couvre. Son coeur, ce coeur unique sorti des mains de Dieu, et confié par lui à votre sagesse et à votre amour et que Votre Majesté a si parfaitement formé à sentir le beau et le bon, ce même coeur ou plutôt seulement son enveloppe mortelle est à présent dans une caisse séparée de fer blanc, dont nous nous sommes tous approchés avec onction.

Peut-être après-demain déjà sa dépouille mortelle va nous quitter, se rapprocher de vous et de son éternelle demeure. Vous avez été voir, Madame, son caveau, on me l'a écrit. Ah! que j'ai reconnu là votre coeur, et cela m'a aussi encouragée à vous écrire avec autant de tristes détails que je l'ai fait. Je ne saurais ajouter un mot de plus à une lettre consacrée seulement à de douloureux récits et chers souvenirs.

Je suis
de Votre Majesté Impériale
la très humble et très soumise
Princesse Sophie Volchonsky.

2.

Taganrog. Ce 29 Décembre 1825.

Madame,

Votre Ange nous a quittés ce matin à onze heures trois minutes: de la barrière le convoi s'est mis en marche dans l'ordre qui sera observé durant toute la route. D'ici à deux mois il recueillera sur son cercueil les larmes de sa malheureuse mère. L'impératrice Elisabeth a assisté à ce dernier service funèbre, — sans être soutenue, elle s'est approchée du cercueil et toute sa vie semblait passer dans ce dernier adieu. — puis se tournant vers l'autel, elle pria et disparut, laissant tous les coeurs les plus forts pénétrés d'admiration d'avoir pu rester elle jusqu'au dernier instant.

Il était réservé au souverain le plus aimé de traverser son vaste empire, comme pour dernière consolation à tout ce qui était soumis à son sceptre paternel.

Que le ciel vous soutienne, Madame, à la vue de l'arrivée de cet Ange, que nous ne cesseront de pleurer avec vous, avec toute son auguste famille, et nous réunissant à elle nous ne trouverons de consolation à nos regrets éternels, que dans l'intime conviction que Dieu a reçu dans son sein cet Ange de paix, qu'il nous a envoyé, qu'il a rappellé à Lui et qui n'a vécu que pour glorifier Dieu et pardonner toujours aux hommes les erreurs de l'humanité.

Je suis, Madame,
de Votre Majesté Impériale
la très humble et très soumise
Princesse Sophie Volchonsky.

3.

Taganrog. Ce 31 Décembre 1825.

Madame,

C'est à bien peu de distance que j'ai le bonheur d'écrire à Votre Majesté Impériale. J'ai osé prendre de nouveau la plume pour vous transmettre, Madame, par une bonne occasion les détails qui me sont encore parvenus pendant mon voyage. J'éprouvai de suite le regret que Votre Majesté n'en ait pas eu connaissance dans le temps comme de toutes les autres lettres de mon mari qui ont précédé celles-là. et ici mes regrets n'ont fait qu'augmenter depuis toutes les nouvelles données que j'ai acquises et en trouvant que plusieurs personnes des alentours de l'empereur ont soupçonné et consigné une chose que mon mari a pu seul remarquer plus positivement que les autres. Avec un coeur aussi dévoué que le sien. qui a aimé l'empereur pendant vingt neuf années de suite, avec une entière abnégation de lui-même. il pouvait moins qu'un autre, je le crois du moins, se tromper sur ce qui se passait dans sa belle âme. La bienveillance avec laquelle vous avez daigné. Madame, m'écouter sur un passage d'une lettre de mon mari. que vu le moment d'alors, j'avais évité de soumettre dans sa vérité à vos yeux, cette bonté touchante avec laquelle vous avez daigné me répondre, et à laquelle même malgré le moment rien n'échappait, tant que je vivrai le souvenir en restera ineffaçable en moi. et aussi je me dis à présent, que je ne dois pas craindre de donner connaissance de mes lettres à la mère de nos souverains, qui ne saurait m'en vouloir de ma détermination de lui faire connaître une chose pénible. mais qu'elle pourra confier à celui qui peut trouver peut-être de l'avantage à connaître l'observation intime faite sur l'état moral de notre bien-aimé empereur de glorieuse mémoire. Je dois ajouter que mon mari ignore et ignorera toujours que j'ai écrit cette lettre et que je vous envoie, Madame. des lettres de lui avec une communication qu'il ne pensera jamais à vous faire. Mais c'est bien consolant pour moi de pouvoir me dire que ce qu'il a vu et que ce qui est son intime conviction à cet égard ne sera pas perdu; j'aurai osé le déposer dans votre sein et vous en ferez déjà l'usage que le ciel, votre sagesse et la connaissance de notre nouveau souverain vous inspireront d'en faire.

J'ose vous supplier. Madame, de me conserver ces dernières lettres de mon mari sur le malheur qui nous est arrivé, ou si Votre Majesté le préfère de daigner les remettre cachetées à ma mère. Tout ce qui se rattache à votre fils bien-aimé est un souvenir que je tiens à conserver autant que moi. mais qui alors se détruira avec moi, c'est une tranquillité dont je sens le besoin et dont je saurai m'assurer à l'avance. Veuillez me pardonner, Madame, d'avoir osé entrer dans ce détail de délicatesse, c'est là ce qui m'obtiendra votre pardon.

Les souvenirs sont nécessaires à la retraite à laquelle j'espère me vouer aussitôt que l'établissement de tous mes enfants me permettra d'y penser. J'ai besoin de leur laisser le bien que j'ai des bontés de ma mère sans dettes, il en est grevé et ce n'est point en vivant dans les capitales que l'on remet ses affaires. Une place même quelque avantageuse qu'elle puisse être n'assure pas une existence, la mienne est avancée. Madame, et je ferai avec joie tous les sacrifices nécessaires pour assurer du moins à mes enfants une petite aisance, pour laquelle je dois parvenir à me défaire des dettes que

la nécessité m'a forcée de contracter. Après avoir osé me laisser ainsi entraîner à vous ouvrir mon coeur à vous, Madame, la protectrice constante de notre famille depuis mon vertueux grand-père, feu le maréchal prince Repnin, après avoir pris la liberté de vous dire aussi un mot sur moi-même, comment n'oserai-je pas vous parler encore pendant quelques instants de plus uniquement de mon digne mari. Je l'ai trouvé bien changé et bien triste. Mais, Dieu merci, il commence un peu à se remettre et à devenir plus calme. Toujours est-il certain qu'il ne pourra jamais cesser de regretter l'empereur auquel il a consacré vingt neuf années de sa vie avec un entier dévouement et qui possédait le don de gagner les coeurs de tous ceux qui l'approchaient.

Je ne demande pas pour lui à Votre Majesté la continuation de vos bontés. Depuis longtemps vous les lui avez accordées, et je suis aussi heureuse de voir l'intérêt et la bienveillance que lui temoignent tous vos enfants, sentiments sur lesquels j'ose compter pour lui et qui lui sont bien chers et bien précieux.

Daignez me conserver votre bienveillance à moi-même, Madame, daignez l'étendre aussi sur mes chers enfants et voyez, Madame, dans la présente que vos constantes bontés m'ont encouragé à vous écrire, mon admiration pour vos vertus, ma confiance dans la force de votre âme et aussi la persuasion que j'ai, que vous ne découvrirez à personne tout le contenu de la présente. Daignez la regarder comme un garant certain de mon dévouement entier, respectueux, et qui ne cessera de m'animer pour vous, Madame, jusqu'à mon dernier soupir. Ces sentiments d'amour que je vous porte m'ont été transmis pour Votre Majesté par deux générations et moi je les transmets à mes enfants avec la même force que je les éprouve pour vous et vous voudrez bien aussi les retrouver, j'ose m'en flatter, dans tout le courant de cette lettre.

Je suis, Madame,
de Votre Majesté Impériale
la très humble et très soumise
Princesse Sophie Volchonsky.

XXIV.

Письмо надворнаго совѣтника Кристина къ графу А. И. Моркову изъ Москвы отъ 18-го января 1826 года [1].

Votre lettre du 12 m'annonce n'avoir pas reçu mon № 2, qui était du 7 Janvier; il a été remis exactement à la poste comme toutes les autres et je ne doute pas que vous ne l'ayez reçu le jour suivant. Je suis néanmoins bien touché et bien reconnaissant des inquiétudes que vous avez conçues de ma santé à cause de ce retard: elles me prouvent un attachement auquel je tiens par dessus tout, comme vous le savez et qui

[1]) Военно-ученый архивъ. отд. секр. № 40.

est payé d'un retour bien sincère. Je connais parfaitement ces inquiétudes au moindre retard de vos lettres, c'est ce qui fait que je ne peux assez vous remercier de l'exactitude que vous avez la bonté de mettre à une correspondance dont je retire tout l'avantage.

J'ai été voir le comte Panin dans mon ancien appartement: il y est logé à ravir et fort bien meublé: il m'a dit combien il est sensible au procedé infiniment aimable que vous avez eu pour lui et m'a chargé de mille compliments pour vous. M-r le comte.

On fait d'immenses préparatifs pour recevoir dignement et avec toute la pompe imaginable le corps de feu Sa Majesté l'empereur Alexandre et je vois avec plaisir qu'on s'apprête aussi à prendre toutes les précautions pour prévenir tout tumulte pendant les trois jours que durera la cérémonie. Tout est fort tranquille, mais on ne peut pas douter qu'il n'y ait ici comme ailleurs des agents de troubles qui pourraient travailler derrière le rideau à exciter la populace. Déjà on dit aussi généralement que le peuple veut qu'on ouvre le cercueil et qu'on lui prouve que c'est bien l'empereur Alexandre qui y est déposé; d'autres assurent qu'on ne le laissera pas partir et qu'on le retiendra pour l'enterrer avec Pierre II et les anciens Czars.

Qu'est ce que c'est que ce p e u p l e qu'on fait parler et qui sûrement ne dit rien et ne pense à rien. Ce sont les malveillants qui propagent ces mauvais prétextes et qui, si on souffre le moindre rassemblement, pourront en profiter pour exciter au pillage. Je me souviens tout ce qu'on faisait crier au peuple de Paris en 1789 en lui distribuant des écus de six francs. Les mêmes causes pourraient produire les mêmes effets: avec des roubles et en promettant à boire pour le sou on mènerait notre populace à tout, sans qu'elle eût rien prévu. C'est pourquoi si l'on fait bien, on ne permettra pas que dans les rues et les places il y ait dix personnes rassemblées; on tiendra la nuit la main à ce que le soldat n'ait aucune communication avec la bourgeoisie et l'on aura du canon tout prêt pour écraser le premier mouvement contraire au bon ordre.

Ce sont les domestiques de maisons qui rapportent des boutiques ces bruits allarmants et qui parlent de pillage comme d'une chose assez probable.

Certes, ces mêmes domestiques seraient des auxiliaires, tous disposés à seconder la populace au besoin.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ ТОМѢ.

Портреты.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Виды мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Автографы.

I.

Письмо Н. М. Карамзина къ Д. П. Руничу.

Село Остафьево, 10 іюня 1814.

Здравствуйте, любезный и почтенный Дмитрій Павловичъ! Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я былъ у васъ, но не засталъ васъ дома. Вы обязали меня отправленіемъ моихъ пакетовъ въ Петербургъ, слѣдуя вашей старой привычкѣ обязывать меня во всякомъ случаѣ. Вы также одолжите вашего покорнѣйшаго слугу, если прикажете объявленія о деньгахъ, получаемыхъ съ Почтъ-Амты на мое имя, доставлять хозяину моему, Семену Аникеевичу Селивановскому.

Будьте здоровы, спокойны и вѣрьте моей искренней къ вамъ привязанности.

Навсегда преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Милостивому Государю Ивану Александровичу мое усерднѣйшее почтеніе.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 17).

II.

Письмо цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину.

Федоръ Петровичъ!

Вы мнѣ, обѣщались по пріѣздѣ вашемъ въ С.-Петербургъ рапортовать о вашемъ пути былъ ли благополученъ, но вотъ уже нѣсколько эстафетовъ — какъ я получилъ послѣ вашего пріѣзда, а отъ васъ ничего. — Пожалоста скажите, за что такая не милость, я кажется сего не заслужилъ, и всею душею васъ люблю и въ заключеніе скажу, что я съ дружбою искренно — къ вамъ всегда расположенъ.

Константинъ.

Г. Варшава.
13-го Октября.
1816 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 33).

III.

Письмо графа В. П. Кочубея къ В. Н. Каразину.

Окт. 16-го. N. я писалъ по здѣшнимъ слухамъ поздравляя со вступленіемъ опять въ Министерство [1].

Милостивый Государь мой Василій Назарьевичъ!

Письмо ваше, я имѣлъ честь получить и приношу вамъ, Милостивый Государь мой, искренную мою благодарность за все то, что оно содержитъ для меня лестнаго. Я прошу васъ обращать мало вниманія на слухи и позволить мнѣ въ постоянномъ частномъ моемъ быту, возобновить вамъ увѣренія совершеннаго почтенія съ коимъ я честь имѣю быть

Вашъ Милостиваго Государя моего

покорный слуга

Графъ В. Кочубей.

Царское Село.
Сентября 24 1818.

P. S. Истинно не помню, какіе могутъ быть у меня бумаги Ваши, я прошу, мнѣ о содержаніи ихъ весьма сокращенно упомянуть, дабы я могъ ихъ отъискать и къ Вамъ возвратить.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 49).

IV.

Письмо императрицы Маріи Θеодоровны къ митрополиту Серафиму.

С.-Петербургъ. 18 апрѣля 1821.

Преосвященный Митрополитъ Серафимъ съ искренною признательностію принявъ поздравленіе вашего Преосвященства съ великимъ настоящимъ торжествомъ Христіянъ, я съ душевнымъ умиленіемъ читала назидательныя слова ваши къ оному присовокупленныя. Благодаря васъ за таковое ваше усердное ко мнѣ расположеніе и поздравляя ваше Преосвященство взаимно со свѣтлымъ симъ Праздниствомъ, я желаю да проводите оное многія лѣта во здравіи и благоденствіи, и препоручая себя молитвамъ вашимъ пребываю съ отличнымъ уваженіемъ

вашему Преосвященству

доброжелательная

Марія.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 113).

---

[1]) Помѣта, сдѣланная рукою В. Н. Каразина.

V.

Рапортъ графа Аракчеева императору Константину Павловичу.

Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу.

Генерала графа Аракчеева всеподданнѣйшій рапортъ.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что получа облегченіе отъ болѣзни, я вступилъ въ командованіе Отдѣльнымъ Корпусомъ военныхъ поселеній.

Генералъ Графъ
Аракчеевъ.

Начальникъ Штаба Клейнмихель.

№ 120.
Новгородъ.
Ноября 30-го дня
1825 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 369).

VI.

Письмо князя А. Н. Голицына къ князю П. М. Волконскому.

Милостивый Государь мой
Князь Петръ Михаиловичъ.

Государь Императоръ указать мнѣ соизволилъ сообщить Вашему Сіятельству на письмо Ваше отъ 14 маія чтобъ Вы по полученіи сего приказали запаять гробъ въ Бозѣ почивающей Императрицы Елисаветы Алексіевны и по прибытіи сюда уже не вскрывать оныи. Отпѣваніе и покойнаго Государя было съ закрытымъ гробомъ.

Желаю чтобъ Господь подкрѣпилъ силы ваши въ столь тяжелыхъ для сердца вашего дѣйствіяхъ, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Князь Александръ Голицынъ.

№ 925.
С.-Петербургъ.
19-го маія 1826 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 385).

VII.

Письмо Ф. Ц. Лагарпа къ Рейнгарду.

Reçu le 17 (29) Mai 1827. Lausanne le 23-e May 1827.

Monsieur.

J'ai reçu, hier au soir, par M-r de Krudener, la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser, ainsi que les 4 paquets numérotés 1. 2. 3 et 4. avec une lettre. Veuillez Monsieur agréer mes remerciemens pour cet envoi, en attendant que j'aie l'honneur de vous les réitérer à Lausanne, ainsi que vous voulez bien me le faire espérer. S'il n'y avoit pas de l'indiscrétion je vous prierois encore de vouloir bien exprimer à Ministère ma reconnoissance pour son obligeante attention.

Mes compatriotes conservent un précieux souvenir de la bienveillance avec laquelle la grande Puissance que vous représentez, les a soutenu, dans un moment critique; j'espère qu'il ne s'effacera jamais.

Recevez s'il vous plait les assurances de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être.

Monsieur
Votre très humble
et très obéissant serviteur
Fréderic César de la Harpe.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 401).

VIII.

Форма

Во первыхъ Великихъ Ектеніахъ, на вечерни, утрени и литургіи:

О Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Константинѣ Павловичѣ всея Россіи: о Матери Его, Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: о Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексіевнѣ: о Благовѣрномъ Государѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ, и о Супругѣ Его, Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: о Благовѣрномъ Государѣ Великомъ Князѣ Александрѣ Николаевичѣ: о Благовѣрномъ Государѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, и о Супругѣ Его, Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: о Благовѣрныхъ Государыняхъ Великихъ Княжнахъ: Маріи, Ольгѣ и Александрѣ Николаевнахъ и Маріи Михаиловнѣ: о Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, и о Супругѣ Ея: о Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, и о Супругѣ Ея: о всей палатѣ и воинствѣ Ихъ Господу помолимся.

Къ сему примѣняясь и на прочихъ ектеніахъ, на великомъ выходѣ и многолѣтіи, и при Архіерейскомъ служеніи, гдѣ какъ должно, возносить.

Составлена, впредь до Высочайшаго утвержденія Его Императорскаго Величества, Святѣйшимъ Сунодомъ.

Печатана въ Санктпетербургской Святѣйшаго Сунода Типографіи мѣсяца Ноемвріа 28 дня 1825 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 401).

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СОЧ. Н. К. ШИЛЬДЕРА «ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ».

(Крупныя цифры обозначаютъ страницы, мелкія — №№ примѣчаній, помѣщенныхъ въ концѣ каждаго тома).

А.

76

Б.

*

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ.

Портреты императора Александра I.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

Александръ I.

Въ петергофскомъ саду. Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ рисунка съ натуры Шапошникова. Т. II, стр. 33 (на отдѣльномъ листѣ).

Открытіе имъ сейма въ городѣ Борго въ 1809 году. Съ картины Экмана. Т. II. стр. 257 (на отдѣльномъ листѣ).

— На парадѣ въ Тильзитѣ въ 1807 году. Съ гравюры Бобине, сдѣланной съ картины Звебаха. Т. II, стр. 209 (на отдѣльномъ листѣ).

При пріемѣ Наполеономъ королевы прусской Луизы въ Тильзитѣ. Съ картины Госса. Хромолитографія въ 12 красокъ. Т. II, стр. 193 (на отдѣльномъ листѣ).

Свиданіе его съ королемъ и королевой прусскими въ Мемелѣ въ 1802 году. Съ гравюры Больта, сдѣланной съ картины Делита. Фототипія. Т. II, стр. 81 (на отдѣльномъ листѣ).

— Съ акварели, рис. съ натуры Килемъ (Изъ собранія П. Я. Дашкова). Хромолитографія въ 9 красокъ. Т. III, стр. 1 (на отдѣльномъ листѣ).

— Верхомъ на лошади. Съ гравюры Гудлета и Моррисона, сдѣланной съ портрета Крюгера. Фототипія. Т. III, стр. 17 (на отдѣльномъ листѣ).

— Посѣщеніе имъ Публичной Библіотеки. Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія. Т. III, стр. 21.

— Родомыслъ XIX вѣка. Съ гравюры Клаубера, сдѣланной по рисунку графа Ѳ. П. Толстого. Т. III, стр. 245.

— Прогулка его по Брюллевской террасѣ въ Дрезденѣ. Съ картины Виллевальде. Т. III, стр. 251.

— Врученіе имъ профессору Бродовскому акта объ учрежденіи варшавскаго университета. Съ гравюры Антонія Кольберга. Т. III, стр. 347.

— Смотръ имъ союзныхъ армій въ Парижѣ въ 1814 году. Съ гравюры Шарона, сдѣланной съ рисунка съ натуры Сенфаля. Т. III, стр. 337.

— Свиданіе трехъ монарховъ въ Прагѣ въ 1813 году. Съ гравюры Югеля, сдѣланной съ картины Вольфа. Фототипія. Т. III, стр. 209 (на отдѣльномъ листѣ).

— Въѣздъ его въ Парижъ. Съ акватинты того времени, отпечатанной красками и изданной Бовіе въ Парижѣ. Хромолитографія въ 11 красокъ. Т. III, стр. 289 (на отдѣльномъ листѣ).

— Въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Съ картины масляными красками, принадлежащей вел. кн. Николаю Михайловичу. Хромолитографія въ 12 красокъ. Т. IV, стр. 1 (на отдѣльномъ листѣ).

— Съ портрета, рисованнаго Кипренскимъ въ 1825 году, къ двадцатипятилѣтію его царствованія (Римская цифра XV между вѣсами означаетъ годъ (1815) умиротворенія Европы и заключенія Священнаго Союза). Т. IV, стр. 15.

— Съ перваго пробнаго оттиска неоконченной гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Доу (Изъ собранія П. Я. Дашкова). Гравюра на деревѣ Т. IV, стр. 15 (на отдѣльномъ листѣ).

— Прогулка его по окрестностямъ Петербурга. Съ гравюры Афанасьева. Т. IV, стр. 147.

— Посѣщеніе имъ мастерской художника Доу. Съ акватинты Беннета, сдѣланной съ картины Мартынова. Гравюра на деревѣ. Т. IV, стр. 225 (на отдѣльномъ листѣ).

— Въ Александровской лаврѣ 1-го сентября 1825 года. Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ картины Чернецова. Гравюра на деревѣ. Т. IV, стр. 241 (на отдѣльномъ листѣ).

— Кончина его. Факсимиле гравюры И. Кулакова 1827 года. Т. IV, стр. 309.

Портреты разныхъ лицъ.

*

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

Картины, гравюры и рисунки.

Виды мѣстностей, городовъ, зданій и монументовъ.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

Бытовые рисунки.

Разные рисунки.

Факсимиле:

Автографы.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

Автографы:

— Письмо великаго князя Павла Петровича, съ припиской великой княгини Маріи Θеодоровны, къ митрополиту московскому Платону. Т. I, стр. 89 (на отдѣльномъ листѣ).

— Письмо императора Павла къ генералу Сухтелену. Т. I, стр. 105 (на отдѣльномъ листѣ).

— Письмо графа Θ. В. Ростопчина къ П. С. Валуеву. Т. I, стр. 169 (на отдѣльномъ листѣ).

— Письмо графа Н. П. Румянцева къ князю А. Б. Куракину. Т. II, стр. 105 (на отдѣльномъ листѣ).

— Письмо графа Н. И. Салтыкова къ Д. П. Трощинскому. Т. I, стр. 201 (на отдѣльномъ листѣ).

— Письмо М. М. Сперанскаго къ М. Б. Барклай-де-Толли. Т. III, стр. 57 (на отдѣльномъ листѣ).

— Письмо М. М. Сперанскаго къ П. С. Руничу. Т. II, стр. 225 (на отдѣльномъ листѣ).

— Подорожная 1797 года съ подписью великаго князя Александра Павловича и А. А. Аракчеева. Т. I, стр. 153 (на отдѣльномъ листѣ).

— Предписаніе М. И. Кутузова къ графу Ланжерону. Т. III, стр. 105 (на отдѣльномъ листѣ).

— Секретное предписаніе адмирала Чичагова къ графу Ланжерону. Т. III, стр. 153 (на отдѣльномъ листѣ).

— Приказъ Наполеона, отданный въ Москвѣ въ 1812 году. Т. III, стр. 137 (на отдѣльномъ листѣ).

— Собственноручный приказъ императора Александра I 1807 года. Т. II, стр. 57 (на отдѣльномъ листѣ).

— Резолюція великаго князя Александра Павловича на докладной запискѣ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Т. I, стр. 137 (на отдѣльномъ листѣ).

— Рескриптъ императора Александра I адмиралу маркизу де-Траверсе. Т. III, стр. 25 (на отдѣльномъ листѣ).

— Рескриптъ императора Александра I поручику Шильдеру. Т. III, стр. 41 (на отдѣльномъ листѣ).

— Стихотвореніе А. С. Шишкова по случаю восшествія на престолъ императора Александра I. Т. II, стр. 17 (на отдѣльномъ листѣ).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ.

Въ первомъ томѣ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
235	20 сверху (прим. 169)	Грановскаго	Гарновскаго
250	17 сверху (прим. 331)	П. С. Апрѣлевъ	Ѳ. П. Апрѣлевъ
302	2 снизу (выноска)	29 ноября 1792 года	29 ноября 1797 года.

Во второмъ томѣ:

35	подъ портретомъ	Графъ Павелъ Сергѣевичъ Строгоновъ	Графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ
382	15 снизу	соображеніе	собраніе
394	5 »	Комитетѣ	Кабинетѣ

Въ третьемъ томѣ:

487	6 снизу	17 марта 1822 года.	17 марта 1812 года.

Въ четвертомъ томѣ:

20	9 снизу	какъ на товарища	а какъ на товарища
30	4 »	1817-го	1817-ое
35	3 »	прося о ея защитѣ	прося ее о защитѣ
36	7 »	цѣлые	цѣлыя
45	14 сверху	по 5% кромѣ того.	по 5%: кромѣ того.
58	8 »	попеченіе.	попеченіе».
68	16 »	незначащихъ	незначущихъ
88	9 »	пріобрѣтаетъ	пріобрѣтетъ
186	3 снизу	о графу	и графу
191	2 »	составляющими	составляющимъ
208—209	подъ иллюстраціей	при впаденіи Мойки	при впаденіи Зимней канавки
314	12 сверху	многочисленные	многочисленные
327	11 »	состоявшій	стоявшій

ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Следуетъ читать:*
334	10 снизу	было	была
343	16 »	слѣдующей	слѣдующій
356	18 сверху	слабое здоровье изнуреніе силъ	слабое здоровье и изнуреніе силъ
—	17 и 18 снизу	лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Фридрихсъ	лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ баронъ Фредериксъ
371	11 снизу	слѣдующей	слѣдующій
374	17 »	стоять	стоять
397	9 »	чяжкаго	тяжкаго
402	1 и 2 сверху	его императорскому величеству	его императорскому высочеству
407	8 сверху	къ пути	въ пути
422	13 »	незапною	внезапною
602	15 снизу лѣвый столбецъ	Апрѣлевъ, П. С.	Апрѣлевъ, Ѳ. И.

